
Библиотека О-ва Л.Е.А. и Э. и Политехнич. Музея

ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ

ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1896.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР
1984
63

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Деканъ *Д. Бѣляевъ*

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЗАРЕГИСТРИРОВАНО
14930
Инвент. №
ЗАРЕГИСТРИРОВАНО
Шифр:

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ является результатомъ продолжительныхъ занятій въ области русской діалектологіи. Главнымъ матеріаломъ для этого труда послужилъ матеріалъ, собранный мною въ непосредственныхъ бесѣдахъ съ крестьянами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи, куда я былъ командированъ Историко-филологическимъ Факультетомъ Императорскаго Казанскаго Университета лѣтомъ 1894 года (см. Отчетъ о командировкѣ въ „Ученыхъ Запискахъ“ Каз. Университета. Январь. 1895. Также Отдѣльн. оттискъ). Поэтому прежде всего считаю долгомъ здѣсь выразить свою признательность Факультету за доставленную мнѣ возможность на мѣстѣ добыть и изучить совершенно новый матеріалъ. Этотъ новый матеріалъ цѣликомъ вошелъ въ I-ую часть настоящаго труда, представляющую возможно полное описаніе неизвѣстнаго донынѣ говора; II-ую часть моего труда составляетъ подробное сличеніе, описаннаго мною въ I-й части, говора съ другими русскими говорами древними и современными; наконецъ, III-ья часть, самая небольшая по объему, представляетъ выводы изъ первыхъ двухъ частей. Въ „Заключеніи“ высказано нѣсколько соображеній изъ исторіи описаннаго мною говора.

Самое дѣятельное участіе въ моемъ трудѣ принималъ дорогой и глубокоуважаемый А. А. Шахматовъ, которому и

приношу здѣсь душевную благодарность за содѣйствіе и совѣты, затѣмъ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность А. Ѳ. Бычкову, Ф. Ѳ. Фортунатову и Р. Ѳ. Брандту, оказывавшимъ мнѣ самое разнообразное содѣйствіе, а также И. А. Бычкову, хранителю рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

Евг. Будде.

Казань. 1896 г.
3 марта.

Къ Исторіи великорусскихъ говоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ научной разработкой современныхъ намъ русскихъ нарѣчій и говоровъ связаны наши представленія о древнѣйшихъ эпохахъ русскаго языка, связаны наши свѣдѣнія о звуковомъ и формальномъ составѣ русскаго праязыка Точное знакомство съ живыми русскими нарѣчіями и говорами, составленное на основаніи научнаго ихъ описанія, изслѣдованія и, по возможности, личнаго наблюденія должно быть исходною точкой при нашихъ заключеніяхъ о русскомъ языкѣ прошедшихъ вѣковъ. Поразительное разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ изъ области гласныхъ или согласныхъ въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ разнымъ говорамъ, должно быть принято во вниманіе при научныхъ построеніяхъ и гипотезахъ о системахъ звуковъ русскаго языка тѣхъ эпохъ, которыя недоступны нашему непосредственному наблюденію. Наши представленія о звукахъ русскаго языка до послѣдняго времени были въ значительной степени обусловлены привычнымъ видомъ орѳографическихъ начертаній и свѣдѣніями о старо-славянскомъ языкѣ по рукописямъ, давшими въ свою очередь начало тѣмъ звуковымъ представленіямъ, которымъ часто не находилось соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ средѣ живыхъ звуковъ русскаго языка. Новѣйшій поворотъ въ направленіи языкознанія вообще, и русскаго языкознанія въ частности, занятія современной діалектологіей русскаго языка и перемѣна въ точкѣ отправ-

ленія при изученіи лингвистическихъ явленій, именно,—опредѣленіе неизвѣстнаго, искомаго, при посредствѣ или изъ извѣстнаго, найденнаго и опредѣленнаго,—все это внесло уже въ современную русскую лингвистику несомнѣнныя достоинства: критическую оцѣнку старыхъ положеній, уничтоженіе оказавшихся невѣрными и построеніе новыхъ положеній на основаніи болѣе доказательныхъ и убѣдительныхъ данныхъ

Въ связи съ новымъ изученіемъ русскаго языка на живыхъ говорахъ стоитъ и чтеніе и пониманіе древнихъ русскихъ рукописей: древняя орѳографія во многихъ случаяхъ получила понятный смыслъ, перестала казаться въ очень многихъ случаяхъ прихотью, капризомъ или безсмысленнымъ мудрствованіемъ полуграмотнаго писца, малограмотному человѣку не отказывается болѣе въ естественномъ и часто единственно возможномъ для него изображеніи на письмѣ тѣхъ звуковъ, которые онъ самъ употреблялъ или употребляетъ въ своемъ произношеніи, допускается сознательная цѣль и сознательное отношеніе у древнихъ русскихъ книжниковъ къ своей орѳографіи, замѣчается стремленіе проникнуть въ мыслительный процессъ древняго писца при постановкѣ имъ той или другой буквы въ его рукописи,—словомъ, изученіе современной дѣйствительности, даже наиболѣе мелкихъ проявленій ея, начиная отъ малограмотныхъ написаній и кончая крупнѣйшими явленіями въ области народной рѣчи и мысли, начинаетъ разсѣивать туманъ въ нашихъ представленіяхъ о нашемъ языкѣ—народѣ, начинаетъ вносить яркій свѣтъ въ наше самосознаніе.... Я не буду называть именъ тѣхъ ученыхъ, съ дѣятельностью которыхъ связаны успѣхи нашей науки въ вышесказанномъ смыслѣ: имена этихъ ученыхъ извѣстны всякому лингвисту; скажу только, что въ этихъ-же успѣхахъ русской науки и я почерпнулъ для себя новыя силы, новыя надежды и желаніе продолжать изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ. Я выбралъ для себя на этотъ разъ одинъ небольшой уголокъ, гдѣ слышится русская рѣчь, и думаю, что я не ошибся, ограничивая свое изслѣдованіе областью русскаго говора на небольшомъ пространствѣ громадной русской территоріи. При выборѣ темы, помимо общаго интереса къ изысканіямъ въ области діалектологіи русскаго языка, мною руководило глубокое убѣжденіе въ томъ, что описаніе и изслѣдованіе всякаго народнаго говора рано или поздно должно быть принято во вниманіе при построеніи

общей исторіи русскаго языка, должно отразиться извѣстнымъ образомъ на нашихъ выводахъ о русскомъ праязыкѣ, объ историческомъ развитіи дѣйствующихъ въ нашемъ языкѣ законовъ.

Покойный И. И. Срезневскій завѣщалъ много задачъ будущимъ историкамъ русскаго языка въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли объ исторіи русскаго языка“: эти задачи составляютъ насущную потребность науки о русскомъ языкѣ Съ тѣхъ поръ, какъ Срезневскій высказалъ свои мысли, прошло почти полвѣка, но и по сіе время далеко не всѣ эти задачи выполнены, а къ выполненію многихъ изъ нихъ даже еще и не приступали; и это—естественно, понятно: область задачъ и занятій такъ широка, что нѣтъ возможности охватить ихъ въ короткое время, и значеніе отдѣльныхъ трудовъ и монографій по частнымъ вопросамъ можетъ быть незамѣтнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не считаться съ мыслями Срезневскаго, нельзя не видѣть всей ихъ важности и справедливости, когда читаешь: „Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое.... По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанія. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ“ [1]). Такимъ образомъ, для своей работы я выбралъ за-Окскій край (смотря съ юга) нынѣшней Рязанской губерніи.

Именно, этотъ край обратилъ на себя мое вниманіе по многимъ причинамъ: 1) мнѣ хотѣлось *лично* познакомиться со всѣми говорами въ нынѣшней Рязанской губерніи, какъ съ говорами, совершенно не изслѣдованными, и такимъ образомъ дополнить свой трудъ: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ (В. 1892), гдѣ изслѣдована по преимуществу южная часть нынѣшней Рязанской губерніи въ діалектологическомъ

[1]) *Срезневскій* Мысли объ исторіи рус. языка. 1887. Спб. Стр. 98—99.

отношеніи, т. е. та часть, которая лежитъ къ югу отъ Оки. Само собой разумѣется, меня интересовали въ данномъ случаѣ вопросы, не составляетъ-ли Ока естественной границы говоровъ, не приближается-ли говоръ этого края къ говору смежному Владимірскому, нельзя-ли составить себѣ нѣкоторое понятіе о говорѣ старой Муромо-Рязанской земли, могъ-ли быть и говоръ Муромо-Рязанскій [1])... На такіе вопросы меня наводили тѣ звуковыя особенности въ говорѣ за-Окскаго края, съ которыми я сталъ впервые знакомиться по сообщеніямъ мѣстныхъ уроженцевъ и жителей, когда составлялъ свой первый трудъ по діалектологіи, живя на югѣ Рязанской губерніи. 2) На магистерскомъ диспутѣ моемъ проф В. Ѳ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на говоръ Касимовскаго уѣзда, поскольку этотъ говоръ обнаруживался и выдѣлялся въ моей диссертаціи Наконецъ, 3) и критика отмѣтила по моей работѣ особенности говора на сѣверѣ Рязанской губерніи. Эти особенности прежде мнѣ самому не были извѣстны вполнѣ, а теперь я лично съ ними познакомился. Я сосредоточилъ свои занятія въ Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Оказалось, что чѣмъ далѣе углублялся я на сѣверо-востокъ, тѣмъ разница въ говорѣ сравнительно съ южной половиной Ряз. губерніи становилась рѣзче и интереснѣе, а потому я и объѣхалъ весь сѣверо-восточный уголъ Рязанской губерніи. Въ Спасскомъ уѣздѣ я записывалъ говоръ крестьянъ (почти исключительно женщинъ) изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Санскóе, с Гавриловское, д. Жóлобова Слобода, с. Новый Киструсъ, д. Деревенское, с. Ижевское, с Вы̀желѣсъ (произн. Вы̀жлисъ), д. Воскресенское.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ—изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Нармушадь, с Ерахтуръ, д. Борки, с. Шостья, с. Чинуръ, с. Антоново, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Жданово, Селище, Дмитріево, Лощина, Данево, г. Касимовъ, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Гусевской Погостъ, Бѣльково, Забѣлино, Урядино, с. Китово, д. Китово, Акулово, с. Чарусъ, Ивановское, с. Ветчаны (Истомино), Курша, Борисково, Малахово, Андроново; Катово, Логино. Рогачево, Горы, Чуфилово, Бычково (с. Черкасово), Зубово, Расторгуево, Семеино,

[1]) См мой «*Отчетъ*» о командировкѣ въ Ряз. губернію. Казань. 1895. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Каз Унив.)

Снохино, Кабаново, Меркулово, Симоново (Тумскій край), с. Тума: д. Оськино, Ахматово, с. Давыдово, д Праватарово, с. Шаранина. Агѣево. Акулово (другое), Амляшовскіе выселки, Наумцево, д Жалудково, Немнясево, Норино, Анисово. Малышкино, с Парахино Фомино, Залѣсье, Астафьево. Велькова, Алексѣево, Ужищево, Мягково, Волчково, Ламакино, Бѣлясево. Или по волостямъ: Ерахтурская волость. Шѣстинская, Дмитріевская, Погостинская, Китовская, Ветчанская. Тумская, Давыдовская, Парахинская, Алексѣевская, Ламакинская

Въ описаніи изслѣдуемаго говора я буду держаться обычнаго порядка изложенія: сперва опишу звуки этихъ говоровъ, что̀ составитъ первый томъ—фонетику; загѣмъ обращусь къ формальному составу, что̀ составитъ второй томъ труда—морфологію. Главное вниманіе я обращу на фонетику, и въ ней—на нѣкоторые отдѣлы ея въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ; при этомъ я займусь особенно тѣми отдѣлами, по которымъ собранный мною матеріалъ представляетъ новыя данныя для исторіи великорусскаго нарѣчія; согласнымъ звукамъ я удѣляю въ своемъ трудѣ болѣе видное мѣсто и разсматриваю ихъ съ большей подробностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Такой планъ моей работы обусловленъ содержаніемъ собраннаго матеріала, который представляетъ много цѣннаго и новаго для исторіи согласныхъ звуковъ русскаго языка; не могу не замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій по русскому языку до сихъ поръ какъ-то гораздо подробнѣе изслѣдователи останавливались на гласныхъ звукахъ, чѣмъ на согласныхъ, что̀, конечно, обусловливалось отчасти и недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ русскими живыми говорами. Какъ бы-то ни было, гласнымъ звукамъ болѣе удѣлено вниманія въ ученой литературѣ по русскому языку, чѣмъ согласнымъ. Такъ какъ изслѣдуемые мною говоры, говоры нынѣшней Рязанской губерніи, *вообще* относятся къ говорамъ южно-великорусскаго поднарѣчія, то, естественно, прежде всего мнѣ оказалось необходимымъ познакомиться въ подробностяхъ съ ближайшими, сосѣдними говорами, принадлежащими къ тому-же поднарѣчію. Но здѣсь представились для меня непреодолимыя препятствія въ рѣшеніи многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ; эти препятствія заключаются въ томъ, что вообще южно-великорусскіе говоры

крайне мало изслѣдованы, почти даже не описаны, и потому многіе говоры южно-великорусскаго поднарѣчія остаются для насъ почти неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ говорами сѣверно-великорусскаго поднарѣчія: они болѣе подробно описаны, по нимъ издано гораздо больше матеріаловъ, литература ихъ гораздо богаче. Интересуясь судьбой согласныхъ звуковъ въ той части русскаго языка, которая нынѣ составляетъ южно-великорусское его поднарѣчіе, я пожелалъ познакомиться обстоятельно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ литературы предмета относительно произношенія согласныхъ въ современныхъ южновеликорусскихъ говорахъ. Съ 1892 года мы имѣемъ для подобныхъ цѣлей прекрасно составленную работу А. И. Соболевскаго: „Очеркъ русской діалектологіи“, служащую незамѣнимымъ справочнымъ сочиненіемъ, такъ какъ въ этомъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ печатнымъ матеріаломъ по народнымъ русскимъ говорамъ, матеріаломъ, разбросаннымъ ранѣе по разнымъ изданіямъ статистическихъ комитетовъ, не сгруппированнымъ и потому недоступнымъ для параллельнаго обозрѣнія Послѣ этого труда мы можемъ почти не справляться со старымъ трудомъ Даля („О нарѣчіяхъ русскаго языка“ 1852 г), такъ какъ матеріалы послѣдняго вошли и въ „Очеркъ“ Соболевскаго, хотя и не надо забывать при пользованіи тѣмъ и другимъ трудомъ, что Даль говоритъ о звукахъ въ большинствѣ случаевъ по собственному слуху, а Соболевскій—по печатнымъ изданіямъ матеріаловъ. Оказывается, что говоры смежныхъ съ Рязанской губерній извѣстны намъ чуть-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ: „о говорахъ Калужской губерніи мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній“ [1]): нѣсколько отдѣльныхъ чертъ говора въ Мосальскомъ уѣздѣ да одна черта говора въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ частности, по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстны: мягкость *к* и твердость двойного *ш* въ Мосальскомъ уѣздѣ [2]) Почти

---

[1]) Соболевскій. Очеркъ р діалектологіи. Жив Стар. 1892 Вып. I. Стр. 15.

[2]) Соболевскій Ib. 15 Сравни однако у Даля (О нарѣчіяхъ. LXIII. При Словарѣ 1880 г): *цоканье* въ Боровскѣ, *чваканье* въ Медыни, нечистое *ч*, *ц*— въ Бѣлевскомъ, «*здля*», *путанье* звуковъ *х*, *ф*, *хв*, *кв*, *г*=γ въ Малоярославцѣ, *ф*=*хв*, зля (для)—въ Жиздрѣ; чаіо=чего—ib

такою-же скудостью отличаются наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губерніи, въ особенности—о говорахъ Новосильскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ [1]): о согласныхъ мы знаемъ, что *п* и *ф* въ концѣ слова могутъ быть мягкими (около Тулы), *г*=*ɣ*, *хв*=*ф*, *ф*=*х*, *хф*; *г*, *к*, *х* въ формахъ дат. и мѣстн. пад. могутъ переходить въ свистящіе соотвѣтствующіе звуки. Изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ, оказывается, также немного свѣдѣній о говорахъ только трехъ уѣздовъ [2]): о согласныхъ мы знаемъ: мягкое *к* (Елецкій уѣздъ), двойное твердое *ш* (Елец., Ливенскій уу.), мягкое *л*, близкое къ франц. *l* (Елецк. у) [3]).

„Съ говорами Курской губерніи мы сравнительно хорошо знакомы“ [4]), благодаря, конечно, записямъ Халанскаго въ Щигровскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ; по вопросу о согласныхъ звукахъ намъ извѣстно въ этихъ говорахъ слѣдующее: конечное *п* обыкновенно твердо, вмѣсто конечнаго *ф*—твердое *в*, *г*=*ɣ*, *ф*=*х* и *хв*, дат. и мѣстн. падежи иногда съ древними свистящими вмѣсто мягкихъ *г*, *к*, *х* (Щигров. у.); спорадически согласные звонкіе вм. глухихъ: дорóжка (Бѣлгород. у.); двойные *л*, *н*, *д* и др. вм *ль*, *нь*, *дь*, звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ, *в* вм. *л* въ формахъ прош. времени (Путивл. у.). Почти вездѣ *г*=*ɣ* въ окончаніи—*го*: въ Старооскольскомъ, Обоянскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Путивльскомъ уѣздахъ [5]). О говорахъ Рязанской губерніи Соболевскій въ 1892 году сказалъ: „Несомнѣнно, эти говоры—сильно акающіе (даже сѣверные)“ [6]). Теперь, послѣ того какъ я познакомился лично съ говорами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, это мнѣніе придется измѣнить и Соболевскому, и мнѣ (я въ своей первой работѣ о рязанскихъ говорахъ полагалъ также на основаніи сообщеній другихъ лицъ, что и на сѣверѣ Ряз. губерніи *аканье* такое-же, какъ на югѣ): говоръ Спасскаго и Касимов-

---

[1]) Соболевскій. Ib. Стр. 16. Срв. у Даля ib.: вошпиталь, *г*=*ɣ*—Кашира.

[2]) Соболевскій. Ib. Стр. 16.

[3]) Сравни у Даля ib.: мѣна *х* и *ф*; мягкое *к* въ Мценскѣ. Стр. LXIV. «Мченскъ»—я самъ слышалъ

[4]) Соболевскій. Ib. 17 и слѣд.

[5]) Сравни у Даля ib. LXIV еще: *щ*=двойное *ш*, *в*=*м*, мягкое *л*, *твпты*, *зямчукъ*.

[6]) Соболевскій. Ib 18.

скаго уѣздовъ (въ особенности послѣдняго) по *аканью* отличается отъ южныхъ говоровъ, какъ увидимъ далѣе, и скорѣе подходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ къ умѣренно-акающимъ говорамъ. Согласные звуки въ говорахъ южныхъ уѣздовъ Ряз. губерніи описаны раньше мною [1]), а согласные въ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ будутъ описаны въ этомъ трудѣ.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тамбовской губерніи также небогаты [2]): намъ извѣстно о согласныхъ только мягкость *к* (въ Кадомскомъ и частью въ Липецкомъ у.), звукъ *γ* въ окончаніи—*го* (Кадом. у.), твердость двойного *ш* (часть Липец. у.), *що*—въ Кадомскомъ и Липецкомъ уѣздахъ [3]) О великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи мы тоже немного знаемъ: по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстно *г*=*γ*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш* въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уѣздахъ [4])

Объ акающихъ говорахъ прочихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ Рязанской, мы знаемъ едвали еще не менѣе, чѣмъ о говорахъ, упомянутыхъ выше; но даже и говоры Московской губерніи по уѣздамъ намъ неизвѣстны, такъ какъ нѣтъ ихъ описанія [5]). Въ области согласныхъ звуковъ замѣтимъ слѣдующіе факты: *дж* вм. *ж*, *г*=*γ*, *що* въ части Новгородсѣверскаго у. Черниговской губерніи; мѣну *ц* и *ч* въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ уу. Нижегородской губерніи [6]), мѣну *ц* и *ч* въ Псковскомъ уѣздѣ Псков. губ., *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, *и* вм. *ч*, твердое двойное *ш*—на югѣ Псковской губ.; *г*=*g*—въ Великолуцкомъ у. Псковской губерніи [7])

---

[1]) «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій» В 1892

[2]) Соболев ib. 19

[3]) Срв. у Даля ib LXV: въ Темниковѣ *х*=*л*, «у Кадома есть небольшой слѣдъ *цоканья прочь* произносится почти какъ *процъ*»

[4]) Соболев. ib. 20. Срв у Даля ib LXIV—LXV: *Хвилитъ*, *куфия*; *Алдожа* (Нижнедѣвицкъ).

[5]) Соболев ib. Стр. 20—24

[6]) *Ляпунова*. О говорахъ Лукоянов у Нижегород губ Спб. 1894. См приложенную въ концѣ карту *Соболевскій*. Ib 22

[7]) Соболев ib 23—24

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ извѣстнаго намъ изъ области согласныхъ звуковъ въ акающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. Какъ видитъ читатель, на основаніи наличнаго матеріала можно составить себѣ приблизительное понятіе о современномъ произношеніи въ этихъ говорахъ звуковъ: *к*, *ч*(*ц*), *г*, *ж*, *ф*, *щ*, какъ о звукахъ, которые обратили на себя вниманіе наблюдателей, и о которыхъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ многихъ говоровъ. Обусловлено-ли это тѣмъ, что наблюдатели, описывая какой-нибудь говоръ, привыкли отвѣчать на обыкновенные и шаблонные вопросы различныхъ „программъ", составленныхъ уже давно и устарѣвшихъ, для собиранія данныхъ по народнымъ говорамъ, или тѣмъ, что большая часть наблюдателей занималась этимъ дѣломъ безъ особой любви, подготовки, невнимательно слушая народную рѣчь, или—не различали слухомъ оттѣнковъ звуковыхъ, или, наконецъ,—все, что̀, дѣйствительно, *есть* въ говорахъ и *слышится*, все это наблюдателями передано, и искать и ожидать больше нечего, рѣшить невозможно... Тѣмъ интереснѣе всякое новое сообщеніе, которое можетъ заставить многихъ вновь прислушаться къ ихъ родному говору или вообще къ народному говору, тѣмъ болѣе хочешь знать, не сохранились-ли гдѣ либо среди живыхъ говоровъ отзвуки говоровъ древнихъ, или многіе древніе говоры слѣдуетъ считать умершими, погибшими навсегда и не отразившимися ни въ живой русской рѣчи, ни въ памятникахъ древней русской письменности... Такъ, напр., мы по необходимости вѣримъ тому, что псковскій говоръ исчезъ уже безслѣдно [1]), и вѣримъ потому, что въ старомъ псковскомъ говорѣ была мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с*, а въ современныхъ говорахъ этой мѣны будто-бы нѣтъ [2]); мы принуждены думать вслѣдъ за Соболевскимъ, что псковскій говоръ ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ отличался своей мѣной *ж* и *з*, *ш* и *с*. Между тѣмъ мы на самомъ дѣлѣ не знаемъ хорошенько, есть-ли изъ современныхъ намъ говоровъ такіе, которымъ до сихъ поръ извѣстна эта мѣна, какіе это говоры, насколько распространена въ нихъ указанная замѣна и проч. Мы также еще пока не знаемъ, дѣйствительно-ли *ото всѣхъ*

---

[1]) Соболевскій. Лекціи[2]. Стр. 38.

[2]) Его-же. Ук. соч. 38, гдѣ, впрочемъ, есть ссылка на нѣкоторые говоры, знающіе и теперь эту мѣну

русскихъ говоровъ отличался псковскій говоръ названной замѣной, и намъ потому не кажется странной такая замѣна *только въ одномъ* изъ русскихъ говоровъ: мы принимаемъ на вѣру эти утвержденія Соболевскаго, хотя, собственно говоря, основаній для такихъ утвержденій мало, если принимать за основанія только свидѣтельство нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ письменности. Далѣе, мы не можемъ удовлетвориться и тѣми свѣдѣніями, которыя намъ сообщаетъ Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (стр. 39) о говорѣ древнихъ вятичей, будто-бы говоръ вятичей далъ начало тѣмъ великорусскимъ говорамъ, которые не знаютъ мѣны *ц* и *ч*, будто-бы этотъ говоръ „въ древности не имѣлъ никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры“. Этого мы не знаемъ. Видѣть основанія для выше приведеннаго утвержденія въ языкѣ Галицкаго Евангелія 1357 г., Переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Суздальскаго списка лѣтописей 1377 г. едвали позволительно: почему въ этихъ памятникахъ мы должны искать отраженія говора вятичей? Кто ихъ писалъ? вятичъ, или нѣтъ? На основаніи лѣтописи мы не можемъ считать Галичъ сѣверный, Переяславль и Суздаль поселеніями вятичей. Наконецъ, какъ распространилось и колонизовалось племя вятичей къ концу XIV вѣка, отъ котораго имѣются эти памятники? Гдѣ въ это время племя вятичей сохранялось въ большей цѣлости и густотѣ своей? Лѣтопись говоритъ намъ о разсѣленіи вятичей *по Окѣ* [1]), гдѣ и было ихъ первоначальное гнѣздо, а не по Волгѣ и не на сѣверъ отъ Волги; мы знаемъ также, что „лучшіе мужи“ изъ вятичей попали вмѣстѣ съ кривичами, словенами на югъ и разселились въ городахъ по Деснѣ, по Вострн, по Трубежеви, по Сулѣ и Стугнѣ, куда ихъ направилъ в. к. Владиміръ [2]) въ X вѣкѣ, а въ началѣ XII вѣка Владиміръ Мономахъ прошелъ къ Ростову „сквозѣ Вятичѣ“ [3]).

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. Ком. Спб 1872. Стр. 11 – 12.

[2]) Лѣтопись ibid. Стр 119 Подъ 988 г.

[3]) Лѣтопись ibid. Стр. 238. Подъ 1096 г. Если подъ 964 г. мы читаемъ про Святослава, что онъ «иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи»..., то это еще не значитъ, что онъ, именно, на Волгѣ былъ среди вятичей: этимъ указывается только направленіе его пути.

Слѣдовательно, если искать гдѣ-либо остатковъ вятичей, то тамъ, гдѣ было ихъ гнѣздо, и гдѣ они сидѣли густо населенными постоянными жителями. При подобныхъ размышленіяхъ волей-неволей припоминаешь глубоко-правдивыя слова И. В Ягича, высказанныя имъ въ 1889 году въ сочиненіи, гдѣ разсѣяно много замѣчательныхъ и цѣнныхъ соображеній по вопросу о древнемъ русскомъ языкѣ. Ягичъ такъ выразился о нашихъ свѣдѣніяхъ по древнимъ русскимъ говорамъ: „Читая эти нѣсколько страницъ („Лекціи“ Соболевскаго. 1-ое изд. Стр. 33—37), чувствуешь, какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области“...[1])

Равнымъ образомъ при нашихъ свѣдѣніяхъ о древнихъ русскихъ говорахъ рискованно признавать извѣстное фонетическое явленіе, напр., мѣну *ш* и *с*, *ж* и *з*, присущимъ *только одному* изъ древнихъ говоровъ, псковскому. Всѣ-ли діалектическіе признаки древнихъ русскихъ говоровъ нашли для себя выраженіе въ древней письменности? Всѣ-ли говоры древняго русскаго языка оставили намъ память по себѣ въ нашей древней письменности? Еще 20 лѣтъ тому назадъ Колосовъ намекалъ на это, говоря: „Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородскаго нарѣчія было въ такой-же мѣрѣ свойственно и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Такъ, смѣну *ч* на *ц* и обратно мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ“ [2]).

Совсѣмъ другое дѣло—вопросы *современной* діалектологіи русскаго языка, изслѣдованіе живыхъ современныхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій; ихъ необходимо изучить во всей подробности и отъ нихъ отправляться въ своихъ заключеніяхъ о говорахъ древнихъ, привлекая на помощь памятники древней письменности. Я вполнѣ согласенъ съ Колосовымъ въ томъ, что „къ строго научнымъ заключеніямъ скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого-либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на про-

[1]) Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 25.

[2]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVII. № 3. Спб. 1877. Стр. 214.

странствѣ цѣлаго нарѣчія“ [1])... Вотъ почему я сосредоточиваюсь на изученіи одного говора, говора небольшой области, интересующей меня уже нѣсколько лѣтъ, области совершенно не изслѣдованной въ отношеніи лингвистическомъ. Само собой разумѣется, что совершенно не пускаться въ область исторіи современныхъ намъ говоровъ нельзя, такъ какъ во многихъ случаяхъ мы уже имѣемъ полную возможность представить себѣ съ достаточной ясностью картину отношеній между живыми говорами и памятниками древнихъ русскихъ нарѣчій, и это—благодаря послѣднимъ работамъ и успѣхамъ въ области науки исторіи русскаго языка и современной діалектологіи, но *историческая* діалектологія еще въ процессѣ своего созиданія. Вотъ почему еще долгое время наши работы въ этой области будутъ представляться работами *„къ вопросу“*, и я, по крайней мѣрѣ, не рѣшаюсь въ общемъ заголовкѣ выставить какое-либо другое названіе, не чувствуя въ себѣ достаточныхъ силъ представить цѣльное и полное рѣшеніе самаго вопроса.

Ниже я вкратцѣ намѣчаю тѣ пункты, на которыхъ буду останавливаться въ своемъ трудѣ, и дѣлаю перечень тѣхъ особенностей изучаемаго мною говора, которыя обратили мое вниманіе во время моего личнаго знакомства съ рѣчью крестьянъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи.

Поѣздка въ Спасскій и Касимовскій уѣзды Рязанской губерніи лѣтомъ 1894-го года дала мнѣ возможность во многомъ пополнить свои свѣдѣнія о говорѣ въ нынѣшней Рязанской губерніи: послѣ личнаго знакомства съ говоромъ жителей Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ явилась возможность уяснить себѣ отношеніе говора южной части губерніи къ говору сѣверной, именно, той части, которая примыкаетъ къ Владимирской губерніи, къ Меленковскому уѣзду. Казалось-бы, что интересующая насъ часть Рязанской губерніи не должна была-бы представлять рѣзкихъ отличій въ діалектологическомъ отношеніи отъ своей южной и юго-западной части, но на самомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ: какъ-будто Ока служитъ естественной границей для нѣкоторыхъ фонетическихъ чертъ обще-рязанскаго говора; за Окой, т. е. области, лежащія по

[1]) Колосовъ. Указ. соч. ibid. Стр. 9. Срв. Богородицкаго. Курсъ грамматики р. языка. Варшава. 1887. Стр. 196—198. § 66 мелкій шрифтъ.

лѣвой сторонѣ рѣки, отличаются по говору во многихъ отношеніяхъ отъ областей, расположенныхъ по правую сторону Оки. Несомнѣнно, что общій типъ говора, извѣстнаго нынѣ въ районѣ Рязанской губерніи, достаточно опредѣленъ въ сочиненіи „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора“ В. 1892, но есть интересныя частности, заслуживающія болѣе спеціальнаго изслѣдованія. Мнѣ было указано въ свое время на тѣ интересныя особенности говора Касимовскаго уѣзда, которыя лишь мѣстами вошли въ мой вышеназванный трудъ; я самъ хорошо понималъ, что матеріалы, доставленные мнѣ изъ Касимовскаго уѣзда, даютъ возможность говорить о говорѣ Касимовскаго уѣзда отдѣльно, обособить этотъ говоръ въ изслѣдованіи, но тогда у меня не было достаточнаго количества матеріаловъ, и многіе вопросы оставались подъ сомнѣніемъ или вовсе не разрѣшенными, а пускаться въ предположенія и догадки было-бы смѣло и безплодно. Надо было уяснить себѣ отношеніе этого говора къ говорамъ ближайшихъ мѣстностей и собрать лично побольше матеріала для изслѣдованія. Я считаю излишнимъ останавливаться подробно на томъ вопросѣ, что рязанскій говоръ не ограничивается какими-либо искусственными границами нынѣшней Рязанской губерніи: объ этомъ было говорено между прочимъ мною на 1-ой страницѣ вышеназваннаго сочиненія, но долженъ и послѣ истекшаго времени повторить, что говоръ въ этой части южно-великорусскаго нарѣчія особенно типиченъ и сохранился, можно сказать, лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ. Причину этого надо искать, вѣроятно, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя переживались Рязанскимъ краемъ [1]), оставшимся какъ-бы въ сторонѣ отъ общаго тяготѣнія средней полосы Россіи къ Литовскому государству въ XIV—XV вѣкѣ и отстаивавшимъ долѣе другихъ права своей независимости. Но, съ другой стороны, сила обстоятельствъ взяла-таки свое, и въ концѣ концовъ мы видимъ, начиная со Спасскаго уѣзда, нѣсколько иной говоръ, чѣмъ на югѣ Рязанской губерніи, мы встрѣчаемъ здѣсь черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ большемъ числѣ и какъ правило, хотя аканье сохраняется.... Прежде всего мы

[1]) См. брошюру *Шахматова:* «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій». В. 1894. Стр. 7. 10—11.

разстаемся здѣсь со звуками *γ* (h) въ падежныхъ формахъ родительнаго падежа; далѣе, мѣстами слышимъ и полное отсутствіе звонкаго фрикативнаго *γ*, вмѣсто котораго является часто звукъ мгновенный *г*; губной твердый *в очень часто* замѣняется неслоговымъ *у*, которое мѣстами слышится и вмѣсто язычнаго твердаго *л*; наконецъ, какъ явленіе постоянное, мы встрѣчаемъ почти во всемъ Спасскомъ и во всемъ Касимовскомъ уѣздѣ *цоканье*, т. е. употребленіе звука *ц* вмѣсто *ч*. Въ вопросѣ о цоканьѣ чрезвычайно интереснымъ представляется слѣдующее явленіе, которое мы замѣтили въ послѣднее свое путешествіе: именно, есть мѣстности, гдѣ звукъ *ц* произносятъ такъ, что въ немъ ясно слышится и шипящій элементъ, какъ будто *ч*; этотъ звукъ мы будемъ обозначать черезъ *ц* съ надписнымъ *ч*: ц^{ч}. Наоборотъ, есть въ этихъ-же мѣстностяхъ и звукъ *ч* съ оттѣнкомъ свистящаго элемента; этотъ звукъ мы будемъ обозначать начертаніемъ *ч* съ надписнымъ *ц*: ч^{ц}. Само собой разумѣется, что въ этомъ звуковомъ явленіи мы наблюдаемъ, такъ сказать, самый процессъ перехода *ч* въ *ц* и наоборотъ; эта шепелеватость говора, встрѣчаемая сплошь у извѣстнаго населенія, уясняетъ намъ самую исторію звука *ч* въ русскомъ языкѣ и сближаетъ насъ съ нашими предками.... Такой звукъ мы впервые встрѣтили въ с. Нармушади Касим уѣзда, гдѣ затруднялись даже письменной передачей слова: нич^{ц}аво́, Юдич^{ц}а (отечество: Борисъ Юдичъ), хотя преобладающимъ звукомъ всетаки въ большинствѣ словъ является здѣсь звукъ *ц* вмѣсто орѳографическаго и литературнаго *ч*. Эти же звуки мы слышали въ сс. Лѣсновѣ, Даневѣ, Дмитріевѣ и друг.—почти на границѣ съ Меленковскимъ уѣздомъ Владимирской губерніи. Далѣе, есть мѣстности, гдѣ при *ц* вмѣсто *ч* говорятъ и наоборотъ—*ч* вмѣсто *ц*. но это—явленіе, которое рѣже встрѣчается, чѣмъ сплошное цоканье, отличающее вообще извѣстную мнѣ часть Спасскаго и Касимовскаго уѣзда. Напр., въ с. Гиблицахъ, Ибердусѣ, Дубровкѣ, Тимохинѣ мы слышимъ че́рква, предте́ца, ве́цар и т. п., въ с. Даневѣ—па́чалу́й; „силе^{ч}зе́нь ту́жыт, пла́чит, сакруша́тча, вазьлѣ́ у́тки увива́тча“... (пѣсня). чвяты́, ате́чь Кинстинти́н; „атъ виньча́ привяду́т, хмель обсыпа́ют куль крыльча“, но: рѣцка, ноц, запла́цыт, „как ни по́ лугу, лужо́цку“ (пѣсня) и проч. Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы наблюдаемъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ шепелеватость говора въ другихъ отношеніяхъ; такъ,

звукъ мягкій *с* произносится съ оттѣнкомъ *ш*, и въ этомъ случаѣ, при наблюденіи этого фонетическаго явленія, мы уясняемъ себѣ тотъ процессъ полнаго перехода *с* въ *ш*, который завершился уже окончательно въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, изъ древнихъ, напр., въ псковскомъ, а изъ современныхъ — въ говорахъ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерній, частью въ Казанской, Симбирской, гдѣ мы слышимъ звуки *ш* вм. *с* и *ж* вм. *з* даже твердые. Такъ, въ Касимовскомъ краю цѣлый громадный районъ селъ и деревень произноситъ *с'* съ оттѣнкомъ звука *ш*, что̀ мы будемъ означать начертаніемъ *с*^{ш}, въ именахъ прилагательныхъ на—*скій*. На вопросъ: „вы чьи“? вамъ скажутъ: Зу́бас^{ш}ьки (д. Зубово), Астарһо́с^{ш}ьки (д. Расторгуево, произн. Астарһо́ва). Снахи́ньс^{ш}ьки (д. Снохино́). һарьс^{ш}ькіји (д. Горы́, произн. һары́), Цухви́ла́с^{ш}ьки (д. Чуфи́лово, произн. Цухвила́ва), Быцко́с^{ш}ьки (д. Бычково, произн. Быцко́ва) и т. п. Этотъ говоръ слышенъ на далекомъ пространствѣ вокругъ боевого села Тумы Касим. уѣзда. Вы слышите названіе деревни Амляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{ı}лки или Абляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{ı}лки (кажется, по фамиліи Амляшова или Абляшова); здѣсь далѣе говорятъ: е́с^{ш}ь (=есть), де́с^{ш}ить (десять), с^{ш}е (все́), „Лява́шкуй зва́ли, хотъ с^{ш}мѣйси“... (д. Чуфилово) и т. п. Стоитъ особаго упоминанія еще произношеніе мягкихъ звуковъ *т* и *д* въ этихъ же и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ мы слышимъ мягкое *т* съ оттѣнкомъ свистящаго *с*, т. е.—*т*^{с}, какъ видно изъ только что приведеннаго выраженія, слышаннаго въ д. Чуфиловѣ, или изъ слѣдующихъ: „т^{с}е́й бо́ля ни вида́ть, т^{с}е́мна но́цушка ня спа́ть; но́ца т^{с}е́мная, ту́ца һро́зная“... (пѣсня въ с. Ерахтурѣ); „зя́хат^{с}ѣл мой му́ш лихо́й бо́ле^{ı}сти“, тамъ же. Мягкое *д* слышится съ оттѣнкомъ звука *з*: *д*^{з}; это гораздо болѣе распространенное явленіе, чѣмъ предыдущее смягченіе звука *т*; его мы слышимъ постоянно въ деревняхъ и селахъ Тумской волости, Давыдовской, Парахинской, Алексѣевской и даже въ Ерахтурской уже: „там хо́д^{з}ить, һуля́ить удало́й мало́дцык“ (пѣсня въ с. Ерахтурѣ), „па д^{з}е́сить—јіе́ сца́сья бу́дить“ (д. Шо́стья), „д^{з}ыть о́н пя́һлядз^{з}ѣл“; „ты пя́сабле́иш за д^{з}е́ньһи“ (д. Чуфилово), д^{з}ьвѣ, д^{з}ѣ́ука и проч. Въ Парахинской волости (въ дд. Фоминѣ, Астаховѣ, Новенькой, въ с. Парахинѣ) рядомъ съ звукомъ *д*^{з} мы встрѣчаемъ еще большее смягченіе звука *д*, доходящее до звука *д* съ оттѣнкомъ *ж*—*д*^{ж}: ад^{г}ёжа́, падд^{г}е́хку (поддѣвку,

вин. п. ед. ч.), ня хо́дʲим—1 л. мн. ч.; и рядомъ съ этимъ—звукъ *з* тоже съ оттѣнкомъ *ж*: *з*ʲ: взʲе́ли (=взя́ли), „пра кня́зʲя“ и т. п. До сихъ поръ мы обратили вниманіе на выдающіяся особенности говора въ области согласныхъ звуковъ, но нельзя пройти молчаніемъ даже и въ предварительномъ, бѣгломъ описаніи выдающихся чертъ Касимовскаго говора замѣчательнаго явленія въ области гласныхъ: мѣстами (особенно въ Парахинской волости) встрѣчаются дифтонги у͡о, у͡а при извѣстныхъ условіяхъ, какъ это будетъ показано ниже. Къ области же гласныхъ относится и долгота, растянутость нѣкоторыхъ гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, которую мы замѣтили еще и въ южной части Касимовскаго уѣзда. Эту долготу мы будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи и обозначать ее на письмѣ.

Какъ упомянутыя выше особенности говора Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, такъ многія другія, напр., въ области гласныхъ звуковъ, подвергающихся различнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ положенія ихъ въ словѣ среди другихъ звуковъ или отъ ударенія, а равно, во многихъ случаяхъ, и само удареніе, кажется, достаточно имѣютъ права на вниманіе лингвиста и сами по себѣ, но сравнительное обозрѣніе этихъ особенностей съ характерными чертами другихъ южновеликорусскихъ говоровъ, а также, въ извѣстныхъ случаяхъ, и съ параллельными явленіями въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ, дастъ картину отношеній отдѣльныхъ говоровъ другъ къ другу въ ихъ исторіи.

Историческая діалектологія русскаго языка, можно сказать,—наука будущаго: до сихъ поръ мы имѣемъ лишь матеріалы для построенія этой науки, но самыя отношенія говоровъ другъ къ другу, ихъ исторія и образованія далеко еще не представляются ясными, далеко еще не подготовлено даже и въ области матеріаловъ всего, что̀ потребуется для построенія полной исторіи русскихъ говоровъ, русскаго языка, для уясненія вопросовъ, касающихся возникновенія и образованія этихъ говоровъ въ зависимости отъ историческихъ и многихъ другихъ сложныхъ причинъ и условій быта и культа.... Мы пока по необходимости должны ограничиваться тѣмъ, что лишь отмѣчаемъ самый фактъ, доступный нашему наблюденію, воздерживаясь отъ предположеній или выводовъ, для которыхъ иногда оказывается мало основаній. Но, не смотря на такое

состояніе исторической діалектологіи русскаго языка, нельзя, въ интересахъ истины, не упомянуть здѣсь о томъ, что и собранные уже матеріалы нашими учеными и любителями роднаго языка дали возможность сдѣлать первый, но блестящій шагъ на почвѣ исторической діалектологіи русскаго языка, на почвѣ уясненія тѣхъ прошлыхъ эпохъ жизни нашихъ нарѣчій, которыя остались далеко за нами. Мы разумѣемъ тотъ шагъ, который сдѣлалъ А. А. Шахматовъ своимъ трудомъ: „Изслѣдованія въ области русской фонетики“ В. 1893 года. Мы считаемъ этотъ трудъ *единственнымъ* въ нашей ученой литературѣ по русской лингвистикѣ, гдѣ представлена серьезно-научная попытка содѣйствовать рѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находятся современные намъ русскіе нарѣчія и говоры къ тѣмъ нарѣчіямъ, которыя переданы намъ нашей письменной стариной; вопросъ о томъ, какъ древняя орѳографія служила цѣлямъ литературной передачи живого произношенія, какъ уяснить себѣ связь стараго русскаго языка на всемъ пространствѣ его литературнаго употребленія съ тѣми говорами, которые нынѣ доносятся до насъ изъ живыхъ устъ простого народа, словомъ, вопросы исторической діалектологіи русскаго языка впервые научно освѣщаются въ книгѣ Шахматова, и наша молодая наука уже имѣетъ въ этомъ отношеніи прочное и замѣтное начало. Стремленіе обосновать современное намъ разнообразіе русскихъ говоровъ и нарѣчій историческими данными, связать исторію народа съ исторіей его языка, представить естественную связь между жизненными процессами возникновенія и развитія обширнѣйшаго государственнаго тѣла и между духовной реакціей на эти процессы въ самой-же массѣ этого составного тѣла, реакціей со стороны языка, заставило того-же Шахматова высказать свой взглядъ и на этотъ предметъ въ только-что изданной имъ брошюрѣ: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“. В. 1894. Здѣсь мы имѣемъ оригинальную и въ высшей степени правдоподобную мысль о возникновеніи бѣлорусскаго говора и южно-великорусскаго. Все это изложено ясно и убѣдительно Мы съ своей стороны предполагаемъ дать только новый матеріалъ, естественнымъ образомъ не принятый во вниманіе Шахматовымъ и не вошедшій въ его главный трудъ, а затѣмъ на основаніи этого новаго матеріала подвергнемъ пересмотру и вопросъ о южно-великорусскомъ нарѣчіи,

представивъ свои соображенія и догадки относительно исторіи его говоровъ, насколько эта исторія уясняется и видоизмѣняется, съ нашей точки зрѣнія, послѣ знакомства съ новыми говорами и изслѣдованія этихъ говоровъ, еще никѣмъ не описанныхъ.

Та часть Рязанской губерніи, которую я изъѣздилъ лѣтомъ 1894-го года, представляетъ изъ себя лѣсистую и довольно дикую мѣстность; нерѣдко проѣзжаешь десятки верстъ песками или лѣсомъ и болотами; крестьяне здѣсь значительно грубѣе, чѣмъ въ южной части губерніи, они рѣдко уходятъ на промыслы и большею частью живутъ постоянно на своихъ мѣстахъ, занимаясь рубкой дровъ, лыкомъ и вообще древодѣліемъ; крестьяне того края, который называется Куршею, т. е. Куршакй (по мѣстному названію), слывутъ даже у своихъ сосѣдей за „дроворубовъ“. Къ этому краю относится Китовская волость, Ветчанская (Курша съ рѣкою того-же названія), Колесниковская; не менѣе дикая мѣстность и волость Парахинская. Женское населеніе и подавно дикое: женщины какъ-будто даже не живутъ „съ вѣкомъ наравнѣ“, хотя внѣшній ихъ видъ и костюмы въ общемъ представляютъ одинъ типъ съ крестьянками южной части; здѣсь, на сѣверѣ, мы видимъ тотъ-же покрой понёвы или понявы, такой-же сарафанъ, рожки на головѣ, платки (шали), шушпаны, шушуны, онучи и обуры и проч.; лишь мѣстами (с. Шаранина) замѣчается довольно густо навѣшанное украшеніе на лбу изъ монетъ или блестокъ, а чаще—изъ бисера [1]). Говоръ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей до того своеобразенъ, что нѣсколько первыхъ моментовъ положительно съ трудомъ понимаешь рѣчь простого народа: надо вслушаться и попривыкнуть къ мѣстному произношенію; въ особенности требуется сразу большое вниманіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы слышимъ дифтонги (Парахинская волость, а также—Забѣлино, въ которомъ дифтонги находятся нынѣ въ процессѣ своего перехода просто въ *долгіе* гласные; но по единогласному признанію мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей,—священниковъ, учителей и т. п. лицъ,—здѣсь, въ Забѣлинѣ, еще лѣтъ 30 тому назадъ можно было всюду ясно различать произношеніе: куонь, Ахуоня и т. д.): такъ они

[1]) См. мой «Отчетъ о командировкѣ». Казань. 1895 г. Стр. 32—36.

поражаютъ непривычный слухъ и дѣлаютъ русскую рѣчь какой-то чужой; то-же можно сказать про долгіе гласные звуки, которые ясно слышатся въ говорѣ Касимовскаго края: эта растянутость рѣчи сообщаетъ ей какую-то особенную музыкальность, но не отрывистость, къ которой мы привыкли при нашихъ удареніяхъ, стягивающихъ всю силу гласныхъ звуковъ слова въ ударяемый гласный, который пріобрѣтаетъ свою явственность на счетъ другихъ гласныхъ, не ударяемыхъ и остающихся какъ-бы въ тѣни. Описываемая-же долгота, наоборотъ, какъ-бы ослабляетъ силу удареніе, которое не такъ рѣзко здѣсь слышится, не такъ оттѣняетъ ударяемый гласный: иногда при записи приходилось поставить даже два удареніе на одномъ словѣ: дéняк—дéнякъ = денегъ, род. п. мн. числа. Какъ самыя природныя условія этой мѣстности, такъ и говоръ жителей, по моему мнѣнію, мало даютъ намъ права на предположеніе о поздней колонизаціи этого края: культуры въ этой сторонѣ почти нѣтъ никакой, а особенности мѣстнаго говора рѣшительно возстаютъ противъ того, чтобы выводить мѣстныхъ крестьянъ изъ новгородской области,—или надо предположить, что въ старой новгородской области были говоры, о существованіи которыхъ мы ничего не знаемъ и существованія которыхъ мы не подозрѣвали. Если такъ, то, можетъ быть, именно, жителями, принадлежавшими къ этимъ говорамъ, и были заселены интересующія насъ мѣстности Рязанской губерніи ...

Я лично представляю себѣ дѣло совершенно иначе: напр., я не могу допустить, чтобы дифтонги, дзеканье, *дж* вм. *д'*, *ш* вм. *с*, *ж* вм. *з*, наконецъ, своеобразное цоканье и т. п. можно было выводить изъ тѣхъ областей русскаго говора, гдѣ нынѣ не замѣчаемъ почти ни одной изъ вышеназванныхъ фонетическихъ особенностей: это дѣло, по моему, невозможное. Далѣе, не будемъ забывать, что во всемъ районѣ, гдѣ только я былъ, нѣтъ ни одного села, ни одной деревни ѣкающей, а всюду—сплошное *ѣканье*. Странно было бы допустить сохраненіе многихъ звуковыхъ особенностей въ говорѣ переселенцевъ и потерю только одной—ѣканья; да и какъ могло зайти ѣканье въ такую глушь, если здѣсь не было говоровъ, которые по своему вокализму принадлежали къ говорамъ, развившимъ у себя ѣканье? Скорѣе, кажется, можно предположить, что говоры интересующихъ насъ мѣстностей также естественнымъ путемъ развили у себя аканье, какъ и сосѣдніе окрест-

ные говоры, а прочіе фонетическіе признаки нашихъ говоровъ скорѣе указываютъ на то, что эти признаки удержались здѣсь лишь благодаря исключительнымъ условіямъ природнымъ: лѣсамъ и трудно проходимымъ въ прежнее время болотамъ, тогда какъ въ сосѣднихъ говорахъ эти же признаки мало-помалу исчезли подобно тому, какъ на нашихъ глазахъ и на нашей памяти исчезли дифтонги въ с. Забѣлинѣ послѣ того, какъ это село стало проѣзжимъ и превратилось изъ села „кисельнаго“ въ село торговое, складочное, гдѣ нынѣ построена даже пароходная пристань для пассажировъ и товаровъ. Я полагаю, что мы не будемъ очень далеки отъ истины, если теперь по поводу изслѣдуемыхъ русскихъ говоровъ припомнимъ опять то, что уже приходило на мысль покойному Колосову, когда онъ занимался русской діалектологіей. Мнѣ думается, что мы имѣемъ нѣкоторыя основанія усматривать въ жителяхъ лѣсистыхъ мѣстностей за-Окскаго края нынѣшней Рязанской губерніи потомковъ древнихъ вятичей, которые здѣсь сохранились, быть можетъ, въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ нынѣшней Вятской губерніи, гдѣ они смѣшались съ древними новгородцами.. Думаю я также, что лѣтописецъ XI—XII вѣка, оставившій намъ довольно обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ народахъ и русскихъ племенахъ въ древнѣйшія времена, не безъ основанія повторилъ въ своей лѣтописи ходячее въ то время преданіе о ближайшемъ родствѣ вятичей съ ляхами, между тѣмъ какъ тотъ же лѣтописецъ не выводилъ новгородскихъ словенъ или кривичей изъ ляховъ. Въ лѣтописи мы читаемъ: „Радимичи бо и Вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи“ [1]). Мѣстность поселенія вятичей, ихъ обычаи и образъ жизни также подробно и краснорѣчиво описаны нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ [2]); это народъ грубый, дикій, первоначально сильный, непреклонный и опасный для сосѣдей и князей, но вскорѣ уступившій силѣ многочисленныхъ сосѣдей—враговъ и, вѣроятно, смѣшавшійся съ ними и частью разсѣянный по разнымъ областямъ и предѣламъ:

---

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку Изд. Арх Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

[2]) Ibid. Стр. 13, а также 80 (воинственность ихъ) и 392 (волость ихъ).

по крайней мѣрѣ, самое имя вятичей исчезаетъ изъ памятниковъ письменности уже въ XIII—XIV вѣкѣ. Куда они дѣлись? Такимъ образомъ, мы усматриваемъ возможность видѣть въ нынѣшнихъ жителяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Касимовскаго края потомковъ древнихъ вятичей, забившихся въ уголочекъ, оставшійся какъ-бы нетронутымъ во время междоусобій и татарскаго разгрома. Слыша говоръ этихъ жителей, ихъ дзѣканье и твердое цоканье, невольно припоминаешь преданіе о родствѣ вятичей съ ляхами.. Замѣчательно, что въ самомъ центрѣ этого глухого края, въ Куршинскомъ краю, среди „куршаковъ“, есть село *Ветчàны*, произн. *Вятчàны* (на волостномъ правленіи написано черезъ *ѣ*: „Вѣтчанское волостное правленіе“) [1]). Это географическое названіе намъ тоже говоритъ о себѣ кое-что

Далѣе, если позволительно говорить, что вятичи въ древности населяли нынѣшнія губерніи: Калужскую, Орловскую, Тульскую, Московскую и Смоленскую, то тѣмъ болѣе позволительно усматривать вятичей въ нынѣшней Рязанской губерніи, такъ какъ, по лѣтописи, „Вятъко сѣде съ родомъ своимъ *по Оцьі*, отъ негоже прозвашася Вятичи“. Такимъ образомъ, Ока, дѣйствительно, служитъ какъ-бы естественной границей говоровъ, которые въ силу своей исторіи обособились другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ. Рѣчная система Оки, Волги и Камы была, конечно, естественнымъ путемъ колонизаціи народовъ, а потому съ этой стороны является возможность усматривать потомковъ вятичей и въ нынѣшней Вятской губерніи. Подробное сравненіе фонетическихъ особенностей нынѣшняго вятскаго говора, насколько онъ намъ извѣстенъ, съ особенностями изслѣдуемыхъ говоровъ въ Рязанской губерніи должно выставить на видъ тѣ сходныя черты въ томъ и въ другихъ, которыя исключаютъ всякую возможность предположенія какого-либо *случайнаго* сходства между этими говорами. Здѣсь я позволю себѣ напомнить читателямъ то, что говорилъ Колосовъ о вятскомъ говорѣ, который вмѣстѣ съ новгородскимъ говоромъ былъ предметомъ его изслѣдованій и личныхъ наблюденій.

Колосовъ говоритъ: „Рѣчь вятчанъ не больше, какъ *говоръ*. Но если говоръ, то *какого* нарѣчія?... Сколько мнѣ извѣ-

[1]) Мой «Отчетъ». Стр. 36.

стно, всѣ признаютъ вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцевъ. Такъ-ли это? Вѣрно-ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?... Мы знаемъ особенности древняго новгородскаго нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языкѣ многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова (въ 1174 г.; съ 1781 г.—Вятка) и болѣе древней.... Не знаю, высказывалъ-ли кто и когда мысль о томъ, что вятичи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но—напротивъ—я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣтъ возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть“.... „Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятичи, есть селеніе Вятское, *Вятчина*.. И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская“ [1]) На подобныя мысли навело Колосова то обстоятельство, что онъ замѣтилъ существенную разницу между говоромъ новгородскимъ и вятскимъ, хотя замѣтилъ и нѣкоторое сходство между ними, но надо имѣть въ виду, что Колосовъ изслѣдовалъ только сѣверно-великорусское нарѣчіе, а въ странѣ древнихъ вятичей онъ наблюденій тогда не дѣлалъ. Слѣдовательно, онъ могъ при сравненіи новгородскаго и вятскаго говоровъ придти къ заключенію отрицательнаго характера, что, молъ, вятскій говоръ не есть новгородскій. Интересно, къ какому заключенію пришелъ бы онъ, производя наблюденія надъ рѣчью народа въ странѣ древнихъ вятичей? Иначе говоря, интересно было бы послѣ наблюденій, напр., въ Рязанской губерніи въ Касимовскомъ краю сдѣлать одному и тому-же лицу наблюденія свои надъ рѣчью народа въ Вятской губерніи, въ вятскомъ краю. Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ слуховое впечатлѣніе при наблюденіяхъ надъ

---

[1]) Колосовъ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов Имп. Ак. Н Т. XVII. 1877 г. Стр. 213 214. 215. 216. О сходствѣ вятскаго говора съ новгородскимъ и о различіи—стр 217.

рѣчью: тѣ измѣненія звуковъ, въ особенности гласныхъ, которыя кажутся иногда невѣроятными при теоретическихъ построеніяхъ, уясняются въ то время, когда слышишь переходные звуковые оттѣнки въ живой рѣчи....

Итакъ, я расположу свое описаніе говоровъ по особенностямъ въ области согласныхъ звуковъ: I. Говоры не цокающіе. II. Говоры цокающіе. III. Говоры цокающіе и чѣкающіе[1]). Начну однако съ описанія вокализма нашихъ говоровъ.

Считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о своей транскрипціи, принятой мною въ этомъ трудѣ для передачи народнаго произношенія. Вообще, я старался быть возможно послѣдовательнымъ и точнымъ, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ народное произношеніе могло быть точно передано обыкновенными нашими буквенными знаками, я не считаю для себя обязательнымъ держаться строго фонетической транскрипціи, чтобы не пестрить текста различными значками. Съ этою цѣлью я часто пишу букву *ъ* тамъ, гдѣ она имѣетъ подъ удареніемъ литературное произношеніе, букву *й*—послѣ гласныхъ; *ъ* и *ь* между согласными ставлю только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ближе* опредѣлить гласный звукъ я не могъ своимъ слухомъ, но тамъ, гдѣ явственно звучалъ извѣстный оттѣнокъ гласнаго, обыкновенно въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, я обозначалъ этотъ оттѣнокъ соотвѣтствующей буквой, однако со знакомъ краткости (˘) надъ нею, и въ этомъ отношеніи расхожусь съ Богородицкимъ относительно его транскрипціи, такъ какъ не всѣ гласные, удаленные отъ ударяемаго, звучатъ въ нашихъ говорахъ одинаково неопредѣленно, а равно не обозначаю этихъ гласныхъ и точками сверху, какъ дѣлаетъ Шахматовъ. Такимъ образомъ, знаки: *ă*, *ŏ*, *ŭ*, *ĭ* и проч. въ моей транскрипціи означаютъ всетаки болѣе или менѣе ясные звуки: *а*, *о*, *и*, *ы*, хотя и не такіе ясные, какъ въ слогахъ ударяемыхъ или непосредственно предшествующихъ ударяемому. Далѣе, я употребляю знаки: a^e, e^a, e^i тамъ, гдѣ слышится открытость или закрытость звука, но гдѣ не произошло полнаго перехода одного гласнаго въ другой. Знаки: *ç*, *ʒ*, *ʃ*, m^c, $ч^ц$ и проч. для выраженія оттѣнковъ согласнаго произношенія звуковъ объяснены мною въ соотвѣт-

[1]) Я предпочитаю этотъ терминъ странному, на мой взглядъ, термину: «чваканье».

ственныхъ мѣстахъ текста, въ примѣчаніяхъ подъ строкой. Знакъ ъ въ большинствѣ случаевъ служитъ для выраженія неопредѣленнаго гласнаго, очень близкаго къ очень краткому звуку *i*, а знакъ мягкости согласнаго въ большинствѣ случаевъ обозначается мною *апострофомъ* надъ этой мягкой согласной; мягкость согласныхъ не обозначена лишь тамъ, гдѣ она соотвѣтствуетъ мягкости въ литературномъ (московскомъ) произношеніи. Знакъ *ç* обозначаетъ *всегда мягкій* звукъ. Суффиксъ прилагательныхъ—*ьск*,—смягчая предшествующую согласную, мною такъ и изображался въ транскрипціи народнаго произношенія въ изслѣдуемыхъ говорахъ Касимовскаго уѣзда, такъ что въ этомъ случаѣ знакъ ъ есть знакъ смягченія предшествующей согласной.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава I-ая.

Долгіе гласные.

Въ изслѣдуемыхъ мною говорахъ Касимовскаго уѣзда (и въ прилежащихъ частяхъ Спасскаго уѣзда) ясно слышатся *долгіе* гласные звуки: а, е, о, и, у, ы. Долгота этихъ звуковъ бываетъ *ударяемой* и *неударяемой*, въ *открытыхъ* слогахъ и въ *закрытыхъ*. Насколько я могъ замѣтить, долгота эта вообще не обязательна, такъ что одно и то-же слово въ одной и той-же формѣ звучитъ то съ долгой гласной, т. е. съ гласной протяжной, то съ краткой, обыкновенной, но чаще всего и почти какъ правило гласная бываетъ долгой *въ конечномъ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго.*

Примѣры, въ которыхъ слышались мнѣ долгіе гласные, можно спруппировать слѣдующимъ образомъ: 1) долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ и закрытомъ слогѣ подъ ударенІемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* краткой и полной формы женскаго рода имен. пад. ед. числа; *въ настоящемъ времени глаголовъ* стяженныхъ, въ формахъ, гдѣ звукъ *а́* получается изъ стяженія группы—а́іе.—Напр., друу́а́ у жйниха́ (вечеринка)—с. Ерахтуръ; изба́ бальша́ быва́е'ть—с. Шостья; мо́тальная кака́-та (фабрика)—с. Гусевской Погостъ; пагаво́рка

така́-та — Уланова Гора; как ба́льша́я като́ра́ изба — Шостья и друг. Въ глагольныхъ формахъ: угада́т — 3 ед. — Данево; быва́т — 3 ед. — Гусевской Погостъ; Забѣлино; э́та сафсѣ́м ра́змака́т — 3 ед. — Забѣлино; фсяло́ на́ша въяж'ж'а́ш — 2 ед. — с. Китово. 2) Долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ нарѣчіяхъ*, гдѣ это *а* изъ *о* или *е* по закону акающихъ говоровъ: там ти́ха́, сми́рна́ — Ерахтуръ; уш пло́ха́, во́ску-ту мно́у́а́ — Нармушадь; До́лу́а́ п'а́днаму́ — Катово, Тумскій край; вить, жа́лка́ — Расторгуево, ibid; шли хо́тка́ — Логино, ibid.; и мн др. Также долгое *а* встрѣтилось намъ въ означенномъ положеніи въ словѣ Ур'а́ᵉдйна́ = Урядино (названіе села Китовской волости). Далѣе, *въ именахъ прилагательныхъ* женскаго и средняго рода краткой формы, причемъ въ послѣднихъ звукъ *а* изъ *о* по закону акающихъ говоровъ: неᵎ леᵎни́ва́ мо́жйть два на́пр'аᵉде́ть — Шостья; как бальша́я като́ра́ изба — ib.; Шо́стиньска́ (= Шостьинская; на вопросъ: „ты откуда“?) — ib.; ли́па́ва́ кара́ — Ломъ; Ула́ньска́ баба — Уланова Гора; вот кака́я ме́ле́нька́ (рыба) — д. Китово; Уря́диньска́ — Урядино; ка́жна́ время — Ерахтуръ; и бѣ́ла́ тке́м и си́н'а́ — Шостья. Также въ словѣ: ны́н'а́ (= нынѣ) — Забѣлино. Долгій гласный а́ въ открытомъ слогѣ *не конечномъ* и не подъ удареніемъ имѣется въ слѣдующемъ примѣрѣ: Ми́ла́я, Бо́у́-ба ни́ забы́л! — Зубово Кас. у. 3) Долгій гласный звукъ *а* въ закрытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* членныхъ въ им. пад. ед ч. муж. рода въ окончаніи — *а̄й* изъ — *ый* черезъ — *ой*; *въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ* женскаго рода съ основой на — *а* въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ является окончаніе — *ай* изъ — *ой* (= ою, оѣ, ои), т. е. въ творит. падежѣ ед. ч. именъ существительныхъ, въ род., дат., твор., мѣстномъ падежахъ именъ прилагательныхъ; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода въ окончаніи род. падежа множ. числа — *овъ*, откуда въ нашихъ говорахъ — *а̄в*, — *а̄у* черезъ — *ав*; *въ именахъ прилагательныхъ* притяжательныхъ въ суффиксѣ — *овъ* (— *евъ*), откуда наше: — *а̄в*, — *'а̄в*, — *а̄у*, — *'а̄у* въ именит. пад. ед. ч. муж. рода; *въ именахъ прилагательныхъ* въ род. мѣстн. падежахъ множ. числа вмѣсто окончанія — *ыхъ* (— *ихъ*), откуда наше — *а̄х*, — *'а̄х*; *въ именахъ существительныхъ и при-*

лагательныхъ въ суффиксѣ—*ок* (—*ък*),—*ен* (—*ьн*). когда этими суффиксами оканчивается форма, откуда наше—*āк*,—*'ān*; *въ именахъ существительныхъ* односложныхъ (бывшей основы на—*о*) муж рода съ кореннымъ гласнымъ *о*, если эти существительныя передаютъ свое удареніе предлогу или префиксу, образуя съ послѣднимъ двусложное слово; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода полногласнаго типа—*оло*—съ неударяемымъ вторымъ *о*, которое въ нашихъ говорахъ превращается въ *ā*; въ окончаніи твор. и мѣстн. п. ед. ч. *именъ существительныхъ* и *прилагательныхъ*—*омъ*,—*емъ*, откуда наше:—*ам*,—*'ам*; вообще въ формахъ *именъ существительныхъ* и *глаголовъ* съ неударяемыми звуками *о*, *е* разнаго происхожденія въ положеніи ихъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, гдѣ въ такомъ случаѣ появляется въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ неударяемыхъ *о*, *е*—*ā*, *'ā*; *въ словѣ „девять"*, гдѣ звукъ *я* (*'а*) звучитъ долго; наконецъ, *въ глагольныхъ формахъ* настоящаго времени и тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ этимологическое окончаніе—*ешь*,—*етъ*,—*емъ*, откуда наши: *'āш*,—*'āт*,—*'ām* съ неударяемымъ звукомъ *'а* долгимъ. Кромѣ этого всего, долгое неударяемое *ā* въ конечномъ закрытомъ слогѣ слышалось нами *въ мѣстномъ падежѣ мн. ч. именъ сущ. женскаго рода* на *а*, въ окончаніи—*ахъ*. Примѣры: а) И ja'зы́к ста́л пе́стра́й—с. Новый Киструсъ Спас. у.; де'шо́ва́й—Забѣлино Касим. у.; во́от, ради́ма́й, траву́ по́л'а́м—1 л. мн. ч.—с. Китово Касим. у.; Ибр$_0$дуска́й = Ибердусовскій отъ с. Ибердусъ—ibid: ты, мой садо́ва́й, ме'ня́ ту́т дёржыш—Чарусъ, Касим. у; пья́на́й, тък ни вино́вя́н—Бычково Касим у.; бѣ́ла́й—село Ижевское Спас. у; лѣ́тъшна́й у́от—Вы́жлйсъ (по картѣ: Выжелѣсъ) Спас. у.; у́арѣ́ла́й лѣ́с—Воскресенское, Спасск. у.; са́ма́й у́ло́дна́й у́от—ib, дяв я́та́й—Ерахтуръ Касим. у; ка́жна́й,—бе'ре́зъва́й, суко́нна́й (хала́т), хресна́й, дре́вна́й—Нармушадь ib; бѣ́дна́й, пе́рьва́й, пасты́ла́й, рѣ́тка́й, сдысли́ва́й, дубо́ва́й, ми́ла́й—Шостья ib.; глубо́ка́й—Ломъ ibid.; двухъята́жна́й—Гусевской Погостъ ibid; хво́ра́й, ру́ська́й—ibid.; харо́ша́й—Уланова Гора ib.; жылѣ́зна́й—Дмитріево ib.; ни жана́та́й—Бѣльково ib; цо́рна́й хлѣ́п—Китово ib.; де́нь ма́йшька́й—Ивановское ibid. и мн. др.—b) С па́лави́на́й—Шостья; у э́та́й—ibid.; Акси́ньа́й—Горы; с ры́ба́й—сухо́й день—Расторгуево („Астару́ова") —ib.; с)—а$_р$ѣ́хах нада?—Бѣлясево

Касим. у.; d) Хвадéй Кандрáтьяф—Горы; Пётр Пáулāу—Чуфилово; e) пять цалкóвāх—с. Китово; грыбóвāх—род. пад. мн. ч.—д. Борисково (Ветчан. волости); свéжынькāх—род. п. мн. ч.—Малахово; f)—слúвāк—род. п мн. ч.—Гусевской Погостъ; грúвян—Бéльково; ни винóвян—Бычково; х Тýме[a] шэзь урúвян—Зубово; g)—ни хватáит нá гāт хлéба—Ветчаны; вывāд—Рогачево; h)—хóлāд да даж'ж'й—Рогачево; сóлāд—Шаранина; i) Нинúла пéть лéт замъжāм—Рогачево; х пьянāм вúди—Бычково; k)—пóмяр—Семеино; свéкāр—Расторгуево; пара-та рýпь сóрāк—ibid; l)—из мéры карúт дéвять—Забéлино; (м. б., непосредственно изъ формы *дéветь); m)—фсé сéмьде'сят бýдят—3 л. ед. ч.—Бéльково; сéяш—2 л. ед. ч.—ibid; траву́ пóлям—1 л. мн. ч.—с Китово; нъкалóтяш—2 л. ед. ч.—с. Китово; (такіе примéры, гдé касим.—'āш—2 л. ед. ч.—восходитъ къ основному старосл.—иши,—вообще въ нашихъ говорахъ встрéчаются гораздо рéже, чéмъ формы съ—'āш изъ—еши, и объясняются, вéроятно, аналогіей къ *обычнымъ* формамъ на—'āш.—āш (или—'аш,—аш). Сравните: ювр лю́бя, хóдя, нóся.... 3 л. ед. ч.—вмéсто ожидаемаго: лю́би, хóди, нóси—и: лю́бють, хóдють, нóсють—3 л. мн. ч., какъ будто отъ глаголовъ такъ называемаго I-го спряженія). Далéе примéры: ни пъкупáям—1 л. мн. ч—дер. Китово; мóцам, стéлям—1 л. мн. ч.—Чарусъ; ни напúшāш—2 л. ед. ч.—Давыдово; ня стáняш—2 л. ед. ч.—ibidem и мн. другихъ. Наконецъ,—n)—в дéфкāх-тā—Бéльково Касим. у.

Долгій звукъ е слышится намъ также только въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ: *подъ удареніемъ:* въ словѣ: нéт—с. Ивановское Касим. у., гдѣ это слово произносили всегда скорéе въ два слога, чéмъ въ одинъ: неэ̂т, и въ глагольныхъ формахъ 2-го, 3-го лицъ ед. ч и 1-го лица мн. ч. наст. вр., гдѣ ударяемое долгое *е* изъ стяженія—*ъе* Напр., умéш, умéт, умéм. *Въ неударяемомъ слогѣ* въ глагольныхъ формахъ 2-го лица ед. числа наст. времени на—*ешь*: сéтъки слýшаjéш—2 л. ед. ч.—Бéльково.

Долгій звукъ о извѣстенъ только подъ удареніемъ: *въ открытыхъ слогахъ въ серединѣ слова,* напр., ýльи-ти тóжа—Нармушадь; вóску-ту мнóга—ib.; де'шóвай—Забéлино; нáкалóтяш—2 л. ед. ч.—Китово; свéкāр харóшай цы́лаэк—Рас-

торгуево; *въ закрытыхъ слогахъ въ концѣ слова*, напр.,—ну, нябо́сь, ку́пют!—с. Шаранина; во́т, ради́ма́й! (здѣсь прямо слышалось два слога: во́от).—Китово.

Долгій звукъ и извѣстенъ въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ: въ ударяемыхъ, кромѣ того, *въ открытомъ* слогѣ: таки́-ти бе'зыме́нки ткутца—Ерахтуръ Касим. у.; и *въ закрытомъ*: хлѣ́п у на́с ради́тцы—Гусевской Заводъ (принадлежитъ въ административномъ отношеніи уже Владимірской губерніи); хто мали́тцы—3 ед.—Ивановское Касим. у. Въ неударяемыхъ слогахъ, въ конечномъ открытомъ слогѣ: ба́ркй? (въ вопросѣ)—Гусевской Погостъ Касим. у.

Долгій звукъ у слышался только въ открытыхъ слогахъ въ положеніи подъ ударе́ніемъ и не подъ ударе́ніемъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ только въ конечныхъ слогахъ; *ударяемое у*: Дӯшӯ, зы́ш, ста́ла быть, атрѣ́зали—Выжлисъ Спас у.; се́тъки слӯша́ёш—2 л. ед. ч.—Бѣльково: траву́ по́лям—1 л. мн. ч.—Китово; ну, нябо́сь, ку́пют!—с. Шаранина. *Неударяемое у*: дӯшӯ—Выжлисъ (см. выше); го́ла́сӯ нѣ́ту—Уланова Гора Касим. у; съ цы́м је'ди́м—тӯ?—д. Китово; на́ вӑдӯ она́ набѣ́лйтцыть—Чарусъ; ка́к зӑтира́је'м-тӯ?—ibidem.

Долгій звукъ ы бываетъ въ нашихъ говорахъ ударяемымъ и неударяемымъ, въ *конечныхъ* открытыхъ и закрытыхъ слогахъ. *Ударяемый конечный закрытый слогъ* съ *ы*: ми́ла́я, Бо́ӱ-ба ни забы́л!—Зубово Касим. у. *Неударяемый конечный закрытый слогъ* съ *ы*: зама́цым—1 л. мн. ч.—(=зама́чиваемъ)—Акулово Касим. у. *Ударяемый конечный открытый слогъ* съ *ы*: ӱ цужы́ люди (въ пѣснѣ)—Ерахтуръ; *неударяемый конечный открытый слогъ* съ *ы*: хлѣ́п у на́с ради́тцы—Гусевской Заводъ; и друг.

Такимъ образомъ, въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстны долгіе гласные звуки: *а, е, о, и, у, ы*. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, эти звуки являются въ разнообразныхъ положеніяхъ: то въ ударяемыхъ слогахъ, то въ неударяемыхъ, то въ закрытыхъ, то въ открытыхъ, то въ конечныхъ, то въ серединѣ словъ, но нельзя сказать (и это особенно ясно будетъ видно въ дальнѣйшемъ обозрѣніи вока-

лизма нашихъ говоровъ), чтобы долгіе гласные здѣсь были обязательны: тѣ-же самые звуки въ такихъ-же положеніяхъ извѣстны и безъ долготы; кромѣ того, во многихъ изъ приведенныхъ примѣровъ долгіе гласные показаны нами въ вопросительныхъ предложеніяхъ, слѣдовательно, въ нихъ долгота гласныхъ можетъ быть обусловлена самой интонаціей, но все-таки и по приведеннымъ примѣрамъ ясно видно, что долгота гласныхъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ вообще не совпадаетъ съ долготой реторическаго характера нашего литературнаго языка. Можно положительно сказать, что звукъ *а* въ нашихъ говорахъ чаще всего бываетъ долгимъ, какъ видно изъ примѣровъ, и эта долгота звука *а* особенно замѣтна въ конечныхъ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Такъ какъ вообще качество долготы нашихъ говоровъ обращаетъ на себя вниманіе, останавливаетъ на себѣ слухъ наблюдателя, заѣзжаго въ Касимовскомъ уѣздѣ, то мы и сочли необходимымъ перечислить всѣ тѣ случаи, гдѣ эти долгіе гласные поразили нашъ слухъ. Оказалось возможнымъ формулировать *точно* только случаи употребленія *долгаго а*, прочіе-же случаи довольно трудно обобщить въ виду малочисленности самихъ примѣровъ, слышанныхъ нами, съ другими долгими гласными. Изъ этого, конечно, можно заключить, что звукъ *а* нашихъ говоровъ занимаетъ исключительное положеніе, а количество случаевъ *долгаго а* въ закрытыхъ слогахъ даетъ намъ право отмѣтить какую-то связь между долготой звука *а* и положеніемъ его въ закрытомъ слогѣ. Ниже мы представимъ посильныя объясненія этого явленія въ связи съ явленіями долготы гласныхъ въ другихъ русскихъ говорахъ, а теперь перейдемъ къ дальнѣйшей характеристикѣ Касимовскихъ говоровъ.

Глава II-ая.

Дифтонги.

Въ глубинѣ Касимовскаго уѣзда, въ Китовской волости, а также въ говорѣ с. Ярыгина (на р. Сынтулѣ) и вообще на сѣверѣ извѣстны *дифтонги*. На сѣверѣ Касимовскаго уѣзда есть село Парахино, составляющее вмѣстѣ съ прилегающими къ нему деревнями Парахинскую волость; сюда входятъ деревни: Фомино, Залѣсье, Новая, Астахово (на картѣ: Астафьево), говоръ которыхъ я и записывалъ. Говоръ этой волости особенно поражаетъ слухъ наблюдателя своими дифтонгами. Кромѣ этихъ мѣстностей, я не встрѣтилъ больше нигдѣ дифтонговъ, хотя старожилы и уроженцы Касимовскаго края увѣряли меня, что на ихъ памяти и въ Погостинской волости (д. Забѣлино) говорили *такъ-же*, какъ нынѣ говорятъ въ Парахинской волости, но самъ я въ д. Забѣлинѣ уже не слышалъ дифтонговъ.

Въ говорѣ Парахинской волости нынѣ извѣстны слѣдующіе дифтонги (дифтонгическія сочетанія): у͡о и і͡е. Первый изъ этихъ дифтонговъ въ большинствѣ случаевъ слышится съ бо̀льшей ясностью *въ первой своей части*, т. е. перевѣсъ въ произношеніи дифтонга у͡о слышится на звукѣ *у*; это бываетъ однако только въ томъ случаѣ, когда дифтонгъ имѣетъ на себѣ удареніе, *въ случаѣ ударяемости дифтонга у͡о*; но, такъ какъ этотъ дифтонгъ чаще всего слышится *въ неударяемыхъ слогахъ* вообще, то мы и будемъ говорить сперва о слогахъ неударяемыхъ. Говоръ Парахинской волости характеризуется употребленіемъ дифтонга у͡о, именно, въ неударяемыхъ слогахъ, и въ этомъ положеніи дифтонгъ у͡о отличается отъ ударяемаго дифтонга у͡о тѣмъ, что *при отсутствіи на немъ ударенія въ немъ слышится съ бо̀льшей ясностью второй его элементъ*, т. е. перевѣсъ произношенія получается на звукѣ *о*. Такое произношеніе (у͡о) есть произношеніе *обычное* въ говорѣ Парахинской волости [1]). Впрочемъ, *иногда и ударяемый* дифтонгъ у͡о

[1]) Въ говорѣ Китовской волости (въ центральной части уѣзда), а также въ говорѣ с. Ярыгина (на сѣверѣ уѣзда) мнѣ слышался скорѣе дифтонгъ

слышался намъ съ перевѣсомъ въ произношеніи *на второй* своей части, т. е. на звукѣ *о*.

Вообще, мнѣ довольно трудно было услѣдить перевѣсъ произношенія на составныхъ элементахъ этого дифтонга: слышалось то у͡о, то у͡о́ у разныхъ лицъ; но дифтонгъ самъ по себѣ, т. е. *два* звука—у͡о,—замѣтны были сразу. Въ приводимыхъ ниже примѣрахъ мы будемъ, въ случаѣ неударяемости дифтонга у͡о, ставить на словѣ два ударенія:—одно этимологическое, т. е. то ударѐніе, съ которымъ данное слово извѣстно въ говорѣ, другое—акустическое, такъ сказать, т. е. то ударѐніе, которое намъ слышалось на болѣе ясной части дифтонга у͡о.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дифтонгъ у͡о въ говорѣ Парахинской волости извѣстенъ на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *о* въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ, и на мѣстѣ этимологическаго звука *у* (старосл. ѫ) также въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ. Далѣе, этотъ-же дифтонгъ является здѣсь вмѣсто *у* (*ю*) и въ тѣхъ случаяхъ. гдѣ этимологическимъ (основнымъ) звукомъ служитъ звукъ *я* (*'а*)—старосл. ѧ, т. е., именно, въ формахъ глагола въ 3 л. множ. числа наст. времени глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженія, если эти формы не имѣютъ ударенія на личномъ окончаніи и въ народномъ говорѣ перешли изъ формъ 2-го спряженія въ формы 1-го спряженія. Наконецъ, дифтонгъ у͡о извѣстенъ и въ формахъ 3-го лица единств. числа наст. времени на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *е* или *и* передъ личнымъ окончаніемъ.

I. *Дифтонгъ у͡о изъ о въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ:* другу́й гу͡о́т, хтарау͡о́й (=второй), дамо́͡ой—Парахино; ру͡о́гъ̀т ня но́с'у͡от = роговъ не носятъ (на головѣ) — ibidem. [1]).

о͡о съ первымъ закрытымъ звукомъ *о—оу*, т. е. о͡у͡о, чѣмъ ясное у͡о; иногда подобнымъ образомъ говорили и въ Парахинѣ. См. примѣры.

[1]) Относительно род. падежа множ. числа «рогъ» срв. пословицу: «Бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ».

Ру́о̄к = рогъ, им. пад. ед. ч.—Парахино; за табу́о̄й—ib.; зимо̄й-ту у́ули-ти вязу́ть—д. Китово [1]).

II. *Дифтонгъ уо̄ изъ о въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: вёрст со́о̄рак—Ярыгино, у́о̄ба папа́ бранять (въ пѣсни)—с. Китово; Хаминуо̄ (= Фомино)—Фомино; ницауо̄ (если это изъ „ницао́“, а не изъ „ницаво́“. Произношеніе *ницао́* въ Касим. уѣздѣ извѣстно такъ-же часто, какъ и произношеніе *ницаво́*). Он дълякуо̄, ни аднуо̄ (= ни одно́)—Парахино.

III. *Дифтонгъ уо изъ у въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ*: а яму́ ани́ дају́от—3 л. мн. ч.—Парахино.

Замѣтимъ, что въ Парахинской волости формы 3-го лица множ. ч. глаголовъ наст. времени при *ударяемомъ* окончаніи—*у́тъ*,—*ю́тъ* слышатся вообще *довольно рѣдко* съ дифтонгомъ: при „дају́от“ мы имѣемъ: „арю́т“—3 л. мн. ч. (= ору́тъ)—Парахино. Совсѣмъ другое наблюдается въ неударяемомъ слогѣ, какъ увидимъ ниже.

IV. *Дифтонгъ уо̄ изъ у въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: не встрѣтился.

V. *Дифтонгъ уо̄ изъ у въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*: драу́а́ рѣжуо̄т (мужики)—3 л. мн. ч—Фомино; пля́шуо̄т—3 л. мн. ч.,—ib.; прида́уо̄т—3 л. мн. ч.; игра́јуо̄т, но́с'уо̄т, ѣбува́јуо̄т, быва́јуо̄т, про́ç'уо̄т [2]), зна́јуо̄т, рабо́тѣјуо̄т, наѣ́ѣнуо̄т [3]), сы́п'уо̄т, запу́с'т'уо̄т, пло́т'ницуо̄т и мн. др.—Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово. (См. Приложенія). Здѣсь вездѣ мы имѣемъ формы 3 лица множ. числа.

---

[1]) Обратите вниманіе на членъ:—*ту* и—*ти* въ этомъ примѣрѣ; изъ перваго члена обнаруживается *преобладаніе перваго гласнаго въ дифтонгѣ уо̄* въ словѣ: зимуо̄й.

[2]) Буквой ç мы означаемъ звукъ *с* съ шипящимъ оттѣнкомъ или *ш* съ свистящимъ оттѣнкомъ, почти *ш*, звукъ, постоянно встрѣчаемый въ Касим. говорахъ. Этотъ звукъ *всегда мягкій*. Сравни нашъ «Отчетъ». Стр. 37.

[3]) Буквой ѣ мы означаемъ звукъ *дж*, произносимый какъ *д* съ оттѣнкомъ *ж*.

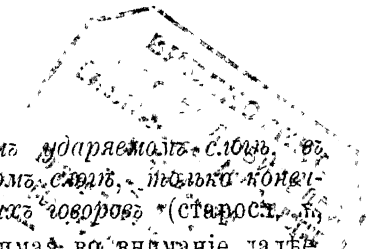
VI. *Дифтонгъ* ѹо *изъ* у *въ открытомъ неударяемомъ слогѣ*: нѣ́тѹо, присѣ́с'ть на тра́хкѹо́ (=на травку)—Парахино; „ӓставля́й сваю́ нѣ́шкѹо у ма́тѣре“ (=нѣ́жку, нѣ́гу; въ свадьбишной пѣснѣ, когда расплетаютъ косу; пѣсня передавалась говоркомъ, потомъ пѣлась).—Парахино; на шыро́кѹю у́лицуо—ibid.; асьму́шкѹо прйняс'лй виньца́—Фомино; харо́шѹо—винит. падежъ единств. числа женск. рода краткаго прилагательнаго; пъвядѹ́т нивѣ́стѹо—ibid; ска́жѹо—1 л. ед. ч.=скажу́—ib.; sѣ́вицуо [1])—вин. пад. ед. ч.—ib. и мн. друг.

Наконецъ, VII. *Дифтонгъ* ѹо въ нашихъ говорахъ появляется *въ формахъ 3-го лица единственнаго* числа, а не множественнаго, *въ наст. времени* глаголовъ I-го и II-го спряженія, т. е. на мѣстѣ тематическаго звука *е* и *и* передъ личнымъ окончаніемъ—*тъ*. Примѣры: игра́ѹот наро́т, ту́т прiѣ́д'ѹот дру́шка—Фомино; на Ма́льцаѹ хо́ѹот=на Мальцевъ (заводъ) ходитъ (мужъ)—Парахино; каку́ю вздѹ́ма́ѹот—ib. (См Приложенія).

Какъ видимъ, здѣсь дифтонгъ ѹо *является въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*. Дифтонга ѹо въ другомъ положеніи въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени, напр., въ открытомъ слогѣ ударяемомъ и неударяемомъ (открытый слогъ могъ бы получиться при отсутствіи личнаго окончанія—*тъ* или—*ть*; срв. формы: игра́я, бу́дя, хо́дя и проч. на югѣ Ряз. губерніи и здѣсь—ниже), а также въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ мы не встрѣтили.

Подводя итогъ всему сказанному въ этой главѣ о дифтонгѣ ѹо въ нашихъ говорахъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда дифтонгъ ѹо (о$^{\breve{}}$о) извѣстенъ намъ въ пяти различныхъ положеніяхъ (VII-ой пунктъ пока оставляемъ): *въ закрытомъ и открытомъ ударяемомъ слогѣ, конечномъ и серединномъ, вмѣсто звука о другихъ русскихъ говоровъ*, а также вмѣсто звука *о* литературнаго русскаго нарѣчія и старославянскаго, слѣдовательно, вмѣсто зву-

[1]) Буквой s (зѣло) означается звукъ *д* съ оттѣнкомъ *з*: *дз*.



ка *о* основного. Далѣе: *въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ, въ закрытомъ и открытомъ неударяемомъ слогѣ, только конечномъ, вмѣсто звука у другихъ русскихъ говоровъ* (старослав. и, но: нѣ͡туо—Парахино, выше). Принимая во вниманіе далѣе, что въ народныхъ говорахъ вообще замѣчается переходъ глаголовъ изъ II-го спряженія въ I-ое въ формахъ наст. времени, мы можемъ объяснить себѣ вышеприведенную форму 3 л. ед. ч. „хо́ю͡от“ (=ходитъ), какъ происшедшую чрезъ посредство формы *ходетъ (или б. м отсюда—*хо́детъ); сравни: хо́дя, лю́бя, но́ся, во́зя и проч. на югѣ Ряз. губ. и въ другихъ русскихъ говорахъ—непосредственно изъ формъ: *хо́де. лю́бе. но́се, во́зе, быть можетъ. по аналогіи съ формами I-го спряженія: бу́дя, пи́ша, игра́я и проч. Сравни при этомъ и формы 3-го лица множ. числа въ народныхъ говорахъ: смо́трютъ, лю́бютъ, хо́дютъ, то́пютъ; срв. выше здѣсь: но́с'у͡от, про́с'у͡от и друг. Кромѣ того, находя въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ *рядомъ* съ вышеприведенными формами 3-го лица *ед. числа* наст. времени и такія, какъ: прі͡ѣдёт, хо͡јет (=хо́дитъ—3 л. ед. ч)—Парахино, Фомино (см. ниже Приложенія), мы думаемъ, что не ошибемся, если признаемъ нашъ дифтонгъ *у͡о* въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени стоящимъ вмѣсто звука *о* (*ё*), смягчающаго предшествующую согласную, въ другихъ русскихъ говорахъ. Значитъ, въ пунктѣ VII мы имѣемъ примѣры *дифтонга у͡о изъ 'о въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*. Такимъ образомъ, Касимовскіе говоры представляютъ намъ дифтонгъ *у͡о* на мѣстѣ звуковъ *о* (*'о*) и *у* (*'у*) другихъ русскихъ говоровъ. Вообще, мы видимъ въ нашихъ говорахъ *дифтонги ударяемые и неударяемые*, и это служитъ ихъ особенностью сравнительно съ другими русскими говорами, въ которыхъ сохранились дифтонги преимущественно или исключительно въ ударяемомъ положеніи. Въ частности дифтонгъ *у͡о* вмѣсто *о* является въ нашихъ говорахъ *только подъ удареніемъ*, вмѣсто-же *'о* только въ неударяемомъ положеніи въ 3 л. единств. числа; а вмѣсто звука *у* (*'у*) дифтонгъ *у͡о* нашихъ говоровъ является почти исключительно *въ неударяемомъ слогѣ* (форма даю͡от—3 л. мн. ч.—почти единичная. См. выше) Въ какомъ отношеніи дифтонги нашихъ говоровъ находятся къ дифтонгамъ другихъ русскихъ говоровъ,

и какія условія возникновенія ихъ,—эти вопросы будутъ разсмотрѣны ниже, во II-мъ и III-мъ отдѣлахъ настоящаго труда. Насколько извѣстно до сихъ поръ, въ области южно-великорусскихъ говоровъ дифтонги еще не были указаны, и въ этомъ отношеніи Касимовскіе говоры представляютъ новыя данныя для діалектологіи.

Дифтонгическое сочетаніе i͡e Этотъ звукъ, всегда съ преобладаніемъ первой его части—*i*, мы слышимъ иногда въ Парахинской волости вмѣсто звуковъ *е* и *и* въ формахъ 1-го лица множественнаго числа наст. времени въ окончаніяхъ—*емъ* и—*имъ* I-го и II-го спряженія; въ такомъ случаѣ дифтонгъ *i͡e* мы слышали только въ *неударяемыхъ* слогахъ. Примѣры: ку́пі͡ем мукѝ—1 л. мн. ч. изъяв. накл.—Фомино; сѣ́ді͡ем, ста́ні͡ем—1 л. мн. ч—Фомино, Парахино. Съ этими формами сравните формы вышеприведенныя: по́л'а̄м, ста́н'а̄м—1 л. мн. ч.—съ *долгимъ* гласнымъ—сс. Китово, Чарусъ и друг. Мы ожидали-бы здѣсь формъ: сѣ́ём, ста́нём или съ дифтонгомъ *'у͡о*, какъ выше въ 3 л. единственнаго числа.

Это же сочетаніе *i͡e* извѣстно намъ въ другихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда на мѣстѣ древне-русскаго и старославянскаго *ѣ* въ *ударяемыхъ* слогахъ: въ сс. Шаранинѣ, Чуфиловѣ, Норинѣ (Шеинскаго прихода), Ахматовѣ, а также и въ Парахинѣ. Примѣры: мі͡е́ру натопцу—1 л. ед. ч.—Шаранина; ні͡е́ту, ні͡е́ту!—Чуфилово; не[1] сумѣ́ю пі͡е́сьни пі͡е́ть—(съ преобладаніемъ въ послѣднемъ словѣ звука—*i*)—Парахино; „я ба́й ні͡е́т"!—ibid.; „во́ç имь мі͡ер на т^{c}ягло́!"—(съ преобладаніемъ опять звука—*i*)—Ахматово [1]).

Въ звукѣ *i͡e=ѣ* мы видимъ мѣстами преобладаніе перваго элемента—*i*—въ произношеніи, а мѣстами—второго элемента—*е*. Болѣе точнаго указанія мы дать не можемъ, такъ какъ вообще *i͡e=ѣ* въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко* встрѣчается, и намъ удалось уловить слухомъ это произношеніе лишь въ немногихъ словахъ. Зато произношеніе монофтонгическаго *і* подъ удареніемъ вмѣсто *ѣ* встрѣчается гораздо ча-

[1]) Знакомъ *т^{c}* мы обозначаемъ звукъ *т* съ оттѣнкомъ *с*: *т^{c}*, но не *и*.

ще, въ особенности это произношеніе сильно замѣтно въ деревнѣ Норинѣ, какъ будетъ видно ниже.

Кажется, можно только вообще сказать, что сочетаніе *i͡e* съ преобладаніемъ элемента *і* на мѣстѣ стараго *ѣ* подъ удареніемъ слышится чаще въ односложныхъ словахъ въ закрытыхъ слогахъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Изъ предыдущаго обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ въ нашихъ говорахъ мы уже замѣтили, что какъ тѣ, такъ и другіе гласные звуки *не обязательны* въ извѣстныхъ положеніяхъ въ говорахъ Касимовскаго уѣзда; кромѣ того, всѣ эти звуки и *не повсемѣстны* въ Касимовскомъ уѣздѣ, а потому они представляются какъ бы *мелочными* діалектическими отличіями, но нельзя не обратить вниманія на то, что эти діалектическія особенности присутствуютъ въ нашихъ говорахъ одновременно: *гдѣ* извѣстна долгота, *тамъ* извѣстны и дифтонги, *гдѣ* есть *i͡e=ѣ*, *тамъ* встрѣчается и долгота, и все это—въ области южно-великорусскаго нарѣчія.

Въ концѣ обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ Касимовскаго говора считаю не лишнимъ указать на то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *дифтонгамъ* говора въ Парахинской волости и прилежащихъ мѣстностяхъ *соотвѣтствуетъ долгота* гласныхъ въ говорѣ средней и южной части Касимовскаго уѣзда. Срв., напр., „за табу͡ёй“ и „с ры͡бай“ и мн. друг. выше. Эта долгота меня часто сбивала при скорой записи; я каждый разъ почти затруднялся точно опредѣлить мѣсто ударенія въ такихъ словахъ: ставить-ли при записяхъ удареніе тамъ, гдѣ оно стоитъ въ литературномъ произношеніи и гдѣ, конечно, оно слышится и въ приведенныхъ выше словахъ народнаго произношенія въ Касимовскимъ уѣздѣ, или тамъ, гдѣ у меня поставленъ знакъ долготы; я этимъ хочу сказать, что слово слышалось какъ-бы съ двумя удареніями или, еще лучше сказать, съ двумя долгими слогами, причемъ тотъ слогъ, который соотвѣтствуетъ ударяемому въ литературномъ произношеніи даннаго слова, звучалъ *короче* другого долгаго слога. Такое приблизительно или подобное произношеніе я слышалъ у чеховъ. Особенно ясно слышна долгота гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда: въ Шостьѣ,

въ Ерахтурѣ, въ Чинурѣ. въ Ярыгинѣ, въ Китовѣ, въ Чарусѣ, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Касимовскаго уѣзда. Дифтонги-же преимущественно слышны на сѣверѣ уѣзда въ Парахинской волости: въ Парахинѣ, Фоминѣ, Новой, Астаховѣ, Ахматовѣ, а также частью въ томъ районѣ, гдѣ слышна и долгота гласныхъ, именно, въ Китовской волости.

Особнякомъ стоитъ произношеніе: т^{ь}ю̀п'линькяю—вин. пад. ед. ч. жен рода имени прилагательнаго вмѣсто „тёпленькую“, слышанное нами тоже въ с. Парахинѣ. Вѣроятно, мы здѣсь имѣемъ звукъ *ю* изъ *е́* чрезъ *ю͡о*: *т^{ь}ю͡оп'линькяю, откуда и наше—т^{ь}ю́п'линькяю. Сравни бѣлор. цюплый (=тёплый), жывюмъ—1 л. мн. ч. (=живёмъ), юй (=ей), юсь (=есть), а также малорус. Черниговск. юбй (=ей), юй, тю͡бтка, тю͡тка и мн. др. (См *Соболевскаго* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892 г. Вып III. 19. Вып. IV. 29 и слѣд. passim). Можетъ быть, первоначально звуки *ю͡о* и *ю* были въ положеніи передъ слѣдующими твердыми слогами.

Глава III-я.

Звукъ *а* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ я постараюсь представить обозрѣніе всѣхъ тѣхъ основныхъ звуковъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени развился въ нашихъ говорахъ звукъ *а*, не смягчающій и смягчающій предшествующую согласную, т. е. звукъ *а* и *'а* послѣ согласныхъ, а также звукъ *а* въ началѣ слова. Я буду приводить примѣры не только изъ говора Касимовскаго уѣзда, но и изъ говора прилегающей части Спасскаго уѣзда. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть возможность сразу получить представленіе о томъ, изъ какихъ основныхъ звуковъ развились звуки *а* и *'а* (я) въ разсматриваемыхъ нами говорахъ. Такъ какъ всѣ эти говоры *àкающіе*, то, конечно, звукъ *а* и явля-

ется въ нихъ преобладающимъ, т. е. преобладающимъ въ вокализмѣ этихъ говоровъ, но, чтобы видѣть, чѣмъ и насколько аканье нашихъ говоровъ отличается отъ акапья южно-рязанскихъ говоровъ и вообще говоровъ съ сильнымъ, или полнымъ аканьемъ, мнѣ придется въ этой-же главѣ указывать и на тѣ случаи, гдѣ является въ изслѣдуемыхъ нами теперь говорахъ отступленіе отъ сильно акающихъ говоровъ, т. е. придется указывать и на другіе звуки, которые здѣсь являются вмѣсто ожидаемыхъ звуковъ *а* въ сильно акающихъ говорахъ. Само собой разумѣется, что настоящая глава, какъ разсматривающая звуковыя явленія, происшедшія послѣ измѣненія характера ударенія русскаго языка и обусловленныя экспираторнымъ элементомъ этого ударенія, должна обозрѣвать гласные звуки въ зависимости отъ положенія ихъ относительно ударенія или ударяемаго слога. Мы разсмотримъ звукъ *а* (ˈ*а*) ударяемый, звукъ а (ˈ*а*) въ слогѣ *передъ* удареніемъ, звукъ а (ˈ*а*) въ слогѣ *послѣ* ударенія и звукъ *а* (ˈ*а*) въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія къ началу или къ концу слова Согласно этому, мы раздѣлимъ свое разсужденіе на четыре отдѣла.

§ I. Звукъ *а* (ˈ*а*) является подъ удареніемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ произошелъ изъ стяженія группы: а́је—или—а́ја въ формахъ глагола и имени прилагательнаго членнаго женскаго рода. Иначе сказать, глаголы III-го класса (*Лескинъ.* Грам. Рус пер. 108. 111. 142.) на—ать,—аж съ ударяемымъ тематическимъ а въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ представляютъ очень часто стяженныя формы въ настоящемъ времени, гдѣ является одинъ звукъ *а́*; этотъ-же звукъ имѣется въ прилагательныхъ членныхъ въ имен пад. ед. ч. жен. р., если онъ былъ ударяемымъ въ формахъ не стяженныхъ. Примѣры: он знàт, мы знàм, нàзывàтца—3 ед —Уланова Гора Касим. у., читàт—ib., кадà бывàт, пъсылàм—ib., знàш, рàзгадàш—2 ед.—ib., пълагàтца — 3 ед.—ib., нàзывàтчя — 3 ед. Дмитріево, увивàтчя, сàкрушàтчя—3 ед. Данево, угада́т—3 ед. ib., знàт, быва́т—Гус. Погостъ, Забѣлино; э̀та сафсѣ́м рàзмака́т—3 ед. Забѣлино, сѝлы ни хватàт—ib., ф сялò нàша въяж'ж'а́ш—2 ед., с. Китово. Здѣсь-же я упомяну о замѣчательныхъ случаяхъ произношенія въ нашихъ говорахъ группы *аэ*, не *ае* (аје), въ

означенныхъ и подобныхъ формахъ глагола; въ этой группѣ *аэ* съ ударяемымъ и неударяемымъ звукамъ *а* слышно такое широкое *э*, что чуть не *а*, такъ что можно, пожалуй, эту группу изобразить на письмѣ такъ: *àá* или *аа*. Ясно, что такое произношеніе указываетъ на неслоговое і между *а* и *е* и представляетъ собой то произношеніе. черезъ которое должны были перейти глагольныя формы на—ѧшн,—ѧтъ... прежде, чѣмъ дать произношеніе—ашн,—атъ и—ашн,—атъ .. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ здѣсь и долгое *а*, и дифтонгическое сочетаніе *аа*, и стяженное *а* съ утраченной долготой. (См. ниже—Морфологію). Примѣры: ударяемое *а*: прàзывàэмъ — 1 мн. Шостья, хватàэт — 3 ед. Бѣлково. (Неударяемое *а* въ такихъ примѣрахъ см. ниже). Собственно говоря, это — черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія или, по крайней мѣрѣ, чаще всего встрѣчаемая теперь тамъ, но нельзя думать, что она не была извѣстна прарусскому языку или даже общеславянскому, такъ какъ противъ этого говоритъ сравненіе языковъ славянскихъ между собою. Колосовъ въ Новгородскомъ говорѣ отмѣчаетъ: почитàш, ѐн бàт—Указ. соч. 15., въ Вятскомъ: сшивàм, бàш, бàт—223., въ Ярославскомъ и во Владимирскомъ (Муромскомъ)—знàш — 295., въ Архангельскомъ, Вологодскомъ и Пермскомъ: читàш—2 ед, въ Вологодскомъ: онъ читàэт книгу—325 и прим. 2. Въ этомъ примѣчаніи сообщеніе, повидимому, совершенно вѣрное: почти то-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ. Въ Сборникѣ пѣсенъ Истомина и Дютша находимъ: пропивàтъ 3 ед.—стр 92 (Арх.), спродувàтъ—3 ед, сорывàтъ, устилàтъ—194. (Г. Кемь Арх. губ.) [1]). Въ Олонецкомъ говорѣ: видàшь, увидàшь (отъ гл. видàю, видàть)— 2 ед. —Гильфердингъ. Он. был. Столб. 137; поѣзжàшь—177, знàшь—228, играшь—248 , оставлѧшь—347, гулѧшь—903, приплывàтъ—57, качáтъ—154, заставлѧтъ—396 и мн. др. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, повидимому, это

---

[1]) Мы здѣсь приводимъ примѣры только на *ударяемое а*, т. к о неударяемомъ *а* вообще и въ такихъ формахъ въ частности мы будемъ говорить ниже; кромѣ того, неударяемое *а* въ печатныхъ матеріалахъ, можетъ быть, и не слѣдуетъ понимать, какъ *чистое а*. Такія формы съ неударяемыми *а* см. также у *Колосова* ibid., у *Истомина* и *Дютша* стр. 37. 47. 153 и др, у *Даля*. О нарѣчіяхъ. Стр. XLIX. LIV. LVI

явленіе довольно рѣдкое, въ особенности подъ удареніемъ: мàшь вм. мàешь—2 л. ед. ч. [1]). Это же явленіе мы имѣемъ и въ млр. нарѣчіи, въ галицкомъ говорѣ, у Лемковъ и Бойковъ: пожива̀тъ—3 ед., купà̀тъ — 3 ед., збирàмъ—1 мн., збирàте—2 мн., збира̀тъ—3 ед. и мн. др. (см *Соболевскаго*. Очеркъ... Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 53. 56. 57. 59).

Что касается именъ прилагательныхъ, то они являются съ ударяемымъ *а* въ именит. пад. ед. числа ж. р въ смыслѣ *членныхъ* прилагательныхъ, хотя и не всегда возможно рѣшить вопросъ, употребленіе-ли это безчленныхъ формъ, или членныхъ, но стяженныхъ. По крайней мѣрѣ, въ сѣв.—влкр. говорахъ, напр., въ Казанскомъ, почти вездѣ, гдѣ мы употребляемъ въ ювр., или литературномъ нарѣчіи, членныя прилагательныя, слышатся формы стяженныя или безчленныя [2]). Въ разсматриваемыхъ нами теперь говорахъ мы имѣемъ ударяемое *а* въ слѣдующихъ примѣрахъ. друу́а у жыниха́ (вечеринка)—Ерахтуръ, друу́а сляза́—ib. (въ пѣснѣ), изба́ бальша̄ быва́е'ть—Шостья; мо́та̄льная кака́ та фа́брика—Гус. Погостъ, па̄гаво́рка така́-та Уланова гора, и друг. Долгота гласнаго говоритъ здѣсь въ пользу стяженія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи наши говоры приближаются къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ [3]).

Ударяемое *а* (*а*) является еще въ нѣкоторыхъ формахъ глагола вмѣсто *о* ударяемаго, т. е. изъ *о* ударяемаго; въ эти формы *а̀* вошло вслѣдствіе образованія по аналогіи: ла́витца — 3 ед.—Забѣлино, ла́вимъ — 1 мн. — Ерахтуръ, ла́вють — 3 мн. ibid., ни ла́вютца у́тки-ти—Рогачево. Глаголъ „лави́ть“ со звукомъ *а* въ акающихъ говорахъ былъ причиной появленія этого *а* и въ формахъ, гдѣ коренное *о* должно бы стоять подъ удареніемъ. Срв. хвати́ть—хва́тишь, мани́ть—ма́нишь и др. [4]). Дака́ньцына—Шостья (=докончена). Срв.

---

[1]) *Карскій*. Обзоръ. Стр. 150. 152. Срв. формы: наймàмъ—1 л. мн. ч. напытáамъ — 1 мн. ч. въ Могилевскомъ говорѣ. *Соболевскій* ibid. III. стр. 18. 19.

[2]) См мою брошюру: Главнѣйшія черты народн. р. говора въ Казан. губ. В. 1894. Стр. 26—27. Здѣсь же, на стр. 17—20 о стяженныхъ гласныхъ въ глаголахъ.

[3]) Срв. *Ляпуновъ*. «Нѣсколько словъ». Стр 33

[4]) Срв мое соч. «Къ діалектологіи». 19—21.

„ка́ньча́ть“ при „дака́ньчивать“, которое и могло вовлечь въ аналогію глаголъ „доко́нчить“ соверш.-окончательнаго вида. Ударяемое ’*а* мы имѣемъ далѣе изъ неударяемаго (м. б, и ударяемаго)—*ѣ* въ нарѣчіяхъ: падьля́ при падьлѣ́—Нармушадь (=по́длѣ́), вазьля́, пасьля́—ib, Забѣлино (=вѣзлѣ́, см. Mikl. Lex. s. v., по̀слѣ́). Срв. мое соч. „Къ діалектологіи“.. Стр. 36.

Наконецъ, ударяемое ’*а* мы имѣемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ мы не встрѣчали этого звука въ южно-рязанскихъ говорахъ, гдѣ онъ, именно, образовался изъ основного ударяемаго *е* (изъ—ѣ) послѣ мягкаго согласнаго. Такъ, мы имѣемъ: „у мѐня́ рука́ ля́хкая“—с. Ижевское Спасск. у.; можетъ быть, ’*а́* изъ *е́* въ словѣ: паня́ва—с. Китово Касим. у. (обыкновенно: пане́ва). Что касается перваго изъ приведенныхъ словъ, то оно указываетъ, по моему мнѣнію, на *аканье* говоровъ, въ которыхъ оно употребляется: я думаю, что произношеніе *ля́хко́*, *ля́хка́* и под. были причиной появленія произношенія *ля́хкая*, **ля́хкій* и пол Но какъ это произношеніе извѣстно въ *окающихъ* говорахъ? Насколько я знаю, это слово съ такимъ произношеніемъ отмѣчено еще только въ *вятскомъ* говорѣ: здѣсь имѣемъ: *ля́че*, *кря́сло*; въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи отмѣчено: *ля́хче* [1]). Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ второй случай замѣчательнаго совпаденія при-Окскихъ говоровъ Рязанской губерніи съ говорами Вятской губерніи: конечное долгое *о—а* или дифтонги и появленіе ударяемаго ’*а* изъ ударяемаго ’*е* [2]),

---

[1]) *Соболевскій* Очеркъ... Жив. Стар. 1892. II. Стр. 20 и прим. 4. также стр. 22.

[2]) *Шахматовъ* Изслѣд. въ обл. р. фонетики Стр. 73. Здѣсь Шахматовъ, объясняя написаніе *легьчеѥ* грамоты 1229 г. по сп. В (Рус.-Лив Акты Прилож Стр. 436), говоритъ: «общерусское льгъчо измѣнялось въ lögĕ̀ŏ, откуда послѣ ассимиляціи g слѣдующему ĕ löxĕ̀ŏ (x обозначаетъ средненебное x) и далѣе le¹xĕ̀ŏ, ср написаніе легьче (Это ошибкою: написано въ Грамотѣ, какъ мы видѣли, легьчеѥ, а не легьче), великор. ле¹хче. Звукъ e¹, оказавшись передъ твердой согласной,.. переходилъ въ a, которое или измѣнялось въ o, или, сохраняясь при извѣстныхъ условіяхъ, какъ a, переходило затѣмъ въ a». Здѣсь для меня является непонятнымъ то, *когда* же x въ словѣ löxĕ̀ŏ было средненебнымъ, и почему *g* въ словѣ lögĕ̀ŏ не могло быть, если это

а, кромѣ того, долгота ударяемыхъ и неударяемыхъ гласныхъ звуковъ. Что касается второго слова: „панява", то оно извѣстно уже въ древне-русскомъ языкѣ: въ Новгородской Тріоди Постной XI вѣка читаемъ: въ багъранищѣ мѣсто поплавою прѣпомсасѧ: оумываю оубо ноги wтираю же и поплаваю (не опечаткой-ли *а*?); поплавою прѣпомсаѥть; поплавою wтьрлъ ѥси; възьмъ поплавъ; однако тутъ-же мы встрѣчаемъ одинъ разъ написаніе: *поновою* Христе тъгда прѣпомсасѧ—*Срезневскій*. Др. и р. письма и языка. (Изв. АН X. вып. V 446. 445) Едвали можетъ быть такая описка [1]), а, если и описка, то ее можно объяснить только при предположеніи, что здѣсь въ словѣ *поновою* написано *о* послѣ *н* вмѣсто *е*, т. е. вмѣсто *поневою*, а не вмѣсто *я*: вѣдь, во всѣхъ случаяхъ писецъ написалъ *я*, нигдѣ нѣтъ *ѭ*; можетъ быть, уже тогда начиналось колебаніе въ произношеніи, хотя въ Новгородскомъ говорѣ, вѣроятно, обыкновенно это слово звучало „понява": по крайней мѣрѣ, и въ другомъ Новгородскомъ памятникѣ, который почти на цѣлое столѣтіе моложе Постной Тріоди, именно, въ Монастырскомъ Уставѣ церковнаго служенія XII—XIII в., мы читаемъ постоянно: и положи ризы и възь понявоу прѣпомсасѧ; прѣстанеть дондеже игуменъ прѣпоашеться понявою; отирати понявою; отрѣшить понявоу.—*Срезневскій*. Ib. 513. (Въ Уставѣ есть мѣна звуковъ *ꙗ* и *ч*).

Если я не возьмусь объяснять возникновеніе произношенія ля́хкая, ля́хче, ля́кче при ле́хкая, лехче, лекче и лехче, ле́кше, такъ какъ для меня неясно возникновеніе *средненебнаго х* или *г*, потому что мы и теперь имѣемъ мягкое *ч* и передъ нимъ *твердое к* или *х*, и я, вслѣдствіе этого, склоненъ видѣть въ произношеніи ле́хче, ле́кче церковно-славянское вліяніе, а въ

такъ, тоже средненебнымъ? Почему написаніе грамоты 1229 года *гельчѥ* имѣетъ такое рѣшительное значеніе? Въ сп. А. мы имѣемъ: *гиче*, а въ сп. С—*лыце*. Мнѣ кажется, этотъ *ь* въ словѣ легьчѥ есть явленіе графическое вм. *ъ*, имѣющаго значеніе твердости звука *г* Едвали, кромѣ того, не было въ этомъ словѣ ударенія на—*чѐ*—легьчѐѥ, какъ *ловчье*; тогда *е* послѣ *л*, естественно, есть *е*[1]. У насъ и до сихъ поръ при *ле́хче—лехче* и *ле́кше*. Другое дѣло относительно словъ: колясный, головяшка, сѣняльный; см *Шахматовъ* Ib Стр. 84. 85. 93. 179 185 187

[1]) *Шахматовъ*. Ib. 191.

произношеніи лехче и под.—чисто русское, то насчетъ словъ понева и понява, кажется, можно высказаться рѣшительно, что здѣсь надо видѣть двоякое образованіе, т е. чередованіе звуковъ *е* и *ѧ* такое-же, какое мы видимъ въ словахъ каленый и каля́ный [1]), соленый и соля́ный и под. Само собой разумѣется, что такія двойныя формы, въ которыхъ языкъ уже имѣлъ чередованіе *е* и *я*, какого бы происхожденія эти *е* и *я* ни были, послѣ того какъ въ звукѣ *е* слились два звука: и *е*, и *ъ*. а въ звукѣ *'а*—два звука: и *ѧ*, и *л*, могли повлечь за собой и новообразованія. Въ настоящее время слово „понява“ преимущественно употребительно въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи: въ Новг , Олон., Вологод , Арханг. губерніяхъ, а слово „понева“—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ: въ Калуж., Орлов., Тул., Ряз., Тамб , Вор., Смоленск. губерніяхъ [2]). Я полагаю, что это чередованіе сравнительно недавнее потому, что въ *древнихъ* памятникахъ мы имѣемъ только *понꙗва* [3]). Но насколько недавне это чередованіе, рѣшить трудно.

§ II. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому.

Въ этомъ отдѣлѣ собственно слѣдуетъ говорить о такъ называемомъ а̀каньѣ и я̀каньѣ Такъ какъ характеръ аканья изслѣдуемыхъ нами говоровъ нѣсколько иной, чѣмъ характеръ аканья южно-рязанскихъ говоровъ, описанныхъ нами прежде въ другомъ трудѣ, то мы нѣсколько времени остановимся на общей характеристикѣ аканья Касимовскаго говора и говора прилежащихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда.

Вообще, нужно сказать, что аканье сѣверо-восточнаго угла Рязанской губерніи скорѣе умѣренное, чѣмъ сильное: здѣсь какъ-бы происходитъ борьба за возобладаніе того или другого вида аканья. Правда, мы выше видѣли, напр , въ формахъ именъ прилагательныхъ какъ будто *сильное* аканье, но при *такомъ* аканьѣ наблюдается нѣсколько иной характеръ яканья. Въ этомъ и состоитъ особенность говоровъ сѣ-

---

[1]) См. мое соч «Къ діалектологіи» .. Стр 136.

[2]) *Даль.* Словарь. S v «Понява».

[3]) *Miklosich.* Lex s v понꙗва. Его-же. Etym. Wtb.," гдѣ находимъ только: ponjava

веро-восточнаго угла Ряз. губерніи: они при *сильномъ* аканьѣ въ своемъ яканьѣ приближаются къ типу умѣренно-акающихъ (якающихъ) говоровъ, т. е. при произношеніи: въ *даму́*, *вазы́* (*вазá*), *вази́*, *хади́*, *наси́* и под. произносятъ *я* (*'а*) чисто *лишь передъ твердымъ слогомъ*: нясу́, вязу́, вяду́, вялá.... но: не'с'ли́, ве'з'ли́, ве'ли́.. Между тѣмъ какъ въ южно-рязанскихъ говорахъ мы постоянно наблюдали произношеніе: няс'ли́, вяз'ли́, вялй́..., за что̀ это произношеніе мы и назвали *полнымъ аканьемъ*. Но не надо думать, чтобы произношеніе ве'ли́... было повсемѣстнымъ въ говорахъ сѣв.-восточнаго угла Ряз. губерніи: есть мѣстности, гдѣ *полное* аканье встрѣчается, какъ правило, и произношеніе ве'ли́ составляетъ исключеніе.

Такимъ образомъ, прежде всего можно сказать, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ всякое *о*, находящееся въ предударномъ слогѣ, произносится, какъ чистое *а*; такъ-же произносится и звукъ *а* въ этомъ положеніи относительно ударяемаго слога [1]).

Займемся яканьемъ. Такъ какъ въ большинствѣ современныхъ русскихъ говоровъ мы имѣемъ теперь полное отожествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, то въ отдѣлѣ яканья мы будемъ разсматривать и случаи современнаго *'а* изъ *'е*, и случаи *'а* изъ *ѣ* въ нашихъ говорахъ. Отдѣльно будемъ говорить лишь о случаяхъ *а* изъ *е* послѣ *ж*, *ш*, *щ* (гдѣ щ = шш), *ц* и о случаяхъ *'а* изъ ѣ или ѧ въ предударномъ слогѣ.

А съ предшествующей мягкостью согласнаго изъ основного е (*ь*). Сяло́, ня зна́ю, сямо́й *у*адо́к—Ижевское, Киструсъ Спасск. у, пирябо́зим—1 л. мн. ч.—д. Деревенское Спас. у., мя́яму́—ib., яму́, яво́—ib., к няму́—Нармушадь Касим. у., за няво́ хади́ла—Ерахтуръ, ib., привязла́ цы́тьвяртну́ю и бу́де'ть—ib, дя́ляко́, бяру́, бяру́ть, плятý́ть, ня́пякýть—ib., ня но́сють—Борки, тяпло́, ля*у*ла́, бясха́брик, привязу́ть—ib., вясно́й, пряст0́л-жы, ка́рянно́й, у́мяршы́х ляжы́ть—Ерахтуръ, сястро́й, сляза́, пя́тряпа́йм—1 л. мн. ч.—Шостья, Яра́хтур—Шостья, пясо́к—ib., пя́ сялу́—ib., бирягла́, пякла́, пяца́льна, мъстяра́,

[1]) Мы здѣсь не имѣемъ въ виду только нѣкоторыхъ случаевъ основного *а* послѣ шипящихъ О нихъ см. ниже. Окающихъ мѣстъ рѣшительно никакихъ нѣтъ. См. *Ляпунова*. «Нѣсколько словъ»... Стр. 22. Прим 1

сястра́, пьрястáла, ядва́, сямна́тцăти—ib., плятýтъ, ляжы́тъ—3 л. ед. ч.—Брѣево (твердое *т* къ углу, въ которомъ лежитъ г. Касимовъ), вярсты́ три́—Селище, плятýт—Дмитріево, свя́водьни, двухъята́жнай—Гусевской Погостъ, сирябра́—Улан. Гора, у свякро́ви, яво́, щяпна́я пасýда, привязýт, в Рязáни, пиряшы́та, тясáть—ib., ф тʿирямý, бярýт, вясны́, ръсплятýт—Дмитріево, сямóй, тякýчăя, ямý, яво́—Данево, пъвядýт—Гиблица, пъмярла́, Яго́р—Забѣлино, пятро́фькйми—ib., сямъя́—им. п. ед. ч.—Бѣльково, гърямы́шная, пъднясýт, зъплята́лися—ib., Пятро́виц—Урядино; сяло́, пънямно́гу, ф шы́шкахъ симяна́; вы́-ти яво́ неʾ сʿйити—с. Китово, тряпáть, свякры́—им. п. ед. ч, другáя цýть цýть ляжы́ть—д. Китово; бис хряста́, блины́ти пякýть, ка́гжа ни пъцытáть та свякры́—ib, пя жáль, ня по́мню; зăплята́лă-та?—ib., нямно́шка, дярýть, ня хо́дю—1 л. ед. ч., ня по́мню, ɣряцы́ха—Чарусъ; я жыý ня здѣсь, ня зна́ю—Ветчаны, афсяцá, гряцы́шки, ф Пятро́фьки, сямна́тцăть, симяна́ неʾ сни́мяш, ка́г бы уляжа́лси, пато́м тряпáть, ткáть принясýт—Ивановское (Ветчан вол.); нядáвна, фсяво́—Андроново (Малахово), ʂьвякры́, принясýт, назна́мйи, дяшóва—им п. ед ч. ж. р. крат. форма прил., пъхлябáют, пăвядýт, в няво́ гле́нит, (=гля́нетъ—3 л. ед. ч.), яштò, лятáют; рѣтьку трем дă хлябáим—1 л. мн. ч., бляваáть, ня ро́днăй бы́л,—Ветчаны; ляно́к, сами ня кýшăим—1 л. мн. ч., ня хóжу—1 л. ед. ч.—Борисково; гýню нясý, травы нăбяры́—Малахово; вясно́й—Симоново (теперь идетъ ниже Тумская волость), у хвяко́ли—Катово, иза фсяýо́—ib., пăмярла́, яшшó, двух дяржáў, ɣрябý, он жжóх яво́ дóм та, ня зна́ю, ямý мýжу-ту (см ниже „Членъ“ и „Синтаксисъ“)—Катово; принясý, ня бóльна хъть харо́ш, сицáс тяпло́, свяво́ннишный вицаро́к, у няво́ рука́ ни дрăɣане́т—Рогачёво; шаштáми, ни лапáткими ɣрябýт—ib., ня во́рют, мялка́ ряка́-та, а то бяз вы́вăда ка́г-жа, а то рáзя ня плáкăла—Горы; мáла-ль у нас яво́ лѣ́су-та—Чуфилово; на уɣлý ляжáл стари́к—Бычково; ня бýдиш йсть, ня хóжу—1 л. ед. ч.—ib., я ня по́вню (=по́мню)—Зубово; пяро́м ни напи́шаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; дяшэ́вли, ня ста́няш—ib., лѣт сямна́тцăть, блява́ла кро́вью, ня во́ин, у мя́ фсяво́ мно́ɣа, яшчо́—Семе́ино; студяно́, тяпло́—Катово; смятáны-ти у каб сайдéтцы и бйс смятáни ядя́—3 л. мн. ч. ib., вйрьтяно́, ня дáмна, ня бóльна халóдеʾн—Снохино; ня лóўка бýдя—3 л. ед. ч.—ib., пиряпáхы̆вăиш—2 л. ед. ч., ня хвáтя—3 л. ед. ч.—

Снохино; лапти плятýт—Шаранина (Парахин. вол.), на щё мнѣ явó—ib., я ня пúшу, ня сы́ньтя, с Кýршы нам яó пиряста́вйли—ib. [1]), сяло́-та Хро́лик сё завём—1 л. мн. ч., ib.. х пяца́х (=въ печа́хъ), я явó ў вадѣ па́рю—ib., Шулё̆ўа Ты́цкин ямý прóзвиш'ш'а—ib., он çё на Рязáни кóçя—ib.; азяркú, стяпны́я ѣ́зьдют („степными“ здѣсь называютъ жителей южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи), а ўрябýшыйи были я́ўъды, ня с пýт (=пудъ)—Амляшовскіе выселки; кýры ни нясýт—Жалýдково; Хядóçья принясла́ явó—Акулово (Китов. вол.) и мн. др.

До сихъ поръ мы все разсматривали примѣры произношенія 'а (я) изъ 'е или ъ въ слогѣ передъ ударяемымъ, именно, *въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*; теперь посмотримъ, что̀ получается изъ 'е или ъ въ предударномъ слогѣ въ положеніи его *передъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ*. Примѣры:

Ф се^{i}лѣ—Выжлисъ Спасск. у., не^{i} здѣлал—ib., (*з* мягкое, что̀ видно изъ того, что въ другихъ говорахъ, напр., въ Тумской волости и Парахинской Касим. у. въ этомъ словѣ *з* звучитъ съ оттѣнкомъ *ж*: з^{ж}ьдѣлал. См. ниже); ф се^{i}лѣ—Гиблицы, Дубровка, Тимохино, Ибердусъ Касим. у., симья́—Ивановское Ветчан. вол., хрёснай выкупа́ит нивѣсту—Ветчаны; с нивѣста́й—ib., зилѣзьна́ва—ib., пе^{i}ри́на, три рибёнка, миня́—вин. п. ед. ч.—ib., ӑт зими́-ти ни атхо́дит—Борисково, ib., с рибёнкам—ib. Çе^{i}ме́йна—Катово, Тум. вол.; вилѣ́л, типе́р, привиз^{ж}ёт—3 л. ед. ч.—Логино ib.; вот тибѣ̀ ӑтвяца́ть, ла ўўшку пътиря́л Хама́, нильзя́—ib.; я цара́сь хо́лйла, хо́лйла тибѣ̀ ку́р-та̄—Бычково; ф како́м çилѣ—Андроново, Малахово Ветчан. вол., виçёлая, ў васкриçёнья, пе^{i}рьва́, пе^{i}рьво́й, миня́—вин. п.—ib., Катово, Тум. вол.; типе́ря—Бычково, Снохино; сире́ть кăраўо́ду—Снохино; цаó-ш тибѣ̀ ищё—ib., у миня́, ищó, дамно зу́бы-ти пътиря́ла—Шаранина; ўвицарў̀ ле^{i}тѣ́ла сама́—Горы, ib., сич^{ч}я́с миня́ вы́вйли—Давыдово, ib; на тилѣ́ўи, ўре^{i}бё—3 л. ед. ч., се^{i}рьпо́м—тв. п. ед. ч.—Праватарово; на́бирёш, митёш избу́—ib.; ни виля́т—Парахино; jiё—вин. п. ед. ч.—Ахматово; сă̆рхваны́ типе́рь фсё—Алексѣево; риба́т къраўлям—1 л. мн. ч.—Волчково и мн. др.

---

[1]) О Куршѣ см. нашъ «Отчетъ». Стр. 36. Казань. 1895 г.

Такимъ образомъ, въ означенномъ положеніи звукъ *е*, мы видимъ, въ нашихъ говорахъ на всемъ пространствѣ обслѣдованной нами мѣстности, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Рязанской губерніи звучитъ близко къ звуку *і*, а кое-гдѣ и прямо звучитъ, какъ *і*, т. е. появляется *іканье* рядомъ съ *іканьемъ* и *яканьемъ*. Правда, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ и случаи яканья вмѣсто іканья, но эти случаи встрѣчаются сравнительно рѣже. Есть однако мѣстность, которая въ нашихъ записяхъ отмѣчена, какъ отличающаяся *по преимуществу полнымъ яканьемъ*, подобнымъ южно-рязанскому. Мы приведемъ примѣры изъ этой мѣстности. Эта мѣстность—районъ вокругъ д. Горы, близъ с. Тумы, слѣдовательно, сѣверо-западная часть Касимовскаго уѣзда, смежная съ Рязанскимъ уѣздомъ. Здѣсь, въ деревнѣ Горы, мы имѣемъ: *мяня* съ чистымъ *я*, какъ по-бѣлорусски; *тябя*—вин. ед.—Зубово, ана рябя́т-та јих мно́ўа̄!—Горы. (См. ниже „Синтаксисъ“); ста́ршына́ прі̯е́хал, ви́дит—ляжы́, вязи́тя дамо́й!—Бычково; я притуўа́ю яво́ г зямлѣ́—ib; цаво́, я сямѣ́йна—ib; хлѣ́ба нѣт: пы́шък на́пякѣш—2 ед. ib.; Т°ярёшы́цка Зубово; принясе́—3 ед. ib., ӑт тябя́-та шла, вѣ́ку привязли́—ib., лябе́душку Пъласке́рьюшку (пѣсня)—ib., бярй за́ два рубли—Давыдово (смежная волость); капе́йцка разъядйна—ib, питьдяся́т—Логино (Тумск. вол.); зямли́цы нѣ́т—Семе́ино, нябе́сна́ва ни утайш—ib.; ӑтнясй, дяре́вня, дявя́тӑй, дяся́тӑй—Горы; ца́рсва нябе́сная, сястри́цушки—Катово; прилятй, изъ зямлѣ́, он тяпе́рь до́ма му́ж-ӑт; зацне́м с цытьвярьуў—ib; нядамна ӑтяли́лась—ib., ӑсярьца́иш 2 ед.—Снохино, бярёш—2 ед. ib., вярёўка—Логино; криньдяле́й—род. мн. ч.—ib., на зялѣ́знай даро́уи—Горы; у мяня́ пять сястёръ—ib

Изрѣдка это явленіе наблюдается и въ глубинѣ уѣзда: въ Ветчанской волости: была́ ня ди́тяцка, ня ми́лая (пѣсня)—Ветчаны, ня пьют, зъплятёны ади́н плитс°е́нь, рябя́тки—ib.; хрясти́тйль—Борисково; маро́с яе́ ажо́х—Шаранина (Пара́хин. вол.). на щё яе́ уо́рькяю—ib., ана пă зямлѣ лята́ит ф травѣ, па лѣ́су лята́я—3 л. ед ч. (соловьиха)—Агѣево (Китов. вол.); ни жынихй хъть, а вяли́ки—Андроново ,пъдняçли́, дярётца, пъднясёт. „за яе́йна го́ря“—Парахино; пянькй ру́бют—Фомино, вядёрку, ляжы́т фся́ нă зямѣ́—ib., бяс трёх—Парахино, ф сыро́й з°ямлѣ́, испякёш, няçй-ка—ib.

Очень рѣдко, но всетаки мы встрѣчаемъ и звукъ *e*^{1} или *i* въ означенномъ положеніи *передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*: ў е^{1}ра́хтурп—Нармушадь, бе^{1}сцэ́сья—Ерахтуръ, не^{1} хо́дють—Шостья, ўрицы́ху сѣ́јим—Куземкино, улижы́тца—3 ед. ib., симна́тцѣ́ть—Шостья, ў пе^{1}цэ́—ib, писо́к—Чинуръ, Гусевской заводъ (въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владим губ.), пре^{1}сто́льнай—Гус. Погостъ, де^{1}шо́вай—Забѣлино, пе^{1}сца́ная—Китово (село), я не^{1} зна́ю како́ва цысла́—Ивановское

Изъ обозрѣнія случаевъ, гдѣ стоитъ основное *е* (ь) въ слогѣ передъ удареніемъ, мы видимъ, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ на мѣстѣ этого основного *е* или *ь* находятся звуки: *'а* (*я*), *e*^{1}, *i*, причемъ звукъ *'а* (я) находится *по преимуществу* передъ твердымъ слогомъ, *e*^{1} (i)—по преимуществу передъ мягкимъ слогомъ. Такъ какъ есть довольно много случаевъ употребленія и звука *'а* передъ мягкимъ слогомъ, съ одной стороны, и звука *e*^{1} передъ твердымъ слогомъ, съ другой, причемъ послѣднихъ случаевъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ, то мы заключаемъ, что изслѣдуемые нами говоры по своему вокализму все болѣе становятся я́кающими, но, вѣроятно, за много лѣтъ до нашего времени у нихъ было *только аканье* умѣренное, и въ этомъ отношеніи они *архаичнѣе*, кажется, чѣмъ говоры южно-рязанскіе.

Теперь переходимъ къ случаямъ, въ которыхъ стоитъ нынѣ въ нашихъ говорахъ звукъ *'а* (я), *e*^{1}, *i* изъ основного *ѣ* въ предударномъ слогѣ.

Звукъ 'а (я) изъ ѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ. Примѣры: пріяжжа́ють—Ижевское, Спасск. у., двяна́тцѣ́ть—Шостья, Касим. у., выбя*у*а́ю, вядро́ (если здѣсь *ѣ*), пра́дява́ш— 2 ед.—Ижевское, Деревенское, Выжлисъ, Киструсъ Спасск уѣзда, бяжы́ш, бягом—Андроново Касим у., пъспяшы́ли—Ветчаны, пя́язда́ни—им. п. мн. ч., пя́вянца́ют—ib., дяфцо́нки, у на́с ляску́ нимно́га—Борисково, място́ў-ти, ib., ляцы́ли—Логино: Сядо́ф (фамилія)—Бычково, жыни́х пріяжжа́я—3 ед.—Зубово; бяжа́ть-та э́та мо́жна—Катово, ба́ршня бядо́вая—ib; па ляса́м, на сня*у*у́, цэ́ряф како́й пядъяда́л—Шаранина, Амляшов. выселки; ряка́ х пра́вѣ[a]—Жалудково; х Ту́мьським лясу́—ib.; ва цвяту́—Зубово; мы сляпы́ји—Чуфилово; г жанѣ́ зя́бяжа́л—Бычково; ръзрязаю́т до́цы́ри—Праватарово, зя́мяца́ла—ib.; даро́*у*а сяца́ми—Малышкино; пріяжжа́ли, ряцэ́й,

мѧстá —Парахино, Фомино. Астахово; трáвы гажы́ мѧстáми—Велькова, зáтявáть пы́шки хацу́—Ламакино; здяля́ми-ти—Акулово (Китов. вол.) и мн. др. [1]).

Звукъ ѧ (я) передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ изъ ъ: смяя́тцы-ти, неопр. н.,—Давыдово Касим. у., ядя́м—1 л. мн. ч., ядя́—3 л. мн. ч.—Катово; ядя́т—Ветчаны, пáляняссы—2 ед., ꙋряхи́-ти—Катово; рáздяля́ла—Рогачево; аддяле́ная — Горы: што́-ш смяя́тцы-ти!—Логино; ляни́ва ста́ла—Семе́ино; зáляняли-бы—Снохино; у нáс ꙗх смяня́лъсь (священниковъ)—Шаранина, пъмясти́ш—2 ед. ib.; сякирки—Акулово, сами пъядя́м—1 мн —ib., стряля́ют—Немнясево, ѧмяня́лись—Андроново; тьвятѣ́—3 ед Праватарово; ядя́м са́мя[1]—Астахово (Парахинск. вол.), на рякѣ́—ib.; аддяле́ны, ядя́м—1 мн.—Ахматово [2]).

---

[1]) Списокъ этихъ словъ можно было-бы значительно увеличить Мы на всякій случай приводимъ здѣсь еще слова изъ разныхъ мѣстъ. чтобы сдѣлать потомъ болѣе основательный выводъ. Спасскій уѣздъ: ꙋнядая, ста́рицо́къ сядо́й, сляпо́й—Ижевское, Киструсъ, Воскресенское, Выжлисъ. Касимовскій уѣздъ: а́бвянцали, мяста́м—Ерахтуръ, на эту стяну́, а́твяца́ли, а́дява́ютца, ра́спява́ить—ib; рякá, сядо́й, а́ляла, ляло́у—родъ мн, лякáрства, а́бяшпáнси—Нармушадь; двяна́тцать, вяно́къ, вянкá, приспява́ить—3 ед,—Шостья. хляба́—Жданово, за рако́й—Шпилево, а́дява́ла—Антоново, дява́ть—Касимовъ, бядá—Уланова Гора, ф пяхо́ти—ib, за́пява́й, чьвятка́ми—Дмитриево, чьвяты, вяно́къ—Данево, вяный, за́ раку́—Гус. Погостъ, място́ф—Забѣлино, а́дява́ют, сядо́й—Бѣльково, пріяж'ж'а́йтя (*ж* нѣсколько тверже, чѣмъ въ Даневѣ), смяша́юсь; за́плята́ла-та вянки?—с Китово, пънадяваям—1 л. мн ч.—д. Китово, три ѧжжа́лых ло́шъди (*ж*—твердое)—Урядино, цвяткй нъдява́ли, вянки́—Чарусъ.

[2]) Чтобы нельзя было подумать, что въ этомъ спискѣ не приводится словъ изъ Спасскаго уѣзда потому, что тамъ такого произношенія не слышно, мы приводимъ здѣсь слова и изъ Спасскаго уѣзда, пополняя списокъ и Касимовскихъ мѣстностей. Спасскій уѣздъ· ядять—3 мн., мясте́цка, бяля́лйся — Киструсъ, Деревенское. Касимовскій уѣздъ· ядять—3 мн —Ерахтуръ, смяня́ли, сядять (сѣдатъ), три вяньца́—Шостья, пріяж'ж'я́ли—Данево (*ж* почти совсѣмъ мягкое См. предыдущее примѣчаніе, при словѣ: пріяж'ж'а́йтя—с. Китово) Замѣчу здѣсь, что я приводилъ формы: ядя́м, ядя́, ядя́т, ядять отъ глагола «ѣсть», принимая въ нихъ звукъ *ja* (я), какъ происшедшій изъ основного ѣ, но, быть можетъ, въ этомъ словѣ, какъ и

Звукъ е^1 (*і*) *изъ ѣ передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ*: шэ́сь де^{1}те́й, де^{1}ви́цник, се^{1}тя́ми—Киструсп, Пжевское Спасск уѣзда, ве^{1}ньца́л—Ерахтуръ Касим у.: се^{1}ньца́, ле^{1}ни́ва, је^{1}ди́м—Шостья, ве^{1}ньчя́ют, билья́—Уланова Гора, надіют—3 мн (=надѣваютъ, глаголъ другого образованія; срв. дѣ-ти. См ниже Морфологію: такое-же спряженіе гл. пѣ-ти). све^{1}тли́ч^{1}ку—Дмитріево. Данево; сами съје^{1}дя́т—Забѣлино; с цы́м је^{1}ди́м ты̆?—д. Китово: бе^{1}ли́ть—н н.—Чарусъ; э́нтя̆т ышшо́ по́п-та ве^{1}ньца́л—Чарусъ; штя́бы э́ти ни́тки пъме^{1}сти́ть *г дялю́м*—Ивановское Ветчан. вол.; и друг., напр., виньца́ютца—Акулово Китов волости, Ветчаны; билѣя́ бу́дя—Катово Тум. вол., в рикѣ-ти—Рогачево, пя́бинне́й (=побѣдне́й)—Семеино; виньца́ли—Катово; дите́й-ти—Шаранина.

Звукъ е^1 (*і*) *изъ ѣ передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ* встрѣчается вообще рѣдко, какъ и звукъ *е*^{1} (*і*) изъ *е* въ такомъ-же положеніи (см. выше), хотя примѣры всетаки есть: ре^{1}шо́ты (если здѣсь было *ѣ*)—Ломъ Касим. у., дифцо́нка—Дмитріево; де^{1}фцо́нка—Урядино, хто̆ ле^{1}цы́л?—ibidem., у ве^{1}нкѣ-ти—Ивановское.

Наконецъ, разсмотримъ основные звуки *е* (*ѣ*) послѣ шипящихъ и *ц*.

Здѣсь мы опять видимъ по преимуществу звукъ *а* въ нашихъ говорахъ, и лишь изрѣдка является звукъ *ы* (*и*) Шипящіе: *жс*, *ш*, *шш* (=*щ*) въ нашихъ говорахъ всегда тверды, *ц*—также, и потому послѣ нихъ слышимъ звуки *а* и *ы*; послѣ *ч*, какъ послѣ мягкаго звука въ нашихъ говорахъ, имѣемъ *я* и *и*; *щ* иногда звучитъ, какъ двойное мягкое или среднее *шш*: если оно—среднее *шш*, то мы надъ нимъ ставили знакъ мягкости, а послѣ него—твердые гласные: *а*, *ы* (см. выше и ниже—примѣры).

Передъ твердымъ слогомъ: *а*: цаво́—Деревенское Спасск. у. [1]), с пцалми́ (=съ пчелами)—Нармушадь Касим. у; ж жано́й—Алексѣево, клюцаво́й—Ерахтуръ, жана́, ж жано́й—Шостья, Шаранина; цаты́ря—ib.; цара́шн'а́ва—ib, жала́нья, чяво́ (записано: чо^{a}во́)—Гусевской Погостъ; цалу́ютца [2]) — Агѣево, Китово; жала́ит, вчяра́сь—Касимовъ, цара́сь—Бычково, Катово,

---

въ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ допустить колебаніе еще для общеславянскаго языка между *ѣ* и *ja* Впрочемъ, см. *Fortunatov*. Archiv für Sl. Philologie XII. 98—99

[1]) См. мой «Отчетъ». Казань 1895. Стр. 11.

[2]) См. объ этомъ словѣ у *Шахматова* Изслѣд.... Стр 161—162. Произношеніе «поцѣлу́й» указано еще *Шевыревымъ* въ Кириловѣ. Поѣздка. II 110.

Парахино, Ломакино; шастóй—Уланова Гора, шаштóй — Горы, Акулово (Китов. волости), жанá, жанáтай — ib., Бѣльково, Урядина, Чарусъ, Горы, Семеино, Праватарово; Ражаштвá — Праватарово; цавó — Дмитріево, Катово; вицарýшную пѣсню — Бѣльково, пшанó — ib, цатыри — Китово, Урядино, Катово, к цамý — Ветчаны, Давыдово, цатыри цапкá—Катово, Горы, Снохино; щялá (=ш'ш'ялá)—Бычково; цапóў — род мн. — Праватарово, жалáннай—Парахино; шаштáми—твор. п мн ч.—Рогачево; цаó, ницаó—Зубово, Снохино: цатыря—Ерахтуръ, вицарýха, цавó—Акулово, чятыря—Забѣлино, пшанá—род. п. ед ч.—Дмитріево, Чарусъ; жанá—Нармушадь; цаó=цавó — Шаранина; цалкóвыхъ—Нармушадь, Китово; цапóм—тв. ед. ч.—Китово.

Передъ мягкимъ слогомъ: *а*: пшанúца—Выжлисъ Спасск. у.; пшаньцá—Ивановское (Ветчан. вол.) Касим. у.; Давыдово; царьни́ки (=черни́ки)—Бычково; мужавéльникъ — Рогачево; (ср. Смол. Лѣтоп. Авраамки: по моздеельнику—стр. 101); пъцарьплá (=почерпнýла)—Фомино, Парахино Праватарово; сцапля́ (=сцѣпившись. См. ниже—Синтаксисъ.)—Ветчаны; сцаплéйтися—Снохино (=сцѣпля́йтесь; пов накл.); шасти́ (=шестú)—Ахматово; Шамя́кин (фамилія)—Чарусъ; жани́тца—неопр н.—Ерахтуръ; жанúлси—Горы, Расторгуево; жани́х—Ветчаны, Парахино, Снохино, Давыдово; г жанѣ—Бычково, Норино.

Передъ твердымъ слогомъ: *ы*: цывó—Нармушадь, Касим. у.; Шостья; цытыри — Китово; уцышэ́нья(=утѣшеніе). (Срв. выше—что было сказано о произношеніи пъцыжэ́ле'й.)—Семеино; жылтѣя (=желтѣе)—Чарусъ, Урядино, Забѣлино, че'тыри—Киструсъ, Спасск. уѣзда.

Передъ мягкимъ слогомъ: *ы*: жыни́х, жыни́лси—Нармушадь, Дмитріево, Данево, Бѣльково, Зубово, жылѣ́—3 ед. (=жалѣетъ; б. м., желѣетъ.)—Логино; у жынѣ—Алексѣево, г жынѣ—ib.; шысти́ — ib.; жылѣ́знай — Дмитріево; жыре́лья —д. Китово (=ожере́лье).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія рефлексовъ основныхъ звуковъ *е* и *ѣ* въ слогѣ передъ ударяемымъ въ положеніи ихъ послѣ шипящихъ (небныхъ) согласныхъ и *ц*, въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, мы видимъ, что здѣсь является преобладающимъ звукомъ звукъ *а* (*'а*) независимо отъ того, какой слогъ будетъ ударяемый: мягкій или твердый. Звукъ *ы* (*и*) вмѣсто *е* и *ѣ* является сравнительно рѣдко, хотя всетаки

и онъ извѣстенъ. Это стоитъ въ связи съ судьбой звука *е* и *ъ не послѣ шипящихъ* въ этихъ говорахъ, а также съ судьбой звука ѧ (ѫ) въ предударномъ слогѣ въ этихъ-же говорахъ.

Звукъ ʼа (я) изъ основного ѧ (ѫ) *въ предударномъ слогѣ передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ или слогомъ.*

Передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ: тʺяу́ло—Ижевское Спасск у., пря́тяна́я (льняна́я). свято́й—Кисту́русъ, Спасск. у; ямшы́к—Ижевское. ibid.; плимяшы́—им п. мн. ч—ib; пря́ду́ть—3 мн.—Ерахтуръ. Касим у: пятна́тцать—ib; свято́я о́зяро—Нармушадь: „сядыjи люди—святы́jи“—ib; ряло́к—Ерахтуръ; са свято́й, пято́к пряду́—1 л. ед ч., ня́ряжа́ютца 3 мн ч., пъняла́—Шостья, святы́х—Касимовъ; чясо́ф пятна́тцать—Уланова гора; вяжу́—1 л. ед. ч., взяла́—ib; плиса́ть—Данево; а́бряжа́ют—Данево; и сица́с прядуть—л Китово; ня́пряла́, тяула́—Чарусъ, у нас язы́к-та ади́н: и туды́ и суды́ ска́жыт—Рогачево, Касим. у.; а́тряжа́йсси—2 л ед. ч.—Катово: ба́бы-ти прядут́—Шаранина; саряжа́йси—Давыдово; къляда́—Шостья; ѕвято́й—Андроново, Малахово; тʺягло́—Ветчаны, тʺянуть—Логино, Астахово (Парахин. вол.); —у дьяцка́—Борисково, зъпряга́л—Бычково; трясу́—Астахово: свяшшэ́ньнику—Расторгуево.

Передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ: пя́улади́тя—Ижевское Спас. у.; ня́пряде́ть, гляди́, пряде́м—1 л. мн. ч.—Шостья, Касим. у.; кады́ гляд́ят, пъгляди́—Уланова Гора, гляди́т—3 ед—Дмитріево; скипяти́ш—2 ед.—Забѣлино: пряде́ть—3 л. ед. ч.—д. Китово; у мяли́нъцки (ма́лка)—Шостья, улади́—Семеино, ани ни улядя́—3 мн.—Горы, дом аулядѣ́ть—Давыдово; улади́ш, улядѣ́ла—Катово; пя́гляди́тца—3 ед. Ветчаны; ху́тʺь ба пъгляʒѣ́ла!—Астахово, Парахино; сарядила—Катово, пря́жу ня́пряде́ш—ib., пряде́ш—Снохино; там три святи́теʹль прихо́дют—Шаранина, пътрясёт—3 ед.—Ветчаны, мяки́нки—ib; а́бряди́ли и зава́пи́ли, пашли́—Расторгуево; жалѣ́ли—Бычково [1]).

Звукъ eʹ (i) изъ основного ѧ (ѫ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ встрѣчается очень рѣдко, а передъ твердымъ

---

[1]) *Miklosich* Etym. Wtb s v. ѧlъ. 3 Б. м. подъ вліяніемъ ударяемаго слога: жа́ль. Срв. «На́да уш па́жырьцэя»—Чарусъ. Срв. *Шахматовъ*. Изслѣд. 204.

слогомъ почти никогда: нäпре'дéш—2 ед. ч., пре'дéм—1 мн. ч.—Ерахтуръ, Касим. у.; jиjйц с ты́ш'ш'ю—Уланова Гора; тре'сй—Дмитріево: сцыслúвай (=счастлúвый)—Шостья; либе'лúная—Данево: нáда уш (пъ)жырьцóя—Чарусъ. (Ср. мое соч. „Къ Діалектологіи“ Стр. 33), jе'jйц манéнька-та jéсь—Рогачево, Горы Касим. у.; и шшýки. и линú, и jе'зú—Рогачево. (См Mikl. Etym Wtb.: jazi.): с ауцы́ сымáйтца и придéтцы (=прядётся)—Катово

Передъ твердымъ слогомъ я встрѣтилъ только нѣсколько разъ: jе'зы́к—Ижевское Спасск у. jе'зы́к стал пéстрāй—Киструсъ, Спасск. у.; свишшóньнику—Нармушадь, Касим. у.; jе'мшы́к—Ерахтуръ ib.; све'шшóльникъ—ib.; пъпле'шы́—Данево, (пъ)цыжóле'й=потяжелѣй—д Китово, Касим. у. Въ послѣднемъ словѣ причина появленія звука *ы* (твердое *и*), думаю, лежитъ въ согласномъ *ц*, которое въ этой мѣстности получается изъ мягкаго *т*: *т*ᶜ=тj. Звукъ же *ц* (=тс) здѣсь *вездѣ всегда твердый*, и послѣ него, дѣйствительно, встрѣчается *ы* (цывó) изъ основного *е* или даже изъ *ѣ*; слѣд, тяжóлъ перешло въ тежóлъ или: тᶜяжóлъ—тᶜежóлъ—тᶜажóлъ—тᶜыжóлъ [1]).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія словъ, гдѣ является звукъ основное ѧ (ѧ), мы можемъ заключить, что этотъ звукъ является *наиболѣе устойчивымъ*, какъ въ положеніи передъ твердымъ слогомъ, такъ и въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, и рефлектируется въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ звукѣ 'а (*а*); звукъ е' (*i*) изъ ѧ (ѧ) встрѣчается вообще рѣдко. Совсѣмъ не то мы видѣли по отношенію къ звуку основному *е* и *ѣ*. Надо вообще замѣтить, что даже въ óкающихъ говорахъ основной звукъ ѧ (ѧ) довольно устойчивъ и держится въ предударныхъ слогахъ рядомъ со звуками *о* (ъо) изъ основныхъ *о* и *е* въ означенномъ положеніи [2]) Эта устойчивость звука ѧ (ѧ) понятна въ акающихъ говорахъ, гдѣ звукъ ѧ (ѧ) поддерживается общимъ характеромъ вокализма—àканья, но въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ нѣсколько непонятна.

---

[1]) Послѣ перваго моего изслѣдованія не были извѣстны среди рязанскихъ такіе говоры Срв. *Шахматовъ* Ibid. 205. Теперь оказывается, что сѣверо-восточные говоры въ Ряз губерніи имѣютъ изрѣдка е' изъ *я*. (По Шахматову—говоры: β)

[2]) См. мою брошюру: «Главн черты народн. р. говора въ Каз. губ.». Стр. 16.

Если мы теперь окинемъ взоромъ весь списокъ словъ, помѣщенныхъ нами въ § II, то намъ станетъ ясно, что общій характеръ нашихъ говоровъ по отношенію къ рефлексамъ основныхъ звуковъ *е, ъ* и *ѧ* (*ѧ*) въ предударномъ слогѣ въ значительной степени *якающій* и напоминаетъ намъ наши южно-рязанскіе говоры; но больше всего мы все-таки встрѣчаемъ случаевъ употребленія звука *а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ, затѣмъ *а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ, и въ этомъ, именно, положеніи основной звукъ *е* (ѣ) допускаетъ значительное колебаніе между своими рефлексами изслѣдуемыхъ нами современныхъ намъ говоровъ. Вопреки нашему прежнему мнѣнію мы должны сказать, что вліяніе слѣдующаго мягкаго слога или согласнаго на предшествующій гласный звукъ должно было обнаруживаться и прежде въ языкѣ и на основаніи сравненія родственныхъ языковъ между собою должно быть признано очень старымъ, а потому тѣ говоры, въ которыхъ это вліяніе еще не утратило свою силу, еще сохранило свои слѣды, должны считаться древнѣйшими сравнительно съ говорами, гдѣ это вліяніе мягкаго слога уже перестало быть замѣтнымъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, говоры Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи представляются намъ болѣе древними, чѣмъ говоры южныхъ уѣздовъ этой-же губерніи Вотъ почему слѣдуетъ теперь измѣнить мнѣніе о томъ, что *вся* Рязанская губернія представляетъ *одинъ* типъ говоровъ—сильно акающихъ. Мы видимъ теперь, что наши говоры представляютъ какъ-бы переходъ отъ сильно-акающихъ къ умѣренно-акающимъ; въ нихъ уже встрѣчается иканье, которое является распространеннымъ уже въ центрѣ Московской губерніи. Къ такому-же выводу должно насъ привести и разсмотрѣніе гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ въ положеніи *послѣ* ударяемаго слога и въ положеніи *вдали* отъ ударяемыхъ слоговъ, гдѣ мы встрѣтимъ звуки неопредѣленные. Если мы разсмотримъ еще консонантизмъ нашихъ говоровъ, то намъ придется допустить то предположеніе, что и въ древности среди восточно русскихъ нарѣчій существовали переходные говоры, которые собой сближали различныя нарѣчія, и такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ тотъ фактъ, что по даннымъ нашей древней письменности

древне-русскіе говоры являются довольно *обособленными* другъ отъ друга по своимъ типичнымъ признакамъ.

Звукъ а въ начальномъ слогѣ слова передъ удареніемъ изъ е въ иностранныхъ собственныхъ именахъ. Здѣсь мы имѣемъ: Ахре́мъ = Ефремъ—Катово. Касим. у.; Алдо́тья—Дубровка, Ивановское, Катово; „Алдо́тью взе́ть“ — Бычково; Алдотья—Парахино; Аста́хій—ib, Ахи́мья—Бычково.

Съ этимъ произношеніемъ въ этихъ именахъ интересно сравнить произношеніе и написаніе ихъ въ древне-русскихъ памятникахъ письменности изъ области окающихъ и акающихъ говоровъ: въ Поручной литов. князей около 1390 года мы имѣемъ: Охремъ—Акты Ю. и З Р. № 2. т. I; Иванъ Офремовицъ—АЮ № 71. (XXXII)—Новгородскія купчія XIV—XV вѣка; Овдо́тья—АЮ. № 27. Двинск. 1613 г.; срв. Овдо́тья—въ пѣсняхъ Истомина и Дютша Стр. 102. (Архан. губ. Онежск.); Остафьеви—АЮ. № 71. (VI.); дворъ Остафьевъ—Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 64. Срв. стр. 71 Съ княземъ Остафьемъ—ib. 77. пособи князю Остафью—ib. 77. при тысячкомъ Остафьи—ib. 68. Остафѣй Есифовичь—179. Федоръ Остафьевичь—179. (П. С Р Л XVI томъ.). Святае Уфимья—ib. 222. Офимка—АЮ № 55. 1653 г. Ефимьевъ—АЮ. № 417. 1518 г. Въ совр. народныхъ говорахъ: Офи́мья—Пѣсни Истомина 48. Олонецк. губ. [1]).

Мнѣ кажется, что звукъ *а*, а не *ја*, во всѣхъ этихъ словахъ въ *акающихъ* говорахъ доказываетъ собой, что это произношеніе образовалось въ эпоху аканья изъ произношеній съ *о*, какія мы привели изъ древнихъ памятниковъ и современныхъ окающихъ говоровъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ не было начальнаго j (какъ и въ словахъ, подобныхъ слову „Алдаки́мъ“, о которыхъ см. ниже въ §, трактующемъ о звукѣ *а* въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго), ибо, если бы онъ былъ, то мы ожидали бы въ акающихъ говорахъ произношеній: *Яхре́м, *Ялдо́тья, *Яхи́мья, *Яста́хій и т. п., однако такого произношенія мы въ народныхъ акающихъ говорахъ не слышимъ; если кое гдѣ и слышалъ я произношеніе Яфре́мовъ (Ефремовъ — городъ Тул. губ.) и под., то это произношеніе принадлежало уже людямъ книжнымъ и полуграмотнымъ, понатершимся въ го-

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр 24.

родахъ и около грамотныхъ людей; само собой понятно, что произношеніе „Яфрéмовъ“ — вторичное, новообразованіе. и произошло оно изъ литературнаго произношенія „јефрéмъф“: какъ произношеніе је^{а}лóвъй даетъ въ акающихъ и якающихъ говорахъ произношеніе јалóвъй и под., такъ произношеніе је^{а}фрéмъф должно было дать — јафрéмъф, что̀ мы и видимъ. Народныя же формы Ахрéм, Афрéм при сѣв. - влкр. Офрéм (см. выше АЮ. № 71. XXXII) ясно показываютъ основное произношеніе ефрéм (=эфрéм) безъ начальнаго *j*. То же можно сказать про слова Алéна—Олена, Алгинья—Олгинья и под. Замѣчательно, съ другой стороны, то, что мы никогда не слышимъ произношенія: Огóр—Агóр (=Егоръ), а всегда слышимъ—је^{а}гóр, је^{а}гóр, јагóр, и это доказываетъ, по моему мнѣнію, то, что въ этомъ словѣ всегда слышалось начальное *г* или *j*, т. е. мягкое *γ*, которое и переходило, и до сихъ поръ переходитъ въ діалектахъ въ *j*. [1]). Если это такъ, то *j* въ началѣ такихъ словъ, какъ јагóр и друг., доказываетъ собой, что въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ различался звукъ *г* и *γ*, причемъ мягкое *г*, именно, давало *γ*, между тѣмъ какъ мягкаго звука *г* *въ древнѣйшую* пору русскаго языка вовсе не было.

---

[1]) Срв *Брандта* Лекціи по исторической грамматикѣ р языка М. 1892. Стр. 114—115. Здѣсь мы видимъ, что Брандтъ вообще считаетъ всякое мягкое γ іотомъ: «Мягкое, т. е. средненебное, γ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ». Стр. 114. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ и нашего литературнаго нарѣчія, да и въ нѣкоторыхъ говорахъ вообще трудно различить мягкое γ и j передъ гласными. Срв. мое соч «Къ діалектологіи». Стр 51. Подобнымъ образомъ, какъ произношеніе Офрéм, Олéна... указываютъ на начальное *е* въ словѣ Елена безъ j (Элéна) еще, кажется, въ общерусскомъ языкѣ (въ Поликарп. Ев 1307 г. мы имѣемъ также Элена—л. 118.). такъ и произношеніе ощé при акающемъ ащё (аш'ш'ó, ашшó.) указываетъ на отсутствіе (діалектическое) начальнаго j въ словѣ еще (эще) Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ олонец эщё, влад.-муромское эщó при ювр ряз. ашшó и под., новгор още. Въ нашихъ говорахъ замѣчательно, что мы нигдѣ не встрѣтили *ашшо* съ начальнымъ *а*. а вездѣ или *и*, или *я*: *ишшó*—Воскресенское Спас у., Ерахтуръ, Нармушадь, Шостья, Дмитріево, Бѣльково, Чарусъ Касим. у; *яштó*—Ветчаны, *ящшó*—Катово, *ящче*—Рогачево, Семеино. Давыдово, *яштó*—Чуфилово, Праватарово; *ящшó*—Парахино, Анисово Касим. у. Срв. мое «Къ діалектологіи». 78. См. *Колосова.* Замѣтки... ibid Стр 291 и прим. I.; Стр. 221—222 (вятск. *э*), стр. 12 Фортунатовъ и

Теперь замѣтимъ еще въ обзорѣ современнаго звука *а* въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, разсматривая вопросъ о томъ, какимъ основнымъ звукамъ онъ соотвѣтствуетъ, что въ нашихъ говорахъ мы иногда слышимъ этотъ звукъ *а* въ слогѣ передъ ударяемымъ тамъ, гдѣ его вовсе прежде не было, т е. *звукъ а приставной передъ группой согласныхъ*. Такъ мы слышимъ: у афсѣх (=у всѣхъ)—Ерахтуръ, Касим. у.; афто́рьник—ıb; аржы́ (=ржи́—им. п мн. ч. отъ сл „рожь“. Срв. сѣна́. авсы́, проса́, конопи́ и др.) —Дмитріево; аржы́цу ста́нут бра́ть—Ивановское Ветчан. волости.

Наконецъ, звукъ *а*, образовавшійся въ предударномъ слогѣ *по ассимиляціи* со звукомъ *а* ударяемаго слога: Гара́ськйна—Бѣльково, Касим. уѣзда [1])

§ III. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ.

Здѣсь мы разсмотримъ прежде всего тѣ случаи, гдѣ является звукъ *а* (*'а*) въ *чистомъ* видѣ, т. е, гдѣ звукъ *а* (*'а*) слышится явственно; затѣмъ—тѣ случаи, гдѣ слышится звукъ *неопредѣленный*, но близкій къ звуку *а*, по крайней мѣрѣ, настолько, что его удобнѣе разсматривать въ отдѣлѣ звуковъ *а*, иначе мы всетаки не передали бы его характера. Этотъ неопредѣленный звукъ *обыкновенно* слышится въ закрытыхъ слогахъ, но есть закрытые слоги, въ которыхъ явственно слышится звукъ *а* (*'а*). Объ этомъ послѣднемъ мы говорили отчасти въ I-ой главѣ, гдѣ разсматривали долгіе гласные, а потому здѣсь говорить подробно о немъ не представляется надобности.

1) Звукъ *'а*, *а* послѣ ударяемаго слога прежде всего звучитъ явственно тамъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ основному *а* (ıa, ʌ), т. е. въ такихъ существительныхъ, основа которыхъ оканчивалась на неударяемое—*а*,—*ja* или—ʌ: па́лка, ка́ша, ду́ма, Ду́ня, и́мя.... Затѣмъ — въ именахъ прилагательныхъ

Шахматовъ предполагаютъ въ такихъ случаяхъ начальное придыханіе (h), во всякомъ случаѣ не j. См. *Фортунатова*. Лекціи по фонет. стрсл. яз Печатн. изд. Стр. 79—81 *Шахматова* Изслѣдованія.. Стр. 12. Срв. *Соболевскаго*. Рецензія въ Ж. М. Н Пр. Отд оттискъ стр. 430. (1894 г)

[1]) Примѣры, относящіеся сюда см также у *Шахматова*. Ук. соч Стр. 24 См АЮ № 98. 1616 г: Государева дьяка Гарасима Мы можемъ дополнить къ тому, что указано Шахматовымъ и Соболевскимъ (въ рецензіи) еще: патріархомъ Оакимомъ Орусалимъскимъ. Лѣтоп Авраамки. 215. Но объ этомъ см. ниже. Это не предударный слогъ.

кратких женскаго рода на такое-же окончаніе, а равно въ именахъ прилагательныхъ полныхъ (членныхъ) женскаго рода, представляющихъ изъ себя стяженныя формы на *а*, *а* въ имен. п. ед. ч. и не стяженныя—на—*ая*,—*яя* въ им. п. ед. ч. Что касается послѣднихъ, то здѣсь мы слышимъ иногда неявственное *а* неударяемое только послѣ звука *к*: го́рькеʲja — им. п ед ч жен рода Въ именахъ прилагательныхъ членныхъ звукъ *а*, *а* перешелъ и въ прочіе падежи и слышится, большею частью, явственно и въ открытыхъ, и въ закрытыхъ слогахъ, какъ мы видѣли выше.

Примѣры: я диреʲве́нска—д. Деревенское Спасскаго уѣзда; като́ра—Ерахтуръ Касим. у.; ны́ньца кра́сна бума́ʲга пушша́еʲтца—ib ; ана стаи́ть паро́жна изба—ib.; ана́ кака́я—та сале́на (рѣчка)—ib.; ма́тушка разы́ла—ib. (пѣсня); ни леʲни́вѣ мо́жыть два на́преʲде́ть—Шостья; как бальша́я като́рѣ изба́—ib.; Ула́ньска ба́ба—Уланова Гора; ана сми́рна ба́ба—та; жана́—та харо́шѣ; Папо́фьска гара́ да́льша (=дальше, см. ниже)—ib.; пъгаво́рка така́—та; дубле́на шу́ба, хажа́ла шуба, пиряшы́та, падде́фка суко́нна—ib. [1]). Мать хре́сна — Данево; папо́ська зеʲмля́ (=поповская) — Гусев Погостъ; иш ана́ цы́ста (трава)—Китово; свякры́ цытьве́рта—ib., три яжжа́лы́х да цытьве́рта треʲтьяшка—Урядино; я дяшо́вѣ—Ветчаны; баснѝстѣ кака́я—Шаранина; астаруо́ська—Расторгуево [2]); салда́тка цатьве́рта—Алексѣево; дʲыть каку́ цыта́ла — Мягкова; не въ конечныхъ слогахъ мы слышимъ нынѣ звукъ *а* въ нашихъ говорахъ въ косвен. падежахъ именъ прилагательныхъ.; вмѣсто окончаній:—*ому*,—*ему*,—*ою*,—*ею*,—*ую*,—*юю* вездѣ мы

---

[1]) Въ разговорѣ перечислялось приданое («выводъ») за невѣстой въ Улановой Горѣ, близъ г. Касимова. Интересно сравнить перечисленіе имущества въ нашихъ древнихъ грамотахъ: Духовныхъ, Купчихъ и Договорныхъ: напр., продалъ есми... меринъ саврасъ, меринъ воронъ, меринъ голубъ, меринъ гнѣдъ, меринъ буръ, меринъ рыжъ, старъ добрѣ, вислоухъ—АЮ. № 85, лѣтникъ камчять, шубка зелена—АЮ. № 415., меринъ чалъ, охабень новъ—ib. № 421., меринъ буланъ, ковуръ—ib. № 422., чашка золота—Собр. Г. Грам. и Догов I. № 25, 26., вотола сажена—ib. № 34. и мн. др. Все прилагательныя безчленныя.

[2]) «Расторгуево» въ народномъ произношеніи. «Астаруо́ва». Бабы такъ отвѣчаютъ на вопросъ: «чья ты»?.

слышимъ:—*аму*,—*аю*, т. е. звукъ *а* (*'а*) вмѣсто *о*, *е*, *у*, *ю*: по цорнаму, думу крѣпкаю—Ерахтуръ: сѣравинкаю с салóмкаю—Шостья; на цѣламу, на зе'лѐнаму—Данево; краснаю дѣвичю—вин. п ед. ч.—ib.; пад бѣлаю—ib.: свѣжаю вадóй—Ивановское, Ветчан. вол. и друг. Здѣсь всѣ примѣры представляютъ звукъ *а* въ открытыхъ слогахъ. Въ закрытыхъ слогахъ мы видѣли его выше: тамъ онъ соотвѣтствовалъ въ большинствѣ случаевъ основнымъ: *ы*, *о*, *у*: пѐстрай, сѐрай..., крáснай (род.—дат —твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.), крáснаю (=ую въ вин. п. ед. ч. ж. р., собственно, въ открытомъ слогѣ); цалкóвах (=ыхъ, род. п мн. числа). Отмѣтимъ формы членныхъ прилагательныхъ, отступающихъ въ звуковомъ отношеніи отъ выше названныхъ (преимущественно въ слогѣ съ *к'*), и формы существительныхъ въ твор. п. мн. числа тоже въ слогахъ съ *к* (съ новымъ суффиксомъ — *ами*): я самá Тýмьске'ја (=Тýмская)—Шаранина; срв. т'ыть óн Тýмьскай—ibid.; замýжне'ја—Куземкино; срв. на щѐ яѐ *у*óрькяю—Шаранина Касим. у; съ пирилúнкими, са склáткими—г. Касимовъ; бáркими—Гус. Погостъ: Пятрóфькими — Забѣлино; за азѐркими јéсть—ib. и др Также въ слѣдующемъ примѣрѣ послѣ *и* (изъ *к*?): сóдют лýквйцыми—Урядино Китов. вол. Срв. въ закрытыхъ слогахъ: х пóнькях—мѣстн п. мн. ч.—Парахино; нóни стáли зъплятáть дѣхькям—дат. п. мн ч.—Фомино (Парахин. вол.): срв еще: абы́че'й—Данево; дóне'л (=дóнялъ)—Куземкино, Нармушадь Касим. у.

Далѣе, въ открытыхъ-же слогахъ мы имѣемъ этотъ звукъ *а* (*'а*) чистый въ формахъ глагола 3 л. ед. ч. безъ окончанія—*ть* и въ формахъ глагола 2 л. мн. ч. на—*те*; здѣсь мы, стало быть, имѣемъ звукъ *а* (*'а*) изъ основного *е*, и исключеній почти нѣтъ: скажытя, пайдúтя. вайдúтя, пъулядúтя—д. Деревенское, с Ижевское Спас. у.; прашшáйтя—Борки Касим. у., нацýйтя, найдѐтя, вы́къшайтя—Нармушадь; пайдѐмтя—Ерахтуръ, пишытя, пріяж'ж'áйтя, спрóсьтя (2 л. мн. ч. буд. вр.)—Бѣльково, Китово; праѣтьтя—2 л. мн ч. буд. вр.—Рогачево; дáйтя—Чуфилово; нъцапляйтя—Снохино; ня сы́пьтя — Шаранина; возмъмѐтя, прашчяйтя, ни хазúтя, ступáйтс'я—ib., Зубово; ни пакúньтя—Давыдово. Лишь изрѣдка мы слышали вмѣсто *'а*—*и*: застáфьти, пишыти, накрóйти, зайдúти, ступáйти въ Улановой Горѣ (подгородное село у

Касимова) и въ Дмитріевѣ (на границѣ съ Владимирской губерніей); впрочемъ, и въ Парахинѣ, тоже близъ Владимирской губерніи

Примѣры звука *'а* въ 3 л. ед. ч. глаголовъ [1]): бу́дя, быва́я, пасо́хня — Катово. Касим. у.: е́дя, слу́жа. жылѣ́я. ня по́мня. мо́жа—Горы; мо́я, пріяжжа́я, пама́жа, нп лъпуска́я. ба́я—Давыдово, Логино, Семенно: вхо́дя, зна́я, у́ца (=учитъ) —Семенно: жалѣ́я — Катово: хо́ца, хва́тя, при́мя, пало́жа, пъцыта́я, нацу́я, асты́ня—Шаранина; ки́сня, ко́ся, лята́я— Агѣево: брася́я—Акулово, хо́дя—Расторгуево, пъваро́тя—Жалудково; т'е́ня (=тянетъ)—Бычково; и мн. др (См. Морфологію—ниже). То же мы имѣемъ и въ названныхъ выше мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда.

Звукъ *а* (*'а*) является также изъ основного *о* (*е*) въ конечномъ открытомъ слогѣ нарѣчій или именъ прилагательныхъ краткихъ средняго рода. а равно въ именахъ прилагательныхъ членныхъ ср. рода на—*ое* въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ; прилагательныя средняго рода на—*ее*, большею частью, имѣютъ неопредѣленный звукъ, склонный къ *і*, на мѣстѣ тематическаго неударяемаго — *е* вмѣсто ожидаемаго *'а* Напримѣръ: мно́*у*а, у*у*о́дна—Ерахтуръ Касим. у.; э́та, на́да, ти́ха, сми́рна, у́лѣ́ва дверь—Нармушадь, ра́на, ча́ста, ма́ла. пло́ха, до́лу́а, ско́ра, сты́дна—ib. Шостья, бага́та, мо́жна, маненька, нямно́шка и др.—Шостья, Антоново, Бѣльково, Урядино, д. Китово, Чарусъ и др.— повсемѣстно. То-же относится и къ именамъ существительнымъ ср. рода съ темой на—*о*,—*jo*: за лѣ́та, мѣ́ста, азяя́ла— Ерахтуръ; је́жли дѣ́ла—ве́дра—Шостья; адява́ла (=одѣя́ло)— Антоново; брю́ха—Бѣльково; у́ по́ля, страје́нья и др.—Парахино. То-же въ Спасск. уѣздѣ.

Въ открытыхъ слогахъ мы имѣемъ еще звукъ *а* (*'а*) изъ *и*, *ы* и *е* въ частицахъ: *ли*, *бы*. *же* (союзъ), а также въ сравнительной степени на—*е* отъ прилагательныхъ и нарѣчій: пла́ка́ть што́-ля!—Гус. Погостъ Касим. у.; Хили́п што́-ля́?— Чарусъ и друг. Ницаво́, коб'ты́ нъвази́л-ба—Ветчаны; я́ ба пъмярла́—Катово; уш э́ти-бы ха́раш́о-ба—Рогачево; ми́ла́я,

[1]) Въ этихъ примѣрахъ находятся и глаголы на—*е*, и глаголы на—*і*, которые перешли въ I-ое спр.

Бо́х-ба ни забы́л—Зубово; щё ба слы́шна бы́ла—Бычково; и другія.

Ка́г-жа—Рогачево и повсемѣстно; он нам радьня́-жа—ib.; цаб-жа, ради́ма, здѣлаш?—Зубово; дѣ̆ука-жа ўцы̆тца—ib.; щё-жа, цаты́ри дѣ̆вя̆цки—Снохино; то́жа—Нармушадь, Ерахтуръ, Дмитріево и друг.

Въ сравнительной степени особенно извѣстенъ этотъ звукъ послѣ небныхъ шипящихъ согласныхъ, и въ этомъ же положеніи мы его встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, а равно и вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является основное *е* (*ѣ*) въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ударяемаго непосредственно; но отсюда есть много исключеній; вообще, звукъ конечный *е* (*ѣ*) колеблется въ своихъ рефлексахъ въ современныхъ говорахъ Касим. и Спасск. уѣздовъ: мы встрѣчаемъ на мѣстѣ этого *е* (*ѣ*) или *'а*, или e^{i} (*i*), или e^{a} (э); *почти никогда* не слышно *'а* въ падежныхъ формахъ на—*ѣ* отъ именъ: здѣсь вездѣ—*i*. Примѣры: ўдвóя (вдвое)—Деревенское, Спасск. у., двóя—Дмитріево, Данево Касим у., ны́ньца, ны́ньча—Ерахтуръ, Нармушадь; нóньца—Чарусъ, Забѣлино; двóя, трóя с нéю—Ерахтуръ; (Киструсъ Спасск уѣзда), Шостья; пъмалóжа, дáльша—Уланова Гора; патóньша, бóльша, мéньша—Ерахтуръ; стáрьша—Нармушадь; пъкарóца—Шостья; рáньша, папрóшша—ib.; пъдеʼшэ́вля—Нармушадь; пъхладьнѣ́я—Ерахтуръ; цаты́ря—Шостья; ташʼнѣ́я—ib.; пьjинѣ́я—Уланова Гора; чяты́ря—ib.; пъжырьцэ́я—Чарусъ; жылтѣ́я—Забѣлино; хy̆жа—Бѣльково; набóльша—д. Китово; Ивановское; пáсырѣя, цаты́ря—Урядино; цаты́ре[a]—Ивановское; ўдвóя (=вдвое), ўлубя—Рогачево; рáзя (=развѣ)—Горы; шы́ре[a]—Андроново; Малахово; „А то рáзя! мéньшэ бы́ла дварóў-ти!“—Катово; „дáвя (=давѣ, давеча) я пълсапóшки назѣ́ла“—Бычково; дy̆бя, трóя, пóсʼля мáслины, рáзя—Шаранина; „ны́ньца ни зáжы ўáют“—Агѣево; цаты́ря—Жалудково; ны́ньца—Зубово; „э́нта дáльша ат нáс“—Немнясево; пахy̆жэ—Праватарово; „нóньчя што ни дáлеʼй, то хy̆жа“—Акулово Китов. волости [1]).

Съ другой стороны, въ такихъ же случаяхъ мы имѣемъ здѣсь звукъ e^{i} (*i*): Бóy̆сеʼ—д. Воскресенское Спасск. у.; ны́нь-

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 44 (бы=ба); стр. 16—18.

че' —г. Касимовъ; но́ньчи—Гусевской Погостъ; ны́ньцы—Дмитріево, Ивановское; у́оф'си—Нармушадь; во́усе'—Китово. Чинуръ; (срв. сяво́дьни—г Касимовъ): че'ты́ре'—Забѣлино: (Киструсъ Спас. у); чяты́ре'—Дмитріево; пастáрьшы—Дмитріево; (срв. выше: ны́ньцы—тамъ-же: послѣ *ц* и *ш*); цаты́ре'—Китово; памя́кшы—срв. степ.—г. Касимовъ; бо́льшы, ме́ньшы—Гус. Погостъ; Забѣлино; „бли́жы-ти е́сть"—Забѣлино; ны́ни—Борисково; ф цаты́ри—Катово; пацáще'—ib.: палу́ч'ч'и—ib.; пáдаро́жы—Логино; ра́зи (=развѣ)—Рогачево; цаты́ри—Горы: ны́ньцы—Малахово; дяшэв'ли—Давыдово; не́уди взе́ть—Логино; „а́уурьцы́ но́ни пло́хи"—Катово; „ще-жа, цаты́ри дѣвя́цки"—Снохино; павы́шы—Шаранина; „хош два́ хýнта, хош бо́льшы"—ib.; „ра́ньшы я жыла́ въ Ухѣ"—Расторгуево; „оби иж Жалу́тъ̈ева"—Жалудково(?); и друг.

Такимъ образомъ, отсюда видно, что послѣ шипящихъ и *ц* является *ы*, а въ другихъ случаяхъ—*е*', *і* въ слогѣ, слѣдующемъ непосредственно за ударяемымъ, вмѣсто *е* (*ѣ*).

Сравните окончанія падежей на—*ъ*: к нивѣ́сти, на ла́ф'ки—Ветчаны Касим. у.; х по́ли –Борисково Ветчан. волости: в ро́шшы—ib.; на зао́ди (=на заводѣ)—Симоново; у Хвяко́ли (=у Хвяколѣ вм. у Хвяколы по аналогіи съ „ат зямлѣ" и проч.): *у* мѣс'ти—Рогачево; „з Давы́дъськйми на зялѣ́знай ларо́уи"—Горы; „х пьянам ви́ди"—Бычково; „у ни́х *у* ба́ни сидит"—Зубово; х по́ли, па даро́шки, па старо́нки, на сту́ли—Семеино; в а́уаро́ци—Катово; *у* бало́тп—Катово; на Рязáни, *у* мѣс'ти—Горы; в Астару́ови, ф сваёй дире́вьни—Расторгуево, и друг. [1]).

Далѣе, чтобы разсмотрѣть вполнѣ звукъ *а* (*'а*) въ *открытыхъ* неударяемыхъ слогахъ послѣ ударяемаго, намъ остается еще нѣсколько пунктовъ: *'а въ причастіи* на—*лъ* (наше изъявит. накл. прош. вр.); въ именит. пад. множ. числа муж. рода (наше множ. число на—*и* неударяемое) съ неударяемымъ окончаніемъ; *въ имен. пад. множ. числа именъ жен. рода* въ окончаніи—*ки*; *въ мѣстоименіи сáми*; *въ творит. пад. множ. числа именъ* въ окончаніи—*ми*; во всѣхъ этихъ случаяхъ вмѣсто конечнаго неударяемаго звука *и* мы слышимъ иногда въ

[1]) Срв. мое указ. соч Стр 35. 38.

нашихъ говорахъ звукъ *'а*; далѣе,—въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*), присоединяемомъ къ глагольнымъ формамъ, и, наконецъ,—въ членѣ: *та* или *то* (=тоже *та*). Первый пунктъ—самый замѣчательный; *этой особенности* въ произношеніи причастныхъ формъ на—*лъ* (—*ли*) *я нигдѣ на югѣ Рязанской губерніи не встрѣчалъ*, какъ не встрѣчалъ и дифтонговъ (см. выше; о *ѣ*=*іе* см. ниже) Приведу примѣры: „нау́ш'ники да́ля“ (=дали)—Парахино; но преимущественно эта особенность проявляется въ слогѣ, не непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, а *черезъ одинъ слогъ*: сусва́та́ля, вы́пи́ля, за́пяръля, на́бра́ля; „Ди́ди-Ла́дън сѣц упря́та́ля, праса́ ҫѣ́ня́ля“ (пѣсня: „Дидъ-Ладо“)—Парахино, Астахово, Фомино; вообще, въ Парахинской волости, гдѣ мы видѣли и дифтонги. Далѣе: пѣ́ҫьни игра́ю͡ют дѣ́хькя (=дѣ́фьки—им. над. множ. ч.)—Парахино: „з двумя́ с рибя́тьмя“—Фомино; „ядим са́мя“ (=сами)—Астахово Надо сказать по поводу приведенныхъ примѣровъ нѣсколько словъ: во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы слышали на концѣ звукъ *'а*, но *не чистый*, а *небный*, склонный къ звуку *е*, такъ что правильнѣе было бы транскрибировать его такъ: *'а*^{e}.

Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Парахинской волости, этого звука въ означенномъ положеніи намъ не встрѣчалось. Вышеприведенныя формы причастій, кажется, слѣдуетъ сопоставить съ формами на—*лѣ* въ древне-русскихъ памятникахъ въ прич. прош. вр. въ имен. падежѣ множ. числа при единств. числѣ на—*лъ*.

Переходимъ къ мѣстоименію—*сѧ* при глаголахъ. Неударяемое—*ся* при глаголахъ звучитъ въ нашихъ говорахъ, какъ—*с'а* съ чистымъ *а*, затѣмъ,—какъ—*си* и, наконецъ,—какъ—*сы*. Первое изъ этихъ окончаній слышится рѣже другихъ, но всетаки имѣется; иногда согласный *с* даже слышится твердымъ, и окончаніе—*с'а* превращается въ—*са*: пря́ступлю́са—1 л. ед. ч.—Ветчаны Касим. у.; щиба́йс'а—Семеино (=сшибались); са́рядя́йса—Катово; пабя́йлиҫ'а—Катово (=поба́ились=поговорили. См. Синтаксисъ); „с ау́ць сыма́йтца“—3 л. ед. ч.—ib.; сцапля́йтис'а—Снохино; испу́ґа́йс'а—ib.; мы а́бажге́м'-с'а—Фомино (Парах. вол.); „да́йтя вади́цы напи́тца, ради́-мы́ја“!—Чуфилово. (Относительно присоединенія—*ся* къ гла-

голамъ: *пить, баить* и под. см. Синтаксисъ): дѣ̆ука-жа ўцы́тца—Зубово; и мн. др. Здѣсь мы привели нѣкоторыя слова, въ которыхъ конечное *а* (ˋ*а*) находится *не непосредственно* послѣ ударяемаго слога, а въ слогахъ, удаленныхъ къ концу слова отъ ударяемаго слога, и это мы сдѣлали потому, что такихъ словъ съ конечнымъ *яснымъ а* (ˋ*а*) вообще немного.

Окончанія—*си* и—*сы* (—*цы*) мы имѣемъ чаще: „Куды́ бо́льна пътӑранилси“?—Ветчаны Касим. у.; рӑзацнётцы—3 л. ед. ч., бьем'си—1 л. мн. ч., зӑвали́лси—Симоново Тум. вол; ўдѣ́ Бо́ўу пӑмали́тцы пъляни́ссы—2 л. ед. ч.—Катово; уцы́тцы-ти?—неопр. н—ib; жани́лси—Горы; што́-ш с'мя́тцы-ти!—Давыдово; дай напи́тцы-ть (вм. *ти*—члена—*ть*; частица, можетъ быть, не принадлежитъ составу формы неопр. наклоненія. Срв. мое соч. „Къ Діалектологіи“.. Стр. 125—126); Бо́ўу мали́тцы—неопр. н.—Семеино; рӑзўари́тцы—3 л. ед. ч.—ib.; „с'мята́ны-ти у као́ сайдётцы“—3 л ед. ч.—Катово; придётцы (=прядётся)—3 л ед. ч—ib; с'мѣ́йси—Кобаново Тум. вол; сӑряжа́йси ж жыниха́м ўлядѣ́тцы“—Давылово; как збяре́мси—Расторгуево; ръзайдем'си—Бычково; „не́цко хвали́тцы, гарьди́тцы! хто́ ни брани́тцы-ти“?—Алексѣево; цайкю́ (!) напи́тцы ф по́ля—Ламакино; хлѣп у на́с рали́тцы—Гус. Заводъ, Бѣльково; ана́ уби́ётцы—Бѣльково; събяру́тцы—3 л. мн ч.—ib.; захо́тцы (=захочется)—3 л. ед. ч—ib; ради́тцы у на́с хлѣ́бат—Китово; Чарусъ; х каму́ прашша́тцы-ти?—Чарусъ; ӑкуна́тцы—неопр. н—Ивановское; ади́н ўле́й ӑтрайлси—Ерахтуръ; жыни́лси—Нармушадь; ӑбяшша́лси, раскро́йси—ib.; Ерахтуръ; праснулси—Шостья: прасти́мси—1 л. мн. ч.—ib.; не' с'мѣ́йси—Гус. Погостъ; сканьчя́лси—г. Касимовъ; дӑгада́лси, браса́лси—Уланова Гора; ради́лси—Дмитріево; въспад'ня́лси—Данево; върӑдава́лси, ӑбламы́лси, чйлава́лси (=цѣловался)—Данево; взя́лси, истами́лси, пъвали́лси, брыка́йси—ib.; зънима́лси, вазьмёс'с'и—2 л. ед. ч.,—вирьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—Гус. Погостъ; пъдӑражы́с'с'и—2 л. ед. ч.—Забѣлино; дабьёс'с'и—2 л. ед. ч.;—аста́лси—Бѣльково; што́-б о́н усла́лси (лён)—Китово; пъде'ре́м'си, рӑзбе'ре́м'си—1 л. мн. ч. (*е*—не *ё*)—Китово (село); уцы́лси—Урядино; „как бы уляжа́лси“—Ивановское; срв въ Спасскомъ уѣздѣ: бајйс'с'и=боишься—Ижевское; явля́лси—гор. Спасскъ; сӑўласи́лси, пъмири́лси—д. Деревенское; зӑвали́лси ў кало́де'с—д. Воскресенское, и друг.

Здѣсь мы имѣемъ фонетическій процесъ, обратный по своему направленію только что указанному на примѣрахъ предыдущаго пункта: тамъ мы имѣли *расширеніе* конечныхъ гласныхъ *и* и *е*, здѣсь мы имѣемъ *сужéніе* конечнаго *а* (ѧ) въ *е* и *и* (послѣ твердаго *ц—ы*). Срв. въ древне-русскихъ памятникахъ: въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе—1 л. ед. ч.—*Востоковъ.*—Описаніе ркп. Рум. Музея. № LXVII. Срв. АЮ № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ мы имѣемъ всѣ эти окончанія.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, слышимому въ формахъ члена—*та*,—*то*, присоединяемаго къ словамъ и не имѣющаго на себѣ ударенія.

Въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: абдавéла та?—Ижевское Спас у.; Ерахтуръ Касим. у.; рáзґавóру-та нé была—Ерахтуръ; цаó бялúть-та?—ib; вицарá-та—ib.; сани-та?—ib.; д'леˈ сеˈбя́-та хош—ib; на стóл-та?—ib.; рáспиваить-та?—ib, у у́леˈй-та?—Нармушадь: „стáрáсту-та сáмавó пабúли"—ib: анá смúрна бáба та; жанá-та—Уланова Гора; „сърáфанóф-та ни гатóвют" -ib; хóтца-та—Гус. Погостъ; „мéста-та, правóфта нéт" (=правъ, род п. мн. ч. отъ слова: „прáво"—сущ.); „здéцтва-та падýчйвалса"; „выгъну-та нéт явó"; áпчиствá-та—ib.; (род. над. ед. ч. „общества"); „бóльшы нéчим пражыть-та"—Забéлино, зеˈмля́-та, бичʰявóй-та—ib; убеˈрéш лугá-та, тáм мястóф мнóга, а нáшых-та мáла—ib; „нá пеˈть дварóх лóшáть-та адна́"—Бéльково; на брю́ха-та! -ib.; зубóх-та нéт: „старикáм-та виньцá пáдˈнясу́т"—ib.; „грéца-та анá ишшó ни радúтцы"—ib.; „нильзя́ пóнить-та" (=пóмнить)—ib.; в дéфках-та—ib.; „кáгжа ни пьцытáть-та свякры́"! д. Китово; зáплятáлá-та вянкú—ib.; „у нáс и бáнеˈф-та нéту" (=бань—род. п. мн. ч. отъ слова „баня"); „лéтáсь пру́т-та.... ны́ни рáзлилсú"—с. Китово; „он атéц та ф плóтьнйках хóдит"—Урядино; я кóлька жылá та? „он дьякáн-та адúн"; „зáкусúть-та пирашкá, тáм блинкáми"—ib.; кадá бýдеˈть чʰвéсь-та?—Чарусъ (=цвéсть); „и пóскáни дóма-та ни хватáить"; э́нтáт пóп-та виньцáл; „пъжáлуй, на вéсь у́од дъстаёть хлéба-та"—Чарусь; „сямья́-та: вóсеˈмь дýш"—Ивановское; прéсь-та? (=пря́сть-та; неопр. накл.),—ibidem; да зáутря-та?—Рогачево; „у нáс язы́кта адúн"—ib.; „биз ачкóу-та ня мóжу"; цайку́-та?—ib.; „мáть-

та ана́ ня по́мнит“—Горы; (См Синтаксисъ—ниже); д'ана́ jéсь, да мялка́ ряка́ та—ib.: „ана́ рибя́т-та ,их мно́ɣа“!—ib.: (См Синтаксисъ): „ма́ɣ-ль у нас яво́ лѣ́су-та“?—Чуфилово: „я замёрзла ат тябя́-та шла“—Зубово: „рäскарйли мнѣ́ яво́ жыниха́-та: я и пла́кäла“—ib; „из усто́у бо́льна ɣряхоу-та мно́ɣа“—Логино; „снаха́-та „кра́сна“ бо́льна“! яшчо́ палво́за пäрашко́ў-та—Семенино; „мнѣ́ судй скалйть-та цаво́ сто́ит“!—Шаранина; „д'эт'та дура́ва-та и jéсь“! ibid.: („дура́ва“—ягоды въ родѣ черники, растеніе); „у няво́ хо́льна вить въ даму-та: мо́ют, цйстют“—ib.: „тёшта яво с ни́м та“—ib.; „у мня́ ɣо́ря-та яво́ мно́ɣа“—Давыдово; „ф'сё у мя́ сваё пла́тья-та“—ib.; „ф'се лѣ́та-та замўцйс'с'и“—2 л. ед. ч.—Акулово Китов. вол.; „а што о́н плахо́й-ты: хуть пе́ть ра́с пъпали́ лён-та“—ib.; са ç'вято́й-та—Андроново; „у рука́х-та у мяня́ бы́ли аны́ де́нь ɣи-ти“—Парахино; ис сяла́-та—ib.; и мн. друг. (См. ниже, въ Морфологіи,—„членъ“). Мы здѣсь привели примѣры на звукъ *а* въ членѣ, находящійся не только въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, но и въ слогѣ, удаленномъ къ концу слова отъ ударенія; это мы сдѣлали для того, чтобы имѣть возможность потомъ сослаться на собранные здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, примѣры: во всѣхъ нихъ звукъ *а* звучитъ *явственно*.

Подробности о членѣ, весьма разнообразномъ, будутъ разсмотрѣны нами въ Морфологіи нашихъ говоровъ; тамъ же будутъ сдѣланы соотвѣтствующія указанія на сохранившійся членъ въ другихъ русскихъ говорахъ, и будутъ даны примѣры члена изъ древне-русскихъ актовъ и грамотъ. Здѣсь интересуетъ насъ самый звукъ.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, находящемуся въ *закрытыхъ* слогахъ *непосредственно* послѣ ударяемыхъ слоговъ. Здѣсь, какъ и раньше, мы разсмотримъ звукъ *а* чистый (явственно слышимый), а равно приведемъ примѣры, представляющіе звуковое отклоненіе, т. е. примѣры съ *другими* звуками вмѣсто ожидаемаго звука *а* или *'а* въ этихъ говорахъ. Вообще, прежде всего нужно замѣтить, что, говоря здѣсь о звукѣ *а* (*'а*) чистомъ, или явственно слышимомъ въ нашихъ говорахъ, мы разумѣемъ лишь *относительную* чистоту или явственность, т. к. въ закрытыхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ гласные звуки вообще менѣе явственны и опредѣленны, чѣмъ въ открытыхъ.

Звукъ а ('а) въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, образовавшійся изъ стяженія. Такой звукъ мы будемъ на письмѣ означать буквою *а* съ знакомъ краткости сверху: *ӑ*. Знакъ краткости имѣетъ цѣлью выразить звукъ менѣе явственный, чѣмъ будетъ звукъ, означаемый буквою безъ этого знака краткости. Такой звукъ мы имѣемъ во всѣхъ глаголахъ, гдѣ формы образованы путемъ звукового стяженія: аіе—аа—а+личное окончаніе. Выше мы видѣли подобный звукъ, но *совершенно явственный*, въ такихъ-же глаголахъ, гдѣ этотъ звукъ стоялъ *подъ удареніемъ*. Примѣры: пабѣ̆ам—1 л. мн. ч. буд. вр.—Шостья Касим. у.; дѣ̆лам—1 л мн. ч. наст. вр —Ломъ; ни з'дѣ̆лаш—2 л. ед. ч, з'дѣ̆лам—1 л. мн. ч —г. Касимовъ; з'дѣ̆лаш—2 л ед. ч —Уланова Гора; з'дѣ̆лат, з'дѣ̆латца—3 л. ед. ч.—Данево; „ф кирьпичя̆х рабо́тӑм“—1 л. множ. ч.—Гусеркой Погостъ; „ницаво́ ни з'дѣ̆лаш ни жыву́т“—Бѣльково; надѣ̆лӑм—1 л. множ. ч (*а* долгое и явственное)—д. Китово (*не* село). Срв. ницаво́ не' з'дѣлаэш—2 л. ед. ч.—Нармушадь; „се́тъки слу́шаэш—2 л. ед. ч.—Бѣльково; эти формы, несомнѣнно, *архаическія*, изъ которыхъ и слѣдуетъ выводить всѣ вышеприведенныя [1]). „Мы рабо́таэм“—Бычково; ницаво́ ни з'дѣ̆лаш—2 л. ед. ч —Катово; д' рабо́тӑш—2 л. ед. ч.—ib.; „цаб-жа, ради́ма, з'дѣ̆лаш“—2 л. ед. ч —Зубово; „сот пе́гъ, ду́мат о́н, пришле́“—Катово; „ты ду́мӑш, кӑкаб итѣ̆ть“?!—Чуфилово; з'дѣ̆лам—1 л. мн. ч.—Жалудково; „ня ф'се́ сраббо́таэш“—2 л. ед. ч.—Фомино (Парахин. вол.); ка́к ты ду́мӑш?—ib ; рабо́тӑм—1 л. мн. ч.—Ахматово и друг. [2]). Звукъ *а* такого же происхожденія, но болѣе явственный въ произношеніи, мы видѣли выше въ *открытыхъ* слогахъ *не подъ удареніемъ*. (См. выше).

---

[1]) Сравни выше формы съ дифтонгическимъ *ударяемымъ* сочетаніемъ *аэ* хвата́эт—3 л. ед ч. наст вр.—Бѣльково, и проч.

[2]) Въ Зарайскомъ уѣздѣ Ряз. губ. мы слышали: рабо́тӑш, рабо́тӑт.... Отъ крестьянъ села Ново-Егорія Егорьевскаго уѣзда я записалъ слѣдующія формы: рабо́таш, рабо́там; рабо́тут—3 л мн. ч Качества неударяемыхъ гласныхъ я не обозначаю, потому что забылъ и не отмѣтилъ при записи Это было давно, не въ послѣднюю мою поѣздку въ Спасскій и Касимовскій уѣзды Срв. дѣлаш—2 л ед. ч.—с. Спасъ-Клепики Рязанскаго уѣзда. *На югѣ Ряз. губерніи этой особенности нѣтъ* См. мое соч «Къ діалектологіи» .. Стр. 125.

Далѣе, *такой-же звукъ а* (*'а*) *по произношенію*, т. е. *ă* (*'ă*). но *другого* происхожденія, мы слышимъ въ нашихъ говорахъ *въ падежныхъ окончаніяхъ — ой,—ей безъ ударенія*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: сйт'ч"ӣвай. ч"ёрнай—Дмитріево; с рыбай—Расторгуево (звукъ *ā* долгій и явственный); хрёснай—Данево; ў пóснай дéнь, с кўрйпай—Ерахтуръ; с пълавйнай, с снашэ́льнйпай Шостья; у ле'нйвай-ти бáби. у э́тай, лóшкай—ib.; касмáткай ве'ньчя́ют—Уланова Гора; нóпкай—Данево; „пат сѣ́ткай пад бѣ́лаю“ (пѣсня)—ib.; с сўмкай—Бѣльково; „атéц нусйлкай аддáст“—Истомино (Ветчаны), Аксйньяй—твор. п. ед. ч.—Горы Тум. в.; пьянай—Бычково; сйняй—им. пад. ед. ч. муж. р.—Зубово, Давыдово [1]).

Такое-же *ă* (*'ă*) мы слышимъ *въ падежныхъ окончаніяхъ*:—*овъ*,—*евъ*, иногда—*ыхъ*,—*ихъ*: арѣ́хāх нáда? (*ā* долгое и явственное)—Бѣлясево Алексѣев. вол.; грыбóвāх—род. п. мн. ч. имени прил (—*ыхъ*)—Борисково Ветчан. вол; с'вѣ́жйньвāх—род. п. мн. ч. им. прил.—Малахово ib; пс калóтьцāф—Ерахтуръ; Хвадéй Кандрáтьяф—Горы, и мн. друг. Въ такихъ формахъ болѣе обыкновеннымъ звукомъ бываетъ, именно, звукъ *ă* (не долгій и сравнительно не явственный), но мы привели здѣсь всѣ случаи со звукомъ ā, который мы слышали въ такихъ формахъ, т. к. эти формы должны быть, именно, здѣсь приведены, хотя въ нихъ звукъ *ā* по произношенію представляетъ нѣкоторое уклоненіе отъ звука *а*, слышимаго вообще въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ.

Мы объясняемъ себѣ сравнительную *явственность* этого звука *а* (*'а*) въ *закрытыхъ* слогахъ послѣ ударенія тѣмъ, что этотъ звукъ проникъ сюда или изъ формъ, гдѣ онъ находился въ открытыхъ слогахъ (см. выше) и представляетъ результатъ стяженія, а потому онъ и *долгій* тамъ, или изъ формъ, гдѣ онъ былъ хотя и въ закрытыхъ слогахъ, но *долгимъ* (см. тоже выше). Такое-же *а* (*'а*) мы имѣемъ изъ *о* (ъ) и изъ *е* (ь): нóньчя рўпь за вынáс—Киструсъ Спасск. у.; *у*óрлăм—твор. п. ед. ч. отъ сл. „горло“—ibid.; надáть—Нармушадь Касим.

---

[1]) Объ этомъ гласномъ звукѣ мы говорили подробно выше, когда перечисляли случаи употребленія *долгихъ* гласныхъ въ нашихъ говорахъ, въ I-ой главѣ.

у.; па ма́лъ̆сци = по малости—Шостья; мужыкй дѣ́дъ̆м нъ̆ряжа́ютца—ib.; ря́дъ̆м—твор. п ед. ч.—Шпилёво; срв. выше: сли́въ̆к—род. п. мн. ч.—Гус. Погостъ; пани́тъ̆к—Ул. Гора; э́тъ̆т—Гус. Погостъ; за 'вра́гъ̆м = за овра́гомъ—Забѣлино [1]); свёкъ̆р—Бѣльково; вити́ъ̆к = вити́шекъ—род. п. мн. ч („вити́шка"—крендель, баранка)—ib; лѣ́тъ̆м—тв. п.—с. Китово; с ма́слъ̆м, в Из"ескъ̆м—Чарусъ; Хвадей Кандра́тьяф, Аксиньяй—Горы; вино́вян—Бычково; в ло́жыцку пятна́тцъ̆ть ка́пляф—Шаранина; стари́к по́мяр—Агѣево; (срв пе́ть по́не'к—ib); ко́рям была́ бальна́ (= ко́рью)—Зубово; с Микала́ям—ib.; по́няк ня но́сют—Меркулово (Тумск. вол.); шэзь у́ри́вян [2])—Бѣльково; (Киструсъ Спасск. у.); мно́у́а де́нях—Нармушадь; цэ́ряс два у́бдика—Ерахтуръ; Борки; у́ре́мям (= временемъ)—Нармушадь; капе́як—Шостья; цэ́ряф (= червь)—Ярыгино; ча́ям пайть—Ул. Гора; ходют в Зу́я́ф (= въ Зу́ево)—Бѣльково; свайм баславле́ньям—ib.; фсѣ се́мьде'сят—ib.; я ни да́хажу́ да пѣ́сян—ib.; (но и: во́т о́н и ве́цыр—Китово); в Успе́ньяф день—Ивановское; пе́ть капе́як—Праватарово; (но: по́ме'р—Парахино); с Аньдре́ям—Фомино; дѣ́лъ̆м—Алексѣево; ку́плян (прич.)—Мягкова; сюда же принадлежатъ безчисленныя формы глаголовъ наст. (буд.) времени, гдѣ мы имѣемъ звукъ *а* ('*а*) изъ *е* или *и*:—аш (—'аш),—ат (—'ат),—ам (—'ам) вмѣсто—еш,—иш,—ет,—ит.—ем,—им во 2 л. ед. ч., въ 3 л. ед. ч., въ 1 л. мн. ч. и въ 3 л. мн. ч. (иногда). Объ этихъ формахъ мы тоже говорили выше по поводу долгихъ гласныхъ звуковъ [3]). Здѣсь мы скажемъ, что такихъ формъ безчисленное множество въ нашихъ говорахъ и со звуками *не долгими*, т. ч. долгота является по преимуществу въ нѣ-

---

[1]) Сравни въ др. русскихъ грамотахъ: да промежъ Микулкина Высокого *врагомъ* спорной деревни, а изъ *врага* на двѣ ели, да черезъ рѣку въ *вражокъ*—АЮ. № 8. (1498—1505 г.), по изгороду да по *врагъ*, да *врагомъ* въ рѣчку,—ib № 75. (1494 г.); № 410 (1472 г.) *врагомъ* ручаемъ, вверхъ *врагомъ* и мн. др.

[2]) Сравни въ Смолен. Грамотѣ 1229 г: гривьнъ и гривенъ—Рус.-Лив. А. Стр. 422 и мн. др.

[3]) Срв. *Шахматова.* Изслѣд. въ обл. р фон. Стр. 80. (Здѣсь предлагается объясненіе фонетическое). Въ другомъ мѣстѣ *Ш* какъ будто измѣнилъ свой взглядъ: изъ формъ плача—3 л. ед. ч.—плачатъ, откуда—плачаш—2 л. ед. ч, но, кажется, напрасно.

которыхъ говорахъ (см. выше), и то потеряла свою обязательность, т. е. не обязательно имѣется на-лицо. Дадимъ нѣкоторые примѣры формъ *съ не долгими* гласными: мы уш зна́ям—Антоново Кас. уѣзда (здѣсь мнѣ встрѣтилось это произношеніе *въ первый разъ* на продолженіи моего пути); ана́ вы́ткят—ib. (Кажется, Ибердусовской волости и прихода); бу́дят—Жданово; сы́пят—3 л. ед. ч., вы́льяш—2 л. ед. ч —Забѣлино; приде́т да ля́жат на брю́ха-та—Бѣльково; за жыниха́ гада́ят—3 л. ед. ч.—ib; ха̀рашо́ сѐяш—2 л. ед. ч —ib.; траву́ по́лям—1 л. мн. ч.—Китово; руко́й во̀т тире́бям 1 л мн. ч —ib; мѣры три ни сѐям—1 л мн. ч.—ib.; мо́жыть дьвѣ мѣры-ти на̀кало́тяш—ib; тады́ бу́дям яво́ на̀д до́ш—ib.; дѣлям—1 л. мн. ч.—ib.; номе́лям—1 л. мн. ч.—д. Китово; на̀купля́ям—1 л. мн. ч.—ib; ни пъкупа́ям—1 л. мн. ч.—ib; фсѣ пъна̀дява́ям—1 л. мн. ч.—ib; на̀брася́ям—ib.; сѐям, по́ля́м, со́дям, пъсо́дяш, на̀сте́лям, кало́тям, сни́мям, на̀мата́ям, вы́ткям—1 л. мн. ч—Чарусъ; вы́шшаш (=вы́сушишь)—Чарусъ; пало́жам, мо́цам, сте́лям—ib.; даже· мать пла́цать—3 л. ед. ч. (—ть, а не—тъ)—ib; пшана́ пѝтсыпа́ям—ib.; гдѣ цаво́ зало́жаш—2 л. ед. ч.—Ивановское; а то и симяна́ ино́й рас не' сни́мяш—ib.; пла́цаш—2 л. ед. ч.—Ветчаны; ска́жа̀т—3 л. ед. ч.—ib.; куды́ но́са̀м ля́жа̀т (башмо́к)—ib.; мяки́нки пѝтсы́пяш—ib.; зацо́м хо́дям? На будня́х ка̀к нибу́ть схо́дям—1 л. мн. ч.—Горы; сами па́шам—1 л. мн. ч.—Андроново, Малахово; напи́шаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; ня ста́няш—ib; сам пра ся́ ска́жаш—2 л. ед. ч.—Семеино; съ табо́й уш ня бу́дяш и *у*а̀вари́ть—Катово; лён по́лям—1 л мн. ч.—Акулово; в *у*ря́тки сажа́ям—1 л. мн. ч.—ib.; хто́ ня лю́бят—3 л. ед. числа—Акулово (Китов. вол.); по́жы̀ли, бай, бу́дя̀т: пара́ пъмира́ть—Расторгуево; (*у*) *у*ро́п пало́жаш—2 л. ед. ч.—ib.; дру́х па дру́*у*а хо́дям—Зубово; ня ста́ням—ib.; зна́яш—2 л. ед. ч.—Бычково; мы сами ня зна́ям—Чуфилово; заро́ям—1 л. мн. ч.—Бычково; из Ту́мы-ти йдям—Норино; (=ѐдемъ); упу́стяш; бро́ҫят, бу́дят—3 л. ед. ч.—ib.; пасо́дят—3 л. ед. ч.—Андроново; и мн. др. [1]).

---

[1]) Сравни такія произношенія въ блр. нарѣчіи: по́сляй (срв. ниже у насъ· ра́не[1]й) яны пое́хали до хаты, ажно́ бачиць, што далеко *ходзяць* свинь-ня... Гродн. губ. и уѣзда. *Шейнъ.* Матеріалы II. Стр 185. № 87. Якъ ты будзяшъ биць яго—ib. Минск. губ. Стр. 186. № 88 и друг.

Мы думаемъ, что этотъ звукъ въ глаголахъ такъ называемаго перваго спряженія образовался фонетически, а въ глаголы второго спряженія перешелъ изъ глаголовъ перваго: дѣйствительно, глаголовъ *собственно* второго спряженія въ современныхъ народныхъ говорахъ почти нѣтъ; тѣ глаголы, которые мы приводимъ ниже, съ произношеніемъ почти московскимъ, представляютъ изъ себя только по звукамъ сходство со вторымъ спряженіемъ, на самомъ дѣлѣ они—перваго спряженія, но со звукомъ e^1 въ слогѣ послѣ ударяемаго и въ закрытомъ. Такое произношеніе извѣстно и нашимъ говорамъ

Ниже мы даемъ рядъ примѣровъ, представляющихъ отступленіе отъ вышесказаннаго, именно, примѣры звуковъ e^1 и i какъ въ глагольныхъ формахъ, такъ и въ именныхъ, на мѣстѣ разсмотрѣннаго выше звука *а* (ˈ*а*) въ закрытыхъ слогахъ послѣ ударяемаго.

Примѣры звука e^1 и i въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго изъ *е*, *и*, *ъ*, *ѣ*: зна́е¹м—1 л мн. ч—Ерахтуръ Касим. у; бу́де¹т—Данево; надѣне¹т—ib; хвата́је¹т—Бѣльково; выкупа́је¹т—ib.; снима́је¹м—Китово: зѣцына́је¹ш—ib.; пъкупа́је¹м—Ура́дино; ка́к зѣтира́је¹м-тӯ?—Чарусъ; бу́дит—Ветчаны; пріѣ́дит—ib: хляба́им—ib.; су́хиньких шшэ́ц хляба́иш—2 л ед. ч.—ib.; блява́ть ҫе (=все) тсе́нит (=тя́нетъ)—3 л. ед. ч.—ib; сил ни хвата́ить—3 л. ед. ч—Рогачево; и̯ура́иш—2 л. ед ч—ib.; хтѳ̀ ji зна́ит!—Горы: (ji=еѐ или ё=его—ео—ео—е); и̯ура́им, ѣсярьца́иш, сѣ́пш, по́лиш, сте́лиш—Сноxино; хлѣ́бушка бу́дит—Агѣево; бу́дим, з̯ярьба́им—1 л. мн. ч.—Праватарово; у кало́де¹с бу́хне¹ш—Ерахтуръ, вы́пье¹ш—2 л.

Мы можемъ свой списокъ еще дополнить: сами но́сям—1 л. мн. ч.—Дмитріево, куплям—1 л. мн. ч—Акулово, вынисяш—2 л. ед. ч.—ib. (даже въ 3-мъ слогѣ *часто* явственно); фҫя рабо́таям—1 л. мн ч—Парахино; мужӑт ня лю́бят зна́ть—ib: бу́дят, пишат—ib; у мя̀ ў адно́й ня ло́хка (=ловко) бу́дят—ib: нихто ни ска́жат—ib: здѣсь мы видимъ большею частью долготу гласнаго Хо́ям—1 л мн ч.—Астахово; жа́рям—1 л мн. ч—Парахино, хо́јат—3 л. ед ч (=хо́дитъ)—Парахино; как пъгавѣ́ям—ib; ра́зя ни умѣ́яш—ib; кра́ҫям—1 л. мн ч.—ib; ѣзьдям—Вельково; ко́ҫям, ҫѣям, ѣзьдям—Алексѣево; рибят къраулям—Волчково; ко́сям, ко́сят—3 л. ед. ч. (ко́сют—3 л. мн. ч)—Ламакино, самим ни хвата́ят—3 л. ед. ч.—Бѣлясево. См ниже.

ед. ч.—Бѣльково; зна́је'ть, папа̀не'ть (=попадетъ)—с. Китово: на̀цына́је'ть—ib.: на̀цына́је'ш—ib: пя̀тряпа́им—1 л. мн. ч.—Шостья: зна́је'ть—3 л. ед. ч—Киструсъ Спасск. у.; (Ерахтуръ Касим. у); быва́је'ть—Ижевское Спас. у; цэй бу́де'ш?—ib.. Какъ видимъ, такимъ произношеніемъ отличаются попреимуществу глагольныя формы отъ глаголовъ на—аје,—а̀је—; глаголы, имѣющіе этимологическое *е* послѣ согласнаго *рьже* превращаютъ это *е* въ поударномъ слогѣ въ e^{1} или *і*. При этомъ глаголы на—аје—звучатъ въ приведенныхъ выше формахъ такъ, что слышится между гласными *а* и e^{1} элементъ j, чего мы не замѣчали при сочетаніяхъ: *аэ* съ *э* открытымъ (см выше), и чего также не наблюдается въ томъ случаѣ, если этимологическое *е* переходитъ въ *і*, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ согласнаго, но этого j не слышно и послѣ гласнаго передъ *і*. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ рефлексами различныхъ старыхъ образованій и произношеній: если предположить, что въ древнѣйшую пору были глаголы съ сочетаніями—аје—и—аје,—то изъ первыхъ мы получаемъ въ своихъ говорахъ—аје'—аи,—а изъ вторыхъ:—аэ,—аје',—но не переходящее въ—аи;—изъ вторыхъ-же съ теченіемъ времени развилось:—аа̀,—аа,—а; послѣ согласныхъ:—е, которое давало въ однихъ говорахъ—e^{1}, въ другихъ—e^{a}, откуда черезъ о, o^{a} наконецъ—а (ʾа). Съ теченіемъ времени все это перекрещивалось между собой, и въ настоящее время можно лишь констатировать типы: пъкупа́је'ш и пъкупа́иш—2 л. ед. ч.; зна́је'ть и зна́ить—3 л. ед. ч.; съ другой стороны: рабо́таэм и рабо́таје'м, далѣе: рабо́та̃м; (особенно слышны растянутые гласные здѣсь ближе къ Елатомскому уѣзду Тамбовской губерніи, а въ Касимовскомъ уѣздѣ: въ Шостьѣ, Ерахтурѣ, Чинурѣ, Ярыгинѣ—къ сѣверо-востоку); далѣе: бу́дет—бу́де'т—бу́де^{a}т—бу́дет—бу́д'ат.... Оттѣнокъ между e^{1} и *и* все-таки слышится, и мы думаемъ, что тамъ, гдѣ не было j, тамъ было e^{1}, не *і*, а тамъ, гдѣ былъ j, онъ превратилъ e^{1} въ *і*, такъ что, если мы имѣемъ формы съ—аје'—при—аэ,—то онѣ представляютъ лишь образованія по аналогіи, занесенныя изъ глаголовъ съ—аје—аје'—аји—аи. Мы привели ихъ лишь потому, что онѣ теперь слышатся кое-гдѣ, напр., въ литературномъ нарѣчіи, гдѣ одинаково скажутъ: и рабо́тъје'м, и рабо́та̃им....

Звукъ *e*¹ и *и* является въ нашихъ говорахъ не только въ глагольныхъ формахъ на мѣстѣ ожидаемаго, согласно съ предыдущимъ, *а* (*ạ*) именно, вм. *е*, *ѣ*, *ѧ*, *ѧ* старославянскаго языка или, лучше сказать, вм этимологическихъ: *е*, *ѣ*, *я* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго: затóне¹ц—Киструсъ Спас. у.; рáне¹й—сравн ст.—Ижевское; вóсе¹мь—Ерахтуръ Касим. у., уцы́те¹ль—Борки; кало́де¹с—Ерахтуръ; у́ле¹й—Нармушаль; мало́де¹нькяй—ib.; тру́те¹нь—ib.; падьлѣ́ часо́ве¹ньки—ib.; памѣ́се¹цна—ib.; па манéне¹цку—Шостья; па зéсить—ib.; у́ кало́де¹ц—ib.: óсе¹нь ib.; за пéцый—тв п. ед. ч. (=за печью), гри́ве¹ньник—ib.; ка́ме¹ньщик—Чинуръ; верст дéсе¹ть—Брѣево; мѣ́се¹ц—Гус. Погостъ; с ма́те¹рью—Дмитріево; асéнне¹й—род. п. ед ч. ж. р.—Данево; па ку́пче¹й—Гус. Погостъ; за часове¹ньку—Бѣльково; вот какáя мéле¹нькā (рыба)—д. Китово; пäцыжэ́ле¹й, он патóнит—ib.; хлѣ́бе¹ц мäлат°и́ть—Ивановское; (Срв. карьми́ляц—Чарусъ. Си́рят по́ла (=середь—середи)—с. Китово); далѣе: ди́вирь—Ветчаны (изъ дѣверь?), цэ́тьвирьть—ib.; глу́пинькую, па го́ринки—дат. п ед. ч.,—пе́рьвинькая, де́ник нѣ́т, Тау́синь, мѣ́сиц—ib.; хрясти́тиль—Борисково; де́сить—Катово; де́вить—Семеино; де́ҫить, де́вить—Андроново; три цэ́тьвирьти, ни́тъцки бѣ́линьки—Давыдово; яван у́илья—Семеино; зи́вирь бы́л—ib.; на си́лу вы́де¹рнула—Бычко́во; руп де́ник—Шаранина; петь по́не¹к—ib. (срв. по́няк—Меркулово Тум. вол.); вы́де¹рнули—ib.; карьми́ле¹ц—Давыдово (срв. выше); (срв мно у́а де́нях—Нармушадь); ра́не¹й шэ́зь у́ри́вян плати́ли—Бѣльково (и Киструсъ Спас. у); ма́сле¹нки (грибы)—Ерахтуръ; се́мь тро́е¹к—ib; сѣ́мицка—род. п. ед. ч.—Шостья; ве́че¹р—Ул. Гора; ве́цыр—Китово; у мя́ хязя́ин по́мир—Урядино; (срв. выше—по́мяр); но: бра́т у́мяр—Чарусъ; мацэ́ньцы́х-ти? (=моче́нцевъ то? Срв. выше: цалко́вāх—род. п. мн. ч., дваро́х, ка̀пляф—и проч.)—род. п. мн. ч.—Ивановское (Ветчан. волости) [1]); здѣсь мы видѣли звуки *а*, *ạ*, *е*¹, *і* (*ѣ́*) изъ основныхъ: *е* (*ѣ*), *ѣ*, *ѧ*, *ѧ*, *и*. Звуки *е*¹ и *і* являлись преимущественно *передъ мягкимъ* согласнымъ въ за-

[1]) Сравни говоры Китовской, Забѣлинской (Погостинской), Шостинской, Ерахтурской волостей, гдѣ особенно замѣтна пѣвучесть въ говорѣ: изъ мѣ́ры карыт дéвāть—Забѣлино: (см. текстъ); лéбять—Зубово; вдруу́брать—Катово.

крытомъ слогѣ, какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ [1]), какъ и вообще въ большинствѣ акающихъ говоровъ, но въ нашихъ говорахъ это далеко *не всегда*, и мы видѣли довольно часто звукъ *ˈe*[1], *ˈa*, рядомъ со звукомъ *ˈe*[1], *i передъ твердой* согласной въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ, видѣли также звуки *ˈe*[2], *ˈa* рядомъ со звуками *ˈe*[1], *i* въ закрытомъ неударенномъ слогѣ *передъ мягкой* согласной: гри́вян, де́нях, гри́ве[1]н, де́ник; пла́цать—3 л ед. ч. и тру́те[1]нь, зна́ить .. Изъ этого мы заключаемъ, что наши говоры въ значительной степени представляютъ образцы *смѣшанныхъ*, но не чистыхъ говоровъ

Для сопоставленія приведемъ данныя изъ блр. говоровъ, гдѣ мы видимъ или разницу, или полное сходство съ данными, только что приведенными изъ нашихъ говоровъ. Будемъ опять слѣдить только за поударнымъ закрытымъ слогомъ, въ которомъ стоятъ основные: *е* (*ѣ*), *о*, *а*, *ѣ*, *ѧ*, *и* (или, какъ сказано выше, осн. *ъ*, *ь*): гро́шай—Шейнъ. II. 186 (срв. выше у насъ: на́шай); подъ по́лымъ (срв. наше: лѣ́тѣм и друг.)—Шейнъ. ib. 233; у́ го́рыдъ (срв. наше: *у*бо́рят—Рогачево; вы́нѣс и друг.)—Шейнъ. ib. 234; за́ецъ (срв. наше: мѣ́сяц и мѣ́сиц и друг. выше)—Шейнъ. ib. 235; хо́читца, ве́сило...—ib. 380. 381 (наше: хо́цца, че́тьвиро—Дмитріево и друг.); ко́лишь—Шейнъ. ib. 544. (наше: сте́ляш и сте́лиш—выше); на́дыть—ib. 548 (надскѣ—Грам. 1229. Сп. А., Новг. Грам. 1265 г. (Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. № 1) и мн. др., срв. наше: на́да́ть—выше; и мн. друг., напр., въ Грамотѣ 1490 г.: надобѣ при надабѣ—АЮ. № 5).

Теперь я перехожу къ звуку *а* (*ˈa*) изъ *и*, большею частью, въ суффиксѣ—ик,—ин,—но и въ глаголахъ вмѣсто тематическаго *и*. Этой особенности опять я почти не встрѣчалъ въ южно-рязанскихъ говорахъ, а здѣсь она распространена. Примѣры: пава́йняк—Андроново, Малахово Касим. у.; ура́дьняк—ib.; ку́рьняк—Парахино; хаз*я́ян цара́ каҫи́л—Астахово Парахин. волости (=хозя́инъ вчера́ коси́лъ); ба́рян—д. Жданово. При этомъ: мина́ пако́ял—Логино Тум. волости. Срв. до́не[1]л—Куземкино Ерахтур. волости. (На югѣ губерніи

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 10 22. 23. 30. 31. На югѣ Рязанской губерніи говоры становятся сильно акающими, а сѣверно-рязанскіе говоры лишь заимствовали свое аканье и яканье.

почти всегда: по́нял, до́нял и под..[1]). Ўфторьник про́лял до́ш—Деревенское Спас. у; жа́сьтяю—тв п. ед. ч—Шостья Касим. у

Наконецъ, *а* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго въ членѣ, гдѣ онъ звучитъ (звукъ *а*) вообще такъ же неопредѣленно, какъ и въ большинствѣ выше разсмотрѣнныхъ нами случаевъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что эта звуковая неявственность или неопредѣленность лишь относительная: мѣстами слышится ясно *а* (*а*), мѣстами не совсѣмъ ясно, и потому въ предыдущихъ примѣрахъ я обозначалъ неопредѣленность гласнаго знакомъ краткости (˘) надъ нимъ; гдѣ нѣтъ такого знака, тамъ звукъ слышался мнѣ яснѣе. Говоря объ этомъ звукѣ *а*, я опредѣлилъ его мѣсто *въ членѣ*, но это, конечно, условно: было бы мало вѣроятія въ предположеніи, что этотъ гласный звукъ представляетъ собой остатокъ *тематическаго* гласнаго имени, хотя такое предположеніе возможно и высказывалось Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: Ви́щ, он са́д-ӑт—Нармушадь Касим. у.; ӑстава́е'тца во́ск-ӑт, он яво́ жметь: во́ску-ту мно́у̯а—ib.; чялно́к-ӑт—Дубровка, Гиблицы; пло́х-ӑт, всхо́д-ӑт—Бѣльково; ради́тцы у нас хлѣ́б-ӑт—Китово; ру́пь шызьде'ся́т за го́д-ӑт—Ўрядино; наш до́м-ӑт—Чарусъ; у̯о́ра́д-ӑт я ня по́мню—Рогачево; я бы дйсьтары́м ра́здяли́ла пу́д-ӑт—ib.; хлѣ́ба ма́ла ураж́а́й-ӑт—Горы; да што́ о́н, му́ж-ӑт—Зубово; онъ ба́рин-ӑт мяня́ пъжалѣ́я—3 л. ед. ч.—Давыдово; „как гво́й-ӑт сы́н—сыно́к бѣ́шӑнай“—Семеино; он тяпе́рь до́ма му́ж-ӑт—Катово; в до́м-ӑт сто́-та рублей́ му́ж-ӑт припиле́—3 л ед ч.—ib.; д'ыть о́н сы́н-ӑт пайде́—Шаранина; он ни пришо́л сы́н-ӑт—ib.; д'ыть он пріяжжа́я по́п-ӑт!—Расторгуево; мо́ст-ӑт на Ту́му-ту—Амляшово; мы'ить наро́д-ӑт

---

[1]) Срв. *Шахматовъ* Изслѣд Стр. 209—210 Произношенія нашихъ говоровъ: тритцать, два́тцать и под мы видѣли уже выше. Срв мое соч «Къ діалектологіи» .. Стр. 21—22: вынял, по́лял, спо́рял... Стр 20: пирявори́ям—1 л. мн. ч. Стр. 18 хто ста́нять... Ркп. № 127 1683 года. Переходную ступень къ вышеприведеннымъ произношеніямъ изъ нашихъ говоровъ мы имѣемъ въ муромскихъ: ба́рен, поста́вел (срв наше: ба́рян, пако́ял), поло́жел... См. *Колосова*. Замѣтки... Указ. соч. Стр. 311—312. «Сказка о злущей волшебницѣ». Срв. формы множ. ч. въ открытыхъ слогахъ: ѣздели, видяли .. *Колосовъ*. Ib. 147. Пѣсня изъ Олонецкаго края. Срв. *псковское*: во́ен и т п.

ни уцо́най—Зубово; а́льдѣ'лйл он на́с ате́ц-а́т—Чуфилово: „нас Бо́у-а́т на́радйл, да ни у'уадйл'—Бычково: двухъя́га́жнай до́м-а́т—Немнясево; зипу́н-а́т—Норино: на́ш-а́т ба́тюшка ня нье́—Праватарово: си́н-а́т—Фомино; он ади́н-а́т рабо́тьник у мя́—Астахово; „Ди́ди Ла́дуу́н-а́т игра́ля: э́та ѣ́ла фсе забы́та"!—Парахино; харо́шай ко́нь-а́т—Ахматово; уагпо́ть паслал друго́й хлѣ́б-а́т—Алексѣево; мы ди́х куплям тава́р-а́т—Акулово Китов. волости.

О членѣ см. ниже, въ Морфологіи. Что касается двухъ послѣднихъ явленій, то ихъ мы имѣемъ довольно часто и въ другихъ говорахъ: первую въ южно великорусскихъ по преимуществу, вторую въ сѣверно-великорусскихъ тоже по преимуществу [1]); такой членъ извѣстенъ и въ древне-русскомъ языкѣ, особенно въ языкѣ Лавр. списка лѣтописи [2]) Соболевскій отмѣтилъ произношеніе: ижжа́рянъ, а́ньялъ (*я* изъ *е*) въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Сравни у насъ выше: ку́плян, вино́вян, ка́пляф. но: де́ник при де́нях, по́ник при по́няк, по́мир при по́мяр и у́мяр и проч Изъ остатковъ формъ члена Соболевскій приводитъ только изъ Печорскаго края [3]) такую форму, какую мы видѣли въ нашихъ говорахъ повсемѣстно, но намъ извѣстна эта форма и изъ другихъ сѣв.-влкр говоровъ [4]). Напр., въ др. русскомъ: холмътъ—Ипат. лѣт. л. 60. столб 1. (фототипич. изд.); срв. въ Лавр. сп.: холмотъ—л. 49. Въ Олонецк. говорѣ: Да вальякъ-отъ литый красна золота—Гильфердингъ. Онеж. был. Столб. 1062 и др. Москвичи также, даже образованный классъ, въ прежнее время говорили такъ: у Фонъ-Визина въ томъ говорѣ, которымъ говорили Простаковы и Скотинины [5]), извѣстенъ былъ такой членъ: передъ-отъ (Недоросль. Д. III. Явл. 3).

---

[1]) *Соболевскій* Жив. Стар. 1892. Вып I Стр. 14 отмѣтилъ: ба́рянъ, но неизвѣстно, въ какой мѣстности. Срв мою брошюру: «Главн черты народн р. говора въ Каз губерніи». В. 1894 Стр. 29.

[2]) См. ниже примѣры

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. Вып II. Стр. 24.: хлѣ́бо-тъ.

[4]) Срв выше въ говорѣ Каз. губерніи и въ Ярославской губ. Даль. О нарѣчіяхъ. LVI. XLVIII. Въ Тверской губерніи: человѣкъ—отъ и проч.

[5]) Этотъ говоръ зналъ и мѣну *ѳ* на *х* арихметика Простакова о своемъ языкѣ говоритъ: « *по здѣшнему* сказать». Д. II Явл. 5.

Крыловъ въ своихъ Сатирическихъ журналахъ пишетъ такъ-же [1]), въ басняхъ—тоже [2]); Грибоѣдовъ тоже [3]). Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ наши говоры представляютъ сходство съ сѣверно-великорусскими, но умѣренно-акающими; что-же касается глагольныхъ формъ на-*ат*,-*ам*,-*ат*,-*ам*, то здѣсь наши говоры приближаются тѣснѣйшимъ образомъ къ говорамъ бѣлорусскимъ Минской и Могилевской губерній. Мнѣ думается, что среди древнѣйшихъ русскихъ говоровъ находились и говоры умѣренно—акающіе. которые помѣщались, вѣроятно, въ серединѣ говоровъ окающихъ и говоровъ, ставшихъ впослѣдствіи сильно акать. Такіе говоры мы можемъ назвать переходными не въ этнографическомъ, а въ историческомъ смыслѣ [4]).

---

[1]) Напр, въ журналѣ «Зритель» Спб. 1792 г.

[2]) Напр., въ баснѣ: «Лжецъ» (1815 г.): «Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ».

[3]) Фамусовъ—важный московскій баринъ—говоритъ. «И въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ». Д. I. Явл. 2 (Булгаринская рукопись комедіи «Горе отъ Ума». См. *Гарусова*. Горе отъ Ума. Спб 1875 года Стр 225).

[4]) Собственно говоря, мы даже имѣемъ нѣкоторыя доказательства того, что уже въ древности, гораздо ранѣе XIV вѣка, нѣкоторые говоры знали звукъ *о* склонный къ *а* или настолько открытый, что переписчики иногда ошибались и ставили начертаніе *а* вмѣсто *о*: такія написанія, какъ: Воню обанавъша мура не тебе—Сент. Минея 1095 г. л. 173-а. (Ягичъ Минеи. 230), я объясняю себѣ существовавшими въ языкѣ произношеніями въ родѣ: обнавлѧѥми быхомъ—Изборникъ 1073 г. л. 9а, горькыѧ свобаждавъшоу работы—л. 37 с. ѩко зѧтварѧѥте—л. 44 б. ѥдинъ бо бъ можеть праштати грѣховъ—л. 45 а. праштаѥть—3 л ед. ч.—л 45 с. помагаѥть—3 л ед ч.—л. 45 d. помаганиѥ—л. 45d. омакаѧ—л. 51b. отънемагаютьсѧ—3 л. мн. ч.—л 52а. възграѧсѧ—л. 53d и мн др., гдѣ мы видимъ это *а* въ «многократномъ видѣ» глаголовъ. Срв въ Минеѣ XI—XII в. багатьно—*Срезневскій*. Др п. р. и и яз. (Изв. А Н. X. вып. V. Стр. 442 443) Тріодь Постная XII в.: поганѧѧ—ib. 450. Псалтырь 1296 г поганѧѧи—л. 65. помагаѥть—л. 105 об.—*Буслаевъ*. Матеріалы для исторіи письменъ. Юбилейное изданіе Моск. У—та. 1855 года. и др. Было бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильнымъ толкованіе этихъ и подобныхъ написаній въ *древне-русскихъ* памятникахъ, какъ сохраненіе въ живомъ языкѣ русскомъ чередованія *о—а* въ глаголахъ однократнаго и многократнаго вида. Кажется, что эти написанія въ памятникахъ *русскихъ* могутъ свидѣтельствовать собой вообще начало расширенія звука неударяемаго *о*, независимо отъ значенія глагольной формы;

§ IV. Перехожу теперь къ звукамъ гласнымъ, по преимуществу къ звуку *а* нашихъ говоровъ, въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго слога къ началу и къ концу слова. Выше въ разныхъ мѣстахъ мы, приводя примѣры на произношеніе гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слогахъ, сосѣднихъ съ ударяемымъ, видѣли также и произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно можно видѣть, что гласные въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, звучатъ, большею частью, *неопредѣленно*, то съ большей, то съ меньшей ясностью качества звука: по обозначеніямъ этихъ гласныхъ на письмѣ мы видѣли, что надъ ними въ большинствѣ случаевъ стоитъ знакъ краткости (˘), а иногда они обозначались нами и знаками ъ или ь. Вообще, можно сказать, что качество такихъ гласныхъ еще менѣе опредѣленно, чѣмъ качество гласныхъ въ сосѣднемъ съ ударяемымъ слогѣ закрытомъ послѣ ударенія, но отсюда надо исключить звукъ *ă*, стоящій въ третьемъ слогѣ передъ ударенiемъ и происшедшій изъ основного *а* или *о*; этотъ *ă* звучитъ всетаки, большею частью, настолько близко къ чистому *а*, что его обозначать знакомъ ъ обыкновенно приходилось только тогда, когда онъ находился *не въ началѣ слова* а *послѣ согласной*, но и здѣсь, какъ мы видѣли выше, бываютъ варьянты въ произношеніи. Яснѣе другихъ въ такомъ положеніи звучитъ звукъ *у* и въ началѣ слова, и послѣ согласнаго. Итакъ, звуки ряда *а—о* даютъ въ означенномъ положеніи *ă*—ъ, звукъ *у* остается яснымъ, а звуки ряда *'а—'е* даютъ звукъ, близкій къ *і*, почти *і*; самъ-же звукъ *і* въ означенномъ положеніи остается яснымъ. Звукъ *е* послѣ шипящихъ и *ц* въ большинствѣ случаевъ даетъ звукъ *ы* или *ѣ* (менѣе ясное), какъ увидимъ изъ примѣровъ, между тѣмъ

сравни: оубогъри нб̄са—Сильвестровскій Сборникъ до 1350 г.—*Срезневскій*. Др п. (Изв. А. Н. Х. вып. VI. Стр. 651). Мы уже не говоримъ о собственныхъ именахъ въ родѣ: Олексию (Жит. Нифонта 1219 г Запись), Онтонъ, Лазорь (Посланіе Симона XIII в., Поликарп. Ев. 1307 г. и др.) и о памятникахъ XIV и позднѣйшихъ вѣковъ. Съ другой стороны, мы видимъ слѣдующее: видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подроузѣ его изламана—Сильвестров. списокъ сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ XIV в. л. 137. Ь. *Срезневскій* Спб. 1860 года. Сравни наше южно-великор. изла́манъ, сла́манъ и т. п.

какъ во второмъ слогѣ, въ предударномъ, этотъ звукъ въ означенномъ положеніи обращается въ нашихъ говорахъ, какъ мы видѣли выше. въ *а* (чаще) и въ *ы* (рѣже).

Приведемъ нѣкоторые примѣры на произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія. Атьвѣдай кутейки па мăладеньцу—Киструсъ Спас. у; ў пăне'дѣльник—Деревенское Спас у., пăуляди́тя—Ижевское Спас. у; урябава́ даска́—Ерахтуръ Касим. у.; пълуцы́ла—Шостья; гы́вары́ть—3 л мн. ч.—ib.; хляба́ хърашы́—ib.; пăшана́—Ерахтуръ; пăшани́ца—Нармушадь; пăлатка́ми (=платками)—тв. п. мн. ч.—Уланова Гора: блины́ ис пшана́ рăжаны́я—Чарусъ; пăшана́ насы́пют—Ветчаны (Истомино); „кăрава́тка смăшана́“ =смощена́—Таусень—ib.; он вăдаво́й (=вдо́вый)—Чуфилово; пăхристо́скаимся 1 л. мн. ч.—Праватарово; нăцына́е'ть—3 л. ед. ч., нăцына́е'ш—2 л. ед. ч.—Китово; пăцыжэле'й—д Китово; припомнимъ также произношенія: с кра́сниньку́й' з бума́шку́й—Шостья; з завя́зăну́й гало́ушкай — ib.; „рăстяря́хи—пăдняве́стицы“ — Нармушадь; пăне'сьли́ — Шостья; зăпле'те́на—Гус. Погостъ; Авдаки́м—Лѣсново, малашну́ю (=мелочну́ю)—д. Китово; ăтрайлси, ăбяшша́лси—Ерахтуръ; аблами́лси—Данево; истами́лси—ib.; уради́лась—Чарусъ; пле'мяшы́—Ижевское Спас. у; Ерахтуръ Касим. у.; па пьтацку́—Шостья; жиравы́жи-ти—Лѣсново; либе'ди́ная—Данево; в жирабо́й жнитвѣ—ib.; скипяти́ш—2 л. ед. ч —Забѣлино; апшывны́я са́ни-ти—Чарусъ (=обшивны́я); абвянца́ли—Ерахтуръ; надію́т—3 л. мн. ч. (=надѣваютъ) — Дмитріево; адява́ютца — Ерахтуръ; адява́ла (=одѣяло)—Антоново; сирябра́ — Ул. Гора; пе'ряшы́та—ib.; т'ряму́—Дмитріево; привязу́т — Гус. Погостъ; ве'цару́шную пѣсьню—Бѣльково; за́мужъм—Ул. Гора и за́мъжăм—Чарусъ; глаголы такъ-же, какъ и выше: де́рьгае'м—1 л. мн. ч. и свя́зъваям—1 л. мн. ч —Китово; пе́рид за́ганьем (sic!)—Гус. Погостъ; *послѣ шипящихъ и ц*: ф цытьвяро́м — Бѣльково; жынихо́ф по́је'ст=поѣздъ — Нармушадь; ж жынихо́м — Дмитріево; шылухи́—Забѣлино; жыре'бья—Бѣльково; ж жыниха́—Шаранина; жыниха́ у ба́ни памо́ют—3 л. мн. ч.—Фомино (Парахин. волости). Остальное—,какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ. Замѣтимъ еще: пиринёцык—Катово Тум. край; пьринёцык—Лоуино тоже въ Тумскомъ краю (версты 4 обѣ деревни другъ отъ друга); пиряпа́хываиш — 2 л. ед. ч. — Снохино ib.; те'мнаунѣдая, цылава́ть — Ижевское Спас. у., Ерах-

туръ Касим у.; зилянóва — Ерахтуръ: цылаэ́к — Шостья; се'ле'зéнь — Данево; шызде'ся́т — Дмитріево. Насчетъ такихъ словъ, какъ Авдакúм (Лѣсново Касим. у.), Апраси́нья (Шаранина), Авдакúм (Дубровка), Илдакúмаф (Дубровка), а равно: исинью (=осенью)—Урядино и под. замѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. и въ древне-русскомъ мы имѣемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ звукъ *о*: Ефросинья—крестъ кн. Евфросиньи Полоцкой 1161 г. (*Срезневскій.* Др. п. Изв. А. Н. Х. II. Стр. 101. Памятникъ Галицко-волынскій?); Овдокúмъ—АЮ. № 11. Омѣльянъ—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 177. Наше: Ме^{a}лья́нам—твор. п ед. ч.—Парахино Касим. у.—съ отпаденіемъ начальнаго звука *о—а* Такія формы, какъ вышеприведенное *Илдакúмаф*—Дубровка Касим. у.—должны объясняться изъ основного **Е'вдакúмовъ* со звукомъ e^{i} закрытымъ, развившимся въ извѣстной группѣ говоровъ; а такія формы, какъ: Овдокúмъ, Авдакúмъ .. изъ основныхъ формъ, со звукомъ e^{a} открытымъ. „Исинью“ — Урядино—изъ **е'сенью*, а южно-ряз „асинью“ изъ **е^{a}сенью* Я полагаю, что въ русскихъ нарѣчіяхъ діалектически могли быть извѣстны формы: ѥсень при осень [1]). Но въ пѣснѣ мы имѣемъ и: „*и*глянýлась я назáт“—дер. Китово.

Такимъ образомъ, въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго мы видѣли звуки: ă, ъ, e^{i}, і, ь, у, ы ы̆, изъ основныхъ: о, а, е, ѣ, ѧ, и, у.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, гласные звуки въ ихъ зависимомъ положеніи относительно ударенія и ударяемаго слога, мы видѣли, какъ рефлектируются въ нашихъ говорахъ основные гласные звуки: *а, о, э*, ѣ, (ѧ), *е, ъ, и, ѣ*; мы видѣли вмѣсто нихъ въ нашихъ говорахъ звуки ă и ă, ди-

---

[1]) *Шахматовъ* (Изслѣд Стр. 5—6) полагаетъ, что еще въ общесл. яз. имѣлись діалектически формы jäsenь при äsenь, образовавшіяся по диссимиляціи со слѣдующимъ *е* изъ jesenь—jösenь—jäsenь Правда, что изъ формъ *asenь.. (ст —сл. ѥсень) мы можемъ вести формы осень .., но откуда мы должны выводить формы діалект. исинью?! Для нихъ мы предполагаемъ и въ нарѣчіяхъ прарусскаго языка формы: *jasenь или, по моему, вѣрнѣе *jesenь со звукомъ e^{i} закрытымъ, который сталъ таковымъ вторично ассимилируясь слѣдующему мягкому слогу—senь. Срв указаніе *Соболевскаго* (въ рец. на трудъ *Шахматова*) на слово ѥлово въ ср болг памятникѣ XIV вѣка. См Ж М Н Пр 1894. (май?) Стр. 429—430 (здѣсь приведена и блр. форма).

фтонги у̯о, ю̯о, і̯е, звукъ *о*, *е* подъ удареніемъ, звукъ ы и ы̆, звукъ й и й̆, звуки, смягчающіе собой предшествующіе согласные: ъ̀а и ь̀а. Въ общемъ мы можемъ сказать, что наши говоры по своему вокализму представляютъ собой потомковъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ замѣчалось сильное вліяніе мягкаго согласнаго и слога на предшествующій и послѣдующій гласный, т. е. нашъ говоръ принадлежалъ когда-то къ говорамъ группы *β*, употребляя терминъ Шахматова [1]), и въ этомъ мы видимъ доказательство древности нашихъ говоровъ.

Въ настоящее время въ нашихъ говорахъ замѣчается *скрещеніе* различныхъ особенностей вокализма, распредѣлявшихся, быть можетъ, въ древнее время болѣе послѣдовательно по говорамъ; положеніе нашихъ говоровъ въ центрѣ между акающими и окающими говорами было причиной заимствованій и видоизмѣненій въ вокализмѣ нашихъ говоровъ, но консонантизмъ нашихъ говоровъ, а равно и нѣкоторыя особенности въ произношеніи ударяемаго древняго *ъ*, будутъ говорить намъ, какъ увидимъ ниже, что наши говоры сложились не изъ тѣхъ элементовъ, которые мы находимъ въ окрестныхъ говорахъ, окружающихъ наши. Такимъ образомъ, это еще болѣе насъ убѣждаетъ въ томъ, что въ зернѣ нашихъ говоровъ кроется какой-то особый говоръ *съ дифтонгами* и *долгими* гласными, между тѣмъ какъ нынѣ, насколько намъ извѣстно изъ опубликованныхъ матеріаловъ по діалектологіи, по близости отъ нашихъ говоровъ нѣтъ въ рѣчи народа ни дифтонговъ, ни особаго *ъ*, ни тѣхъ согласныхъ, которые мы разсмотримъ ниже. Это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что *аканье* нашихъ говоровъ въ нынѣшнемъ его видѣ есть явленіе позднѣйшее, результатъ вліянія аканья окружающихъ говоровъ, и въ самомъ аканьѣ нашихъ говоровъ мы усматриваемъ слѣды того, что наши говоры были нѣкогда говорами *съ умѣреннымъ аканьемъ*. Въ виду особаго *ъ* нашихъ говоровъ мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію звука *ъ подъ удареніемъ*, а въ связи съ нимъ разсмотримъ и тѣ звуки, которые стоятъ въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ древняго ударяемаго *ъ*.

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдов... Стр. 199—200. У *Брандта* «ёкальскіе» говоры. Этногр Обозр. 1895 № I. 143.

Такимъ образомъ, слѣдующая глава будетъ посвящена обзору звуковъ *е*, *і*, *іе̂* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. При этомъ намъ придется касаться и звуковъ, являющихся въ нашихъ говорахъ вмѣсто ожидаемыхъ вышеназванныхъ *е*, *і*, *іе̂*.

Глава III-я.

Звуки *е*, *і*, *іе̂* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ эти звуки подъ удареніемъ и для сравненія будемъ приводить примѣры на употребленіе этихъ звуковъ или имъ соотвѣтствующихъ и въ говорахъ прилежащихъ къ Касимовскому уѣзду частей Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи

Основной звукъ *ѣ* является въ нашихъ говорахъ, конечно, чаще всего такимъ-же, какъ и звукъ *е* подъ удареніемъ, т. е. звукомъ *е* болѣе или менѣе широкимъ и узкимъ, смотря по слѣдующему слогу, и всегда смягчающимъ предшествующую согласную Звукъ *э* открытый и не смягчающій предшествующую согласную мы видѣли только на мѣстѣ основного *е* (*ь*) въ нашихъ говорахъ послѣ *ж*, *ш*, *шш*, *ц* и послѣ гласной *а* въ глаголахъ, не стянувшихъ—аје—въ—аа,—а. Въ прочихъ случаяхъ мы наблюдаемъ въ нашихъ говорахъ полное отождествленіе звуковъ *ѣ* и *е* подъ удареніемъ. Но это не во всѣхъ мѣстностяхъ: есть говоры среди изслѣдуемыхъ нами, гдѣ звукъ *ѣ* основной подъ удареніемъ *звучитъ всегда закрытѣе*, чѣмъ звукъ *е* въ одинаковыхъ положеніяхъ, т. е. приближается къ звуку *і*; въ этихъ говорахъ *даже передъ твердымъ слогомъ* мы находимъ ударяемый звукъ е^{i} или *і* или *іе̂* на мѣстѣ основного *ѣ*, тогда какъ звукъ *е* въ означенномъ положеніи остается звукомъ болѣе открытымъ въ этихъ же говорахъ

Дифтонгъ ie на мѣстѣ основного ѣ: куды́ iéзьдим?—1 л. мн. ч — Нармушадь Касим. у; iéдить—3 л ед. ч. —ib.; jéзьдит—3 л. ед. ч.—Лѣсново; абъiéщик—Гус. Погостъ (почти какъ „абъje'щик“). Срв. бо́ле ницаво́ — Бѣлъково; miéру нато́пцу—1 л. ед. ч. буд. вр.—Шаранина; када́ х пе́ц стано́уим и х'miéль—ibid (хмѣль?); niéту, niéту!—Чуфилово; не сумѣю пе'сьни пiéть—Парахино; я бай niéт!—ib.; во́симь miéр на т'ягло́—Ахматово. Особенно интересенъ этотъ звукъ *въ д. Норинѣ* (Ше́инскаго прихода): здѣсь мы имѣемъ *постоянно* вмѣсто ударяемаго *ѣ* какой-то звукъ средній между *i* и *е всегда мягкій*, такъ что онъ то слышится ближе къ звуку *i*, то ближе къ звуку *е* закрытому: очень часто слышится въ этихъ случаяхъ и *ясное i*: вmiéстѣ[a], diíфьки jи́дям—1 л. мн. ч., çе запри́ло (=запрѣ́ло), хлеи́пца—род. п. ед. ч: çе́ съje'дя́т—3 л. мн. ч., я ни ўмiю, паjé'ду—1 л. ед. ч. буд вр.; дьвѣ нидии́ли; ты к на́м на динёк прijи́ть (=прiѣ́дь, прiѣзжа́й); да зъвали́м пи́сьни—1 л. мн. ч. буд. вр.; зьди́ся (=здѣсь)—въ пѣснѣ; съjи́ла што́-ля нас? (См. Приложенія). Далѣе: хлѣ́ба паjи́сь нѣ́ту—Ветчаны (Истомино); ня бу́диш jи́сть ӑржаны́х-ти пира ўо́ў—Зубово Тум. край; д'ыть jи́сь не́цъва — ib.; ня съjи́сть нихто́ — Горы; он je'сь хо́ца — 3 л. ед. ч.— Катово; цы́дим (=цѣ́дим) — 1 л. мн. ч. — Шаранина; цэ́рйф je'сть—Жалудково; jи́сть нѣ́ту — Чуфилово; свидите'ль — Меркулово; çiют (=сѣ́ютъ) — Андроново; присьпiим — 1 л. мн. ч. (=приспѣ́емъ=приготовимъ, заготовимъ)—Парахино; кўпiем мукí—1 л. мн ч.—Фомино Парах. вол. (см. объ этомъ словѣ выше: срв. *Соболевскаго*. Лекціи [2]. Стр. 225—226); ди́вирь—Ветчаны [1]); с ки́м жыў—Ижевское Спасскаго у.; [2]) си́ зна́ють (=всѣ) [3])—ib.; при свидíтьлях—г. Спасскъ [4]); смат-

---

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ у *Шахматова* Изслѣд.. Стр. 173 Срв *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. dêverĭ. Здѣсь *ѣ* общеславянское, и въ ювр. говорахъ—дивирь—изъ сѣверно-великорусскихъ

[2]) Вѣроятно, изъ «кѣмъ», а не прямо изъ цѣ́мь.

[3]) Вѣроятно, изъ «всѣ», а не прямо изъ вьсн Спасск. Ижев: фси́ сматрѣ́ли.

[4]) *Шахматовъ*. Ук. Соч. Стр. 160.

ри́ть—Ижев [1]); сматри́ла—Ерахтуръ Касим. уѣзда: эта пъсматри́л?—Катово: у мня́ на се́рьцы ни́ту—Бѣльково; ди́вирь—ib.; пайи́сть на́да—Нармушадь: jíсть—неопр. н.—Шостья: сми́х (=смѣхъ)—Ул. Гора близъ г. Касимова: с цы́м je'ди́м-ту? 1 л. мн. ч.—д. Китово: мнѣ́ *ни́кида* [2]) хади́ть-та—Чарусъ, Ивановское; о́къла Успе́ньява дня́ сíjить—неопр. н.—(=сѣять)—Ивановское; не́льзи́—Анисово. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ вмѣсто ударяемаго *ѣ* звукъ *i*.

Теперь мы переходимъ къ звуку *е* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ изъ основного *е* или *ѣ*; мы разсмотримъ отдѣльно звуки *е* и *'о* (*ё*). Звукъ *е* мы слышимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: не' дале́ка, ăсну́ем—1 л. мн. ч., тке́ш—2 л. ед. ч., тке́м—1 л. мн. ч., нăпряде́ш—2 л. ед. ч., нăпряде́м 1 л мн ч., пане́ва, пане́ву—вин. ед. ч (м. б., здѣсь звукъ *е* изъ основного *ѣ*?); бе́рда—им пад мн. ч.—Киструсъ Спасск. у.; дале́ка, кре́сная ăдяваe'ть—3 л. ед. ч.—Ерахтуръ Касим. у.; абѣ́дьня ско́ра ăтайде́ть—Нармушадь; ме́рьзьни—пов. накл. (здѣсь *е* и должно быть, не *ё*.) ib.: наде́жа (изъ *ѣ*)—Ерахтуръ; séрьуe'нка (ленъ=де́рганецъ, „де́ргенка“)—Ерахтуръ; раjе́вьня—Ломъ; зубы де́рьгали—Шостья [3]); све́л (=свёлъ)—Уланова Гора (въ пѣснѣ); ус'михне́те'ся—2 л мн. ч буд. вр.—Дмитріево; вăстре'пе́хнит'чя—3 л. ед. ч буд. вр.—Данево; прамéш (=проме́жъ)—ib; де́рьгае'м—1 л. мн. ч.—Китово; „пăде'ре́м'си д'апя́ть рăзбе'ре́м'си!“—Китово; „п сица́с пре'-

---

[1]) Въ этомъ словѣ *и* нашихъ говоровъ, м. б., изъ основного *и*: съмотрити.

[2]) Значитъ, *Потебня* правъ, если пишетъ: нѣкогда, нѣкому, нѣ у кого... и отстаиваетъ это правописаніе. Онъ говоритъ: «Остается принять, что обороты: нѣчего—было v. нѣчего будетъ дѣлать и проч. съ *было*, *будетъ*, лишенными ударенія и прислоненными къ предыдущему слову съ *нъ*, предполагаютъ выраженія съ двумя глагольными сказуемыми: «(мнѣ) было (есть) нѣ (=неесть) чего дѣлать». =«мнѣ было (будетъ) такъ: нѣчего (теперь) дѣлать»... «*Нъ* оправдывается стр сл и малорусскимъ». Изъ Записокъ по р грам. [1]. II. 378—380 и слѣд Соболевскій. Лекціи[2]. 64

[3]) См. мою вступит. лекцію въ Каз У-тѣ· «Объ источникахъ для исторіи р. языка» ... Стр. 18—19. Казань. 1893. Также мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894. Стр. 25.

дéть“ (=прядéтъ)—д. Китово; „виньцá вазьмýть на прашпэ́най дéнь“—ib.; пайдéть—3 л. ед. ч —с. Китово; „прайдéть дéнь Трóйцын“—дер. Китово; цáсты з'вéздушки (изъ *ѣ*)—Ветчаны (Истомино); каво?—Стéпьки-ти? (Стйпанйди?—род. пад. ед. ч)—Катово Тум. вол.; „у нявó рукá ни дрáуанéт“—Рогачево; „óн jéсь хóпа“—3 л. ед ч. (=ѣсть)—ib; мы вéдрами ни э́та“ .—Акулово; „пайдé адна́ дарóуа“—Жалудково; „а ты́ пря́ма пайдéш“—ib.; „дадýт яé на́ рýки“—Меркулово; „у Лякся́я мéльницы-ти éсь, а зéре'н нéту“—Парахино; срв. также довольно явственное *е* въ словѣ: вы́пьеть—3 л. ед. ч.—Шостья. Въ этомъ словѣ *е* не подъ удареніемъ, какъ видитъ читатель. Въ своемъ трудѣ, посвященномъ главнымъ образомъ обзору фонетики и морфологіи говора *южныхъ* уѣздовъ Рязанской губерніи, мы тоже отмѣтили подобные примѣры произношенія звука *е* вмѣсто литературнаго *ё*, но на югѣ губерніи эти примѣры встрѣчались гораздо рѣже, и по преимуществу мы слышали этотъ звукъ *е* не *ё* въ глагольныхъ окончаніяхъ [1]). На сѣверѣ губерніи, въ Касимовскомъ краѣ, это явленіе встрѣчается *гораздо чаще*. По поводу вышеприведенныхъ примѣровъ произношенія звука *е* слѣдуетъ сказать, что всю массу ихъ слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ: въ одной звукъ *е* не *ё* стоитъ передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ, а потому и не долженъ дать произношенія *ё* по закону великорусской фонетики (таковы формы: ăтайдéть, райéвьня, рăзбе'рéм'си въ Нармушади, Лому, Дмитріевѣ, Китовѣ, Жалудковѣ и мн. друг.); въ другой группѣ звукъ *е* восходитъ къ *ѣ*, а потому и здѣсь онъ архаиченъ и правиленъ (таковы: надéжа, з'вéздушки, вéдрами—Ерахтуръ, Акулово, Ветчаны и др.); въ третьей группѣ звукъ *е* остался даже послѣ отвердѣнія слѣдующаго мягкаго слога или потому, что законъ перехода *е* въ *ё* уже прекратилъ свое дѣйствіе къ этому времени, или потому, что этотъ звукъ *е* обязанъ вліянію другихъ формъ и произношеній, т. е. обязанъ аналогіи (таковы формы 2-го л. ед. ч. или 1-го лица множ ч. въ Киструсѣ Спас. у. и во многихъ мѣстахъ Касим. у., также слово: „прамéш“, срв. мéшка=межка=межька). Наконецъ, въ четвертой группѣ звукъ *е* не *ё* обусловленъ фонетическимъ закономъ,

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи».. Стр 97—99 и 49—50.

найденнымъ Ф Ѳ. Фортунатовымъ: дерьга́ıп—Шостья, де́рьгае'м—Китово; нѣкоторыя произношенія трудно себѣ объяснить (дале́ка, све́л; см однако у Шахматова въ „Изслѣдованіяхъ въ области р. фонетики". В. 1893 г. Стр. 188). Принимая во вниманіе, что издавна въ русскомъ языкѣ были говоры не только съ мягкимъ звукомъ *т* въ личномъ окончаніи 3-го лица наст. вр глаголовъ, но и съ твердымъ *т* (вѣроятно, изъ основного полумягкаго *т*), а также принимая во вниманіе и то, что говоры Касим. уѣзда *по преимуществу* имѣютъ нынѣ *твердое т* въ этихъ случаяхъ, мы должны, вѣроятно, поставить въ связь произношеніе звука *е*, а не *ѐ*, въ означенныхъ формахъ глагола. съ явленіями *долготы* этого самаго звука въ этихъ же формахъ въ говорахъ Касим уѣзда, а также съ явленіями *дифтонговъ* вмѣсто этого *е*, указанными нами выше въ I-ой и II-ой главахъ настоящаго изслѣдованія. Долготу и дифтонги мы видѣли также и въ формахъ 1-го лица множ. ч.

Вобще. въ разсматриваемомъ отношеніи наши говоры представляютъ много *архаическихъ* чертъ и гораздо архаичнѣе говоровъ на югѣ Рязанской губерніи [1]).

Теперь разсмотримъ случаи со звукомъ *'о* (*е*) въ нашихъ говорахъ: „о́та-тъ ле́кшэй" (сравн. степень: сказано про одноколку сравнительно съ четырехъ-колесной телѣгой; срв. ле́гокъ. (См. мой „Отчетъ" стр 11. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ. Казань. 1895). — Киструсъ Спасскаго уѣзда. Нёвътъ = неводъ — с. Ерахтуръ Касим. у. Можетъ быть, въ этомъ словѣ скрывается вовсе не отрицаніе „не" въ первой части, а предлогъ (лат.—in), т. е. слово „неводъ"=въ-водъ; срв. слово: „не-вѣста". (См. *Miclosich.* Etym. Wtb. s. v.v. nevêsta, nevodŭ, ne. 1). Въ литературномъ русскомъ нарѣчіи мы неправильно съ точки зрѣнія фонети-

---

[1]) Параллели изъ другихъ русскихъ говоровъ, а также свидѣтельства памятниковъ др. русской письменности относительно произношенія звука *ѣ*, какъ *е* и *и*, будутъ нами указаны ниже, во 2-мъ отдѣлѣ настоящаго труда, гдѣ будетъ выведено отношеніе говоровъ Касимовскаго края къ другимъ современнымъ и древнимъ русскимъ говорамъ, а также будетъ указанъ общерусскій типъ и типъ языка обще-великорусской эпохи—(или эпохи «велико-бѣлорусской», какъ называетъ А. А. Шахматовъ).

ческихъ законовъ русскаго языка произносимъ *нéводъ* вм *нé-водъ* каковое произношеніе мы и привели выше изъ с. Ерахтура Касимовскаго уѣзда Ряз. губерніи. Такое произношеніе, быть можетъ, обязано своимъ появленіемъ вліянію тѣхъ словъ, въ которыхъ послѣ *не*—стояла мягкая согласная слѣдующаго слога, хотя не для всѣхъ словъ можно съ вѣроятіемъ указать аналогію. (Срв. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 63. *Шахматовъ*. „Изслѣдованія“ . Стр 189. Здѣсь указано Олонец. *неведъ*, которое, вѣроятно, Шахматовъ самъ слышалъ въ Олонецкомъ краю При первоначальномъ *неведъ*, если только это слово древнее, становится понятнымъ звукъ *е* не *é* въ произношеніи *нéводъ*, въ такомъ случаѣ произношеніе *нéводъ* будетъ болѣе позднимъ) Далѣе примѣры: хрéснай—Ерахтуръ; Данево (срв. выше: „хрéсная ядзвáе'ть“—Ерахтуръ). Такъ и слѣдовало бы ожидать въ русскомъ языкѣ вмѣсто: крéстный, крéстъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго; въ блр мы имѣемъ: хрóсный тáiка, хрóсные бáцьки и даже по аналогіи съ этимъ: хрóсникъ („ихъ кумы доклеровали позваць хрóсника ў гóсьци къ сабѣ“. . Срв. наше: крéстникъ—крéсьникъ) —Минск губ. Борис уѣзда. (*Шейнъ*. Матеріалы II. Стр. 383.379. № 220). Далѣе; дéржу—1 л. ед. ч. наст вр — Нармушадь Касим. у.; удéржыш—2 л. ед. ч буд вр., дéржыте'—2 л. мн. ч. наст. вр; дéржытца—3 л. ед. ч.— Шостья; дéржыт—3 л. ед. ч.—Лѣсново, Гусев Погостъ; лáвáцку дéржыть мáлашнýю—дер. Китово; ты, мой садóвáй, ме'нѣ тýт дéржыш—2 л. ед. ч —Чарусъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ звукъ *é*, перешедшій изъ формъ, въ которыхъ этотъ звукъ находится подъ ударéніемъ и передъ твердымъ слогомъ: дéржыш, дéржыт, дéржым, дéржыте, дéржут при литер. дéржишъ, дéржитъ, дéржимъ, дéржите, дéржатъ являются вполнѣ законными; изъ такихъ формъ и 1-е лицо ед. ч. наше: дéржу. Въ этомъ корнѣ когда-то долженъ былъ быть звукъ *р* полумягкій или мягкій, такъ что литер. дéржиш и т. п. указываютъ на бывшее *дéрьжишь, но послѣ отвердѣнія звука *ж* отвердѣлъ и сосѣдній звукъ *р*, передъ которымъ должно было появиться тогда *é*, а не *е*. Срв. народн. (сѣв.—влкр., ряз.) дéрьгать при дéргать, вѣроятно, по аналогіи съ дéрнуть, при которомъ мы имѣемъ: дéрьне'ш—2 л. ед. ч.; мéрзнуть и мéрьзнеш, мéрьзни и т. п.

Затрудняюсь сказать, былъ-ли корень этого слова съ ирраціональнымъ звукомъ: dьrg—,или со звукомъ полнаго образованія: derg—,Миклошичъ (Etym. Wtb.) предполагаетъ здѣсь корень derg,—и за этотъ корень говоритъ чередованіе derg—и dorg—:удóржыт—3 л. ед. ч.—Ярыгино, Данево Касим. у; задóршка—г. Касимовъ (Ямская Слобода) при задéршка и литер. задéржка изъ задéрьжька: сѣв.-влкр. (зятск., казан.)—держáть, юржы, задóршка, откуда: задáржывать и т. п. Даржáть—неопр. накл.—г. Касимовъ (Ямская Слобода) Наше: сýдорга и сýдорога говорятъ о томъ-же корнѣ но въ серб. мы имѣемъ: drżati, чш. drżeti. слов. drżati, болг. drъžа, однако при польск. dzierżeć Казалось бы, что здѣсь могъ быть въ корнѣ праславянскаго языка неслоговой ирраціональный ь + слоговой плавный r_0: ьr$_0$, и, послѣ того какъ въ извѣстной группѣ нарѣчій неслоговой ирраціональный ь сдѣлался слоговымъ, а слоговой r_0—неслоговымъ, образовались формы: dьrg—,откуда съ теченіемъ времени—дерг—держати изъ дергѣти, при *ж* мягкомъ мы имѣли: дер'жáти: въ другихъ нарѣчіяхъ могъ остаться слоговой r_0 (болг., серб., словин. и изъ западно-слав.—чешскій) Допустить фонетическій переходъ изъ дéржý—доржý, изъ держáть, дéржáть—доржáть—даржáть я затрудняюсь въ виду того, что пришлось бы при этомъ допустить и необычное отвердѣніе въ такомъ положеніи звука согласнаго *д*: *дё—до*: въ виду этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ остановиться на исконномъ чередованіи корней: derg—и dorg—или: dьr$_0$g—и dъr$_0$g—.Сравни псков. великолуцк. *задорога*—заборъ: сибир.=подъ въ печи. (Опытъ обл. Словаря, s v.). Въ Ряз. губ въ Скоп. уѣздѣ я слышалъ слово „задорога“ (=задóрга) въ значеніи жерди по ребру русской печи: лѣзутъ на́ печь и держатся за задоргу; задорога-же служитъ и для того, чтобы съ печи не упасть [1]).

Такимъ образомъ, слова: сýдорга, задорга... указываютъ намъ на корень, отъ котораго пошли: доржáть, доржý, задáржывать.... Далѣе мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ звукъ *е*: дащéцку—Шостья (при *ц* твердомъ явилось *ё*: срв. дощéчь-

[1]) Срв. у *Даля*, Словарь. S V. задорóжный.

кю—дощéчку): у нёби—Шостья. Это явилось уже не фонетически. а по аналогіи съ нёба (=небо); срв. тетка и тётя.... Патéшут—3 л. мн. ч.—Лѣсново (=потéшутъ, отъ глаг. тесáть; тёсъ); *é*—правильно. Пайдёш па мёшкам—Забѣлино (срв. выше: прамéш - Данево; межá—мéжка изъ мéжька, какъ: стезя—стежка—Скоп. —изъ стéжька); катáлись всéй артéлюй—дер. Китово; ф сваéй диревьни—Расторгуево; при: фсё, сваé, фсём, сваéм и проч.

Въ одномъ словѣ намъ встрѣтился звукъ *е* вм. *ё* (изъ *и* ударяемаго): в муньдéрах ядúм jiе́ (картóх)—Ахматово Касим. уѣзда. Срв. Вологодск „мундéр“—*Ко юсовъ*. Замѣтки. ib. 320.

Теперь переходимъ къ звуку *е* изъ основного ѧ (ѧ) между мягкими согласными подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. Мы здѣсь слышимъ: прéсь вм. прáсть—Шостья Касим. у. (Еще началось это явленіе со Спасск. уѣзда: въ д. Жóлобова Слобода я слышалъ: прéдива́...); пéть чилавѣ́к—г. Касимовъ; апéть—какъ и въ южн. уѣздахъ; Урéдйна—Урáдино; кады́ прéсь-та?—Китово; атпрéсть, сóт пéть сѣ́jим, ис прéдива из друу́ова; и ванкú э́ти раçьтеᵎрéли (=растеряли), испужáлись—Чарусъ; хазéин—Истомино (Ветчаны); апéть, тадá н'авúн мéть (=мять)—Ивановское, прéсть—ibid.; пьреᵎмѣ́нютца jéйцѣ́ми—твор. п. мн. ч.—ibid.; пéть дѣ́вѣ́к—Ветчаны; жанúх сéдит к нéй (=сядетъ)—ib.; мýш пьjéнйца—ib. (См. Приложеніе: Гаданіе въ Ветчанахъ на Святкахъ); кýрьца в нявó глéнит (=гляне́тъ), в зéрькáла—ib.; блявáть çё(=всё) тсéнит (=тя́нетъ); мóцы нѣ́т стajéть (=стоя́ть)—ib.; тсягло́ нáда управлéть—Борисково; фçéкiйи грыбы́—ib.; нéнюшка, апéть—Катово Тум. вол.; нáс пéтеᵎра—ib., Логино; çьлúфькити рази снéть (=сня́ть) с мáлака?—Рогачево; снóх пéть—ib.; óн нáм дéдя радно́й—ib. (Срв. дéдушка—дѣ́душка въ свр.); сóвеᵎсь (=сóвѣсть) пътеᵎрéть ня нáда—ib.; с плеᵎмéнникьми жывý, нéуди взéть—Логино, в деᵎвéтьню, дивéтьня шы́реᵃ дисéтьни—Андроново, Малахово; апéть—Семеино; уулéть—Катово; птúцка памéнит (=помя́нетъ); срв. птúцки памéнут (по аналогіи съ формами въ родѣ „памéнит“, гдѣ *е* изъ *я* (ѧ) между мягкими согласными)—Горы; аставлéиш—2 л. ед. ч.—Катово; пра сея́ бýдя пéть мѣ́р, ў деᵎвéтьню—ib.; справлéиш—2 л. ед. ч., удѣ́ jéйцы-ти?—ib.; взéли—3 л. мн. ч. пр. вр.—Снохино;

хазе́ин—Тума; апе́ть — Шаранина; я жыдо́у-та ви́дьла фсе́ких—ib.; ани́ уш ме́киньки̯ин—ib.: Пакро́ф справле́им—1 л. мн. ч —Агѣево; и взе́ли на сваю́ дире́вьню—ib : за мя́ дава́ли пе́ть рубле́й—ib.; вы̯уане́ют—3 л мн ч —ib ; стали у̯ле'е́ть (=глядѣть) — Давыдово; зѣставле́ли — ib.; бѣслав.ле́ют — ib.; апе́ть—Акулово; аставле́им—1 л мн. ч.—ib.; и з у̯аве́дьнай (=говя́диной), ко́лька приде́тцы—Акулово; хоть-бы пе́ть-та!—ib.: „зна́та, по́рьтитцут (=по́ртятся), пъправле́им“—1 л. мн. ч.—Акулово; ли́ш пе́ть зало́уак—Расторгуево: зна́ма, бае́лись—ib.; паме́ним фсе сро́стья (=сро́дствіе, родство́)—ib,; „на̀цапле́ли па̀у̯рамко́ф-та“ — ib ; он пи́ша апе́ть — Зубово; прихо́т х Пе́тьницы—ib ; уяжжа́ют и аставле́ют—ib.; гре́зи (городъ Гря́зи)—ib.; взе́ть—ib.; бяз за̀пя̀нки-т' лу́ччи: ана́ ни т'е́ня (=тянетъ—3 л. ед. ч.)—Бычково (Черкасово); и́х уш у̯ане́ли к нацальнику—Чуфилово; пре́ники свайи́ ѣш—ib.; упре́милси—3 л. ед. ч. пр. вр.—ib.; Ле́ницка у̯ де́ди у̯ѣха́л, зе́ть што́-ля он ямý—ib.; пара́ пъ̀у̯уле́ть-та!—ib.; са́м се́дит—3 л. ед. ч. (=ся́детъ)—ib ; се́ду 1 л. ед. ч. (—по аналогіи съ „се́дит“; срв. выше: „паме́нут“ при „паме́нит“) на крыльцѣ и ш'ш'ита́ю—Чуфилово; ты пъсабле́иш за зе́нь̀у̯и—ib.; у не́й мы взе́ли надѣл—ib.; у̯ре́сь (гря́зь): жо́рстки пъкла́дьны—ib.; управле́им—1 л мн. ч.—Расторгуево; нане́ть—ib.; се́ть (=ся́дь) та́м-та вон!—Логино; пьје́ньцы (=пья́ницы), взе́ть на́да—Бычково, т'е́нимси из—за цаю́?—ib. (но: взяла́—ib.); з'е́тя (зя́тя)—Норино; гаве́дйна—ib ; пасе́димси—ib ; уре́ньник (=уря́дникъ) — Праватарово; пете'ра — ib.; апе́ть—ib ; ко́лѣс сне́ли, вѣять ста́ня—ib.; у̯рабле́ми (тв п. мн. ч.)—ib.; пъсабле́им—1 л. мн. ч., аддиле́итца (=отдѣля́ется), аддиле́им мики́ну—ib.; (но срв: у̯рабля́м—дат. п. мн. ч —ib.); пра̀у̯уле́ли, на база́ри наро́т (=наро́дъ) пъкупле́я (=пъкупля́етъ—покупа́етъ), у̯дѣ пя̀дре́дютца—3 мн буд. вр ; хазе́йка, хазе́ин, састае́нья (=состоя́нія), пре́сть; у̯ је́мьки зѣрыва́им—1 л. мн. ч. (=въ я́мки); на пе́ть капе́як—Праватарово; мы у̯ута́рить-та але́пйстыи (=„аля́пистые“ въ знач. „грубые“; Срв наше: „ля́пнуть“. Въ словаряхъ нашего слова нѣтъ.)—Анисово; растуре́ш—2 л. ед. ч. (=растурѣ́ш? или: растуря́ш? въ знач. „разго́нишь“)—ib.; даро́у̯а тут бу́дит палу́тче' пале́ми (=поля́ми)—Малы́шкино; ды *је́* ня зна́ю (=*я́*—мѣст. 1-го л.)—Парахино; яу͡о́ нѣту͡о де́ду͡шка-тя—ib.; заставле́ют—

ib.: вз^{ж}е́ть — Фомино; срв. паня́ву — ib.; ме́ть ме́льницами (= мя́ть мя́льницами, мя́лками), пре́сть — Залѣсье [1]) Парахин. вол.; рядомъ съ этимъ мы въ Парахинѣ-же слышимъ — намя́лим — 1 л. мн. ч. (= наме́лемъ), смя́лим (= сме́лемъ) — 1 л. мн. ч. — Парахино. При произношеніи: ме́ть, ме́льница вм. мя́ть, мя́льница произношеніе „сме́лемъ“ (отъ гл. смоло́ть) могло бы означать „сомнёмъ“ (отъ гл. мя́ть), а потому и получилось „смялим“, „намя́лим“ — 1 л. мн. ч. — въ значеніи: „сме́лемъ“, „наме́лемъ“. Произношеніе гле́нь (= гляди́), гле́нит (= гля́нетъ), гле́ть (= гля́дь) и т. п. упрочило въ этомъ глаголѣ коренной звукъ *е*, а потому мы слышимъ: па*у*ле́дъвать — Катово Тум. волости — вмѣсто: „погля́дывать“.

Эта фонетическая черта принадлежитъ также по преимуществу сѣверно-великорусскому нарѣчію. На югѣ Ряз. губерніи подобное произношеніе слышится весьма рѣдко: и то только въ нѣкоторыхъ словахъ, особенно въ словѣ: „апе́ть“ [2]).

Глава V-ая.

О звукахъ *о*, *у* и *ы* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ нѣкоторые интересные случаи произношенія звуковъ *о*, *у*, *ы* въ нашихъ говорахъ.

Звукъ *о* въ нашихъ говорахъ, какъ въ говорахъ *акающихъ*, можетъ звучать ясно только *подъ удареніемъ*. Но мы имѣемъ нѣсколько случаевъ появленія *ударяемаго звука о* въ нашихъ говорахъ

---

[1]) При названіи «Залѣсье« здѣсь же встрѣчается названіе «Зара́менье». «Ра́менье» въ вятскомъ говорѣ означаетъ: «непроѣзжій лѣсъ». См. *Колосова*. Замѣтки.. ibid. Стр. 232 Срв. «Ра́менское» на Моск-Ряз. жел. дорогѣ. «По за ле́су — по зара́менью» въ Вятск пѣснѣ у *Колосова*, ib. Стр. 261. Срв. АЮ. № 410: раменье.

[2]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 23—24.

вмѣсто звука а ударяемаго въ другихъ говорахъ, равно какъ и въ произношеніи литературномъ. Почти всѣ эти случаи объясняются аналогіей къ другимъ, гдѣ ударяемое *о* законное. Такъ, мы наблюдаемъ: при ло́вят—3 л мн. ч.—Шостья и при неопр. н —лави́ть—Ерахтуръ... формы: ла́витца—3 л. ед. ч.—Забѣлино, ла́вимъ—1 л. мн ч.—Ерахтуръ. ла́вють—3 л. мн. ч.—ib., какъ и въ южныхъ уѣздахъ Ряз губерніи. Напр., ни ла́вятца у́тки-ти—Рогачево Касим. у.; далѣе: при глаг. вари́ть—во́рют—3 л. мн. ч.: у на́с тут ня во́рют бра́ґу-ту—Горы; сво́риш бра́гу—Агѣево; какъ во́рют?—Зубово; при глаг. ташши́ть—сто́шшим—1 л. мн. ч.—Праватарово; при глаг. брани́ть(ся)—мы ни бро́нимси—1 л. мн. ч —Праватарово; при глаг краси́ть (sic! не : кра́сить)—кро́сим—1 л. мн. ч —Катово; а э́та краси́ть,—са́ми кро́сим—Катово; сини́ть-та адда́ем: ни ма́ґём са́ми-ти, а кро́сим са́ми—ibidem. При глаг. капа́ть—зако́пъвають—3 л мн. ч.—Шостья; при глаг. каньца́ть—дака́ньцына—ibid. При словѣ: казна́—въ ко́зну—Катово. Отдѣльно стоятъ слова: башмо́шница, башмо́къ (вм. башма́шница, башма́къ)—Шостья [1]). При панёва и паня́ва (см. выше)—уменьш. по́нька—Бычково: По́ньку-ту? ана плаха́я клѣ́ткими, а то даро́ґами—ib., хо́дим и с по́ньками—Чуфилово; для большей части этихъ словъ и произношеній ихъ мы находимъ точку отправленія въ такихъ произношеніяхъ, какъ: наси́ть—но́сим (срв. краси́ть—кро́сим), праси́ть—про́сим, каси́ть—ко́сим и т. под. Съ другой стороны, приспособленіе къ формѣ неопр. наклоненія съ неударяемымъ *о* (*а*) мы видимъ въ такихъ формахъ, какъ: ла́вим при лави́ть и проч. Срв. кати́ть—ка́тим и ко́тим („И возикъ свой мы не свеземъ, а ска́тимъ“—Крыловъ. „Обозъ“). Для другихъ словъ. какъ: въ ко́зну (въ южно-ряз. еще: ско́мью при скамья́) и под., мы имѣемъ исходный пунктъ въ такихъ образованіяхъ и произношеніяхъ, какъ: вада́—во́ду, нага́—но́гу и т. под. Это колебаніе между звуками *а* и *о* мы вообще видимъ и въ древне-русской письменности: въ Лавр. сп. лѣтописи читаемъ: похволою—л. 43., женома—л. 98. столб. 2 (если только „похволою“ не графическое явленіе, объясняемое тѣмъ, что начертаніе *о* проникло въ слогъ—хво—подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ *о*:—ло—). Въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: по двѣ нагатѣ—Стр.

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи».... Стр. 21.

46 (при обыкновенномъ: ногатѣ); манастырь—47 (при—монастырь); смирися съ братамъ своимъ—55; к Наугородчемъ—63; сташа начевать—194; с Навгородци жиша не браталюбно... а свой злый наровь обнажиша—213; Сѣмена Судокова—68. (Въ Казанскомъ уѣздѣ я слышалъ „судóкъ“ вмѣсто „судáкъ“—рыба). Срв. стр. 83. 86. Ноталья—94, двожды—94 (двожды, трожды—и на югѣ Ряз. губ. [1]); въ Олонец. краю Повѣнец. у.—трóжды—Сборникъ *Истомина*. Стр. 100. Эти слова, вѣроятно, особаго образованія, причемъ *трóжды*, можетъ быть, приспособилось къ слову *двожды*); Тотаровѣ—стр. 103, Татарьскую—104, при Татарове—104 и мн. др. Смоленская лѣтопись по языку, очевидно, принадлежитъ къ памятникамъ акающаго нарѣчія.

Теперь переходимъ къ звуку *у*. Здѣсь надо различать два вида звука *у*: слоговое *у* и неслоговое. Неслоговое *у* очень распространено въ нашихъ говорахъ и стоитъ всегда на мѣстѣ звука *в* передъ гласнымъ или послѣ гласнаго. Конечно, извѣстно и *в* (или *ф*) въ этихъ случаяхъ, но, если мы находимъ неслоговое *у*, то только въ такихъ-же случаяхъ, не считая неслогового *у* въ дифтонгахъ, о которыхъ мы говорили выше.

Сперва разсмотримъ случаи употребленія слогового звука *у* ударяемаго и неударяемаго въ нашихъ говорахъ, гдѣ этотъ звукъ стоитъ на мѣстѣ основныхъ: *о* (ъ), *ѣ*, частью *ы* и *а*. Прежде всего здѣсь отмѣтимъ появленіе звука *у* (*ю*) нашихъ говоровъ вмѣсто *о* (*е*) въ окончаніяхъ падежей:—*ой*,—*ей*. Здѣсь *у* (*ю*) неударяемое. Примѣры: з *у*óрькуй сиратóй—Ерахтуръ; Михáйлуя—твор. п. ед. ч. = Михайлой—Куземкино; с крáсниньку́й з бумáшку́й—Шостья; з завя́зъну́й галóушкай—ib.; фсéй артéлюй (вѣроятно, отъ имен. падежа „артéля“, срв. „постéля“); тихóньку́й (= тихóньку, по аналогіи съ „крáсниньку́й“ чрезъ *„тихóньку́о. Срв. тúху́о—Парахино)—дер. Китово; „ни с адно́й снахо́ʸй ни бранюсь“—Астахово Парахин. волости; въ послѣднемъ примѣрѣ звукъ *о*ʸ—ударяемый, но зато и *не ясное у*. „Звать Михáйлуй“—

---

[1]) Примѣръ: «Трóжди за бáрыняй хадúли: двóжди» Нáстя хадúла, а трéтій я самá»—г. Скопинъ. Срв въ зап.-русской Четьѣ 1489 г.: двожды—л. 6.—*Карпинскій*. Стр. 11.

Рогачево Тум. вол.; „Тимахвéй Рáдióнъц éдя за рыбуй“—ib.; з зим'ляйкуй—Чуфилово; с мáтушкуй—Катово: „за сахóйтай дéржым'си, за барóнкуя пéсьни иурáйм“—д. Снохино Тум. волости; (срв. выше: „Михáйлуя“—тоже твор. п. ед. ч.—Куземкино); „праéхайтя рéцкуй“—Жалудково ib.; азéжа са скóпкуй (=скóбкой)—Бычково ib.; „Лявáшкуй (=Леонидомъ) звáли, хутсь сьмéйси“—Чуфилово ib. и друг. Мы слышимъ: пул'шýбáк—Нармушадь, Касим. у.; пулцасá—Симоново Тум. вол; въ этихъ случаяхъ мы имéемъ звукъ *у* изъ *о* въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Вообще, въ нашихъ говорахъ мы не замéчаемъ закрытаго *о* въ 3-мъ слогé отъ ударяемаго, какъ это обыкновенно бываетъ въ свр. говорахъ, а потому здéсь, быть можетъ, звукъ *у* слéдуетъ сопоставлять съ такимъ же звукомъ *ó* польскаго языка въ этомъ словé. Дóхтур—Ерахтуръ Касим. у.; кáк пумáиш—2 л. ед. ч.—Куземкино: пáтсýлнушках—род. п. множ. ч.—Бéльково (=подсóлнушковъ); здéсь мы имéемъ дéло, вéроятно, съ вліяніемъ гласнаго слéдующаго слога на гласный предыдущаго: ассимиляцію слоговъ. „Уйдýт к сусéдам“—Бéльково; сусвáталя 3 л. мн. ч. прош. вр. (=сосвáтали)—Парахино. Здéсь представка *су*—изъ *сж*—; ее мы видимъ очень часто и въ современномъ, и въ древнемъ русскомъ языкé: напр., въ Изборникé 1076 года: въ двоихъ соусéдéхъ. (*Срезневскій.* Др. п. р. яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 429). Въ нарéчіи „около“—„коло“ мы часто слышимъ *у*: кул теʻлéги, кул тавáру—Уланова Гора; куль крыльчя́—Данево; óкуль цéрькви пък'ранúли—Гус. Погостъ; óкул Трóйцы—Акулово; срв. óкъл Ивáна Пóснава ʏвилкú (=вилкú, „вилóкъ капусты“=кочáнъ) зáвивáютцы—Акулово; óкʻли цéрькви—Гус. Погостъ; въ этомъ словé, какъ видно изъ приведенныхъ примéровъ, должно быть, происходилъ такой процессъ фонетическаго измéненія: сперва въ словé: „óколо“ отпало конечное *о*: „óкол“, затéмъ *о* въ конечномъ закрытомъ слогé частью стало произноситься глухо: óкъл, частью закрыто, близко къ *у* (срв. выше: Михáйлуй, рыбуй, мáтýшкуй, рéцкуй, скóбкуй, Лявáшкуй... Этихъ примéровъ здéсь мы не касаемся, т. к. о нихъ была уже рéчь выше. Въ нихъ мы видéли тоже звукъ *у* въ закрытомъ конечномъ неударяемомъ слогé). Такимъ образомъ, рядомъ съ *óкъл* имéлось и *óкул*; послéднее произношеніе ассоціировалось въ сознаніи говорящихъ съ нарéчіями:

доку́ля, отку́ля, такъ что стало при *о́кул* слышаться и о́куль и оку́ль, у котораго отпало начальное *о*: ку́л и ку́ль. Слова: отколѣ. откулѣ и под мы имѣемъ и въ нашихъ древнихъ грамотахъ. Точно такъ-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ звукъ *у* въ союзѣ хо́ть (хотя́) при энклитическомъ его употребленіи: Лява́шкуй (=Леонидомъ) зва́ли, хутъ смѣйси—Чуфилово; хуть на тащя́к—Бѣльково; хуть бы хлѣба-та купи́ть—Бычково, Давыдово; хуть ка́к он жалѣя—3 л. ед. ч.—Катово; хо^{у}ть три́тцать!—Анисово; замѣтимъ еще: ате́ц нуси́лкай аддаст—Ветчаны (Истомино); мужаве́льник—Рогачево; мужавѣ́лявай куст—ibid.; (объ этомъ словѣ см. выше: здѣсь *у* изъ *о*); *ɣ* бушмаки́ (=башмаки́) абуу́али-ти—Фомино Парахин вол.; ни с адно́й снахо^{у}й ни бранюсь—Астахово; кружо́вник—Оськино, Кобылинск. вол; (б. м. ассоціировалось со словами: кругъ, круглый, кружить..); съ другой стороны, мы имѣемъ: каку́шки вм. куку́шки—Шостья.

Относительно вышеприведеннаго слова: пума́иш—2 л. ед. ч.—Кузенкино—замѣтимъ, что звукъ *о* перешелъ въ немъ въ закрытый звукъ, близкій къ *у*, еще тогда, когда это слово было четырехъ сложнымъ: поима́ешь—по^{у}има́ешь—пуйма́ешь—пума́ешь. Это-же мы видимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи [1]). Какъ произошло при „пума́ть“—„пыма́ть“, затрудняюсь сказать: быть можетъ, здѣсь произошла ассимиляція звука *о* звуку *и*, когда это *и* еще было слоговымъ [2]): поима́ть—пыма́ть—пыма́ть и т. под. [3]).

Теперь разсмотримъ звукъ *ы* въ нашихъ говорахъ и, главнымъ образомъ, случаи. гдѣ этотъ звукъ нашихъ говоровъ стоитъ вмѣсто основного и литературнаго, а также вмѣсто діалектическаго звука *и*. Здѣсь, однако, мы не будемъ касаться того звука *ы*, который является вмѣсто основного *'а* (изъ а) въ мѣстоименіи са, присоединяемомъ къ глаголамъ,

---

[1]) См. нашу брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Казанской губерніи». В. 1894. Стр. 17.

[2]) См. по этому поводу соч. *Б. Ляпунова* «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи». Спб. 1894. Стр. 29.

[3]) О неслоговомъ *у* изъ *в* въ нашихъ говорахъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ.

т. е. не будемъ касаться окончаній—тцы вм.—тьсл, такъ какъ объ этомъ рѣчь была уже выше. Главнымъ образомъ здѣсь насъ займутъ формы: *аны́* и *адны́* вм. *оны́*, *одны́*, употребляемыя въ нашихъ говорахъ почти повсемѣстно.

Этотъ звукъ *ы* мы слышимъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ словахъ: адны́х—Гус. Погостъ, Касим. у.; у вадны́х стару́шкаф—Уланова Гора, Дмитріево; ка́жнаму га́варит адны́ пѣсьни—Бѣльково; тады́ ба́бы адны́ управля́ют—Ивановское; адны́. аны́—Ветчаны: аны́ ле́н пашы́ пало́ть—Рогачево: аны́ сираты́ сѣ́ у на́с—ib; туды́ адны́ даро́уи—Горы; аны́ мі́ра́м мнѣ́ здаю́т—Бычково; вот каки́ аны́ ва́шы суды́ ги!—ib.; аны́ принасѝли—ib.; Катово; аны́ уш у миня́ адда́ны—Шаранина; мужыкі́-ти ма́ла тку́т, аны́ то́-та ма́ла жыву́т—Чу́филово; но: аны́—Праватарово; адны́ ду́вацки—Парахино; с адны́м жыу́—1 л. ед. ч.—Фомино; куда́ нам адны́м?—Ахматово; с хрясто́м пайду́ адны́м—Алексѣево; ба́бы-ти ушлѝ: аны́ у на́с ни ко́ҫют—Волчково.

Сначала я было подумалъ при записи, что формы оны́ одны́.. соединяются только съ именами женскаго рода, но вскорѣ убѣдился, что родъ тутъ не при чемъ: эти формы безразлично употребляются и при мужескомъ, и при женскомъ родѣ. Только въ д *Праватаровѣ* близъ Тумы, но другой волости (названіе не могу отыскать въ своихъ матеріалахъ), довольно послѣдовательно употреблялась форма: аны́—при муж. родѣ имени, когда это слово относилось къ имени муж. рода.

Я полагаю, что разсматриваемыя формы образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными: худы́х, радны́х.... или худы́, радны́.. им. п. мн. числа. Формы *аны́* (оны́, ены́, яны́), адны́ (одны́) извѣстны сѣверно-великорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ: Въ Сборникѣ пѣсенъ Арханг. и Олонецкой губерніи *Истомина и Дютша* мы находимъ: *оны́* съѣздили то въ поганую Литву—стр. 42; пріѣзжали *оны́* въ каменну́ Москву—стр 43 (Олонец.); *оны́* свадьбу играли въ великъ-отъ постъ—стр. 57 (Олонец.); *оны́* ѣдя́тъ траву да все осотливу!—стр. 64 (Арханг.); *оны́* всѣ подъ коврамы, *оны́* всѣ подъ золоты́ма—стр. 101 (Арханг.); садилися *оны́* по мѣстамъ—стр. 219 (Олонец. Въ этой пѣснѣ *оны́*—жен. рода). Также: *одны́хъ* гостюшокъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—

Стр. 99 (Олонец). Въ Онежскихъ былинахъ *Гильфердинга* находимъ: А и повели *оны* толпи́цами—столб. 402; а й увезли *оны* какъ ко рубежу ко московскому—ib.; а стоятъ *оны* какъ у рубежа да у московскаго—403; а еще говорятъ *ёны самы* промежъ собой—403. Кромѣ *оны́*, здѣсь еще видимъ: *самы́*—402. 403. *Самы́* говорятъ да таково́ слово—столб. 757. Указаніе на то, что произношеніе *оны́* извѣстно и въ Новгородской губерніи, мы находимъ у *Колосова* (Замѣтки .. ibid. Стр. 20). Въ бѣлорусскомъ мы имѣемъ довольно часто, чаще, чѣмъ въ свр., и всетаки и въ этомъ отношеніи опять приходится подозрѣвать какую-то связь между средне русскими говорами, въ частности Касимовскими, и бѣлорусскими, или западно-русскими. Напр., вярнулися *яны* домоў̆—*Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 235 (Витебск.); пошли *ены* ў лѣ́съ—ib. 235 (Минск); и мн. др.

Но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ *р*: по крайней мѣрѣ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, и въ древней русской письменности мы чаще всего находимъ колебаніе между звуками *ы* и *и* при предшествующемъ звукѣ *р*. Такъ, въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: капры́зная—Праватарово; грыбо́м завў̆т—Парахино; апры́ш Тумы—Фомино; крыца́ть, крыца́ла—Шостья (Ижевское Спасск у.); па́крыцы́ть—3 л. ед. ч.—Нармушадь; ра́зара́ють (=разоря́ютъ)—3 л мн ч.—Шостья; пе'ре'стры́ули—Шостья; ры́жёскай бальза́м—Гусев. Погостъ. (Слово „ры́жёскай“ такъ-же произносилось, какъ оно обыкновенно пишется въ зап.-русскихъ древнихъ грамотахъ). Чаще всего изъ этихъ словъ мы встрѣчаемъ въ различныхъ говорахъ слово *крык* и производныя со звукомъ *ы*. Такъ, въ Новгород. губ. мы имѣемъ: крычать [1]); въ Олонец. скрычала [2]); въ Вятск. крыцит [3]), крычит [4]); во Влад. Муром.: крык, грыбы (но: криса, царяпоть, дряница) [5]); въ Вологодск. крык [6]). Срв. въ Вятск. крыница [7]). Въ пѣсняхъ

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки.. Ib. 20
[2]) Ibid. 145
[3]) Ibid 259
[4]) Ibid. 280
[5]) Ibid. 298.
[6]) Ibid. 328
[7]) Ibid. 254.

Архангельской и Олонецкой губерній тоже часто: закрычи—Истоминъ. 44 (Олонец.); крыцитъ—ib. 48 (Олонец.); 58. ib: закрыцялъ—64. 65; скрыцялъ—66 (Арханг.); срв. поскрыпываютъ—Истоминъ. ib. 120 (Арханг.); скрыцялъ—131 (Арх.); но: крицяла—192. ibid. Срв. стр. 194 (Арх.), 230 (Арх.), кри́цялъ (?)—232 (Арх.). Въ Сборникѣ *Гильфердинга* также: крычала—столб. 365. срв. крикъ—ст. 995; кры́ку—ст 1123. 1125 (и „закричалъ"); срв. столб. 277 (кри́ку); закрычалъ—столб. 245; столб. 18. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ *р* окончательно отвердѣло, мы это находимъ еще чаще: крычыць, крычиць—Витебск. Минск.—у *Тейна*. Ib II. 235 и мн. др. Интересно, что и въ древности въ разныхъ мѣстахъ такъ произносили: *крычатъ* тѣлѣгы полунощы—Слово о П. И.; но: *кричатъ* подъ саблями Половецкыми—ibid; *рыскаше*, *прерыскаше*, но: *наричюуще*, *рица*—ibid.: зато здѣсь вездѣ мы встрѣчаемъ: *прикрыты* и т. п. формы съ *ы* отъ глаг *крыть*, между тѣмъ какъ и этотъ глаголъ имѣлъ и *ы* и *и*: „и нѣсть где острїа меча *укритися*"—Смол Лѣт. Авраамки 1495 г. (П. С Р. Л. XVI. Стр. 125); также издавна колебался гласный звукъ въ словахъ: користь—Изборникъ 1076 г.: въздрадоуѭсѧ азъ о словесьхъ твоихъ ѩко обрѣтаѭ *користь* мъногоу. *користь* бо нарече словеса бжиѧ.—*Срезневскій*. Др. п. р. яз. Изв АН. X. Вып. V. Стр. 427. Въ Златой Цѣпи XIV в. (библ Троицкой Лавры) мы имѣемъ также: батво наше инѣмь в *користь* бы... *Буслаевъ*. Истор. Христ. 496. Срв. здѣсьже: wригати парою пьѧньственою на wлтарь бьи.—Стр. 498[1]). Въ Новгор. Стихирарѣ 1163 г.: видаща ѩрость звѣриноу. на вы текоущюю. и *рикающоу*—*Срезневскій*. Ibid. Стр. 502. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г.: скоумени *рикающе*[2]) въсъхытити—*Буслаевъ*. И. X. Стр. 88. Въ Изборникѣ 1073 года мы имѣемъ *и* въ словѣ: *риба*—л. 251, а также: *користь*—л. 49 в. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г: *трызно*—л. 9 (вин.

---

[1]) Въ этой же Златой Цѣпи читаемъ: висѧтьсѧ—Бусл. И. X 501. Срв ряз. *висякó*; помислити—ib. 501.

[2]) Здѣсь-же: псалтырѧ (послѣсловіе). *Буслаевъ*. Матеріалы... И. X. Стр. 83 84.

п. ед. ч описковю вм трызноу); срв въ Смолен. Лѣтописи Авраамки 1495 г. сътворю *тризну* мужу моему—стр. 233 и: повелѣ *трызну* творити—ib. стр. 233 Слово: *трызна* и производныя встрѣчаются уже въ Изб. 1073 г. (*Mikl.* Lex s. v тризна); и въ Словахъ Гр. Богослова XI в. (*Востоковъ* Словарь s. v. трызна) Въ Смоленской-же лѣтописи читаемъ: съ многою *користью*—стр. 96; с побѣдою и *користью*—106. (Срв. обрѣтше *корысть* многу—стр. 118); а друзіи скоро *ричуще*—стр 123. (Какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ—выше); послѣ *р* намъ еще встрѣтилось колебаніе гласнаго звука въ словѣ: Борисовцы: дали есьмо сюю нашу грамоту *Борысовцомъ*—Гр. 1396 г (Акты Юж. и Зап. Россіи. I. № 4. Срв. *Борисъ* Хомѣковичь—ib. № 5. 1398 года) [1]). Также: *товарыщи*, *товарыща*—АЮ. № 20. 1534 г, № 21. 1541 г (Здѣсьже: наѣхали въ *одныхъ* рубашкахъ—№ 21); срв № 26. 1612 г.; № 30. 1680 г. здѣсь-же: пьяные *крычали* безобразно; безчинно *крычать*; *товарыщи*—№ 61. 1679 г., № 64 1661 г. Вышеприведенное слово (Касимов.) „апрыш“ въ древности звучало: *опрочь*—АЮ № 3; *опричь*—ib № 5; срв. № 19 (опрочь); *опроче*—№ 26; № 50; *опричь* (*опричъ*)—№ 71. (XXVI и XXVII); срв. № 86 Основной формой была, вѣроятно, форма *опроче* (кор. прок,—в-проч-емъ..), откуда послѣ отпаденія конечнаго *е* (какъ: лише—лишь; топере—АЮ. № 24—теперь...) образовалось: *опрочь*. Затѣмъ, вѣроятно, произошла какая-нибудь ассоціація съ другимъ словомъ, можетъ быть, со словомъ: „опрично“ [2]); см., напр., въ АЮ. № 5 (1490 г.)—*опрично* душегубства Но противъ этого говоритъ, повидимому, слово: *опричнина*, *опричникъ*.. Какъ бы то ни было, изъ *опричь* могло получиться фонетически слово: *опрычь*, изъ *опрично*—*опрышно*—*опрышно*, но наше: *апры́ш* указываетъ на конечный звукъ *с'*—мягкій: *апрысь—*опрысь—*опрись, и, вѣроятно, слова *опрочь* и *опричь* не имѣютъ по корню ничего общаго между собой. При разсужденіи о звукахъ *ы* и *и* послѣ *р* въ рус-

[1]) Замѣчательно, что интеллигентные малороссы, утратившіе уже большую часть своихъ діалектическихъ особенностей въ рѣчи, по моимъ наблюденіямъ, сразу могутъ быть узнаны по произношенію звука *иы* послѣ *р*. Въ этомъ случаѣ они произносятъ среднее *и* между *ы* и *и* Такъ, я слышалъ въ Херсонской губерніи: кри́ыса, кри́ыша, Бори́ыс, бори́ысь, закри́ыть.

[2]) *Ягичъ* Критич Замѣтки. Стр. 69

скомъ языкѣ, я думаю, надо принимать въ расчетъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, что звукъ *р* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ совершенно *отвердѣлъ* (въ блр. нарѣчіи), во вторыхъ, что звуки *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (млр.) совпали въ одномъ звукѣ полумягкомъ, полутвердомъ, или среднемъ — млр. *и* Эти два обстоятельства объяснимы только при предположеніи, что въ общерусскую еще эпоху звукъ *р* отличался отъ прочихъ звуковъ своей природой, и что звуки *ы* и *и* діалектически уже тогда совпадали въ одномъ среднемъ звукѣ, который, вѣроятно, принадлежалъ почти всему общерусскому языку, и лишь въ нѣкоторыхъ діалектахъ различалось чистое *ы* и чистое *и* при согласныхъ При этомъ относительно звука *р* интересно припомнить, что „во всемъ Остромировомъ Евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано ѥ послѣ *р*“. *Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ* [1]). Относительно этого-же звука *р* замѣтимъ, что уже въ Остр Ев. мы встрѣчаемъ Боуръ (*Востоковъ* Словарь. s v.) вм. Боуръ Ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ, мы будемъ имѣть случай вновь вернуться къ звуку *р* въ сочетаніи съ другими гласными, кромѣ *ы*, и увидимъ, что звукъ *р* долженъ быть принятъ, по крайней мѣрѣ, для эпохи общевосточно-русскаго языка, т. е. для праязыка бѣлорусско-великорусскаго, какъ звукъ полумягкій, при которомъ гласный могъ колебаться между твердымъ и мягкимъ Срв. кăмари— Катово, Тум вол. [2])

Что касается звуковъ *ы* и *и* не послѣ *р*, то, кажется, зубные звуки должны быть признаны тоже имѣвшими вліяніе на слѣдующій гласный въ смыслѣ его твердости или мягкости; по крайней мѣрѣ, кромѣ звука *р*, мы наблюдаемъ еще и въ зубныхъ звукахъ способность сочетаться въ однихъ и тѣхъ же словахъ то съ гласнымъ *ы*, то съ гласнымъ *и* въ

---

[1]) *Ягичъ.* Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 28.

[2]) Колебаніе *и* и *ы* мы видимъ также въ др. р. *крило.* Въ Суздл. Лѣтоп. подъ 1231 г.: и въ *крилѣ* мѣсто *раскрили* сюдѣ и онудѣ—*Срезневскій* Др. пам. ibid Въ Смолен. Лѣт. 1495 года: *шестокрилатыхъ*—Стр. 112. Нынѣ мы говоримъ и слышимъ: *крыло, крыть* и проч. (см. выше). Срв мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 37—39, а также стр. 94—96 и примѣчанія.

современныхъ говорахъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности. Правда, что изрѣдка это колебаніе между *ы* и *и* встрѣчается и при другихъ согласныхъ. напр , при губныхъ, причину чего надо искать, по моему мнѣнію, въ вышеуказанномъ характерѣ древне-русскаго звука $ы^{и}$ или $и^{ы}$, но зубные звуки и *р*, кажется, сами по себѣ способствовали отвердѣнію слѣдующаго за ними гласнаго звука *и* тѣмъ, что они въ эпоху общерусскаго языка (быть можетъ, въ эпоху обще-восточно-русскую) были *полумягкими*, и, такъ какъ къ этому же времени въ языкѣ существовалъ звукъ средній между *ы* и *и*, то *полумягкіе зубные* и *р* въ сочетаніи съ этимъ среднимъ звукомъ діалектически *стали или твердыми, или мягкими* [1]). Мы имѣемъ, напр , въ Олонец. краю: Владымеру, Владымера—*Истоминъ*. Пѣсни. Стр. 33. Наше: *тудꙑ, судꙑ*—Рогачево, Тум. вол. Касим. уѣзда (и обще-великор.)—я вывожу изъ формъ на—*ъ*: тѫдѣ, сѫдѣ чрезъ „*тудꙑ, *судꙑ, откуда: тудꙑ, судꙑ [2]). Выше мы видѣли *ы* въ словѣ: псалтырꙑ—Послѣслов. Псалт. 1296 г., съ такимъ-же колебаніемъ гласнаго мы постоянно встрѣчаемся въ словѣ *Хутынъ* и *Хутинь:* въ Грам. Вкладной Варлаама Хутынскаго 1192 г. читаемъ: вхоуже тоу землю *Хоутиньскоую—Срезневскій*. Др. пам. Изв. АН. Х. Вып V. Стр. 510. Въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г. въ Послѣсловіи читаемъ: рукою грѣшьнаго Федора просвитера

стго спса на *хутинѣ—Буслаевъ*. Матеріалы. . Стр. 39. Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи: въ манастыри святаго Спаса на *Хутыни*—П. С. Р. Л. Т V. Стр. 42. Въ Смолен Лѣтоп. Авраамки: игуменъ святого Спаса на *Хутинѣ*—П. С Р. Л. XVI. Стр. 47. Срв. стр. 49: *на Хутино, с Хутина*. На стр. 197: игумена святого Спаса *Хутыньского*. Въ Новг. Лѣтописи подъ 1211 г. читаемъ: а самъ пострижеся на *Хѣтинѣ* у св. Спаса—*Срезневскій*. Др. пам. ibid. Въ другихъ словахъ послѣ зубныхъ: а долѣ на земли *с рогатынями* и съ обнаженымъ оружіемъ стояху—Смолен. Лѣт. ib. Стр. 122. Въ Ипатскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи имѣемъ: *непостыжну*—л. 24.

---

[1]) Срв. сказанное *Шахматовымъ* (Изслѣдов... Стр. 16) о звукѣ *т* въ окончаніяхъ именъ и 3 л. глаголовъ.

[2]) Срв. *кудꙑ*—АЮ. №№ 6 8. 16. *коудꙑ*—Новгор. Лѣт. по Синод. Харат. Сп. (фотолитогр.)—л. 206.

Столб. 1. Въ Псковской 2-ой Лѣт., какъ и въ Грамотахъ и древнихъ Актахъ (и въ рязанскихъ), мы имѣемъ: полтына—ib. 24. 26. Въ Изборникѣ 1076 г. читаемъ рядомъ: просить отъ своѥѧ твари не малыѧ ли и оудобьтворимыѧ *милостыни*.. Нъ того просить. ѥже намъ на пользю на спсениѥ. просить бо *милостиня*—*Срезневскій*. Др. п. р. п. и яз. Изв А. Н Х. Вып. V. Стр. 430. Срв. въ другомъ словѣ послѣ *т*: пришедъ отъ *пустиня*—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 112. Въ Постной Тріоди Новг Соф. библ. 1100 г. читаемъ: ѡнъ бо оукрѣхъ възьмъ на хлѣбъ ѡтълѣчиса, ѡбразьмь *си* ученикъ, дѣльмь же *сы* гоубитель—*Срезневскій*. Ib. 448.

Изрѣдка встрѣчаемъ колебаніе гласнаго *ы* и *и* послѣ *л* и губныхъ: выше мы видѣли въ Златой Цѣпи примѣры: *висаться*, *помислити*; вотъ еще примѣры: Смол. Лѣтопись: повелѣ *истребыти*—39. *размисливъ*—231. *измившеся* прѣдѣте ко мнѣ—232. Въ Двинскихъ Грамотахъ начала XV в. находимъ: къ посадникамъ *колыванъскимъ*. На оборотѣ Грамоты адресъ: к посадника[м] *коливанъски*[м]. (*Востоковъ*. Опис. ркп. Рум. Муз. № XLIV). Послѣ *л* еще: исполнь укоризны и *хули*... Татарове же к нимъ прямо на градъ *голими* саблями своими машуще—Смол. Лѣт. 123.

Наконецъ, сюда же отнесемъ тѣ имена прилагательныя, которыя сохранили до сихъ поръ въ говорахъ древнія окончанія имен. пад. множ. ч. муж. р. краткой (безчленной) формы—*и*, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ литературномъ произношеніи это *и* замѣнилось звукомъ *ы*.

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы привели слѣдующія формы именъ прилагательныхъ, слышанныя нами въ уѣздахъ Ряз. губерніи съ окончаніемъ *и*: ра́ди, ба*у*а́ти, винава́ти, *у*аладни́ (*у*о́ладни), сы́ти, ква́ти („Къ діалектологіи“... 38). Теперь мы можемъ дополнить этотъ перечень еще слѣдующими словами: *мо́лйди*—г. Касимовъ; *уара́зьди*; Умѣют фсѣ *у*ла́дкіји пѣсьни-ти и*у*ра́ть: *у*ара́зьди!—Снохино, Тум. волости. Тутъ же: ра́ди—Катово. Замѣтимъ, что и въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ по преимуществу эти же слова съ окончаніемъ *и*: виновати—АЮ. № 26. ради—Смол. Лѣт. 233, Псков. 2-я Лѣт. Стр. 40. въсколебашяся аки *пьяни*—Псков. Лѣт. 37. Но и: прави—ib. Стр. 43. здорови—Смолен. Лѣт. Стр. 63. Такимъ образомъ, и въ прилагательныхъ

колебаніе гласнаго сохранилось по преимуществу *послѣ зубныхъ* звуковъ. Форму *пьяни*, кажется, я гдѣ-то слышалъ, но не помню мѣстности Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки встрѣчаются еще написанія. князый Ростовьскыхъ—90 и той зымы—150 Часто колеблются также иностранныя слова: кивотъ и скима (схима) въ др. р. письменности, что̀ тоже знаменательно: Смол. Лѣт: *в скымѣ*—56 *в скыму*—67. 81. *кывотѣ*—73. Срв. скимнаго образа .. Грамота печер. игумена Василія къ Кириллу Туровскому (Приб. къ Твор. св. Отц. X. 347); азъ же не о собѣ скажю ти о св *скимѣ*, но отъ св. книгъ—ib. Ипат Лѣт подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць *скимникъ*... и мн. друг Я думаю, что это не графическое явленіе и не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *к*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, такъ какъ во всѣхъ этихъ памятникахъ мы имѣемъ доказательства мягкости произношенія живого звука *к*. Замѣтимъ странное по ударенію: кúвоти—Пѣсни *Истомина*. Стр. 83. („Во бѣлóй стоитъ она да во кúвоти"—Свадебн. пѣсня Арханг. губерніи Арханг. уѣзда).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ случаевъ употребленія и смѣшенія звуковъ *ы* и *и* въ древнихъ и современныхъ русскихъ говорахъ мы можемъ вывести заключеніе, что колебаніе этихъ звуковъ было въ значительномъ количествѣ случаевъ и доказано для случаевъ сочетанія этихъ звуковъ съ *р* и зубными Колебаніе на письмѣ, а равно и въ живыхъ современныхъ говорахъ не можетъ не указывать на бывшую когда-то близость этихъ звуковъ другъ къ другу. Несомнѣнно, что въ общерусскую эпоху, кромѣ звуковъ *ы* и *и*, былъ еще звукъ средній *и*^{и} или *ы*^{и}; вѣроятно, этотъ звукъ и сохранился въ нынѣшнихъ малорусскихъ говорахъ. Въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы также имѣемъ: погубывыи, просыти, сотныкъ и проч. Принимая во вниманіе нѣкоторыя данныя изъ другихъ слав. языковъ (напр, чешскаго), а также колебаніе *ы* и *и* въ самомъ старославянскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, едвали не придется признать звукъ средній между *ы* и *и* еще въ общеславянскомъ языкѣ. (Срв. *Михальчука*: Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. 475).

Лескинъ (Грам. старосл. яз. Рус. перев. Москва. 1890 г.) говоритъ: „Замѣна знака ы чрезъ н, напр., рнка—Зогр., Супр.

при рѣка, отъкрилаѫ—Супр., = —крѣлаѫ и др., основана на позднѣйшемъ, проникшемъ въ рукописи, совпаденіи ы съ и въ звукѣ *і*". Стр. 34. Сказано нѣсколько неясно: что значитъ здѣсь „позднѣйшемъ"? Если совпаденіе ы съ и въ звукѣ *і* могло уже проникнуть въ Зогр. и Супр. рукописи, т. е. въ памятники X—XI вѣка, значитъ, это совпаденіе было и въ томъ живомъ нарѣчіи паннонскихъ славянъ, на которомъ написаны Зографское Евангеліе и Супр. рукопись; слѣдовательно, это совпаденіе звуковъ во всякомъ случаѣ *доисторическое*, если даже основываться на данныхъ только старо-слав. письменности. Если же привлечь къ этимъ даннымъ еще показанія современныхъ живыхъ слав. нарѣчій, то мы увидимъ, что это совпаденіе *ы* и *и*, или, что—то-же, среднее *ы*^{и}, среднее *и*^{ы}, принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, *діалектическимъ*. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки.

Теперь переходимъ къ отдѣльнымъ, большею частью, мелкимъ явленіямъ въ области гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ и на этомъ окончимъ обзоръ вокализма говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Глава VI-я.

Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Подъ *отдѣльными* явленіями мы помѣщаемъ тѣ явленія, которыя встрѣчаются въ нѣсколькихъ, немногихъ словахъ, составляютъ не фонетическій законъ, а—случайность, или не могутъ пока быть подведены подъ какой-либо законъ, или, наконецъ, встрѣчаются сплошь во всемъ ювр., а иногда и въ свр. нарѣчіи, и потому не относятся къ области говоровъ Касимовскаго уѣзда, наконецъ, еще тѣ, которыя, встрѣчаясь въ однихъ случаяхъ, отсутствуютъ въ другихъ однородныхъ и т. п. Здѣсь мы будемъ говорить о слѣдующихъ явленіяхъ: 1) *Отпаденіе начальнаго гласнаго въ словѣ*: Ме'льян = Емельянъ—

Парахино Касим. у. (См. выше въ памятникахъ др. письменности): Графе́на = Аграфе́на—Бѣльково („По Огрофенѣ“—Грамота 1490 г. АЮ. № 5); Ляксáндра = Алексáндра—Катово. (Олександръ—АЮ. №№ 24. 71. XXXVII и мн др.). Срв. также др. рус.: Оме́ля, Омельянъ—АЮ. №№ 414. 422. Далѣе: мяни́нничя = имени́нница—д. Снохино и др. 2) *Приставка гласнаго въ началѣ слова*: альляна́я (= льняна́я)—Ерахтуръ; срв. с льляны́м ма́сла́м—Акулово. Аляно́к—Шостья; аржы́—Дмитріево (= ржи; мн. ч. отъ сл. „рожь“. какъ: овсы́, сѣна́, проса́, канапи́... „Сѣна́“ мы имѣемъ и въ древнє-русскихъ грамотахъ: „а тѣ пустоши покошены и *сѣна́* стоятъ на нихъ“—АЮ. № 3. 1485 г. Или: „и мы, господине, потому тѣ лѣсы пашемъ, а *сѣна́* косимъ, по своей по правой грамотѣ“.—АЮ. № 11. 1504 г. „Сѣна́“ я всегда слышалъ отъ крестьянки Лаишев. у Каз. губерніи). Аржы́цу ста́нуть бра́ть — Ивановское; афто́рьник — Ерахтуръ; у афсѣх—ib.; увéсь по́ѣст (= по́ѣздъ).—Нармушадь. 3) *Изъ = съ изрѣдка (из = с) и наоборотъ*: ис цаво́? = съ чего?—д. Китово (напр., „ис цаво́ ты взя́л“? „ис цаво́ бьéмси-ти? ис = изъ-за?); из утра́ пайде́ш—2 л. ед. ч—Ерахтуръ (= „съ утра“); з гре'цы́хи (= изъ гречи́хи)—дер. Китово; з' ӓпцаства́ = изъ общества)—Ерахтуръ; бе'рём с сéмя бьéм, пъкупля́ям—1 л. м. ч.—дер. Китово (= изъ сѣмени). 4) *Вставка гласныхъ*: пӓшана́—род. ед. ч.—Ерахтуръ; пӓшани́ца—Нармушадь; пьяна́ства быва́е'ть—Нармушадь; пӓлатка́ми—твор. п. мн. ч. (= платками)—Уланова Гора; блины́ ис п'шана́, рӓжаны́я—Чарусъ (= ржаны́е); пӓшана́ насы́пют—Ветчаны (Истомино); „кӓрава́тка смӓшшана́“ (= смощена́)—въ пѣснѣ „Таусень“—ibid.; вóсе'май го́д = восьмо́й годъ—ibid.; я ня с Па́ве'лӓм жыву́—Катово Тум. вол.; он вадаво́й (=вдо́вый)—Чуфилово; х пирипӓлаве́нью = къ Преполовенію — Праватарово; атьвéдай кутéйки па мӓладéньцу—Киструсъ (Спасск. у.). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ видитъ читатель, имѣютъ неопредѣленный гласный звукъ на мѣстахъ основного ъ или ь: пьшено, пианьство, ржанъ, осьмын, павьлъ, вьдовъ, вздовъ, и потому эти случаи скорѣе свидѣтельствуютъ о сохраненіи стараго гласнаго звука, утраченнаго частью въ эпоху исчезновенія глухихъ, чѣмъ о вставкѣ гласнаго, хотя, конечно, въ нашихъ говорахъ вѣрнѣе это явленіе считать *вторичной* вставкой гласнаго, чѣмъ сохраненіемъ его. Другія-же изъ этихъ словъ представляютъ,

быть можетъ, чисто-русскія образованія, соотвѣтствующія фонетически старославянскимъ, вошедшимъ въ нашу литературную рѣчь. Таковы, кажется, слова: пла́тками (платъ—полотъ, полот-но, полот-енце), мла́деньцу (младъ—молодъ, молодой, молоденецъ). Наконецъ, третьи, какъ: ка́рава́тка, представляютъ вставной гласный звукъ между согласными, въ серединѣ группы согласныхъ. Быть можетъ, такія слова со вставнымъ гласнымъ получили этотъ вставной звукъ, поддавшись аналогіи полногласныхъ образованій, но, кажется, и вставка гласнаго въ группѣ согласныхъ—явленіе, свойственное фонетикѣ русскаго языка: вспо́мяни, пере́чя́тка, смере́тушка и под. извѣстны въ разныхъ народныхъ говорахъ.

4) *Выпущеніе* (*выпаденіе*) *гласнаго звука или слога въ серединѣ словъ*: *свалу́* сы́ну на́да уса́ту (=уса́льбу) *прибря-та́ть*—Борисково, Касим. у.; у *мня* ма́нйньки́ji: ка́к фсѣ́м атайти́ть!—ibid.; нѣ́т ти (=нѣ́тути) — ib Срв въ Новгород. Синод. Лѣт. нѣтоуть—л. 298. (фотолитогр. изд.); въ Ипатск. сп. нѣтуть—л. 89. столб. 2. нѣтутѣ—л 89. столб. 1. Въ Лавр. сп. нѣтути—л. 150 столб. 2. Вѣроятно, слово состоитъ изъ двухъ: *нѣту* и *ти.тъ* (мѣстоим. дат. пад.), откуда при ѣ=и: нѣтути, послѣ отпаденія *и*: *нѣтутъ*. Въ Ипатск. спискѣ и во многихъ грамотахъ мы имѣемъ и: нѣту—Ипат. л. 92. столб. 2. Послѣ отпаденія *у* получилось: нѣтъ—Ипатск. л. 93. столб. 1. Этимологія-же слова „нѣту“ извѣстна [1]). Что касается мѣстоименій, то богатое количество интересныхъ мѣстоименныхъ формъ мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда, по преимуществу формъ мѣстоименій личныхъ: выше мы видѣли форму: *мня*—род п. ед. ч. Срв. въ Пѣсняхъ Истомина: *Е́сть* у *мня* братцы по́лучше тебя — Стр. 13. (г. Онега. Арх. губ.). Вотъ еще нѣсколько формъ, въ которыхъ мы видимъ выпущеніе гласнаго звука: сам пра *ся* ска́жаш—2 л ед ч.—Семеино Срв Пра *сея* бу́дя пе́ть мѣ́р—Катово; бу́дит с *тя*—Бычково. Срв. у *тея* э́та цавó?—Шара-

[1]) *Потебня*. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. II 380 Срв. *Miklosich*. Vergl. Gram. III. 330 *Соболевскій*. Р. Ф. В 1881; № 4. 243 и слѣд. Въ Лавр. лѣт. мы читаемъ: нѣту бо ти нужа никоея.

нина: „*тя́* бо́льшы ни видáть“—пѣ́сня—Бычково. Сами ме́жу *сеи́*—Праватарово. Вотъ на основаніи такихъ фактовъ мы выше высказали мысль, что въ современныхъ русскихъ говорахъ мы усматриваемъ въ такихъ мѣстоименныхъ формахъ формы, образовавшіяся вслѣдствіе выпушенія сначала согласнаго звука *б*, а потомъ ассимиляціи и сокращенія гласныхъ. О другихъ формахъ мѣстоименій мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ и въ отдѣлѣ морфологіи Другіе примѣры: *о́кла* (=около) *ура́ни ти*—Рогачево (*ура́ни*=грани́цы: *д'ыть* (=да вѣдь) ана́ тут нѣ́т ры́бы-ти (См. ниже—Синтаксисъ)—Рогачево: *Не'ни́ла*—ib: *т'ыть* ана́ брала́—Давыдово: *з' асьму́шку* (=за осьму́шку)—Катово; ани́ пасмя́лись (=посмѣ́ялись)—Шаранина; абѣ́х вм. обѣ́ихъ—Агѣево. Срв. обѣх—въ Новгород. губ. (Колосовъ. Замѣтки ib. 25); Ани́, мушки́, лю́бют с пахме́ля—Акулово; (=они, мужки́, любятъ съ похмелья; мужки́—отъ им ед.—мужо́к, уменьш. отъ „мужъ“); слово „пахме́ля“ напоминаетъ по произношенію блр и мдр „похме́лля“, какъ „весілля“ и т. п., но не было слышно двойного *л*. (См. ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ). Зама́цым каду́шку (=замачиваемъ)—Акулово; старики́ та нам ска́зывут—Калудково; я уш сица́с ду́му—1 л. ед. ч (=думаю)—Меркулово, Праватарово; уш ни умѣ́мшы ни зы *ура́ни*—2 л. ед. ч.—Чуфилово; Василій Пи́мнаф (=Пименовъ)—Немнясево; на́ ви́ни (=на ови́нѣ)—Праватарово; у ко́ је́сь?—ib. (=у каó вм. у кавó); за́гинья—за́говѣнье—Парахино; ка́к jo пи́ть?—Фомино. (=javó—jaó. Быть можетъ, изъ: jovó—joó—jó, какъ и выше: kovó—koó—kó). Окли Каза́нскай ушóл Астахово; посли за́гвинья—Парахино; пашла́ спавѣда́тца—ibid; када́ ко́ны (=ико́ны) при́дут=ib.; рабо́тут, пло́тницут—3 л. мн. ч.—Ахматово; Лиза́р—Алексѣево (=Елеазаръ); изъ этихъ всѣхъ словъ, быть можетъ, слова: *ко́* и *jó* вмѣсто кавó и явó (javó) указываютъ на *ожающее* зерно нашихъ говоровъ въ ихъ первоначальномъ видѣ и на ихъ родинѣ: врядъ-ли изъ „каó“ получилось бы „кó“, а изъ „коó“ могло легко получиться—„кó“. Такія же формы мѣстоименій личныхъ, какъ мы привели выше изъ нашихъ говоровъ, есть и въ свр. нарѣчіи: „И возьми-тко *мня* въ службу богатырскую“—*Гильфердингъ*. Он. былины. Столб. 681 „Ты поди иди за *мня* да во замужество“—ib 1026. Срв. род. падежъ: „Одна у *мня* любимая племянничка“—ib. 31. „Есть у *мня*

да молода жена"—113. Здѣсь же: „Золотой казны у *мни* да есть по налобью"—113. (Въ другихъ мѣстахъ: *мни*—дат. п. ед. ч изъ „*мнѣ*": „Вы попрежде *мни* подайте саблю вострую"—29 „А ко *мни* да вѣломъ посылайте-тко"—83 Срв 236 и друг.). „Измочила у *мня* шубу черныхъ соболей"—120 Срв 138 и друг, напр, 396. 1020 1048. Это сопоставленіе формъ изъ Олонецкихъ былинъ ясно показываетъ, что форма *мня* есть плодъ позднѣйшаго сокращенія изъ *меня*, т. к. употребляется даже въ смыслѣ винительнаго падежа. т. е., значитъ, образовалась послѣ того, какъ форма *меня* стала имѣть и значеніе винительнаго падежа. Мы въ этихъ былинахъ встрѣчаемъ и формы: *тея*, *тя*, но я не думаю, чтобы формы: *мя*, *тя*, *ся* и *тѣ*, *ти* (см ниже), *си* при формахъ: тея, сея; теѣ, сеѣ—могли бы указывать на сохраненіе особыхъ старыхъ вин. и дат. падежей мя, тя, ся; ти (тѣ), си. Признавать формы: мя, тя, ся; тѣ, ти, си сокращенными изъ: тея, сея, теѣ, сеѣ, по моему, необходимо; причемъ формы: мя и ти, си тогда слѣдуетъ объяснять, какъ образованныя по аналогіи (напр., *мя* по аналогіи къ *тя*, *ся*) или частью фонетическія (напр., я тѣ скажу—Семенно, Касим у.: но: спасѝба ти—Шаранина, ibid и друг.; т. е. *ѣ* въ слогѣ послѣ ударенія звучитъ, какъ *и*, подобно тому, какъ это мы видѣли въ падежныхъ окончаніяхъ именъ). Необходимость признанія этихъ формъ за сокращенныя вытекаетъ изъ того, что мы имѣемъ подобныя формы въ языкѣ, несомнѣнно получившіяся путемъ сокращенія: род. *мня* при винит. *мня*. Но есть и: *мене*, *тебе*, *себе*—*Гильфердингъ*. ib 509. 706. 63 и друг.

5) *Ассимиляція гласныхъ звуковъ въ двухъ смежныхъ слогахъ:* Кипитóн—Антоново Касим. у.; Кистинтúн—Данево; Гарáськина—Бѣльково. Срв. АЮ. №№ 98. 410 413. 414. Въ др. русскихъ памятникахъ мы обыкновенно находимъ: Костянтинъ—и думаемъ, что на это произношеніе могло повліять уменьшительное—Костя: ассимиляція-же гласныхъ звуковъ произошла чисто фонетическимъ путемъ: звукъ *я* сталъ произноситься близко къ *і*, находясь въ слогѣ передъ ударяемымъ, гдѣ были мягкіе согласные, а звукъ *о* перваго слога ассимилировался съ этимъ звукомъ второго слога [1]).

---

[1]) См. между прочимъ статьи *Соболевскаго*: Ж М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 29; 1893. № 11. 50—51

Наконецъ, 6) звукъ *и* послѣ гласнаго не обращается въ *ӥ* (i̯) въ ударяемомъ слогѣ; наоборотъ, звукъ j (i̯) появляется передъ начальнымъ ударяемымъ звукомъ *у* (оу): *по́ила* нясу́ть—Шостья Касим. у. („по́ила"—3 слога; вин. мн. ч. отъ сл. „по́йло"). Срв „стаяла́" = сто́йла—им. мн. ч. отъ сл „сто́йло"—г. Скопинъ. Другой примѣръ: ю̆трăм (ju̯трăм) и ве́цырăм—Ужыщево Алексѣев. вол. Касим. уѣзда Въ этомъ словѣ j (i̯) существовало еще въ общеславянскую эпоху согласно закону о присоединеніи *j* (i̯) къ начальному *и* (оу), и въ общерусскомъ языкѣ мы имѣли въ этомъ словѣ j (i̯): срв. бѣлорус. и малорус. *ютро*, причемъ *утро*, какъ полагаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, появилось изъ такихъ формъ, какъ: „за оутра", гдѣ j (i̯) исчезъ фонетически между двумя гласными.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава VII-я.

Передне-небные звуки: *ч*, *ш*, *щ* и *ж* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Группа *жд*.

Мы начинаемъ отдѣлъ согласныхъ звуковъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ обзоромъ звуковъ передне-небныхъ потому, что, именно, въ области этихъ звуковъ наши говоры представляютъ особый интересъ и замѣчательное явленіе своими, такъ нами называемыми, *средними* звуками: $ч^{п}$ ($ц^{ч}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$). Мы разсмотримъ въ этой главѣ передне-небные звуки и ихъ замѣны въ нашихъ говорахъ, а равно—и вышеназванные *средніе* звуки и условія ихъ появленія. Затѣмъ перейдемъ къ группѣ *жд* и ея замѣнамъ въ нашихъ говорахъ. Вообще, надо сказать, что изслѣдуемые нами говоры въ большей своей части — говоры *цокающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ц* вмѣсто литературнаго русскаго звука *ч*, въ меньшей своей части—*чёкающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ч* вмѣсто нашего литературнаго *ц*. Говоровъ цокающихъ и чёкающихъ одновременно очень мало, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Говоры не цокающіе, т. е. сходные по произношенію въ данномъ отношеніи съ литературнымъ нарѣчіемъ, встрѣчаются лишь на очень небольшомъ пространствѣ за-Окской области Ряз. губерніи (смотря съ юга); при переѣздѣ черезъ Оку мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 верстъ, и то уже съ легкой примѣсью цоканья; эти говоры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ описан-

ныхъ нами говоровъ въ первомъ нашемъ трудѣ, и общая характеристика ихъ уже дана нами раньше (Здѣсь, напр., мы слышимъ женскій родъ вмѣсто средняго: адна́ сяло́, адна́ бало́та—Киструсъ Спас. у.; г=*ɣ*, хотя есть уже и г=g: *ɣ*аняють, *ɣ*ало́днай *ɣо́т*: мягкое *к* послѣ мягкаго согласнаго *и j*: дѣвачькя, чайкю; почти всегда—*ть* въ 3 л. глаголовъ и проч. Таковы селенія: Жолобова Слобода, Гавриловское, Селезёново, Городе́цъ, Ужалье, Новый Киструсъ Спасскаго уѣзда). Въ виду этого я не буду останавливаться на общей характеристикѣ передне-небныхъ согласныхъ не цокающихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, а займусь подробной характеристикой цокающихъ и чёкающихъ говоровъ.

Такіе говоры въ Спасскомъ уѣздѣ начинаются лишь съ д. *Деревенское, гдѣ я впервые и услышалъ цоканье*, направляясь отъ г. Спасска къ сѣверо-востоку Что касается говоровъ Касимовскаго уѣзда, то они всѣ уже, т. е. во всѣхъ мѣстахъ, извѣстныхъ мнѣ, суть говоры или цокающіе, или чёкающіе, или и цокающіе, и чёкающіе, а потому они цѣликомъ и войдутъ въ мое изслѣдованіе. Какъ сказано выше, и въ *не цокающихъ* мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда можно уже замѣтить мелочныя отличія отъ говора южно рязанскаго, и на эти отличія было и будетъ указано въ настоящемъ трудѣ, но *въ общемъ* то сохраняется еще знакомый намъ типъ говора южныхъ уѣздовъ, между тѣмъ какъ съ д. *Деревенское* мы попадаемъ въ область *другого* говора, который и служитъ предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

По вопросу о передне-небныхъ звукахъ въ нашихъ говорахъ сдѣлаю одно *общее замѣчаніе*, чтобы не повторяться при перечисленіи примѣровъ произношенія ниже. Дѣло въ томъ, что всѣ *средніе* звуки ($ч^{ц}$, $ц^{ч}$, $ш^{с}$, $с^{ш}$, $ж^{з}$, $з^{ж}$), гдѣ они встрѣчаются, имѣютъ произношеніе *мягкое* и появляются вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они соотвѣтствуютъ *мягкимъ* звукамъ литературнаго русскаго нарѣчія, звукамъ: *ч'*, *с'*, *з'* Что касается въ частности звука $ч^{ц}$, $ц^{ч}$, то онъ можетъ быть и на мѣстѣ *мягкаго звука ч'* (въ литературномъ нарѣчіи), и *на мѣстѣ твердаго* звука *ц* (тоже въ литературномъ произношеніи), и это обстоятельство объясняется прежде всего тѣмъ, что нашимъ говорамъ вообще извѣстна мѣна звуковъ *ч* и *ц*, которая, въ свою очередь, находитъ для себя объясненіе въ исторіи этихъ звуковъ, бывшихъ нѣкогда *мягкими*. Такимъ

образомъ, въ нынѣшнихъ цокающихъ говорахъ звукъ *ц* представляетъ собой *позднѣйшее* отвердѣніе, а въ чёкающихъ говорахъ мы видимъ древнюю мягкость звука *ч*. Ниже, въ примѣрахъ, читатель увидитъ, что кое-гдѣ извѣстенъ до сихъ поръ нашимъ говорамъ и *мягкій* звукъ *ц*, хотя въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ уже *твердое ц*.

Цоканье, или замѣна звука ч (литературнаго) звукомъ ц. Въ настоящее время это фонетическое явленіе извѣстно намъ изъ очень многихъ говоровъ: можно сказать, что чуть ли не во всѣхъ русскихъ говорахъ встрѣчается *цоканье* или какъ *сплошное* произношеніе *ц* вмѣсто *ч* на большихъ пространствахъ, или какъ *спорадическое* явленіе, замѣчаемое лишь въ *единичныхъ* случаяхъ.

Намъ приходится говорить здѣсь о замѣнѣ *литературнаго* звука *ч* звукомъ *ц*, т. к. въ этомъ отношеніи мы не можемъ поручиться за то, что произносимое нами въ литературномъ нарѣчіи *ч*, *вездѣ нынѣ* слышится на тѣхъ мѣстахъ, *гдѣ и въ древности въ живомъ* русскомъ произношеніи слышался тотъ-же звукъ *ч*. Мы хорошенько еще не знаемъ, на какомъ пространствѣ древне-русскаго языка слышались звуки *ч* и *ц* явственно, *не смѣшиваясь* другъ съ другомъ, и слышались, именно, *такъ и въ тѣхъ словахъ, какъ и въ какихъ* мы слышимъ теперь эти звуки въ литературной рѣчи.

Цокающія мѣстности (*ц* вмѣсто *ч*; *ц*, большею частью, *твердѣвшее*, но есть и *мягкое*, что видно будетъ по транскрипціи ниже). Къ цокающимъ мѣстностямъ принадлежатъ: въ Спасскомъ уѣздѣ: д. Деревенское, с. Ижевское, д. Выжлясь. Въ Каспмовскомъ уѣздѣ: с. Ерахтуръ, д. Борки, д Куземкино, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Шпилёво, Лощина, Перьи, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Ибердусъ, Дубровка, Бѣлъково, Урядино, Китово (село и деревня), Чарусъ, Истомино (Ветчаны), Ивановское, Малахово; Тумскій край: Катово, Бычково, Симоново, Логино, Чуфилово, Горы, Расторгуево, Зубово, Давыдово, Семенно, Снохино, Кабаново, Меркулово; Шаранина, Андроново, Праватарово, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово, Велькова, Алексѣево, Ужищево, Мягкова, Волчково, Ламакино, Бѣлясево, Акулово, Оськино.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей сохранился *средній* звукъ: $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$: въ Касимовскомъ уѣздѣ: Нармушадь, Шостья, Чинуръ, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Жданово, Дмитріево, Данево, Тимохино, Забѣлино, Урядино, Чарусъ, Борисково (близъ Ветчанъ), Рогачево, Снохино, Бычково, Немнясево, Норино, Алексѣево, Ахматово. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ я при своихъ записяхъ часто затруднялся постановкою на письмѣ буквы *ч* или *ц*. Конечно, и въ другихъ мѣстностяхъ, названія которыхъ приведены выше, былъ, вѣроятно, этотъ звукъ, но теперь, по крайней мѣрѣ, на мой слухъ, ясно слышится *ц* и *ч*.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстно *чеканье*. Это по преимуществу—уголъ Касимовскаго уѣзда, омываемый Окою по направленію съ СЗ. на ЮВ, отъ притока Гусь внизъ по Окѣ до границы съ Тамбовской губерніей, слѣдовательно, самый сѣверо восточный уголъ нынѣшней Рязанской губерніи, уголъ, врѣзывающійся во Владимирскую губернію и граничащій съ востока съ Тамбовской губерніей; вокругъ этого угла къ западу и югу, какъ мы видѣли, извѣстенъ средній звукъ $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$, а въ глубь уѣзда пойдетъ *цоканье*, на мой слухъ, съ ясными *ц* и *ч*. Само собой разумѣется, что въ чекающихъ мѣстностяхъ извѣстенъ и средній звукъ; слѣдовательно, вообще можно сказать, что *средній звукъ извѣстенъ въ сѣверо-восточномъ углу Ряз губерніи* [1]), на границѣ съ Вла-

---

[1]) Самый выдающійся изслѣдователь древняго цокающаго Псковскаго говора по памятникамъ письменности—*А. И. Соболевскій*; его мнѣніе относительно мѣны шипящихъ и свистящихъ изложено въ его трудѣ: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» К. 1884. Такъ какъ это мнѣніе очень близко къ тому, которое мы высказали относительно того-же вопроса выше, то мы его приведемъ здѣсь цѣликомъ, хотя читатель и увидитъ, что разница между нашими взглядами—существенная. Соболевскій полагаетъ, что когда-то между шипящими и свистящими не было большого различія, и потому часть русскаго племени начала употреблять ихъ безразлично; читатель самъ видитъ, что при этомъ остается непонятнымъ, *почему же* начали употреблять эти звуки *безразлично* если это всетаки было *два звука*, хотя и близкихъ другъ къ другу, мало-ли близкихъ другъ къ другу звуковъ? Мнѣ кажется, что это мнѣніе построено на чисто теоретическихъ соображеніяхъ: еслибы А. И Соболевскій принялъ въ соображеніе современные намъ говоры съ *ихъ среднимъ звукомъ* $ц$, $ц^{ч}$, $с^{ш}$ $ш^{с}$, $з^{ж}$, $ж^{з}$, которые даже опытному человѣку

димирской и Тамбовской губерніями. Тотъ фактъ, что нынѣ при цоканьѣ извѣстно чеканье и средній звукъ, именно, въ совокупности, доказываетъ, на мой взглядъ, наглядно *процессъ вырожденія среднихъ звуковъ* и ихъ отклоненіе либо въ сторону *ц*, либо въ сторону *ч*. Эти говоры—архаичные, и, думаю, *таковыми* были говоры, расположенные въ этой мѣстности по Окѣ въ древности (т е. говоры *со средними* звуками).

Ниже мы увидимъ, что изслѣдуемые нами говоры Ряз. губерніи не могутъ считаться занесенными цѣликомъ откуда-нибудь, а должны считаться *осадками* старыхъ лѣсныхъ жителей, такъ какъ *неоткуда было взяться тѣмъ фонетическимъ признакамъ, которые теперь находятся въ нашихъ говорахъ*. Напротивъ, часть туземцевъ, выселившихся на новыя мѣста въ разное время, приносила съ собой звуки своего говора, и этимъ объясняется, съ одной стороны, то, что нынѣ мы *въ Вятскомъ говорѣ* слышимъ звуки, напоминающіе намъ наши Окскіе говоры, съ другой стороны, то, что нынѣ, въ краяхъ, заселенныхъ *бѣлоруссами*, мы находимъ звуковыя черты, сближающія тѣснѣйшимъ образомъ говоры бѣлорусскіе съ нашими,

---

трудно изобразить на письмѣ однимъ начертаніемъ, то онъ пришелъ-бы къ заключенію, подобному высказанному нами. Впрочемъ, быть можетъ, въ 1884 году наша діалектологія и совсѣмъ не давала права на такія заключенія вслѣдствіе отсутствія печатныхъ описаній и изслѣдованій, хотя надо вспомнить здѣсь мнѣніе *Катлова* о блр. звукѣ *с*. Соболевскій говоритъ: «Мѣна шипящихъ и свистящихъ—явленіе, возникшее очень рано, задолго до XIV в. Не имѣемъ достаточнаго основанія утверждать, что оно относится къ общеславянскому періоду (хотя это вполнѣ возможно); оно могло возникнуть на русской почвѣ въ то время, когда образовавшіеся изъ гортанныхъ шипящіе и свистящіе еще вполнѣ сохраняли свою мягкость, и когда между ними не было большого различія. Тогда часть русскаго племени перестала отличать всѣ или нѣкоторые шипящіе отъ соотвѣтствующихъ имъ мягкихъ свистящихъ и начала употреблять ихъ безразлично, одни вмѣсто другихъ. Это продолжалось и тогда, когда шипящіе и свистящіе, образовавшіеся изъ гортанныхъ, стали нѣсколько тверже, и когда послѣдніе сдѣлались тожественными съ мягкими свистящими, происшедшими другимъ какимъ бы то ни было путемъ; это повело за собою спорадическую замѣну и этихъ послѣднихъ шипящими. Къ XIV вѣку нѣкоторая часть шипящихъ (*ж* и *ш*) отвердѣла;..... вслѣдствіе этого возникла спорадическая замѣна шипящими даже твердыхъ *з* и *с*». Стр. 149—150.

между тѣмъ какъ ни въ Вятскомъ, ни въ бѣлорусскихъ говорахъ мы не находимъ многихъ чертъ стараго Новгородскаго говора, но зато и тамъ съ теченіемъ времени развились новыя звуковыя особенности, которыхъ нѣтъ въ нашихъ при-Окскихъ говорахъ. Конечно, это только моя догадка: *когда* эти перемѣщенія, выселенія и заселенія были, рѣшить нельзя, но надо думать, что въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, въ особенности въ эпоху удѣльно-вѣчевого устройства на Руси или даже еще ранѣе, въ IX—X вѣкѣ.

Чекающія мѣстности, гдѣ *яснѣе* другихъ слышно *ч* вмѣсто *ц*: Дмитріево, Данево должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ (они находятся почти въ самомъ углу, гдѣ сходятся всѣ три губерніи), затѣмъ идутъ: Забѣлино, Гибѣлица, Тимохино, Антоново, Борисково (Ветчан. вол.), Чинуръ и Шостья. Вездѣ здѣсь извѣстенъ, конечно, и *средній звукъ* Все это будетъ видно ниже на примѣрахъ.

Примѣры. Ижевское Спас. у.: у заулѣцки живе́ть: „зѣцыта́лѣсь, но́цэю цыта́ла псалты́рь“ [1]): у мнѣ́ два уца́стка; старицо́к; цаво́ и цэво́; хо́цыть—3 л. ед. ч.; па ате́цэсву Ларіуо́н Ива́ны*ць*, Мѝтріеви*ць*: цэлавѣ́к; тро́пѣцка; сица́с; нивзнаца́й. (У мущинъ я слышалъ: ничяво́; они всѣ здѣсь—народъ промышленный). *Вы́жлисъ*: апцэ́с'винскай зямли́; цужо́й зау́о́н, цаты́ря. (Мущины тоже меньше цокаютъ). *Ерахтуръ Касим. у.*: Хе́дарыц, сица́с жы́ф; ат абѣ́их па дяфцо́нки; саскуцы́лас, ницаво́; ану́цы; цытьвяртну́ю; у́ ла́вацку; църнарабо́цых; ца́је[э]м—твор. п. ед. ч; па цужы́м жыву́ть—3 л. мн ч;—г зе́мьскаму нацальнику; слуца́е[э]тца—3 л. ед. ч.; ве[э]ньца́л ате́ц Ляксандр'; дѣ́вацка, цэты́ря; адна́ до́ц аста́лас; у́о́дика цэре[а]с два; тепе́рьца; из мацэ́ньца; з до́цэрью; цаб? у́ цыты́ри цапка́; цо́лнок (sic!); пя́ цыряду́ ткуть; цо? (см. выше: цаб?); вицара́—им. п. мн числа; у́парась, пец (сущ.); ку́зау́ с прибавацкам (=ку́зовъ съ прибавочкомъ); у́ ку́тцки (=въ кучкѣ; *т* ясно слышалось въ этомъ словѣ); а*у*у́рцыкау́,

---

[1]) Въ кавычкахъ приведены подлинныя слова въ цѣлой фразѣ, сказанной одной крестьянкой про раскольницу въ Ижевскомъ Сашу. Объ этомъ смотри мой «*Отчетъ* о командировкѣ въ Рязанскую губернію на лѣтніе мѣсяцы 1894 года» Казань 1895. Отд оттискъ Стр 12 (Ученыя Записки Имп. Каз. Унив 1895. Январь. Стр. 210)

вп ю́цкаў, во́дя́цкп [1]); драцону; мо́цуть—3 л. мн. ч; усе́ ко́нцыгца—3 л. ед ч.; пла́цыть - 3 л. ед. ч; ра́сцесьвають—3 л. мн. ч.; цуто́к ыпш ви́дна *Борки:* цы́стють—3 л мн. ч.; зао́т Кацко́ва (=заводъ Качкова); уцыге[1]п: сица́; цэряз до́м (=черезъ домъ); у́цуть—3 л. мн ч *Шостья:* цати́ря, мацэ́ньца, три с цэ́тьвпрьтью, па пьтацку́; се́мпцка, валёцкам. дащецку (=дощечку—вин. п.); у́ мялп[1]пацкп: на ку́цкп разго́жым—1 л. мн. ч; цэ́м зайнма́е[1]мся?, пйкаро́ца, пьцыта́е[1]ть—3 л. ед ч.; нйцына́е[1]м. на зппу́ньцыкы; ве[1]шпйцку пе ре[1]стры́ли; но́цы ни вйсыпа́е[1]м; у́ пе́цку; цые́ сца́сья!, цаво́, зацэ́м: лпш до́ цэра́шнява дня́; ка́лако́ньцыкам—тв. п. ед. ч.; сгуцы́ть—3 л. ед ч.; цэ́рпвп, вы́тасцыли (щ=сц); дака́ньцына (=докончена); вяцала́с. сица́с дава́й крыца́ть; с пе́цы; бу́блицкп. пяпа́льна; часо́цкп, у́стряца́й, вяцо́р, ве[1]цырпна; за пе́цэ[1]й—твор п ед ч; гре[1]цы́ха, крупца́ткы; цылаэ́к, прпцашпа́е[1]мся—1 л мн. ч.; у́ пе[1]цэ́ (=въ печи́), пс пе́цы (=пзъ пе́чи); у Пацы́ньских бя́ру́ть (с. Почи́нки); луцы́пу. пъд ако́шыцкам, дя́цо́нки, ру́цкп, цо́рнай воран пракрыца́л. *Брьево:* сица́с, пицаво́. *Ломъ:* дле[1] пцо́л (=для пче́лъ) *Шпилёво:* цылаэ́к, гре[1]цы́ха, Никала́ц. *Лощина:* цаво́. пълуцы́ла, пла́цыт—3 л ед ч. *Перьи:* цаво́, сица́с, нйцава́ли. *Уланова Гора:* пе[1]рца́тацкп, руцыньки, дифцо́нка, пъцыта́ють—3 л. мн. ч., ны́ньцы, цаво́ (по преимуществу въ пѣсняхъ осталось цоканье: въ говорѣ этого подгороднаго села (слободы) близъ г. Касимова замѣтенъ уже „городской", „образованный" выговоръ; надъ цокапьемъ здѣсь смѣются, а въ пѣсняхъ еще сами, забывшись, цокаютъ) *Гусевской Заводъ:* пй пе[1]ца́ли. (Это село въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владимирской губерніи; здѣсь—смѣсь населенія, но преимущественно—цокальщики). *Ибердусъ:* фсю но́ц. *Дубровка:* пре[1]тте́ца (=Предтеча), ве́цар; но: чално́к ат. *Бѣлъково:* за часо́ве[1]ньку, сица́с, виньца́л, цатырнацатый; пъцаму́? на цаво́ вы́пье[1]ш? нацальники, нацну́т—3 л мн. ч; ф сваю́ и ф цужу́ю, с пе́цы, зацэ́м, си́тницка—род. п. ед. ч.; не[1] пла́цут, ве[1]цару́шную пѣсьню, бро́сют пьтацо́к;

[1]) Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы видимъ; в=ў, г=ɣ.—ть въ 3 л. глаголовъ, а потому мы въ дальнѣйшемъ изложеніи, чтобы не приводить вновь *всѣхъ* примѣровъ, когда будемъ говорить о звукахъ зубныхъ, заднепебныхъ и губныхъ, будемъ ссылаться на эти примѣры. Въ словахъ. Ивапыць, Митріевицъ (Ижев.); расцесъвають (Ерахтуръ)—ц мягкое.

за цо́рнява ли́ба за бе́ля́ва; с цытьвярга́ зъцына́ли блины́ пе́ц (глаголъ); гре́ца (=греча); ф ца́стую зацну́т вясно́й; пя́байцо́я сабра́ли бы: мы не' сме́лыи: не' маге́м—1 л. мн. ч.; ф хло́п'цках расли́: бутыл'цку падьне́с—ф цытьвяро́м по́ лъви (по двѣ)-те; пау́жъня́ли и на пе́цку! *Урядино*: Иван Пятро́вич. на Ца́рус даро́га (=на Чарусъ); цай у као́ уго́дна. сица́с, пре'тте́ца, пре'ттецкай (приходъ); де'фцо́нка адна́ вы́ля́на; хлѣбе'ць; цаты́ря, край зе'мли́ уцы́лси (=около земли учился). *Чарусь*: цытьве́рта тре'тья́шка (=трехъ-годовалая лошадь); ф Ка́цама́ри (=с. Качема́ръ) т'ить он дьякан-та ади́н: у ко́ цоо́ jесть; и сро́дьники и цужы́я: эта я тапе́рь на пацы́ни; цо́? (=чего?), це́м? си́тьницка хате́ла купи́ть; я как хацу́ вам сказа́ть; сица́с пади́ дяру́ть—3 л. мн. ч; када́ бу́де'ть ч"вы́сь-та? (=цвѣсти́); стаи́ть зна́цыт (=зна́чить); для пьлате́ницкаф па́смядкаф у́ три, на сте́нацках, у цаты́ря: не'уда́ца быва́е'ть; ф пе́цку пало́жам—1 л. мн. ч: на́да уш пъжырьце́я; асо́бе'нна мо́цам—1 л. мн. ч.: ис цаво́ (=для чего? изъ-за чего?); мать пла́ца́ть—3 л. ед ч. (см. выше); я пла́цу; в Аде́сти (=въ Одессѣ) мно́у́а на́шых Ца́р'ских (=Ча́русовскихъ) рабо́тут; нада jiе́ апла́цы́вать, во́ньца три це́тьвирьти; у́рацы́ха, ради́ма́й, мы не' се́jили: пло́ха ради́тцы-ть *Ветчаны* (Истомино): цао́? цай пьють! уцы́лась, сицас; ве'ньца́лась (—*нь*—доказываетъ бывшую мягкость звука *ц*. Въ цокающихъ говорахъ *ц* было первоначально мягкимъ, какъ и вообще; цоканье древнѣе отвердѣнія звука *ц*; мы говоримъ: ве'ньчя́ть, но винца́ (род. п. ед. ч.); произношеніе „виньца́“ измѣнилось въ произношеніе „винца́“ *послѣ отвердѣнія ц*. Ряз. *виньцá* осталось на старой ступени произношенія *н* и послѣ діалектическаго отвердѣнія *ц*. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ однороднымъ слу́чаямъ, гдѣ мы находимъ *сохраненіе мягкаго* согласнаго *въ сосѣдствѣ съ отвердѣвшимъ* согласнымъ, нѣкогда тоже мягкимъ); снаца́ла; пла́цаш—2 л. ед ч.; ва цужы́ люди (пѣсня); вицару́ха, цулки́, пя́ тре́шницку (но: чижало́—*ч* изъ *т* мягкаго); пъвиньца́ютца; каму́ цаво́ на́да! к цаму́; цы́стай, пъсцыта́ют; ца́сты звѣ́здушки: у бя́уацо́ф (=у богачей); с ма́слицкям, „тара́нячки (тара́нь—рыба) jéшли (=если) ху́ньтик на мацал'цкях“! разацне́тцы—3 л. ед. ч.; мо́цы не́т; „как ры́бя́цка аб ле́т“; пя́цыта́ть *Китово*: иш' ана́ цы́ста (трава); Ива́н Макси́мыц; до́цыря—им. п. ед. ч.; у́оспя́ди зна́е'ть я́тцаво́! не́т ницаво́, а прясь не́ця́ва! на́с вот цаты́ри ба́бы-ти: свякры́ цытьвёрта; с Ми́тра-

ва нацына́е'ть, друг'а́я с Ря́жаштва; во́т о́н и ве́цыр! у каво́ аве́цка, тады́ и за́цына́е'ш; ла́пти плятýть и лы́цки: „цыть-ве'ртацо́к пуцо́к“; а у на́с зе'мля́ пе'спа́ная. *Дер Китово*: друга́я цýть цýть ляжы́ть—3 л. ед. ч; „нáцава́ть как уш та́хта ня пу́стишь—3 л. ед ч: ла́вáцку де́ржыть ма́лашнýю; „а хо́ш цо́рнай хлеп“! ма́сле'нацку не'де́лю блины́-ти пякýть; „ка́гжа ни пъцыта́ть-та свякры́“? прицасти́тца—неопр н.; адино́цки; ту́ца гро́зная. *Ивановское*: вáпалцэ́ньцы вази́ли, сицас на рабо́ти (=въ ополченцы); кой цэ́м, гдѣ цаво́ зало́жаш—2 л. ед. ч; гряцы́шки: я не' зна́ю, како́ва цысла́; фся́ка́му хо́цца харо́шъя мясте́цка; па мане́нацку се́ют—3 л. мн. ч; ф Ца́руси (въ Чарусѣ) радя́тца; пре́жэ на́ пец, на пе́цы (=на печи́); ста́риньки старицки́; цэ́ре'з а'уо́нь. (г передъ согласными по преимуществу). *Малахово*: там у на́с вало́цут (=борону́ютъ) ло́шади [1]). *Бычково*: быцко́с^{m}ькіи (=бычковскіе. На вопросъ: „откуда вы?“); цунно́ тапе́рь (=чудно́); цара́сь; ту́т цаво́ на́жывёш? надя́сь царьни́ки (черни́ки—ягода) аны́ принаси́ли; лу́цци (=лучше); пайдём х часо́вьню (х=въ), та́к и пла́цым—1 л. мн ч.; *свъ́ч^{m}ки* зат^{c}е́плим—1 л. мн. ч; быцкоjс^{m}ькая (=бычко́вская; *въ*=j, какъ здѣсь часто; недавно я познакомился со статьей *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1895 г Май: „Замѣтки по славянской грамматикѣ“. Авторъ неправъ, говоря: „русскій языкъ не знаетъ опущенія *в* передъ мягкими гласными, кромѣ немногихъ случаевъ, лишенныхъ значенія, въ родѣ *ишь* изъ *вижь* (нарѣчія *домой*, *долой* изъ *домовь*, *доловь* могутъ имѣть особое, вполнѣ удовлетворительное объясненіе“. Стр 91. Ссылка на „Лекціи“ его. 2 изд. стр. 90). Мы уже въ первомъ своемъ трудѣ по діалектологіи имѣли случай говорить о мягкомъ *в* (*въ*)=j въ ряз. говорахъ, т. е. о замѣнѣ мягкаго *в* jотомъ (j). Въ Касимовскихъ говорахъ это мы часто видимъ (см. ниже): любо́фь=любо́j, любо́ви=любо́ji.... Такимъ образомъ, представляется полная возможность сближать русскія формы род. пад. мѣстоименій teje, seje, какъ и западно-славянскія teje, seje съ литовскими: tavęs, savęs черезъ славянскія *teve, *seve. О мѣстоименныхъ формахъ

[1]) Въ *Малаховѣ* пропущено: «ны́ньцы ихъ нёту»; ана ца́стая (пѣсня); па́ла́цнай—твор пад. ед. числа; ацы́стим—1 л мн. числа.

с[т] фонетической стороны мы говорили выше. См. соч. „Къ діалектологіи“ .. Приложеніе. Пѣсни подъ №№ 22 и 26) Далѣе: панаjу́цу (= понаучу́—1 л. ед. ч. буд. вр Въ пѣснѣ); цо́рнай мак, гäцава́ть: ф Цырькасо́ва (= въ Черкасо́во—село (причтъ) для окружныхъ деревень) *Катово*: цы́стить—неопр. н.; ца́с, вицаво, у папа́ у Хве́дäра прицаспа́лась; уцы́тцыть?—неопр. н.: уцы́лишша на у́рах (Горы́—селеніе); цäлавѣ́к де́рьгалить рука́ми: ф паты́ри цапка́; пацаще, из мацэ́ньца: „фсе пäлу́ч'ч'и хо́цца“! памéльцэ: цыйх у́аспо́т? пйринёцык. у́адо́цку нѣ́тышша; как ни пъцыта́ть, цаво́ ру́у́атца; ляцы́ли; три́ до́цы́ри-ти, с цо́рным хлѣ́бäм; тут лавацка jéсь; пацо́м? Всѣ окрестныя деревни и села Тумскаго края говорятъ одинаково а потому говорп этихъ мѣстностей я не буду разсматривать отдѣльно, а вмѣстѣ Напримѣръ. вл ф пе́рьвый рас цы́щю; не́цäва—*Симоново*; я пацу́ю, цы́лавѣ́к—*Логино*; Ря́у́ацо́ва. ф праулъцык, сицас, дѣ́вацка, äтвяцать; „а тибѣ́ ахо́та вы́уцытца“? На Цухви́лъви (= Въ Чуфи́ловѣ); вицаро́к; Тимахвéй Радіо́нъц ѣдя за ры́буй; мы ф цыстатѣ́ не́ жы́ли; „пасто́й, малца́ть“! (Приказъ ребенку): анно́й (= одно́й) ло́жыцкай нильзя́: в пацы́ (= въ ночи́, по́чью) паѣдим лави́ть; цайку́-та? „када́ нѣ́ту спи́цак“?! (= какъ нѣтъ спичекъ?!)); па сѣцам—*Рогачево*; у нас цаты́ри афцы́; зацэ́м хо́дям?—1 л. мн. ч.; цаво? jеjи́ц в ла́вäцки; ня у́цут; са фсяцынкай! дѣ́вäцка адна́, два ма́льцыка были; пацо́м папа́ла—*Горы*; у Масквѣ́ (у = въ) пло́гнйцайт—3 л. ед ч. уцы́лищя. дьвѣ́ вярсты́ äт Цы́рькасо́ва—*Расторгуево*: (Астару́ова—произн); т°яре́шйцка (Терёха—Терентій); цаó-жа здѣ́лаш?! дѣ́у́ка-жа у́цытца; цонибу́ть се (= всё) ба́ит; стра́сь как крица́ла, нисца́снаю, Ива́нäвиц, ва цысто́ по́ля—*Зубово*; цылавѣ́к, три цэ́тьвирьти, капе́йцка, ни́тъцки; пацо́м? цао?—*Давыдово*. Пьринёцык *адúн* ни к паму́!—*Логино*: мы уцо́ны што́-ля?—абро́цык пло́цу—1 л. ед. ч.; ни скупа́ла: пäшыпьцэ́й рäзуари́тцы (= пошибче); пе́цку тапи́ть, палѣ́нäцка; ня у́ца—3 л. ед. ч.; к вяцэ́рьни—*Семегино*; но́цэй—твор. п. ед. ч. (ночью), но́ца тёмная (= ночь), пти́цки—*Горы*: на ла́вацки, в ако́шыцка. с мало́тцыкäм, фстряца́ть, аб вас ску́цылас; два кушы́ньцыка цара́сь вари́ла; цыя́ (= чья?), но́цы—им. п. мн. ч: не́цäва, зацнём с цытьвярьу́у, я уш замуцы́лась. мо́цы нѣт; вну́цык миня́ абаруит („абаро́вать“—уходи́ть, утомля́ть; „ба́ровать“ = ходить за ребенкомъ); он ѣсь хо́ца—3 л. ед. ч.—*Катово*: цаты́ри дѣ́вäцки, цаó-жа

тибѣ́ ищё?—*Снохино*: а типе́рь заму́лысь'я, асярьца́ш—2 л. ед. ч Пре́ш (=преж', преже, прежде) сѣ́ш, вало́ш (=боронуешь); фсю но́ц слу́шайтя!—*Снохино*: ты ня́ та́м?—*Кабано́во*. Но́ лава́ть-та? ш'ш'я дава́ли! увицару́ (=ввечеру)—*Горы*: Гаврилъвиц—*Аньево*; на лущыну упала, ва нужо́й стара́нѣ, ни уцы́лась в рѣцку вянки́, ли́цка умо́ют—3 л мн. ч., ве́цар на цуцо́цку разло́жут—3 л. мн. ч. ныньца ни заж.ку́ают, лѣтась заждыва́ли: а́уарьця́нья ника́к ни раскажыш, прицыта́ла—*Давыдово*; ца́душка (=ча́душко, чадо)—ibid. На плато́цку, ня пла́цут у па́с тут та: прицашша́ли ф Цырькасо́ва: как пъжарьця́ѣ; Цухви́йа (=Чуфилово), на *Цирькасо́ва*, *це́рйз мо́ст* (=через мостъ: ц—мягкое)—*Расторгуево*: варо́цай. Быцко́ва (=Бычково). Ива́н Стяпа́нъц. цэ́рйф (=червь)—*Амлящово*: али́н клюцо́к бу́ля—3 л. ед. ч—*Жалудково*; „я на рѣцах толька так-та шыпка́, а вина́ я ня пью“—*Зубово*: у́ Успе́нья расцо́т (=расчетъ), пълуцы́ла: так апхо́диссы (=обхо́лишься) и чалпи́ш—2 л. ед. ч: „я ямý зо́н, ба́т“! (=ба́итъ); „ко́льки кацаиш, то́льки ни крицы́т дзитсё“ (зитсё)! сцыта́ть (но мущина сказалъ: „ш'ш'ита́ть“): Цухви́тъски=Чуфи́ловскіе—*Чуфилово*: харьци́ из до́ма, ца́й у па́с сво́й был; мы *у* люцко́й (=въ людской) ня́цава́ли—*Ioшино*: свѣ́цъцки зажгём—1 л. мн ч.: часте́нька: нѣ́т, *нижала́*: пе́ть сынаве́й—*Меркулово*: апы́стим—1 л. мн. ч.; до́цэри: нацаць (=начать—неопр. н.): *уряцы́ха*, *уре́ца*: цуть—а*уурьца́т*; намацы́ла—*Праватарово*; тсяцу́шыцка, тацо́к (=точёкъ, токъ) ахо́лила—*Анисово*: на сѣ́цам (=по сѣчамъ)—*Малышкино*: нацы́шшэ (*е* открытое, *ш*—твердое); пе'сца́ная, пла́цут, скуца́ть—неопр. н; я ни *кацы́лась* (=касалась); „тако́й пе́цы (=печи) нѣ́ту́о“! доц, на цатьвёртай—*Парахино*: цудно́ цао́ та́м слуцы́лась—*Фомино*; падд'ёвацку (д'=s)—ibid вяньца́лась (ç=с')—*Астахово*; цэ́рьва (sic! им. п ед. ч.) ѣ́ла—*Ахматово*; цао́ ня́ливать? благацы́ннай—ib. Ми́трин, гряцы́шка хъраша́; цэ́рйф падъе́л бо́льна—*Ве́лькова*; грицы́ха, гре́ца-та, клюц; прие́дыш то́лькя на ца́с. салда́тка цатьвёрта, А́фана́сьиц—*Алексѣево*; ютрам и ве́цырам—*Ужыщево*; примѣ́цу—1 л. ед ч. буд. вр, лавацка—*Мягкова*: фцара́, тре́тій па́сти ни стаи́т—3 л. ед. ч, цудно́й—*Волчково*; пы́шки (=лепешки) хацу́ зятява́ть, цайкю; што́ ты нас му́цыйш?—2 л. ед. ч.—*Ламакино*: Сирьгѣ'виц, цао́ ты та́м?—*Бѣлясево*. С цужы́м му́жам, цаво́—*Шарани́на*; Лавре́ньтій Васи́лиц, до́цэри-ти аны́ уш у миня́ адда́ны; зна́-

ма, замýцы́лась; трепи́нка (=тряпи́чка, тря́пка); уш пи́тацо́к вам жа́лка! в ло́жыцку; ана́ на́цава́ла на сняγý; дяγýцо́нки, мнýцки (=внучки), сы́на́вы доцки, ма́цка (=ма́чка, ма́тшка=баба. бабушка; ба́цка - ба́чка=дѣдъ, дѣдушка, въ отличіе отъ родныхъ отца и матери, которые зовутся: „батюшка“ и „ма́тушка“); дьяцо́к у на́с, γава́дйны ца́сть; жыве́ (3 л. ед. ч.) до́ц сирата́; цы́стют—3 л. мн. ч.; ана́ пъцыта́я—3 л. ед. ч: х пяца́х (=въ печа́хъ), ф паста́ва́цки—мѣстн. п. ед. ч., на то́пцу—1 л. ед. ч.; „да́ и нацу́я (3 л. ед. ч.) х пяцѣ-та^{ч}, γваздо́цка. масто́цык, х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч.; Шуле́γа Ты́цкин ямў про́з'виш'ш'а—*Шаранина*. Ану́цы из мацэ́ньца, за паты́ри, ис цужо́й дире́вьни (но: но́ньчя), випару́ха, висо́цки (=волосы на головѣ вообще); ну, цаво́ ты! Плато́цы́к, сицас (и: ате́ц), па́ пляца́м, швицы́ (=швецы́; тѣ, кто шьютъ)—*Акулово* (Китов. вол.); Яγо́рыц—*Оськино* (Кобы́линск Тум в.).

Средній звукъ ч^{ч}, ц^{ч} мы находимъ въ примѣрахъ [1]): ни-ч^{ч}яво́ не^{і} рабо́тае^{і}ть—3 л. ед. ч. Пце́лы́ у няво́ мно́γа у Бари́са Юдич^{ч}я—*Нармушадъ*; рю́ма^{ц}кю—ib; и ў ч^{ч}яю́ ника́к не^{і} размо́цыш су́шки-ти! фц^{ч}яра́, ў ре́ц^{ч}ки ти;—*Нармушадъ*; ма́льч^{ч}ик, ц^{ч}яво́, спц^{ч}я́с, Ники́фърац^{ч}ь—*Лѣсново*; ич^{ч}яво́—*Жданово*; ц^{ч}е́м (твор. п.=чѣмъ), ц^{ч}южо́му, пьтац^{ч}ёк, си́тьч^{ч}явай, ч^{ч}ёрнай, дѣйч^{ч}я (=дѣвица)—*Дмитріево*; пле́ц^{ч}ка (=пле́чико), на па́ду́шыц^{ч}ку, асе́нній но́ч^{ч}и (род. п. ед. ч.), Со́ничка, свѣтли́ц^{ч}ку, ате́ч^{ч}ь (=отецъ)—*Да́нево*; на́ ч^{ч}е^{і}тьверьть, кой ч^{ч}яво́ рабо́там—1 л мн. ч.; бич^{ч}яво́й-та ны́н'а́ ма́ла; гри́ве^{і}нниц^{ч}ик, ве́ц^{ч}ирам—*Забълино*; хто́ ле^{і}цы́л?—ич^{ч}яво́!—*Урядино*; ч^{ч}вѣсть (=цвѣсти)—*Чарусъ*; спц^{ч}я́с, в ла́ва^{ц}ки па́ пьтац^{ч}ку—*Ахматово*; Ве́щуръ): ма́латц^{ч}я—род. п ед. ч (=молодца)—*Снохино* (Тум. вол Въ пѣснѣ). С каньц^{ч}я́ зайду́—*Рогачево*; хо́ц^{ч}ц^{ч}я што́-ля а́т атца́ а́т ма́тьри ити́ть: сич^{ч}я́с миня́ вы́ве^{і}ли к ни́м—*Давыдово*; с атц^{ч}ём Микала́ям, бо́лѣ^{ъ} два́тц^{ч}яти́ γадо́ў γ Варо́ньжы (=въ Воронежѣ)—*Зубово*; свѣ́ч^{ч}ки зат^{с}е́плим—1 л. мн. ч.—*Бычково*; у атц^{ч}я́ дьякана!—*Немнясево*; ате́ч^{ч}ь, чаты́ри, два́тц^{ч}ять, Ги́блиц^{ч}ькай (с. Ги́блица), двяна́тч^{ч}ять, сади́тц^{ч}я—3 л ед. ч.—*Немнясево*. Окуль кало́тч^{ч}я (=кало́дца) паста́вют—3 л. мн. ч.—ibid. Дися́тая пя́тьнич^{ч}я,

[1]) Знакомъ ч^{ч} мы выражаемъ звукъ, который слышался намъ ближе къ ч, а знакомъ—ц^{ч}—наоборотъ

но́ць, ц'ярю́, ц'еркя́фь, уц'и́тца—неопр. к., у́чыт—3 л. ед. ч.—*Норино*. Гре́ца-та вщ'яво́!—*Алексѣево*.

Чеканье мы имѣемъ въ слѣдующихъ примѣрахъ и мѣстахъ: Мужи́чькіи те'тѣти—*Шостья* (здѣсь я встрѣтилъ чеканье въ первый разъ); ради́тчя—3 л. ед. ч.—*Чинуръ* (Здѣсь же *ц*=почти *с*: Чи́нурскіе произн. почти *Си́нурскіи*, какъ и записано въ моихъ матеріалахъ); агурьчи́—*Антоново*; называ́тчя—3 л. ед. ч., чвяткя́ми (=цвѣткя́ми)—*Дмитріево*; пячялу́й, фстре'пе'не́тчя—3 л. ед. ч., увива́тчя, сякруша́тчя—3 л. ед. ч., чиляпя́лся, чвяты́, аку́нитчя, вястрипе́хнитчя, вяскалы́хне'тчя—3 л. ед. ч. (въ пѣсняхъ), дѣвичя, на пя́льчи—*Данево*. Но вотъ замѣчательно: въ Даневѣ и (орѳографическое) звучитъ почти твердо, почти какъ: *ти*: пля́тшыт—3 л. ед. ч. (=плачетъ); отсюда иногда и: пя́льчы или пя́льтшы (=пя́льцы). Че'лава́нья—им. пад. ед. ч., ате́чь (=отецъ: см. выше); баслове́ньичя, мо́литчя—3 л. ед. ч. (почти=мо́лит'ш'я изъ—т'с'а); атчю́—дат. п. ед. ч., ве'ньчя́ютчя—3 л. мн. ч., ш чвята́ми, ф че́ркя́фь, ф че́рькву, к ве'ньчю́, куль крыльчя́ (=около крыльца́), пячялу́е'т—3 л. ед. ч. буд. вр.—*Данево*. Че́рква нязыва́е'тца—*Тимохино*, *Гиблица*; рупчём (=рубцо́мъ) праве'дёш—2 л. ед. ч.—*Забѣлино*; атче́ль (=отсе́ль, отсе́лѣ)—д. *Борисково* (Ветчан.).

Относительно звука ч нашихъ говоровъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ разныхъ мѣстахъ онъ звучитъ довольно твердо, т. е. вмѣстѣ съ звукомъ *ц* всякаго происхожденія подвергся *отвердѣнію*, причемъ при отвердѣніи естественно вышли наружу оба элемента, изъ которыхъ составился звукъ *ч*, т. е *т+ш* Эта группа звуковъ *тш* слышна съ разными оттѣнками въ разныхъ мѣстахъ, а иногда и въ одной и той-же мѣстности. (Срв. новые говоры, напр., Казанскій, гдѣ отвердѣніе мѣстами, кромѣ Тетюшскаго уѣзда, пошло настолько далеко, что слышны часто оба элемента (*т* и *ш*) *твердые*). Въ нашихъ говорахъ, напримѣръ, мы имѣемъ: „Ма́тшка ра́димая"—Ветчаны (Истомино)—въ пѣснѣ (значеніе этого слова см выше [1]); „мужы́к, зна́та, палу́тшэ"!—Праватарово („Зна-

[1]) Въ такомъ-же значеніи это слово употребляется въ с. Малаховѣ (Андроновѣ), по сообщенію свящ. о Леонида Сапфирова

то“ = вѣстимо, извѣстно, знамо). Въ Спасск. у. Казан губ. въ с *Мисловкѣ* я слышалъ всегда: *т'ш.*

Группа чт въ словѣ *что* звучитъ очень разнообразно: шчо (слышны оба элемента: и *ш.* и *ч*)—с. *Ижевское*, Спас. у.; ще—ibid.; што́ сашто́ся (=случилось, пришлось)—*Ерахтуръ*, Касим у.; *Шостья*; *Чарусъ*; гдѣ наймѐт, гдѣ што-либа (=что-либо)—*Ивановское; Ветляны.*

Самъ звукъ ч передъ *н* переходитъ по обыкновенію въ *ш*: лѐтäшнай—*Выжлисъ* Спас. у.; башмо́шница—*Шостья* Касим. у.; дато́шный—*Нармушадь* (=доточный, желающій все знать „до точности“); гре'цы́шнiйи—*Шостья*; кузне́шная издѐлья у няво́—*Гусевской Погостъ;* кирьпи́шная—ib.; гърямы́шныя—*Бѣлъково;* ла́вäцку дѐржыть (3 л. ед. ч.) мäлашну́ю (=мелочну́ю)—дер Китово

Теперь переходимъ къ звуку ш (*ш*^{c}, *с*^{ш}). Это явленіе далеко не такъ распространено въ нашихъ говорахъ, какъ цоканье: звукъ средній *с*^{ш} или *ш*^{c} уже началъ стираться въ произношеніи, вѣроятно, потому, что вообще онъ довольно картавый, шепелявый и не особенно пріятенъ на слухъ. Выше мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ словахъ этотъ средній звукъ, часто мы слышимъ *очень мягкое ш* вмѣсто мягкаго *с*, какъ будетъ видно ниже изъ примѣровъ, и мы въ своихъ записяхъ передавали этотъ звукъ [1]) знакомъ *ш* мягкое (*ш'*), а звукъ средній—знакомъ ç или *с*^{ш}, или *ш*^{c}. Примѣры: у Ива́нушьки на гало́вушьки вили́сь ку́дрюшьки (пѣсня) –*Бѣлъково;* как jе́шьли (=если) уля́ытца—*Ивановское*; срв. jе́жли—jе́зьли (=е́жели)—ibid.; са свѐтлäва Вäшькре'ше́нья—ib.; Ива́нäфьс^{ш}кiйи—ib.; фшя́кiйи пѐс^{ш}ьни паѐм—1 л. мн. ч.—ib. (срв. польск.); „jе́шьли пагóниш'ш'и [2]) за мно́ю“ (пѣсня)—ib.; день ма́йшькай (пѣсня)—ib.; мы́лишь (=мылись) свѐжаю вадо́й—ib Срв. общерус. страшно́й и страсно́й; страшну́ю не'дѐлю—*Гусевской Погостъ*. Ани́ пришли́ ш' вино́м; „ш'вякры́, пäжа́луй, и ш'вѐкäр важьму́т, прапью́т“! („Пропи́ть дѣвку“ значитъ и теперь „про-

[1]) Я приблизительно описалъ этотъ звукъ въ своемъ «Отчетѣ». Стр. 37. (Учен. Зап. 1895. Янв. 234)

[2]) Въ вятскомъ говорѣ тоже: руга́ешша, брани́шша, чу́ечча, любу́ючча и т п *Соболевскій*. Живая Старина. 1892. Вып. II. Стр. 21. Въ говорѣ Оренбург. губ. я тоже слышалъ: стара́ешша.

сватать“ — въ Ряз. губерніи вообще): прамóлуся — 1 л. ед. ч. (= промóлвлюсь, ошибусь); за стóл ḉядут, к нивѣ̀сти хлѣ̀ба прьнясýт, ḉидя́т па за́дьній ла́фьки; сафḉѣм закрытыjи: шьвѣ̀цъцки (= свѣ̀чечки); „два дня́ у на́с ма́ḉляна“; jéшьли; нäкаḉи́ть» — неопр. н.; „так и ḉягда́ та́х-та“! „ḉе́кäр миня́ бы́л“... (срв. выше: ш'вéкäр или шьвéкäр. Срв. также: лат. socer, греч. ἑχυρός (вм. δεχυρός), лит. šešuras. Еще въ общесл. языкѣ было вставлено *в*, такъ что наша форма представляетъ, вѣроятно, вторичное исчезновеніе этого *в* передъ мягкимъ гласнымъ: ш'вéкäр — ш'jéкäр — ḉéкäр. Срв. нѣм. schwester, гот. svistar при лит. sesů и общесл. sestra) — *Ветчаны* (Истомино): jéḉть ḉя́кай! фш'éкіjи грыбы (= всякіе) — *Борисково*. Семéйна (назв. деревни: Семéнно) — *Катово* Тум. вол.; ḉѣна ɣрябу́ — 1 л. ед. ч.; ш'éтъки (= всетаки) — *Логино*: и ḉлúфьки jéḉть! — *Рогачево*; „шашта́ми ни лапа́тками ɣрябу́т“ — 3 л. мн. ч. — ib. (здѣсь мы видимъ *ш* вмѣсто твердаго *с* Это явленіе допускаетъ двоякое объясненіе: или *ш*, само по себѣ отвердѣвши, стало естественно замѣнять собой и твердое *с*, или здѣсь мы имѣемъ второе *ш* по аналогіи съ первымъ, т. е. первое *ш* вызвало собой и второе: шастáми (шестáми) — шашта́ми, какъ: шашнáтцäть — *Катово*, *Расторгуево* и друг. и на югѣ Ряз. губерніи); „шашто́й ɣо́т, дѣ̀вäцка адна́“ — *Горы*; как çлѣ̀дуит, „са çвято́й с Па́скы“ (срв польск. święty, которое въ Петроковѣ и окрестностяхъ произн. какъ çwięty; лит šventas; зенд. çpeñta; др. инд корень çv — (*Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sventŭ.); де́çить (= десять. Срв. лит. dešimtis); признавать *позднее* явленіе въ произношеніи де́çить нѣтъ никакого основанія Мы думаемъ, что еще въ нарѣчіяхъ прарусскаго (а, можетъ быть, и — общеславянскаго: срв польск мягкій *s* въ словѣ: dziesięć) языка здѣсь былъ *средній* звукъ $c^{ш}$ или $ш^{c}$. Далѣе: „ф како́м çилѣ́“? — *Андроново*, *Малахово*; за фçю́ за по́ньку — *Давыдово*; „мы дйре'вéньçки, ɣдѣ́ мы бы́лй-ты уцóны што́-ли“!? — *Семеино*; рäзлама́лäçи; виḉѐлая — ib.; сама́ я ɣарьçка́я — *Горы* (= Горска́я; суф. — *ьск* здѣсь вездѣ или *ясно* слышенъ, или выдаетъ себя предшествующимъ *мягкимъ* согласнымъ, какъ здѣсь звукомъ ç); çя́ (= вся́) минýитца ɣульба́ — *Катово*; нäвида́лиçя; нäприма́юçя — 1 л. ед. ч. буд. вр.; ў вäскриçéнья виньцали; пабáйлиçя (= поговорили); афçáнай; вы́шшы́ш — 2 л. ед. ч. (= вы́сушишь; здѣсь *ш* подъ вліяніемъ звука *ш* въ слѣдующемъ слогѣ); — *Катово*; ста́ли çе́ ш'ы́тцы (= сы́тцы) насы́ть (въ сло-

вѣ „наси́ть“ сказано было. кажется, со звукомъ *с*, но срв. выше: нäкаçи́ть—*Ветчаны*)—*Катово*: я фçе баю́сь—*Бычково*; „павѣшы́мшы мужа“ (пѣсня)—*Снохино* (=повѣсивши); „кӯрале́çить“—*Шаранина* (См мой „Отчетъ“. Стр. 38. кäралесшпм! —1 л. мн. ч.); ана́ сро́ду çе дарó*у*а! —ib; у саçѣд jéçь—ibid. (саçѣд—род. п. мн. ч.. какъ соврем. литературн. „аршúнъ“, „глазъ“. Срв Ряз Скоп. „зубъ“—род п. мн ч. и у Крылова: „Повисъ на немъ и *зубъ* не разжималъ“ въ баснѣ: „Собака, человѣкъ, кошка и соколъ“); он çё на Рязáни ко́çя—3 л. ед ч.—*Горы*; въ лѣçѣ (=въ лѣсу́)—*Аньево*; о́бräз принеᵉçли́—*Давыдово*; çьяво́ (=съ его) с ма́тирью пъцäлава́лись—ib.; „щē-ля шашна́тцäть выв'ъду (=выводу, т. е. „прида́наго“) рублей“?—ib.; „па шашти́ нядѣль“ (=по шести)—*Акулово*; ша́ш нядѣль (=шесть; срв. выше: шашто́й, стрсл. шестъıи при лат. sextus и греч. ἕκτος изъ *sekstos убѣждаютъ насъ въ томъ, что форма стрсл. языка вм. *хестъıи, а эта изъ *сестъıи; въ литов. мы имѣемъ šéštas, которое указываетъ на *особое индоевропейское s* См. *Фортунатова* Лекціи по сравн. языковѣдѣнію Курсъ 1893—4 г. Стр. 244—245. Можетъ быть, и въ діалектахъ прарусскаго языка было çestъıи при çeçtъıи, откуда впослѣдствіи: *шесто́й* и *шешто́й*. Срв древненижн. çvaçuras вм svaçuras, гдѣ ç первое вызвано, вѣроятно, вторымъ ç изъ k[1])—*Акулово*; Çи́мънäва (=Си́моново)—*Амляшово* (срв. *Шимонъ* въ лѣтописи); ве́рст çе́мь (=семь)—*Наумцево*, *Аносово*; наш прихо́т Ба́рш°ня́ва (=Ба́рснево)—*Амляшово*; збива́лиçя—*Жалудково*; х Ту́мьçким лясу́ (=въ Ту́мскомъ лѣсу́)—ib.; наро́т ш°ѣ́рäй (=наро́дъ се́рый; срв блр. шэ́рый, польск. szary—выше)—*Зубово*; во́çймай *у*о́т—ib. (=во́сьмый, восьмо́й, осьмо́й годъ); ко́бы я çме́лая, а то́ я баю́çя—*Бычково*; а то çё равно́—*Чуфилово*; в çе́рйду (въ се́реду) на ма*у*и́лу вы́ду—*Меркулово*; атца́ Ахвана́сшья фçя Цырькасо́çька зире́вьня (=отца Аѳанасія вся деревня—Черкасово. См выше)—ib.; шко́лька (=сколько)—*Немнясево*; ат наш (нас) вёрст двяна́тц'ять—ib.; çѣна нако́çим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; Шэ́иньçкява прихо́ду (с. Ше́пинка)—д *Норино*; кале́çиньçкяй мужы́к (=Коле́сниковскій; с. Коле́сникова); иду́т каçи́ть; но́риньçки (Но́ринскій); çѣна у нас пло́ха, çё запри́ло (=запрѣ́ло)—ib.; çѣна; иçка́ли (=искали); çме[1]çи́ла (=смѣши́ла); фçё—*Андроново*; нивѣ́стйна радня́—ib.; çмя́лиçь; пѣ́çни; на пако́çи—*Праватарово*; сни-

ҫе́м (=снесѣмъ) эта ҫе—ib; да ма́ҫлянай, семь нивѣль прайдё (3 л. ед. ч.)—ib: Ря̆жаштво—*Анисово* (*и*, быть можетъ, подъ вліяніемъ предыдущаго шипящаго *ж*); изъвѣ́стій пѣ́т—ib; шаштой ӳалок—*Парахино*: фҫя́ работа́ям—1 л мн ч—ib: на́ Гуҫь (=на р. Гусь)—ib.: шэ́ш нивѣ́ль—ib.; пѣ́сни игра́ют дѣ́хькя—ib. (=пѣсни играютъ дѣвки См. выше): с ахцэ́ (=съ овцы́) нӑстригу́т шэ́рьшы (=шерсти)—ib; придёт ҫя́дят—3 л. ед. ч.—ib.; го́рькіјн ҫйраты́—ib. (ӳ въ словѣ ӳалок такъ и было произнесено); на ҫйту—*Фомино*: пъбраны́мся—1 л. мн. ч. и т. п. формы на—ся—ib: ҫе'ре́дьняя—ib; праҫи́ть—ib.; ӳ биҫе́ди (=въ бесѣдѣ)—ib: на пакоҫѣ' ве́ҫь наро́т—*Астахово*; он ляся́тку принёс—ib.; в о́ҫинь—*Парахино*: шышдися́т—ib.; „как зяпаҫёш, так и испячёш"—ib.; кра́ҫям—1 л мн ч.—ib; „про́са ҫ́ьяля"—3 л. мн. ч. прош вр. (см. выше)—ib.; дьвѣ́ҫтѣ^а—*Ахматово*; во́ҫимь ме́р на т'яглó—ib; ко́ҫям, ҫ́ям (см. выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); ко́ҫют—3 л. мн. ч.—*Алексѣево*: фҫ́ рамны́ (=равны́); Бӑташе́ски аны́ на́шы-жы луга́—*Волчково* (фам Баташовъ См. „Отчетъ". Стр. 29—30); аны́ у на́с ни ко́ҫют—ibidem.: би́сиэ ноҫю́—1 л ед ч. (sic!=ношу́; остатокъ мягкаго звука); у на́с та́х-та но́ҫют у фҫ́ех: во́ҫимь; Хядо́ҫья (=Θедо́сья)—*Акулово* (Китов вол.); приве́ҫть на́да—*Оськино*, *Кобы́линка*.

Нигдѣ мнѣ не приходилось слышать такого послѣдовательнаго и яснаго сохраненія суф.—*ьск*—въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ, какъ въ этомъ краю: иногда слышится только *предшествующій* согласный мягкимъ, а иногда *и предшествующій мягокъ*, *и самъ звукъ с*, какъ это мы имѣемъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности (см. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 107—108). Напримѣръ: Ря̆мӑнӑфьҫки, Цухви́лӑфьҫки—*Чуфилово*; Ӑстарӳо́фьҫка и Астарӳо́ҫка—*Расторгуево*; Андро́нӑҫка, Снахи́ньҫки, Ту́мьҫкіјн; он Зӳбӣ́ҫкяй (изъ с. Зӳбова); мы́-та?—Наӳмьҫки—*Наумцево*; Быцко́ҫкая—*Бычково*; Пара́хи́ньҫкая—*Парахино*; Ми́трӣфьҫкіјн—*Дмитріево* (Малахов. вол.); Ло́ӳиньҫкіјн—*Логино*; Ло́ӳиньҫка—им. п. ед. ч. ж р.—ib.; з Давы́дъҫкими—*Горы* (съ людьми изъ с. Давыдова); „тожа Ба́рьсняҫки—*Амляшово* (=Ба́рсневскіе, т. е. прихода с. Ба́рснева): Нямня́ҫскай—*Немнясево*; Но́риньҫки—*Но́рино*; Праӳата́рьҫки—*Праватарово*. Однако и такъ: г зе́мь-

скáму напáльнику—*Ерахтурѣ*; кузéмьскіи мы-ти (изъ д. *Куземкино*); Шóстиньска—*Шостья*; у Пацыньских бярýть (изъ с. *Почúнокъ*)—ib.; Данькёськіи (?)—*Ярыгино* и мн. др См. *Морфологію*.

Само собой разумѣется, что группа—*шься* въ глаголахъ, ассимилируясь, даетъ или—*шша*, какъ мы уже видѣли, или—*сса* (—с'с'а): *у*ля́ть прашыбéсса—2 л ед. ч.—*Ерахтурѣ*; „жэ́нис'с'и — пе'рямэ́нис'с'и“! — *Нармушадъ*; пагóнисса—2 л. ед. ч —*Дмитріево*; вазьмéс'с'и—*Гусев. Погостъ*; ве'рьтúс'с'и — 2 л. ед ч.—ibid (Срв. выше—с. *Ивановское* Ветчан. вол)

Переходимъ къ звуку ж и ж^з, *з*^{ж}. Мы уже и выше видѣли много примѣровъ, относящихся сюда; теперь мы сгруппируемъ нѣсколько примѣровъ, еще не приведенныхъ выше, или вызывающихъ насъ на замѣчанія. Такъ, мы слышимъ: важьмýт = возьмýтъ—*Ветчаны*; важьлэ́ = вóзлѣ; ф каз^{ъ}ённай (лѣсъ)—*Борисково*; jéз^{ъ}ьдил: прйвиз^{ж}ёт—3 л ед. ч.—*Логино;* ваз^{ж}ьмéтя? *Шаранина*; ваз^{ж}ьмú—*Бычково*; вз^{ж}я́л—*Норино*; у́з^{ъ}инькій—*Андроново*; з^{ж}имóю—ib.; лáз^{ъ}им—1 л. мн ч.—*Праватарово;* хто ваз^{ъ}ьмé—3 л. ед ч.—ib.; стайт з^{ж}йлинéнька—ib.; Рáжаштвó з^{ъ}имóй бывáит—*Анисово*; из^{ж}ьвéс^{ш}тій нэ́т—ib.; хаз^{ъ}я́йна нэ́т—*Парахино*; з^{ж}ёрнушки; ве'ж^{з}дэ́—ib.; з^{ъ}имóй бывáит зáгинья (=зáговѣнье)—ib.; з^{ж}ялёнáва—ib. и *Фомино*; вяз^{ж}ём jiэ́ х пóля—*Залъсье* (=„веземъ ее въ поле“. *Залъсье* срв. *Зараменье* Вятск. и *Раменское* Моск. губ., *Рáменье*—близъ Тумы въ Касим. у. на р. Нармѣ); „хаз^{ъ}я́ян царá (вчера) кас^{ш}и́л“—*Астахово*; з^{ж}я́ть (зять)—*Парахино*; ф сырóй з^{ж}ямьлэ́—ib.; jéз^{ъ}ьдям—1 л. мн. ч.—*Алексѣево*; хто кóлька (=сколько) ваз^{ж}ьмэ́т—3 л ед ч.—*Волчково*; дʼьвэ́ (звѣ=двѣ)—*Андроново*, *Малахово*; jéж'ли и jéзьли—*Забѣлино* („jéзьли“ и въ Скопин. уѣздѣ я слышалъ). По ассимиляціи звука *з* со слѣдующимъ *ж* мы имѣемъ группу: *жж*: на вóж-жа (=на вóзъ-же)—*Праватарово*. Чистое *з* вм. *ж* (литературнаго, но не народнаго) мы имѣемъ въ словѣ: „желэ́зо“: „зилэ́зьныя тынья́“—пѣсня Таýсень—*Ветчаны*; на зялэ́знай дарóуи—*Горы*; „вядрó цйжалó зилэ́зна-та“—*Бычково*; на зилэ́знай дарóги—*Алексѣево* Съ такимъ же *среднимъ* звукомъ *з*^{ж} или *ж*^{з} звучитъ и слово „Ижевское“, названіе села въ Спасскомъ уѣздѣ, которое въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ выше названныхъ мѣстностяхъ,

слышано нами въ такомъ произношеніи: выз'ёскйм (почти = выз^{ть}ескъм)—въ Ижевскомъ—*Чарусъ* Касим. у. Съ другой стороны, при произношеніи: зилʲэ̄ныя—*Ветланы* (см выше) мы слышимъ и обратную замѣну—звука *з* звукомъ *ж* въ сочетаніи *зн*, вмѣсто котораго тогда получается сочетаніе *жн*. Правда, это сочетаніе слышали мы только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ оно составляетъ достояніе едвали не общеславянской еще эпохи, напр., въ словѣ: дра́жнють—3 л мн ч.—*Шостья* Касим. у. Больше такихъ примѣровъ не встрѣчалось

Переходимъ къ произношенію въ нашихъ говорахъ звуковой (орѳографической) группы *жд* (разнаго происхожденія: изъ основныхъ *zg* или *zd* или стрел жьд).—Эта группа въ нашихъ говорахъ звучитъ разнообразно: то какъ *жж*, то какъ *ж'ж'*, превращающіяся въ концѣ словъ въ глухія *ш* или *ш'*. Напр., „ана́ до́жжыл за́лил"!—*Катово* (Объ „ана́"—см. Синтаксисъ ниже); хо́лад да даж'ж'и́й—*Рогачево;* но: при̯у̯ва́лйк дражьдёц—*Шаранина*; (при̯у̯ва́лйк = приволокъ приго́ршня); в до́ш—нѣ́т!—*Акулово*; до́жжыцкйм памо́цыт—3 л. ед. ч.—ib; даж'ж'ёф мно̯у̯а—*Амляшово*; дажжа́ми—*Калудково*; дажжы́—*Норино;* дош, до́жжык—*Андроново*; особенно интересно произношеніе слова *ждать* съ его формами; мы, напр, слышимъ: „зна́та, ни ж'ж'я́ли"! (= ждали)—*Катово*; ни ж'ж'я́наји у̯о́сти—ib. (= не жданые); „мы жжа́ли, жжа́ли их к пако́су, аны́ ни пришли́"—*Снохино*; вот жжо́м—1 л. мн. ч. *Шаранина*; „я бы́ла ж'ж'яла́ тей, ра́дъвалась" (пѣсня)—*Аньево;* ты Пакро́у̯ жжы́ (= жди)—*Зубово;* „паји́-ка, ж'ж'ѣ мая́ тава́рка Зу́бъ̆ська" (= „поди-ка, ждетъ моя товарка Зубовская", т. е. изъ с. Зубова)—*Меркулово*; ня жжы́—пов. н—*Бычково;* „миня́ ж'ж'я́ли пăжджыда́ли" (sic!)—въ пѣснѣ—ib;—въ послѣднемъ словѣ я ясно могъ разобрать *три* звука;—жжо́т—3 л. ед ч—*Меркулово;* „ж'ж'яла́, дăжджыда́ла"—ib.; такой же звукъ *ждж* я слышалъ въ словѣ: ѣ́ждӂу—1 л. ед. ч.—*Андроново* (*Малахово*). Звуковая группа трифтонга *ждж* стоитъ въ этихъ говорахъ, быть можетъ, въ связи съ звукомъ $д^{ть}$ (ѣ), извѣстнымъ здѣсь-же, какъ увидимъ ниже: хо́д^{ть}им—1 л. мн. ч. (=ходимъ), ад^{ть}и́н, д^{ть}ит^{ш}я́ми (=дитя́ми, т. е. дѣтьми́)—*Андроново* См. въ отдѣлѣ зубныхъ звуковъ *д* и *т*.

Есть еще примѣры произношенія группы *жд*, какъ *жж* и ли *ж'ж'* (въ концѣ слова—*шш* или *ш*): у́ фто́рьник про́ изял до́шш—*Китово* Касим у., *Деревенское* Спас у; када́ лажжа́ (им. п. мн. ч.) бу́дуть—*Ерахтуръ*; до́ж'ж'ик—*Куземкино*; пасля́ дажжа́—*Шостья*; даж'ж'и́. даж'ж'ёй—*Лъсново*, *Ждановo*: ны́ни забы́ли дажжа́ (им. п мн. ч.)—*Ивановское*; си́льный до́шш—ib; срв. пра́јежжа́—*Киструсъ* Спас у. (дѣепричастіе наст вр.), *Ижевское* ibidem (См. Спнтаксисъ тоже); уяжжа́ют—3 л мн. ч.—*Ерахтуръ*; пріяж'ж'я́й—*Лъсново*, *Ждановo*; пріяж'ж'я́ли—*Данево*, *Китово*: три яжжа́лых (жеребца)—*Урядино*. *жж* изъ *жд*: „мы жжо́м (=ждёмъ) их с рабо́ти-ти“—*Ивановское*; срв. дро́ж'ж'и—дер. *Китово*. Но: жгём=жжём—*Шостья*. по аналогіи съ 1 л ед ч—*жгу́*.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ мы видимъ *ж* вмѣсто стрсл. и литературнаго русскаго *жд* изъ *дj* „эта как ражо́на, все здѣсь жывёть“!—*Ерахтуръ*; Надёжа (*е*, не *ё*)=Надежда (имя)—ibid. (Можетъ быть, это *е* указываетъ на бывшую мягкость звука *ж*? Трудно допустить, чтобы книжное „надёжда“. сохранивъ въ народномъ произношеніи свое *нерусское е*, утратило сочетаніе *жд* и передѣлало его на русское *ж*, согласное съ русской фонетикой, тѣмъ болѣе въ *собственномъ* имени, которое обыкновенно звучитъ у народа въ той формѣ, въ какой оно сообщено ему священникомъ. Срв. нарицательное *надёжа*) Далѣе: ражана́ въ Ива́нафскам—*Ивановское*; „пре́жэ на́ пец“—ib.; (*э*—открытое, *ж*—твердое въ словѣ „пре́жэ“).

Группа чьш въ нашихъ говорахъ звучитъ, какъ *ч'ч'*, *тч'* и *тш*: лу́тче' -*Ерахтуръ* (Срв. въ Лавр. лѣтописи подъ 1096 г.); „сётъки палу́тшы-ти“!—*Чарусъ*: лу́ч'ч'е'—*Нармушадь*

Переходимъ къ звуку щ. Эта звуковая группа въ нашихъ говорахъ звучитъ также разнообразно: то—*шш*—твердо, то—*шш*—полумягко, то—*шш*—мягко, то, наконецъ,—*шч*—мягко (или какъ *щ*): нѣ́т' ышша (=нѣтъ еще), шшу́ка ла́витца—*Киструсъ* Спас. у.; ямшы́к (=ямщикъ), шш'у́ки (полумягко тамъ, гдѣ *ш'*, т. е. *ш* со знакомъ мягкости, и послѣ него стоитъ *твердая* гласная), цаво́ разы́ш'ш'ыш—2 л. ед. ч.—*Ижевское*; ва́лышык (=ва́льщикъ, валя́льщикъ)—*г. Спасскъ*; ишшо́-д *Воскресенское*; ты́щю ; ублей́—*Нармушадь* Касим. у.; жэ́пышына, мушшы́на—*Ерахтуръ*; блаувэ́ш'ш'ынья. изво́шшыкъф—род. п. мн. ч., пушша́етца—3 л. ед. ч., „на пра-

да́жу ишшо́"?!. а́лушша́ють—3 л. мн. ч —ib ; уцы́лишша—*Борки;* прашша́йтя—ib . чушша́ють—3 л мн ч. —*Нармушадь;* „ни́шшыjи шумя́ть цэво́ й-та"'—*Нармушадь;* жэ́ньлыны—ib . све'шшэ́ньнику, кре'шшэ́нья—ib : де'ушы́к—*Ераптуръ* (срв ямшы́к—*Ижевское* Спас. у): а́бяшша́лся—ib ; пуща́ють—3 л мн ч.—*Шостья;* ишшо́. вы́шшыша́ли. с тара́ришша́ми. напро́ища (=попроще). шшу́ку. прашша́имся—1 л. мн. ч — прищашша́имся—1 л мн. ч, „мушши́наў (род. п мн ч) не' пушша́ють", мы 'шшо ма́лады. кладби́шша—*Шостья;* ка́ме'ньщикъ - *Чинуръ;* ф Се'ли́щи—*Селище*: ишшо́ - *Дмитріево;* Ia-щи́на—*Лощина;* не' щита́й—*Гусев Погостъ;* сьёмшыцы. а нща ма́льчик (нща́=еще. Срв *Шахматова.* Изслѣдованія .. Стр. 63 и 83 Здѣсь (63) указаны формы древнерусскія *еща* изъ Галиц. Ев. 1266—1301 г. и Лукина Ев 1409 г по „Очеркамъ" *Соболевскаго* (стр 24 и 141), слѣд., изъ памятниковъ галицко-волынскихъ. Однако эти формы, очевидно, были не только въ южныхъ русскихъ говорахъ [1]): *Даль* (О нарѣчіяхъ... LXV) указываетъ произношеніе *ищá* въ Тамбовской губерніи, мы слышимъ *ищя́*—въ Рязанской Касим у.—*Уланова Гора*). Далѣе: хрящёнья, щяпна́я пасу́да. ты́щю (=ты́сячу)—*Уланова Гора* (Уланова Гора—пригородное селеніе подъ г. Касимовымъ); хришшэ́нья. ни'ш'ш'о́, до́ш'ш'—*Дмитріево*; тава́рищи, ни'ш'ш'я́—*Бѣлъково* (=еще. См. выше); ни'ш'ш'я́, нща́, ишшо́—*Гусевской Погостъ; Бѣлъково*; нятащя́к—ib. *Бѣлъково*; „на гу́ш'ш'и: в де'ре́вьни у на́с гдѣ́ дро́ж'ж'и-ти"?—дер *Китово*; прашша́й (въ пѣснѣ)—ib.: „на свякры́, да му́ш: ишшо́ никаво́ нѣ́т"!—*Урядино*; „э́нтя́т' ышшо́ по́п-та виньца́л"—*Чаруса*; х каму́ прашша́тцы-ти?—ibid.; срв.: „ны́ни-ты нѣ́т' ышта"!: яшто́—*Ивановское;* шшэ́й нальют—*Ветчаны;* яшто́. „кяраваткa смя́шшана́" (Тамсень), шшэ́ц—род. п мн. ч —ibid.; в ро́шшу—*Борисково*; „уцы́лишша на *у*ара́х" (Горы́—деревня)—*Катово;* яшшо́, *у*ада́цку нѣ́т 'ышшя́—ib ; шшу́ки, яшто́, яшчё—*Рогачево;* „мужыки́ (мужья́) ни присла́ли ишто́ нам"—*Горы;* яшчо́—*Семегино*; *у*о́ду нѣ́т'ышта́—*Снохино;* х Пали́ш'-ш'и (=въ Поли́ци—село). тёшта—*Шаранина*; прашчя́йтя, про́з'виш'ш'я яму́—ib.; ш'ш'и́ дава́ли—*Горы*; дѣ́тишча, жаних

[1]) См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго р говора въ Каз губерніи». В. 1894. Стр. 22.

и ма́ть яшчо́—*Давыдово*; шчы́ вари́м, хляба́им—1 л. мн. ч —*Акулово* (въ слогахъ, изображаемыхъ на письмѣ такъ: *чы, чо, ча*... звукъ *ч* состоитъ изъ двухъ элементовъ *т* и *ш*, причемъ второй элементъ твердый (*ш*), а первый—еле слышный, кажется, полумягкій или мягкій); прицашша́ти, и свяшше́ньнику ф Цырькасо́ва, шчы́ вари́м—1 л. мн. ч —*Расторгуево;* халсто́йны-ти ре́жым мушчы́нам—ib.; а́ урябу́ш'ш'и (=такіе, что хоть загребай руками)—*Амляшово*; нѣ́т'шита—*Зубово;* ба́уатѣюшай (=богатѣющій, превосх. степень—богатѣйшій)—ib.; „а как тавáришчᵘя ни найду́“!—*Бычково*; ну, цаво́ ж је́й яшто́?—*Чуфилово*; анна́ (=одна́) свякро́j (свекровь) ташшы́т—ib.; я ни ш'ш'ита́л, нальо́т ш'ш'е́й—ib: пузи́шша бальша́я—*Меркулово*; я каро́у ни пушшу́—ib.; „яшто́ каку́ю ва́м“?—*Норино;* шшэ́й—ib.: яшто́—*Праватарово*; сто́ш'ш'им—1 л. мн ч. буд. вр , шчы́ вари́м, скарьбя́шшая—ib ; шшэ́й, яшшо́—*Анисово*; сташшы́м сало́му пацы́шшэ - *Парахино;* яшшо́—ib.; „распу́шшы́ная (коса́), ну, и пъвяз[ж]ли́“—ibid ; хлы́шчят—3 л. ед. ч. (=хлыщетъ—хлыстать), пахлы́шчю́от и паје́ду́от—3 л. мн ч —*Парахино*; шшэ́й—*Фомино*; прашша́юсь—1 л. ед. ч., прицашша́тца—неопр н.—*Парахино*; нѣстая́шчая—*Ахматово*; Ве́шшурскѣва прихо́ду (с. Ве́щуръ)—ib.; „прабо́йта мы вытъш'ш'ям“—1 л. мн. ч. (=вытащимъ)—*Алексѣево*; ш'ш'й—*Ужыщево*; (произн. Ужы́ш'ш'е́ва); „фпара́сь ишшо́ за́ца́ли жа́ть“—*Волчково*; шша́'ана́ дѣ́вушка (=еще она дѣвушка)—*Ламакино;* „мы-бы ти (=тебѣ) но́вӯ снярди́ли jишто́“ (поньку)—*Акулово* Китов. волости.

Группа чьт (*чт*): „У на́с Ту́ма ште́-ль“?!—*Рогачево*; а мы ще́?—*Катово;* ще́-жа? И пра́вда ще́!—*Снохино*; на ще́ мнѣ́ яво́?—*Шаранина*; на ще́ я́е́ у́орькяю!—*Шаранина*; ще́?—*Горы*; шчо́-ля!—*Давыдово*; за шчо́?—*Зубово*; шчо́-ба слы́шна бы́ла—*Бычково*; группа *сш* встрѣтилась мнѣ въ *особомъ* произношеніи только въ двухъ словахъ и мѣстахъ: „щиба́лися с путя́“ (=сшибались)—*Семеино* близъ *Тумы*; „ращи́п“ (=расшибъ)—въ пѣснѣ—*Меркулово*. тоже близь *Тумы* Срв въ говорѣ Казанской губерніи: „по́щиба́ли“, „рощи́п“, „щи́ть“ (=сшить)—с. *Сунгурово* Каз. у. и г. *Казань* [1]).

---

[1]) См. мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894 Стр. 22.

Глава VIII-ая.

Зубные согласные *д* и *т* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о *мягкихъ* звукахъ *д'* и *т'* вообще, какого бы происхожденія они ни были: произошли-ли они изъ сочетанія съ *j*, т. е. изъ смягченныхъ *дj*, *тj*, или изъ сочетаній *д* и *т* съ мягкими исконными гласными. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ приходится наблюдать одинаковые звуки, слышать ихъ одинаковое произношеніе, хотя эти звуки нерѣдко по своему происхожденію восходятъ къ совершенно разнымъ звукамъ и звуковымъ сочетаніямъ. Звуки ѕ ($д^ѕ$), *ц* ($т^ц$) въ русскихъ нарѣчіяхъ, если эти звуки соотвѣтствуютъ основнымъ *дj*, *тj*, а также—основнымъ *д'*, *т'*, обыкновенно принято было считать принадлежностью бѣлорусскаго нарѣчія и частью малорусскаго, къ которому пріурочивали также и третій *слитный* звукъ $д^ж$ (въ своей работѣ мы обозначаемъ его условно, какъ и выше, знакомъ ђ). Въ настоящее время, при изслѣдованіяхъ въ области отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и поднарѣчій, приходится нерѣдко измѣнять мнѣніе и насчетъ *этихъ слитныхъ* звуковъ, какъ и насчетъ многихъ другихъ. Открываются говоры въ области и сѣверно-великорусскаго поднарѣчія, и въ области южно-великорусскаго, въ которыхъ извѣстны эти слитные звуки, и эти говоры нельзя признавать ни потомками древнихъ бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. нельзя признавать ихъ говорами, образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время путемъ бѣлорусской колонизаціи, ни потомками древнихъ малорусскихъ говоровъ, т. е. образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время при посредствѣ малорусскихъ колонистовъ и передвиженій малорусскаго племени. Во 2-ой части своего труда, гдѣ мы постараемся показать и опредѣлить отношенія изслѣдуемыхъ нами нынѣ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи къ говорамъ древне-русскимъ и другимъ современнымъ русскимъ говорамъ, мы представимъ обозрѣніе и этихъ *слитныхъ* звуковъ ($д^ѕ$, $т^ц$, $д^ж$) въ различныхъ русскихъ говорахъ, а пока замѣтимъ только, что звуковой составъ нынѣшнихъ говоровъ Касимовскаго уѣзда долженъ, именно,

внести многія поправки въ наши научныя мнѣнія относительно исторіи русскихъ нарѣчій (великорусскаго и бѣлорусскаго): повидимому, является необходимымъ настаивать на существованіи нѣкогда особой эпохи въ жизни этихъ нарѣчій, эпохи общей ихъ жизни, эпохи великорусско-бѣлорусскаго единства или, какъ выразился А. А. Шахматовъ, эпохи „велико-бѣлорусской“. Теперь прямо перейдемъ къ обозрѣнію фактическаго матеріала въ области звуковъ *д'* и *т'* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда.

Нашимъ говорамъ извѣстны звуки: ѕ (*д*^{з}), ц (*т*^{с}) и ђ (*д*^{ж}) вмѣсто *д'* и *т'* литературнаго произношенія.

Вотъ примѣры звука д^{з} (ѕ): Рад^{з}и́мый (въ пѣснѣ)—впервые я услышалъ въ с. *Ерахтурѣ* Касим у.; д^{з}е́рьуе́нка (=„де́руанецъ“ на югѣ Ряз губ., конопля)—ib.; ад^{з}я́ла, д^{з}ялу́ў—род. п мн ч.—ib.; хо́д^{з}ить—3 л. ед. ч.—рад^{з}и́ма. зарад^{з}и́ла—ib; на д^{з}е́сить—*Шостья*; за́муш не^{1} вы́хад^{з}ила—*Ивановское*; ся́д^{з}им—1 л. мн. ч. буд вр.—ib; д^{з}ьвѣ́ дя́фцо́нки—*Борисково*; ста́ршая д^{з}ѣ́ука—*Катово*; в д^{з}е́нь вы́сахла—ib.; дзѣ́ки=дѣ́фьки—*Зубово* (Срв. ниже сказанное про мѣстоименія тейе́, сейе́ и слова: любо́й, любо́ди=любо́фь, любо́ви и проч.); ни хад^{з}и́ла. д^{з}и́вирь был—*Семеино*; сид^{з}ѣ́ла, ся́д^{з}ит—3 л. ед ч. буд. вр.—ib.; д^{з}е́ньуи-ты, нид^{з}ѣ́лю, сид^{з}ѣ́ть—ib.; *Катово* тоже; „дъвяд^{з}е́-ли, нѣт-ли уаспо́ть да каньцу́“ (=доведетъ-ли, нѣтъ-ли Господь до конца)—*Катово*: „да́вя я пълсапо́шки над^{з}ѣ́ла“—*Быково*; студзе́ну—в. п ед. ч. ж р.—*Шаранина*; ни хад^{з}и́тя—*Зубово*; д^{з}яре́вьня—ib.; д^{з}ѣ́уку—вин. п ед. ч.—*Горы*; вярсты́ д^{з}ьвѣ́—*Амляшово*; „на́м ца́стую пѣ^{сш}ьню иура́ть за д^{з}е́ньуи-ти“!—*Зубово*, „ани́ на́лятя́ (3 л мн. ч.) фѕ^{сш}я́ д^{з}ире́вьня“—ib.; „ма́ть-та жы́ва, хо́д^{з}я кали́—*Катово*; „дзѣ́ука. та́к ана́ и је́с^{сш}ь“!—*Быково*; „ад^{з}е́жа са ско́пкуй“ (=со складкой)—ib.; д^{з}ит^{с}е́—*Чуфилово*; „д'ыть он пъуляд^{з}ѣ́л“, „ты пъсабле́иш за д^{з}е́ньуи“—ib.; хад^{з}и́ла—*Логино*; д^{з}ире́вьня—*Меркулово*; ад^{з}е́шки нѣ́ту—ib.; нидзѣ́ (=нигдѣ)—*Быково*; д^{з}ьвѣ́—*Норино*; д^{з}ире́вьня—*Праватарово*; со́д^{з}им—1 л. мн. ч., хо́д^{з}я—3 л. ед. ч.—ib.; клад^{з}ѣ́м—1 л мн. ч, д^{з}ьвѣ́, д'уш бу́дзя—3 л. ед. ч.—,рѧзвид^{з}е́ш—2 л. ед. ч., д^{з}ире́м - 1 л мн. ч., „бре́д^{з}инь над^{з}ійе́ш“—2 л. ед. ч (=надѣваешь)—ib.; д^{з}ѣ́так убра́ть на́да. д'е́ньуи пълуца́ть—*Анисово*: ви́д^{з}ѣла, пѣ^{сш}ьни игра́ю̂от д^{з}ѣхькя (=дѣ́фьки)—*Парахино*; ад^{з}е́жай, вы́д^{з}им —

1 л. мн ч —ib ; дʼéнь—*Фомино*: вúдʼѣ́ла. , пýпку лáдʼят, паддзʼéвäцку“—ib.; дʼьвѣ́— *Астахово*: хóдʼям—1 л мн ч.—ib ; „дʼѣ́луйот сóлāт“ (=дѣлаютъ солодъ)—*Парахино*; зáмуш вúходʼúтсʼь—ib.; и мн. др

*Примѣры звука т*ᶜ (*ц*): пýстᶜили дᵉшóуку (=жел. дорогу)—*Ерахтуръ* (*впервые* я этотъ слитный звукъ услыхалъ *здѣсь*); сцéлють (=стéлютъ)—ib.; јéсць=есть, тᶜя́=тебя́, тᶜéмна, зäхатᶜѣ́л, äптᶜирáла—ib.: пастᶜéлим—1 л. мн. ч.—*Шостья*; сё па мáлäсци, сцéлим—1 л. мн ч , сеʼбѣ́ насúць, хатᶜѣ́лас—ib.; „тᶜя́глая пѣ́сʼня“ (=протяжная)—ib ; привыкáтʼь—неопр. н., јéсць, нéсць, тᶜéрйма—род. п ед. ч.,—тᶜирямý (въ)—ib и *Дмитріево*; сʼвѣ́тᶜит 3 л. ед ч.—*Дмитріево*; пътᶜеʼряéʼш—2 л. ед. ч —ib.; „хлѣ́беʼц мäлатᶜúть прíѣ́дут“—*Ивановское*; „пäтᶜирáеʼш свóй паклóн“ (пѣ́сня)—ib.; „тсéмну нóцыньку“, утсирáлись (=утирались), „сваé тсѣ́ла прäдалá“—ibidem. „Былá ня дúтяцка“ (пѣ́сня)—*Ветчаны* (Истомино). Почему здѣсь *ц* вмѣсто *твердаго т*? Можетъ быть, по вліянію *предшествующаго* мягкаго гласнаго? Плитсéнь (=коса)—ib ; „сʼвʼцёл мѣ́сиц“—ib.; тсéнит—3 л. ед. ч. (=тянетъ), тсягло́—ib.; куды́ јих тᶜянýть-та?—*Логино*; „Тсяре́шыцка друýой ýóт стáрäстай“—*Зубово*, „ýаспóть прóсьтᶜил“—(=простúлъ; избавилъ, разрѣшилъ отъ бремени)—*Семеино*; упышéнья мнѣ́ (=утѣшенье)—ib.; ýаспóтᶜь ницаó—ib.; „дóлх платᶜúть нѣ́т тя́жэ“!—ib ; „хýньтика три и цáним (=тянемъ) ýóдйка три“!—*Катово*; вы́дьтᶜя—2 л. мн. ч. пов н.,—ступáйтᶜя—*Зубово*; на пьтᶜялты́ннай—ib ; тᶜяплó—*Катово*; анá ни тᶜéня—3 л. ед. ч. (тянетъ)—*Бычково*; тáм нацúськäна (=натúскано)—*Чуфилово*; дʼитᶜé—ib. и *Бычково*; срв. *атьвялú*, „*тьвпьт* папóртил“—*Логино* (Срв. влад. *твпътъ*, *свпътъ*; курск. тверск. тул *твпътъ* и проч); сʼвѣ́чʼки затᶜéплим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; „карьмúлеʼц, пътᶜирьпú“!—*Меркулово*; (аттьвéл—ib ; =отцвѣлъ); Тацьяна, Кäтᶜярúна—*Праватарово*; малóтᶜим—1 л. мн. ч. наст. вр.—ib.; „я тᶜѣ́ ýäварúла“!—ib ; нацáць—неопр. н.—(=начать)—ib.; халстᶜúны—ib.; („тьвятáми тьвятé“ =цвѣтами цвѣтетъ;—ib.); тᶜялýшыцка—*Анисово*; нада зäплатᶜúтʼь—*Фомино* (Парахин. вол.); „цаó тудú клáсць-та“?—*Парахино*; тᶜюплинькяю (=тёпленькую)—ib. (смотри выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); Алдóтᶜья (=Авдотья—Овдотья—Евдокія), выхадʼúтᶜь—ib ; „вóçимь мíёр на тᶜятлó“—*Ахматово*.

Переходимъ къ звуку д' (d, *д'*) и *т'* (*т'*): нид'е́ля—*Андроново*; фсʷь спд'е́ли—ib; „пя́д'ьнѣй биз вѣ́тру“—(=погоднѣе безъ вѣтра, т. е поудобнѣе)—*Праватарово*; д'ьвѣ́—*Парахино*; адьд'е́льнай—*Фомино* (Парах. вол.); д'ялѝтца (=дѣлиться)—ib; ад'е́жа—ib.; падьд'е́хку—вин. п. ед. ч. (=поддѣвку)—ib; над'ʷе́нуот—3 л. мн. ч.—ib.; зя́вид'е́нныjи пѣ́сʷьни-ти“! (=заведенныя, обычныя)—ib; хо́д'ям—1 л. мн. ч. наст вр—ib; д'е́ля́ли—*Парахино*. на лъпад'я́х ката́ютцу (—тъ)—3 л. мн. ч.—ib; д'ирэ́вня—*Мягкова* (въ другой разъ такого *р* полумягкаго мнѣ слышать не удалось: можетъ быть, это обмолвка или ослышка съ моей стороны); мя́латʷи́ть—неопр. н, д'итʷя́ми—твор. п мн. ч. (=дѣтьми)—*Андроново* (Малахово). Здѣсь особенно хорошо, какъ и въ Парахинѣ и Фоминѣ, слышны шипящіе оттѣнки при *д* и *т*. Наш по́п Стʷяпа́н—*Праватарово*; мя́латʷи́ли—прош. вр. 3 л. мн ч—*Парахино*; одинъ разъ я слышалъ звукъ *т*ʷ въ *Шостьи*: шымири́тʷь—3 л. ед. ч (=сѣмери́тъ, „сѣмени́тъ ногами“. См мой трудъ: „Къ діалектологіи“....), да одинъ разъ въ с. *Ижевскомъ* Спас. у.: тʷя́ула́—род. п. ед. ч—но: тэ́ула—им. п мн. числа. Какъ видно читателю, внимательно слѣдившему за нашимъ трудомъ, эти звуки *д*ˢ, *т*ᶜ, *д*ʲ, *т*ʷ мы встрѣчали по преимуществу въ деревняхъ и селахъ Тумскаго края и въ Парахинской волости, слѣдовательно, на пространствѣ между рѣками *Гусемъ* и *Нармою*, близъ Владимирской губерніи. Въ этихъ же мѣстахъ находимъ мы и переходъ *мягкаго д въ j*, тоже явленіе извѣстное въ русскихъ говорахъ.

Переходъ мягкаго д въ j мы видимъ въ словахъ: „Ты, пайи́, ищё лу́ччи миня́ зна́яш“!—*Бычково* (пайи́=поди́); „пайи́ка, жже мая́ тава́рка Зу́ба́сʷька“!—*Меркулово* (жже=ждётъ. См. выше); склаjёш—2 л. ед. ч.—*Парахино* (=складёшь); „быва́ю̯от ту́т гле¹jáт“—(=бываетъ, что тутъ глядятъ)—*Парахино*; хаjи́ла (=ходила)—*Фомино*; „на Ма́льцаў хо́jэт“ (=на Мальцевъ заводъ *онъ* ходитъ)—*Фомино*; схаjила (=сходи́ла)—*Астахово*; хо́jам—1 л. мн. ч. (=ходимъ)—ib.; „хо́jат драва́ руби́ть“ (=онъ ходитъ)—*Парахино*; пajём спа̀вѣда́тца (=пойдёмъ исповѣдаваться)—ib.; „пайи́, та́м ф тѣм“?—*Алексѣево* (=поди́, тамъ въ томъ).

Переходя отъ *д* мягкаго къ *т* мягкому, мы видимъ его и въ чистомъ видѣ очень часто въ окончаніяхъ 3-хъ лицъ

глаголовъ—*ть*, но. какъ уже выяснилось изъ массы приведенныхъ примѣровъ. эти окончанія—*ть* встрѣчаются по преимуществу въ южныхъ частяхъ Касимовскаго уѣзда и въ Спасскомъ уѣздѣ, между тѣмъ какъ въ говорахъ со *среднимъ* звуками мы имѣемъ *по преимуществу* окончанія твердыя—*тъ* или формы вовсе *безъ окончаній* И на это мы обращаемъ *особенное* вниманіе, такъ какъ и въ этомъ отношеніи обнаруживается несостоятельность дѣленія русскихъ говоровъ на *акающіе* и *окающіе*: наши говоры *всѣ безъ исключенія нынѣ—акающіе* и принадлежатъ къ группѣ говоровъ *шепелеватыхъ*, которые въ древности имѣли глагольныя формы на—*тъ* или вовсе безъ окончаній, т. е. отличались отъ говоровъ, имѣвшихъ—*ть* при формахъ безъ окончаній. Формы-же глаголовъ безъ окончаній—*ть* или—*тъ* въ 3-хъ лицахъ наст. времени есть наслѣдіе отъ общеславянскаго языка и перешли *во всѣ діалекты* и прарусскаго языка.

Окончаніе—ть встрѣчается вообще довольно рѣдко, и это очень понятно: оно должно бы дать звуковую группу: *т*^{ш}*ъ* или—*т*^{ч}*ъ*. Это окончаніе—*ть* мы встрѣтили въ Касимовскомъ уѣздѣ только въ деревнѣ *Китовъ* и въ селѣ *Китовѣ*, въ *Чарусѣ*, въ *Ветчанахъ* (Истоминѣ), т. е. въ глубинѣ уѣзда: кромѣ того, на окрайнахъ частью въ *Катовѣ*, *Логинѣ*, *Рогачевѣ*, *Горахъ*, *Жалудковѣ*, *Аносовѣ* и *Оськинѣ* (къ границѣ Рязанскаго уѣзда), т. е. въ Тумскомъ краю. Но надо замѣтить, что даже *и въ этихъ мѣстахъ* мы слышимъ рядомъ съ—*ть* и даже чаще, чѣмъ—*ть*, окончаніе—*тъ*, въ особенности въ Тумскомъ краю. Очевидно, что здѣсь произошло смѣшеніе элементовъ: съ юга пришло *полное* аканье и—*ть*. Вотъ по нѣскольку примѣровъ изъ названныхъ мѣстностей: *папáнить* =попадéтъ вм. попаднетъ; наст. и буд. вр. по-падý, падý. Срв завя́нетъ вм. завяднетъ. Вѣроятно, и 1-ое лицо ед. ч. при 3-мъ *папáнетъ* будетъ **папáну*, какъ завáну. Еще: знáить, жывéть..., вóзють, прядýть, прéдéть—3 л. ед. ч., вязýть, плятýть... „Нáцавать кáк уш тáх-та ня пýстить“?—3 л. ед. ч., блины́ пякýть, виньцá вазьмýть...—*дер. Китово*; жнитвó патхóдить, Бох јіé знáить, сицáс падú дярýть; кадá бýдеть чᵘвéсь-та? как сúла вазьмéть, ниудáца бывáеть, другáя ни умéеть, муш дóлуа ни вúсылáеть, на веcь уóт дъстајéть хлéба-та; „тóли ани́ хóдють, толи нéтъ“.... *Чарусъ*; цáй

пьютъ—*Ветчаны* (Истомино); дастáтки ни хватáютъ—*Катово* Тум. край; Микóла зимнія у нас прáзнують, „цэлавѣк дéрьгаить рукáми“—ib; аммáнъваить—3 л. ед. ч.—*Логино*; сил ни хватáитъ—*Рогачево* (но: „йíхи бáбы спя́т тут“. Здѣсь *т* твердое, можетъ быть, оттого, что дальше слѣдуетъ слово „тутъ“ съ твердымъ *т*?); ня съйíсть нихтó—*Горы*; найдéть адна́ дарóуа—*Калудково*; „ани́ уьютъ (=вьютъ; в́=у́. См. ниже, въ отдѣлѣ губныхъ и задне-небныхъ звуковъ) пруты́“—*Аносово*; знáютъ—3 л. мн. ч.—*Оськино* (Кобылинск. прихода—Кобылинка)

Въ остальныхъ мѣстахъ по преимуществу я слышалъ въ этихъ формахъ глагола твердое *т—тъ*, но *формы безъ окончаній распространены вездѣ*, какъ мы видѣли выше. Примѣровъ на твердое—*тъ* я приводить не буду: они были видны при различныхъ случаяхъ выше и могутъ быть легко замѣчены читателемъ ниже въ образцахъ пѣсенъ, разговоровъ, разсказовъ (См. ниже, Приложеніе къ настоящему труду въ концѣ книги). Я приведу здѣсь только названія мѣстностей, гдѣ я слышалъ постоянно окончаніе—*тъ* при формахъ безъ окончаній 3-го лица Вотъ названія: Ерахтуръ, Шостья, *Лѣснóво*, *Ярыгино*, *Брѣево*, *Жданово*, *Дмитріево*, Гусевской Погостъ, г. Касимовъ, Уланова Гора, *Данево*, Забѣлино, Бѣлькóво, Урядино, Ивановское, частью *село* Китово, Ветчаны; затѣмъ опять: Борисково, Малахово; частью *Логино* (Тум. край), *Рогачево* (см.—*тъ*), *Горы*, *Бычково*, *Давыдово*, *Зубово*, *Семеино*, *Катово* (срв. выше—*тъ*), *Снохино*, Шаранина, Агѣево, Акулово, *Расторгуево*, Амляшово, *Чуфилово*, *Меркулово*, Норино, Андроново, *Праватарово*, *Анисово*, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Велькова, Алексѣево, Ужыщево, Волчково, Ламакино, Ахматово, Акулово Китов. волости. Подчеркнутыя названія (первыя *шесть* изъ подчеркнутыхъ) принадлежатъ частью къ мѣстностямъ, лежащимъ почти на границѣ съ Владимирской губерніей, частью (вторыя изъ подчеркнутыхъ—*тринадцать*) составляютъ собой такъ называемый „Тумскій край“, хотя и принадлежатъ *не всѣ* приходомъ въ Туму и *не всѣ* къ Тумской волости, но лежатъ по близости отъ громаднаго и торговаго села *Тумы*. Близко отъ границъ Владимирской и Тамбовской губерній лежатъ и мѣстности: *Алексѣево*, *Ламакино* (отъ Влад. губ.), *Уланова Гора* (отъ Тамбов. губ.).

Перехожу къ звуку *д твердому*, который въ сочетаніи съ слѣдующимъ звукомъ *н* ассимилируется послѣднему, переходя въ *н*. *Звукъ д передъ н* Если слѣдующій за *д* звукъ *н* мягкій, то и *д* дѣлается мягкимъ и всетаки переходитъ въ *н'*. Вотъ примѣры на оба случая: „П'аннаму́ пăрашку́“ (=по одному́), паслѣ́нній—*Логино*; анна́—*Рогачево*; с Питрава́ нни́—ib.; „нă сява́ннишній вицаро́к у вас бу́дит?, анно́й нильзя́—ibidem; „и цунно́ таперь пади́“—*Бычково*; „фсе анно́ д'анно́, вот и ули́сты“!—ib.; анно́ пальцо́ (=одно полѣнце)—*Семеигино*; пабиннѣ́й стали жыть, ăннаму́ патя́жэй (=потяжелѣ́й), „дѣ́душка ува́рйвал ма́тушки ро́ннай“, блѣ́нная, анна́кгжа (=однакоже)—ibidem; паслѣ́ннюю минýтăцку—*Катово*: сява́ннишнію но́цыньку—ib; из анно́й—*Снохино*; анно́—*Горы*; на сява́ннишній дянѣ́к—*Давыдово*; к Питраву́ нню́—*Расторгуево*; анна́ даро́га - *Жалудково*: „на лю́ди-ти вы́тти сăраха́н, а то сты́нна“!—*Бычково*; аннаво́ Васи́лья—ib.; ранно́й—ib; ранняя—*Чуфилово*; ни аннаво́ нѣ́ту—*Бычково*; паслѣ́нній—*Меркулово*; ни анно́й—ib.; уренник (=ура́дникъ), анны́х (=одни́хъ), анна́ на ста́ну́ стайт, да Хро́ла́ва нняя́, рассáнник (=разсадникъ)—*Праватарово*; хало́ннай—*Анисово*; анна́ каро́у́ка; „нидѣ́ли цѣ́риз дьвѣ́ гра́д был ннѣм“ (=днемъ)—*Велькова*. *Д* переходитъ въ *н* въ словѣ: „ка́жнăй“ повсемѣстно Припомнимъ форму изъ дер. *Китово*: папа́нить—3 л. ед. ч—вмѣсто *попа́днеть, гдѣ *д* по ассимиляціи съ *н* выпало. Я думаю, что, въ виду различныхъ показаній другихъ русскихъ говоровъ, форму „папа́нить“ (по смыслу=попадѣтъ) слѣдуетъ объяснять, какъ происшедшую *фонетическимъ* путемъ, о чемъ будетъ говориться подробнѣе во 2-ой части моего труда, а *не по аналогіи* съ такими образованіями, какъ: *встанетъ*, *дунетъ*, *сунетъ*, *дѣнетъ* и проч.

Выпаденіе звука т послѣ с мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ нашихъ говоровъ, какъ и вообще говоровъ великорусскихъ: дён *шэ́сь* хади́ла—*Выжлисъ* Спас. у.; Бо́жъску *мги́лась* з'дѣ́лай—ib.; *пăцыс'нѣ́й* (сравнит. ст.=почестнѣе)—*Нармушадь* Касим. у.; ў *по́снай* дéнь—*Ерахтуръ*; *ра́дăсь*, *жы́сь*, *бе́сцэ́сься* - ib.; *пре́сь* (=пря́сть)—*Шостья* (произн. *Шо́сья*); *стра́сь*—ib.; *сцыс'ли́вай*—ib.; *пря́сь*—неопр. н.—*Китово* и друг.

Наконецъ, изъ области зубныхъ звуковъ *д* и *т* упомянемъ также объ обыкновенномъ явленіи *ассимиляціи* звуковъ

въ первоначальной группѣ—*ьск*, — откуда. — *тьск*, — *цьк*— или:—*дск*. —*тск*,—*цк*.—Такъ. мы слышимъ прилагательное *Нѝрмушѝцкіи* съ твердымъ *ц* отъ имени *Нѝрмушѝдъ* (село Касим. уѣзда) потому, что въ формѣ прилагательнаго при произношеніи окончанія—*скай* вмѣсто—*скій* звукъ *с* отвердѣлъ, и предшествующій звукъ *д* (*т*) отвердѣлъ, конечно, тоже, а группа *дс* (*тс*) дала звукъ *ц*. Но такое произношеніе съ *твердымъ ц* не обязательно въ нашихъ говорахъ, какъ вообще не обязательна и всякая другая *твердая* согласная передъ старымъ суффиксомъ—*ьск*—въ нашихъ говорахъ; напротивъ, мы видѣли и выше много примѣровъ, и ниже будетъ объ этомъ особая рѣчь (см. ниже: о мягкихъ согласныхъ вообще), откуда будетъ видно, что въ нашихъ говорахъ *обыкновенно сохраняется слѣдъ* бывшаго суффикса—*ьск*— *въ мягкости предшествующаго этому суффиксу согласнаго.*

Глава IX-ая.

Губные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ губные звуки нашихъ говоровъ опять въ порядкѣ ихъ наибольшаго значенія для характеристики изслѣдуемыхъ нами говоровъ. Сперва мы будемъ говорить о звукѣ *в*, затѣмъ—о звукѣ *ф*, о звукѣ *б*, о звукѣ *п*, о звукѣ *м* и, наконецъ, вообще о смягченіи губныхъ.

Звукъ в въ нашихъ говорахъ представляетъ наибольшій интересъ: прежде всего онъ слышится, какъ *неслоговое ў* въ концѣ словъ, въ началѣ словъ, въ серединѣ и вмѣсто предлога *въ*; затѣмъ, этотъ же звукъ иногда переходитъ въ *л* въ серединѣ словъ, а потому звукъ *л* (конечно, твердый) встрѣчается въ немногихъ словахъ на концѣ въ видѣ *неслогового ў* Этотъ-же *твердый* звукъ *в* переходитъ въ нашихъ говорахъ въ звукъ *х* или *у* обыкновенно въ предлогѣ *въ* или въ окончаніи падежей при посредствѣ, конечно, глухого звука

ф, такъ какъ въ нашихъ говорахъ самъ звукъ *ф* переходитъ въ *х* и *хв*; что касается звука *в мягкаго*, то онъ въ серединѣ словъ передъ согласной или гласной и въ концѣ словъ переходитъ въ *неслоговое* *і* или *j*. (Срв. переходъ *твердаго в* при тѣхъ же условіяхъ въ *неслоговое ў* выше) Далѣе, звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ *м*, а звукъ *м*, наоборотъ, передъ *н* же переходитъ въ *в*; есть, наконецъ, отдѣльные случаи перехода звука *в* въ *б* и звука *р* въ *в* Кромѣ того, мы имѣемъ громадное количество случаевъ *отпаденія* и *приставки* звука *в*, *выпаденія* и *вставки* его. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ прежде всего звукъ *в*, а потомъ и другіе губные звуки, въ нашихъ говорахъ.

Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Каспировскаго уѣздовъ мы имѣемъ слѣдующіе факты:

Звукъ в=ў: унуўчькя ма́нинькя'я, сы́нина до́чь—*Киструсъ* Спас. у.; ис кло́чьяў, ис тря́пкаў—ib: у весь ў фто́рьник, ў по́не'дѣльник, удво́я—*д. Деревенское*; у заў.ля́цки жывёть, ана дѣ́ўка, у ламу́-ту?, жыўў—1 л. ед. ч. (=живу́)—*Ижевское* Спас. у. [1]); унуўки-ти?, Па́уарѣлышаў (фамилія: Погорѣлышевъ), но: „вда́рил ме'ня́“, ў Рязани. ў се'лѣ—*Ижевское*; ўся́ пура́, „ў ўарата́ ў яво́“ (=въ ворота́ въ его́), (срв. древнее: Ореотомей при Вонъчифорѣ Вонъдрониковъ и друг. ниже во 2-ой части); ў ўастя́х, ў ро́дѣ“, ў кало́шах, падде́ўка, ўлада́ла зямлёй—*Выжлисъ*; „и мой заўо́н и яўо́ заўо́н“, „напро́ти Ла́пькина“—д *Воскресенское* („напро́ти“ изъ *напро́тіў—напротивъ. Срв. ниже: дамо́, дало́ изъ дамо́ў, далоў, а эти изъ домовъ, доловъ); каняўку рубили, ў Спа́ская (=въ Спасскъ —городъ)—ib; ў кало́де'с зава́лилси, „Шаро́ў купи́л у Ликсѣя ло́шъть“—*Воскресенское* (Шаро́ў—фамилія: Шаро́въ) [2]); во́ўсе' никуды́ ни ўажа́—ib.; ана́ ўвали́лси ў я́му (лошадь), ў

[1]) Древнее новгородское «въ мосту плаучемъ»—АЮ № 81. 1544 г.—при «мостъ плавучей»—ibid. указываетъ на основное для велико-бѣлорусской эпохи произношеніе—плаўучій, какъ и наше: жыўў—1 л. ед. ч.—См. объ этомъ ниже, во 2-ой части этого труда

[2]) Примѣры, приведенные изъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, записаны отъ крестьянъ вышеозначенныхъ селъ и деревень въ с Ижевскомъ, въ камерѣ земскаго начальника во время допроса и разборки дѣлъ послѣднимъ.

де'ревьню продáл, у кузьницу ушли—1b, ў дéнь можна вы-ткáть—*Ерахтурь* Касим у, хóдють на работу ў Зуе'ва—1b, сóуестюся—1 л ед ч, де'шоука, ў лáвáцку паслáть, „хя-зя́уам мы1а па1ы", ў стáры *у*адá тáк нé бы́ла, ўсé на ўсé, *у*алоу—род п мн ч, залóука, свякрóў (=свекровь), цауó (цаó и цаво), у халстини-ти?, у каб? (кавó и каўо), ў цытыри цапкá ткать, „у асноўу (=въ основу) пушшáетца" у скóлька таé нужна. у Шостьи салáски дéлають, ўцарáсь, кузаў (=кузовъ), ў зе'млЬ, у кутцки (=въ кучьѣ) а Бох яó зна'ть (яó—яўó—яво), у *у*áраду (=въ городѣ), Пятрóў дéнь, а*у*урцыкаў, вилоцьау—род п мн ч,—ўсé, свáдьбаў пятнáтцать у день, з дéуками, ра*у*óў—род п мн ч, ушóл у бáню, цасá ў двá, умьс'ти жы́ли, жыу сéтъки он?—*Ерахтурь*, ўлéва дверь, ўстáл рана, цасóў ў сéмь, „пять сóт *дымóй* у нáс ф се'лé"—*Нарышкинъ* (срв въ лѣтописи Съдумавше поляне и вдаша оть *дыма* мечь—Лавр Лѣт Изд 1872 г Стр 16 Или по бѣлЬй вѣвериць отъ *дыма*—1b стр 18[1]), раéў (=роёвъ, род п мн ч отъ сущ „рой") сéмь за лѣта, ў у́лей-та? ў *у*ас'тях сé бывае'ть—*Нарышкинъ*, ў ледьники ляжáла, аўсы, ўремям (твор п ед ч =временемъ), и у чʺяю, с лу*у*óў ў кабáк ў пóли, ў дóми, ў амбáри, ў атхóжам (=въ отхожемъ мѣстѣ), сяк ў сваé мѣста, „здéлáлси ўóфси *дрéвнай*", ўхóжы были, „ў Растóји жылá ў прислу́*у*ах" (=въ Ростовѣ Срв выше любоји, крóји и проч косв. падежи отъ словъ любóвь, крóвь), „улятéли *далó*" (изъ *далóў*, наше литературное *долóй*, очевидно, образовалось изъ формы съ *мягкимъ в*, какъ показываютъ вышеприведенныя формы любój—любóји и проч Въ словѣ *долóй* ј изъ *мягкаго в*· *долóви—долóвъ—долóй* (долбj) Форма **долóвь* стала звучать въ нѣкоторыхъ говорахъ *долóв*—*долóй* Срв *долосъ* въ Жалованной Грамотѣ Подольскаго князя Александра Коріатовича Смотрицкому монастырю 1375 года: „а *долосъ* Смотричемъ"—*Срезневскій* Пам р. п и яз (Изв. АН X вып VI Стр 684) Форму *домовъ* мы находимъ въ Смол Грамотѣ 1230 г „понесеть его *домовъ*", 1b 602 Еще. „ѣхалъ я сирота *домовъ*"—АЮ № 30 1680 г Въ спискѣ Д

[1]) Это мѣсто изъ Лѣтописи можетъ быть понимаемо такъ, что лѣтописатель во время записи еще не различалъ и смѣшивалъ древлянъ и полянъ, вѣроятно, потому, что это были лишь разныя названія одного и того же племени—народа Къ этому мѣсту мы вернемся въ 3-й части

Смол Гр 1229 г читаемъ „изѣ емоу Роуспна пояти *домовь*“—Рус.-Лив Акты Приложеніе Стр 431 Въ Договорной Грамотѣ в к Дмитрія Ивановича съ Тверью 1368 г (списокъ съ Тверской Грамоты) читаемъ „А что еси приветъ Ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье *доловъ*“ — Собр Госуд Грам и Догов I № 28 Въ Договорной Грамотѣ кн Ольгерда и Кейстутія съ в ь Дмитріемъ Ивановичемъ 1371 г имѣемъ „и тыхъ ны сослати *до говь*“ — ib № 31 и друг Срв нынѣшнее *домо́ў* въ Витебск губ и уѣздѣ—*Шегинъ* Матеріалы II 235 *до го́ў*—Минск Слуцк (говоръ съ *дифтонгами*)—ib 236 *домо́ў*—Минск ib 238 285 287 и друг Срв нынѣшнія формы твор п ед ч именъ ж р въ различныхъ мѣр говорахъ. ми́лоў, водо́ў жѣнкоў, доброў, гороў и друг —*Соболевскій* Жив Стар 1892 г IV 22 47 49 53 55 56 60 Срв его же Лекціи[2] Стр 90. Я думаю, что формы *домой*, *долой* могли образоваться и не по образцу малорусскихъ формъ твор падежа, а *фонетически* выше показаннымъ способомъ изъ древнихъ *домови*, *до гови* Въ пользу моего объясненія говоритъ, во-первыхъ, самая форма *домови* употребляемая въ значеніи направленія на вопросъ „куда“ въ Лавр спискѣ Повѣсти врем лѣтъ—читаемъ наневи же идущю *домови* л 119 столб 1 и 2 Срв въ Новг Лѣтописи по Синод сп —*домовь*—л 111, а, во вторыхъ, и самое *значеніе* этихъ словъ въ древнемъ и современномъ русскомъ языкѣ, хотя слово *доловь* въ др р языкѣ мѣстами можетъ быть понято и въ смыслѣ *abl loci* „а доловъ Смотричемъ“—выше) Продолжаемъ перечисленіе примѣровъ изъ нашихъ говоровъ на ўсей но́цы ɣуляють, Яɣо́раў (фамилія), ў Бо́рки, сро́дьникаў—род п мн ч ўсѣ ўмѣс'ти, ў ɣо́т, ў це́рькви, „и та́к *дамо́* привязу́ть“ (*дамо́* вм и изъ **дамо́ў*—*домовъ*, которое, въ свою очередь, изъ *домовь*—*домови*—дат п ед ч), срв выше *дало́*, дѣўак—род п мн ч, ўсю́ но́цу (вин п ед. ч. Здѣсь именит п —„ноца“, а не „ноц“, хотя и это послѣднее извѣстно), на Пятро́ў де́нь, Дɣхаў де́нь, ў Ера́хтури, о́ўцы-ти асо́бьи—с. *Нармушадь* Касим у (Эти формы *дало́*, *дамо́*—обѣ слышаны въ с *Нармушади*) у на́с каро́ў се[2]во́ дьвѣ—*Ерахтуръ*, ў сяло́, ў рѣчʰки-ти, ў Пе́рья (село) адда на́, блино́ў, ў салда́ты, ў по́снай день, ў даму́, ў прислугах жыва́ла (г, а не ɣ), ўтаро́й ра́с, ў афто́рьник, дѣуку, ўзя́ть,

рӑзуаўо́р, у пасте́лю. ў три́ часа́. ў пе́рьвай ча́с, ў мяршы́х ляжы́ть (пѣсня), ў уалава́х стая́ть. ў науа́х, си́тцэўу—вин п. ед. ч ж. р. (=си́тцеву), казло́ўы (=козло́вы),—въ пѣснѣ: т. е., „козловы сапожки“, ў старину́—*Шостья*; ў сӑрӑхана́х, пя́ть ху́нтаў, ў саду́-ту. ў видрѣ́, ў вадѣ́, жыўу́ю—вин. п. ед. ч. ж. р —*Куземкино*; уадо́ў, ў Шо́с'ти, пасьля́ Хро́лаўа л'ня́—*Шостья*; наўо́й, ў Яра́хтур ӑддае́ш, ў бе́рьди, па́смаў (=па́смовъ, па́смъ)—род. п. мн. ч., ў пецку, ро́ўнинька, ўуоржы́ (=во ржы́, изъ уво ржы́, ув оржы́ - ўуоржы́)—*Шостья* (скорѣе было слышно *о* послѣ *у*. чѣмъ *а*); ў пру́т (=въ прудъ), зауе́ш—2 л. ед. ч.=зовёшь, ў пясо́к, ў снѣх, дро́ў кастёр, като́ўница, ни ўа што́ ни нӑряжа́ютца, ў зага́льник (=въ загадникъ, т. е. „въ гадальную книгу“), пра жы́нихо́ў, ў не́би (=въ не́бѣ), за мужье́ў, ў рабо́тьнйках, ў сте́пь, ў Тъкаре́ви (=въ Токарѣвѣ—селѣ), жы́ў (=живъ), ӑряхо́ў (=орѣховъ—род. п. мн. ч), ў цужы́ люди, ўстряца́й, ў цэ́рькву, ў субо́ту да ў скре'се́нья, ў абуо́н (=въ обгонъ), ў Саро́ў хади́ли (=въ Саровскую пустынь), мушшы́наў (=мужчинъ—род. п мн. ч.), ў Ижэ"фская ўо́зють, ў Шо́с'ть'и, ў пе'цѣ́, ўма́жуть—3 л. мн. ч., ў глаза́х, за́ўтрик, ў хрясцы́ (=въ крестцы́), дяўцо́нки, ў гро́п, во́усе'—*Чинуръ*; „лён плахо́й во́усе', хо́ть не' се́й: не' ради́тцы“—*Китово*; Пакро́ў де́нь, „у ка́о је́с'ть *нао́с, о́зим*“ (=у кого есть навозъ, возимъ; *в*=*ў* почти не слышно было въ этомъ примѣрѣ), да ў на́шӑм се'лѣ́, „ў пе́цки се'ря́т по́ла, а лѣ́тӑм ў хлѣ'вѣ́ на дварѣ́“—*с Китово*; па́смацка(ф) ў три́, ў цатыря; была́ ў дѣ́фках, хади́ли ў лѣс; „мно́уа на́шых ў падва́лах рабо́тут“, два́тцать пе́ть уадо́ў бу́де'ть, „мая́ ло́шать *в* атца́“ (=моя лошадь у отца. Это очень рѣдкій примѣръ. но произнесено было *явственно*)—*Чарусъ*; Ива́н Макси́маў, ў де'ре́вьнѣ (*ѣ*—открытое), Матвѣ́й Се'ме́наў—*Ветчаны* (*Истомино*); гадо́ў де́сить, нӑпяку́т блино́ў, ис с"шѣ́мяцкаў, карто́ўки пятсы́пяш—2 л. ед. ч., у мя́ карбо́ўацки нѣ́т, „у нас място́ў-ти таки́х нѣ́т'ти грыбо́вах“—*Борисково*; грыбо́ў-ти нѣ́ту—*Малахово*; ста́ршая д'ѣ́ўка—*Катово* Тум. край; ис Като́ўа (=изъ Като́ва), изӑ фсяўо́: из мацэ́ньца, дра́тўу (=дратву), вярёўки; двух дяржа́ў—род. п. мн. ч. (=„двухъ державъ“, т. е двухъ владѣльцевъ—село, двухъ приходовъ—деревня, какъ, именно, въ этомъ случаѣ: дер. Катово раздѣлена между двумя приходами), шэсь дваро́ў, ўся́ ўлица—*Катово*; низдаро́ў, на прати́ўку—*Логино*; да за́ўтря-

та? биз ачкóў-та ня мóжу: ачкú надію—1 л ед. ч.—*Рогачево*; да Кéльцаў, „у*ɣ*аўóру ня знáя“—3 л ед. ч.—ib; праɣóў—род. п. мн. ч.—*Зубово*: дéўка, он у нáс ў Зўбáви, хáш на Пакрóў—ib.; лóўка!—*Давыдово*; ɣалóў—род п. мн. ч.—*Семегино*; карóўа jесь—*Бычково*; страхóўку дáли—*Логино*; „из устóў бóльна ɣряхóў та мнóɣа“—ib.: Пётр Пáўлаў—*Чуфилово*: пăрашкóў-та?—*Семегино*; лóўасть вазьмé—3 л. ед. ч.—*Горы* (=лóвкость возьмéтъ); ни лáскаўая—им. п. ед. ч ж. р.—*Катово*; „пей на здарóўя“! вядрó ўхóдя—3 л ед. ч.—ib.; ў васкрисшéныя виньцáли, ɣадóў трúтцать. мéньшэ бы́ла дварóў-ти, с аўцы́ сымáитца и придéгцы (=съ овцы снимается и прядётся)—*Катово*; тады́ уш на наўóй (=навóй). ў девéтьню (=въ девя́тью, въ 9 нитокъ). карóўка-та, праўнýка (=прáвнукъ—муж. р.)—*Катово*; прáўу!—*Бычково*: нăрыўáла, анá сразу ўладáла (=владéла). ня лóўка—*Снохино*; даўнó—*Кабаново*; *Ирăўɣатарăўа* (у книжныхъ людей я потомъ уже узналъ настоящее названіе этой деревни, въ Волостномъ Правленіи въ Тумѣ; деревня называется: Праватáрово. Послѣ перваго неслогового *ў* слышалось какое-то *ɣ* въ родѣ придыханія, такъ что я долженъ былъ сначала нѣсколько разъ услышать это названіе у бабъ, а затѣмъ уже рѣшился фонетически транскрибировать), дурáўɣа—*Праватарово* (въ этомъ словѣ „дурáва“ (ягода) тоже слышится здѣсь не то „дурáўа“, не то „дурáўɣа“, такъ что звукъ *ўɣ* какъ-бы произносится вмѣстѣ); низдарóўая—*Шаранина*; „толи дўóя, толи трóя дитéй-ти“, „ўядрó“ (=вядрó, но это не=ўjадрó и не=ўадрó, а какъ-бы: ў'адрó, т е. *ў мягкое*), „я хóжу па нúм па стънаўúм-ти“?! (=по становúмъ-то?), Любóўя (=имя Любовь), „я жыдóў-та вúдьла фсéких“, Апраси́нья Шыбянькóўа (имя и фамилія), Хролаў день, кушынóў—род. п. мн. ч, станóўим—1 л. мн. ч. (=станóвимъ)—ib.; дзéўку—*Горы*; на ɣалóўку, лóўка—*Ангево*; с луɣóў—*Акулово*; пéть залóўак—*Расторгуево*; ɣадóў асьмáтцать—ib.; „дварóў пятнáтцать нашы вúсшéлки-ти“—*Амляшово*; никакúх бródаў нéт—*Жалудково* (=бródовъ—род. п. мн. ч); свярцкóў ɣаняли ѣзьдили—ib; шóзь брáтаў—*Зубово*; ты Пакрóў жжы́ (=жди)—ib; па кăраɣóду рублéўку—ib.; патóм ў пéцку сóдют—*Катово*; „скóлька карóў, ай ты ня знáиш маúх старикóў?“—*Бычково*; „па я́ўъды, па дураўу: такáя цóрная“—ib.; буду *пóўнить* (изъ „пóвнить“, которое здѣсь *очень* распространено вмѣсто „пóмнить“. См. ниже: *в*—

м), и я вы́скйцу ў ако́шка—*Чуфилово*; ў Успе́нья расцо́т, *у* ла́ўку (=въ лавку. См. ниже: *в*—*у*, *г*); да Хили́паўки—*Расторгуево*; дѣ́уку вазьму́—*Быково*; три це́гьвирти аўса́ увязла́—ib.; „я х по́ли была́ ўа льну́“ (=во льну, уво льну), за хў́ост йадымай—ib.; в Быцко́ўа привяли́. „*у*ли́сты ряу́т“—ib. (=ревў́тъ, вм. реўу́т. См примѣръ: названіе одного изъ московскихъ колоколовъ въ XVI—XVII вѣкахъ—*реутъ*—въ выше названной статьѣ *Соболевскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 23. Здѣсь же: Реутово, Реуты, Реутовъ—собственныя названія); дяўцо́нка была́—*Меркулово*; я каро́ў твайх ни пушшу́, до́ц ў Давы́дъва аддана́, дъ́ўкам дадў́т—ib; ў лу*у*а́, „не́ жыу, ни здаро́ў“! марко́ўник. ягурьцо́ў—*Андроново*; ў Кўршы—ib.; тра́ўка—*Симоново*; снапо́ў—ib.: ф сто́х (=въ стогъ) де́вить авйнаў—*Праватарово*; ў́ора́х са́бире́м (=ворохъ), рубле́ўку, не́ту у на́с ка́напле́ў, *у*ало́ўак ско́лька? по́ўним—1 л. мн. ч. (=по́мнимъ. См. выше)—ib; драўца́ (=дрова́)—*Праватарово*; каро́ўку падо́ить (sic!)—*Анисово*; „на́да нас дурако́ў уцы́ть“, о́ўцы, дире́ўня тут!—*Малышкино*; ў харо́мы, ф кузаўя́х—*Парахино*; раўно́, наўе́рьшняк—ib. (=наве́ршникъ; верхняя одежда); ня по́ўню (=не по́мню. См выше)—*Фомино*; про́ти часо́ўни—ib. (=противъ часовни); ни ўяля́т пла́кать-та—ib. (См. мое замѣчаніе выше, при словѣ: *ўядро*—дер. Шаранина); саўо́к мукй,—ib.; „*у* Вязо́ўку (*у*=въ. См. ниже) ушо́л“—*Астахово*; бъ́ўала=бывало—*Парахино*; Ве́лькйўа (деревня *Велькова*), дваро́ў, дяўцо́нки, грыбо́ў-та нѣ́т—*Ахматово*; „зна́ють на́с рйско́льникаў“, „йпярьси́наў приняла́ да лимо́наў“—*Осыкино*, *Кобылинка*.

Въ этихъ примѣрахъ мы видѣли, что *в*=*ў* и передъ твердымъ согласнымъ или гласнымъ, и передъ мягкимъ, и въ концѣ слова, и въ началѣ слова, и въ серединѣ; кромѣ того, мы слышимъ *ў* и тогда, когда оно соотвѣтствуетъ звуку *ф* другихъ говоровъ, напр., въ словахъ: о́ўцы=овцы (о́фцы), аўса́=овса (офса́), драўца́=дровца́ (дрофца́), им. пад. мн. ч. уменьшительное вмѣсто *дровй*. Это звуковое явленіе, какъ мы видѣли на примѣрахъ, распространено по всему Касимовскому уѣзду и по за-Окской части Спасскаго уѣзда. Вотъ въ этомъ фактѣ мы имѣемъ новое доказательство того, что наши „касимовцы“ (называю такъ *условно* жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ я собиралъ матеріалы) не есть переселенцы изъ *разныхъ* мѣстностей. Если мы примемъ во вниманіе еще другія діалек-

тическія черты ихъ, т. е сплошное цоканье или чеканье, дзёканье, джёканье, средніе свистяще-шипящіе звуки и проч., то мы даже при желаніи не найдемъ такихъ мѣстностей, изъ которыхъ наши „касимовцы“ могли вынести свои звуковыя особенности, такъ какъ ни въ одномъ говорѣ мы не находимъ *всѣхъ этихъ фонетическихъ чертъ вмѣстѣ*; если же настаивать на поздней колонизаціи Касимовскаго края и на позднѣйшемъ образованіи современнаго намъ „Касимовскаго“ говора, то придется искать колонистовъ этого края чуть-ли не *по всей Россіи*, да и то мы не найдемъ того мѣста, откуда бы могли принести „касимовцы“ средніе свистяще-шипящіе звуки; одно изъ главныхъ обстоятельствъ, говорящихъ противъ такого предположенія о заселеніи Касимовскаго края выходцами изъ разныхъ мѣстъ, заключается *въ однообразіи* всѣхъ изслѣдуемыхъ нами говоровъ: еслибы заселеніе было изъ разнообразныхъ мѣстностей, то мы видѣли бы *смѣсь* говоровъ, какъ въ Нижегородской губерніи: мы встрѣтили бы *оканье*; кромѣ того, природа Касимовскаго края дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь, среди лѣсовъ и болотъ, могли долѣе задерживаться древніе поселенцы, часть которыхъ давно разбрелась по разнымъ мѣстамъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе лишь мѣстами въ географическихъ названіяхъ мѣстностей поселенія ихъ и въ типичныхъ особенностяхъ своего говора, особенностяхъ, которыя даютъ нѣкоторое право лингвисту усматривать въ нихъ ближайшее родство съ нашими говорами Касимовскаго края и, такимъ образомъ, помогаютъ напасть на слѣдъ какъ-будто исчезнувшаго безслѣдно когда-то сильнаго и многочисленнаго, но дикаго народа (Припомнимъ звукъ *о* склонный къ *а* въ нынѣшнемъ вятскомъ говорѣ, необыкновенную *мягкость* при *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, мѣну *с* и *ш*, форму *ля́хче*, *нн* вм. *дн*, *дифтонги*, совершенно касимовское употребленіе *члена* и проч., о чемъ—ниже, и мы увидимъ что этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы усмотрѣть между этими двумя говорами *особую* близость: одни *дифтонги* и *долгота* про *цоканьѣ* и *чёканьѣ* и при *среднихъ* звукахъ уже говорятъ объ этой близости или о тождествѣ въ былое время)

Переходимъ къ другимъ явленіямъ въ области звука *в* нашихъ говоровъ.

Переходъ звука в въ л. Твердый звукъ *в* между гласной и согласной переходитъ иногда въ твердый звукъ *л*. Такъ, мы слышимъ: Алдо́тья вмѣсто Авдо́тья—*Катово* Тумской вол., *Бычково*—ib; Алдо́тья—*Парахино, Ивановское* Ветчан. вол.; Илдаки́маф=Евдокимовъ, Алдаки́м=Евдокимъ—*Дубровка* Гибличкаго прихода. Срв. переходъ звука *в* въ *л* въ словѣ ăслăбади́тя—? л. мн. ч. пов. н.—*Чуфилово* Тум. вол. Въ послѣднемъ словѣ мы имѣемъ едвали не общеславянскій звукъ *л*; по крайней мѣрѣ, южно-славянскіе языки и русскій—всѣ знаютъ въ этомъ словѣ *л*, и это указываетъ, кажется, на діалектическое явленіе общеславянской эпохи: быть можетъ, въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ съ русскимъ, было извѣстно слово *sloboda*. Великорусскіе говоры вообще представляютъ рѣдкіе примѣры перехода *л* въ *в* или въ *ў* (неслоговое), но имъ хорошо извѣстенъ переходъ звука *в* въ *л*, какъ мы видѣли выше и увидимъ во 2-ой части нашего труда, гдѣ будетъ представленъ обзоръ фонетическихъ явленій другихъ русскихъ говоровъ, находящихся въ ближайшей связи съ говорами Касимовскими по звуковымъ особенностямъ; поэтому тѣ *немногіе* случаи, которые я встрѣтилъ въ изслѣдуемыхъ нынѣ говорахъ, случаи перехода звука *л* (конечнаго) въ *ў* (неслоговое), именно, въ двухъ мѣстахъ Спасскаго уѣзда, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ привычному чередованію *в* и *л* въ такихъ словахъ, какъ: *Алдо́тья*. но, такъ какъ *обыкновенно* въ нашихъ говорахъ мы слышимъ *ў* вмѣсто *в*, то и тамъ, гдѣ *в=л*, получилось *ў* вмѣсто *л*: фе́ршаў (=фе́ршалъ, фельдшеръ), хади́ў (=ходи́лъ)—*Кистручъ* Спас у. Вѣроятно, фе́ршаў изъ фе́ршал черезъ фе́ршав, какъ жы́ў изъ жы́в (см. выше), вслѣдствіе даннаго въ языкѣ чередованія *л* и *в* (Алдо́тья). Вотъ еще примѣръ: „он насе́яў мо́й заго́н“—*Выжлисъ* Спас. у. Другихъ примѣровъ я нигдѣ не слыхалъ. Подобно нашимъ говорамъ мы имѣемъ въ *Воронежскомъ* Нижнедѣвицк. произношеніе *Алдо́ха* (*Даль*. О нарѣчіяхъ... LXV), но наши говоры, не смотря на многія точки соприкосновенія съ говорами другихъ мѣстностей (по преимуществу—бѣлорусскихъ), напр., съ говорами Черниговской губерніи (см 2-ю часть, ниже), въ этомъ, именно, отношеніи рѣзко расходятся съ ними: въ послѣднихъ мы имѣемъ, какъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ, звуки *в* и *ў* вмѣсто литературнаго русскаго *л*:

жовтъ, повнъ, давъ .. (*Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. I. 20), тогда какъ въ нашихъ говорахъ мы не видимъ звука *в* (*ў*) вмѣсто *л*: въ нихъ есть только звукъ *ў* вмѣсто *в* (и нѣсколько примѣровъ звука *л* вм. *в*—выше), и въ этомъ я вижу *признакъ древности* нашихъ говоровъ, какъ это будетъ ясно изъ обозрѣнія во 2-ой части этого труда. Между прочимъ поэтому-же нельзя думать о томъ, что наши говоры образовались изъ бѣлорусскихъ путемъ какой-либо колонизаціи съ запада или изъ малорусскихъ—путемъ колонизаціи съ юга.

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука *в*.

Переходъ звука в въ γ и звука ф (*но только изъ в*) *въ х* [1]). Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда эти переходы очень извѣстны и распространены Переходъ звука *в* въ *γ* имѣетъ громадное значеніе, какъ увидимъ во 2 ой части нашего труда, въ области общей исторіи звуковъ русскаго языка. Формулировать точно это фонетическое явленіе въ нашихъ говорахъ нужно такимъ образомъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основной звукъ *в* (или неслоговое *ў*) можетъ переходить въ нашихъ говорахъ въ неслоговое *ў* (или оставаться неслоговымъ же *ў*), онъ можетъ переходить и въ звонкій фрикативный задне-небный звукъ *γ*. Отсюда слѣдуетъ, что звукъ *γ* нашихъ говоровъ является въ чередованіи со звукомъ *ў*, т. е является вмѣсто *ў* (*в*) твердаго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выше мы видѣли на примѣрахъ *ў=в*. Этотъ звукъ *γ передъ согласными глухими* переходитъ въ соотвѣтствующій глухой-же звукъ *х*, который въ такихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ глухому звуку *ф* другихъ говоровъ, звуку *ф*, получившемуся по ассимиляціи или въ концѣ слова при паузѣ изъ звука *в*. Слѣдовательно, звуки *γ*, *х* вмѣсто *в*, *ф* мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ словъ передъ гласнымъ или согласнымъ. Однако надо замѣтить, что этотъ звукъ *γ* (*х*) вовсе не обязателенъ въ нашихъ говорахъ *въ каждомъ* случаѣ: мы видимъ рядомъ съ этимъ звукомъ *γ* (*х*) и звукъ *ў* (*в*) и *ф*. Вотъ данныя изъ нашихъ говоровъ: *γ* Масквѣ ана́ жыёт-та—*Катово* Тум. вол; а у

---

[1]) О переходѣ звука *ф не изъ в* въ звукъ *х* и наоборотъ мы будемъ говорить *особо* ниже

на́с сѣ́ ɣдво́я ɣлу́бя бу́дит, фсѣ́ ɣмѣ́сти жывѣ́м—1 л мн. ч.—*Рогачево*—ib.; ɣ мисаѣ̀т прасва́тăл—*Горы*—ib.; ɣ ба́ни сиди́т—*Зубово* ib.; ɣ Масквѣ́—*Расторгуево* ib.; у ни́х дѣ́ўка-жа ўцы́тца ɣ Варо́ньжы—*Зубово*; ади́н х по́ли ня во́ин—*Семеино* ib.: х Ту́ми до́хтур (=въ Ту́мѣ)—ib.; ну, бат. ăтнясй х ку́хню—ib; пашо́л ɣ рабо́ту и по́мя́р—ib.; ɣ мисаѣ̀т скăрани́ли—*Горы*; х цэ́рькăфь внясу́т, х цэ́рькви-ти во́пют—*Катово*; ɣ бало́та! (въ смыслѣ: „къ черту“! Это былъ отвѣтъ на вопросъ: „куда же онъ деньги дѣлъ“?)—ib.; ɣ бало́ти—ib.; ɣ де́нь пе́ть аршы́н вы́ткиш—2 л. ед. ч ib.; ɣ вицару́-та лу́цци (=лучше)—*Бычково*, ib; ушли́ ɣ Масквў—*Снохино*, ib.; ɣ Масквѣ́—*Кабаново*, ib.; ɣ бальни́цы—предл. над. ед. ч.—*Шаранина*; ɣ во́ду *в* ло́жыцку 15 ка́пяф—ib.; „то́ли в дья́кăнах был, а ни х папа́х“!—ib; х Пали́ш'ш'и уѣ́хăл (=въ Поли́щи—деревня)—ib.; х пяцах, х пяцэ́-та (предл. п. ед. ч.), када́ х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч., ɣ вадѣ́ па́рю—ib; ɣвицару́ ле¹тѣ́ла сама́—*Горы*; ɣмѣ́с'ти—ib.; в је¹равоя х по́ля кладу́т—*Агъево*; ни пакиньтя миня́ х цужы́х людя́х—*Давыдово;* в ра́зныjи х ка́тки (ка́дки) кладе́м—1 л. мн. ч.—*Акулово*; ɣ ма́сла пало́жым—1 л. мн. ч.—*Расторгуево*; (ɣ) ɣро́п пало́жаш—2 л ед. ч.—ib.: х по́ли—ib.; ɣ Ба́рьçнйви, х Цы́рькасо́ви (=въ Ба́рсневѣ, въ Черкасо́вѣ), х Ту́ми, ɣ де́нь вы́тку—1 л ед. ч—ib.; мы х Ту́му но́сим буравы́, ɣдо́ль, ɣбаку́ (=вдоль, вбоку́) *Амляшово*, *Аносово*; ряка́ х пра́вѣ¹—*Жалудково*; с Быцко́ва вы ɣбо́к, х Ту́мьçким лясу́—ib; „ɣ бăɣацэ́ям на́шым х крыльцо́ ступа́йтя“!—*Зубово* (=къ богатѣямъ нашимъ: въ этомъ селѣ живетъ одна богатая мѣщанка, къ которой насъ и направляли бабы, чтобы тамъ отдохнуть и закусить намъ); вон ɣвярху́—ib.; мы фсѣ́ х по́ньках хо́д³им (=въ понёвахъ)—ib.; ка́к э́та у тя́ х Каси́мъви?—*Бычково*; х по́ли рабо́тая—3 л. ед. ч.—*Чуфилово*; ɣ Масквў, ɣ ла́ўку (=въ ла́вку)—ib.; а я ɣдава́я, „анна́ ɣ Мама́с³ьви, дру ɣа́я х то́м, ɣ Рама́нъви“ (=одна въ Мамасевѣ, другая въ томъ... въ Романовѣ, т. е. дочери выданы въ эти села)—*Чуфилово*; и́х уш ɣане́ли к нацáльнику, ɣ управле́ньи-ти—ib.; хпе¹ре́т (=впередъ)—ib.; х пала́х зе́мли-ти маjи́, я х Каси́мъви сро́ду ни была́—*Логино*; х са́мую Тро́йцу, была́ (х) Хатько́ви (=Хотьковъ монастырь), сама́-та х ша́пьки, мы ɣ люцко́й (=въ людской) нăцава́ли—ib.; ф цаво́ нибу́ть ɣвядёш!—2 л. ед. ч. (=введёшь)—*Бычково*; ɣ бальни́цы была́—*Меркулово*; х палку́

в ăляксáндрафскăм—ib.; *у* дирéвьни—ib.; „и *у* бальшы́я бе́рда прăпускáим“—1 л. мн. ч.—*Андроново*; *у*мѣ́с'ти, *у* бе́линькай рубáшки—ib.; сто дв*а*тцáть снапóў х пасáди—*Праватарово*; *у* дв*а́* ряд*а́* сажáим—1 л. мн. ч.,—пря́ма *у* мяшкй́, *у*мѣ́с'ти, х пе́цку, ф сáнную *у* рабóту, х травѣ́-та?, *у* jéмьки (=въ я́мки), *у* вялй́кую субóту; х пóст-ăт мнѣ́ *не́льзи*—*Анисово* (срв. др. рус. нѣсть льзѣ, нѣльзѣ, не бѣ льзѣ....); хтóрьник—ib.; х Парáхйни-ти?—*Малышкино*; ў харóмы, х харóмку—*Парахино*; х пóньках—ib.; х пóли—*Фомино*; „х цэ́рькви, а то *у* бáни с^{ш}ё жы́ла“—ib.; х калóде'с^{ш}ѣ'—ib.; х пе'ньки́ (=въ пенькй), на прибáхку падд'ёхку—ib.; „х тялѣ́ги-ли х санáх“—ib.; игрáла х пирýшки—ib.; х пăнидѣ́льник ушóл—*Астахово*; *у* Вязóўку ушóл—ib; х катлáх-та ни варя́т нóньца—*Парахино*; х пя́тьницў́о—ib.; *у* бóк суды́ вўо́т на лугá—*Велькова*; х Тýму—ibidem; „*у* бауáтай дóм! *у*дѣ́ явó бауáтай вазьмёш“?——*Акулово* Китов. вол.; ў*у*аржы́ ряба́ты ня хóдють—*Шостья* (=ув аржы́, уво ржы́, *у* аржы́); „прайдéть (не ё, а *е*) дéнь Трóйцын и тады́ *у* вéцыру“—дер. *Китово*. Кромѣ этого, мнѣ встрѣтились такія произношенія: „х к'абѣ́дьни бáтьшка ушóл“—*Расторгуево*; это произношеніе, кажется, появилось вслѣдствіе ложно понятаго произношенія „к абѣ́дьнѣ“, какъ будто бы отъ именит. падежа „кабѣ́дьня“. Впрочемъ, возможно и фонетическое происхожденіе такого произношенія. Далѣе, одинъ разъ я слышалъ такую фразу: „óкъл Ивáна Пбснáва *у вилкй́* зăвивáютцы“—*Акулово*; но я рѣшить не могъ, что̀ значитъ „*у* вилкй́“, какой это падежъ и число: есть-ли это—„въ вилкй́“ завиваются, т. е. кочаны капусты, про которую шла рѣчь; или это *именит* падежъ множ. числа=„вилкй́“? Во всякомъ случаѣ самъ я *нигдѣ* въ этой мѣстности не слыхалъ произношенія начальнаго *в* какъ *ув*, т. е. *не слыхалъ*: *у*вядрó вм. вядрó, *у*вилóк вм. вилóк и т п., но мнѣ сообщалъ про такое произношеніе тамошній уроженецъ А. И. Смирновъ (срв. мое соч: „Къ діалектологіи“.... Стр. 53), увѣряя, что оно существуетъ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я былъ, такое произношеніе не могло быть доказано народной рѣчью. Впрочемъ, я долженъ здѣсь вспомнить произношенія села *Праватарова* близъ *Тумы*; я приводилъ уже раньше эти произношенія по другому поводу: мнѣ слышался звукъ *слитный* изъ неслóгового *ў* и *у*, но я не могъ уловить, *въ какомъ порядкѣ* эти звуки слѣдовали одинъ за другимъ; въ моихъ

матеріалахъ оказалась запись—одинъ разъ такъ: Праўуатáрáва, цураўуа (ягода). а другой разъ такъ: Праўуатáрáва, дураўуа Какъ бы то ни было, но самый этотъ слитный звукъ *ўў* или *йў* въ устахъ народа имѣетъ для исторіи звуковъ русскаго языка особенную важность, какъ мы это увидимъ во 2-ой и 3-ей части нашего труда, когда мы представимъ сравнительное обозрѣніе великорусскихъ говоровъ, близкихъ къ нашимъ, и займемся опредѣленіемъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ общерусскій типъ языка видоизмѣнился въ отдѣльные говоры, въ частности въ говоръ Касимовскій. Въ 3-ей части этого труда я постараюсь указать на тѣ фонетическіе законы, которыми было обусловлено видоизмѣненіе общерусскаго языка въ направленіи къ современному Касимовскому говору

Переходъ мягкаго в въ j. Звукъ *в*, находясь въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ или согласнымъ, т. е. будучи самъ мягкимъ звукомъ, переходитъ во многихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда въ звукъ *j*, независимо отъ того, будетъ-ли такой мягкій звукъ *в* въ начальномъ, серединномъ или конечномъ слогѣ слова, будетъ-ли онъ стоять въ ударяемомъ слогѣ, или въ неударяемомъ. Если это *в* стоитъ передъ мягкимъ *глухимъ* (отзвучнымъ) согласнымъ, то оно, по общему закону ассимиляціи, само переходитъ въ глухой (отзвучный) мягкій звукъ *ф*, которое, въ свою очередь, въ тѣхъ же нашихъ говорахъ переходитъ и въ этомъ случаѣ въ *j*. Вѣрнѣе сказать, въ нашихъ говорахъ звукъ *j* въ означенномъ положеніи стоитъ въ соотвѣтствіи со звукомъ мягкимъ *ф* другихъ великорусскихъ говоровъ, находящимся въ такомъ-же положеніи. Такъ какъ звукъ *j* есть звукъ не глухой (отзвучный), а звучный, то, кажется, незачѣмъ предполагать для нашихъ говоровъ сперва переходъ мягкаго *в* въ мягкій *ф*, а потомъ—переходъ этого мягкаго *ф* въ звукъ *j*. Вѣроятно, звукъ *в* мягкій переходитъ *непосредственно* въ звукъ *j* и въ положеніи такого звука *в* передъ отзвучной (глухой) согласной, и въ положеніи его передъ звучной согласной (См. ниже). Въ такомъ переходѣ мягкаго *в* въ *j* мы, кажется, имѣемъ дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ выше разсмотрѣнному явленію перехода твердаго *в* въ неслоговое *ў*. Вотъ примѣры такого перехода въ нашихъ говорахъ: жыjёть—3 л. ед. ч. (=живетъ)—с. *Ижевское* Спас. у.; зуатójить = сготовитъ—3 л. ед. ч.—*Ерах-*

туръ Касим. у.; ў Растóйи жылá (=въ Ростовѣ)—*Нармушадъ*; „дe'шэ́й“ купúть придётца“—*Китово* (дe'шэ́й=дешевле чрезъ *дешеве—дешеje—дешej); можетъ быть, въ русскомъ языкѣ, въ извѣстной его части, слѣдуетъ предположить смягченіе губныхъ звуковъ безъ измѣненія слѣдующаго за ними *j* въ *л*? По крайней мѣрѣ, формы: *земь, рупь, корапь* и др. извѣстны почти всѣмъ говорамъ русскаго языка. Далѣе: дѣjки—*Ижевское, Ерахтуръ, Нармушадъ. Шостья, Зубово, Семеино, Аґьево* (въ пѣснѣ), *Бычково*; свякрój—им. п. ед. ч.—*Акулово* Китов. волости; анá мая́ свякрój—*Ветчаны* (*Истомино*); свякрójи—род. п. ед. ч.—*Зубово, Семеино, Катово, Аґьево* (въ пѣснѣ); „зá въ̀лáсы свякрój та“?—*Чуфилово, Меркулово, Ахматово*; срв. „свякрóхь-та“—*Парахино*, маркóхь—*Парахино*, дѣ́фьки—*Катово* (также); *ɣ* Масквѣ анá жыjёт—3 л. ед. ч.—*Катово*; „на лájки“ (=на лáвкѣ)—*Катово*; „я надúсь на склянку нъпарóлáсь: крój-та бúла“! *Бычково*; Любójя—Любóвья, Любóвь (соб имя)—*Шаранина*; с вянкáми идýт па ýлúцы дѣ́фьки“—*Аґьево*; срв. выше: дѣjки (въ пѣснѣ)—*Аґьево*; „инóй *ɣ*óт и вójся анá прăпадáя“—3 л. ед. ч.—*Акулово* (вójся=вовсе); надýшйцка пăд *ɣ*алójки (=*ɣ*алóфьки—голóвки)—*Расторгуево*: „дájца бáила“—*Катово, Бычково* (дájца=дáвеча); дѣ́jица—ib. (=дѣ́вица); „нáда упрájить“ (=управить)—*Расторгуево*; дéjить цылаэ́к—*Бычково* (дéjить=девять); пăдайдёш к лájки-ти—*Бычково*; срв. „аны *ɣ*ьют пруты“—*Аносово* (*ɣ*ьют=вьют, вьют Срв выше: *в*=*ɣ*); быцкójçькая=бычкóвская (изъ бычковьская)—*Бычково*; „а вынуть—и вójсе ш'чялá бýдит“—ib. (ш'чялá=щéль); „а тут мѣ́ста *ɣ*óрьня: трájки нѣ́туть“—*Сгимоново* (*ɣ*óрьня=гóрнее, высокое; трájки=трáфьки—трáвки); с маркójю—*Праватарово* (=съ морковью). Изъ этихъ примѣровъ видно, что и *конечное мягкое в* переходитъ въ *j* (можетъ быть—j̓?) подобно тому, какъ *конечное твердое в* переходитъ въ *ў* неслоговое.

Переходъ звука в передъ н въ м. Въ нашихъ говорахъ часто (но не всегда) звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ звукъ *м*, тогда какъ звукъ *м* передъ *н* переходитъ въ звукъ *в*: „нядáмна нă абѣ́дьню блáстили: врят ăтайтúть“!, дамнó—*Киструсъ* Спас. у.; рамнó—*Ижевское* ib.; „анá не' маулá па рóмнѣ' дайтúть“—д. *Воскресенское* ib.; ăбдавѣ́ла-та ламнó—*Ерахтуръ* Касим. у.; гувнó, „ăт гувнá блúска“—*Шпилёво*,

Домъ; цо́ дамно́?—*Чарусъ*; спо́вни (=вспо́мни)—*Ивановское*; *я́* бы по́внила—*Ветчаны*; *я* ня по́вню—*Зубово, Семеино, Горы*; ня́дамна— *Катово*; мну́к—*Кабаново*; мну́цки, дамно́—*Шаранина*; „ф Кало́вни (=въ Коломнѣ) дѣти на стѣранѣ“—*Агѣево*; ня по́вню—1 л. ед. ч—ib; дамно́—*Расторгуево*; бу́ду по́ўнить—*Бычково* (=по́внить—по́мнить); ня по́вню—1 л. ед. ч.—ib.; ня́дамна—*Меркулово*; в на́шых в гу́внах—*Андроново, Фомино, Парахино*; сама́ ня по́вню—1 л. ед. ч.—*Праватарово*; фсѣ́ рамны́—*Алексѣево*. Иногда неслоговое *ў* изъ *в* передъ *н* въ такихъ словахъ выпадаетъ: „не'льзя́ *по́нить*-та“!—*Бѣльково* (=по́внить—по́ўнить...). Замѣчательно, что въ приведенныхъ примѣрахъ мы встрѣчаемся съ твердымъ звукомъ *в* одинаково и передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ, и передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ (срв.: гувно́—гу́внах и по́вню, спо́вни). Очевидно, что звукъ *в* въ этихъ случаяхъ, не становясь мягкимъ въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, а оставаясь твердымъ, указываетъ на то, что и звукъ *м*, замѣщенный звукомъ *в*, сохранялъ свою твердость, т. е. не становился мягкимъ передъ слѣдующимъ звукомъ *н*, хотя бы и мягкимъ.

Это-же явленіе извѣстно и въ говорѣ Курской губерніи (*Даль*. О нарѣчіяхъ. LXIV: дамно, ромно, недамно), и въ млр. говорѣ Волынской губерніи (*Соболевскій*, Жив. Стар. 1892. IV. 22. рімний).

Одинъ разъ мнѣ пришлось слышать переходъ звука *в* въ *м* передъ гласнымъ *и* въ словѣ „Де́рьмизу“ вм. „Де́рвизу“ (фамилія: фонъ-Дервизъ): „г Де́рьмизу пирябо́зим с Сталбе́ц“—с. *Стариково* Спас. уѣзда („Столбцы“—деревня Пронскаго уѣзда).

Звукъ *в* переходитъ въ *б* въ словѣ: абдавѣ́ла вм. овдовѣ́ла—*Ерахтуръ*, *Уланова Гора*, *Гусевской Погостъ* Касим. у., можетъ быть, вслѣдствіе какой-либо ложной аналогіи съ префиксомъ-предлогомъ *об*:—обдать, обдарить, обдѣлать и т. п.

Одинъ разъ также я слышалъ въ с. *Ерахтуръ* звукъ *в* вмѣсто *р* въ словѣ: шавава́ры вм. шарава́ры: шӑвава́ры даѣ́м—1 л. мн. ч.—*Ерахтуръ*.

Наконецъ займемся случаями *отпаденія*, *выпаденія*, *приставки* и *вставки* звука *в*. Эти случаи въ нашихъ говорахъ

чрезвычайно многочисленны и интересны, въ особенности случаи *выпаденія* звука *в*, такъ какъ они собой и въ этомъ отношеніи освѣщаютъ вопросъ о происхожденіи окончанія—*во* въ мѣстоименныхъ формахъ род. пад. ед. числа. Выше мы видѣли, что этотъ звукъ *в* въ родит падежѣ могъ появиться *только изъ у*, такъ какъ только эти звуки чередуются, въ свою очередь, звукъ *в* могъ легко выпадать, какъ и неслоговое *ў*.

Отпаденіе звука в: си (изъ—ўси) зна́ють—*Ижевское* Спас. у.; зя́ли (изъ—ўзя́ли)—*Выжлисъ* ib.; бе́рда ся́кая је́сць—*Ерахтуръ* Касим. у. (изъ—ўся́кая): ба́бы си́ хо́дють—ib.; эта сама́ саббй се́тъки—ib. *Нармушадъ*; „ръспява́е'ть-та? ся́ки ра́зны слава́“—ib.: сица́с се́ бу́де'ть—*Нармушадъ*; ся́к ў сваё мѣста—ib; се́ ра́зныя, каро́ў сяво́ дьвѣ—*Ерахтуръ*; зо́ры (=взо́ры изъ ў:о́ры)—ib.; сю́ на нем изарга́ла—ib.; ся́ жыва́я была́—*Шостья*; праса́ зашли́ (изъ ўзошли́)—*Куземкино*; о́зьлѣ' изъ ўо́злѣ)—*Шостья*; звѣ́сим—1 л. мн ч.—ib (=взвѣ́симъ); се́ па ма́лѣсци!—ib; се́ краснá—ib; на́ от таѣ!—ib.; до цэра́шпява дня́—ib.; сѣх абнима́ть не'вѣ́ста уста́нить—ib.; сѣм се́рьпѣм—ib; сю не'дѣ́лю—ib; ся́кія сала́ски—ib.; ся́кā бьѣ́ть (=вся́ко, всячески), се́ пью́ть, се се'ле́нія (=все селенье: замѣчательный случай перехода *нј* въ *нн*. См. ниже)—ib; сё (=всё)—*Уланова Гора*; спо́мни (=вспомни), звѣлнава́лась (=взволновалась. въ пѣснѣ)—ib; зо́ры (см. выше, въ пѣснѣ)—*Дмитріево*; прати́ Ку́рмана (=противъ, изъ про́тиў; срв. выше дало́, дамо́ изъ дало́ў, дамо́ў)—*Забѣлино*; се́тъки слу́шаѣш—2 л. ед. ч.—*Бѣлъково*; „дѣ ана́ сё плаха́я про́са“—*Китово*; „v као́ је́сь, нао́с о́зим“—*Китово* (=нао́зъ во́зимъ—1 л. мн. ч.); и ся́! (=и вся́!)—с. *Китово*; праса́ сѣ пъжылтѣ́ли—*Урядино*; „çё се́тъки палу́тши-ти“!—*Чарусъ*; „спо́вни сваи́ зо́ры“—*Ивановское* Ветчан. вол. (=„вспомни свои взоры“); сё пла́цу—1 л. ед. ч.—*Ветчаны*; сѣ ра́зныји зага́дъвают—ib.; блява́ть с^{ш}ё тсе́нит—3 л. ед. ч—ib.; „ка́гжа, атто́да сё справля́ла“—*Рогачево*; аны́ сираты́ сѣ у на́с—ib.; па сѣм ста́рана́м хо́дют—*Горы*; „на сѣ я цаты́ря у*у*о́лушка“ (причеть. См. Приложенія)—*Катово*; пра сваю́ сю забо́тушку—ib.; сё студяно́—*Шаранина*; сяло́-та Хро́лик сё завѣ́м—1 л. мн. ч.—ib.; по́слѣ' здви́жѣнья—*Акулово* (Срв. московск. „Здви́жѣнка“—улица); зира́л (=взира́ч; въ пѣснѣ)—*Бычково*; ся́кай—ib.; с^{ш}ѣ́ ико́ны—*Праватарово*; „римянна́я бра́жнай пра́зьник“—*Парахино* (=временна́я Пятница) и друг.

Выпаденіе звука в. Каó, цаó, кó, цó, яó—*Ерахтуръ*: с няó—ib., *Шостья, Гус. Погостъ, Бѣлъково, Урядино, Китово, Уланова Гора, Дмитріево, Забѣлино, Чарусъ, Ветчаны, Ивановское, Борисково, Андроново, Малахово, Зубово, Семеино, Катово, Снохино. Шаранина, Бычково, Парахино, Ахматово, Алексѣево, Ламакино*; за́тряшня'ва дьня́—*Ерахтуръ*; „хуть и за́тря ня при́нясу"—1 л. ед. ч.—*Шаранина*; заóт Кацкóва (=заводъ Качкова)—*Борки*; на заóди (=на заводѣ)—*Симоново* Тум. вол.; дѣ́ушки, цѣлаэ́к—*Нармушадъ, Ерахтуръ, Шостья, Шпилёво, Ломъ, Ламакино*; сѝтцэу рубáшку—*Ерахтуръ*; за друγóа пашлá—*Куземкино*; без милóо—род. п. ед. ч. (въ пѣснѣ)—*Шостья*; заýть—3 л. мн. ч. (=зовутъ)—*Шостья*; галóушка—*Шостья*; сяó приóзють (=всего привозятъ)—ib.; хазя́ам—дат. п. мн. ч (=хозя́вамъ, хозяевамъ)—г *Касимовъ*; хтó је знáт! (је=јево, јео, јо, је, јі)—*Касимовъ, Уланова Гора, Дмитріево, Бѣлъково*; хтó јі знáе'ть!—*Китово*; паóйники (=повóйники)—*Уланова Гора*; дѣ́ич"я (=дѣвица)—*Дмитріево*; у каó јесь, наóс óзим (см. выше)—*Китово*; „я жыý ня здѣ́сь"—*Ветчаны*; Милянкóскъва (=Меленковскаго)—*Брѣево*; Лóмáски (=Лóмовскіе)—*Ломъ*; „он с"ёкáр миня́ би́л"—*Ветчаны*; γаспóть приóдит х каньцý (=приводитъ)—*Семеино*; „фсяó мы бис тея́ навидáимси"! (Причеть. См приложенія)—*Катово*· какаó! (=каковó!)—*Катово*; сáмаáр ни пъстанóвиш—2 л. ед. ч.—ib.; траóй мураóю (причеть. См. ниже)—*Расторгуево*; „сицáс с Пятрóа ня́ наниматцы стáнут"—*Чуфилово*; „он и слóа ня бáит"—*Бычково*; ана́ налúóм стайт—*Андроново* (=налúвомъ—твор. п. ед. ч.); пътряóжйли—*Праватарово*; у пáс какóй наóс (=навозъ)!—*Парахино*; дóма жыýт—ib.; с адны́м жыý—1 л. ед. ч.—*Фомино*; кáк јо пúть? (јо=её. См. выше)—*Фомино*; биз наóзу-ту?—ib.; на заóт (=на заводъ)—*Астахово*; фс"яó бывáя—3 л. ед. ч—*Ахматово*; „у няó кстúны были"—*Алексѣево*; дѣ́ушка—*Ламакино*. Изъ этихъ примѣровъ чаще всего встрѣчаются родительные падежи единственнаго числа мѣстоименій: каó, чяó, цаó, яó, фсяó, таó, а также сокращенныя формы: кó, чё. цó, јó; эти формы встрѣчаются почти повсемѣстно. Далѣе, мы здѣсь видѣли формы родительнаго падежа: друγóа, милóо [1]); наконецъ,

[1]) *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 130—131) недовѣрчиво относится къ объясненію *Соболевскаго* окончанія—*во* изъ γо, потому только, что не засви-

произношенія „за́тря“, „за́тряшній“ (*Шаранина*, *Ерахтуръ*) показываютъ, какъ нельзя болѣе ясно, что въ нихъ выпущено собственно неслоговое *ў*, а не *в*, такъ что мы можемъ вообще предположить что основаніемъ для выпущенія звука *в*, а отсюда также и отпаденія этого звука, послужило произношеніе этого звука, какъ неслогового *ў* въ древнѣйшую пору. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ нашихъ говоровъ мы видѣли, большею частью, выпаденіе звука *в передъ твердымъ гласнымъ*, но встрѣчались случаи выпаденія *в* и *передъ мягкимъ*: дѣ́ичᵘя, сᵐе́кăр, цы̆лаб́к. Можетъ быть, въ этихъ примѣрахъ звукъ *в* не выпалъ, а превратился въ неслоговое *i̯* (j), но только я не разслышалъ хорошо этотъ слабый звукъ, или онъ, дѣйствительно, не слышится болѣе въ такихъ словахъ. Замѣтимъ еще произношеніе: прамо́лусᵐя—1 л. ед. ч. = промо́лвлюсь—*Ветчаны*.

Вставка и приставка звука в. Суравѣ́шки (= сыроѣжки)—*Борки* Касим. у.; у ватца́ дья́кăна—*Ерахтуръ*; у вакѝма (= у Акѝма)—ib.; адява́ла (= одѣяло)—*Антоново*; атец Леᵘваны́т—*Селище* (= Леонидъ); у вадны́х стару́шкăф (= у однѣхъ старушекъ)—*Уланова Гора*; вавздѣ́нут—3 л. мн. ч.—*Ивановское* (= вздѣ́нутъ); Ванѝсово—*Анисово*.

Почти всѣ явленія въ области звука *в*, подобныя только что описаннымъ явленіямъ изъ нашихъ говоровъ, т. е. явленія выпущенія и вставки, приставки и отпаденія звука *в*, восходятъ къ глубокой древности и могутъ быть находимы въ памятникахъ письменности даже XI вѣка, такъ что мы навѣрное можемъ сказать, что эти явленія основаны на доисторической близости звуковъ *в* и *ў*, а ко времени исторической жизни русскаго языка неслоговое *ў* діалектически стало все чаще и чаще пе-

---

дѣтельствована форма *доброо*. Изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что другого объясненія и быть не можетъ: происхожденіе—*во* изъ—*го* дѣлается несомнѣннымъ фактомъ. Наши говоры Касимовскаго уѣзда даже даютъ намъ желанныя формы: друго́ба, милбо́ (с. Шостья), кромѣ указанія на чередованіе звуковъ *в* и *г*. И въ этомъ отношеніи вновь обнаруживается архаичность нашихъ говоровъ. Само собой разумѣется, что и вятскія: *повост*, *восподь*, *восударыня* и др. указываютъ на звукъ *г*. Съ другой стороны, я самъ слышалъ произношеніе *оспо́т*, *оспода́* отъ крестьянъ Казанской и Вятской губ. Срв. у *Ягича*. ib. 131.

реходить въ звукъ *в*. Слѣдовательно, явленіе выпаденія звука *в* въ историческую эпоху жизни русскаго языка можно разсматривать, какъ результатъ произношенія неслогового *ў* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь уже нерѣдко имѣемъ ясное *в* въ литературномъ нарѣчіи, и гдѣ въ языкѣ народа находимъ до сихъ поръ или неслоговое *ў*, или отсутствіе звука въ этомъ мѣстѣ, т. е —выпаденіе звука *в* (*ў*). Такъ, литературное живу́, звуча въ народномъ говорѣ—жыу́, показываетъ, что въ этомъ словѣ было произношеніе жыўу́ (жпўу́), откуда нынѣшнее діалектическое—жыу́; при формѣ 1 лица ед. ч. жиўу́ форма 2-го лица ед. ч. была жиде́шь (жидѣшь), откуда далѣе: жыдѣш и проч.

Приведемъ наиболѣе интересныя данныя изъ памятниковъ др. р. письменности для сопоставленія. Въ Лавр. спискѣ лѣтописи мы находимъ: ожиоуть—л. 6. 8. нооу—л. 11. фаравонѣ—л. 11. л. 12. Мараоу—л. 17. Семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье—л. 6. по оустаоу—л. 24. въ вустьѣ—л. 25. протиоу—л. 39. (здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ читать: *протиў*, откуда *проти*—см выше въ нашихъ говорахъ—с. *Забѣлино* Касим. у.); в вутробѣ—л 68. въ вадъ—л. 50. Семевона—л. 61. Заоулона—л. 61. въ Вифлевомѣ—л. 69. Елевоньскую—л. 70. Гедивонъ—л 71. Если мы эти примѣры присоединимъ къ тѣмъ, которые выше были выписаны изъ Лавр списка для доказательства того, что въ говорѣ той мѣстности, гдѣ былъ написанъ этотъ списокъ лѣтописи, извѣстно чередованіе звуковъ *в* и *у*, то мы получимъ образецъ древнерусскаго говора, сходнаго съ нашими говорами Касимовскаго уѣзда въ данномъ отношеніи. Въ Ипатьевск. спискѣ мы имѣемъ: за вужа—л. 131. столб. 2. в вwзеро—л. 6. ст. 1. тивунѣ—л 157. ст. 1. Говоръ этой мѣстности отличается особенно частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто *в* и наоборотъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ XIV вѣкѣ здѣсь, надо думать, еще произносили *в* какъ неслоговое *ў*: Усеволодь—л. 145. ст. 1. бѣ во Всеволода—л. 145. ст. 2. милостивъ на вбогиѫ—л. 145. ст. 2. оу Смоленьскѣ—л. 146. ст 1. оунезапу—л. 147. ст. 1. едва втече—л. 147. ст. 1. пребываѫ оу любви, оу бзи пребываеть—л. 148. 1. оу Ирополка мѣсто—149. 2. ни wко не види ни вхо слыша—151. 1. оу се же лѣто—в се же лѣто—151. 1. вькраси городъ зданьи црквными—152. 1. оукрасивь

ю всакою красотою—152. 1. вътрудивсѧ—152. 2. волъхвъ ѧвисѧ оу Ростовѣ—155. 2. оу Полотьскѣ—155. 2. оу си же веремена—156. 1. положенъ бысть оу гробѣ—156. 2. оуздержасѧ w пьѧньства—156. 2. оу Киевѣ—158 1. мало не втону самъ—159. 2. не бѣ лзѣ оукрастисѧ в городь—160. 1. прѣложю праздникы ваша оу плачь и пѣсни ваша в рыданье—161. 1. оу алъчбѣ и в жажѣ—163. 1. бъ оузлюбилъ есть—163. 1. поидоша оу своѧси—173. 2. оу русьскои земли—177. 1. в русьскои землѣ—177. 1. оуверьглъ еси ножь—177. 1. оуда (=вда)—180. 2 вдаренъ (бысть)—184. 1. въмре—184. 2. оу нѣмъ же и въмре—184 2. внѣмже и вомре—186 1. оуноукъ—188. 1. половци вжасошаса w страха—191. 2. вчиниша—192. 2. Эти примѣры говорятъ сами за себя: въ нихъ обнаруживается то, что писецъ затруднялся письменной передачей своего родного звука *в*, который, какъ видно изъ начертаній, произносился имъ, какъ неслоговое *ў* Послѣдній переписчикъ этого памятника принадлежалъ или по своему говору къ другой мѣстности, или къ лицамъ, знакомымъ съ тогдашней книжной орѳографіей гораздо лучше, чѣмъ его предшественникъ: это мы можемъ видѣть изъ того, что почти всѣ слова, начинающіяся звукомъ *у* въ литературномъ нарѣчіи, написаны чрезъ букву *в* вмѣсто *у*, но это *в* переправлено на *у*: напр.. было написано въбилъ еси—171. 1, а поправлено такъ, что *в* передѣлано въ *у*, ъ-же остался: уъбилъ еси--171. 1. и друг. Срв убоѧса—172. 2., которое передѣлано изъ вбоѧса—172. 2. Въ различныхъ юридическихъ актахъ мы тоже встрѣчаемся съ явленіемъ фонетической вставки или приставки звука *в*: Левонтіемъ—АЮ. № 2. 1483 г. Левонтей—АЮ. № 9 1503 г тотъ езъ вобчей—АЮ № 14. 1510 г. (Срв. въ № 16 1518 г. обинити вм обвинити; въ № 19. 1532 г. обинилъ). Ларивонова сына—АЮ. № 20. 1534 г. съ сосны на волху, съ волхи на мохъ—ibid. Родивоновъ—№ 22. 1547 г Левонтей—№ 24. 1584 г. передъ завтреньею—№ 27. I. 1613 г. (Срв. выше: *затря* и проч. въ нашихъ говорахъ). Михайло Ларивоновъ—ib. II. въ свое мѣсто и старца Леванида—№ 64. II 1661 г. (подписи) (срв. выше: „атéц Леʼваниʼт“ нашихъ говоровъ—*Селище* Касим. у; срв. АЮ. № 68. 1666 г.—нѣсколько разъ). у Вонъчифора у Вонъдроникова—

АЮ. № 71. III (XIV—XV в.). у Ларивона—ib. V. Родивонъ—ib. XIV Левонтія—ib. XV. наволокъ Левушиньской—ib. XVI. (Срв. XVII. XIX (тѣ-же собств. имена); XXII. № 83 1550 г. № 84. 1567 г. (подписи)). тынъ востроӥ—№ 91. 1579 г. Ореѳоломею, Левонтей—№ 409. VI. (XIV—XV в.). Родивонка, Левокъ, Левонтей—№№ 411 (1473 г.) и 412 (1482 г.) и мн. друг. Сравни выше, въ отдѣлѣ *в=ў*. Для сравненія съ данными новгородскаго и двинскаго говоровъ приводимъ данныя изъ Смоленской Лѣтописи Авраамки 1495 г.: Левонтѣй—стр. 45. Онцифоръ—74. Ончифоръ—74 срв. 119. у Вольгерда—87. См. стр. 88. прим. 8 (въ изданіи этой лѣтописи); заутра—112. назаутріа—95. наутріа—106. и: назавтрѣе—106. Подобные примѣры мы видимъ и въ Псковской 2-ой лѣтописи: Максима Ларивоновича—П. С. Р. Л. V. 35. 37. 44. Левонтей—45. 26. Родивоновича—28. Сравни въ Олонец. говорѣ: Левонтей—*Гильфердингъ*. Он. был. 24 46. Въ Арханг. говорѣ—Левонтьевицъ—*Истоминъ*. Пѣсни. 98. Такимъ-же произношеніемъ древне-русскаго *в*, я думаю, надо объяснять и выпущеніе *в* въ словахъ: Запсколяне—П. С. Р. Л. V 42. А приставовъ ти не присталивати—Догов. Грам. Новгорода съ Тверью 1270 г.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 3.

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Звукъ ф переходитъ въ х и хв: „хто́ изно́сить пане́ву (не *ё* Срв. др. р. понѣва и понява), са́рахан ткéш“ (не *ё*; срв. казан. лапш. тӧчёш, тӧчём.... и др. р. тъчеть—Слово Ипол. объ Антихристѣ по Чуд. сп. XII в. Новоструевъ. 11), Сахо́нцаф (фамилія), Трахи́м - *Ижевское* Спас у.; но: Тимахфе́й Пру́скай—ibid; грахфи́ня—*Ерахтуръ* Касим. у.; каньхфе́тка—ib.; Хе́дар Хе́дарыц—ib; за ху́нт пря́жы—ib.; хе́ршал, Хе́дар—*Борки*; хе́рьшала—род. п. ед. ч.—*Ерахтуръ*; бяс ха́брик—*Нармушадъ*; ў саръхана́х—*Шостья*; ха́ртук, ху́нтаў, Хро́лаўа дня́—ibid.; у Три́хана—*Ярыгино*; хо́брика—*Гусевской Заводъ* (причисляется въ административномъ отношеніи къ Влад. губ. Меленков. уѣзду); па ста́раму хами́лію—*Бѣльково*; Три́ханаф, Тимахе́й—*Дубровка*, *Гиблица*; Хро́лаф де́нь сте́лим—1 л. мн. ч. (accus. temporis)—*Китово*; Хе́кла, Хе́дар—дер. *Китово*; у цълава́льника у Ахана́сья—*Урядино*; Хили́п што́-ля?—*Чарусъ*; като́рьи лю́ди ху́нта два!—*Ивановское* (=нѣкоторые люди....); *ф* переходитъ не только въ *х*, но и въ *хв*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: сърахва́нцыки—им. п

мн. ч.—*Ветчаны*; ху́нтик - ib.; у Хвякóли—*Катово* (=у Θекóлы); у Хвéдáра—ib.; Áхванáсія—*Катово, Логино*; хамúлія—*Логино*; Мáрха-та на Кúскантúнъвѣ[a]—*Рогачево*; Тимахвéй—ib.; на Цухúлáви (=въ Чуфúловѣ). Хамá—ib.; „Хаменті́й, а уш яшчó ня знáю кáк“—*Рогачево*; Хвадéй Кáндрáтьяф—*Горы*; дѣвáцка аднá Хвякóла—ib.; Цухвúлъва (=Чуфилово)—*Чуфилово*; Áхванáсія—*Семеино*; с Ахóнских *у*óр принéс—*Семеино*; Микúхáр—*Бычково*; сар'ханы́—*Зубово*; сáръхваны́—*Андроново, Малахово*; сáраха́н—*Горы;* Ахре́м (*е* а не *ё*; Ефремъ)—ib.; ху́нт, „ху́нтика три и цéним *у*óдйка трú“! (=тя́немъ—1 л. мн ч. отъ гл. тянýть), „цаó тýт[ъ]—хвáртук! Саръхвáн ткё“ 3 л ед ч.—*Катово*; Хвядóсья—*Бычково*; ху́нта три ня хвáтя—*Снохино*; „у нáс свóй—Хрóлик“—*Шаранина*; „мы́ на Хрó[у]лйку“!—ib.; Хрóлаў дéнь—ib.; два ху́нта—ib; Áурахвёна—*Акулово*; „рáньшы я жылá в Ухё“—*Расторгуево*; Цухвúлáва—*Амляшово*; „Тимахвéй Цухвúлъськāй вы́с[ш]е[ъ]лилси и жывёт тýт“—ib; „óн у нáс хвартирýя“—3 л ед ч.—*Зубово* (См. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр 126. Имъ правильно предположена форма *хвартера*, откуда: *фатера*, хотя и не обозначено въ его „Лекціяхъ“, предполагается-ли имъ произношеніе *хвартера*, или эта форма имъ гдѣ-либо найдена. Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ эту форму: хвартирýя—3 л. ед. ч., хотя здѣсь же (*Зубово*) слышимъ и: фáртирýит—3 л ед. ч.); сар'ханá трú—*Катово, Бычково*; Ахúмья, Хúма—*Бычково*; Хвядóра—ib.; стáрьшына Хвадéйкин—*Чуфилово*; до Хилúпаўки—*Расторгуево*; сар'хвáнцык—ib.; Ахóня—*Бычково*; Хвякóла—ib.; хéршáл пóмяр—*Меркулово*; „атцá Ахванáсья фс[ш]я Цырькасóс[ш]ька дзирéвьня“—*Меркулово*; пáлштóх вы́нут—3 л. мн. ч.—ib.; сáраханáф—ib; Хвéня—*Бычково*; Хвёкълка—ib.; Хвёкла—*Норино*; сáраханцык, кáнахвéтки вашы—*Андроново*; палштóх—*Праватарово*; да Хрóлъва ня́—ib.; сáр'ханы́—ib.; хáбрика тут—*Малышкино*; Хаминýо (=Фомино)—*Фомино*; „стýпáйтя з' Агáхьйй“—*Парахино* (=за Агаѳьей); Е[ъ]хúм, Хралóм звать—*Фомино*; ху́нт—*Залъсье* (Парахин. вол.); Астáхъва (=Астафьево, названіе деревни), Тимахвéям, Мáрхвай звать!—*Астахово*; Сóхьяй звать!—*Парахино*; сáр'ханы́ типéрь фсё!—*Алексѣево*; Хвёкла, Ханáсій—*Ужыщево*; Митраха́н—*Бѣлясево*; атец Хéдáр, Хядóс[ш]ья, Ханáсій—*Акулово* Китов. вол.; за ху́нт—*Оськино*; Хвéдáр—ibidem.

Ф (*изъ в*) *переходитъ въ х*: дварóх сóрāк—*Ярыгино* Касим. у.; нá пе'ть дварóх—*Бѣльково*; зубóх-та нѣ́т—ib; гадóх сто, патсу́лнушкāх—род п. мн ч.—ib (=подсóлнушковъ); сāмавáрах ти нѣ́т!—*Урядино*; ф Пакрóх явó снимáс'м—1 л. мн. ч.—*Китово;* из листкóх (вѣнки)—дер. *Китово*; малышóх—вин. п. мн. ч.—мāлышóцкāх, бāрышóх—вин.-род. п. мн. ч.—ib. Въ селѣ *Китовѣ*: бāрышóў, мāлышóцкаў. „Скрóсь мáпйпьких вяноцкāх цълавáтца"—дер. *Китово*; „мацэ́ньцъми не' зāнимáютца: ве'рёхки въю́г"—*Ивановское;* „кāнап ié́й ти? мацэ́ньцых-ти"?—род п. мн. ч.—ib.; срв. х Ку́ршу хади́ла—ibid.; пайдём х пóля; *у* вѣ'нкѣ́-ти?—ib.; дьвѣ́ дёхки—ib.; дёхки—*Ветчаны*; х кāраýлку (въ—) привядýт—ib.; дёхка им. п. ед. ч., дёхьки (срв. выше: дёхки)—ib; х платóк завя́жут—ib.; *у* бѣ́дная мѣ́ста нāпадёш, трáхки нéнāцāва взя́ть—ib; х пóли ляпóк пóлям—1 л. мн. ч.—*Борисково;* пáрьни-ти х пóли—*Малахово*; х цэ́рькви былá—*Бычково*; „х пьянам ви́ди"—ib; ва хтóрьник—*Горы*; из Наýмцāх приписáлись—*Амляшево* (=изъ Наумцевъ—дер. Наýмцы); у мужыкóх—*Норино*; дёхки у нáс ня хóдют—*Андроново*; у папóх—*Парахино*: „малóтцыкāх любúть"—ib.; присѣ́сть на тráхкуа̄—ib.; мы ня знáям э́тих дялóх; пѣ́с'ьни играю̄т дёхьки (им. п мн. ч. См. въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ—выше)—ibid.; „у мя́ ў адно́й ня лóхка бýдят"—3 л. ед. ч.—ib.; „с ахцэ́ шэ́рьшы́ настригýт" (=съ овцы шерсти .)—ib.; „какóй ты лóхкāй"! жы́х! (=живъ: на вопросъ: „старикъ живъ"? былъ такой отвѣтъ)—ibid.; два послѣдніе примѣра записаны и въ *Фоминѣ* близъ *Парахина*; гадóх вóс'мимь—*Астахово*; авинāхта?—ib.; бяс трёх гадóх—*Парахино*; „свайх лугóх нѣ́ту"—*Вéлькова*; Пъзнякóх (фамилія земскаго начальника: Позднякóвъ)—*Алексѣево*; „арѣ́хāх нáда"?—*Бѣлясево*. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можно видѣть наглядно, до какой степени въ нашихъ говорахъ перепуталось старое съ новымъ, свое съ чужимъ, заимствованнымъ у сосѣдей. Я полагаю, что нельзя объяснять формы род. п. мн. ч.: лугóх, мужыкóх, дварóх, зубóх, гадóх, листкóх, папóх, дялóх и проч. аналогіей къ падежамъ на —*хъ* (въ мѣстоим и сущ), напр., къ падежамъ: сваихъ, этихъ: свайх дялóх и проч. уже потому, что этому противорѣчили бы формы такія, какъ: Пакрóх—им. п. ед. ч., картóх (изъ *картóф при картóфь изъ картóвь. См. мое соч. „Къ діалектологіи"; картофель—ряз), а главное – потому, что

такихъ формъ мы, кажется, не имѣемъ въ тѣхъ говорахъ, которымъ неизвѣстна теперь замѣна звука *ф* звукомъ *х*, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ произношенія: Хро́л, ха́ртук, ха́брика и проч., нѣтъ и произношенія: зубо́х, дваро́х и проч Еслибы послѣднія произношенія были плодомъ аналогіи къ формамъ на—*хъ*: свайхъ, двора́хъ ... то они встрѣчались бы безразлично *во всѣхъ* говорахъ Изъ этихъ же примѣровъ видно, что слово „сарафа́нъ", хотя и означаетъ *русскую* одежду, но само-заимствовано изъ какого-нибудь другого языка

Обратную замѣну звука *х* (*хв*) звукомъ *ф* мы видимъ въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко*: куфа́рка—*Уланова Гора* (подгородная деревня—слобода близъ г Касимова, а потому это произношеніе можно считать занесеннымъ изъ города); фартиру́ит—3 л ед. ч —*Зубово*.

Гораздо интереснѣе случаи произношенія *ф* вмѣсто того *х*, которое получилось уже давно изъ *к*: „ис сяла́ Мя́фкава"—*Мя́гкова* (на картѣ); или: „мя́фкай зна́к"—*Алексѣево* (Такъ говорили ученики сельской школы со мной въ с. *Алексѣевѣ*, называя такъ букву *ъ* (*ерь*) Очевидно, и школа не можетъ легко бороться съ материнскимъ языкомъ своихъ питомцевъ.)

Въ нашихъ говорахъ мы также имѣемъ случаи замѣны звука *ф* звукомъ *п* и наоборотъ: Апраси́нья — *Шаранина* (=Евфроси́нья); патра́пить (=потрафить)—*Бычково*. „Ла́фскиска́ва прихо́ду", „Ла́фся"—такъ говорили крестьяне села Кочатко́ва („Ка́цатко́ва"), Владим. губ. Меленков. у., пріѣхавшіе на базаръ въ Касимовъ. На картѣ я нашелъ не „Лафся", а „Ла́пся"—село, къ которому и принадлежитъ Кочатко́во (деревня?) [1]).

Эти явленія въ области звука *ф* извѣстны и древнимъ памятникамъ, какъ видно изъ слѣдующаго Переписчикъ Лавр. списка лѣтописи навѣрное произносилъ не тѣ звуки, которые изображалъ въ словахъ: соѳьи—л. 104 ст. 2. (такъ написано вездѣ), ѳеврала—109 2., 111. 2., ѳерѣмъ, стеѳанъ—140. 2. Срв. еще соѳьи—144. 1., 146. 2., ѳеврала—151. 1. Срв. въ нашихъ говорахъ: Со́хья и хавра́ль (см. „Къ діалектологіи" .. 1. с.). Постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и дру-

[1]) Переходъ звука *ф* (иностраннаго) на русской почвѣ въ звукъ *п* извѣстенъ былъ въ глубокой древности: на это указываютъ слова: *парусъ*, *Осипъ*.

гихъ др. р. памятникахъ написаніе *Тфѣрь* (Новг. Лѣтоп. по Синод. хар. сп. Фотолит. изд.—л. 247 и рядомъ: въ тьхвѣрь—л. 167. ib за тьхверью—л. 167. ib.) какъ будто указываетъ на происшедшую въ народномъ говорѣ ассимиляцію звука *в* предшествующему глухому звуку *т* [1]), откуда получилось *Тфѣрь*, перешедшее въ *Тхверь*, но эта ассимиляція довольно рѣдкая, а потому не слѣдуетъ-ли принять другую форму этого названія города въ живомъ народномъ языкѣ стараго времени, такъ какъ мы изъ формы *Тверь* (тьверь) по ассимиляціи скорѣе ожидали бы формы—*Дверь*, а не *Тферь*. Срв. тъчерь—Лавр. сп. Лѣт. 46 при дъчерь—Новг. Лѣт. 79. дъцерь—ib. 172. тчери—Лавр. 50. при дъщерью—Лавр. 34. Срв. еще ассимиляцію въ словахъ: дулѣпьскимъ—Лавр. 8. воевотьство Лавр. 103. 2. и друг. при другихъ примѣрахъ: зблюли—Лавр. 177. 1 з двора—ib. 115. 1. изъ сблюди—ib. 168. 2. сблюденьѥ—ib. 125. 2. Срв молотшюю—Лавр. 178. 2. Такія написанія мы видимъ часто и въ другихъ памятникахъ русской рѣчи: въ грамотахъ и актахъ всякаго рода. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ древне-русскаго произношенія видно, что ассимиляція въ словѣ „Тферь“ была бы необычная [2]), а потому, мнѣ кажется, и предполагать ее незачѣмъ. Не была-ли первоначальная форма этого слова „Тхерь“ (Тьхерь?)?

Что касается мѣны *ф* и *х* въ другихъ русскихъ памятникахъ, то здѣсь мы ее встрѣчаемъ очень часто, именно, въ памятникахъ съ чисто-русскимъ языкомъ. Напр., въ Новгородскихъ купчихъ XIV—XV в: у Перьфурья—№ 71. V. (АЮ), но: Перхурей—№ 71. XV. Есипъ—ibid. Тихфина монастыря—№ 427. (1671 г.). Срв Тифинскій и Тихвинскій. Быть можетъ, изъ первоначальнаго *Тихинскій. Срв. соб. имя Тихонъ. Въ Поручной литов. князей до 1390 г.: Охремъ (срв.

---

[1]) Этого слова *Тфѣрь* касался уже *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: «Изслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка» Спб. 1886. Стр. 152 слѣд.

[2]) Сравни у *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 99 и 109 Единичный случай написанія: *сторовъ* вм. *здоровъ* (съдравъ) или *кте* (къде—гдѣ—гдѣ) не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ фонетики живого языка: *сторовъ* и теперь нигдѣ не скажутъ, какъ не говорили и прежде, равно и *кте* вм. *гдѣ*. Это, конечно, описки—графическія явленія подъ вліяніемъ произношенія списываемыхъ словъ *во время переписки втихомолку*.

въ нашихъ говорахъ: Ахре́мъ), Осипъ, Онципоръ (срв. въ Новгор. грамотахъ выше: Вонъчифоръ; Никифоръ=млр. Нічіпор; Аграфена—*уорпи́на*..) — Акты ЮЗ. Россіи. I. № 2. Хролъ—1398 г. ib. № 5. (срв. въ нашихъ говорахъ такъ-же) Ходоръ—1400 г. ib. № 6. (чит. Хе́дор, и у насъ—такъ) и друг. Срв. въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: Ончифоръ—Онцифоръ—стр. 74. 119. По Тфѣрци—98. Тфирици—100. отъ Тфѣрянькѣ—103 подъ Тфирью—101. съ Тфѣрицы—98. Тфѣрь—98. владыку Тьфѣрьскаго—100 и друг. Слово *охвочій*—(Смол. Лѣтоп. Стр. 75. Псков. 2-ая Лѣтопись. Стр. 19. *Истоминъ*. Сборникъ. Стр. 216. Арханг. и друг.) - объяснено *Ягичемъ* (Критич. Зам. Стр. 86).

Переходя къ современнымъ намъ говорамъ, мы находимъ въ нихъ слѣдующее: какъ *обыкновенное* явленіе, замѣчается, что въ тѣхъ говорахъ, гдѣ встрѣчается *рѣдко* мѣна *в* и *у* (см. выше), тамъ *есть ф*, и даже *х*, *хв* переходятъ въ *ф*: таковъ Новгородскій, Олонецкій говоры, гдѣ мы имѣемъ: *фатать* (*Колосовъ* Замѣтки. ib. 16), *куфарка* (*Колосовъ*. ib. 122. Срв. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892 II 11) [1]). *Вологодскій* говоръ въ этомъ отношеніи стоитъ особо (старый *Двинскій*), и, вѣроятно, онъ относился къ говорамъ не Новгородскимъ, т. е. былъ говоромъ кривичей (словѣнъ), но не новгородскихъ. Здѣсь мы имѣемъ: *ковды* (см. выше *Вологод. Велик. Устюжск.* Изъ статьи въ „Живой Старинѣ“ за 1894 г.), в—у и л—у, л—в: товковать, повзать, довбить, повно, ходи́ў („среднее между *в* и *ў*“), думаў (*Колосовъ*. ib. 331), но при этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, *штох*, *полштоха* (ib. 332), *куфарка*—ib 331. (Срв. въ Олонец., съ другой стороны, *Хвомку* при *Фомку*—ib. 188. Въ Новгородскомъ говорѣ мы даже слышимъ мѣстами: трёф вм. трёхъ—*Колосовъ*. ib. 16). Итакъ, мы видимъ, что и при разсмотрѣніи этого фонетическаго явленія наши предположенія относительно соотвѣтствія нынѣшнихъ средне-русскихъ говоровъ стараго русскаго племени, извѣстнаго подъ нѣсколькими названіями (см. выше), находятъ новое подтвержденіе: новгородскій говоръ (полушепелеватый) есть говоръ особый, но двинскій (нынѣшній Во-

[1]) Въ былинахъ *Гильфердинга* мы находимъ это часто: фаста, фастае при хваста—389. 927 и мн. др.

логодскій) принадлежалъ, вѣроятно, къ говорамъ средней группы (шепелеватымъ). Несомнѣнно, къ этой послѣдней группѣ принадлежали и нынѣшніе говоры губерніи *Калужской*, *Орловской*, *Курской*, *Рязанской* (при—Окскіе), *Владимирской* (Муромск.), частью *Тульской*, *Смоленской*, гдѣ вездѣ мы нынѣ находимъ мѣну *у* и *в* (болѣе или менѣе часто) и измѣненіе звука *ф* въ *х*, *хв*, т. е. отсутствіе (болѣе или менѣе распространенное) звука *ф*, неизвѣстнаго имъ въ древнѣйшее время (См. *Даль*. О нарѣчіяхъ: хвилинъ, Хвядотъ—LXIII. Хвилипъ, хвуражка—ibid, LXIV. Сюда-же принадлежатъ частью говоры нынѣшней Воронежской губерніи. Хама, хунтъ, Хведзька, Хвядотъ... LXIX. Хавронья, Хевраль—*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 297. Срв. у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892 I. 15. 17. IV. 43. О Тульскомъ и Курскомъ говорахъ). Опять особо стоятъ говоры малорусскіе: подольскіе, галицкіе и гуцульскіе, гдѣ мы видимъ особенно частое *ф* вмѣсто *х* и *хв*. (См. *Соболевскаго*. Ук. Соч. IV. 48 49. 52. 53. 60). Что касается говора *вятскаго*, то въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ какъ-бы середину: ему извѣстенъ звукъ *ф* и *х* въ разсматриваемыхъ случаяхъ; здѣсь мы встрѣтимъ Памхилъ, хилинъ, хляга (*Даль*. ib. L), но и: фомякъ (*Колосовъ*. ib. 226), на трёх дубáф (*Колосовъ*. ib. 226. 273). Въ вятскомъ говорѣ, полагаю, легко замѣтить нетуземность этого звука *ф*: онъ, вѣроятно, занесенъ новгородскими колонистами; срв въ новгород. *трёф* вмѣсто *трёхъ*. О произношеніи „изъ мѣшкóхъ“ въ Сибири (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25) и т. п мы ничего не можемъ сказать, такъ какъ говоры Сибири еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Срв въ нашихъ говорахъ: мужыкóх, зубóх и т. п. выше.

Теперь отмѣтимъ мелкія явленія въ области звуковъ *п* и *б*. Звукъ *п* иногда передъ гласной переходитъ въ нашихъ говорахъ въ *б*: „субагí тс̑ёплыји“—*Парахино* Касим. у.; пáславлéля (=благословля́ли)—3 л. мн. ч. прош. вр.—ibidem. Группа *бм* переходитъ въ *мм* по ассимиляціи: „старýшку аммáнъваить“—3 л. ед. ч.—*Логино* Касим. у, *Парахино*; óммарък (=обморокъ)—*Астахово*; ни аммѣнйваймс^{m}и—1 л. мн. ч наст. вр.—*Парахино*.

Это-же явленіе ассимиляціи въ группѣ звуковъ *бм* мы имѣемъ въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Вологодскомъ, Вятскомъ, Архангельскомъ говорахъ: омморокъ, оммѣривать, ам-

манывать *Колосовъ*. ib. 21, оманываешь—*Гильфердингъ*. 903. 113, омманъ—*Соболевскій*. ib. II. 12. 17. 21. омменъ—22. омманывай—*Истоминъ*. Сборникъ. Стр. 176.

Наконецъ, въ нашихъ говорахъ извѣстенъ также звукъ *м* вмѣсто звука *н*: Михи́хăр—*Бычково*, Касим. у.; но: Харла́нăва—*Зубово*; звать Праско́вьjій Нике́внай (=Михеевной)—*Немнясево* и друг. Крух Мико́лы (=около Николина дня), Зимній Мико́ла и т. п.—повсемѣстно. Срв. Микула—въ АЮ. №№ 3 5. 409 (V)—XIV—XV вѣка. Въ Смолен. Лѣтоп.: діакона Микыту и Никыту—стр. 102. 103. Въ Псков. 2-ой Лѣтописи—Микиту—стр. 37. 44 и друг.

Теперь скажемъ вообще о смягченіи губныхъ звуковъ въ нашихъ говорахъ. Выше мы говорили по другому поводу, что въ нашихъ говорахъ почти вездѣ сохраняется суффиксъ именъ прилагательныхъ—*ьск*,—т. е. передъ этимъ суффиксомъ почти всегда слышится *мягкій* согласный звукъ; такъ, мы видѣли передъ нимъ мягкіе звуки ç ($c^{ш}$), $з^{ж}$. Такъ-же ясно слышатся и губные мягкіе передъ этимъ суффиксомъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: г зе́мьскăму нацáльнику—*Ерахтуръ* Касим. у.; Кузе́мьскіjи мы-ти!—*Куземкино*; то-же мы увидимъ и въ сочетаніи звуковъ: *л* (удержавшееся явленіе и въ литературномъ произношеніи: се́льскій, а не—се́лскій), *н*, *р* съ этимъ суффиксомъ—*ьск*—ниже. Далѣе, передъ мягкимъ слогомъ—*ки*,—*пи* мы слышимъ и мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ: тря́пьки – *Киструсъ* Спас. у.; напро́ти Ля́пькина—с. *Воскресенское* ib.; ля́пьти—*Шостья*, *Жданово* Касим. у.; дѣ́фьки—*Уланова Гора* и друг.; ля́фьки—*Гусевской Погостъ* и друг.; Пятро́фькими—*Забѣлино*, *Урядино*, *Дмитріево*, *Бѣлъково*, *Чарусъ*; зага́фьки (=заговѣнье)—дер. *Китово*: *у* jе́мьки зăрыва́им—1 л. мн ч.—(=въ я́мки)—*Праватарово* и мн. друг. подобн. Далѣе, замѣчательно, что повсемѣстно мы слышимъ въ словахъ *семь*, *восемь* на концѣ *м* мягкое: въ *Ижевскомъ* Спас. у., въ *Нармушади* Касим. у., въ *Ерахтурѣ*, въ *Шостьѣ*, въ *Шпилёвѣ*, въ *Лому́*, въ *Забѣлинѣ*, въ *Ивановскомъ*, въ *Ветчанахъ* наши записи вездѣ имѣютъ отмѣтки: во́се'мь, во́çе'мь, се́мь, çе́мь, $c^{ш}$е́мь и проч. (см. выше). Наконецъ, въ нашихъ говорахъ *весьма* распространены глагольныя формы 1-го лица ед. ч. съ губнымъ звукомъ основы, заимствованнымъ изъ прочихъ лицъ, т. е. безъ смягчающаго звука *л* изъ *j* послѣ губного: „я ба́ню

то́пю“—*Зубово* Касим. у.; ну, усту́пю!—*Давыдово*; хлѣ́пца сы́пю—*Катово*; ко́рьмю—*Зубово* (sic!); во́пю—*Бычково;* я спю́—*Праватарово*: я про́спю—*Анисово*. Въ одномъ мѣстѣ (с. *Андроново*) я встрѣтилъ произношеніе: *упява́й* вм. *уповай*. (Пѣть—пѣва́ть: запява́й?). Формъ, подобныхъ формамъ *то́пю*, *спю́*, много и въ другихъ парѣчіяхъ и говорахъ, но достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ нашихъ говорахъ эти формы вездѣ, гдѣ только это возможно, переносятъ удареніе къ началу слова: то́пю, усту́пю, ко́рьмю, во́пю, про́спю. Мнѣ кажется, что это обстоятельство указываетъ на образованіе этихъ формъ 1-го лица *по аналогіи* съ формами прочихъ лицъ не только въ фонетическомъ, но и въ *тоническомъ* отношеніи; срв. формы: то́пишь, усту́пишь, ко́рмишь, во́пишь, про́спишь (? однако во многихъ говорахъ: про́спалъ...). Это явное заимствованіе формъ 1-го лица изъ формъ прочихъ лицъ указываетъ на позднее образованіе формъ нашихъ говоровъ. Срв. въ другихъ говорахъ: въ млр. ломъю, ломью (Пружанск.), любью и друг. Особенно часто въ основахъ на зубной и передне-небный звукъ: въ *вятскомъ*: колотю, вредю, пустю, бросю, можу (*Соболевскій* Жив Стар. 1892. II. 21. Удареніе не показаны); заплатю—(*Колосовъ*. Зам. 277); въ *волынскомъ*: ходю, пустю (*Соболевскій*. ib. IV. 20), просю—(ib. 22), летю—минск. (ib. 24), ходю́, косю́...—пинск. (ib. 26), пружанск. (ib. 31); ходю́—гродн.—(ib. 33); ходю, пустю, возю, просю—украинск.—(ib. 40) и друг. Это явленіе было извѣстно и въ древне-русскомъ языкѣ: въ Правой Грамотѣ Николаев. Корельскому Монастырю 1530 г. читаемъ: „на поле съ ними битися *мъзю* и съ иконою *иду*“—АЮ. № 18. Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 г. находимъ: „и язъ для того ночью *бѣжу*“—АЮ. № 27 и др.

Переходимъ къ звукамъ задне-небнымъ (*г*, *у*; *к*, *х*), а затѣмъ къ язычнымъ—плавнымъ (*л*. *р*).

Глава X-ая.

Задне-небные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ обозрѣвать звуки *г*, *ɣ*, *к* и *х* въ нашихъ говорахъ. Уже изъ предыдущаго изложенія можно было замѣтить, что въ нашихъ говорахъ есть звукъ *г* и *ɣ*. Опредѣлить точно условія, при которыхъ является звукъ *г* и звукъ *ɣ*, мнѣ не удалось, да врядъ-ли и есть возможность такого опредѣленія въ виду того, что оба эти звука, и звонкій мгновенный задне-небный, и звонкій фрикативный задне-небный,—встрѣчаются во всякомъ положеніи, независимо отъ того, стоятъ ли эти звуки въ началѣ слова или въ серединѣ, находятся-ли они въ положеніи передъ согласной или гласной. Лишь въ случаяхъ обыкновенной ассимиляціи слѣдующему звуку или въ концѣ слова эти звуки подвергаются обычному переходу въ звуки *глухіе*, переходя въ звуки *к* и *х*, напр., въ концѣ словъ: друк и друх. Оба эти произношенія приходилось мнѣ слышать, хотя первое изъ нихъ и встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ второе. Собственно говоря, даже *по мѣстностямъ* ближайшее опредѣленіе этихъ звуковъ *г* и *ɣ* въ нашихъ говорахъ довольно затруднительно, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ звуковъ не пріурочивается *исключительно* къ той или другой деревнѣ, къ тому или другому селу. Нельзя поручиться, что въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ звукъ *ɣ* (см. ниже), мы не встрѣтимъ въ однородныхъ случаяхъ звука *г*, и наоборотъ: въ мѣстахъ употребленія звука *г* слышится изрѣдка и звукъ *ɣ*, хотя послѣднее встрѣчается значительно рѣже. Изъ этого, кажется, слѣдуетъ заключить, что наши говоры въ современномъ ихъ состояніи представляются намъ въ значительной мѣрѣ говорами *смѣшанными*. Но не таковы были эти говоры въ древнее время. Прежде, чѣмъ дойти до нынѣшняго смѣшаннаго типа, нашимъ говорамъ пришлось пережить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, обусловленныхъ и внѣшними, и внутренними причинами, подъ которыми мы разумѣемъ и сношенія съ сосѣдними говорами, и перемѣны въ составѣ населенія края, и естественное вымираніе звуковъ подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ. По нѣкоторымъ

даннымъ всетаки мы увидимъ ниже, что въ нашихъ говорахъ можно съ большою долею вѣроятности выдѣлить тѣ звуки, которые наслѣдственно переходили изъ говора отцовъ къ говору дѣтей, изъ говора предковъ къ говору потомковъ, и должны быть приписаны *туземнымъ* говорамъ въ древнѣйшемъ ихъ состояніи, въ извѣстную пору Къ такимъ звукамъ мы относимъ въ области гласныхъ *долгіе* звуки, *дифтонги*, звуки a^{e}, e^{i} въ извѣстномъ ихъ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ; въ области согласныхъ: *средніе* звуки небно-зубные (или передне небно-зубные, шипящіе и свистящіе), звуки $д^{з}$, $д^{ж}$, $т^{ц}$, $т^{ш}$, далѣе *мягкіе* согласные звуки передъ суф.—*ск*—(— *ьск*—), звукъ *ў* или средній между *в* и *ў*, звукъ *ув* или *вў*; съ этими звуками, по нашему мнѣнію, должны были быть наши говоры въ древнѣйшее время, иначе говоря, эти звуки можно считать на достаточномъ основаніи звуками туземными, и основаніемъ для этого служитъ прежде всего то обстоятельство, что эти звуки неоткуда было заимствовать или принести сюда Такимъ образомъ, открывается новый типъ центральнаго русскаго говора—*типъ шепелеватый, умѣренно акающій. со звукомъ ў*. Относительно термина „умѣренно-акающій“ замѣчу, что этимъ терминомъ я выражаю *для краткости* понятіе о качествѣ звука *е* и *о* въ предударныхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ, не опредѣляя этимъ терминомъ *времени, когда* появилось такъ называемое *аканье*, и не обозначая вообще ничего другого, кромѣ извѣстнаго качества этихъ гласныхъ въ ихъ различныхъ положеніяхъ относительно качества слѣдующихъ за ними звуковъ. Слѣдовательно, новый терминъ „умѣренно-акающій“ долженъ въ данномъ случаѣ служить обозначеніемъ *очень стараго* звукового явленія. Сравненіе нашихъ говоровъ съ другими современными, а также историческія справки въ древне-русскихъ памятникахъ письменности покажутъ намъ ниже, что наши говоры не стоятъ *нынѣ* особнякомъ, значитъ, не стояли они особнякомъ и прежде, чему доказательствомъ служатъ тѣ памятники, въ которыхъ случайно лучше, чѣмъ въ другихъ, сохранились слѣды шепелеватаго произношенія, слѣды произношенія неслогового *ў*, слѣды долгихъ звуковъ и проч. Если мы не находили *всѣхъ* этихъ слѣдовъ, именно, въ тѣхъ памятникахъ, которые по мѣстности написанія были ближайшими къ мѣстностямъ нашихъ говоровъ, то причину этого надо, конечно, искать и въ

литературной традиціи, въ условіяхъ нашей письменности, и въ самомъ времени. Не смотря на эти обстоятельства, мы все-таки находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности доказательства того, что и въ древности были среди живыхъ говоровъ такіе или почти такіе, какіе мы нынѣ встрѣчаемъ въ Касимовскомъ уѣздѣ. Доказательства эти представлены будутъ мною во 2-ой части этого труда Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что, благодаря нашему знакомству съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ говоромъ Касимовскаго уѣзда, орѳографія древне-русскихъ памятниковъ центральной и сѣверной Россіи должна получить во многихъ случаяхъ иное объясненіе, и самое чтеніе во многихъ случаяхъ, т. е. самое произношеніе, должно нѣсколько видоизмѣниться; словомъ, во многихъ случаяхъ мы нынѣ получаемъ объясненіе въ живыхъ говорахъ для древне-русскаго правописанія и произношенія.

Обращаясь къ звукамъ *г* и *ɣ*, мы должны сказать, что, по общему характеру звуковъ, въ нашихъ говорахъ звукъ *г* долженъ быть признанъ *туземнымъ* звукомъ, тогда какъ звукъ *ɣ*—образовавшимся въ нихъ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ образовалось и *полное* или *сильное аканье* (примѣры см. выше). Этотъ звукъ, очевидно, также занесенъ сюда сношеніями съ сосѣдями, въ говорѣ которыхъ звукъ *ɣ* есть *единственный*.

Такимъ образомъ, я полагаю, что въ древности районъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго говора (говора шепелеватаго и полушепелеватаго) былъ гораздо больше, чѣмъ нынѣ, и древне-русскіе говоры въ этомъ районѣ отличались другъ отъ друга весьма незначительными оттѣнками произношенія, составляя одинъ общій діалектическій типъ, что̀ мы постараемся ниже доказать и путемъ историческихъ справокъ съ свидѣтельствомъ нашей начальной лѣтописи о разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. (См. II-ю часть; глава VI-ая).

Звукъ ɣ мы видимъ въ селахъ и деревняхъ: Киструсѣ, Деревенскомъ, Ижевскомъ, Выжлисѣ, Воскресенскомъ Спасскаго уѣзда; въ Нармушади, Ерахтурѣ, Боркахъ, Шостьѣ, Китовѣ, Чарусѣ, Ивановскомъ, Катовѣ, Симоновѣ, Логинѣ, Расторгуевѣ, Рогачевѣ, Горахъ, Чуфиловѣ, Бычковѣ, Зубовѣ, Давыдовѣ, Семеинѣ, Снохинѣ, Кабановѣ, Шараниѣ, Агѣевѣ, Амляшовѣ, Жалудковѣ, Меркуловѣ, Праватаровѣ, Анисовѣ, Малышкинѣ, Парахинѣ, Ахматовѣ Касимовскаго уѣзда.

Слѣдовательно, почти на всемъ пространствѣ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ звукъ *у*, но опять повторяемъ. что во многихъ изъ перечисленныхъ мѣстъ *сохранился* и звукъ *г*, который часто прорывается и въ говорѣ, и въ пѣсняхъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ: *у*адо́к, на лу*у*а́, „*у*о́рлям баля́ть в Ужа́льи“—*Киструсъ Спас. у.*; *у*ря́сна (=грязно)—*Деревенское* ib.; ӑддала́ де́ньги при табѣ, пъ*у*ляди́тя, ў *у*ста́х, нӗ ма*у*у́, на на*у*а́х—*Ижевское* ib.; цужо́й за*у*о́н—*Выжлисъ* ib.; *у*арѣ́лай лѣ́с, „ана́ нӗ ма*у*ла́ на ро́мнѣ̆ дайти́ть“—*Воскресенское* ib.; мно́*у*а де́нях—*Нармушадь* Касим. у.; „ря́з*у*аво́ру-та не́ бы́ла, мать *у*ӑвари́ла“—*Ерахтуръ* ib.; ў ста́ры *у*ада́. каки́х у*у*о́дна, *у*уля́ють, и*у*ра́ють—ib.; но: „га́ря̆м гари́ть“—*Борки* ib.; и: „ра*у*о́ў нѣ́т“—ib.; „с лу*у*о́у-ти“—*Нармушадь* и „грѣ́ить“—ibidem; ста́ръста Я*у*ора́ў, вы*у*ӑня́ть—3 л. мн. ч., и*у*ра́ю, бра́*у*и, *у*ро́зная, ў *у*ӑлава́х, *у*ря́сь, кӑра*у*о́дӗ—пред. п—*Ерахтуръ*; пӗрӗстры́*у*ли, дру*у*о́й—*Шостья*, но: ў зага́дьнык гада́ӗм—ibidem; игра́ӗм—ib.; бага́ты—ib.; травы́-ти мно́*у*а, *у*о́спади зна́ӗть ӑтцаво́, „зиму̂ой-ту ў*у*ли-ти вязу́ть“—*д. Китово*; *у*лу́пай, *у*ӑваря́ть—*с. Китово*; „*у*ра́т нямно́шка пӗркалака́тил“, ис пре́дйва из дру*у*о́ва, му́ш до́л*у*а нӗ вы̆сыла́ӗть, *у*адо́ў—род. п. мн. ч., три цэ́гьвӗрьти тя*у*ла́, из*у*о́рӑда сусѣ́т, *у*ряцы́ха—*Чарусъ*; „ры́бы, пъжа́луй, нӗ пра*у*нѣ́вайси“!—ib.; „ра́зи мо́жна цэ́рӗз а*у*о́нь при*у*ать“?—*Ивановское*; Ло́*у*иньськійи—*Логино, Симоново*; у старух-ти какійи *у*ряхи́-ти?—*Катово*; Ӑстару́оськи, Ӑстару́ова—*Расторгуево*; на *у*ара́х, *у*адо́ў де́сить, лубако́ (вм. *у*лубако́)—*Катово*; с^{ш}ѣ́на *у*ря́бў—*Логино*; ру*у*а́тца—неопр н., Рӑ*у*ацо́ва, ня *у*о́рьница, ла*у*у́шку пътиря́л—*Логино*; дрӑ*у*анѣ́т—3 л. ед. ч. (=дро́гнетъ), у*у*а*у*о́ру ня зна́я—3 л. ед ч.—ib.; бра́*у*у-ту, даро́*у*и, шашто́й *у*о́т, „он и в *у*лаза́ мо́жа“, „ана ря́бя́т-та ји́х мно́*у*а“—*Горы*; па сѣ̂цам сӑбира́ли я*у*ӑды—*Чуфилово*; на у*у*лу́—*Бычково*; дру*у*о́й *у*о́т—*Зубово*; притуу́ю, *у*ли́сты, „ни то *у*ра́т пабы́л“—ib.; ӑстару́офьська, *у*аро́х, до́л*у*ійи-ти но́шу сӑрханы́, пира*у*о́ў, сӑпа*у*и́-те?, дѣ̂йки у нас *у*ло́жут масо́л, *у*о́рькаю—вин. п. ед. ч. ж. р.—ibid.; *у*арѣ́тая (деревня)—*Логино*; „из усто́ў бо́льна *у*ряхо́ў-та мно́*у*а“—ib.; *у*ӑваря́т—3 л. мн. ч.—*Давыдово*; *у*арьска́я по́ля (—поле, принадлежащее д. Горамъ)—*Семеино*; „ры*у*а́льна́ва ма́сла“ (регальнаго; совѣтуютъ въ деревняхъ отъ зубной боли), „с Ахо́нских *у*о́р при-

нёс“—ib.; ɣулéть—неопр. н.—ib.; „самá я ɣарьçькáя“—*Горы*; пăɣляжý, ни маɣлá, ɣулéть—неопр. н., ни зɣрусни́лась, аб ɣóрьких, „и хóлăду и ɣóлăду“—род. п. ед. ч.—*Катово*; брáɣу-ту?, ăɣурьцы́, ты́ уш зăɣăвари́л!, д'ыть аɣню́ швырнý!, ɣадóў трúтцăть, „а мы ще? иш ăшары́ (?) ɣря́зныји“!—*Катово*; зацнём с цытьвярьɣý—ib; ɣряцы́шниньк‘ай (муки)—род. п. ед. ч ж. р., ɣдруɣóре'ть (=вдругóрядъ; срв. въ Псков II-ой лѣтописи: „и *въ третiй рядъ* стала рѣка“—стр 38), ни маɣём сáми-ти!—*Катово*; ɣлáткiји, иɣрáть ɣарáзьди, ɣóду нѣт'ыштă!, испуɣáлăся, сирéть кăраɣóду—*Снохино*; „па тóт бóк аврáɣу“—*Кабаново*; „ɣалýпцык! ɣóрька“!—*Снохино*; на сняɣý—*Шаранина*; кóбы я ɣрăматéй!—ib.; хлѣба карьвéɣу (sic!=ковригу), ɣавáдйны цáсть, ɣарáсим уѣхăл, „ана срóду çе дарóɣа“! павы́шы ɣваздóцка, на щё яё ɣóрькяю?—ibid.; ани́ ни ɣлядя́—3 л. мн. ч.—*Горы*; „эти ɣадá запре'сти́ли (sic!) иɣрáть“; но: брáгу, Гаври́лъвиц—*Аѣево*; аɣáрăк, падрýɣа, ɣдѣ зăвивáют—ib.; мнóɣа, *вадъль* пѣсе'нки прăиɣráют крýх явó—ib.; „у мня́ ɣóря-та явó мнóɣа, ăɣарьцэ́нья никáк ни раскáжыш“!—ib.; ăтɣастúла я у вáс—*Дадыдово*; сѣна ɣрябли́, с луɣóў—*Акулово*; в ăɣарóдах, в ɣря́дки, Ăɣрахвёна, раɣóшкими, з ɣрыбáми—ib.; Ăстарɣóçька, муш хóдя в луɣá—*Расторгуево*; падýшыцка пăд ɣалóјки—ib.; ɣрóп, ɣóлăву завя́зывам—1 л. мн. ч., „нăцаплéли пăɣрамкóф-та“!—ib.; „ɣадá-та харóшыјн былá тут я́ɣăда, ăɣрябýшшіји бы́ли“—*Амляшово*; ɣрыбы́ јéçть—ib.; аднá дарóɣа на ɣары́—*Жалудково*; друх на друɣа хóдям—1 л. мн. ч—*Зубово*; с валóɣай, дарóɣими—тв. п. мн. ч.—*Бычково*; „нáшы е'зыкú ни ɣадя́тцы-ть“!—*Чуфилово*; „он мнѣ ɣóлăву ăтматáя, жаних-ăт“!—ib.; тяɣлó, ни пуɣáй—ib.; „ты пъɣади́, я скáжу (sic!)—на маɣи́лу вы́ду“—*Меркулово*; масóл, знáта, ɣрызýт—3 л. мн. ч.—ib.; на тилѣɣи—*Бычково*; ў луɣá—ib.; сóрăк три ɣóда, на стаɣý, я пăдɣрябáю, прăɣулéли—1 л. мн. ч. прош. вр., кали́ пъруɣáимси—1 л. мн. ч., ɣади́тцы—3 л. ед. ч.—*Праватарово*; ɣутáрить—неопр. н.—*Анисово* (произн. *Ванúсова*); прăɣаню́ дóлɣа, палóзья ɣнёт, дарóɣа—*Малышкино*; шаштóй ɣадóк—*Парахино* (см. ниже); па мнóɣа—*Ахматово*.

Съ другой стороны, мы довольно часто встрѣчаемъ звукъ *г* и въ Спасскомъ уже уѣздѣ, напр., въ самомъ городѣ *Спасскъ*, и въ Касимовскомъ: въ *Шостьѣ*, напр., *нидасýк* (=не-

досугъ)—ib.; рага́тйна, бирягла́, за гару́ ушли́, гара́, гадо́ў, го́ря, го́рька, глу́пйсти, грыбы́, гарба́тай. на гарбу́, бага́ты, г за́ганью (=къ заговѣнью), абго́н, Гаспо́дь, гну́ть—3 л. мн. ч., мно́га, те¹лѣ́ги, ў глаза́х, вино́ нйгаво́рная, де́рьгали—3 л. прош. вр. мн ч., гро́п, агурьчи́—*Антоново*; па Му́рамьскай даро́ги—*Брѣево*; мно́га—*Алексѣево*; гре¹цы́ха—*Чингуръ*; „я́гады а́т гувна́ (sic!) бли́ска“—*Шпилёво*; глубо́кай, гъвари́т—3 л. ед. ч., друго́й, гуля́ть *Гус. Погостъ*; гурцы́ (=огурцы), прислу́гу, мно́га—*Касимовъ, Уланова Гора*; нйпугали, гадо́ф—род. п. мн. ч., иго́лку, „го́лйсў нѣ́ту“—*Уланова Гора*; гато́вют—3 л мн. ч., таргу́ют, бра́гу, пълага́тца—3 л. ед. ч., игра́е¹м—1 л. мн. ч.—*Дмитріево*; де́ник—род. п мн ч., угла́ гле¹ди́т—3 л. ед. ч., го́сти—ib.; згарѣ́л, по́ лугу, гуля́ть, дарага́я, рйзгаво́ры, но́к—род. п. мн. ч. (=ногъ), згнуздаю—1 л. ед. ч. буд. вр. (=взнуздаю), игра́ть—неопр. н., ўгада́т—3 л. ед. ч., граш ы́, зйгаро́дит—3 л. ед. ч , де́ньги, мо́к (=могъ)—*Данево*; „вы́гйну-та нѣ́т яво́“—*Гусев. Погостъ*; Яго́р—*Забълино*; я го́да три вари́ла, гарох, гри́ве¹нниц¹ик, място́ф мно́га—ib.; цаты́рнйцйтый го́т—*Бѣлъково*; Гара́ськина, гярямы́шныя, Графе́на, гадо́х сто́ (=годовъ), пади́ и гада́ют—3 л. мн. ч , гре́ца—*Бѣлъково*; на Ца́рус даро́га—*Урядино*; у каб угодна, ны́нѣ́шній гот, друга́я цуть-цуть ляжыть—3 л. ед. ч.—*д. Китово* (срв. выше); зага́фьки (заговѣнье), гавя́дйны, „на гу́ш'ш'и, в де¹ре́вьни у на́с гдѣ дро́жжи-ти“? в гла́за не¹ вида́ли, я гйварю́ те¹бѣ—не¹ бага́тай до́м!—ib ; в йгаро́дах—*Урядино*; „гдѣ гряцы́шки у каб је́сть“—*Ивановское*; гадо́ў де́сить—*Ветчаны*; глу́пинькою—вин. п. ед. ч. ж. р., угади́ть—неопр. н., па го́ринки, тот и гада́ит, пйгляди́тца, бага́тай, ни хвата́ит на́ гат! тсягло́, çягда́ тах-та! (sic!)—*Ветчаны*; ны́ни я́гат нѣ́т—*Борисково*; гада́-ти была́!, нимно́га, па грыбы́, груз*ъде́й—ib.; грыбо́ў-ти нѣ́ту—*Малахово*; вы́прыгнули, в луга́—*Норино*. Этотъ же звукъ *г* мы встрѣчаемъ по преимуществу въ *Андроновѣ*, *Парахинѣ* (см. выше), *Фоминѣ*, *Астаховѣ*, *Ахматовѣ*. Напр., въ *Парахинѣ* мы слышимъ: „у на́с кру́к Мико́лы“ (=около Николина дня), пъбягѣ́ш (=побѣжишь), „игра́ю͡ют наро́д“, „рйзгарю́цаю слязо́ю улита́“ (въ пѣснѣ; см. Приложенія), „ве¹ж'ъдѣ́ јаѣ́ игра́ю͡ют раўно́“, „рѣ́тька го́рька, рѣ́тька сла́тка (наз. здѣсь: *та́лька* и въ Праватаровѣ), яшшо́ марко́хь, ба́бы́, агаро́х, йгурьцы́“, друго́й го́о͡т, асьма́цйтай го́¹от, „на

Гуçь хо́јут“ (=на Гусь ходятъ), „з*имо́ўй быва́ит за́гинья“, „пе́сʷьни игра́јуот дзе́хькя“ (им. п. мн. числа), ступа́йти з' Ага́хьјій (=за Агафьей), падру́ги ӑбуваjуот, „с ахцэ́ нъстригу́т ше́рьш“ (=съ овцы настригутъ шерсть), гле'дя́т (=глядятъ—3 л. мн. ч.), даду́т гри́вя̆нняк, „ху́⁰ть ф тяле́гу“, „жани́х хо́дят (3 л. ед. ч.) крук сане́й и хлы́шчя'т“ (=хлещетъ), пъ гӑлаве́, яшшо бугае́м (тв. п. ед. ч.), зӑгара́жъваjуот—3 л. мн. ч., „иш како́й ро́'г-ӑт!“ (=ишь, какой рогъ!), грыбо́м зову́т шлы́к, „ру́⁰г-ӑт ади́н ляжы́т, иш“! „Он ба с на́ми ста́л за ядзи́на го́ря гӑрява́ть“ и мн. др. (См. Приложенія). Въ *Фоминѣ:* „у на́с го́ря в э́тът дзе́нь была, цэ́риз го́т“ (годъ тому назадъ), „патьне́йшта (? почти) фся дзяне́вьня згаре́ла“, „ве́сь у на́с на гу́внах и хле́п пъгаре́л“, яшшо гдѣ найду́т, вз*е́ли карве́гу (sic!) хле́ба, во́се'май го́т!—*Залѣсье* (10 в. отъ Фомина); гусинъва пяра́ не́ бы́ла, я гъварю́ те'бе́, „га́рь шшы́бла на́с“—*Фомино.* Въ *Астаховѣ:* луга́ на́шы та́м, на вы́гӑн ганя́е'м—1 л. мн. ч., гре́сь се́на, „у на́с гаре́тыjи (sic! срв. въ Логинѣ Тум края, = „гаре́лыя“) маста́“, „замужная: гадо́х во́çе'мь винца́лась“, я грябла́. трясу́ и грябу́ адна́, яшче́ не́ту грябе́нъва, на други́м (sic!) снапо́х пе́ть бу́дя, „за Се́рьгими Тро́йцъми бы́л“; въ *Ахматовѣ*: грыбо́ў-та не́т, „во́çимь ме́р на тсягло́“, блӑгацы́ннай; *Ве́лькова*: на луга́, гра́да́м што́-ля ищё, гъваря́т тра́вы гажы́ маста́ми; *Алексѣево*: грицы́ха, гре́ца-та ниц*яво́; *Ужыщево*: зӑганя́ют, в луга́х; *Мягкова*: на луга́х, гажа́ ницаво́; *Волчково*: на́шы-жы луга́; *Бѣлясево:* „мы Пагостиньскъва прихо́ду“, „гля́нь-ка, я ти гӑварю́“—*Акулово* Китов. волости, но: *уде́*, ба*ата́й*—ibidem.

Изъ предложеннаго обзора употребленія звуковъ *г* и *ɣ* въ нашихъ говорахъ можно видѣть, что звукъ *г* болѣе извѣстенъ на сѣверѣ Касимовскаго уѣзда, чѣмъ въ глубинѣ уѣзда или на югѣ его, почти исключительно звукъ *г* слышенъ въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, въ Дмитріевѣ и Даневѣ, а также по берегу рѣки Гусь къ сѣверо-западу, т. е. въ сосѣдствѣ съ Владимирской губерніей. Въ глубинѣ уѣзда, въ сс. Шостьѣ, Чарусѣ, Ветчанахъ, въ Тумскомъ краю слышны оба звука: и *г* и *ɣ*. Въ Тумскомъ краю рѣшительно преобладаетъ звукъ *ɣ*, хотя извѣстенъ и *г*. На югѣ уѣзда также рѣшительно преобладаетъ звукъ *ɣ*, и звука *г* совсѣмъ почти нѣтъ. Для насъ особенно важно, что звукъ *ɣ* извѣстенъ былъ въ древ-

нее время и въ Псковской области, гдѣ мы находимъ также и звуки: ц^{ъ}, ў, с^{ш}, з^{ж} (см. выше). Въ Псковской 2-ой лѣтописи читаемъ: не хотя ослушатися своего осподаря—37; хощемъ единого осподаря держатися—40; осподарь—45 и мн. др. при: господарь—45, и сами господари великіи князи—40 и друг.

Едвали не слѣдуетъ признать извѣстнымъ звукъ *ɣ* рядомъ со звукомъ *г* еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ говорахъ, по крайней мѣрѣ, *для нѣкоторыхъ словъ*: почему, напр., теперь въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (напр., въ говорѣ Свіяжскаго, Козмодемьянскаго уу. Казан. губерніи), гдѣ *исключительно* мы слышимъ звукъ *г*, говорятъ рядомъ съ этимъ: оспо́да, с осподáми, причемъ я иногда слышалъ оттѣнокъ звука *ɣ* въ началѣ этихъ словъ? Вѣроятно, такой-же звукъ слышенъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, какъ можно заключать изъ статьи въ Живой Старинѣ за 1894-й годъ о говорѣ въ этой мѣстности. Здѣсь отмѣчено: „звукъ *г* съ густымъ придыханіемъ *х*“: *Осподъ*. (На эту статью я ссылался нѣсколько разъ въ своемъ трудѣ, но, не имѣя подъ руками журнала, не могу точно указать номера его). Срв. еще въ *вятскомъ* говорѣ: *хгорохъ* (Жив. Стар. 1892 года. Вып. II. Стр. 21), которое я признаю неточной записью вмѣсто: *гхорохъ*=*гɣорохъ*. (Срв. здѣсь ниже въ отдѣлѣ о звукѣ *к* и *к͡х*). Срв. въ Правой Грамотѣ 1483 г.: положили грамоты купчіе передъ *осподою*—АЮ. № 2. Срв. о господо—въ Духовной XIV—XV в.—АЮ № 409. II. Въ Судномъ спискѣ 1503 г.: о Оспожинѣ дни—АЮ. № 10. Княининъ человѣкъ, холопъ ли еси княинѣ, отъ княини отъ Анны—въ Правой грамотѣ 1547 г.—АЮ. № 22. Въ Докладной Грамотѣ ок. 1485 г.: доложа Осударя—АЮ. № 31. Въ Духовной князя Никиты Александровича Ростовскаго 1548 г.: у княгини и у княини, далъ княинѣ и проч.—АЮ. № 420. Срв. № 421 и друг. Сюда же относятся такія произношенія, какъ: Арханьилскую—АЮ. № 19. Срв. Арханьгилскою—№ 26. № 97. Замѣчательно, что № 16 писанъ „на Москвѣ“ 1532 года, а №№ 26 и 97 писаны „Архангельскими земскими дьячками“, и въ нихъ нѣтъ такихъ написаній, какъ въ № 19. Какъ произносили въ Москвѣ звукъ *г* въ XVI-мъ столѣтіи въ этомъ словѣ? У Востокова (Опис. ркп. Р. М. № XLIV. 15) есть описаніе грамоты въ Колывань 1579 г., изъ правописанія которой мы мо-

жемъ видѣть, что звукъ *γ* не передавался на письмѣ: „w а^{п}се^{г}ско^{г} намѣника и воеводы. Писана в во^{г}чинѣ... в горо^{дѣ} а^{п}елѣ“ [1]).

Мнѣ кажется также, что нужно признать въ русскомъ языкѣ переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* явленіемъ фонетическимъ, какъ и явленіе перехода мягкаго *к* въ мягкое *т* Это явленіе перехода легко объясняется физіологически, а нынѣшніе говоры, въ которыхъ почти всякое *к* мягкое звучитъ, какъ мягкое *т* (напр., въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казан. губерніи Мансуровской волости), доказываютъ, что это явленіе фонетическое и однородное съ нынѣшнимъ и древне-русскимъ переходомъ мягкаго *г* въ мягкое *д*. Въ нашихъ говорахъ тоже извѣстенъ послѣдній переходъ: Динáдій Лаксáндрыц—*Велькова.* Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи очень часто: Жидимонтъ—стр. 27, 28, 29 и друг. Соврем. áньдел, Евдéній и т. п Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1156 г. мы имѣемъ: *Гюрги* поиде къ Кыєвѣ... и прия и князь *Дюрги* съ чьстью... И благословиша кн. *Дюргя* Володимирича... Въ Евгеньевской Псалтыри до 1100 г.: въ лѫзѣ бо въ дрáздѣ (Срезневскій). Можетъ быть, принимая переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* за явленіе фонетическое, мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ и обратный переходъ мягкаго *д* въ мягкое *г*, который мы часто наблю-

---

[1]) Двоякое *г* въ древне-русской письменности различалось тѣмъ, что *γ* не писалось, такъ какъ для этого звука не было начертанія: осподарѧ, осподарю—Рус. Достоп. II. 64. Лавр. лѣт. wспдна—л. 47 осподарь—Акты Арх. Эксп I. № 16. wспдаря——на чарѣ чернигов. кн. Владимира Давыдовича до 1151 года (Срезневскій). См. по этому поводу *Колосова.* Обзоръ. Стр. 197. *Ogonowski.* Studien... 91. (оспóдарь). *Шахматовъ.* О языкѣ Новг. Грамотъ. Спб. 1886. Стр. 166 § 19. Затѣмъ, въ Лавр. спискѣ мы имѣемъ при: гюргевци—л. 151. ст. 2 юргевци—151. 2 гюргевъ—163. 1. Выше мы видѣли Гюрги и Дюрги. Сравни въ нашихъ говорахъ: склáйём—1 л. мн ч. (=складéмъ), хóйут (=ходятъ) и др. Значитъ, устанавливается фактъ перехода въ древне-русскомъ языкѣ (въ сѣверныхъ и центральныхъ мѣстахъ нынѣшней Россіи) звука *г* мягкаго (или, можетъ быть, *γ* мягкаго) въ *j* и въ *д* мягкое и обратно, тогда какъ звукъ *γ* твердое слышался ясно, но не изображался на письмѣ. Вѣроятно, поэтому нужно читать: княjи́ня, а не княиня, какъ написано; равно и: Арханьjилского, а не Арханьйилского и проч. Срв соврем. áньдел, архáньдел.

даемъ въ древне-русскихъ памятникахъ сѣвернаго происхожденія: въ Новгородской Синодальной Лѣтописи XIV вѣка: дъжгь—л. 45. 46. 49. (фототип изд.); дъжгемь—63. 210. Но: дъждемь—250. Въ Псковской 2-ой Лѣтописи: „и потомъ не бысть дожгя“ —Стр. 44

Мягкій звукъ к, находясь въ такомъ же положеніи, т. е. передъ гласной, переходитъ въ звукъ мягкій *т*, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ нашихъ говоровъ: „штабы эти *нѓітти* г дялóм пъмеⁱстúть“—*Ивановское* Ветчап. волости Касимов. уѣзда. Вообще, это явленіе въ нашихъ говорахъ очень рѣдкое, какъ и явленіе перехода мягкаго *г* передъ гласнымъ въ мягкое *д*; намъ удалось записать только по одному примѣру. Но въ другихъ говорахъ, какъ въ говорахъ древнерусскаго языка, такъ и въ говорахъ современнаго намъ русскаго языка, это явленіе хорошо извѣстно и распространено. Въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ: въ Новгородскихъ Купчихъ XIV—XV вѣка: братъ его Лутьянъ—АЮ № 71. IX при: Лукіянъ—ib. № 71. XIII. Срв. въ современномъ говорѣ Сибири: тину, рукавичти, речте (=рѣчкѣ)—*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25. Это явленіе перехода *к'* въ *т'* и *г'* въ *д'* и наоборотъ особенно распространено въ малорусскихъ галицкихъ говорахъ, гдѣ мы находимъ: кіло, кіженько, негіля, вигіли, кісто, глегіти, лекіти, кегати, хогімъ, на свікі, госкі, кежко и друг.—*Соболевскій*. Ibid. IV. 51. 52. 60. Особенность здѣсь та, что въ представленныхъ примѣрахъ мы имѣемъ звуки *к'* и *г'* вмѣсто *т'* и *д'*, а не наоборотъ, какъ мы видѣли въ великорусскихъ говорахъ. Далѣе, по наблюденіямъ изслѣдователей, оказывается, что въ галицкихъ говорахъ такое мягкое *г* звучитъ всегда, какъ *г*, а не какъ *ɣ* (*Соболевскій*. ib. IV. 51. Прим. 2). Слѣдовательно, малорусское мягкое *г*, повидимому, указываетъ намъ на то, что древне-русскій звукъ *ɣ* мягкое не переходилъ въ мягкое *д*, такъ что, вѣроятно, лишь мягкое *г* могло переходить въ мягкое *д* и наоборотъ, а мягкое *ɣ*, вѣроятно, переходило въ *j*: гюргевци—юргевци (выше).

Мягкій звукъ *к*, какъ извѣстно, является еще въ положеніи *послѣ мягкаго* слога въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ: въ вятскомъ [1]), во многихъ южно-великорусскихъ. Въ

[1]) По этому вопросу см. статью *Бодуэна-де-Куртенэ*: Zur Palatalisierung.. въ Indogerm. Forschungen. III. 1894. Срв. *Соболевскаго*. Древній русск. языкъ. М. 1891. Стр. 114—115.

нашихъ говорахъ мы имѣемъ довольно рѣдко это умягченіе звука *к* послѣ мягкаго слога или звука, но надо признать это явленіе весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку. На это указываетъ намъ фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—*ик*,—вмѣсто котораго является діалектическое—*иц*. Такъ, мы имѣемъ: въ Яросл. Пошехон.: брусница, поляница, ежевица, земленица [1]); наоборотъ. въ южно-рязан. мы слышимъ: корика вм. корица. Можетъ быть, переходной ступенью между этими формами нужно считать формы съ мягкимъ *к*, которыя сохранились во многихъ говорахъ [2]): корик'а, земленик'а и т. под. Не знаю. чѣмъ объяснить переходъ звука *к* въ звукъ *ґ* въ такихъ словахъ во многихъ говорахъ: ежевига, клубнита, брусница (Казан. губ.), ежовига, клупнига (Владимир Муром. *Колосовъ*. Замѣтки. 299). Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: ўнўчькя—*Киструсъ* Спас у.; адну́ капе́йкю—*Ижевское* (только женщины); то́лькя—*Воскресенское;* но и: то́лька, ско́лька—ib. и *Ерахтуръ* Касим. у.; рю́ма́чкю, мало́динькяй—*Нармушадъ;* сво́йськяя, но то́лька—ib ; ро́ўнинька, ко́лькā—*Шостья;* но́винькяй—*Антоново*; Данькёва, Данькёськіји—*Ярыгино* (на границѣ съ Владим. губ); пе́чька—*Гус Погостъ;* то́лька—*Ул. Гора*; хърашёнькя—*Дмитріево* (на границѣ съ Влад. г.); за́инькя—*Даневo* (тоже), но: капе́йку, ма́лачька́—ib и *Гус. Погостъ;* Бе'лькёськіји—*Бѣлъково* (тоже); из Бе'лькёва, „хо̆ш цапо́м, хо̆ш валько́м“—д. *Китово*; мане́нька—ib.; по́нькя—с. *Китово*; „не' забу́ть-кя“—ibid.; въ деревнѣ *Китовъ*, въпяти верстахъ: „не' забу́ть-ка“. Я ко́лька жыла́-та [2]—*Урядино*; ис то́нинькай—*Чарусъ*; „сица́с ма́нинькай! нѣни забйли дажжа́“ (=дождй)—*Ивановское*; глу́пинькюю—*Ветчаны*; пе́рьвинькяя—ib ; я была́ мало́дйнькя—*Катово*; „т'ыть он Ту́мськяй“!—*Шаранина* (=Тумскій, изъ Тумы); „на щё яё го́рькяю“!—ib.; Юдинькя—*Чуфилово*;

---

[1]) *Даль*. О нарѣчіяхъ LVI. Срв. также: кострика при кострица; жерлика при жерлица. (Опытъ Обл. Слов. з. v.).

[2]) Срв. статьи, указанныя выше, *Бодуэна-де-Куртенэ* и *Соболевскаго*. См. звукъ *к'* въ различныхъ говорахъ у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. I. 16. 19. 20. II. 11. 18. 22. Въ говорахъ: Орловской, Воронежской, Курской (у *Халанскаго*), Рязанской (у меня: «Къ діалектологіи»), Новгородской, Ярославской, Вятской губерній.

манéнька малóшнинькяй кáшы-ти—*Бычково*; мáнйнькяя—*Норино*; рабóтáют хлóпькя (=*и*—вин. п. мн. ч.)—*Парахино*; х пóнькях (=въ понькахъ), пѣ̑сьни играю̑т дѣ̑хькя (=дѣвки, имен. п. мн ч См. отдѣлъ гласныхъ звуковъ. Выше), нóни стáли зáплятáть дѣ̑хькям (=дѣвкамъ, дат п. мн. ч.)—ib. и *Фомино*; муку̑ пагрѣ̑ш тсю̑плинькяю (2 л ед. ч буд. вр.; тѣ̑пленькую)—*Парахино*; он тадá был мáнйнькяй—*Алексѣево*; прiѣ̑дйш тóлькя нацáс—ib., нóвинькя'й ку̑пим—1 л. мн. ч.—*Волчково*; цайкю̑—род. п ед. ч. (=чайку̑)—*Ламакино*; тóльки адйн вéцы̑р—*Ветчаны*; у̑ряцы̑шнинькяй род. п. ед. ч. ж. р. (=гречишной)—*Катово*; нóвйнькiя сарóка (=—ая, им. п ед. ч. ж. р; „сарóка“—женскiй головной уборъ)—*Акулово* Китов. в.; „гля̑нь-кя, платóцы̑к купи́ла плóхйнькяй“—ibidem.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что явленiе смягченiя звука *к* послѣ мягкаго слога или звука извѣстно и въ сѣверной части Рязанской губернiи, но здѣсь это явленiе встрѣчается рядомъ съ твердымъ *к* въ такомъ же положенiи и не составляетъ постояннаго правила, какъ на югѣ. Надо думать, что мягкое *к* принадлежитъ къ числу остатковъ отъ старины, а тотъ фактъ, что въ означенномъ положенiи, напр., въ суффиксѣ—*ик*,—звукъ *к* переходитъ въ звукъ *ц* по преимуществу *въ сѣверно-великорусскихъ* говорахъ, указываетъ, мнѣ кажется, на то, что сѣверно-великорусскiе говоры нѣкогда тоже имѣли это мягкое *к*, какъ имѣютъ его нынѣ южно-великорусскiе говоры.

Что касается другихъ видоизмѣненiй первоначальнаго звука *к* въ нашихъ говорахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ очень часто переходитъ въ звукъ *х*, который, въ свою очередь, чередуется съ звукомъ *к* и переходитъ въ звукъ *к*. Передъ согласнымъ *т* звукъ *к* почти всегда, какъ и на югѣ губернiи, звучитъ, какъ *х*: так и с^{ш}ягдá тáх-та!—*Ветчаны*; *у* дъхтарáм—дат. п. мн. ч.—*Логино*; дóхтура нѣ̑т—*Семеино*; варóцай на трáхт!—*Амляшово*; „у нáс тáх-та ня нóсjуот“—3 л. мн. ч.—*Парахино*; Микалáй Вúхтърáвиц—*Алексѣево*; хто вм. кто—повсемѣстно и въ Спасскомъ уѣздѣ также; трахтúр—*Ижевское* Спас. у.; тáх-та, у̑ трахтúрѣ[1]—*Ерахтуръ* Касим у.; „нъцавáть кáк уш тáх-та ня пу̑стить“?!—неопр. н.—дер. *Китово*, палóжут тáх-та!—*Ивановское*. Передъ согласнымъ *п* мнѣ пришлось слышать только однажды: „х пла-

хо́й шо́л“ (=къ плохой)—*Уланова Гора*. Передъ согласнымъ *р* звукъ *к* переходитъ всегда въ звукъ *х* въ словѣ *крестъ* и производныхъ: хре́сная (мать)—*Ерахтуръ*; у́ хрясцы́ (въ крестцы́, крсте́цъ—небольшой стогъ)—*Шостья*; бис хряста́—д. *Китово*; хряще́нья, хрясты́—*Уланова Гора*; хришше́нья—*Дмитріево*; хрястите́ль—*Борисково*; какъ хрёст на цэ́рьхви—*Горы*; на Ива́на Христи́тьля—*Агьево*; на хрястѣ, как он хрёст нёс—*Логино*; мать хрёсная—*Андроново* (Малахово); „с хряст6́м пайду́ адны́м“—*Алексѣево* и т. под. Съ этими словами *крестъ* и *Христосъ*, *Христа* ассоціировалось и слово „крестьянинъ“: у христья́н—*Ерахтуръ* Касим у,; звукъ *х* вмѣсто *к* мы слышимъ еще въ нашихъ говорахъ часто въ словѣ *церковь* въ косвенныхъ падежахъ ед. и множ. чиселъ: как хре́ст на цэ́рьхви—*Горы*; „цэ́рьхве́й-та мно́ѵа“—*Логино* и друг. Что касается слова *крестъ* съ производными, то въ этихъ словахъ уже въ глубокой древности мы встрѣчаемъ начальный звукъ *х* вмѣсто *к*, какъ свидѣтельствуютъ о томъ памятники письменности: въ Изборникѣ 1073 г.—хрістити—л 28 об. 46 об. 48. 58 об. и др Срв.: на кристѣ Кристосовѣ—ib. 157. Въ Галиц. Ев. 1144 г. хрьстити—л. 5 об 44. Въ Лавр. спискѣ подъ 1096 г.: за не принѕди мя сынъ твои ѥго же ѥси хрьстилъ; въ Крестной Грамотѣ кн. Всеволода князю Владимирку (въ Ипат. Лѣт. подъ 1144 г.): Володимерко възверже ѥмѕ грамотѕ хрестнѕю. Срв. подъ 1147 г.: хрест'ными грамотами, хрестъ ѥста перестѕпила... поверже имъ грамоты хрестьныѧ. Или: въ Лавр. спискѣ Лѣтописи подъ 1197 г.: а, брате и свате, пошли грамоты хрестьныѣ поверзи имъ, а самъ поиди на конь. Подъ 1096 г.: да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малымъ братомъ своимь... и мн. др. Хрестное цѣлованіе мы встрѣчаемъ, напр., въ Псковской 2-ой Лѣтоп. Стр. 11. сынъ хрѣстьный—Смол. Лѣтопись Авраамки—стр. 73. ризы хрестцатыи—ib. 78. 87 и друг. Слово „крестьянинъ“ съ начальнымъ *х* мы встрѣчаемъ тоже въ памятникахъ древней письменности: спросите, господине, нашихъ хрестьянъ—Правая Грамота 1485 г.—АЮ. № 3. хрестьяня—ib. № 6. срв. № 8. 17. 11. 19. 20. Но: за волостными крестьяны—№ 26. срв. опять № 46 и друг. Звукъ *к* передъ *т* является въ формѣ *х* также въ древнихъ памятникахъ письменности: въ Лѣтописи Авраамки 1495 г. мы имѣемъ: царь Тохта и царь Токта—стр. 56 и 57. Галахтіона—АЮ. № 68. 1666 г. (подписи).

Интересно также, что звуки *к* и *х* чередуются передъ гласными: въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: скарóнютца (= схоронятся)—*Шостья*; пäкъранúли (= похоронили)—*Гусевской Погостъ*; каравóт—*Уланова Гора, Дмитріево* и др.; кäравóды вóдют—*Бѣльково* [1]); ушóл с Пáски—*Ивановское, Андроново, Акулово, Праватарово*; скäранúли—*Горы, Бѣльково, Расторгуево, Меркулово* и друг.; вмѣсто „сходить“ часто „скадúть“: „мнѣ судú скалúть-та цавó стóит“—*Шаранина*; ты ищё скóлиш—2 л. ед. ч.—ibid. и друг. Основное *к* мы имѣемъ въ произношеніи: „язы́к мя́кäк“—*Чуфилово* Касим. у. Въ произношеніи: „с Праскóвьйй Никéвнай“ мы, можетъ быть, имѣемъ *к* вмѣсто *х*, если „Никéвнай“ вмѣсто „Михéвнай“ отъ имени „Михéй“—*Немнясево* Касим. у. Наконецъ, замѣтимъ мягкое *х* въ произношеніи: хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ* Касим. у.; у хязя́йна жывýть—*Урядино* Мягкость звука *х*, вѣроятно, здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука *з*.

Въ древне-русской письменности чередовались написанія (и произношенія?) словъ: схима и скима, Колмогоры и Холмогоры, ханъ и канъ, казаръ и хазаръ. Срв въ Олонецкихъ былинахъ: клюха, клюшка при нашемъ литературномъ „клюка“. „Скимнаго образа“—въ грамотѣ печер игумена Василія къ Кириллу Туровскому (Прибавленія къ Твор. св. Отц. X 347): азъ же не о собѣ скажю ти о св. скимѣ, но отъ св. книгъ—ibidem. Въ Ипат. Лѣт. подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць скимникъ. Скима и скыма—въ Смол. Лѣт. Авраамки стр. 53. 67 и др. Псков. 2-ая Лѣтопись Стр 42. 55 (Прибавленія). На Колмогорахъ—Грамота 1532 года—АЮ. № 19. Колмогорцы—Грам. 1612 г.—ib № 26 и друг. Такъ-же въ Лѣчебникѣ 1665 г. (Собраніе ркп. Пискарева. № 196). Срв. книги отдѣльныя Моск. Новоспаск. монастыря 1614 г. (Собр. ркп. Бѣляева. № 97). Въ говорѣ Лаишев. у. Казан. губ. я встрѣтиль произношеніе „гóршунъ“ вм. кóршунъ; здѣсь мы видимъ звукъ *г* передъ гласнымъ вмѣсто *к*. Я не могу подыскать какой-либо правдоподобной аналогіи для замѣны звуковъ въ словахъ: хоронить, холмъ, клюха, сходить..., а потому задаюсь вопросомъ: не было-ли когда-нибудь въ русскихъ

[1]) Срв. «па карауóбу»—*Зубово, Норино* Касим. у и на югѣ Ряз. губ.

нарѣчіяхъ звука слитнаго въ родѣ $\widehat{кх}$, подобно другимъ языкамъ, который слышался мѣстами съ преобладаніемъ перваго элемента, мѣстами съ преобладаніемъ второго? Повидимому, въ пользу такого предположенія говоритъ отмѣченное выше явленіе звука „*г* съ густымъ придыханіемъ *х*“ въ Олонецкой губерніи Вытегорскаго уѣзда, затѣмъ вятское $\widehat{гх}$ ($\widehat{гу}$) или $\widehat{хг}$ въ словѣ *хгорохъ*, и произношеніе слова „оспода“ съ слабымъ оттѣнкомъ начальнаго *у* въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казан. губерніи. Если до сихъ поръ слышится въ свр. говорахъ слитное звуковое сочетаніе $\widehat{гу}$, и оно отмѣчено наблюдателями, то этому дифтонгическому сочетанію прямо соотвѣтствовало-бы предполагаемое нами сочетаніе глухихъ звуковъ $\widehat{кх}$. Не обладая практическимъ знаніемъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и не слыхавъ живого говора многихъ изъ южныхъ и западныхъ славянъ, я не чувствую за собой права настаивать на *общеславянскомъ* происхожденіи дифтонгическихъ сочетаній $\widehat{гу}$ (gh) и $\widehat{кх}$ ($\widehat{к\chi}$), но, какъ свою догадку, выскажу предположеніе, что эти звуки должны были быть извѣстны въ эпоху общеславянскую и литовско-славянскую. Предположеніе свое я основываю на слѣдующемъ: въ современномъ верхне-лужицкомъ нарѣчіи мы имѣемъ почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ стоитъ звукъ *х* передъ гласной и даже согласной (діалектически—звукъ *к*), звуковое сочетаніе *kh* (*к*χ?). Напримѣръ: при стрсл. хода, ходити мы имѣемъ въ ново-слов. chod, choditi [1]); въ болг. ход (заход), ходја; серб. ход, ходити; чш. chod, choditi; польск. chód, chodzić; нижне-лужиц. chod, chojźiś; общерус. ходити, ходъ; но въ верхне-лужиц. *khod*, *khodžić* при этомъ литов-

[1]) Не понимаю, зачѣмъ *Миклошичъ* въ своемъ Словарѣ (Etym. Wtb.) употребляетъ *два* разныхъ знака для *одного* звука: стрсл. болг. серб. у него написано: hодъ—hод, польск и чш. chod. Между тѣмъ *Миклошичъ* употребляетъ знакъ *h* для звука γ: gąba—houba, hubka, huba и мн. др. Такимъ образомъ, его транскрипція можетъ ввести въ заблужденіе: если *ch* у него есть *х* (χ), то надо это *ch* писать и въ стрсл. словахъ, а онъ пишетъ тамъ *h* въ значеніи же звука *х* (χ). Срв. у него же въ «Словарѣ шести слав. языковъ» (В. Спб. 1885), гдѣ мы видимъ: *ch* только для чешскаго и польскаго въ значеніи *х* (χ), какъ и слѣдуетъ, а для стрсл. болгар. и серб.—начертаніе *х*.

скій яз. представляетъ звукъ *k*: dakadas, zokadas. Стрсл. хлѣкъ, ново-слов. chlêb, болг. лѣб и хлѣб, серб хљеб, чш. chléb, польск. chléb, нижне-луж. *kleb*, общерус хлѣбъ но верхне-луж.: *khleb*; литов. klẽpas, латыш. klaips Стрсл. хлѣкъ, ново-слов. hlêv, болг. хлѣв, чш. chlév, польск chléw, нижне-луж. chlev, общерус. кхлѣвъ, (хлів, хлѣв и діал. клѣв), но верхне-луж.: *klev* (изъ *khlev); латыш klẽvs... Стрсл. хмель, ново-слов. hmelj, серб. хмељ и мељ, болг. хмел, чш. chmel, польск. chmiel, нижне-луж. chmel', общерус. хмель, но верхне-луж. *khmjel*. Стрсл. хохотѧти при верх.-луж. *khachotac'*, *khachot*; русск. хохолъ; верх.-луж. *khochoł*. Стрсл. хладъ—верх.-луж. *khłod*. Стрсл. хлапъ—лит. klapas Стрсл. хомѧтъ—верх.-луж. *khomot*, литов. kamantai. Стрсл. храбръ, болгр. рабър (?), в.-луж. *khrobły*. Стрсл. хоржгы, др. серб. коругва, чш. koruhev, в.-луж *khorhoj*, млр. коро*у*ва, влр. діал. корогва; литов. karūna, лотыш. karõgs. Русск. ховати—в.-луж. *khovac'*, литов. kavovė (сущ.), лотыш kavāt, kavēt. Стрсл. хрѣбѣтъ в.-луж. *khribjet*. Стрсл. хрѣнъ—литов krėnas. Рус. хрипъ, хриплый—в.-луж. *khrapy*. Рус хровате (лѣтоп.)—польск. karwat. Стрсл. худъ—в.-луж. *khudy*, литов. kudas. Рус. хустка, лит. kuska. Рус. *кхуторъ (хуторъ, діал. куторъ)—Стрсл. хвала, серб. хвала при *вала*, в.луж *khvała*, литов. kvola. Рус. хвоя—польск. choja, в.-луж. *khojna*. Стрсл. храстъ, в.-луж. *khrost* [1]). Стрсл. хвостъ—в.-луж khošćo. Стрсл. хлѣмъ, в.-луж. *khołm*. Стрсл хртъ, в.-луж. *khort*, литов. kurtas. Стрсл. хытити, в.-луж *khićić*, лит. kitras (хитръ). Стрсл. хватити - в.-луж. *khvatać*, *khvat*. Рус хилъ, хилить—в.-луж. *khileć*. Стрсл. подхыкынъ—в.-луж. *khiba*, *khibić*. Рус. хирѣть, хворый,—в.-луж. *khory*. Стрсл. хыжъ—в.-луж. *khježa* [2]). Стрсл. хромъ,

---

[1]) Выпаденіе звука *в* (*v*) во многихъ изъ слав. нарѣчій, напр., въ словахъ: *хвоя*, *хворый*, *хворостъ*, *хвостъ*, *хвиля* и друг.: choja, chylá (в.-луж. *khvila*), chory, chrast. chošć... подтверждаетъ сказанное нами выше о звукѣ *в*=*у*. Въ эпоху общеславянскую и прарусскую звукъ *в* (*v*) не могъ быть такимъ, какимъ мы слышимъ его сейчасъ, въ противномъ случаѣ не были бы такіе результаты звуковыхъ измѣненій. Это былъ *неслоговое и*, можетъ быть, мѣстами, т. е. діалектически—*v* (*в*) или звукъ очень близкій къ *v* (*в*).

[2]) Во многихъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ (лѣб, мель, рабър, вала) мы видѣли *отпаденіе* звука *х* Это отпаденіе могло происходить только въ той группѣ языковъ, которые изъ общеславянскаго сочетанія *кѫ* унаслѣдо-

болг. хром, серб. хром, чш. chromý, польск. chromy, н.-луж. chromy, рус. хромъ, но въ верх.-луж.: *khromy*. Срв. въ болгарскихъ говорахъ: пазука, грекóви (*Лавровъ*. Обзоръ зв. и форм. болгар. языка. М. 1893. Стр. 94—95). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ примѣровъ можно, кажется, замѣтить, что былъ какой-то индо-европейскій звукъ (можетъ быть особаго рода звукъ *s*), который рефлектировался въ литовско-славянскую эпоху сочетаніемъ $\widehat{\kappa\chi}$, причемъ въ литовской вѣтви развился отсюда звукъ κ, а въ славянской частью χ, частью κ, частью сохранился $\kappa\chi$. Звуковое сочетаніе $\widehat{\kappa\chi}$ нужно считать древнѣйшимъ, такъ какъ изъ этого сочетанія можно легко объяснить и позднѣйшее κ, и позднѣйшее χ въ различныхъ языкахъ и говорахъ. Замѣчательно, что не всякое κ можетъ чередоваться съ χ въ слав. нарѣчіяхъ: такъ, тотъ звукъ κ, который соотвѣтствуетъ основному κ, и въ слав., и въ русскихъ нарѣчіяхъ не имѣетъ діалектическаго чередованія съ звукомъ χ, т. е. звукъ κ, напр., въ словѣ „который“, „конь“, „кожа“ „край“ и под., не чередуется по говорамъ въ этихъ словахъ съ звукомъ x; намъ неизвѣстны произношенія „хоторый“, „хонь“ и под., между тѣмъ какъ звукъ x, полученный общеславянскимъ языкомъ изъ какого-то другого основного звука, находится въ чередованіи со звукомъ κ (см. выше) и въ слав. и русскихъ нарѣчіяхъ, а верхне-лужицкое *kh* и литовское κ въ соотвѣтствіи съ звукомъ x другихъ славянскихъ нарѣчій, вмѣсто котораго является и въ этихъ нарѣчіяхъ діалектическое κ, повидимому, указываетъ на литовско-славянскій звукъ $\widehat{\kappa\chi}$. Мы, напр, просматривая слова съ основнымъ общеславянскимъ звукомъ κ въ Этимологическомъ Словарѣ Миклошича, не нашли почти ни одного слова, которое бы давало вмѣсто основного κ звукъ χ въ слав. нарѣчіяхъ, равно и верхне-лужицкій языкъ въ такихъ случаяхъ не предлагаетъ дифтонгическаго сочетанія $\widehat{\kappa\chi}$ (*kh*), а имѣетъ вездѣ звукъ κ. Отдѣльно стоятъ слова: при рус. карась—в.-луж. *kharas*; рус. крестъ—в.-луж. *khšest* (срв. рус. діал. хрестъ и хрéстъ и проч. выше. Здѣсь чередованіе не фонетическое). Мы затрудняемся возвести означенные выше звуки къ какому-

---

вали и развили у себя лишь *второй* звукъ (x) этого сочетанія Это x, какъ и γ, могло отпадать: *оспода*.

нибудь основному звуку *придыхательному* (звонкому или глухому) въ виду того, повидимому, прочно установленнаго факта, что индоевропейскіе звуки придыхательные, какъ звонкіе, такъ и глухіе, еще въ литовско-славянскую эпоху утратили свое придыханіе и совпали съ индоевропейскими звонкими и глухими *непридыхательными*.

Въ виду нѣкоторыхъ указаній, напр., слова хромъ. мы позволили себѣ выше высказать догадку, что, можетъ быть, въ данномъ случаѣ нужно искать или предполагать индоевропейскій *особый* звукъ *s*, тогда звонкимъ былъ бы какой-то *особый* звукъ *z*. Но это, конечно, только одно предположеніе. Однако какому основному звуку соотвѣтствуетъ звукъ *х* въ нашемъ словѣ хладъ—холодъ или хлъмъ—холмъ и друг.? Срв. „ходъ—ходить“ при корнѣ sad —(Срв. также *Schleicher*. Compendium. Weimar. 1876⁴. Стр. 283. Примѣчаніе).

Глава XI-ая.

О звукахъ язычныхъ (плавныхъ) *р* и *л* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Выше мы говорили о мягкости и твердости звука *р* въ зависимости отъ его положенія въ словѣ; мы видѣли, что звукъ *р* становится твердымъ при слѣдующемъ гласномъ *ы* вмѣсто основного или литературнаго звука *и*, и наоборотъ—часто звукъ *р* становится мягкимъ въ нашихъ говорахъ, и въ связи съ этимъ измѣняется сосѣдній гласный. Здѣсь мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ со старымъ или новымъ мягкимъ звукомъ *р*. Такъ, мы слышимъ произношеніе: Кама́рёф (фамилія)—*Выжлисъ* Спас. у.; кама́ри—им п. мн. ч.—*Катово* Касим. у.; кама́рь бы́л во́т како́й! ат ка́мари́й мужаве́льник жгли!—*Рогачево*, *Семеино*; а́гурцэ́й—род п. мн. ч (=огурцовъ)—*Ерахтуръ*; а́гурьчи́й—*Антоново*; а́гурцы́—*Катово*; а́гурьцэ́й—род. п. мн. ч.—ibid.; „а́гурцы́ Ильи́н де́нь пъстна́ваютъ“—*Акулово*; такое-же мягкое *р*, какъ на югѣ Ряз. губерніи, мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ передъ *ц*: се́рьцам—твор. п ед. ч. *Шостья* Касим. у.; на се́рьцы (у меня́)—мѣстн. п. ед. ч.—*Бѣлыково*; к се́рьцу—д. *Китово*; на се́рьцы ни висяло́—*Чарусъ*; се́рьца аста́лась—

Алексѣево; ӑсярьцáиш—2 л. ед. ч.—*Снохино*; срв. „да свавó дварьцá“—д. *Китово*; тавáрьцу—род. п ед. ч.—*Забѣлино*. Произношенія: да зáўтря та?—*Рогачево*; паслѧ́ затрѧ́—*Семегино* стоятъ въ связи съ произношеніемъ „зáфтри“, „зáтри“ и встрѣчались намъ также и на югѣ Ряз губерніи. Произношенія: рӑзарю́тца—3 л. мн. ч (=разору́тся, раскричатся)—*Бычково*; арю́т—3 л. мн ч.—*Парахино*; арю́т—3 л. мн. ч. — *Данево*—заимствуютъ мягкое *р* изъ формъ, гдѣ это *р* стоитъ передъ мягкимъ гласнымъ: оре́шь, оре́тъ и под. Въ нѣкоторыхъ словахъ сохранилось старое *р'* передъ суффиксомъ: к стӑрышынѣ́—*Выжлисъ* Спас. у.; стáрьша—срв. степ. (=старше)—*Нармушадъ* Касим у.; пӑстáрьшы—срв. степ.—*Дмитріево*; но: стӑршына́—*Бычково*. Въ слѣдующихъ случаяхъ мягкое *р* обусловлено положеніемъ его передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ: „с пастá зӑскарьби́ла“ (=затосковала, заскорбѣла, заболѣла)—*Киструсъ* Спас. у.; ў фто́рьник—*Деревенское* ib.; ў бе́рьди—мѣстн. п. ед. ч—*Шостья* Касим. у.; кирьпи́шная—*Гус. Погостъ;* ве'рьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—ibid.; *р* мягкое мы слышимъ также въ словѣ: „хе́рьшӑла нѣ́т“—*Ерахтуръ*. Наконецъ, цѣлый рядъ произношеній уясняетъ намъ исторію общеславянскихъ сочетаній: неслоговой ирраціональный гласный + плавный слоговой звукъ между согласными (ър, ъл, ьр, ьл): ве́рьба—*Нармушадъ* Касим. у.; пе́рьвай—*Ерахтуръ*; цэ́рьпӑла—ib.; д'е́рьуе'нка—ib.; цэ́рьви—им. п. мн. ч.—*Шостья*; пе́рьва—нарѣч.—ib.; де́рьгали—ib.; ве́рьбную не'дѣ́лю—*Антоново*; сперьва́—*Дмитріево*; де́рьгае'м—1 л. мн. ч.—*Китово;* зе́рькӑла—*Ветчаны*; „цэлавѣ́к де́рьгаить рука́ми“—*Катово;* срв. де́рьнит—3 л. ед. ч.—*Горы*; ка мнѣ́ пе́рьва (=сперва́)—*Чуфилово*; „се'рьны́ нӑзубря́ли“—*Андроново*; рука́ми ни де́рьуаим—1 л. мн. ч.—*Праватарово*. Срв. када́ и цэ́рйф брася́я—*Акулово, Жалудково* (=червь бросаетъ); „када́ и бис цэ́рьва“—ib.; цэ́рйф како́й нӑдъядя́л—*Амляшово;* Ме'рькў́лъсʲ'ьки—*Меркулово* (=Меркў́ловскіе); съ другой стороны, мы слышимъ: „за сахо́й—тъй де́ржымси“—1 л. мн. ч—*Снохино*; „де́ржут ня цáшу“—*Логино*; у няво́ придо́ржыватца—3 л. ед. ч.—*Немнясево;* прадо́ржйтя—2 л. мн. ч.—*Парахино*. Такое же произношеніе мы слышимъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ [1]).

[1]) Срв. съ вышеприведенной формой изъ нашихъ говоровъ форму въ пѣснѣ г. Шенкурска Арханг. губ. въ Сборникѣ *Истомина* и *Дютша*: «Дѣвка водў́ церьпатъ»—стр. 153.

Звукъ *р* мягкое мы слышимъ также въ словахъ: изряс-цо́вая—*Гусевской Погостъ*; пиряшка́ зъкуси́ть-ты—*Бѣлъково* (=пирожка́); да́ суме́ряк (пѣсня;=до су́мерокъ)—д. *Китово*. Въ такихъ примѣрахъ, какъ „пиряшка́“, нельзя объяснять появленіе мягкаго *р* вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога въ виду подобныхъ примѣровъ мягкаго *р* безъ предшествующаго мягкаго слога: сгоря́етъ—въ Олонецкомъ говорѣ (*Колосовъ* Замѣтки .. ib. 183. Въ сказкѣ). Наоборотъ, твердое *р* мы слышимъ въ словахъ: ра́зара́ють—3 л. мн. ч. (=разоряють) —*Шостья*; рабя́ты—*Дмитріево*; рабёнка—род. вин п. ед. ч.—*Данево*; ры́жёскай бальза́м (=рижскій)—*Гусевской Погостъ*. Срв. выше приведенныя слова: крыца́ть, крыца́ла—*Шостья*, *Ижевское*; пъкрыцы́ть—3 л. ед. ч. —*Нармушадь*; пе'ре'стры́ули—*Шостья*; те'пе́р—*Ерахтуръ* и друг. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что звукъ *р* былъ особенно склоненъ къ мягкости и отвердѣнію, т. е. былъ какой-то *р*, который звучалъ нѣкогда *полумягко* [1]).

Мягкое л иногда является вмѣсто мягкаго *н*: све'шша́льник — *Ерахтуръ* (=священникъ); снаша́льница — *Шостья* (=сноше́нница). Срв. др. рус. москотинникъ—АЮ. № 7. при нынѣшнемъ „москательный“; десятилникомъ—АЮ. № 24. при „десятинный“; „со́тельная“ (бумажка сторублевая) при „сотенная“ и друг Священ́льник—*Зубово*; гаражёльник—*Бычково* (загороженное мѣсто); Немля́с^{ш}е'ва=*Немня́сево* (деревня); Со́слина=*Со́снино* (деревня)—*Праватарово*, *Андроново*. „Ни приста́лей у нас нѣт“—*Китово*. Слово „приста́ль“ вмѣсто „пристань“ могло образоваться и не фонетически. Съ другой стороны, мягкое *л* могло фонетически чередоваться съ звукомъ *j*: *у* дасто́льнай бла́*у*ъстили—*Киструсъ* Спас. уѣзда; замѣчательно произношеніе: нал'л'у́ть=нальють—3 л. мн. ч.—*Шостья* и: сё се'ле́н'н'а (=всё селёнье)—ibidem; это напоминаетъ блр и млр. произношенія, но такого произношенія *я* больше нигдѣ не встрѣтилъ. Срв. др. рус. горностальгорностали—горностале́й—АЮ. № 413. (1483 г.) и въ нашихъ былинахъ—при современномъ: „горностай“ [2]).

---

[1]) Срв. въ Олонец. пѣснѣ (*Истомин*. Сборникъ)—разгоряетця—стр. 47. гряновитую—Был. *Гильфердинга* 682.

[2]) «Горносталюшка»—*Гильфердингъ*. Былины. 43. Съ формой «нал'л'у́ть» и «се'ле́н'н'а» нашихъ говоровъ срв. въ говорѣ Путивльскаго уѣзда Курск.

Звукъ л вмѣсто *р* твердаго мы слышимъ въ словѣ: Плаcко́вьjій — тв. п. ед. ч. (=Прасковьей)—*Праватарово.* Непонятно произношеніе: ма́ластырь харо́шай—*Логино* (=монастырь).

Въ заключеніе обзора звуковъ нашихъ говоровъ отмѣтимъ *мягкое н* передъ суффиксомъ—*ц* или—*ъц*, иначе сказать, отмѣтимъ сохраненіе въ нашихъ говорахъ древняго суффикса—*ъц.* Примѣры: ф каньцѣ́—*Борисково*; из мацо́ньца—*Катово;* с каньц'я́—*Рогачево;* на то́м каньцѣ́—*Бычково*; пшаньца́ нѣ́ту—*Давыдово*; пало́ш пальѣ́ньца—*Семегино*; х каньцу́—ib.; „два куши́ньцы́ка цара́сь вари́ла"—ib.; виньца́ли—ib; туды́ сѣ'ньца́—*Расторгуево*; па аршы́ньцу—ib.; Анто́н на тѣ́м каньцѣ́ жыве́—*Чуфилово;* ка вяньцу́—*Меркулово*; три паклоньца—*Анисово*; ави́ньца три—*Парахино*; пълате́ньца—ib.; виньца́—*Фомино*; „праса́ лю́бют со́ньца"—*Алексѣево* и друг., какъ на югѣ Ряз губерніи. Приставлено *н* въ словѣ: низьвини́ти—2 л. мн. ч. пов. н. —*Логино*; твердое *н* вмѣсто твердаго *м* слышно въ произношеніи: на Харла́нава (=Харла́мова) —*Зубово.*

Глава XII-ая.

Мелкія явленія въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ говорахъ Касим. уѣзда Рязанской губерніи.

Сокращеніе слоговъ и перестановка гласныхъ. Примѣры сокращенія мы слышали слѣдующіе: „А у кавó до́ма нѣ́т-ти"? (=нѣ́ту-ти)—*Ерахтуръ;* зны́ш, бы́т (какъ вводныя слова,=знаешь, баютъ)—ibid.; бáславля́ют—ib.; мал' ма́ла—*Нармушадъ*; „у́стя́м-ти да́-ка зáкуси́ть"—ib. (=дай-ка); „топка кака́я пра' днаво́" (=про одного), д'ыть он у на́с здѣ́сь жыни́лси, улятѣ́ли *дало́* (=долой), и так *дамо́* (=домой) прúвязу́ть—ibid. (см. выше); сафсѣ́м пе'р'сыха́ла, у абѣ́х, маму́—дат. п. ед. ч. (=моему); па' зара́м (=по озерамъ)—*Ерахтуръ*; у

губерніи: налю́, ву́галля, замире́нія—у *Соболевскаго.* Жив. Стар. 1892. Вып I. Стр 18. Въ говорѣ Черниг. губ.—ib. Стр. 20. Въ говорѣ Ржевск. у. Тверской губ—ibid. Вып. III. Стр. 11.

кŏ'е́сть (=у кавó)—*Куземкино*; п'латнó (=полотно), хắладьнѣ́ (=ѣе, сравн. ст.), привя́зъвуть—3 л. мн. ч. (=привязываютъ), таўси́нькуть—3 л. мн. ч. (=таўси́нькаютъ=поютъ Таусень)—*Шостья*; за́γӑнья (=заговѣнье), заγа́дывуть, свамý, свавó, мавó (см. выше), бу́т'ть=будетъ, ни' бдира́мшы (=не обдиравши), цо́рнăва т'рака́на—*Шостья*; Брѣ́ва=Брѣево (названіе деревни)—ib.; Андре́ва пу́стын—*Лощина;* гурцы́ (=огурцы́)—г. *Касимовъ*; зблазни́т—3. л. ед. ч. (=соблазнитъ)—*Уланова Гора*; н' Ула́нъву—ib. (=на Уланову Гору); у мня́ (=у меня)—ib.; см. выше; бắслави́—*Дмитріево;* дми́трйфьска—ib.; прима́е¹т (=принимаетъ)—*Данево*; бắславе́ньичя—ib.; у Маисе́й Андре́ва—*Гус. Погостъ*; Яго́р Зйнаве́ф—*Забѣлино* (=Зиновьевъ); „'ть кака́я прада́жа"?! (=вѣдь ...)—ib.; за' вра́гăм (=за оврагомъ. См. выше объ этомъ словѣ. Въ своемъ мѣстѣ нами были приведены такія формы этого слова и изъ древняго русскаго языка актовъ и грамотъ. Быть можетъ, названіе одной Московской улицы: „Сивцевъ вражекъ"—указываетъ тоже на эту форму слова „оврагъ"), жыре¹бья́ закла́дывут, савѣ́тывут—3 л. мн. ч.—*Бѣльково*; вот и хлѣба-та нава́жывут, пе¹р'дили́лись (=передѣлились), вздýмýт—3 л. мн. ч. (=вздумаютъ)—ib.; шэ́сь капе́к, хто́ бу́т карьми́ть²—ib.; Ки́т'скіји (=Китовскіе)—д *Китово*; и́бр$_0$дускай (=Йбердусовскій)—с. *Ибердусъ*, с. *Китово*; „жыре́лья бабро́вая" (въ пѣснѣ)—д. *Китово*; „у мя хязя́ин по́мир"—*Урядино*; „мы Каси́мьскăва уѣ́зду"—ib.; с каки́х пор ни γра́ю (=играю)—*Чарусъ*; мно́γа на́шых рабо́тут, здѣлут—ib.; „пахо́жа, пьянствăть"—3 л. ед. ч. (=должно быть, пьянствуетъ)—*Чарусъ*; дуб'вики́, бе¹ре́з'вики (грибы)—*Ивановское;* „каγда́ ръжана́, ту́т пăспіе́т" (=поспѣваетъ)—ib. Сравни съ этой формой форму др. рус. языка: доспію—1 л. ед. ч.—АЮ. № 47. (Явка 1586 г.). Фся́кăму хо́тца (=хочется)—*Ивановское*; „тада́ н'ави́н ме́ть" (=тогда на овинъ мять)—ib.; пабѣ́дае¹м—1 л. мн. ч. (=пообѣдаемъ).

Перестановку гласныхъ мы слышали въ словахъ: аржэ́ственскай=рождественскій—*Дмитріево* Кас. у; ванаку́пле¹ныји=новокупленные (крестьяне)—*Забѣлино*; въ слѣдующемъ примѣрѣ переставлены согласные: „в э́тим ф приса́тки-ти наврём"—д. *Китово* (=въ этомъ въ присадкѣ-то нарвёмъ).

Общимъ для всѣхъ русскихъ говоровъ явленіемъ въ области согласныхъ представляется явленіе *смягченія согласныхъ*

въ положеніи ихъ передъ слѣдующими *мягкими* согласными. Относящихся сюда примѣровъ поэтому мы приводить не будемъ: достаточно указать на два-три примѣра: абѣдьню, јéзьдють, зáдьніји, ɣрýзьди, сúтьницка, пóдьлѣ' и мн. др. Но также: „я ать'э́тих ɣадóў ушлá“—*Ерахтуръ*; „уть'э́та вядрó“—ib. и друг. Нѣсколько важнѣе случаи *отвердѣнія согласныхъ* и въ связи съ этимъ—отвердѣнія гласныхъ въ примѣрахъ: зьдѣ́шныји, зьдѣ́шная—*Данево*, *Борки*, *Гус. Погостъ*; дрéвнáй (=древній)—*Нармушадъ*; лѣ́тная врéмя—*Шостья*; дáльную старóнку—ib.; прéжныји-ти ушлú—*Ивановское*; зънимáе'мса—1 л. мн. ч.—*Шостья* и друг.; пýстын (Андрева)=пýстынь—*Лощина* (срв. зáпáнь=зáпанъ—*Шостья*); на югѣ Ряз. губерніи мы слышали: „кóршунь“ (=коршунъ; въ Лаишев. у. Каз. губ.=гóршун.); удóржыт—3 л ед. ч.—*Ярыгино*; дóржыт—3 л. ед. ч.—*Данево*, *Гус. Погостъ*

Такимъ образомъ, мы представили обзоръ фонетики говора Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, послѣ чего намъ слѣдовало бы обратиться къ морфологіи, но внимательный читатель, полагаю, уже могъ достаточно убѣдиться на безчисленныхъ примѣрахъ въ томъ, что морфологія нашихъ говоровъ не представляетъ ничего существенно — новаго и даже ничего особеннаго сравнительно съ морфологіей южныхъ говоровъ въ Рязанской губерніи. Дѣло все въ выдержанности или распространенности извѣстнаго морфологическаго типа: на югѣ мы видѣли въ морфологіи извѣстную выдержанность формъ, между тѣмъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными формами: въ глаголахъ мы видѣли 3-е лицо и на—*тъ*, и на—*ть*, и вовсе безъ окончанія. Само собой разумѣется, что окончаніе—*ть* проникло въ наши говоры изъ сосѣднихъ мѣстностей, какъ проникло и южное áканье, на это указываетъ намъ то обстоятельство, что окончаніе—*ть* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ—*тъ* и формы безъ личнаго окончанія, равно какъ и *аканье* здѣсь не вполнѣ южное, а образовавшееся изъ особаго оканья (см. выше и Заключеніе), на что указываютъ нѣкоторые дифтонги и долгота. Болѣе другихъ формъ замѣчательны въ нашихъ говорахъ: краткія формы именъ прилагательныхъ: „мы бы ти *нóву* снáря'дúли јиштó“—*Акулово* Китов. волости; формы личныхъ мѣстоименій: ми, ти, си (дат.); мя, тя, ся (вин.); мня (род.)—см. выше;

формы глагола въ наст. времени: рабо́таэм—1 л. мн. ч.—*Катово*; ду́ма̀ш—2 л. ед. ч., нагрѐш—2 л. ед. ч.—*Парахино*; рабо́там—1 л. мн. ч., здѐла̀ш—2 л. ед. ч.—*Ахматово* и друг. (см. выше). Особенно же интереснымъ представляется *выдержанный* суффиксъ—*ьск*: Исто́миньска, Ло́уйньскійи, Ту́мьскійи, Но́риньски, Баташо́ски, Пагостиньскáва, на Пру́ськай урани́цэ—*Бычково*; уарьска́я по́ля—*Семегино*; мы дйре'ве́ньс^{ш}ки!—ibidem и мн др. (см. выше), также суффиксъ—*ьн*: „зилѐзьныя тынья́"—*Ветчаны* (Таусень); суффиксъ—*ьц*: мацэ́ньца и друг. (см. выше). Совершенно отдѣльно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ употребленіе *члена*: такого обилія разнообразныхъ формъ члена и такого частаго употребленія его я нигдѣ не слыхалъ, да и никто изъ наблюдателей не указывалъ на это явленіе въ другомъ какомъ-либо говорѣ. По записямъ и изслѣдованіямъ я знаю только еще *одинъ* говоръ съ совершенно такимъ же членомъ, какъ въ нашихъ говорахъ, это, именно, *говоръ вятскій*. Это новое и не случайное доказательство особой близости этихъ говоровъ, въ которыхъ многое измѣнилось съ теченіемъ времени, но многое и сохранилось отъ прежней совмѣстной жизни. Всѣхъ примѣровъ члена я не буду приводить, хотя они у меня и сохраняются въ записяхъ: я только приведу по одному примѣру на каждый случай. Примѣры: варо́ты-ти; ку́р-та; хлѣба̀та; до́луійи-ти; ăржаны́х-ти; сăпауи́-те; тябя́-та; му́ж-ăт; смя́тцы-ти; ба́рин-ăт; уряхо́у-та; у́пря'жы-ти; кăмаре́й-та; снаха́-та; д'е́ньуи-ты; тво́й-ăт; папы́-ти; п'атцу́-ту; ты надѣ́йси-ти; варю́-ту; мя́ты-ти; бра́уу-ту; „мя́тки-ть хъраш6́-бы!"—*Катово*; уăвари́ть-та; „ва вдо́вах-те"; „в ро́ти-ти" (=во рту-то); до́м-ăт; „кро́j-та би́ла" (кровь-та)—*Бычково*; „за сахо́й-тăй"; дура́ва-та; з дура́вы-ти; ба́бы-ти; зимляни́ку-ту; жыльцы́-ти; гада́-ти; вот суды́-ты; па́рьни-ти; място́у-ти; „он жжо́х *яво́* до́м-та̄" (Здѣсь „яво"—вин. пад. ед. ч. личнаго мѣстоименія, а вовсе не род. падежъ притяжательнаго; слѣд., *„яво"* здѣсь является, именно, остаткомъ члена, и такъ это мы въ нашихъ говорахъ встрѣчаемъ постоянно, какъ можно было видѣть изъ примѣровъ выше) — *Катово* близъ *Тумы*; сы́н-та; „на прати́уку ни дѣла̀ла *яму* мужу ту" (см. выше)—*Логино*; бра́уи-ти; „ба́бы-ти мато́рны"—*Рогачево*; мѐртвых-ти; ту́рки-ти; уо́ра̀д-ăт; в рикѣ-ти; „в рикѣ-ти *jéй* мно́уа ры́бы-ти" (см. выше)—*Рогачево*; „д'ыть *ана́* ту́т нѣт ры́бы-ти"—ib. (здѣсь

ана служитъ какъ бы сокращеннымъ предложеніемъ: „вотъ *оно дѣло* въ чемъ“, и это *ана* надо признать мѣстоименіемъ—членомъ, замѣняющимъ цѣлое предложеніе. На эти случаи были также приведены выше примѣры); ураж̀а́й-ăт; „мать-та *ана* ня по́мнит“ (здѣсь *ана*—членъ указательный къ слову „мать“ въ имен. пад. ед. ч. Срв. выше въ косвенныхъ падежахъ членъ)—*Горы*; срв.: „ма́лă-ль у на́с *яво* лѣ́су-та“?—*Чуфилово*; биз наóзу-ту; мали́ну-ту; ади́н-ăт; мы́-ти?; ра́ньшыти; х катла́х-та; па́ску-ту; ко́нь-ăт; в брю́хи-ти; сяна́-та; з дяла́ми-ти; уть э́ту-ту; ба́ба-та; тава́р-ăт—и мн. друг. повсюду.

Наконецъ, замѣтимъ слѣдующія образованія: дажжа́—им. п мн ч.—*Ерахтуръ;* хазя́ам—дат. п. мн. ч. (=хозяевамъ)—*Касимовъ*; хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ*; ш'чяла́ вм. щѐль и но́ща вм. но́чь—*Симоново*, *Нармушадь*; род. п. ед. ч. м. р. на-*у*: прихо́ду, да каньцу́—*Катово*; на-*я*: с путя́—*Семеино*; смѣшеніе падежей именъ прил. твор. ед съ предл ед.: х Ту́мьçьким лясу́—*Жалудково*; употребленіе мѣстоим. формъ: таѣ́—дат. п. ед. ч., у тя́—род. п. ед. ч. (*Ерахтуръ*, *Бычково*), *ти*, *си*—дат. п. ед. ч.; иное образованіе прил.: сы́нинъ—*Киструсъ* Спас. у. Род. п. вм. вин. и имен. п ед. ч. отъ мѣст. *что*: ф *цаво́* нибу́ть ѵвядѐш—*Бычково*. Согласованіе собират. сущ. со множ. ч.: *ани* палятя́ ѳся́ дире́вьня—*Зубово*.

Часть II-я.

ОТНОШЕНІЕ НАРОДНАГО ГОВОРА ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ ДРУГИМЪ ДРЕВНИМЪ И СОВРЕМЕННЫМЪ РУССКИМЪ ГОВОРАМЪ ПО ЗВУКАМЪ.

Глава I-я.

О долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ.

Выше мы видѣли, что въ современномъ народномъ говорѣ Касимовскаго уѣзда можно отмѣтить, какъ обыкновенное явленіе, долготу гласныхъ въ закрытомъ слогѣ и дифтонгическое сочетаніе *у͡о* въ глагольныхъ формахъ 3 л. ед. и мн. ч. наст. времени. На этой особенности нашего говора мы и остановимся, какъ на особенности, характеризующей собой говоръ Касимовскаго уѣзда. При дальнѣйшемъ изложеніи предмета будемъ имѣть въ виду типичныя произношенія: въ глаголахъ: бу́д'а̄т—3 л. ед. ч.; напи́ша̄ш—2 л. ед. ч.; мо́ца̄м, сте́л'а̄м—1 л. мн. ч.; для другихъ частей рѣчи: пе́стра̄й, ми́ла̄й, дубо́ва̄й....—по отношенію къ долгимъ гласнымъ; произношенія: ре́ж у͡от, пля́ш у͡от—3 л. ед. ч.; при́д у͡от, зна́й у͡от—3 л. мн ч.; ру͡ог-а̄т и т. п.—по отношенію къ дифтонгамъ.

Что касается долготы гласныхъ, то она вообще очень мало вниманія обращала на себя у изслѣдователей русскаго языка; это обстоятельство прежде всего объясняется тѣмъ, что наши наблюдатели живыхъ народныхъ русскихъ говоровъ чрез-

вычайно рѣдко отмѣчали въ своихъ наблюденіяхъ долгіе гласные звуки: дѣйствительно-ли долгихъ гласныхъ нынѣ нѣтъ въ описанныхъ говорахъ, или ихъ только не уловили, не подмѣтили и потому о нихъ не упоминали, мы не знаемъ, но изъ всѣхъ великорусскихъ говоровъ долгота гласныхъ звуковъ отмѣчена, кажется, только въ вятскомъ говорѣ. Правда, что *Даль*, который былъ знакомъ *непосредственно* съ массой народныхъ говоровъ, неоднократно отмѣчаетъ *тяжучесть* или *протяжность* въ произношеніи того или другого говора, но такая отмѣтка слишкомъ общаго характера недостаточна. Мнѣ кажется, что сами наши наблюдатели виноваты въ томъ, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ по русскому языку вопросъ о долготѣ гласныхъ оставляется совершенно въ сторонѣ, еле затронутымъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ученые даже отвергаютъ существованіе, наличность настоящихъ долгихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Напр, *Р. Ѳ. Брандтъ* говоритъ: „Долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи (въ какой?), имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ и можетъ являться даже въ словахъ рѣзкаго (на краткомъ гласномъ: рус. со́нный, лу́нный, пору́тчикъ, про́тчій....) ударенія". Однако тутъ-же прибавляетъ: „*Нельзя, однако, считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о существованіи, можетъ быть, въ какомъ-нибудь закоулкѣ Россіи, настоящаго количества*"[1]). Послѣдняя фраза имѣетъ своего рода пророческій смыслъ, хотя Брандтъ и не хочетъ какъ будто допустить существованіе количества въ вятскомъ говорѣ[2]); но это лишь простое недоразумѣніе: было бы важно для рѣшенія этого вопроса самому послушать говоръ вятчанъ. Въ Казань приходятъ изъ Вятской губерніи плотники, преимущественно изъ Яранскаго и Слободского уѣздовъ, а также много нищихъ – женщинъ; ихъ говоръ, который мнѣ приходилось слышать, обладаетъ и дифтонгами, и количествомъ, да и въ печатной литературѣ мы находимъ нѣкоторыя указанія по этому предмету.

---

[1]) *Брандтъ, Р. Ѳ.* Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. Стр. 21

[2]) Ibidem. «Поправки и дополненія». Стр. 311: «вятскія долготы соотвѣтствуютъ сербскимъ краткостямъ».

Колосовъ [1]) указываетъ намъ на долготу гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ въ вятскомъ говорѣ: здѣсь приведено произношеніе „ничевоо“, говорится, что *всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу*, что *эта долгота не всегда совпадаетъ съ удареніемъ*, приводятся слѣдующіе примѣры: во̀т (воот), ничево̀, говоря́т, уѐдут, синѐть, о́зеро̄, вози́тӣ, бра́тӣ, пожа́луста̄. Видно, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ Однако, въ виду того, что наблюденія Колосова носятъ характеръ мимолетныхъ замѣтокъ и часто страдаютъ отсутствіемъ точности, такъ какъ въ нихъ нерѣдко сообщается то̀, чего самъ Колосовъ не слышалъ [2]), то въ виду этого гораздо большаго довѣрія заслуживаетъ почтенный трудъ *Даля*, который говоритъ о вятскомъ говорѣ слѣдующее: „Въ Вятской губерніи... говоръ тягучій, иногда съ пригнуской. ; вятское *о* произносится мѣстами *у͡о* или *у͡ы*, почти какъ въ задеснинскомъ черниговскомъ краѣ: ничеву͡о, спру͡осъ, собу͡олья. Этотъ двугласный.. встрѣчается также, кромѣ Вятки и Бѣлоруссіи, на взаимныхъ предѣлахъ восточнаго и южнаго нарѣчій, у мещеры, въ Егорьевскѣ, Касимовѣ, Муромѣ. Буква *ѣ* на Вяткѣ въ началѣ слова произносится, какъ двугласное *и* .. Нигдѣ нѣтъ столько *ё*, *іо*, какъ на Вяткѣ: цёрный, воскресеньё, заговѣньё, причемъ это конечное *іо* вытягивается такъ, что *слово получаетъ два долгіе слога*“ [3]). Долготу гласныхъ или ихъ растянутость въ говорѣ вятчанъ признаютъ почти всѣ наблюдатели, писавшіе о вятскомъ говорѣ [4]), но о дифтонгахъ говорятъ не всѣ: нѣкоторые указываютъ вмѣсто дифтонга *у͡о*, *у͡ы* дифтонгъ *о͡у* [5]). Если теперь къ этому наблюденію надъ вят-

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки о языкѣ.... Сборникъ р. яз. и слов. Имп. АН. XVII. Стр. 219—220. О долготѣ гласныхъ вятскаго говора Колосовъ говоритъ согласно съ другими и, насколько мы сами могли провѣрить, совершенно справедливо.

[2]) *Колосовъ*. Іb. 218. Онъ склоненъ отрицать дифтонги, потому что онъ самъ ихъ не слышалъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ приводитъ произношенія, которыхъ самъ не слышалъ.

[3]) *Даль*. О нарѣчіяхъ.... Стр. L. Срв. стр. LXII.

[4]) *Соболевскій*. Очеркъ русской діалектологіи. Жив. Старина. 1892. Вып. II. Стр. 20 и прим.

[5]) *Соболевскій*. Іb. Если только здѣсь не опечаткою поставлено *о͡у* вм. *у͡о*.

скимъ говоромъ присоединить еще то, что выше сказано мною про Касимовскій говоръ, то придется признать, что изученіе современныхъ народныхъ говоровъ русскаго языка обнаруживаетъ все болѣе и болѣе присутствіе долгихъ гласныхъ въ діалектахъ его. Эта долгота далеко не всегда и не вездѣ можетъ быть признана риторическою, въ особенности, если эта долгота составляетъ почти правило при извѣстномъ положеніи гласнаго звука относительно ударенія и сосѣднихъ слоговъ или если эта долгота находится въ чередованіи и соотвѣтствіи съ дифтонгами того-же говора или другихъ родственныхъ. Свидѣтельство живыхъ славянскихъ языковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что долгота гласныхъ была извѣстна общеславянскому языку, и мы не имѣемъ права отрицать долготу даже въ старо-славянскомъ языкѣ, хотя памятники послѣдняго и не имѣютъ особыхъ буквъ для означенія *долгихъ* гласныхъ звуковъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ права отрицать долготу и въ общерусскомъ языкѣ, если даже и ограничимся на время, впредь до новыхъ изслѣдованій и наблюденій въ области живыхъ русскихъ говоровъ, тѣмъ, что намъ извѣстно до сихъ поръ о долготѣ гласныхъ въ современныхъ русскихъ говорахъ и древнемъ русскомъ языкѣ. Долгота гласныхъ и дифтонги великорусскихъ говоровъ еще ждутъ своихъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что дифтонги въ великорусскихъ говорахъ до послѣдняго времени еще почти и не были извѣстны, между тѣмъ какъ теперь присутствіе ихъ обнаруживается. Выскажемъ нѣсколько соображеній по поводу нашихъ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ. Вышеприведенныя произношенія касимовскаго говора: бу̏д'а̄т, сѣ̏ја̄т—3 л. ед. ч. и друг. слѣдуетъ, кажется, прежде всего сопоставить съ такими древне-русскими формами, какъ: бываѫть—3 л. ед. ч., которую сохранилъ намъ древній русскій памятникъ XIII вѣка, именно, Монастырскій Уставъ церковнаго служенія до 1200 г. (памятникъ сѣверно-русскій съ мѣной *ч* и *и*), гдѣ находимъ: и пѣниѫ ѱалтырнаго не бываѫть.. (*Срезневскій*. Др. пам. р. п. и яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 514) Другой памятникъ древняго русскаго языка XIII вѣка, именно, Рязанская Кормчая 1284 года, съ которой я лишь недавно познакомился [1]), содержитъ въ себѣ то-

[1]) Я успѣлъ прочитать пока только около 100 листовъ и Запись, между тѣмъ какъ вся рукопись содержитъ въ себѣ 401 листъ in f°. Но и по

же глагольную форму: моламъ—1 л. мн. ч., которую мы можемъ и должны сопоставить съ нынѣшними касимовскими формами въ родѣ мóцам и т. п.—1 л. мн. ч. Въ Послѣсловіи къ Рязанской Кормчей 1284 г., писанномъ, кажется, рязанскимъ уроженцемъ [1]), мы читаемъ: мы же грѣшнїи і худоумнїи *молѧ*ᵡ вы слѕно.... Ркп. Имп. Публ Библ. F п. II. № 1. (Запись на л. 401 об). Такимъ образомъ, уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наши касимовскія формы не позднѣйшаго образованія: онѣ извѣстны съ XIII вѣка по памятникамъ русскаго языка сѣверныхъ и среднихъ областей. Возьмемъ соотвѣтственныя формы изъ современныхъ русскихъ говоровъ: въ бѣлорусскихъ говорахъ мы слышимъ: гуля́ешъ—2 л. ед. ч , пасе́ямъ—1 л. мн. ч. [2]), извѣстныя въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ Могилевской губерніи; въ другихъ говорахъ юга Могилевской губерніи мы встрѣчаемъ окончаніе *ять* и въ 3 л. *множ.* ч вмѣсто—*ютъ* тоже при отсутствіи ударенія: лята́ять. дабега́ять .. гуля́ять [3]), какъ въ нашихъ говорахъ Парахин волости Касим. у. для *единств.* числа; въ бѣлорусскихъ-же говорахъ мы имѣемъ: паймáамъ—1 л мн. ч. при вóзьмямъ—1 л мн ч (Соболевскій. ib. Стр. 18), папыта́амъ—1 л. мн. ч. (ib. 19); въ говорахъ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда: куса́яшъ—2 л. ед. ч., ра́дуятца—3 л. ед. ч , бу́дамъ—1 л. мн. ч. (все въ одной мѣстности: д. Михалево) [4]); въ Рѣчицкомъ уѣздѣ: по́йдамъ—1 л. мн. ч.[5]); въ Слуцкомъ уѣздѣ (говоръ съ дифтонгами, но не цокающій)—бу́дамъ—1 л. мн. ч. [6]) и друг. Конечно, фонетически связаны

началу рукописи видно, что въ ней много можетъ найти интереснаго тотъ, кто непосредственно знакомъ съ живыми русскими говорами. Въ будущемъ я непремѣнно займусь обслѣдованіемъ языка этого памятника и надѣюсь рѣшить вопросъ, писанъ-ли онъ рязанцемъ, или уроженцемъ другой мѣстности Можетъ быть, исторія рязанскаго говора уяснится тогда.

[1]) По моему Запись Ряз. Кормчей писана не тѣмъ лицомъ, которое переписывало нѣкоторыя части самаго памятника.

[2]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал II. Бѣлорусское нарѣчіе. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 17.

[3]) *Соболевскій.* Ib. 18 и 19.

[4]) Ibidem. 21.

[5]) Ibidem. 22.

[6]) Ibidem. 26.

съ выше-приведенными формами современныхъ русскихъ говоровъ и древне-русскихъ и формы сѣверно-великорусскихъ говоровъ на—*'ош*,—*'от* изъ прарусскихъ—*ешь*,—*етъ* съ звукомъ *е* извѣстнаго качества, и формы свр.—*'ом* изъ—*емъ*. Это явленіе въ области свр. говора обыкновенное и постоянное: *Колосовъ* (Замѣтки. ib. 14) указываетъ въ Новгородскомъ говорѣ: сы́мёш, будёт, воёт....; въ Олонецкомъ: будёш, настигаёт, ступаёт, накладываёт и т. п.—ib. Стр. 120. Срв. въ пѣсняхъ ib. Стр 170. 172. 181: работаёт, катаёт, сѣдлаёт, съѣзжаёт, узнаваёт; въ сказкѣ стр 191: ѣдёт; стр. 197: перетекаёт; требуёш—198; ступаёш—200. Срв. у Колосова же ib. Стр. 220 о вятскомъ говорѣ сравнительно съ новгородскимъ: поминаёт, тянё, милуё, скажёт, можот, будёт, проѣдёш, поѣдём... Или на стр. 242 въ свадебной пѣснѣ: увиваётся, дуё, летаёт—248, станём—1 л. мн. ч.—257; въ Архангельскомъ и Вологодскомъ говорахъ—ib. стр. 325, а также—для Архангельскаго и Олонецкаго говоровъ—въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* (Спб. 1894): кушаётъ, рушаётъ, закусываетъ—стр. 43, кушаёшь и друг. во 2 л. ед. ч.—ib. 43. 47. 53. 67. 112. 120 и др., плаце́—3 л. ед. ч.—стр. 141. 160 (—ётъ). 192 212. 229 и друг. Тѣ-же формы мы находимъ и въ Сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга. Въ древнемъ русскомъ языкѣ грамотъ мы находимъ: оже въ грамотѣ *пишотъ* такъ—Грам. 1479—1481 г. АЮ. № 1, въ Правой Грамотѣ 1547 г.: коей на васъ татбы Михайловъ человѣкъ Колупаева Истомка *ищотъ*?—АЮ. № 22. Даже уже въ XII вѣкѣ въ Словѣ Иппо-

лита объ Антихристѣ мы читаемъ: Да *сѣкажомъ* ѡ прочьнихъ—*Невоструевъ*. 22. Нѣкоторыя формы и галицко-волынскихъ памятниковъ могутъ быть сопоставлены съ вышеприведенными формами древнихъ памятниковъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Такъ, въ Поученіи Ефрема Сирина 1492 г. находимъ: дѣлаяши—2 л. ед. ч., которую, впрочемъ, Соболевскій признаетъ за поставленную по опискѣ [1]). (Срв однако выше: бываать—3 л. ед. ч.—Мон. Уставъ XIII в. въ съв.-рус. нарѣчіи). Далѣе, имѣя въ виду еще формы Касимовскаго говора съ дифтонгическимъ сочетаніемъ *уо* на мѣстѣ древняго *е* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ и на мѣстѣ ста-

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ исторіи русскаго языка. К. 1884. Стр. 84 и 58.

рыхъ и новыхъ звуковъ *o*, *'o*, *a*, *'a* (*ā*, *'ā*) въ тѣхъ же формахъ, напр., рѣ́жу͡от—3 л. ед ч., прiѣ́д'у͡от—3 л. ед. ч. и под., а также усматривая въ буквѣ *ѣ* написаній *боудѣть*, *придѣть* и под. въ памятникахъ древне русскаго языка галицко-волынской группы особое графическое выраженіе дифтонгическаго сочетанія *i͡e*[1] изъ *общерусскаго e*[1] *долгаго* въ положеніи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое *ъ* [1]), мы будемъ имѣть цѣлый рядъ звуковыхъ измѣненій въ формѣ 3-го лица ед. числа глаголовъ въ ихъ исторической послѣдовательности, т. е. будемъ имѣть наглядную исторію звука *е* въ указанномъ положеніи. Для заключенія объ *общерусскомъ e*[1] *долгомъ* въ указанномъ положеніи намъ не можетъ служить препятствіемъ то, что формы *боудѣть* и под. указываются изслѣдователями лишь для галицко-волынскихъ областей *съ особымъ значеніемъ въ нихъ ѣ* (въ этихъ формахъ), такъ какъ подобныя написанія, вѣроятно, съ тѣмъ же значеніемъ *ѣ*, встрѣчаются въ изобилiи и въ памятникахъ сѣверно-русскихъ, не галицко-волынскихъ Многое въ этомъ отношеніи указано *Шимановскимъ* [2]), и мы съ своей стороны, въ виду находимыхъ нынѣ фактовъ современныхъ русскихъ говоровъ, можетъ только усумниться въ томъ, что формы: въздъхнѣть—въ Тріоди ок. 1100 г. (*Срезневскій*. Др. п. р. яз. и п. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 448), възглаголѣть—ib 449, придѣть—въ Евангеліи 1279 г. (ib VI. 626), възмѣть—въ Русской Правдѣ по Синод. сп. XIII в. (Рус. Достоп. I. 40), поръвѣть—ib 41, налѣзѣть—ib. 50 и многг. друг. не имѣютъ никакого отношенія къ живому произношенію относительно буквы *ѣ* въ нихъ. Не надо забывать въ вопросѣ о смѣшеніи буквъ *ѣ* и *е* въ древнихъ русскихъ рукописяхъ, съ одной стороны, явленій русской графики вообще, а, съ другой стороны, и того, что масса явленій чисто фонетическихъ, масса особенностей произношенія, не нашла себѣ выраженія въ памятникахъ древней русской письменности, какъ не на-

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія въ области русской фонетики. В. 1893. Стр. 114. 115.

[2]) *Шимановскій*. Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. В 1887. Стр 90. 86 47 40. Съ выводами автора о значеніи *ѣ* я вовсе не согласенъ, но ссылаюсь на указанные имъ факты написаній.

ходитъ она выраженія и въ современной орѳографіи. Поэтому данныя и факты графическаго смѣшенія *ѣ* и *е* въ сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности еще не могутъ говорить чего-либо противъ соотвѣтствія между старыми и новыми произношеніями въ русскихъ діалектахъ. Все дѣло заключается еще въ изслѣдованіи *современныхъ* русскихъ говоровъ, и ему предстоитъ будущее рѣшеніе многихъ вопросовъ древне-русскаго произношенія.

Мы принимаемъ также мысль *Соболевскаго* о томъ, что въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ въ извѣстную эпоху жизни этого говора появляется звукъ долгое *о̄* изъ новаго *ѣ* (въ закрытыхъ слогахъ); это долгое *о* съ теченіемъ времени или распалось на дифтонгическое сочетаніе *оо* съ первымъ *о* различнаго качества, большею частью, *закрытымъ*, т. е. склоннымъ къ *у*, откуда—*у͡о* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ, или дало прямо долгое *ӯ* черезъ *о̄* долгое, склонное къ *у*, т. е. закрытое, или, наконецъ, перешло въ *і* (вѣроятно, первоначально тоже—долгое) въ галицкомъ и украинскомъ говорахъ, можетъ быть, черезъ посредство *оо*, *уо*, *уэ*, *уи*, гдѣ удареніе было на второй части дифтонгическаго сочетанія. Напр., въ Добриловомъ Евангеліи 1164 года мы читаемъ: ужасаются—3 л. ед. ч., которое объясняется изъ *ужасаѣться*, вѣроятно, черезъ посредство формы **ужасаю̄ться*; срв. ѭторъ изъ *ѣт'о̄р и друг. [1]). Такимъ образомъ, древнее малорусское *ужаса-ю̄ться находитъ себѣ соотвѣтствіе въ древнемъ же сѣверно и средне-русскомъ пишотъ, ищотъ [2]), *буд'отъ, *скажотъ; древнее ужасаѣться соотвѣтствуетъ древнему же возглаголѣть и проч. сѣверно-русскихъ памятниковъ; древнее предполагаемое ужаса͡ю̄ться и ужасаются—3 л. ед. ч. становится фактомъ общерусскаго языка въ виду найденныхъ касимовскихъ формъ: игра͡ю̄т, пляшу͡от и под Наконецъ, древнее бывалъ и под. рефлектируется современными буд'а̄т, гуляя̄тъ и под.

При формѣ современ. касимов. мо́ца̄м—1 л. мн. ч. и друг. (отъ глаг. съ тематическимъ звукомъ—*и*) мы имѣемъ

---

[1]) *Соболевский.* Очерки изъ ист. р. яз. Стр. 93 и 7.

[2]) Другіе примѣры изъ др. р. памятниковъ см. у *Шахматова.* Указ. соч. Стр. 80.

древнее рязанское XIII вѣка: моламъ—1 л. мн. ч. При этомъ припомнимъ также слышанныя нами формы: ку́пі͡ем—1 л. мн ч.—*Фомино Парах. вол.*; сѣ́јі͡ем, ста́ні͡ем—1 л. мн. ч—*Парахино.* Ясно, что звуковой процессъ, развившійся первоначально, можетъ быть, въ формѣ 3-го л. ед. ч. наст вр., а, можетъ быть, и одновременно въ 3-мъ и 2-мъ лицахъ ед ч., и потомъ проникшій въ прочія лица, былъ одинаковымъ для всего русскаго языка, слѣдовательно, принадлежитъ еще эпохѣ общерусскаго языка до его распаденія, причемъ дальнѣйшая судьба того дифтонгическаго сочетанія, которое еще въ общерусскую эпоху получилось изъ e^{i} долгаго въ положеніи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое ъ, была уже различна въ обособившихся діалектахъ общерусскаго языка. Такъ, общерусское *играје́ть въ группѣ западно-русскихъ говоровъ съ теченіемъ времени дало форму *играјі͡е́ть (*г* и *у* пока въ расчетъ не принимаются)—играѣть—и *играјо́ть, откуда играју͡оть и проч.; а въ группѣ восточно-русскихъ говоровъ (велико-бѣлорусской) это же общерусское *играје́ть съ теченіемъ времени, вслѣдствіе спеціальныхъ условій, имѣвшихъ мѣсто, именно, въ велико-бѣлорусской группѣ, т. е. вслѣдствіе отвердѣнія конечнаго *т*, дало форму *играјо́тъ, откуда частью играју͡от, частью *играјѣ́тъ, откуда, въ свою очередь, игра́јѣтъ и проч.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что процессъ измѣненія общерусскаго $\bar{e}^{i}$ въ указанномъ положеніи устанавливаетъ твердо еще въ общерусскомъ языкѣ эпоху *долгаго* $\bar{o}$ съ дальнѣйшими его видовыми оттѣнками *изъ долгаго* $\bar{e}$ въ извѣстномъ его положеніи [1]). Это долгое $\bar{o}$ въ общевеликорусскомъ (велико-бѣлорусскомъ) языкѣ распадалось на дифтонгическое сочетаніе *уо͡* (чрезъ *оо? пишотъ* и под.) или сохраняло діалектически свою долготу, переходя въ звукъ *а* (*'а*). Значитъ, формы срв.: будётъ, ѣдётъ, кушаётъ.. ., вятскія: скажотъ, машотъ, др. рус. пишотъ, ищотъ, скажотъ... восходятъ къ формамъ: *budṓt, *jědṓt... skažṓt—skažṓt...; формы ювр.: пріѣ́д'у͡от... восходятъ къ формамъ: *prijěd'u͡ot (чрезъ *pri-

[1]) Замѣчательно, что въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія не сохранилось слѣдовъ этого долгаго $\bar{e}$ въ формахъ 3 л. ед. ч.

jѣd'oot); формы ювр. и блр.: буд'ā̀тъ, ѣд'ā̀тъ... пишатъ... восходятъ къ формамъ: *budā̀t, *jѣdā̀t и проч. [1]) съ долгими гласными звуками: *ō, o, i, a* обще-великорусской эпохи.

Необходимо при этомъ допустить, что полумягкое *t* въ формахъ 3 л. ед. ч. еще въ діалектахъ общерусскаго языка представлялось твердымъ, какъ показываютъ нѣкоторыя формы въ ювр. говорахъ, въ говорахъ галицкихъ и нынѣшней Кіевской губерніи [2]). Съ другой стороны, изъ предыдущаго мы видимъ, что первоначально качество слѣдующаго *t* не вліяло на *ē*, которое должно было перейти черезъ ступень *ō* (*ṑ*) и въ предкахъ малорусскаго, и въ предкахъ великорусскаго нарѣчій Но, принимая во вниманіе то, что уже съ XIII вѣка твердый звукъ *т* проникаетъ въ письменность сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ памятниковъ (Ряз. Кормчая 1284 г. бесѣдуе[т]—л. 15. столб. 2), а также и то, что нынѣ формы 3 л. ед. ч наст. вр. съ окончаніями—*от* (*'от*) въ безударномъ положеніи этихъ окончаній извѣстны только сѣверно-великорусскому поднарѣчію и нашимъ касимовскимъ говорамъ, гдѣ имѣемъ окончанія:—*ѵ̀от* (—*jѵ̀от*),—*ат* (—*'ат*), причемъ вездѣ, гдѣ есть эти окончанія свр. и касимовскія, мы слышимъ *твердое т*, мы должны вывести заключеніе, что дальнѣйшее видоизмѣненіе звука *ō* въ указанныхъ формахъ обусловлено было положеніемъ его передъ отвердѣвшимъ звукомъ *т*, и что нынѣшніе касимовскіе говоры примыкали къ говорамъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Изъ I-ой части нашего труда мы могли уже замѣтить, что и общій характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ есть *въ основѣ своей* сѣверно-великорусскій. Бѣлорусскія формы Могилевской губерніи: лятáять, дабегáять, гуляять—3 л. мн. числа представляютъ какое-нибудь позднее образованіе по аналогіи точно такъ, какъ и формы 2-го лица ед. числа и 1 л. множ. числа, хотя послѣднія могли быть и сразу охвачены фонетическимъ процессомъ въ то время, какъ началъ отвердѣвать конечный *м* въ 1 л. множ. ч. и конечное *ш* во 2 лицѣ ед. числа. Съ какого, именно, лица (2 л. ед. ч., 3 л. ед.

[1]) Срв. *Шахматова* Указ. соч. Стр. 80.

[2]) См. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 107.

ч., 1 л. мн. ч.) начался процессъ фонетическаго измѣненія гласнаго *ē*, рѣшить трудно. Стало быть, въ нынѣшнихъ говорахъ Парахинской волости Касим. уѣзда, имѣющихъ дифтонги, но не знающихъ окончаній:—*'аш*,—*'ат*,—*'ам* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ, тѣхъ окончаній, которыя, въ свою очередь, извѣстны прочимъ мѣстностямъ (Китовская, Ветчанская, Давыдовская, Погостинская волости) Касим. уѣзда, слѣдуетъ усматривать остатки тѣхъ говоровъ, которые изъ долготы гласнаго развили у себя дифтонги, а въ прочихъ говорахъ сохранилась лишь довольно явственная *долгота* этого вторичнаго *'а* изъ *'ō* долгаго, которое, быть можетъ, обнаруживается въ древнихъ формахъ: *пишотъ*, *ищотъ*, перешедшихъ въ акающихъ говорахъ въ *пишатъ*, *ищатъ*. Какъ малорусское нарѣчіе утратило нынѣ слѣды прежней долготы гласнаго въ формахъ 3 го лица ед. числа наст. времени, такъ утратило эти слѣды и нарѣчіе бѣлорусское Вѣроятную причину этой утраты можно видѣть отчасти и въ томъ, что млр. и блр. нарѣчія не развили у себя твердаго *т* въ этихъ глагольныхъ формахъ, и потому въ нихъ, какъ и въ настоящихъ южно-великорусскихъ говорахъ, расширенное *ō* подверглось съ теченіемъ времени вторичному суженію. Обыкновенные типы этихъ формъ въ млр. нарѣчіи представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: *любитъ*—3 л. ед. ч, *каже*, *хоче*, *побаче*; хотя и есть варьянты по говорамъ: *ідетъ*, *печё*, *лове*, *робе*, *служе*, *ходе*, даже—*несетъ* и под., но слѣдовъ долготы гласнаго или дифтонга передъ окончаніемъ—*тъ*, кажется, не сохранилось нигдѣ [1]).

До сихъ поръ мы слѣдили за судьбой звука *е* въ закрытыхъ слогахъ въ глагольныхъ формахъ русскаго языка. Мы признали, что въ означенномъ положеніи въ общерусскомъ языкѣ было *долгое ē*, которое частью распалось на дифтонгическое сочетаніе еще въ общерусскую эпоху, частью же оставалось долгимъ гласнымъ и съ теченіемъ времени, потерявъ свою долготу въ діалектахъ, слилось въ своей дальнѣйшей исторіи съ звукомъ *е* краткимъ, переживая общую судьбу, общія измѣненія. Мы должны признать, что и звукъ *о* основ-

[1]) Его-же. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 41. 43. 58 и др.

ной, общерусскій, имѣлъ свою исторію, совершенно аналогичную съ исторіей основного звука *е* въ закрытыхъ слогахъ, также становясь *долгимъ* въ положеніи въ закрытыхъ слогахъ въ словѣ. Такое признаніе становится необходимымъ при тщательномъ разсмотрѣніи *дифтонговъ* въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее: кромѣ касимовскаго и вятскаго говоровъ, дифтонги указаны наблюдателями еще въ бѣлорусскихъ говорахъ, сѣверно-малорусскихъ и изъ сѣверно-великорусскихъ—въ вологодскомъ говорѣ. Изслѣдуемъ ихъ употребленіе въ этихъ говорахъ, поскольку это можно сдѣлать безъ непосредственнаго нашего наблюденія, по печатнымъ матеріаламъ. Займемся дифтонгами изъ основныхъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ.

Бѣлорусскіе говоры представляютъ намъ слѣдующіе факты: при ударяемыхъ дифтонгахъ *у͡о*, *'у͡о*: вуо́лъ, ву́олъ, мюо́дъ, мю́одъ—Минск. губ [1]), муой, двуоръ, юонъ (=онъ), жуонка—Слуцк. у.; туой, руодъ, нуочъ, нуожка—Игуменск., Бобруйск. уѣзды и т. п. мы имѣемъ и *неударяемые* дифтонги: вуойна́, па́нуомъ—дат. п. мн. ч., дуобро́ва, ве́чюоръ—въ Подлѣсскихъ говорахъ Мозырскаго, Игуменскаго и друг. уѣздовъ [2]). Слѣдовательно, прежде всего наблюденіе показываетъ, что бѣлорусскимъ говорамъ извѣстны нынѣ *какъ ударяемые*, *такъ и неударяемые* дифтонги *у͡о*, *ю͡о* изъ основныхъ *о*, *е* въ закрытыхъ слогахъ [3]). Въ соотвѣтствіи съ этими блр. дифтонгами находимъ дифтонги въ сѣв.-малорусскихъ говорахъ: хву͡ост (хву͡ист, хву͡ыст, хвыст, хвуст,

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектол. Жив. Стар. 1892. Вып III. Стр. 25.

[2]) Ibid III. 26. 27.

[3]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фон. В. 1893 г.) признаетъ бѣлорусскіе дифтонги восходящими къ *общерусской* эпохѣ (стр. 97), но сѣверно-малорусскіе ведетъ *изъ бѣлорусскихъ* дифтонговъ, которые, будто бы, проникли сюда изъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ (стр. 123—124), такъ какъ въ бѣлорусскомъ, какъ и въ сѣв.-млр. говорахъ, дифтонги, будто-бы, *только ударяемые*. Хотя и трудно рѣшить вопросъ о происхожденіи сѣв.-млр. дифтонговъ, именно, потому, что эти говоры—*сосѣдніе* съ тѣми бѣлорусскими, въ которыхъ сохранились дифтонги, но я склоненъ думать, что и сѣв.-млр. дифтонги восходятъ къ *общерусской* эпохѣ въ виду того, что и блр. говорамъ, и сѣв.-малорусскимъ извѣстны *не только* ударяемые, но и неударяемые дифтонги. Въ бѣлорусскихъ говорахъ мы уже видѣли эти дифтонги въ текстѣ выше, тамъ же будетъ сказано и о млр. *неударяемыхъ* дифтонгахъ.

хвюст—по говорамъ) и хво^{у}ост [1]) при блр. хвустъ [2]); сѣв.-млр.: плуот, пло^{у}от (плуыт, плуіт, плыут, плыт, плут—по говорамъ) [3]) при блр плутъ (на югѣ Могилев губерніи); млр. вуон (вуын, выун, вуін—по говорамъ) при блр. также съ дифтонгами: юонъ; млр. юой (=ей—черниговск., юий—нѣжинск., юый и под.—по говорамъ), млр. тюотка, нюос, пуод, люог, муох съ ихъ варьянтами по говорамъ при вышеприведенныхъ аналогичныхъ бѣлорусскихъ формахъ. Въ вологодскомъ говорѣ соотвѣтственно этому находимъ: трубсь=трость, спрубсъ, собублья [4])... Въ сѣв.-млр. и сѣв.-влкр. говорахъ показаны только *ударяемые* дифтонги; вятскій говоръ детально намъ еще неизвѣстенъ, но показаны дифтонги, кажется, и неударяемые, и ударяемые [5]); въ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, какъ и въ бѣлорусскихъ, и ударяемые, и неударяемые. Теперь вспомнимъ наши касимовскія произношенія: рубг-ăт—*Парахино*; го^{у}от, дамо^{у}ой, хтарубй, табубй—ib.; зимуой—д. *Китово* и под. Съ другой стороны, мы имѣемъ касимовское: жывюом—1 л. мн. ч. (Парахин. вол.), съ которымъ должно быть сопоставлено блр. жывюмъ—1 л мн ч. (=жывёмъ); касим. т^{с}юплинькяю—вин. п. ед. ч. ж. р.—въ соотвѣтствіи съ блр. цюплый (=тёплый). Такимъ образомъ, мы находимъ полное звуковое соотвѣтствіе въ разсматриваемомъ вопросѣ между блр. говорами и нашими касимовскими, а равно и свр вологодскими по отношенію къ ударяемымъ дифтонгамъ въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *о* (млр. муох, вѣроятно, болѣе поздняго, *аналогичнаго* образованія) и *е*.

Что касается въ частности сѣв.-млр. дифтонговъ, то особенно важно, что дифтонги сѣв.-млр. говоровъ, напр., въ Грод-

---

[1]) *Соболевский.* ib IV. 33. 30. et passim.

[2]) Ib. III. 19.

[3]) Ib. IV. 29. et passim.

[4]) *Колосовъ.* Замѣтки... (Сборникъ р. яз. и слов. XVII). Стр. 318 *Бѣлорусцовъ.* Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Стр. 18—19. *Соболевский* Очеркъ р. діал. Ibid. II. 17.

[5]) *Соболевский.* ib. II. 20.

ненской губерніи, близъ Заблудова, слышатся *не только на мѣстѣ ударяемаго гласнаго*, но *и на мѣстѣ неударяемаго:* вуо̑лы́, вуо̑да́, ге́туо̑й и под., причемъ послѣдній примѣръ представляетъ неударяемый дифтонгъ *въ закрытомъ слогѣ*, какъ и наши Парахинскіе: до́бруо̑й (дат. п. ед. ч. ж. р.), с ры́буо̑й и проч. Важно также и то, что у южныхъ сосѣдей заблудовскаго говора (въ *королёвскомъ* говорѣ) мы имѣемъ дифтонгъ *о̑о̑* рядомъ съ *у̑о̑* [1]); съ этимъ дифтонгомъ (ударяемымъ и неударяемымъ[2]) мы должны сопоставить дифтонгъ *о̑о̑* въ великорусскихъ говорахъ: касимовское го́ʏ̑от (=годъ), дамо́ʏ̑ой (=домой), ро́ʏ̑ог-а̑т (=рогъ-то) и проч.—выше. Значитъ, и сѣверно-малорусскимъ говорамъ извѣстны какъ ударяемые, такъ и неударяемые дифтонги въ соотвѣтствіи съ такими же дифтонгами бѣлорусскими *и великорусскими* [2]), дифтонгами *одного и того-же происхожденія*

Въ древне-русскихъ галицко-волынскихъ рукописяхъ долгое *о̄* изображалось сначала въ видѣ *о*, а затѣмъ съ XII-го вѣка уже—въ видѣ *у* (*ю*), послѣ перехода этого *о̄* долгаго въ живомъ языкѣ въ *о̄ʏ̑—ӯ* долгое, *о̄* имѣло мѣсто, по указанію *Соболевскаго* [3]), *какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ*, и происходилъ переходъ его въ *ӯ* долгое гораздо чаще, чѣмъ переходъ *о* краткаго въ *у* краткое. Рядомъ съ этимъ Соболевскій отмѣчаетъ (быть можетъ, около XIII в.) переходъ *о̄* долгаго въ галицко-волынскомъ нарѣчіи въ дифтонгъ *о̑о̑* и тоже, вѣроятно, *съ закрытымъ* первымъ *о*; этотъ дифтонгъ,

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. ibid. IV. 33. Срв. *Мжальчука.* «Къ южнорусской діалектологіи». Кіевъ. Старина. 1893. Сентябрь. Стр. 472. Изъ дифтонга *о̑о̑* (изъ *о̄*) при закрытомъ первомъ *о* могло быть *о̑ʏ̑о—у̑о̑*, потомъ *ӯӯ*, наконецъ,—*ӯ* или *ӯ*. Срв. *Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи... Стр. 354 и слѣд.

[2]) Не понимаю дифтонга въ словѣ батюшко̑ʏ̑—зват. п. ед. ч. *Бѣлорусс.* Указ. соч. 19. въ Вологод. губ.

[3]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 96—97: Срв. его-же Лекціи². 66—67 и 114.

кажется, и сохраняется до сихъ поръ въ королевскомъ гродненскомъ говорѣ изъ сѣверно-малорусскихъ [1]).

Такимъ образомъ, дифтонги, какъ слѣдъ бывшей долготы, а частью и сами долгіе гласные въ различныхъ положеніяхъ относительно слога и ударенія въ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говорахъ находятся на-лицо. Ясно, что дифтонги являются идущими *отъ общерусской эпохи* и должны быть признаны *общерусскимъ* явленіемъ (Срв. *Шахматова.* Указ. Соч. Стр. 97 и 121). Какъ уже отчасти видно было, дальнѣйшая судьба дифтонговъ изъ прарусскихъ долгихъ *ō* и *ē* была различна въ діалектахъ русскаго языка: дифтонгъ *o͡o* съ различными оттѣнками въ произношеніи перваго *o* съ теченіемъ времени далъ или *y͡o* или *ȳ*, которое частью сохраняло, частью теряло свою долготу [2]). Такъ мы понимаемъ образованіе въ млр. и блр. говорахъ произношеній съ звукомъ *y*, *'y* въ словахъ: плутъ, хвустъ, юнъ, юй, юсь, люхъ, нюсъ, цюплый, жывюмъ; млр вун, юй, тютка, нюс, пуд, люг, мух и под.; съ другой стороны, въ словахъ: на цúхумъ Дунаю, у трэ́цюмъ поли (Минск. г. Новогруд. у.), зъ Бе́луй Руси, ў бóжумъ домѣ, ў ше́лковумъ пуцѣ (Подлѣсск. говоры, Мозырск. у. и друг.), ў це́мнуй цямницы, пивава́рувъ (род. п. мн. ч — Бобруйск. у.), на нóвумъ двори, на чужу́й сторони (Гродн. Слоним.). Срв. древнія гал.-вол. написанія: въ твоюмъ, унукумъ, Василювъ, отрочищюмъ, зубувъ (современное сѣв.-малорусское и угро-русское), по божьюмъ нарожѣнъѣ, въ славѣ дóбруй и друг. [3]). Срв. наши касимовскія формы: дóбру͡ой, табу͡ой, даму͡ой и друг. выше, а также: з у́брькуй, Миха́йлуй, с кра́сниньку͡й з бума́шкуй, арте́люй, земляни́куй, ре́цкуй, ско́пкуй, ры́буй и мног. друг (См. въ I-ой части нашего труда. Глава V-ая). Въ говорахъ, давшихъ начало великорусскимъ говорамъ, мы наблюдаемъ нѣсколько иное: долгое общерусское *ō долѣе сохранялось*, какъ звукъ *o*, и съ теченіемъ

---

[1]) *Михальчукъ* (Указ. соч.) считаетъ зерномъ и остаткомъ настоящаго млр. нарѣчія нынѣшній Овручскій говоръ Волынской губ.

[2]) См. предыдущ. стр. примѣч. 1.

[3]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Ibidem. III. 23—30. Также: Очерки изъ исторіи р. языка и Лекціи², passim.

времени въ своей исторіи частью распалось на дифтонгическое сочетаніе, подобное тому, какое мы видѣли въ блр. и млр говорахъ, частью совпало съ краткимъ *о* и имѣло общую участь съ послѣднимъ въ тѣхъ говорахъ, которые дали начало позднѣйшимъ *акающимъ* говорамъ, откуда и получились касимовскія произношенія: пе́страй, де'шо́вай, ради́май. пья́най, бе́лай, „х пья́нам ви́ди“, с ры́бай: по́снай, су́мкай, с снашэ́льнйцай, ку́рйцай; си́н'ай, Акси́ньјай и проч. (См I-ю часть; главы: I-ю и III-ю § II. Гдѣ долгота не проставлена, тамъ ея я не замѣтилъ въ говорѣ Касим. уѣзда). Сравни въ надписи на Волоколамской плащаницѣ XVI вѣка: *плащенїцаю* чи́стою wбвивъ.. [1]).

Такимъ образомъ, при предположеніи, что въ общерусскую эпоху въ закрытыхъ слогахъ были *долгіе* гласные *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, и что эти долгіе *о* и *е* уже незадолго до распаденія общерусскаго языка на нарѣчія въ самомъ общерусскомъ языкѣ частью распадались на дифтонгическія сочетанія *уо̂*, *'уо̂*, частью продолжали сохранять свою долготу монофтонгически, далѣе, что эта долгота звуковъ *о* и *е* монофтонговъ сохранялась діалектически послѣ распаденія общерусскаго языка на западно-русскія и восточно-русскія нарѣчія, въ которыхъ эти звуки вскорѣ слились съ звуками *о* и *е* краткими, переживая съ ними общую судьбу, при этомъ предположеніи, говоримъ мы, становятся понятными вышеприведенныя явленія древнихъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Та часть русскаго языка, которая дала начало въ свою очередь будущимъ великорусскимъ говорамъ, вынесла съ собой изъ общерусской эпохи долгіе гласные *о̄* и *е̄*, причемъ въ будущихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ были получены и дифтонгическія сочетанія, которыя дали начало закрытому звуку *о* склонному къ *у*, а въ будущихъ южно-великорусскихъ говорахъ, вѣроятно, были получены лишь долгіе *о̄* и *е̄*, которые ко времени отдѣленія послѣднихъ говоровъ уже успѣли слиться въ своей судьбѣ съ основными краткими *о* и *е* и дать свои рефлексы въ акающихъ говорахъ. Мы, значитъ, опять

---

[1]) Извѣстія Археологическаго Общества. Т. VI. 1868 г. Статья *Невоструева*. Стр. 56. См. также снимокъ съ этой плащаницы Іосифо-Волоколамскаго монастыря въ концѣ этого тома (VI).

видимъ, что наши касимовскіе говоры восходятъ къ такъ называемымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ. Кромѣ того, изъ предыдущаго уже отчасти видно, что наши касимовскіе говоры живутъ еще болѣе древнею жизнью, чѣмъ сосѣдніе культурные говоры, что касимовскіе говоры, забившись, такъ сказать, въ уголокъ, стоятъ еще на болѣе ранней ступени своего фонетическаго развитія съ своими дифтонгами и долгими гласными. Это же будетъ видно и при изложеніи вопроса о *ѣ* и о согласныхъ звукахъ.

Судьбу долгихъ [1]) *ō* и *ē* въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *o* и *e* раздѣляли и тѣ звуки *o* и *e*, которые очутились въ закрытыхъ слогахъ въ формахъ имен. пад ед ч. именъ прилагательныхъ членныхъ муж. рода типа: доброй, синей. Это видно было уже изъ предшествующаго разсужденія и приведенныхъ примѣровъ. Прежде всего замѣчу, что та часть общерусскаго языка, изъ которой выдѣлились будущіе *великорусскіе* говоры, должно быть, *никогда не знала* именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. падежѣ единств. числа въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ—*ой*,—*ей* (изъ *ъи*,—*ьи*) По крайней мѣрѣ, такъ это представляется мнѣ, и такъ выходитъ изъ данныхъ древне русскаго языка и современныхъ говоровъ, если не дѣлать никакихъ натяжекъ. Формы на—*ыи*,—*ій* есть формы *орѳографическія*, и таковыми же онѣ были и въ древне-русскихъ памятникахъ сѣверно-русскаго и средне русскаго происхожденія, что же касается *живого* языка и произношенія, то такихъ формъ нынѣ *нигдѣ* въ области великорусскаго нарѣчія не слышно, и доказать ихъ и для прошлаго времени въ живомъ произно-

---

[1]) Нельзя-ли въ памятникахъ др. р. письменности, въ нѣкоторыхъ написаніяхъ, усматривать своеобразный способъ обозначенія въ орѳографіи древне-русскихъ *долгихъ* гласныхъ живого языка? Напр., какъ понять *удвоеніе* различныхъ гласныхъ на письмѣ, выдерживаемое нѣкоторыми писцами довольно упорно? Въ Изб. 1076 г. читаемъ: и приноуди ѥго *поминѣати* тѧ. (*Срезневскій* Др. п. р. яз. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 429). У *Шимановскаго* (Къ исторіи др р. говоровъ) это мѣсто читается иначе: *поминати*—л. 11 б. Приложеніе. Стр. 5. Въ Минеѣ Новгородской 1096—1097 г.: страшьнѣмъ *врагомъ* (*Срезневскій*. ib. 338). Въ зап.-рус. Псалтыри 1296 г. постоянно встрѣчаемъ написанія:—ѦѦ, ѥѥ, ѺѠ. ꙇꙇ. Неужели это прихоть нѣкоторыхъ писцовъ? См. также о Луцкомъ Ев. у *Соболевскаго*. Очерки изъ ист. р яз. стр. 97.

шеніи нельзя. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что *вся* древне-русская письменность, почти съ XI-го вѣка, идущая изъ сѣверно- и средне-русскихъ областей доказываетъ намъ, что формы именъ прилагательныхъ членныхъ въ им. пад ед ч муж. рода имѣли окончанія—*ой* и—*ей*. и замѣчательно что чѣмъ памятникъ менѣе подверженъ цсл вліянію, чѣмъ менѣе въ немъ цсл. элементовъ, т. е чѣмъ болѣе памятникъ русскій, тѣмъ чаще въ немъ встрѣчаются формы на—*ои* (въ орѳографіи иногда—*ги*). Въ памятникахъ, заключающихъ въ себѣ очень немного цсл примѣсей, напр., въ актахъ и разныхъ юридическихъ документахъ древней Руси, мы *почти совсѣмъ* не встрѣчаемъ цсл и искусственныхъ для великорусской письменности формъ на—*ый*, причемъ исключеніе составляютъ лишь тѣ грамоты и договоры, которые могутъ быть названы *государственными* и исходили изъ княжьей канцеляріи, слѣдовательно, писались оффиціальными лицами, наиболѣе начитанными и книжными дьяками или же, если актъ былъ духовнаго содержанія, т. е. исходилъ отъ духовнаго лица,—духовными лицами разнаго чина, хотя и въ двухъ послѣднихъ категоріяхъ мы изрѣдка находимъ въ орѳографіи слѣды *живого* мѣстнаго произношенія именъ прилагательныхъ [1]).

---

[1]) Не желая затруднять читателя приведеніемъ массы примѣровъ изъ др р памятниковъ письменности, я укажу только на нѣкоторые примѣры: еще въ самомъ О. Е. мы имѣемъ: осмъи, сѫдьнъи, нарицаємъи и друг —*Лескинъ*. Грам. стрсл. яз. Рус. переводъ. Дополненіе. Стр. 166 и 183. Въ Евг. Псалтыри XI—XII в. И да не хвалитьсѧ *сильнои* силоіѫ своеіѫ—*Срезневскій* Указ. Соч. Вып V. Стр. 471. Възметьсѧ *нечьстивой* да не видитъ славы гнѧ—ib. 472. Въ Пандектахъ Антіоха XI—XII в. скрьжьтъ *зоуб'нїй*—ib 494 и друг. У *Соболевскаго* (Лекціи[2] Стр 204—206), на мой взглядъ, совершенно невѣрно сказано. что окончаніе—*ги* въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ (204). Этому противорѣчатъ, во первыхъ, *всѣ великорусскіе говоры*, которые *совсѣмъ не знаютъ* формъ на—*ый*,—*ій* (срв. тутъ же у *Соболевскаго*. Стр. 206), а, во вторыхъ, древніе акты и грамоты, т. е. памятники съ чистымъ или почти чистымъ русскимъ языкомъ, въ которыхъ мы все чаще и чаще съ теченіемъ времени встрѣчаемъ формы на—*ой* и на—*ей*, вытѣсняющія, наконецъ, собой *совсѣмъ* книжныя формы. Если даже *Соболевскій* разумѣетъ здѣсь букву ъ, а не ея произношеніе въ русскомъ языкѣ въ окончаніи—*ги*, то и съ этимъ нельзя согласиться, т. к. ъ здѣсь имѣетъ не только *русское графическое* значеніе, что несомнѣнно, но

Въ примѣчаніи указаны нѣкоторые примѣры изъ др. р. письменности. Что касается современныхъ великорусскихъ говоровъ, то они и не знаютъ сейчасъ другихъ формъ, кромѣ формъ на—*ой*, независимо отъ ударенія: въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Архангельскомъ, Ярославскомъ, Владимирскомъ краѣ мы слышимъ постоянно—*ой* и—*ей* независимо отъ ударенія (б. м., съ оттѣнками неударяемыхъ *о* и *е* по говорамъ), наконецъ, въ Вологодской губерніи и вообще въ сѣверно-великорусскихъ (См *Колосовъ*. Замѣтки... ibid. 120, 292, 319). Наконецъ, въ южно-великорусскихъ акающихъ говорахъ

и частью звуковое значеніе. Срв. совершенно справедливое мнѣніе *И. В. Ягича* (Критическія замѣтки по исторіи р. языка. Спб. 1889. Стр. 29) о томъ, что окончаніе—*ой* въ именит. падежѣ именъ прилагат. вовсе не есть заимствованіе изъ церковно-славянскаго языка См здѣсь же у *Ягича* на стр. 31. о ъ=*о* Къ тѣмъ даннымъ, которыя приведены *Соболевскимъ* въ его «Лекціяхъ» (l. c) по занимающему насъ вопросу о *русскомъ* окончаніи именъ прил. въ им пад ед. ч м. р, мы можемъ отъ себя еще указать на слѣдующее: см АЮ. № 5, № 6, № 7,—подьячей Якушъ Долгой — № 8 (въ этомъ Судномъ Спискѣ приведена подлинная грамота *митрополита* Симона, которая подписана такъ: «*смиреный* Симонъ митрополитъ всеа Руси», а въ самомъ Судномъ Спискѣ такихъ формъ *нѣтъ*). См. также ib. № 9 учинилъ *третей* срокъ; № 11. вобчей—№ 14; №№ 16, 17, 18; по *задней* уголъ — № 19; №№ 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28,—корешекъ *девесилной* (Въ моемъ соч «Къ діалектологіи»... на стр. 133 случайно пропущено слово *девѣсил*—inula helenium—дудки, «заря», растеніе, которому и въ Ряз. губерніи народъ приписываетъ лѣкарственную силу). Тутъ-же. пьяной—№ 30 (1680 г.); серебряной, мѣдной, кружечной, подкинутой, милостивой, которой, постоялой, табачной; конюшонной, монастырской, болшой, теплой, заечей, рыбей,—№ 46, № 53, № 59, № 60, № 61, № 68, № 69, № 70 и друг. Это же мы имѣемъ и въ Новгородскихъ Купчихъ: ib. №№ 81, 99, 71—100; въ Двинскихъ и Новгородскихъ Духовныхъ грамотахъ—АЮ. № 409, № 410, № 415, № 419; сукманъ черленой красной, шапочной пухъ, домовой всякой обиходъ—№ 428 (1671 г.) И въ другихъ актахъ и грамотахъ нынѣшней Великороссіи: см. въ «Дѣлахъ Сарской и Подонской митрополіи» 1684—1692 г.г.—пьяной—«Собраніе ркп. И. Д. Бѣляева»—*Викторова*. М. 1881. № 109. Стр. 95. *Мейчинъ* Грамоты XIV и XV вв. Моск Архива Мин. Юстиціи М. 1883. Стр. 103 108. 124. Изъ *государственныхъ* грамотъ: которой, татарьской — Собр Госуд Гр. и Догов I. № 36 третей—ib. № 33. Срв. № 48, № 130. № 131 — ожерелейной — № 203, царской—ib. Въ №№ 202 и 203 см. прозвища и фамиліи въ подписяхъ на грамотахъ.

окончаніе — *ай*(—*ай*) доказываетъ собой болѣе раннее для этихъ говоровъ окончаніе—*ой*, а—*яй* болѣе раннее—*ей*. Все это, конечно, взятое вмѣстѣ, говоритъ въ пользу того, что мы и въ древнихъ нашихъ формахъ можемъ и должны видѣть *формы живой русской рѣчи*, формы языка народнаго, который былъ въ прежнее время и языкомъ письменности до извѣстной степени. Лишь только наша современная *условная* орѳографія мирится еще съ формами на—*ый* или—*ій*, которыхъ не знаетъ ни великорусскій народный говоръ, ни *литературное* современное произношеніе. Такимъ образомъ, для той части русскаго языка еще въ эпоху общерусскую, для тѣхъ нарѣчій, которыя дали начало нынѣшнему великорусскому, мы признаемъ формы на—*ой* (изъ—*ѣй*) исконными формами общевеликорусскаго языка—единства. Слѣды вліянія говоровъ общерусской эпохи, изъ которыхъ выдѣлился великорусскій говоръ, на другіе говоры этой же эпохи, отразились въ такихъ *діалектически сохранившихся* формахъ нынѣшняго бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчія, въ такихъ произношеніяхъ, которыя приведены различными наблюдателями въ ихъ трудахъ. Такъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ показаны произношенія: лихóй, святóй, другóй, ўтарóй; даже: любéзнай, дубóвай и под. (*Соболевскій*. Жив. Старина. 1892. III. Стр. 8, 10, 11) [1]). Подобное произношеніе бѣлорусскихъ говоровъ для древняго времени доказывается свидѣтельствомъ Лѣтописи Авраамки, писанной въ Смоленскѣ въ 1495 году, гдѣ мы имѣемъ такія формы: и преидоша Донъ въскорѣ *лютой*, *свѣрѣпой* — П. С. Р. Л. XVI. Спб. 1889. Стр. 113., *плотничкой* конѣчь—іѣ. 171., въ *великой* Новъгородъ—203, *великой* князь — 226 и друг Въ малорусскихъ же говорахъ мы имѣемъ, по указанію наблюдателей, формы съ окончаніемъ—*ой*: молодóй, полковóй — въ южной части Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. стр. 28).

Теперь очевидно, что въ общевеликорусскую эпоху было извѣстно лишь *одно* окончаніе для именъ прилагательныхъ

---

[1]) *Карскій* говоритъ даже про блр. нарѣчіе: «Мнѣ кажется, что—*ый*, —*ій* только этимологическое написаніе: я никогда не слыхалъ формъ на—*ый* и—*ій*». «Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи». М. 1886. Стр. 138. Срв. его-же «Къ исторіи звуковъ»... Р. Ф. В. 1893. I. Стр 95.

членныхъ въ имен. пад ед ч. муж. р. именно,—*ой* и—*ей*; эти окончанія и принадлежали общевеликорусскому нарѣчію, какъ показываетъ предыдущее разсужденіе, причемъ, вѣроятно, діалектически были извѣстны эти окончанія и другой части общерусскаго языка, изъ которой вышли малорусскія и бѣлорусскія нарѣчія Полагаю, что, если мы встрѣчаемъ формы на—*ый*,—*ій* въ Московскихъ грамотахъ и вообще среднерусскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности, т. е. въ письменности тѣхъ областей, *живой* языкъ которыхъ не имѣетъ нынѣ въ употребленіи такихъ формъ, то въ такомъ случаѣ мы можемъ считать эти формы письменныхъ памятниковъ прямо *книжными*; но если эти формы на—*ый*,—*ій* находятся въ тѣхъ памятникахъ, которые принадлежатъ по языку къ областямъ, гдѣ и нынѣ мы находимъ въ живомъ употребленіи такія формы, то въ такомъ случаѣ эти формы древней письменности должны имѣть иное толкованіе и указываютъ, по моему мнѣнію, на *древнее живое произношеніе* въ этихъ областяхъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ нашихъ діалектическихъ произношеніяхъ: хтару͡ой, до͡бру͡ой, *у*е͡ту͡ой и под. (касимов. блр.) надо усматривать въ дифтонгѣ *у͡о* такой же слѣдъ долготы звука *о* изъ болѣе ранняго *ъ*, какой мы видѣли выше въ дифтонгѣ *у͡о* изъ *о* долгаго, происшедшаго изъ основного *о*. Ясно, что *о* долгое изъ *о* въ закрытыхъ слогахъ, доживъ до общевеликорусской эпохи, совпало въ дальнѣйшей своей исторіи съ *о* краткимъ изъ *ъ* въ закрытыхъ слогахъ и вовлекло въ одинъ общій процессъ измѣненій съ собой и тотъ звукъ *о*, который являлся въ общевеликорусскомъ языкѣ въ имен. падежѣ именъ прилагательныхъ членныхъ въ единств. числѣ муж. рода. Очень можетъ быть, что еще и раньше общевеликорусской эпохи, что еще діалектически и въ общерусскую эпоху могло быть совпаденіе этихъ двухъ *о*, такъ какъ необходимо допустить, что слоговое ъ уже въ общерусскую эпоху должно было въ произношеніи многихъ словъ совпадать со звукомъ *о* краткимъ, т. е. звучать, какъ *о*. По крайней мѣрѣ, мы не вправѣ игнорировать вышеприведенныхъ показаній и блр., и млр. говоровъ, хотя эти показанія и незначительны. Если признать, что въ эпоху общевеликорусскую имена прилагательныя на—*ой* звучали *съ долгимъ о* подобно

формамъ, гдѣ это *о* было долгимъ еще въ предшествующую эпоху и звучало долго, то мы должны будемъ представить себѣ *такое произношеніе* именъ прил въ имен. п. ед. ч. муж. р., при которомъ даже безударное *о* въ окончаніи звучало *совершенно явственно* на подобіе того, какъ звучатъ эти прилагательныя въ современныхъ діалектахъ, между прочимъ, въ касимовскомъ (см. выше: пьянай...) Не этимъ-ли объясняется тотъ весьма интересный фактъ, что въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ мы наблюдаемъ въ разсматриваемыхъ формахъ именъ прилагательныхъ замѣчательную *подвижность* ударенія въ именит. пад. ед. ч. муж. рода? Быть можетъ, удареніе, сохранивъ въ большинствѣ случаевъ свое первоначальное мѣсто, діалектически замѣняло собой прежнюю долготу или явственность произношенія безударнаго гласнаго, перешедши въ діалектахъ на этотъ послѣдній Чѣмъ, напр., объяснить діалектическія произношенія: *бы́строй* и *быстро́й*, *пъ́шой* и *пъшо́й*, *то́лстой* и *толсто́й* и проч? Этимъ вопросомъ на почвѣ современныхъ *народныхъ* говоровъ еще не занимался, можно сказать, никто, но во всякомъ случаѣ это — вопросъ интересный, и ему принадлежитъ будущность [1]).

Глава II-ая.

О звукѣ ѣ.

Звукъ *ѣ* отличался отъ звука *ѣ* долгаго прежде всего уже тѣмъ, что онъ былъ полученъ *еще въ общерусскомъ языкѣ*, какъ

[1]) Подвижность русскаго ударенія на однихъ и тѣхъ же словахъ и формахъ ихъ въ разныхъ говорахъ не представляетъ собой явленія *исключительнаго*, какъ думаетъ *Р Ѳ. Брандтъ* (Начерт слав. акцентологіи. Стр. 11). Ниже, во 2-мъ приложеніи, мы помѣщаемъ цѣлый списокъ такихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ им. п ед. ч. м р. по говорамъ. Это явленіе, думается мнѣ, можетъ быть со временемъ объяснено лишь на почвѣ точнаго и широкаго изученія русскихъ народныхъ говоровъ. Еще *Я. К Гротъ*, приводя слова съ двоякимъ удареніемъ, замѣтилъ: «Всѣ подобныя слова требовали бы *особаго разсмотрѣнія*, и пора было бы заняться рѣшеніемъ вопроса, на чемъ въ нихъ основывается различіе ударенія». Фил. Разысканія. Спб. 1876². Т. I. Стр. 416

дифтонгическое сочетаніе i͡e съ разными оттѣнками въ произношеніи по діалектамъ; таковымъ онъ былъ полученъ изъ общеславянской эпохи [1]), между тѣмъ какъ звукъ *е* сталъ долгимъ лишь въ закрытыхъ слогахъ уже на почвѣ общерусской, и здѣсь, какъ звукъ долгій, подвергся различнымъ измѣненіямъ по говорамъ (См. выше). Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы видѣли много примѣровъ (См. I-ую часть. Главу III-ю) произношенія древняго орѳографическаго *ѣ*, какъ *i͡e*, *i͡e*[1], *je*[1], почти—*і*. Что касается другихъ русскихъ говоровъ, то мы имѣемъ въ нихъ на мѣстѣ *ѣ* слѣдующіе звуки: *і*, *і͡е*, *i͡e*, *i͡i*, *i͡ы*, *i͡і*, *е*. Напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ Минской губ, въ Минск., Слуцк., Игуменск., Бобруйск., Мозырскомъ уѣздахъ мы слышимъ: сіе́но, сиѣно, табіе, выбіегла, піесня, піели, обіедъ, на століе и под; въ одномъ говорѣ Могилевской губерніи *ѣ* звучитъ *какъ долгое и*: хлипъ „какъ бы хліипъ“=хлѣбъ—Озеранскій говоръ [2]); въ малорусскихъ говорахъ у Лемковъ мы имѣемъ *ѣ*=дифтонгу *i͡ы*: лі͡ысъ и под... [3]); въ млр. же говорахъ мы слышимъ *ѣ*=*ie*: въ Черниговской губ. Сосницк. у.: бі́есъ, дієдъ, дієло, на доро́зіе, лієсо́къ, также: беда́, бежи́шъ и под. [4]), то-же мы имѣемъ въ млр. говорахъ Гродненской губ., Сѣдлецкой—лі́есъ, мніе́, усіе́, сліпы́ и под; въ Корницкомъ говорѣ Сѣдлец. губ.: свіетъ, въ руці͡е и проч., причемъ здѣсь мы имѣемъ варьянтъ въ произношеніи, именно, не только ударяемую *первую* часть дифтонга, но и *твердое е* во второй части этого дифтонга, т. е., вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ *болѣе открытое е* въ дифтонгѣ, чѣмъ въ другихъ млр. говорахъ, напр., въ Черниговской, Гродненской и отчасти въ Сѣдлецкой губерніи въ другихъ уѣздахъ [5]). Вѣроятно, и звукъ *i͡ы* у Лемковъ имѣетъ во второй части дифтонга довольно открытый звукъ. Наконецъ, въ украинскомъ млр. говорѣ, т. е. въ южно-

---

[1]) См. *Ф. Ѳ. Фортунатова*. Лекціи по стрсл. фонетикѣ. Печатн. изданіе. Стр. 11—12.

[2]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діал. іѣ. III 19. 25 и друг.

[3]) *Соболевскій*. Ibid. IV. 56.

[4]) *Соболевскій* Ibid. IV. 13. 32. 35. 36.

[5]) Малорусскія *іе* и *ie*, быть можетъ, рефлексы общерусскихъ *i͡e*[1] и *i͡e*[2] Корницкій говоръ см. у *Соболевскаго*: Ibid. IV. 36.

малорусскомъ, мы имѣемъ звукъ *і* вмѣсто ѣ: хліб, сіно, тіло и под.

Что касается свр. говоровъ, то и въ нихъ мы находимъ вмѣсто орѳографическаго *ѣ* частью звукъ *и*, частью дифтонгическое сочетаніе изъ звуковъ *е* и *и* Такъ, *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: „Изслѣдованія въ области р фонетики“ указываетъ на произношеніе *ѣ* какъ e^{i} въ Олонецкой и Ярославской губерніяхъ, гдѣ звукъ e^{i} слышится даже передъ твердой согласной [1]); въ этомъ звукѣ, конечно, слѣдуетъ видѣть сочетаніе изъ *е* и *і*, образовавшееся изъ древняго ясно слышимаго дифтонга; *Даль* въ своемъ сочиненіи „О нарѣчіяхъ“... (стр. L) говоритъ *о двугласномъ произношеніи и вм. ѣ* въ вятскомъ говорѣ; *Колосовъ* (Замѣтки... Сборникъ II отд. А. Н. Т XVII. Стр. 222, 293, 323) неоднократно указываетъ произношеніе свр. *ѣ* то какъ *е*, то какъ *и*; наконецъ, въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ $i\widehat{e}$ вм. *ѣ* довольно часто (см. выше: с с. *Шаранина*, *Нармушадь*, д. *Норино* и друг.— въ IV-ой главѣ I-ой части) и *і* вмѣсто *ѣ* (см выше ibid., с.с *Ветчаны*, *Андроново*, *Парахино*, *Шаранина*, д. *Норино* и друг.).

Сводя все сказанное о произношеніи стараго орѳографическаго ѣ въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, мы будемъ имѣть картину измѣненій звука *ѣ* по мѣстностямъ: этотъ звукъ въ своемъ произношеніи колеблется между дифтонгическимъ сочетаніемъ $i\widehat{e}$ и звуками *е* и *і* монофтонгическими, проходя въ своемъ измѣненіи черезъ цѣлый рядъ оттѣнковъ дифтонгическаго произношенія, постепенно приближающагося къ монофтонгу типа *е* и типа *і*. Среди этихъ оттѣнковъ въ нѣкоторыхъ говорахъ мы ясно слышимъ дифтонгическое произношеніе *іі*, ясно слышимъ и произношеніе $i\widehat{e}^{1}$ и $i\widehat{e}^{2}$. Если къ этому присоединить еще свидѣтельство др. русскихъ памятниковъ, изображавшихъ этотъ звукъ то въ видѣ ѣ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ мы наблюдаемъ произношеніе или дифтонга $i\widehat{e}$, или e^{i} закрытое, или *і*, то въ видѣ *и*,—гдѣ нынѣ наблюдается произношеніе *і* или *е* съ извѣстными оттѣнками, то мы будемъ видѣть, что общерусскій звукъ ѣ, дѣйствительно, *былъ дифтонгомъ*, и тѣ говоры, гдѣ дифтонгическое произношеніе его сохранилось, представляютъ, слѣдова-

[1]) *Шахматовъ*. Стр. 165 и слѣд.

тельно, образецъ глубокаго архаизма и консервативности въ фонетическомъ развитіи Наши касимовскіе говоры, какъ видно, примыкаютъ и въ этомъ случаѣ къ типу говоровъ, изъ которыхъ развились сѣверно-великорусскіе говоры. Ясное дѣло, что звуки общевеликорусской эпохи: *ē* (изъ *ě въ закрытыхъ слогахъ* и изъ *ь* въ томъ же положеніи) съ первичной и вторичной долготой [1]) и дифтонгическій звукъ *i͡e* (изъ *ē* долгаго *во всякомъ положеніи*) соединили свою судьбу въ то время и въ тѣхъ говорахъ, когда дифтонгическое сочетаніе *i͡e*, послѣ отдѣленія восточно-русскихъ нарѣчій (общевеликорусскаго нарѣчія) стало въ своемъ произношеніи приближаться *діалектически* къ монофтонгу. Вотъ почему мы до сихъ поръ можемъ *по конечнымъ результатамъ* измѣненія звука *ě* и *ē* (ѣ) различать, во-первыхъ, разную судьбу этихъ звуковъ, во-вторыхъ, различное ихъ происхожденіе изъ основныхъ звуковъ. Такъ, при дифтонгическомъ *'уо (юо)*, *о*, *е*, *а* изъ основнаго *ě* (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго *долгимъ*), *мы однако не наблюдаемъ* тѣхъ же звуковъ изъ основнаго *ē* (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго дифтонгомъ *i͡e*), а вмѣсто ихъ видимъ: дифтонгъ *i͡e*, *i͡i*, *i͡ы*, *і*, *е*[1]. При сравненіи этихъ двухъ рядовъ мы сразу замѣчаемъ въ первомъ изъ нихъ измѣненіе въ направленіи *къ звукамъ открытымъ* типа *о*[a], а во второмъ—въ направленіи *къ звукамъ закрытымъ* типа *е*[1]. Ясно также, что движеніе звуковъ въ первомъ ряду предполагаетъ среднія звенья: *е͡е* съ различными оттѣнками, *ӧ͡е*, *о͡о*; а движеніе звуковъ во второмъ ряду предполагаетъ для русскаго языка звенья: *i͡e*[a], *i͡e*[1], причемъ звено *е͡е*, по моему мнѣнію, въ русскомъ языкѣ уже въ прарусскую эпоху не существовало.

Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, между прочимъ, произношеніе *куп͡іемъ*—буд. вр 1 л. мн. ч. въ смыслѣ conjunct. adhortativus—; это произношеніе, вѣроятно, слѣдуетъ сопоставить съ млр. формами въ родѣ: *пустімо*, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ звукъ *і*, а не *и*, слѣдовательно, это произношеніе предполагаетъ этимологическое *ѣ*; срв млр. купете и под., куда проникъ *ѣ* изъ другихъ формъ; срв. также: поберіємося, одо-

[1]) Звукъ *ē* долгое изъ *ь*, конечно, будетъ имѣть позднюю, вторичную долготу сравнительно съ *ē* изъ *ě*

шлімо, ідіемъ, ідіемо, ідіете, ходіете, даже позбу́дюмся и т. п. (См. у *Соболевскаго*. Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. 26. 35. 29. 36). Въ блр. говорахъ мы тоже слышимъ: жне́це, пазне́це (=поздните, пов. накл.). Ближе всего къ касимовскому стоитъ бобруйское: хадзіе́мъ, сядзіе́це, абламіе́це— пов. накл., хотя въ блр. здѣсь дифтонги *ударяемые*. Срв. касим. ку́піе́мъ. (*Соболевскій*. ibid. III. 23. 27) [1]).

---

[1]) Въ свой обзоръ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ въ русскихъ говорахъ мы не включили касимовскихъ формъ: игра́ю́от, про́с̨ю́от и проч.— 3 л. *множественнаго* числа (с с. Парахино, Фомино, Астахово, д. Новая), а занимались только формами 3 л. *единств.* числа Это мы сдѣлали потому, что сами не составили опредѣленнаго мнѣнія объ этихъ формахъ *множ.* числа: есть-ли это *аналогія* къ формамъ 3 л. единств числа, или самостоятельно развившіяся фонетическимъ путемъ формы? Одно только пока мы рѣшаемся сдѣлать: предложи́ть въ видѣ вопроса слѣдующее: нельзя-ли сопоставить вышеприведенныя касимовскія формы съ подобными-же въ чешскомъ и сербскомъ языкахъ, напр., pletou, nesou, hĭebou, pekou, zdrihnou и под.—3 л мн. ч., причемъ въ сербскомъ мы имѣемъ долгіе гласные: то́нӯ, у́мијӯ. пи́шӯ, сиј̏ӯ и под. также въ 3 л. мн. ч.? Въ нѣкоторыхъ русскихъ акающихъ говорахъ, именно, въ нашемъ касимовскомъ мы имѣемъ тутъ также долготу: нб́сю̄т, беру́т, пла́ц̨ӯт, пъцыта́ю̄т—3 л. мн. ч. (Расторгуево, Катово, Снохино, Парахино и др.); въ вятскомъ окающемъ говорѣ наблюда, телями показано произношеніе также съ долгимъ гласнымъ: берӯт (см. выше) При сопоставленіи этихъ фактовъ, кажется, можно видѣть, что старина тутъ за нашими касимовскими формами. Можетъ быть, въ гласныхъ: чш. *оu.* серб. *ӯ*, русск *уо* и *ӯ* мы имѣемъ указаніе на видоизмѣненія основного гласнаго носового, стрсл. ѫ, такъ какъ основной гласный *о* могъ съ теченіемъ времени дать въ результатѣ своихъ діалектическихъ измѣненій звукъ *у* (*и*) лишь при посредствѣ какого-либо звука *uo*. Срв. *Шахматова*, который говоритъ «Мнѣ представляется вѣроятнымъ допустить переходъ *о* носового въ прарусскомъ языкѣ въ uo и объяснять прарусское же *и*, какъ результатъ дальнѣйшаго измѣненія uo (перешедшаго непосредственно въ uu): распаденіе гласнаго *о* въ uo стояло бы въ зависимости отъ потери имъ носового свойства, вознаграждало, именно, эту потерю. Равнымъ образомъ io (jo) переходило въ iu (ju) черезъ посредство iuo (juo)». См. его литографированный курсъ лекцій по русскому языку въ Моск. Унив. 1890- 1891 академич. года. Стр. 129. Если мы находимъ въ глагольныхъ формахъ русскихъ говоровъ дифтонгическое сочетаніе *уо* въ 3 л. множ. ч. подобно вышеприведеннымъ формамъ касимовскихъ говоровъ, то приходится уже нѣ-

Такимъ образомъ, параллельное разсмотрѣніе звуковъ, соотвѣтствующихъ др. русскому начертанію ѣ, въ касимовскомъ и другихъ современныхъ русскихъ говорахъ насъ привело къ слѣдующимъ результатамъ: звукъ ѣ еще въ общерусскомъ языкѣ былъ *дифтонгомъ*, это дифтонгическое произношеніе изъ общерусскаго языка получено было и обособившимися восточно-русскими нарѣчіями, т. е. той частью общерусскаго языка, которая легла въ основаніе будущаго свр и блр. нарѣчій; ювр. говоры выдѣлились несомнѣнно изъ особой части общевеликорусскаго языка (общевосточнорусскаго); нашъ касимовскій говоръ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій, изъ которыхъ и свр и блр. говоры.

Глава III-ья.

О прочихъ гласныхъ звукахъ.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ лишь нѣкоторыя явленія вокализма нашихъ говоровъ древнихъ и современныхъ, именно, тѣ явленія, которыя, по нашему мнѣнію, должны имѣть новое объясненіе послѣ изслѣдованнаго нами говора Касимовскаго уѣзда, а также тѣ явленія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ явленіямъ говора въ Касимовскомъ уѣздѣ. Прежде всего замѣчу, что здѣсь я не буду касаться такъ называемаго *аканья*, понимая подъ этимъ терминомъ произношеніе предударныхъ звуковъ *о* и *е*, какъ *а* и *'а* (*я*), хотя и буду гово-

---

сколько измѣнить мнѣніе о *прарусскомъ и* изъ *о* носового въ томъ смыслѣ, что при звукѣ *и* въ діалектахъ прарусскаго языка, вѣроятно, уже было извѣстно и сочетаніе *ĩo* изъ носового *о*. Конечно, это допущеніе можетъ быть сдѣлано лишь въ томъ случаѣ, если наши русскія діалектическія формы съ сочетаніемъ *ĩo* не представляютъ изъ себя явленій позднѣйшей аналогіи. Впрочемъ, сравненіе съ чешскими и сербскими формами указываетъ во всякомъ случаѣ на путь измѣненій основного о носового въ той части общеславянскаго языка, которая утратила носовой элементъ основного праславянскаго звука о̨. Вѣроятно, въ этой части общеславянскаго языка было извѣстно еще до распаденія послѣдняго сочетаніе *uo* изъ о̨. Тогда понятна и долгота, и дифтонгическія сочетанія въ сербскомъ, чешскомъ и діал. русскомъ.

рить вообще о звукѣ *а* нашихъ говоровъ. Это я дѣлаю потому, во-первыхъ, что объ аканьѣ въ указанномъ смыслѣ было уже говорено мною въ моей первой работѣ по діалектологіи. а, во-вторыхъ, потому, что аканье касимовскихъ говоровъ я считаю явленіемъ, не принадлежащимъ собственно фонетикѣ тѣхъ русскихъ говоровъ слѣды которыхъ сохранены намъ въ касимовскихъ говорахъ; это явленіе въ нихъ— позднѣйшее, заимствованное изъ ближайшихъ сосѣднихъ говоровъ южной части Рязанской губерніи, которая, очевидно, первоначально представляла собой типъ древнихъ русскихъ говоровъ, отличныхъ отъ говоровъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ касимовскихъ, ведущихъ свое начало отъ говоровъ типа окающаго, т. е. типа со звуками o^{y} и e^{o} въ предударномъ слогѣ, а не типа акающаго, т. е. типа со звуками o^{a}, e^{a} въ означенномъ положеніи. Какъ мы уже говорили въ I-ой части нашего труда, весь характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ указываетъ намъ наглядно на то обстоятельство, что эти говоры сохранили намъ въ своемъ звуковомъ составѣ доказательства своего особаго происхожденія, отличнаго отъ говоровъ *чисто акающихъ*, южно-великорусскихъ. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, какъ было сказано, мы понынѣ наблюдаемъ постепенное вымираніе старыхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній (слитные согласные, дифтонги, долгота, дифтонгическое *ѣ* и друг.) и приближеніе ихъ къ сосѣднимъ говорамъ. Это же мы говорили въ своей магистерской диссертаціи *по поводу нѣкоторыхъ данныхъ изъ Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи.* Очевидно, мы имѣемъ на ряду съ явленіями поздняго происхожденія въ нашихъ касимовскихъ говорахъ явленія глубочайшей древности лишь потому, что эти говоры какъ бы забились въ медвѣжій уголокъ, гдѣ долѣе другихъ могли сохранять свой первоначальный звуковой составъ и жить особою жизнью древодѣловъ и дроворубовъ.

§ I. Остановимся прежде всего на явленіи произношенія звука *'а* (*'а*^{e}) изъ *и* въ нашихъ говорахъ.

Въ первой части своего труда мы указали произношенія: да́ля = да́ли, вы́пйля = выпили, сѣ́йля = сѣ́яли и проч., а также: дѣ́хьйя = дѣ́вки, с рибя́тъмя, са́мя и мн. др. Наши касимовскія формы въ родѣ *да́ля*, *сѣ́йля* и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ *'а*^{e}, т. е. звукомъ, который

по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою ѣ въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на—лѣ. Мнѣ кажется, въ виду діалектическихъ произношеній этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ, что конечное ѣ древне-русскихъ формъ означало звукъ *открытый*, а *не закрытый*, и я такъ думаю вопреки уже высказанному въ ученой литературѣ мнѣнію о закрытости этого древне-русскаго ѣ.

Современная русская діалектологія, какъ увидимъ, заставляетъ насъ вести наши конечные звуки въ этихъ формахъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ изъ древне-русскаго *открытаго*, а не закрытаго звука. Изъ всѣхъ ниже приводимыхъ данныхъ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говоровъ ясно видно, что разсматриваемыя формы причастій, а равно и формы, близкія по произношенію къ нашимъ: дѣхькя, са́мя и под., извѣстны въ большей части русскихъ говоровъ, причемъ въ древне русскомъ языкѣ мы для каждой изъ этихъ формъ можемъ указать, какъ будетъ видно ниже, ея первоначальный видъ, какъ онъ переданъ въ древне-русской орѳографіи. Сравнивая приводимыя ниже данныя между собой, мы устанавливаемъ главнымъ образомъ фактъ фонетическаго перехода конечнаго звука *и* въ открытомъ неударяемомъ слогѣ въ звукъ *'а* при посредствѣ звуковъ: и^{е}—је^{а}—йа; вотъ послѣдній-то звукъ изъ этого ряда мы и видимъ въ древне русскомъ ѣ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ разсматриваемыхъ формъ. Замѣтимъ, что этотъ законъ перехода звука конечнаго *и* въ открытый звукъ типа *е* обнаруживалъ свое дѣйствіе лишь *въ неударяемыхъ* слогахъ и стоялъ первоначально только въ зависимости отъ ударенія, какъ показываютъ подобныя формы въ блр. и млр. нарѣчіяхъ; въ великорусскомъ же нарѣчіи этотъ законъ получилъ широкое распространеніе со времени XIV вѣка, когда замѣчается открытое произношеніе конечнаго звука *е* не только изъ древняго *и*, но и изъ древняго *е*, напр., въ окончаніи 2-го лица множ ч. глаголовъ—*те*. Замѣчательно, что нынѣ мы слышимъ *какъ въ акающихъ, такъ и въ окающихъ нарѣчіяхъ* произношеніе съ конечнымъ $е^{а}$—*'а* неударяемымъ въ формахъ, въ родѣ: „сиди́тя“, „не^{и}си́тя“ при „нясѝтя“ и проч. Значитъ, явленіе *общерусскаго языка* съ теченіемъ

времени, по выдѣленіи восточно-русскихъ нарѣчій, получило дальнѣйшее развитіе въ этихъ послѣднихъ: именно, тотъ фактъ, что нынѣ мы имѣемъ въ акающихъ говорахъ произношеніе „да́ли“, „дѣ́фьки“, „са́ми“ и проч при „да́йтя“, „сиди́тя“ и проч., между тѣмъ какъ въ окающихъ говорахъ мы имѣемъ: „да́ля“, „дѣ́хькя“, „са́мя“ и проч. при „да́йтя“, „сиди́тя“ и проч, показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ разными процессами фонетическаго измѣненія конечнаго *и* и *е* въ акающемъ и окающемъ говорахъ. Тотъ фактъ, что конечное *и* первоначальное не было вовлечено въ аналогію процессомъ аканья въ акающихъ нарѣчіяхъ, показываетъ намъ, что въ группѣ говоровъ, развившихъ у себя аканье, конечное *и* при указанныхъ условіяхъ *не переходило въ открытый звукъ*. Итакъ, это расширеніе звука *и* есть явленіе свр фонетики. Приведемъ примѣры. Напримѣръ, въ Смоленской Лѣтописи Авраамки мы находимъ: а намѣсницѣ Московьскыи Андрѣевы *сбѣжалъ*—Стр. 57. а въ Пьсковѣ *почалъ* бяше грабить недобрѣи люди—60. что *сѣдѣлъ* в тали—62. и слово правое *далъ*—67 а сами *побѣжалъ* въ нѣмѣчкый городокъ—70. хто что *вынесле* на поле—72 чтобы есте *поборонилъ* насъ отъ нѣмець—75. а мужій моихъ *побилъ*—81. а нашихъ *пострѣлилъ*—92. а в Новѣгородѣ *принялъ*—93 двожды *шлъ* Новгородци Волгою—94. а иныи истопоша безъ вѣсти и *поплылъ* внизъ по Тфѣрци—98. а иніихъ *поималъ* и *повязалъ*—101. и Колмогоры вземь и *пожгълъ*—164. три церквѣ *сѣжгълъ*—172. твои слы *водилъ* суть цари ротѣ—230 и друг. Срв. въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. (сп. F.): абыша... тои правды *держалъ*—Р.-Лив. Акты. Стр. 423. (Срв. въ спискѣ, изданномъ Дубенскимъ въ Русск. Достопамятностяхъ. II. М. 1843. Стр. 249: а быша три правды *держалъ* и в вѣкы). Мы не можемъ считать этихъ написаній выражающими звукъ *и* на концѣ словъ, во-первыхъ, потому, что въ этихъ памятникахъ, хотя и замѣтна мѣна *ъ* и *и*, но она особенно ясна лишь тамъ, гдѣ *ъ* стоитъ вмѣсто *и* *подъ удареніемъ* (нѝту—Смол. Лѣт. 76. бесчѣ́слено—ib. 86 и мн. др.); тамъ-же, гдѣ *ъ* не подъ удареніемъ, оно можетъ выражать и не чистый звукъ *и*, тѣмъ болѣе, что *ъ* въ этихъ случаяхъ часто стоитъ и не вмѣсто *и* (гостѣ́й - 70. Тфѣ́рь—70. тѣ́сть—99. Смолѣ́ньску и Смоле́ньску—Грамота 1229 г. ib и друг.); во-вторыхъ, потому, что далеко не во всѣхъ памятникахъ, имѣющихъ *ъ* вмѣсто *и*, мы

находимъ эти формы съ конечнымъ *ѣ*. Напр., въ Лаврентьевскомъ спискѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1377 г., гдѣ мы имѣемъ: обърѣнъ и обърин̃ (фототип. изд. л. 8.), конѣхъ и конихъ—л. 30, печенѣзи—л. 45, насмѣхаются и насмисаются—л. 117. столб. 1, по истѣнѣ—л 132. ст. 1. и по истинѣ—л. 135. столб. 2 суздалцѣ и суждалци—л 170. ст 2. и мн. др., при этомъ, сколько знаю, мы находимъ только одну форму на—*лъ* [1]). Между тѣмъ въ Ипатскомъ спискѣ той же лѣтописи мы читаемъ: *сѣлъ* суть—л. 5 столб. 1. (фототип. изд.), *прилъ* бѣша—л. 9. ст. 1, суть *вдалъ*—л 12 столб 2, *изоwаѣлъся* суть—л. 40. столб 1, бяху *оубилъ*—л 43. ст 2, бѣша *пожьгълъ* половци—л. 189 ст. 2. и др. и при этомъ тоже находимъ и *ѣ* вмѣсто *и*. Шахматовъ [2]) приводитъ еще данныя изъ памятниковъ XIV и XV вѣка: кралѣ, видилѣ, побилѣ, послалѣ, былѣ.. (изъ Русской Правды, изъ того-же списка Смол. Грамоты 1229 г, изъ котораго мы привели выше: держалѣ, изъ Новг. Лѣтоп XV в.). При этомъ замѣтимъ, что, насколько намъ извѣстно, въ Новгородской лѣтописи по Синод списку XIV в. такихъ формъ опять нѣтъ. Въ Двинской Духовной Грамотѣ мы опять находимъ: А что порубили Тойвита въ поральѣ, *выдалъ* голецъ Ѳедору АЮ. № 409. (XI)—XIV—XV в. Наконецъ, въ виду того, что въ современныхъ намъ говорахъ мы находимъ такія формы, какія мы привели выше въ рѣчи жителей Парахинской волости Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, мы не можемъ объяснять и написаній древне-русскихъ памятниковъ графическими причинами или звуковымъ тождествомъ *ѣ* и *и*. *Свидѣтельство живыхъ говоровъ—самое важное*: здѣсь должно было это *ѣ* имѣть какой-либо звуковой оттѣнокъ въ рѣчи писцовъ, употреблявшихъ эти написанія; этотъ оттѣнокъ, вѣроятно, приближалъ это *ѣ къ открытому, а не закрытому* звуку; можетъ быть, къ звуку—*ä*. Я склоненъ сопоставлять эти формы съ такими, какъ *ѣсмя*, *дворяня* и проч. Срв. *дѣтмѣ*—у Шахматова (Изслѣдованія... Стр. 250) и приведенное нами выше Парахинское: рибя́тъмя, а также пермское: столами добо́вымя, цве-

---

[1]) Мы знаемъ только одинъ примѣръ: бѣ бо стополкъ с володимеромъ рАдъ имѣлѣ—л. 185. ст. 1.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія... Стр. 168–169. Срв. 249—252.

то́чкимя а́ленькимя, фсемя́ городами [1]), а также: села съ поселкаме въ Олонецкомъ говорѣ (Рыбниковъ. III. 372). Въ виду этихъ данныхъ приходится признать, что это былъ звукъ *открытый* въ означенномъ положеніи, а *не закрытый*. Вѣроятно, въ образованіи этого звука участвовала какая-нибудь аналогія [2]), такъ какъ звуки: *е—і ’а* въ различныхъ говорахъ чередовались и чередуются до сихъ поръ въ конечныхъ открытыхъ неударяемыхъ слогахъ Я дѣлаю свое предположеніе, но не претендую на его доказательность и долженъ сказать, что это явленіе вообще загадочное въ др.-русской письменности, и я не нахожу удовлетворительнаго объясненія для этого явленія ни у Соболевскаго [3]), ни у Шахматова, ни у кого другого. Кажется, то обстоятельство, что мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ грамотахъ эти формы на—*лъ* съ формою глагола *есмь*, *есмя*, говоритъ въ пользу предположенія о возможности вліянія на эти формы формъ глагола *ѥсмь—ѥсмь*, но въ основѣ своей, всетаки, это явленіе *фонетическое*. Сравни: той товаръ *творилъ* есмя, *взялъ* есмя, есма *доконцялъ*,

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Очеркъ р діалектологіи Жив. Стар. 1892. Вып II. Стр 23

[2]) См. у *Шахматова*. Изслѣдованія въ области р фонетики. Стр. 212—221 Срв стр. 250—252.

[3]) *Соболевскій* въ своихъ «Лекціяхъ» не останавливается на этомъ явленіи: онъ нигдѣ не объясняетъ, какъ онъ смотритъ на это явленіе, хотя нѣсколько разъ приводитъ подобныя формы; см. стр. 146. 211. 217. Въ статьѣ «Смѣшеніе родовъ» мы читаемъ: «Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на—*лъ*), которыя употребляются теперь исключительно, какъ сказуемыя, сохранили для подлежащихъ всѣхъ родовъ только одну старую форму—форму муж. рода, такъ что мы говоримъ теперь *шли*, *ѣхали*, *дали* при подлежащихъ и муж., и женск., и средн. рода». Лекціи². Стр 191. Въ фонетикѣ тоже не находимъ указаній Зато въ его «Изслѣдованіяхъ въ области р. грамматики» (В. 1881) мы находимъ относящееся къ данному вопросу: формы: человалѣ, переступилѣ и т. д. Соболевскій объясняетъ вліяніемъ формъ мягкихъ основъ на—*ѣ* на формы твердыхъ основъ (Стр 30—35). Здѣсь приведены и блр. формы: *была*, *хадзіла* (виленск.), и Соболевскій объясняетъ эти формы такъ-же, какъ и я: здѣсь *я* изъ *ѣ*. Но съ объясненіемъ его формъ на—*мя* (ibid. 49—53) едвали можно согласиться: срв. касим. *сáмя* и древне-русское *сáмъ*—въ Ипат. сп. лѣтописи (ib. 35). Другое дѣло: рибятъмя....

есмя *спустилъ*, *цѣловалъ*, *былъ*, *взялъ*—Рус.-Лив. Акты № 96. (1373 г.); или: есме *отдалъ*, а потомъ: *взялъ* есте, есте *прислалъ*..., *порубилъ*, *погорѣле*, *поимале*, *повѣстовалъ*, *побилъ*, *человалъ*... ibid. № 115 (1392 г.). По крайней мѣрѣ, послѣ изслѣдованія говора жителей Касимовскаго уѣзда можно, кажется, утверждать слѣдующее: это конечное *ъ* выражаетъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ письменности звукъ открытый, колеблющійся между *'а* и *'е*, на это указываютъ современные говоры: касимовскій и пермскій; далѣе, это звуковое явленіе, какъ прежде, такъ и теперь, наблюдается *въ говорахъ цокающихъ и чёкающихъ* и, быть можетъ, въ говорахъ, сохранявшихъ долѣе другихъ свои дифтонги; наконецъ, по памятникамъ письменности видно, что это явленіе не особенно старое: ранѣе XIV-го вѣка его нельзя прослѣдить по памятникамъ [1]), а къ этому-же времени приблизительно становится замѣтнымъ подобный фонетическій процессъ и въ другихъ образованіяхъ: есми - есме—есмя, есте—естя, купи́те—купи́тя, дади́те—дади́тя. Можетъ быть, формы на—*те* были исходнымъ пунктомъ такихъ образованій, и это—*е* было открытымъ не только въ будущихъ акающихъ говорахъ, но и въ окающихъ говорахъ, которые очень рано стали умѣренно а́кать [2]). Насколько знаю, ни въ современныхъ бѣлорусскихъ, ни въ современныхъ малорусскихъ говорахъ мы не имѣемъ теперь такихъ произношеній въ большомъ количествѣ, но слѣды ихъ должны быть, и кое-что мы видимъ въ памятникахъ древней письменности и живой рѣчи [3]) современныхъ бѣлоруссовъ. Напр. млр.: говорелѐ, розлучелѐ—Пинск. у. (Жив. Ст. 1892. IV. 24).

Если взять за типъ словъ, которыми мы сейчасъ занимались, слѣдующія: „сами“, „ребятами“, „дали“, (сѣяли), „дѣв-

---

[1]) *Колосовъ*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р языка.. Стр. 104. 114. 132. 170. Формы только съ XIV в.

[2]) *Шахматовъ*. Ук. Соч. Стр. 295 (говоры со звукомъ *о* въ предударномъ слогѣ)

[3]) Срв. предыдущ. стр примѣч. 3. Блр. виленск.. бы́ля, хадзи́ля, весе́линькимя и др. Срв. *Карскаго*. Обзоръ... Стр. 46 (звукъ—ä). Наконецъ, формы на—*лъ* мы имѣемъ и въ Волынской лѣтописи. *Колосовъ*. Очеркъ. Стр. 171 (Впрочемъ, можетъ быть, это особенности сѣверянина—переписчика).

ки". то выйдетъ, что для современнаго мѣстнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ мы имѣемъ вмѣсто приведенныхъ выше слѣдующія произношенія: са́мя, рибя́тъмя, да́ля, (ç'я́ля). дя́хькя. Во всѣхъ этихъ словахъ мы имѣемъ въ современномъ касимовскимъ говорѣ звукъ $'a^e$ или $'e^a$ изъ основного *и* (предполагая „сами"—для муж. р. им. п. мн. ч. форму на—ами, какъ заимствованную изъ именъ женскаго рода на—*а* еще въ древне-русскомъ языкѣ XIII-го вѣка, „дали",—какъ форму для им. п. мн. ч. муж. рода, и въ словѣ „дѣвки" изъ дѣвъкы звукъ *к* уже смягченнымъ издавна). Ясное дѣло, что этотъ звукъ—*и* перешолъ черезъ другія ступени прежде, чѣмъ стать звукомъ открытымъ, и эти ступени мы нашли въ древне-русскихъ памятникахъ въ написаніяхъ съ—*ѣ*, которое въ этихъ формахъ было, конечно, звукомъ открытымъ: мы видѣли древне-русскія: самѣ, далѣ, совр. пермск. формы на—*мя*. блр. формы на—*ля*,—*мя*, касимов. на—*мя*,—*ля*,—*кя* съ особымъ звукомъ $'a$, и для формъ касимов. въ родѣ *дѣхькя* находимъ въ бѣлорусскомъ: ру́чкѣ мые, при: дзѣ́вкѣ́ вино выпили, мужикѣ́, вовкѣ́ или вѣнкѣ́, дворѣ́... (*Соболевскій*. Лекціи[2]. Стр. 167. 163). Соболевскій видитъ въ такихъ формахъ результатъ смѣшенія твердыхъ и мягкихъ основъ, слѣдовательно, явленіе не фонетическое, но я не могу себѣ представить, чтобы въ русскомъ языкѣ XIV го вѣка (не ранѣе: формы въ родѣ: Варлааме вдале. сюда не относятся) формы мягкихъ основъ на—*ѣ не подъ удареніемъ* въ живомъ произношеніи были *настолько явственны* для слуха и настолько многочисленны, чтобы вовлечь въ аналогію съ собой всѣ вышеразсмотрѣнныя и подобныя слова Мнѣ кажется, что здѣсь слѣдуетъ искать *фонетическаго* закона: вѣроятно, что въ группѣ восточно-русскихъ нарѣчій, давшей начало великорусскому нарѣчію, конечный звукъ *и* приближался діалектически къ звуку *е* черезъ предполагаемую мною группу звуковъ $i\breve{e}$; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени звуки $i\breve{e}$—*е* изъ *и* совпали въ своей исторіи съ звуками *е*—*ѣ* изъ $'e$ и $i\breve{e}$; вотъ почему мы имѣемъ въ этихъ формахъ и *ѣ*, и *е* въ той части говоровъ, отъ которой пошли сѣверно-великорусскія нарѣчія и сѣверно-бѣлорусскія; поэтому мы имѣемъ и формы неопредѣленнаго наклоненія, съ одной стороны, на—*ти*, съ другой,—на—*тѣ*,—*те*. При взаимномъ вліяніи и столкновеніи разныхъ говоровъ, въ эпоху аканья, съ того-же XIV-го вѣка (можетъ быть и ранѣе), говоры ака-

ющіе придали кое-гдѣ особую окраску этому конечному звуку, а равно получились и въ окающихъ говорахъ особые оттѣнки, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно теперь усматривать прошедшую судьбу этихъ конечныхъ звуковъ *е* и *и*. Напримѣръ: въ Новгородскихъ купчихъ XIV – XV вѣка читаемъ: тимъ *володѣтъ* Ѳедору Макарову—АЮ. № 71. (VI); Лавр лѣтопись: не творите—неопр. н. — л 40 (фототип изд.); въ Ипатск. спискѣ лѣтописи: нача пѣтѣ—л. 97. столб 2. Срв. нача пѣти—л. 97. столб. 2 (фототип. изд) Сравни въ современномъ Новгородскомъ говорѣ: будите—неопр. н , знобите—неопр. н. Колосовъ приводитъ [1]) еще формы: скопите, купите, носите—неопр. н.—изъ пѣсни Псковской губерніи въ Сборникѣ Шейна и форму—узяте [2]) изъ Грамоты 1229 г. Съ формами касимов дѣхькя. блр. дзѣвкѣ, ручкѣ слѣдуетъ сопоставлять новгор. (валдайск.): *ягодке* вм. ягодки [3]) Если форму „нѣтути“ считать древнѣйшей (нѣту-ти), то написаніе Ипатск. списка лѣтописи: нѣтутѣ—л. 89. ст. 1. свидѣтельствуетъ о томъ же фонетическомъ процессѣ; срв. нѣтуть [4])—ib. л. 89 ст. 2.

§ II. Совершенно обратный фонетическій процессъ происходилъ съ конечнымъ звукомъ *'а* (стрсл а) въ открытомъ слогѣ, въ мѣстоименіи *ся*, присоединяемомъ къ глаголу. Здѣсь мы наблюдаемъ еще общерусское явленіе фонетическаго *сужения* этого конечнаго *'а* въ *і* черезъ ступень *е*. Въ разсужденіи этого фонетическаго явленія надо принять во вниманіе, что мѣстоименіе *ся* при глаголахъ образовало вмѣстѣ съ глаголомъ *одно* слово, которое и чувствовалось, именно, какъ *одно* слово еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстно было раздѣльное употребленіе глагола и мѣстоименія *ся*, а такихъ случаевъ, какъ показываетъ древне-русская письменность и современная діалектологія, представляющая дальнѣйшую судьбу этихъ глагольныхъ формъ въ разныхъ говорахъ, было гораздо больше въ русскомъ языкѣ, чѣмъ случаевъ раздѣльнаго употребленія глагола и мѣстоименія *ся* Такимъ

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... Сборникъ отд. р. яз. XVII. 1877. Стр. 11. прим. 3. Стр. 12. прим. 1 (переносъ со стр. 11).

[2]) Русско-Лив. Акты. Приложеніе. Стр 426, 430 и др. вездѣ—*и*

[3]) *Колосовъ*. Ibidem. Стр. 12. прим.

[4]) На л. 150. столб. 2. мы имѣемъ: нѣтути.

образомъ, фонетическій процессъ суженія конечнаго *неударяемаго* *'а* въ открытомъ слогѣ обнаружился со всею яркостью и замѣчательной послѣдовательностью въ глагольныхъ формахъ на—*ся*, именно, потому, что эти глагольныя формы не сознавались, какъ сложныя изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, а сознавались, какъ *простыя* слова, въ которыхъ и обязательно было обнаруженіе дѣйствія фонетическаго *закона*

Если мы въ § I нашли, что общерусское конечное неударяемое *и*^{е} въ великорусскихъ нарѣчіяхъ измѣнилось въ извѣстной средѣ (будущихъ окающихъ говоровъ) по направленію къ звуку *а* подъ вліяніемъ законовъ сѣверно-великорусской фонетики, то въ вопросѣ о конечномъ общерусскомъ неударяемомъ звукѣ *'а*^{е} мы увидимъ, что измѣненіе этого звука не въ однихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, а *во всѣхъ нарѣчіяхъ* русскаго языка шло по направленію къ звуку *і*. Слѣдовательно, данныя языка насъ должны убѣдить въ томъ, что этотъ процессъ начался еще въ прарусскую эпоху и былъ общимъ для всѣхъ нарѣчій русскаго языка. Нельзя думать, что это явленіе позднее, такъ какъ мы не имѣемъ графическаго выраженія его въ *древнѣйшихъ* памятникахъ письменности, потому что противъ такого мнѣнія стоитъ свидѣтельство *всѣхъ* современныхъ русскихъ говоровъ и свидѣтельство *тѣхъ* памятниковъ русскаго языка XIV вѣка, орѳографія которыхъ была ближе всего къ орѳографіи фонетической Остается только неяснымъ, почему этотъ законъ не проявлялся *во всѣхъ* случаяхъ, гдѣ было конечное *'а* въ неударяемомъ положеніи, но на этотъ вопросъ можно отвѣчать пока лишь гадательно, предполагая причину этого въ томъ, что предшествующій согласный *с* имѣлъ какое-либо вліяніе на измѣненіе слѣдующаго за нимъ звука *'а*.

Трудно, почти невозможно, по моему мнѣнію, допустить, что разсматриваемое измѣненіе звука *'а* обязано своимъ появленіемъ и сохраненіемъ *во всѣхъ* русскихъ говорахъ тѣмъ *немногочисленнымъ* случаямъ, въ которыхъ было извѣстно въ древне-русскомъ и старославянскомъ языкахъ употребленіе дательнаго падежа *си* при глаголахъ. А главное, что при такомъ предположеніи намъ придется игнорировать формы стараго и современнаго русскаго языка на—*сѐ*, формы, извѣстныя въ *громадномъ количествѣ* и образовавшіяся, несомнѣнно, *фонетическимъ путемъ*.

Такъ, мы имѣемъ, напримѣръ, въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе—1 л. ед. ч.—*Востоковъ*. Описаніе ркп. Рум. Муз. № LXVII. Срв. АЮ. № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ.

Въ современныхъ говорахъ мы имѣемъ всѣ окончанія: *а* (*'а*), *е* и *и* Такъ, въ сѣверно-великорусскомъ мы имѣемъ: опуститься, биться, бороться и друг —Олонец. (Истоминъ. Пѣсни. 34), боротца—46. срв 49. 84 и друг.; - *се*: стр. 35, 44, 48, 71, 87, 105, 117, 129, 130; женитьсе, вѣньцятьсе, просшатьсе—148—Арханг.; просшатсе—222—Арханг. и др. (если записи вѣрны);—*си*: стр. 47. Олонецк. и друг. Срв у *Колосова* Замѣтки... ibid. Стр. 11. 168. 25 прим. 2: шата́тьцы... Срв въ Сборникѣ Гильфердинга: напивалиси, наѣдалиси—Столб. 100 срв. столб 12, 98, 106, 134 и друг

Въ бѣлорусскомъ: мали́лиси, но: покло́нюцця—3 л. мн. ч, аста́ци, сабра́лиси, кылыхни́ся, гадзи́цця—неопр. н.; есть возвр. залоги на—*ca* (Рѣчицк. у. Минск. губ.), на—*ця*,—*са* въ Мозырск уѣздѣ, на—*се*: жени́цисе—Минск. у., Бобруйск. у. и друг. [1]).

Въ малорусскомъ нарѣчіи: озва́тьсє, обеща́ўса, дивітса, крийса, хваліўса, бою́са, суділосе, женытыся, боіцє, бою́сє, бьєцє, бьєсе, бьєся, даєсі, даєсе, даєси и друг. [2]).

Такимъ образомъ, это явленіе надо отнести къ эпохѣ общерусскаго языка или даже къ эпохѣ прарусскаго языка. Въ самомъ старославянскомъ языкѣ мы имѣемъ въ извѣстныхъ случаяхъ глаголы возвратнаго залога на—*сѧ* и рядомъ на—*си*. При глаголахъ: съжалити си, сътѫжати си и подобныхъ мы имѣемъ одновременно и глаголы другого управленія, но думаю, что въ русскомъ языкѣ съ теченіемъ времени, когда конечное—*сѧ* (—*с'а*) при глаголахъ перестало сознаваться, какъ особое слово или какъ винительный падежъ мѣстоименія, это мѣстоименіе стало просто концомъ слова, его окончаніемъ, и подчинилось относительно своего гласнаго звука общему фонетическому закону. Мнѣ кажется сомнительнымъ объясненіе русскаго *се* (сѣ) изъ *си* подъ вліяніемъ *себѣ* [3]): въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣ-

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Ст. 1892 г. Вып. III. passim.

[2]) Ibidem. Вып. IV. passim

[3]) *Соболевскій*. Изслѣдованія въ области р. грам. Стр. 60—63.

емъ формы: мі, ті, сі для дат. падежа, гдѣ ясно отношеніе ихъ къ формамъ на—*ѣ*, но онѣ ничего общаго фонетически не имѣютъ съ древними формами: ми, ти, си; формы-же на—*ѣ*: мѣ, тѣ, сѣ только предполагаются, но живыми говорами ихъ доказать нельзя; мы имѣемъ теперь въ касимовскомъ говорѣ: у мня́, у мя́, у тя́ при: у ме'ня́, у те'я́, у се'я́, откуда можно вывести, что первыя, дѣйствительно, образовались изъ вторыхъ путемъ выпаденія или сокращенія звуковъ; но формъ: ми или ме (мѣ), ти или те (тѣ), си или се (сѣ) мы не видимъ въ живыхъ влкр. говорахъ, если не считать такихъ выраженій, какъ: я те дамъ!, гдѣ опять видно сокращеніе *те*, которое звучитъ *те*', изъ теѣ—тебѣ. Вообще, этихъ формъ для дат. падежа личныхъ и возвратнаго мѣстоименій, какъ отдѣльныхъ словъ, мы совсѣмъ не видимъ, въ особенности, формы для 1-го лица: ме', ме, мѣ, а она должна бы была гдѣ-нибудь сохраниться, еслибы она была. Форма же *ся*, *се*, *си* извѣстна только, какъ окончаніе нѣкоторыхъ словъ, причемъ первая въ говорахъ еще встрѣчается, но опять, какъ сокращенная изъ *себя*.

Кромѣ того, вышеприведенныя млр. боюсє и под. говорятъ своимъ звукомъ є противъ формъ на—*ѣ* или на—*и*. Если мы имѣемъ такія формы, какъ: *спусте* на третей день—АЮ. № 10 (1503 г.), то мы вправѣ видѣть и въ формѣ: *сужусе* тотъ-же фонетическій процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ *'е* и, наконецъ, въ *и*. Точно такъ-же млр. суділосе, даєсе и под (см. выше) говорятъ своимъ конечнымъ звукомъ *е*, не смягчающимъ предшествующую согласную за *фонетическій* процессъ: еслибы здѣсь чувствовался дательный падежъ—*си*, то—*се* не получилось бы; еслибы здѣсь чувствовался дат. падежъ—*сі* (изъ—*сѣ*, которое, въ свою очередь, образовалось подъ вліяніемъ, будто-бы, формы—*себѣ*), то точно такъ-же въ глаголахъ не получилось бы—*се*. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что надо отдѣлить мѣстоименія, какъ особыя слова, отъ того возвратнаго мѣстоименія, которое издавна слилось съ глаголами и переживало въ жизни русскаго языка общую судьбу съ словами, въ которыхъ не было сложенія съ мѣстоименіемъ, но которыя имѣли одни и тѣ-же окончанія съ этими сложными глаголами. Въ эпоху измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ характера ударенія въ русскомъ языкѣ, не-

ударяемый конечный гласный здѣсь подвергся извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ. Точно такъ и появленіе звука *ц* изъ *тс* въ глаголахъ, думаю, началось съ процесса отвердѣнія конечнаго—*т* въ 3 л глаголовъ или, лучше сказать, обусловлено твердымъ конечнымъ—*т* въ 3 л глаголовъ въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которые имѣли это твердое—*т* искони или раньше другихъ говоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ говорахъ, которые теперь имѣютъ 3 л глаголовъ на—*ть*, замѣчается и мягкое *ц*, а не твердое, въ глаголахъ возвратнаго залога, напр., въ вышеприведенныхъ формахъ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій: твердое *т* повлекло за собой отвердѣніе—*с* и дало твердое *ц*. Срв. АЮ. № 19: возитца, вывезутца; № 21: битца; № 30: имянуетца, напиватца; № 69: уставитца, объявитца; № 92: доведетца: № 96: ставитца; № 98: вступатца, учинитца; № 99: вступатца, учинитца и мн др. Формы неопредѣленнаго наклоненія, естественно, совпали в массѣ глаголовъ съ формою 3-го лица наст. времени, отсюда: уставитца, ставитца, учинитца и др., а нѣкоторые глаголы при звуковомъ совпаденіи въ обѣихъ формахъ стали различаться только ударенiемъ: вóзи́тца, объя́ви́тца и мн. др. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ 3 л глаголовъ имѣетъ мягкое—*ть*, и неопредѣленное наклоненіе, кажется, сохраняетъ мягкое *ц*, которое поддерживается общей массой формъ 3-го лица ед. и множ. числа: блр. аста́ци, гадзи́ця. Замѣчательно, что при неопр. наклоненіи на—*ти* (млр.) вообще рѣдки формы съ твердымъ—*с* въ возвратномъ залогѣ въ неопр. наклоненіи. Изъ этихъ формъ, т. е. изъ формъ 3-го лица ед. и множ числа, твердое *с* могло проникнуть и въ другія формы. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что въ блр. и млр. формы на—*сы*,—*цы* вообще, кажется, рѣдки, если онѣ и есть, такъ какъ не всѣ русскіе говоры переживали послѣ своего обособленія одни и тѣ-же звуковыя измѣненія [1]). Вліяніе предшествующаго звука на

[1]) Впрочемъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, кажется, всѣ эти виды окончаній употребительны, какъ и въ великорусскомъ См., напр., *Шейна*. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-западнаго края. II. Спб. 1893: Гродн. губ.: жéницца, пытаяцца, выпирацца, упилася, жаніуся, смяяцца, остáлися—№ 87. Стр. 185. бъётцы, робилосѐ—№ 88. Стр. 186. 187. (Минск губ.); остаўся, дзѣлыицца—№ 107. Стр. 232 (Витебск. губ.); уваліўса,

возвратное мѣстоименіе, присоединяемое къ глагольной формѣ, вліяніе на согласный элементъ этого мѣстоименія можно видѣть изъ сопоставленія, напримѣръ, слѣдующихъ формъ, из-

---

остáлиса, попужáлиса—№ 108 Стр. 235 236 (Минск. губ.); пріостанóуляетця, пасецся, споткнетца—№ 117. Стр. 251 252 (Гродн. губ.); сгодивса, остáлися, нашлосе, оставса—№ 177 Стр. 334. (Гродн. губ.); дзяліўся, згодзилися, спужáўся, хочитца, упираютца, становитца—№ 220. Стр. 379. 378. 380. 381. (Минск. губ.); подкосяцца, боицца, зирайся, вертайся—№ 44 Стр. 545 (Смоленск губ.); обтынúюся, обгороджýся, освячýся, обрыюся—№ 48. Стр 547 (Минск губ.); вернúся, огляни́ся, уймúся, явúся—№ 59. Стр. 552 (Смоленск. губ.); само собой разумѣется, что не всѣ эти формы одинаково древни: онѣ взяты, большею частью, изъ говоровъ переходныхъ, но говоровъ въ общемъ очень близкихъ къ изслѣдуемымъ нами говорамъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи Въ современныхъ намъ говорахъ приходится одновременно наблюдать и такія произношенія. которыя представляютъ собой остатки или слѣды стараго фонетическаго измѣненія, и такія, которыя получились, какъ результатъ взаимодѣйствія многихъ и сложныхъ причинъ, нерѣдко обнаружившихъ свое значеніе лишь въ позднее время; таковы: взаимное вліяніе говоровъ другъ на друга, распространеніе образованій по аналогіи, которая, въ свою очередь иногда бываетъ очень древняго происхожденія, иногда указываетъ намъ на свое недавнее возникновеніе, какъ аналогія уже вторичная или третичная Я только убѣжденъ въ томъ, что начало измѣненій—*сѧ* въ—*се* и далѣе въ—*си* (черезъ—*сеи*), съ одной стороны, затѣмъ—*сѧ* (*с'а*) въ—*се*, въ—*со*, въ—*со*ъ, съ другой, -есть *фонетическій* законъ (См. выше форму блр. *робилосé* и под. въ сѣв.-влкр.). Срв. *Шахматова.* Изслѣдованія Стр. 207—209. Еще въ Изборникѣ 1073 г. мы имѣемъ такіе обороты, какъ: молить *си* быти помощьника—л. 47 в. (Изд. Общ. Древн. Письм. Фототипическое). Срв. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестрову списку XIV вѣка, гдѣ довольно *часто* встрѣчаются такіе обороты: абиѥ старѣи. сънемь перстень и прекрти *си* руку вдасть ми рекъ. възложи си се на руку. и прекрти *сѧ* и ицѣлить ти руку—л. 132. в. *Срезневский.* Спб. 1860 г. См. также мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 118—119. Что касается «отвердѣнія» звука *с* (въ мѣстоименіи въ сложеніи съ глаголомъ), то, хотя я выше предложилъ свою догадку относительно происхожденія этого *с* изъ формъ 3-го лица ед и множ. числа съ *твердымъ* окончаніемъ—*т*, гдѣ получалось естественно и слѣдующее за *т* *с* тоже твердое, откуда—*ц* лишь впослѣдствіи, но я не настаиваю на безошибочности своего объясненія, это лишь—предположеніе; и могу сказать, что мы всетаки какъ-будто имѣемъ примѣры «отвердѣнія» звука *с*, напр., въ словѣ: *сабóдня* и *собóдня* (Казан., Мамадышскаго уѣзда и Вятское, Слободск.).

вѣстныхъ въ литературномъ р. нарѣчіи и нѣкоторыхъ говорахъ: несу́сь — 1 л. ед. ч, несѝсь — пов н. 2 л ед. ч.; сажу́сь—сади́сь, сужу́сь—суди́сь, найду́сь—найди́сь, займу́сь — займи́сь, вожу́сь—вози́сь и т. п. Настоящее время въ формѣ 1-го лица ед числа съ такимъ произношеніемъ могло вно-

---

Думаю, что здѣсь нѣтъ аналогіи съ словомъ: тавó, товó .., такъ какъ у насъ нѣтъ слова: тавóдня, товóдня... Срв въ Грамотѣ 1392 г. (Рус.-Лив Акты № 115): на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанию, хотя здѣсь же мы имѣемъ: с королóмъ, такъ что, можетъ быть, это просто *написаніе* для звука *е*. Еще данныя «розливаласе Дунай да рѣчька быстренькая»—*Колосовъ*. Замѣтки .. ib. 169 Срв. мнѣніе Колосова о формахъ въ родѣ *напилсѝ*—ib. Стр 11 *Шахматовъ* (Ук Соч. l. c) смотритъ на это иначе, но надо сказать, что едвали старая форма дат. падежа—*си* могла не только удержаться при глаголахъ, которые были извѣстны съ этой конструкціей мѣстоименія, но даже распространиться и на массу другихъ глаголовъ: взялсѝ ата́рвалсѝ, пъ́ддалсѝ и проч. Мнѣ кажется, что формы взялсѝ и под. возникли въ недавнее время въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстно—*си*, изъ двоякихъ формъ: взя́лси, да́лси и взялсá, далсá, откуда потомъ: *взялсѝ*, далсѝ Относительно формъ. *ся*, *тя* какъ отдѣльныхъ словъ, и—*тея*, *ся*.. въ Новгор. и Влад.—Яросл. говорѣ см. *Колосова*. Ibidem Стр 26. 301. Въ дополненіе къ своимъ разсужденіямъ относительно фонетическаго закона, усматриваемаго мною для конечнаго звука—*и*—^{ге} или *и*—^{е_2}—*'а* еще въ общерусскомъ языкѣ, по поводу формъ: самя, была .. (см. выше) я могу привести еще бѣлорусскую форму: вэ́льмя (срв. вельми, стрсл. ВЕЛЬМИ при ВЕЛЬМѢ—ВЕЛЬМА. Mikl. Lex. s. v.), извѣстную изъ Сборника *Шейна* Ibidem. № 177. Стр 333. (Гродн. Пружан. у). Интересны также написанія въ Изборникѣ 1073 года: не прѣльштайтесѧ ни блоудьницы ни коумирьнии слоужителе и любодѣици—л. 32 d. ни грабителѥ прства бжиѧ не причастѧтьсѧ—л. 32 d. бѫдѣте оубо подражателѥ бжии—л 40 c. оучителѥ—им. п. мн ч.—л. 44 b строителе—им. п. мн. ч — л. 45 d. и мн. др. Срв. здѣсь же неопр. наклоненіе: ѥже ѣсте—л. 50 в. Срв выше формы Лавр. лѣтописи и Ипатьевской. Такія формы для именит. падежа множ. числа представляютъ собственно образцы смѣшанныхъ основъ (на—*n* и на—*o*); это смѣшеніе извѣстно даже старославянскому языку (см *Лескинъ*. Грам. Рус Пер Стр. 72. § 66. Стр 57. § 40. Стр. 62. § 50) и, можетъ быть, оно обязано было первоначально семазіологическому сходству въ словахъ на—ѦНИНЪ... и на—ТЕЛЬ, какъ въ словахъ, означающихъ лицъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, въ эпоху общерусскую сюда привзошелъ фонетическій элементъ, законъ, который обобщилъ собой нѣсколько *первонача́льно* различныхъ формъ и произношеній

слѣдствіи захватить въ этотъ процессъ съ собой и всѣ формы 1-го лица наст. времени, какъ напр.: утоплю́сь (но и: утоплю́сь), учу́сь (но и: учу́сь), пощу́сь (но и: пощу́сь), колю́сь (но и: колю́сь) и т. п. Въ этихъ послѣднихъ формахъ собственно должно бы быть мягкое *с'*, но мы видимъ обратное тому, что должно быть (Срв. формы, приведенныя здѣсь въ примѣчаніи).

Изъ приведенныхъ выше фактовъ мы видимъ, что наши касимовскіе говоры въ разсматриваемомъ отношеніи переживали общій всѣмъ говорамъ процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*) при глаголахъ. Кромѣ того, видимъ также, что это измѣненіе конечнаго *'а* было хотя и общерусскимъ, т. е. было извѣстно и до сихъ поръ извѣстно всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, но оно *не было обязательнымъ*, такъ какъ почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка извѣстны при формахъ на -*си* и формы на—*са*. Лишь только говоры южновеликорусскіе съ сильнымъ (полнымъ) аканьемъ могутъ быть отмѣчены, какъ говоры, которымъ *по преимуществу* теперь извѣстны формы на—*си*. И въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ новое указаніе на то, что наши касимовскіе говоры имѣли нѣкогда свою судьбу, отличную отъ судьбы говоровъ, развившихъ у себя полное аканье, т е. наши говоры первоначально не принадлежали къ говорамъ послѣдняго типа, а были говорами другого типа, изъ которыхъ впослѣдствіи развились *окающіе* говоры. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ пунктѣ предшествующаго §, наши говоры и вообще свр. говоры указываютъ на болѣе тѣсную связь свою съ говорами бѣлорусскими, чѣмъ съ ювр.

§ III. Переходу къ звуку *и* изъ основного ѣ (*i͡e*), древнерусскаго ѣ въ памятникахъ письменности. Выше въ главѣ II мы говорили объ остаткахъ дифтонгическаго произношенія ѣ въ нашихъ говорахъ и сдѣлали параллельный обзоръ дифтонгическихъ сочетаній, соотвѣтствующихъ начертанію ѣ, въ современныхъ русскихъ говорахъ. Въ той главѣ мы не говорили подробно о монофтонгическомъ произношеніи ѣ, здѣсь же мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду *монофтонгическое* произношеніе и потому будемъ слѣдить за такимъ произношеніемъ ѣ въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ, поскольку это произношеніе отразилось въ памят-

никахъ древней русской письменности. Для наглядности и убѣдительности выводовъ намъ придется представить параллельный обзоръ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ говорахъ тѣхъ звуковъ, которые нынѣ являются рефлексами стараго ѣ, а потому мы должны будемъ повторить нѣкоторые примѣры, приведенные уже во II-ой главѣ, прежде чѣмъ подвести итогъ нашему обозрѣнію звуковъ *і* изъ ѣ въ нашихъ касимовскихъ и другихъ русскихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ дифтонгическому произношенію ѣ (см. выше) наши касимовскіе говоры примыкаютъ ближе всего къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ (нѣкоторымъ, напр., къ вятскому) и сѣверно-бѣлорусскимъ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти говоры вышли изъ одной части общерусскаго языка, но и въ этой послѣдней мы постараемся указать діалектическое разнообразіе, соотвѣтствующее отличіямъ, съ одной стороны, нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія, а, съ другой, — отличіямъ *той области* сѣверно-великорусскихъ говоровъ [1]), которая своими діалектическими особенностями указываетъ намъ на свое особое происхожденіе отъ говоровъ *тоже сѣверно-великорусскихъ*, но восходящихъ къ *другой* разновидности сѣверно-великорусскаго типа. Къ этой, именно, разновидности сѣверно-великорусскаго типа и восходятъ наши касимовскіе говоры и говоръ *вятскій*, представляющіе, какъ увидимъ въ этомъ §, особенный типъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, идущихъ отъ этой разновидности обще-сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Шахматовъ [2]) указалъ на говоры Олонецкой, Новгородской и частью Ярославской губерній, гдѣ звукъ *ѣ* ударяемый передъ твердымъ слогомъ даетъ закрытое e^i. Въ собранныхъ нами матеріалахъ по говорамъ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ *новое* указаніе на такой-же звукъ e^i (частью $\widehat{ie}$ и *і*), какой *Шахматовъ* указываетъ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Наши говоры свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ звукъ былъ нѣкогда болѣе распространеннымъ, и проливаютъ свѣтъ на исторію звука *ѣ* и на его звуковое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ,

[1]) Въ нынѣшней Олонецкой и Новгородской, частью Ярославской губерніяхъ.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія.... Стр. 165—166.

все болѣе и болѣе подтверждается мнѣніе *Фортунатова* о звуковомъ значеніи *ѣ* въ общеславянскомъ языкѣ; это значеніе *ѣ* выводится непосредственно изъ свидѣтельства отдѣльныхъ славянскихъ и русскихъ нарѣчій [1]). Дѣйствительно, въ живыхъ говорахъ русскаго языка мы имѣемъ на мѣстѣ ударяемаго стараго *ѣ* слѣдующіе звуки: въ млр. *i͡ѣ́*, *i͡e*, *i*, *є* (см. ниже); въ блр. долгое *и* (*i͡u*), *i͡é*, *i͡e*, *є*; въ влкр. *и*, *i͡é*, *e*¹, *e*ᵃ, (или *є*) въ южныхъ и сѣверныхъ говорахъ Такимъ образомъ, уже на основаніи этого мы выводимъ для *прарусскаго* языка звукъ *i͡e*—дифтонгическое сочетаніе съ ударяемой первой или второй частью: *i͡e* или *i͡é*—и съ *e*ⁱ или *e*ᵃ—по говорамъ. Нельзя думать, что прарусское дифтонгическое сочетаніе *i͡e* стянулось еще въ общерусскую эпоху въ монофтонгѣ, такъ какъ противъ такого взгляда говорятъ малорусскій, бѣлорусскій и касимовскій дифтонгъ *i͡e*. Стяженіе было, вѣроятно, діалектическое, а не общее, т. е. въ говорахъ, гдѣ *i͡e* было равно *i͡e*ⁱ, тамъ *i͡e*¹ стало приближаться къ *i͡i*—*i*, а въ говорахъ, гдѣ *i͡e* было равно *i͡e*ᵃ, тамъ *i͡e*ᵃ стало приближаться къ *i̯e*ᵃ—*i̯a*ᶜ—*i̯ä*—*'e*. Звуки перваго ряда съ теченіемъ времени могли скрещиваться со звуками второго ряда вслѣдствіе причинъ аналогіи, причинъ культурныхъ и проч. Примѣры см. ниже. Мы, значитъ, видимъ въ прарусскомъ *ѣ* тоже общеславянское *ѣ* въ его дальнѣйшей исторіи.

---

[1]) *Фортунатовъ* говоритъ:... «изъ сопоставленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо заключить, что старославянское ѣ было получено не изъ общеславянскаго *e* долгаго, но изъ общеславянскаго сочетанія *ie*, на которое распалось *ē* еще въ общеславянскомъ языкѣ.... Это общеславянское *ie*, получившееся изъ *ē*, въ наиболѣе основномъ его произношеніи было, вѣроятно, дифтонгомъ *ie* съ слоговымъ *i* и съ неслоговымъ *e*, хотя, быть можетъ, въ общеславянскомъ языкѣ существовали діалектическія различія въ произношеніи этого *ie*.... Можетъ быть, старославянское *ѣ* въ наиболѣе основномъ его для извѣстнаго намъ старославянскаго языка произношеніи было сочетаніемъ *iea*, откуда въ другихъ діалектахъ сочетаніе *ea* или *ia*, можетъ быть, въ однихъ одно, въ другихъ другое»... Лекціи по фонетикѣ старосл. яз. Печатн. изд. Стр. 11—12. Срв. стр. 26—27 (*ie* діалект. *ie*....). Срв серб. *ије*, *је*; польск. *ia*; чш. *e*....

По говорамъ мы имѣемъ слѣдующіе примѣры. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Въ Вятскомъ говорѣ: оби́дня, пи́сня, пи́сельникъ, ри́цьки (при: ре́цьку), встри́ча, ди́ти, ди́ло, зви́рь, ми́сяця, си́ть, съи́здить (при: е́хати, е́здя), ни́т, ни́ту, здѝсь, смотри́ть, посмотри́л... „Нигдѣ въ Вятской губ. смѣна *ѣ* на *и* не выдерживается, какъ постоянное явленіе:тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *е* изъ *ѣ* [1])“. Въ Новгородскомъ говорѣ чаще, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ сѣверно-великорусскихъ, но тоже не постоянно, мы слышимъ: ји́сть, ји́здить (эти два слова, кажется, имѣютъ общерусское *ie*—*ii*—*i̯i*—*ji*); ни́ту, хли́бца, нади́нь, пови́сил, ли́стница, гди́, здѝсь, вси́ [2])... Въ Олонецкомъ говорѣ—спорадически: оди́ться, ді́ется, ри́чь, не сми́ю [3]); ди́вица (срв. дѣвица—ib. Пѣсня. Колосовъ. Замѣтки... Ук. Соч. Стр. 178). Во Владимирскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Тверскомъ, Вологодскомъ, Архангель-

---

[1]) *Колосовъ.* Замѣтки... Сборникъ отд. р яз. и слов. XVII. Стр. 222—223. Срв *Даль.* О нарѣчіяхъ. L. «Въ серединѣ слова очень рѣдко *и* вм. *ѣ*». *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. Жив. Стар. II (1892) Стр. 21: Слободск.: кли́ть, сви́чи; Глазовск.: ди́вки, си́сь, нельзи́ (и въ Парахинѣ Касим. у.); Сарапул.: ви́сь—стр. 22.

[2]) *Колосовъ.* ibid. Стр. 4. 15. Срв. *Даль.* Ук. Соч. XLV. Бронниц.: копіѐкъ, разбогатсіемъ. Череповец.: хочу и́сть. XLVI. *Соболевскій.* ibid. Стр. 10: Новг. у: би́лова дня, би́линькой; Борович.: нихто не и́де (=ѣдетъ); Крест и Тихвин. у: би́лой, поли́но, хли́бъ, сни́къ, копи́ёкъ, на дворѝ... Кирилов., Череповец. большею частью *передъ мягкими* согласными: би́литьця—3 л. ед. ч., пѝсня.. Стр. 11. Бѣлозер.: ви́теръ, ви́никъ .. Стр. 12.

[3]) *Колосовъ.* ibid. Стр. 120. 167 (Въ пѣснѣ № 6: «на́до нам ди́вица»). Срв. *Даль.* Ук. Соч. Стр. LII. *Соболевскій.* ibid. Стр 13: «Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ.. вм. *ѣ* чистое *и* рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически». Среднее между *свитъ* и *светъ*. Говоръ Повѣнца и его уѣзда спорадически имѣетъ *и* вм. *ѣ*: свири́пой, зди́, гди́, мни́... Стр. 14. Близъ Кенозера «*ѣ* весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*». ib. Стр. 14. Насчетъ произношенія *свири́пой* замѣтимъ, что у *Колосова* ib. Стр. 141. въ пѣснѣ Олон. края (Каргополь) записано: «Твоя мла́да не *свирѐпая*». Такое *е́* изъ *ѣ* *подъ удареніемъ* въ свр. нарѣчіи мы имѣемъ крайне рѣдко; напротивъ, мы знаемъ случаи, гдѣ народный говоръ своимъ произношеніемъ возстановляетъ этимологическій звукъ (основной), расходясь нерѣдко съ произношеніемъ литературнаго нарѣчія и сохраняя тамъ звукъ *е*, гдѣ въ литературномъ про-

скомъ говорахъ мы тоже имѣемъ часто *и* вм. *ѣ*: *Влад.* Судогод.: пи́сня; Меленков. хли́б (это и я слышалъ въ с. Кочатко́вѣ—„Къцатко́ва“), засмотри́лся, ји́сь (=ѣсть) и проч. (Колосовъ ibid. Стр. 293. Даль. О нарѣчіяхъ. LV); *Ярослав.* Молож.: би́лой, ди́тушки, вми́сти, свитлі́е, гори́ть (=горѣть), наси́яла (насѣяла); *Костромск.* „случаи *и* вм. *ѣ* чаще, чѣмъ въ Яросл. губ.“; *Тверск.*: на рѣки́, въ сви́ти, си́виръ... (См. *Даль.* О нарѣчіяхъ. XLVII—XLVIII. *Соболевскій.* Очеркъ.... ib. 18. 7); *Вологодск.* Вельск. почти всегда: ди́ло, ни́ту, сви́тъ, ко мни́; Яренск: по ви́ники и́демъ; Устюж. Тотем. Кадников.—передъ мягкими: въ ни́ге, къ невѝсте...; Никольск.—тоже. (*Соболевскій.* ib. 15. 16. 17. *Даль.* ib. XLIX. *Колосовъ.* ib. 321—323. Здѣсь цѣлый списокъ словъ, изъ котораго видно, что въ Сольвычегодск. у. вмѣсто *ѣ* слышно *и* и *передъ твердымъ* согласнымъ: ди́вка, хли́б, си́тка; срв. сі́еть, цидить (какая форма? неопр. н.?) съ нашими касим.: сі́јить, цы́дим—д. Ивановское Ветчан. вол., д. Шаранина Парахин. вол.—выше); *Архангельск.* Онеж. фъ сундуки́ (Соболевскій. ib. 14). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* (Спб. 1894 г.) находимъ—

изношеніи мы видимъ позднѣйшее *ё* по аналогіи съ другими словами. Такъ, литер. вёдра звучитъ *во всѣхъ народныхъ* говорахъ: ве́дра, и въ ювр., и въ свр.. срв. новгород. ве́дра—Колосовъ. ibid. 14; ряз. почти повсемѣстно, въ казан. тоже (см. нашу брошюру о казан. говорѣ. Стр. 15) и друг. Если мы имѣемъ свирёпой при свири́пой, то, надо думать, здѣсь въ послѣднемъ случаѣ *и* не изъ *ѣ*, а, вѣроятно, оно сюда попало по аналогіи съ глаголами «свирѣпѣть», гдѣ послѣ *р* слышалось *еі* или *і*, или здѣсь произошла звуковая ассимиляція въ слогахъ: *сви*—(изъ све—) и *ре*—, какъ въ словѣ *мизи́нецъ* и под. (Срв. Минск. г. Борисов. у.: *мезяный* палецъ—*Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 285. Сказка. «Отдай мнѣ, што у домі ни вядомо». № 136. Срв. въ млр. Харьк. г. Купянск. у.: *мызинця.* Этнографич. Обозр. 1894. № 2. Стр. 78. Эта сказка по содержанію почти такая же, какъ блр. у *Шейна.* Здѣсь мы, дѣйствительно, видимъ вліяніе одного слога на другой: *звуковое подравненіе* въ сосѣднихъ слогахъ: гдѣ слогъ—зи́—(—зы—), тамъ ми—(мы—), а гдѣ слогъ—зя́—, тамъ этимологич. ме—(изъ мѣ—). Обыкновенно, кажется, вліяетъ слѣдующій слогъ на предыдущій, хотя возможно и обратное). Срв. др. польск. swierzopy. См. также *Соболевскаго.* Лекціи². Стр. 65 и 85. Срв. его-же: «Изъ исторіи р. языка» въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. ноябрь. Стр. 28. *Миклошичъ* (Etym. Wtb. s. v. sverp.—) считаетъ въ словѣ сверпѣ *е* вставочнымъ: sverp, откуда svrêpъ. Но, вѣдь, это не «полногласіе»-же! Почему въ чш. sverepv? Послѣ *р*, вѣроятно, этимологическое *е*, а не *ѣ*.

цвúтъ—стр. 171. (Олонец.), всú—172. (Олонец.), за рúцькой, сúно—178. (Олонец.), на рукú—198. (Олонец.),—201. (Арх. Онеж.), на синемъ то морú—206 (Арх. Кемь), всúмъ—210 (Олонец.), зацúмъ—230 (Арх. Онеж.), въ рукú—231. ibid.; въ Арханг. говорѣ вообще довольно рѣдко въ срединѣ слова, еще рѣже передъ твердымъ согласнымъ: зацúмъ, касим. зацым. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи это явленіе повсемѣстно извѣстно, кажется, только въ словахъ: júсть и смотрúть, но мѣстами встрѣчается и въ другихъ словахъ. Въ *Курской* губ. Путивльск. у. мы слышимъ спорадическіе случаи *и* вм. *ѣ*: сúяли, паглядúли (*Соболевскій.* ibid. Жив. Стар. 1892. I. Стр. 18); *Псковск.* Великолуцк. имѣетъ также спорадическое *и* вм. *ѣ*: нявúстушка, здúся (*Соболевскій.* ib 24). Вообще, это явленіе принадлежитъ преимущественно сѣверно-великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, частью бѣлорусскому, но спорадическіе случаи *и* вм. ударяемаго *ѣ* въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ говорятъ въ пользу того, что звуковое значеніе стараго *ѣ*, какъ закрытаго *е*, склоннаго къ *і*, должно было быть извѣстно въ древности всему русскому языку; лишь позднѣйшія условія быта, колонизаціи и самая судьба звуковъ или ихъ исторія видоизмѣнили звуковое значеніе *ѣ* въ различныхъ мѣстностяхъ русскаго языка. Я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, который говоритъ: „по памятникамъ древне-русской письменности выходитъ наружу, что народное живое ѣ въ то время (XI—XII в.) въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось, какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если признать вслѣдъ за Соболев-

---

[1]) *Ягичъ.* Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 42. Срв. 13. 25. 40. 46. О такомъ-же звуковомъ значеніи др. р. ѣ, думаю, говорятъ и слѣдующія написанія Изборника 1073 г.: нициии—л. 5 а. срв. нѣции—л. 5 Ь. видома—л. 6 а. повѣдѣ—2 л. ед. ч. пов. н.—л. 7 с. ѥсть же оубо и се ꙗвленѣѥ—л. 9. с. сице же ѥже глѣж ꙗвленѣѥ да кѣде—л. 11. с. тъı же въ вѣри... окоушаисѧ—л. 17. с. въ описатѣлѣ

скимъ, что на сѣверѣ Россіи, въ частности въ Новгородѣ, и вообще въ говорахъ сѣверно-русскихъ (т. е. свр. ювр. и блр.) въ XII-мъ уже вѣкѣ произошло полное отождествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, такъ какъ вообще различіе между этими звуками на сѣверѣ было слабѣе, чѣмъ на югѣ Россіи, то придется стать въ противорѣчіе со свидѣтельствомъ *современныхъ* говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ частности,—со свидѣтельствомъ *современнаго* Новгородскаго говора, а на это мы не имѣемъ никакого права: напротивъ того, свидѣтельство живыхъ современныхъ говоровъ должно быть исходнымъ пунктомъ нашихъ заключеній о древности и должно нами руководить въ вопросахъ историческаго изученія языка Выше мы видѣли, что *и* вмѣсто *ѣ* является отличительной чертой фонетики современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, и почти нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы этого фонетическаго явленія не знали на сѣверѣ. Когда Соболевскій писалъ свой „Очеркъ русской діалектологіи“, то онъ самъ выразился, что: „главная черта, общая всѣмъ говорамъ цокающей группы свр. нарѣчія, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*, ... обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*“.... (Соболевскій. Жив. Стар. 1892. II. 9). Такъ какъ сѣверно-великорусское нарѣчіе почти цѣликомъ *цокаетъ* или *чёкаетъ* (кромѣ незначительной части. См. ibid. стр. 4), т. е. сохранило фонетическую особенность др. новгородскаго говора, то, очевидно, слыша теперь въ этомъ свр. нарѣчіи такое-же сплошное *и* вм. *ѣ* рядомъ съ мѣной *ц* и *ч*, мы должны и явленіе *и* вм. *ѣ* приписывать на тѣхъ-же основаніяхъ и др. новгородскому говору, но *ц* вм. *ч* проникло въ письменность, потому что эти оба звука легко поддавались письменному изображенію, а звукъ *е*^{i} мы и теперь затрудняемся передать на письмѣ Вотъ и все! Конечно, на основаніи же свидѣтельства живыхъ русскихъ говоровъ мы должны признать различіе звуковыхъ оттѣнковъ древне-русскаго *ѣ* въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ южно-велико-

---

имать житиѥ—л. 25 b. съмирдюштесѧ—л. 40 d. Срв. съмѣренъ ѩвлѩшесѧ—л. 39 c. d. и друг. Изд. Общ. Др. Письм. Здѣсь мы имѣемъ смѣшеніе ѣ и и. Одно можно навѣрное сказать про языкъ Изборника 1073 г., что это *не предокъ* малорусскаго нарѣчія.

русскихъ и бѣлорусскихъ, и въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ. Но надо и то имѣть въ виду, что наше южно-великорусское нарѣчіе еще очень мало изслѣдовано: странное дѣло, однако это всетаки остается фактомъ, что *меньше всего сдѣлано наблюденій въ области южно-великорусскихъ говоровъ*[1]).

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ примѣры: *Витебск.* Себежск.: цы́мъ[2]) (срв. касимов. цы́м—выше); *Могилевск.* Рогачев.: хлі́пъ, мядзві́ць, і́хаць, зусі́къ (=засѣкъ), пувіну, дзі́лаць, цы́лый, ры́заць; Гомельск: і́хали, ді́ло, цы́лая ядзі́ля, ры́зать (=рѣзать); *Минск.* Слуцк. Игуменск. Бобруйск. Мозырск.: сі͡е́но, сі͡е́мъ, сі͡е́но, таб і͡е, пі͡е́сня, пі͡е́ли, дзі͡е (=гдѣ), ві͡е́къ, чалові͡е́къ, лі͡е́съ, обі͡е́дъ, на столі͡е; но и: таб і́ (=табѣ, тебѣ), ві͡е, сі͡е (=вѣетъ, сѣетъ), сусі͡е́дъ, мі͡е́сяцъ, лі͡е́то, таб і͡е, таі͡е, хадзі͡е́мъ..; *Черниговск.* Новгородсѣв.: сі́сты (=сѣсть), ді́вочка, мі́сяцъ, хлі́бъ ..[3]); *Гродненск.* Пружанск.: сабі́е, угледзіэ̆ў, табі́, чі́мъ, ў дупліе, ў сі́мъ, сокіерчинка (Срв. въ Ипатск. сп. лѣтописи: сокирою—л. 62 столб. 1 Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 70 и 72); по туй вербіе, всі́хъ;

[1]) Сожалѣя о недостаткѣ изслѣдованій и наблюденій въ области ювр. говоровъ, мы не разъ, обращаясь за справками къ труду *Даля:* «О нарѣчіяхъ»..., удивлялись тонкости его наблюденій и признаемъ его трудъ до сихъ поръ имѣющимъ выдающееся значеніе, по крайнѣй мѣрѣ, въ области ювр. нарѣчія. Нельзя умолчать при этомъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ области касимов говора. Онъ *нѣсколько разъ* говоритъ въ своемъ трудѣ объ этомъ говорѣ: такъ, на стр XXXVII говорится о касимовскомъ цоканьѣ; на стр. XLVI—о касим. чѣканьѣ и дзёканьѣ; на стр. L о касим. дифтонгахъ; на стр. LV—о касим. а́каньѣ; ср. LVII, LXII—о касим. дифтонгахъ, *какъ на Вятк*ѣ *и въ Черниговск губ.*, о касим. звукѣ *чщ*. Срв. LXV, гдѣ о говорахъ Касимова, Елатьмы, Темникова, Шацка. Всѣ эти указанія Даля въ общемъ свидѣтельствуютъ о тонкой наблюдательности его и глубоко правильны; они теперь провѣрены мною. Крестьяне Елатомскаго уѣзда и Меленковскаго, пріѣзжавшіе въ Касимовъ на праздничный базаръ, говорили со мной очень *пѣвучимъ* говоромъ, съ *долгими* гласными, *а́кали* и *цокали*. (Кӑчатко́ва—Къцатко́ва Меленк. у. Влад. губ. Лапсинск. приходу—деревня сильно акающая. См. ниже примѣры).

[2]) «цы́мъ» имѣетъ *ы* изъ *ѣ*—чѣ́мъ, но не изъ древняго *и* послѣ твердаго *и*: чи́мъ.

[3]) См. *Соболевскаго.* Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892 Вып. III. Стр. 8. 19. 25. 26. 27. 29.

Смоленск Порѣчск.: зъйла... (см. *Шейна.* Матеріалы. Т. II. Стр. 548. 250. 251. 252...).

Въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ: *Черниговск.* Сосницк.: бі͡есъ, ді͡ѣдъ, ді͡ѣло ., вjітеръ, вjіе, діти, собі; Остерск : мі͡еша (=мѣшаетъ), віра; Глуховск.: слідъ, вікъ, місяць, неді͡ля, гри́ю...; Кролевец., Нѣжинск , Козелецк., Борзенск., Конотопск.—ѣ=і, є; *Полтавск.*: лісъ зъімъ, на печі (ряз на пячѣ); *Кіевск.* Радомысльск.: бідни, обі͡дъ; *Волынск.* Овруч.: білы, чоловікъ, лєсъ, ў свєті; Новградвол : тобі; Ровенск.: невіска, білыє, хлибъ, снигъ, ды́е͡ло, вы́е͡къ, вы́е͡є, въ сы́е͡няхъ, лы́е͡тъ (=лѣтъ), собы́е͡, на дворы́е͡, у печы́е͡.., хлы́ибъ (срв. бѣлорус. Могилев. Рогачев хлі͡ипъ—выше Здѣсь же мѣстами: соки́ра, мѣстами: сукы́ра. Срв. Гродн. Пружан. сокіерчинка и др. р. сокира—выше. Можетъ быть, это вовсе не заимствованное изъ польскаго sokiera) [1]); Владимир. у.: коліно, сіно, мні, горылка, поєду, мнє; Ковельск.: убідъ, вітеръ и быда́; Полѣсье: тобі, неділя, горілка, бєдна, свєчы; *Минск.* Мозыр.: лісъ, вітру; Пинск.: тобі, бідный, білый, въ лісі, віе, діло, тіло, тобє, єду; *Гродненск.* Кобрин.: іжъ, вікъ, літо, собі, у селі, ды́тки, тысто, се́яты, звіръ; Брестск.: лісъ, тобі, білый, дідъ, сті́ны; Пружанск.: хлібъ, горылка, лєнь, мнє, єжте (=ѣшьте), зъіў; Бѣлосток., Бѣльск. („Заблудовскій говоръ") дифтонгъ і͡ѣ: лі͡ето, на свіе͡ці, собі͡ѣ (какъ въ *Черниговск. Сосницк., Гродненск. Пружанск.* (?) и *Касимов.* (Колесник. Ерахтур. Парахин. волости) *Ряз. губерніи*); здѣсь-же: ры́е͡чка, стры́е͡лка, цы́е͡лы...; білый, віе; *Сѣдлецк.* ѣ=і: ті (дат. ед.: тѣ—тебѣ), істы, тубі, гурі (=горѣ), хлыбъ, мні; ді́е͡ўка, на нозіе́ (Бѣльск. у.); прілетіела (Констант. у.); дифтонгъ і͡е: сві͡етъ, рі͡езати (Корницк. говоръ, Радин. у.); *Угорскіе* сѣв.-млр. говоры: ѣ=і: зіля, білі. *Южно-малорусскіе говоры.* Украинскій: ѣ = і: хлібъ; цепъ (Екатериносл. Харьков.); дети (Курск.); *Галиція*: дітъ (=дѣдъ), горіхъ (=орѣхъ), собі (Станисл. окр.); кісто (=тѣсто)—Покутье, місіце—род. ед. ч., на свікі (=на свѣтѣ)—Коломыйск. окр.; *Буковина*: горіўка; *Угро-русск.* (лемк.)—коле́но при коліно, ме́сто — місто, неде́ля — неділя; дифтонгъ і͡ы: лі͡ысъ,

[1]) Сравни: серб. секира, чш. sekera, п. siekiera. Осн. *sekera и *sekira. *Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sek—2.

квы̑токъ; въ говорѣ *Богйковъ* (Галиц. и Угорск.)—тоже: горіўка и гуцульск. такъ-же [1]).

Изъ этого перечня рефлексовъ ударяемаго *ѣ* въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ видно, что для эпохи прарусскаго языка звукъ *ѣ* былъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *i͡e*, въ которомъ была діалектически то первая, то вторая часть *неслоговою*, а вторая часть, кромѣ того, представляла изъ себя по говорамъ то болѣе открытый звукъ e^a, то болѣе закрытый—e^i: *i͡é* и *i͡e*; откуда изъ *i͡é* при *i̯* получилось *je*—є, а изъ *i͡e* при *e̯* получилось *ji*—*i*, въ первомъ случаѣ, вѣроятно, чрезъ посредство *iє*, во второмъ—чрезъ посредство *ii* [2]).

Мы не будемъ приводить примѣровъ изъ изслѣдуемыхъ нами касимовскихъ говоровъ на случаи произношенія ударяемаго *ѣ*, какъ *e*: достаточно сказать, что такихъ случаевъ гораздо больше въ нашихъ говорахъ, чѣмъ случаевъ, гдѣ *ѣ*=*i͡é*=e^i=*i*. Достаточно привести изъ вышеназванныхъ примѣровъ: Лякся́й, сумя́ю, пя́сьни — Андроново, Парахино и мн. др. Касим. уѣзда

Такимъ образомъ изъ обзора рефлексовъ древняго ударяемаго *ѣ* въ нашихъ говорахъ видно, что наши говоры ближайшимъ образомъ стоятъ въ связи въ разсматриваемомъ отношеніи съ говорами *Олонецкаго* края и блр млр. говорами *Минск.* (Игумен. Мозыр. Слуцк. Бобруйск.), *Гродненск.* (Пружанск. Бѣльск. Бѣлосток.), *Черниговск.* (Сосницк.). Изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ говоры нынѣшней Минской, Гродненской и Черниговской губерній смѣшанные, и въ нихъ мы находимъ черты бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, а говоръ Олонецкаго края не имѣетъ, какъ извѣстно, *ѣ*=*i͡e*, между тѣмъ какъ въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда есть и *ѣ*=*i͡e*, и *ѣ*=*i*, то наши говоры, стало быть, представляютъ собой особый типъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, и жители Касимовскаго края не—переселенцы Новгородской или

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. Стр. 13. 14 16. 19. 20. 21. 22. 27. 31. 38. 39. 40. 48. 51. 56 57. 58. 60

[2]) Срв. въ статьѣ *Михальчука.* Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. Стр. 473. Также 471—472. Срв. *Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи... 353—356.

Олонецкой губерній, а скорѣе представляютъ изъ себя потомковъ того народа, который имѣлъ въ своемъ говорѣ дифтонгическое *ѣ*, дифтонги у͡о, у͡а, звукъ *оу*, закрытое *о́* (какъ въ Олонец. говорѣ у Шахматова. Изслѣд.. 296) и долгіе гласные. Изъ современныхъ говоровъ по этимъ признакамъ подошли бы сюда говоры сѣверно малорусскіе и частью бѣлорусскіе, но, принимая во вниманіе консонантизмъ нашихъ говоровъ, мы должны признать, что этихъ общихъ признаковъ нашихъ говоровъ съ говорами сѣв-малорусскими и частью бѣлорусскими еще недостаточно для того, чтобы признать въ жителяхъ Касимовскаго края выселенцевъ изъ области сѣверно-малорусскихъ говоровъ; напротивъ, консонантизмъ нашихъ говоровъ, въ общемъ *шепелеватый* („мазураканье“), какъ увидимъ ниже, а равно и характерное цоканье, чёканье говорятъ далеко не въ пользу ближайшаго родства между говорами Касимовскаго края и сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими; ближе всего и правильнѣе всего намъ кажется признать особенно близкое родство между нашими говорами и вятскими, если откинуть позднѣйшее аканье нашихъ говоровъ, о которомъ мы говорили выше, а, съ другой стороны, принять во вниманіе то, что вятскіе говоры по своему ѣканью не тождественны съ *типичными* окающими говорами [1]), такъ какъ въ вятскихъ говорахъ есть элементы, указывающіе на склонность произносить *о* открыто: *о*ᵃ. Къ тому же заключенію объ особой близости нашихъ говоровъ къ вятскимъ мы приходимъ и послѣ разсмотрѣнія согласныхъ звуковъ въ нашихъ и вятскихъ говорахъ. Замѣтимъ, что весьма вѣроятнымъ становится предположеніе о томъ, что на этомъ великомъ рѣчномъ пути чрезъ Оку, Волгу, Каму и Вятку въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили древніе вятичи, остались въ дремучихъ лѣсахъ остатки того суроваго, дикаго и непокорнаго племени, о которомъ такъ несимпатично отзывается наша Начальная Лѣтопись, и которое, какъ будто, исчезло съ лица земли, между тѣмъ какъ въ былое время представляло изъ себя грозу и страхъ для окружавшихъ сосѣдей. Преданіе ведетъ вятичей отъ ляховъ (мазуракающихъ?) не напрасно: не одинъ псковскій говоръ

---

[1]) По свидѣтельству *Магницкаго*. См. Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 22. прим. 2.

былъ въ древности шепелеватымъ, и консонантизмъ нашихъ говоровъ подтвердитъ намъ это [1]). Если же признавать въ жителяхъ нынѣшняго Касимовскаго края *только* переселенцевъ, то пришлось бы видѣть въ нихъ переселенцевъ чуть-ли не изо всѣхъ концовъ Россіи ... [2]).

§ IV. Звукъ *е* является между прочимъ въ нашихъ говорахъ вмѣсто *ударяемаго* звука *я между мягкими* звуками. Это *е* въ нашихъ говорахъ также остается ударяемымъ. Въ I-ой части нашего труда мы видѣли большое количество примѣровъ произношенія въ нашихъ говорахъ такого ударяемаго *е́* между мягкими звуками вмѣсто звука *я* ударяемаго въ литературномъ произношеніи (См. Часть I-ая, Глава IV-ая настоящаго труда). Уже при первомъ взглядѣ на эти собранные тамъ примѣры видно, что въ этомъ отношеніи наши касимовскіе говоры совершенно сходятся съ говорами *сѣверно-великорусскими*, признакомъ фонетики которыхъ и служитъ между прочимъ означенное произношеніе русскаго литературнаго *я* (стрсл. ѧ, ѩ) между двумя мягкими звуками или и въ началѣ слова, но подъ удареніемъ.

Теперь мы разсмотримъ это явленіе нашихъ говоровъ въ связи съ такимъ же явленіемъ другихъ русскихъ говоровъ.

---

[1]) Происхожденіе нынѣшнихъ вятчанъ наукою не выяснено; нѣсколько разъ въ печати высказывалась мысль о томъ, не есть-ли вятчане потомки древнихъ вятичей. Это все было говорено не на основаніи лингвистическихъ данныхъ (Однако см. *Колосова.* Замѣтки.. выше). Единственный источникъ ранней исторіи Вятскаго края—«Хлыновскій Лѣтописецъ»—заподозрѣнъ историками со стороны своей подлинности: его признаютъ поздней фальсификаціей. См. по этому вопросу: «Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края». 1780—1880. Вятка. 1880 г. Т. I. Стр. 53. 54. 55. 56 Особенно стр. 60 и 61 (мнѣніе Костомарова) и прим. 12. Томъ II. Стр. 740. Въ «Древнихъ Актахъ» Вятскаго края я не нашелъ по этому вопросу ничего. См. также Изв. Общ. Археологіи, Ист. и Этнографіи при Имп. Каз. Унив. Т. VI. Вып. 2. Библіографія: о рефератахъ *Верещагина* на VII Арх. Съѣздѣ въ Ярославлѣ. Стр. 71—72. *Спицына.* іb. 37—46. За всѣ эти указанія я благодарю проф. *И. Н. Смирнова.*

[2]) Въ дополненіе къ обзору рефлексовъ *ѣ=и* представляю любопытныя данныя изъ старой письменности юга, запада и сѣвера Россіи: въ Поликарп. Ев. 1307 г. (галицк.—волын.) находимъ: свѣдительство—л. 6., дѣра (=дира)—

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы указывали на то, что въ Касимовскомъ уѣздѣ вообще много относящихся сюда произношеній, гдѣ мы имѣемъ вмѣсто ударяемаго *я* между мягкими ударяемое *е́*. Тогда для насъ для самихъ не было ясно, что̀ за говоръ въ Касимовскомъ уѣздѣ; теперь мы изъ предыдущаго обзора видимъ, что это говоръ по преимуществу въ основѣ своей сѣверно-великорусскій, т. е. одинъ изъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ развился нынѣшній сѣверно-великорусскій говоръ. *Соболевскій* (Лекціи[2]. Стр. 77—79) указываетъ на такое *е* изъ *ѣа* въ Псковскихъ памятникахъ XIV-го вѣка [1]); помимо этого, наши говоры Касимов-

---

л. 23 (Срв. блр Гродн. Пружанск: «вырубаў ў дуби *дзярку* и вылызъ»—*Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр 251. Чш dira, польск. dziura. *Носовичъ*. (Словарь s. v.) даетъ двѣ формы: дзюра́ и дзи́рка. Быть можетъ, это слово принадлежитъ къ тѣмъ, которые въ корнѣ имѣютъ *ъ*, но очень рано, по извѣстнымъ причинамъ, замѣнили это *ъ* звукомъ *и*, какъ слово: ДѢТА—дѣтя—дитя при дѣти...); въ сѣв.-русскихъ памятникахъ: Моисеево Ев. 1355 г: смиⷲшеніе—л. 143 об; Сильвестр. сп. Сказ. о Бор. и Глѣбѣ XIV в.: повели ꙗи на литургіи предъстоⷲти—л. 132 b. (*Срезневскій*. Спб. 1860); списокъ съ мѣной *и* и *ч*: Лукино Ев 1409 г. Предисловіе: при марчи (Марцѣ?). Всѣ эти данныя взяты изъ *Буслаева*. Матеріалы для исторіи письменъ М. 1855 г. Особенно интересны данныя изъ *Двинскихъ Грамотъ* XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ*. Опис. ркп. Рум. Муз. № LXVII): у Федора в Ларивонова сна лоскут земли на гори. Оуласей игумену и старости. № LXVII: на малом Ѡстровки оу мѣхиⷯ, у степанови конци, оу глухомъ погости, въ сели; паметь по сили (=ѣ); Се купи..... оу Вустѣна... ѥсипъ стму Николи—XIV в. ibid. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г. (*Буслаевъ*. Матеріалы...): свѣдители—л. 65 об. Срв. наше Касимов. выше: «свидѣтель»—Касим. у. passim и г. Спасскъ Ряз. губерніи.

[1]) *Шахматовъ*. (Изслѣд... Стр. 237) говоритъ: «Я увѣренъ, что въ современныхъ говорахъ можно найти слѣды явленій, пережитыхъ древнепсковскимъ говоромъ и не чуждыхъ, вѣроятно, и другимъ говорамъ»... Въ нашихъ говорахъ находятся почти всѣ признаки того, что они когда-то были особенно связаны съ псковскимъ говоромъ, составляли одну общую группу говоровъ. Шахматовъ такъ характеризуетъ древній псковскій говоръ на основаніи изслѣдованій Соболевскаго· «судьба звуковъ *о—а—е* въ древне-псковскомъ говорѣ стояла въ какой-то тѣсной связи и зависимости отъ мягкихъ *с, з, ц* и шипящихъ»... Смѣшеніе *ч* и *ц*, *ш* и *с*, *ж* и *з* въ др. псков. памятникахъ «объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли *въ сред-*

скаго уѣзда вообще довольно близко стоятъ къ говорамъ псковскимъ, въ особенности по своему консонантизму: и тѣ, и другіе—шепелеватые (ç, з^{ж}, ж^{з}, т^{с}, ч^{ц}), какъ отчасти уже можно было замѣтить изъ примѣровъ, въ достаточномъ количествѣ приведенныхъ нами въ I-ой части нашего труда Наши говоры ближайшимъ образомъ находятся въ связи *съ тѣми* говорами сѣв.-влкр. нарѣчія, изъ которыхъ получился между прочимъ и псковскій говоръ. Въ старомъ новгородскомъ говорѣ это звуковое явленіе, повидимому, было менѣе распространено, чѣмъ въ старомъ псковскомъ (См. *Соболевскаго*. ibid.); но западные говоры восточной группы древнихъ русскихъ нарѣчій знали это звуковое явленіе хорошо: срв племеньникъ—Четья 1489 г. *Карпинскій*. 8. непрѣтелю—ib. л. 206. Карп. 9. (Впрочемъ, срв въ ряз.—Скоп.: „пäкаjéнья“—д. Журавинка; вскля́нь—Скопинъ („дó-верху“, пóлно) и „вскле́нь“—Даль. Слов.; навстря́чь—Скопинъ—при „навстрéчь“—ibid.). Такимъ образомъ, переходъ *я́* въ *е́* въ означенномъ положеніи мы имѣемъ не только передъ мягкимъ *конечнымъ* согласнымъ, но и въ серединѣ слова (См. также *Брандта*. Лекціи по истори́ч. грам. р. язк. Стр. 28). Изъ сѣверно-великорусскаго отмѣчено это явленіе въ Олонецкомъ говорѣ: повѣнцéлись, запецéлитсе, зéть. взéли, исполнéть, грéзь, перекрестéсь, натéгивает, чéшша [1]); *въ Вятскомъ говорѣ особенно часто*: забрецéло, завѣцéю, обвѣнцéли, зéть, взéли, опéть, знéли (сня́ли), не глéнится, прéники [2]), склéвица (срв. въ Псков. Прологѣ 1383 г. у Соболевскаго—ib.: вь стьклѣници); въ Арханг. Вологодск. и Пермск. распространено это явленіе повсемѣстно: сіéть, стоéть, чéща, начéльник, качéть, качéй, дéдя, зéть, гулéть, ронéть, погонéй, нéня, пéть, сéдь, ковырéть [3])... Такое же произношеніе этихъ словъ мы видѣли выше и въ нашихъ

ній звукъ (у насъ: ч^{ц}), *ш* и *с*—въ š очень мягкое (у насъ: ç), *ж* и *з* въ ž очень мягкое (у насъ: *з*^{ж}, *ж*^{з})». Стр. 233... «Древне-псковское нарѣчіе по чертамъ своего вокализма не принадлежало къ говорамъ β». Ibid. И въ нашихъ говорахъ мы замѣчаемъ смѣшеніе чертъ говоровъ α и β. Замѣтимъ, что такіе-же *з* и *с* мы находимъ въ Смолен. Порѣцк. у.

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... ib. 121.

[2]) *Колосовъ*. ibid. 223. Въ виду вятск. склéница нѣтъ надобности считать *опискою* и др. псковское: стьклѣници. Срв Шахмат. ib. 232.

[3]) *Колосовъ*. ib. 326. (склéница—см. стр. 234).

говорахъ. Думаю, что этимъ-же фонетическимъ закономъ объясняется и варьянтъ произношенія: пе́тля при пя́тля (*Колосовъ.* Замѣтки... ib. Стр. 123. Олон. Каргопол.), съ другой стороны,—петля́, откуда: питля́ и затѣмъ: пи́тля (*Колосовъ.* ib. Стр. 320. Перм.). Изъ другихъ мѣстностей свр. нарѣчія приводятся: кне́сь, кне́зя, боеринъ, перснеми, срежеитсе [1]), (Арх. губ. Онеж. у.); це́до—передъ твердымъ согласнымъ (вѣроятно, изъ формъ другихъ падежей: о це́ди...)—Шенкурск у. [2]). Въ Уржумск. у. Вятской губ. мы слышимъ: ве́знуть, гре́зной [3]). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* между прочимъ находимъ: поклоне́юся—Арх. 84, стое́ли—Арх. 101; но и: перевезоцьку—Олонец. 105; но масса примѣровъ и такихъ, какъ: кня́зь, хозя́инъ, хозя́юшка, гуля́ю, гуля́ньицо и проч., если только можно довѣрять записи (См. мою рецензію на этотъ Сборникъ. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ 1895 года). Изъ бѣлорусскихъ говоровъ къ нашимъ ближе подходятъ въ этомъ отношеніи говоры Смоленской губерніи (кромѣ части Минской, Витебской—см. выше и стр. 253. прим. 1): здѣсь мы находимъ: кричѐть, гле́дючи—уу. Смоленск., Ельнинскій, Духовщинскій, Бѣльскій, Рославльскій [4]). Въ Могилевской губ. также: гле́дзючи, но и: дре́нно [5]). Срв. здѣсь-же с. Озераны: пѐць (=пять), ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій [6])..., вѣроятно, чрезъ формы: ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій... Гродн.: зне́ли вм. сня́ли [7]). Разсматриваемое нами явленіе довольно обычно и въ южно-малорусскихъ говорахъ: въ Галицкомъ и Угро-русскомъ: гуцульск. ўзе́ти, пе́ницеми (твор.), даже: жа́ль и т. п. со звукомъ *а* [8]). Въ Покутьѣ мы слышимъ: пе́тий, леже́ти; въ Бережанск. окр.: зе́ть, но и: че́съ. Такъ-же и въ собственно-галицкомъ говорѣ: пе́ть и друг. [9]). Мѣстами мы слышимъ и: мьéсо вмѣсто мя́со—

---

[1]) *Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. II. 14.

[2]) Ibid. Стр. 15. Также стр. 16. 17. 19.

[3]) *Соболевскій.* ib. Стр. 22.

[4]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 13.

[5]) Ibidem. 14.

[6]) Ibidem. 19.

[7]) Ibidem. 29.

[8]) Ibidem. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 60.

[9]) Ibidem. 50. 49.

Люблин. губ Томашов. у , прийнéти (=принять), лежéть (=лежáтъ—3 л. мн. ч.)—ib. Холмск. уѣзда [1]) Неударяемое-же *е* изъ *я* мы слышимъ почти повсемѣстно и довольно часто и въ украинскомъ, и въ сѣв.-млр говорахъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ малорусскихъ говорахъ *é* изъ *я́* встрѣчается довольно часто и въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ, между тѣмъ какъ въ свр. нарѣчіи мы видѣли этотъ звукъ въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, объясняемыхъ, большею частью, образованіями по аналогіи. Это стоитъ, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что звукъ *'а* неударяемый еще въ общерусскомъ языкѣ имѣлъ склонность переходить въ звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ независимо отъ слѣдующей за нимъ согласной: мягкость предшествующаго согласнаго оказывала большее вліяніе на гласный звукъ, чѣмъ мягкость слѣдующаго согласнаго; во всѣхъ вышеприведенныхъ малорусскихъ примѣрахъ мы видѣли звукъ є (*'е*), смягчающій предшествующую согласную, изъ *'а*, но этотъ звукъ всетаки отличался тѣмъ, что онъ могъ и не быть звукомъ небнымъ, т. е. въ своей дальнѣйшей судьбѣ онъ не слился со звукомъ малорусскимъ *і* изъ *ѣ*, между тѣмъ какъ великорусскій звукъ *'é* изъ *'á* все болѣе дѣлался небнымъ, приближаясь къ звуку *і*. Слѣдовательно, семья малорусскихъ говоровъ въ этомъ отношеніи составляетъ особую группу, хотя процессъ суженія *неударяемаго 'а*, вѣроятно, былъ свойственъ общерусскому языку, и отсюда пошло діалектическое различіе [2]).

---

[1]) Ibidem. 45. 46.

[2]) Въ древне-русской письменности мы также находимъ: держелъ еси—Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 196 (П. С. Р. Л. XVI). святае Уфимья—ib. 222. проявлеше—ib 120. Но и: стъкланица—ib. 123. слышети—ib. 42 (Значитъ, и не подъ удареніемъ). Срв. также не подъ удареніемъ: светого—Грам. 1396 г. (Акты Юз. Россіи. № 4. Т. I). Въ Витебской Грамотѣ ок. 1301 г. (Рус.-Лив. А. № 49) кнéжо при княжо, гдѣ *ж*, вѣроятно, еще колебалось относительно своей мягкости: жяль, жялобою, горожянъ, горожяне и т. п. Сравни въ Актахъ Юридическихъ: Вежицкого монастыря при Вяжицкѣмъ хрестьянемъ и діякъ Васюкъ Якимовъ Вежицкой—№ 62. (1501 г.); у племенника своего—№ 79 (1539 г.). Здѣсь же читаемъ: ручяемъ, какъ и въ Лавр. спискѣ лѣтописи. надъ ручаемъ—л. 27 (Быть можетъ, это слово склонялось, сохраняя въ косв. падежахъ удареніе именительнаго: *ручáй* и *ручéй*). Въ Смолен. Лѣт. мы то-

§ V. Теперь приведемъ нѣсколько данныхъ, касающихся звука *ё* (*'о*) изъ *е* въ его исторіи.

Нѣкоторыя интересныя параллели къ нашимъ словамъ, приведеннымъ въ I-ой части нашего труда, въ IV-ой главѣ, изъ говоровъ Касимовскаго уѣзда, находимъ мы и въ другихъ русскихъ говорахъ, отклоняющихся въ этомъ отношеніи вмѣстѣ съ нашими касимовскими говорами отъ литературнаго нарѣчія, которое представляетъ намъ звукъ *е* ударяемый въ этихъ примѣрахъ. Напримѣръ, „они роютъ и копаютъ, елинушку *тёшутъ*: молодому полковницьку вѣцьной домикъ строятъ“—Дер. Усолье, Онеж. у.. Арханг. губ. (Сборникъ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша*. Стр. 223 Спб. 1894 г). Срв. въ нашихъ говорахъ выше: патёшутъ—3 л. мн. ч.—*Лѣсново* Касим у. Въ этомъ же Сборникѣ пѣсенъ неоднократно находимъ: дёржишь—Стр. 35 (Олонец.), дёржи́тъ—48 (Олонец.), испридёржала—дёржало—Стр. 64. 65 (г. Онега Арх. губ.), сдёржитъ—175 (г. Кемь Арх. губ.), дёржи́тъ—201 (Дер. Усолье Арх. губ., см. выше: тёшутъ). Въ Новгородскомъ говорѣ мы имѣемъ также: дёржитъ, трёснулъ, отпёхнуть и друг. (*Колосовъ* Замѣтки... ib. 14) при древне-русскомъ: спехнуша—Лавр. списокъ л 46; во Владимирской и Ярославской губ.—тоже: дёржитъ (*Колосовъ*. ibid. 289); Вятск.: нёбо, вёрх и даже: ёй, о нёй, своёй, какъ и въ нашихъ говорахъ (ib. 220). Срв царёвна—въ сказкѣ Олонец. края—*Колосовъ*. ibid. Стр. 207. Уже въ Псковской 2-ой Лѣтописи XV вѣка мы имѣемъ: Въ лѣто 6981. Пріѣха изъ Рима за князя великого Ивана Васильевича *царовна*, и пріѣха на Псковъ и на Новгородъ; а Псковичи много чтиша ю и даша въ даръ 50 *рублевъ*“. П. С. Р. Л. V. Стр. 36. Срв. *Колосовъ*. ibid. Стр. 120 Приведенныя данныя изъ народныхъ говоровъ убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, въ томъ, что такія формы, какъ литературная: „царёвна“, *вовсе не свойственны* русскому языку и, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ въ ювр. нарѣчіи какой-нибудь аналогіи (царё-

---

же имѣемъ: надъ ручаемъ—230. Обыкновенно въ формѣ твор. падежа. Можетъ быть, это два разныхъ образованія: *ручáй* и *ручёй*, а, можетъ быть, и фонетическое измѣненіе. Срв. въ Лавр. лѣт.: чалѧдью—л. 27. при совр. чёлядью; деревлене—л. 28 при древлѧне—л. 29. *ме* вм. *мѧ*—л. 169. столб. 1. (какъ въ нашихъ говорахъ: *је* вм. *я*—выше). *Спусте* вм. *спустя*—АЮ. № 10 (1503 г.); отъ Истри врагомъ ручаемъ—АЮ. № 410 (1472) и мн. др.

вичъ?); съ другой,—что такія формы, какъ литературная и ювр. „дéржиш“, представляютъ изъ себя остатки древняго произношенія, видоизмѣнившагося въ свр. говорахъ, въ которыхъ, очевидно, ранѣе отвердѣлъ звукъ *р*, и потому получилось также фонетически правильное произношеніе: дéржиш; срв. древне-русское: дерьжаху—Лавр. сп. Лѣт. л. 30. Срв. также вятск. вёрх при ювр вéрх изъ и при вéрьх (ювр. и московское). До сихъ поръ мы привели данныя изъ древне-русскаго языка, представляющія произношеніе *ё* въ XV вѣкѣ, но, конечно, такое произношеніе *е* было извѣстно и гораздо раньше; вообще, я думаю, что слѣдуетъ усматривать въ русскомъ языкѣ переходъ *е* въ *о* (*'о*) гораздо раньше, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ: хотя у насъ есть *немного* данныхъ для такого предположенія, но *эти данныя нельзя оставлять безъ вниманія* или принимать за ошибочныя. Такъ, мы имѣемъ уже въ XI-мъ вѣкѣ примѣры перехода *е* въ *'о*, *проникшіе даже въ письменность* (Срв. *Шахматова.* Изслѣдованія... Стр. 191—192. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 61). Мы, напримѣръ, должны видѣть *не описки*, а свидѣтельство фонетическаго процесса въ живомъ языкѣ въ слѣдующихъ написаніяхъ: Изборникъ 1076 г.: тѣхъ вождевъ възискаша и ѧшася *твордо* за роукы ихъ—*Срезневскій.* Др пам. р. яз и письма (Изв. АН. X. вып. V. Стр. 428). Доказательствомъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ опискою, служитъ свидѣтельство другого памятника, показывающаго намъ, что въ написаніи *твордо* мы видимъ просто неумѣлую передачу на письмѣ живого произношенія, желаніе приблизить написаніе къ произношенію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Смоленской Лѣтописи Авраамки 1495 года, писецъ которой *несомнѣнно* уже зналъ произношеніе *е* какъ *'о* въ извѣстныхъ случаяхъ, мы видимъ такой же способъ передачи на письмѣ произношенія этого слова, какой употребленъ въ Изборникѣ 1076 года; такъ, на стр. 117 мы читаемъ: *твордо* брашася и мужескы храброваша—П. С. Р. Л. XVI. Стр. 117. Другіе примѣры XI—XII вѣка приведены у *Шахматова* l. c., у *Ягича* (Критич. Замѣтки. Стр. 35 и слѣд.), у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ l. c. Примѣры болѣе поздняго времени встрѣчаются гораздо чаще и не возбуждаютъ уже сомнѣнія ученыхъ; но надо вообще замѣтить, что хронологія извѣстнаго звукового явленія *лишь*

приблизительна, и наши примѣры XI—XII вѣка могутъ принадлежать и, вѣроятно, принадлежатъ *языку, а не письму*. Такъ, въ XIII в., въ зап.-русской Псалтыри 1296 г мы находимъ: ѡко на стѣноу *преклононоу* плотъ въ въздриновенъ— л. 118 об. (*Буслаевъ*. Матеріалы...); въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г.: *трохъ* (*Срезневскій*. іѣ. Изв. АН. X. вып. VI. 649); въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по тому-же списку XIV в. (*Срезневскій*. Спб. 1860) читаемъ: а двдъ и *ологъ* в черниговѣ—л. 136а; въ Параклитикѣ 1386 г. запись: при попе *Фодоре*... (*Соболевскій*. Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 131); въ Ипат спискѣ Лѣтописи: *коворъ*—л. 176. столб. 1. (фототипич.); въ Лавр. спискѣ: *потробу*—л. 86. столб. 1. (фототипич. изд.). Мы не приводимъ данныхъ изъ памятниковъ чисто свѣтской литературы, гдѣ данныхъ этихъ еще больше, чтобы показать, что это явленіе перехода звуковъ было очень распространено, равно не приводимъ данныхъ и болѣе поздняго времени. Изъ предыдущихъ примѣровъ мы видѣли, что этотъ переходъ *е* въ *'о* (сначала, вѣроятно,—*'ӧ*, которое тоже невозможно было изобразить на письмѣ, какъ и *ё*) извѣстенъ и сѣверно-русскимъ, и западно-русскимъ, и южно-русскимъ (кіевскимъ) памятникамъ ранняго времени, слѣдовательно, это явленіе перехода было извѣстно всей части русскаго языка, которая легла въ основаніе будущихъ великорусскихъ говоровъ. Въ нашихъ грамотахъ и актахъ этихъ же мѣстностей, т. е. написанныхъ на этомъ же нарѣчіи, мы *постоянно* читаемъ: „рубловъ“, а въ одной грамотѣ 1392 года находимъ: на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанью (Рус.-Лив. Акты. № 115), здѣсь-же читаемъ: *короломъ*—твор. п ед. ч.

Само собой разумѣется, что и *аканье* надо отодвинуть *гораздо дальше* въ живомъ языкѣ, чѣмъ XIV вѣкъ, когда оно уже распространено даже въ письменности. Звукъ o^a былъ издавна извѣстенъ нѣкоторымъ русскимъ говорамъ, онъ, вѣроятно, діалектически восходитъ даже *къ общерусской эпохѣ*, и умѣренно-акающіе говоры несомнѣнно восходятъ къ говорамъ съ этимъ o^a въ предударномъ слогѣ. Написанія *жона, чоломъ* (въ Псковск. Смоленск. Лѣтоп. и мн. др.) уже должны были произноситься во время написанія: жо^{a}на́, чо^{a}ло́мъ... въ этихъ говорахъ, а въ другихъ: жана́, чяло́мъ...

Это замѣтилъ еще *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 36—37). Только при допущеніи нашего взгляда *о началѣ аканья задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ* можно объяснить себѣ такія написанія уже въ XIV вѣкѣ, какъ напр., „видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подрузѣ его *изламана*“—Сильвестр. списокъ Житія Бор. и Гл. XIV вѣка. л. 137b (*Срезневскій*. Спб. 1860 г.). Срв. современное ювр. акающее: изла́манъ—ряз. (Мое соч. „Къ діалектологіи“ .. Стр. 21). Наконецъ, то обстоятельство, что въ свр говорахъ мы находимъ звукъ *ё* независимо отъ ударенія и отъ предшествующаго согласнаго, доказываетъ намъ собой, что лишь этой части общевеликорусскаго языка *извѣстно было издавна* это звуковое явленіе *во всей силѣ*, между тѣмъ какъ той части, которая развила у себя съ теченіемъ времени полное аканье (его надо отличать отъ произношенія *о*ª въ древности; это послѣднее *могло и не развиться въ аканье*, а остаться на прежней ступени произношенія или *развить оканье*), извѣстно было звуковое явленіе перехода *е* въ *'о* лишь *до извѣстной поры*, до появленія аканья, обусловленнаго удареніемъ. Когда началось это аканье (гораздо раньше XIV в.), то и предударное *'о* (изъ *е*—*'ŏ*) перешло въ *'а*. какъ и *о* перешло въ *а* въ такомъ же положеніи. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, связавшихъ свою судьбу съ теченіемъ времени съ судьбою акающихъ говоровъ, какъ и въ блр. говорахъ, это предударное *е* (*'о*) подпало подъ вліяніе общаго закона объ аканьѣ, подчинившаго себѣ эту часть говоровъ при-Окскаго района. Если мы припомнимъ примѣры нашихъ касимовскихъ говоровъ: „пріе́д'у͡от друшка“—3 л. ед ч. (*Парахино*) и под. и сопоставимъ ихъ съ свр. пріе́дётъ и под., то мы увидимъ въ нашихъ касимовскихъ говорахъ ихъ *общую судьбу въ прошломъ съ сѣверно-великорусскими говорами*: звукъ *ё* въ свр. *пріе́дётъ* восходитъ къ общерусскому звуку *ŏ* долгому, которое въ этихъ говорахъ должно было пройти въ своемъ измѣненіи черезъ ту ступень, которая сохранена намъ въ касимовскихъ говорахъ: *ŏ*—*о͡ŏ*—*ŏ*ᵘ*о͡*—*у͡ŏ*—*у͡о*. Такъ *приблизительно вѣрно* представляется мнѣ этотъ путь измѣненій. Слѣдовательно, мы и въ этомъ пунктѣ находимъ слѣды тѣснѣйшаго родства нашихъ касимовскихъ говоровъ съ говорами сѣверно-великорусскими въ ихъ прошломъ.

Глава IV-ая.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

О звукахъ шипящихъ и свистящихъ.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить не только о звукахъ, называемыхъ обыкновенно „шипящими“ и „свистящими“, т. е. о звукахъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *с*, *з*, *ц*, но и о звукахъ *съ оттѣнкомъ* шипящимъ или свистящимъ, т. е. о звукахъ, которые мы назвали выше (часть I-ая, гл. VII-ая) звуками *„среднимиˮ*, именно,—$ч^{ц}$ ($ц^{ч}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), $д^{з}$, $д^{ж}$, $т^{с}$. Выше, въ VII-ой главѣ I-ой части настоящаго труда, а равно и во II-ой части (III гл. § III), мы отмѣтили то обстоятельство, что наши касимовскіе говоры являются въ отношеніи согласныхъ звуковъ передне-небныхъ особенно интересными: именно, наши говоры вносятъ много новаго въ наши свѣдѣнія о такъ называемомъ *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, вносятъ много новаго и интереснаго и въ исторію звуковъ русскаго языка: *ц*, *ч*, а также—*ж* и *ш*. Наши говоры, обладая звуками *средними*, колеблющимися между *ц* и *ч*, *ж* и *з*, *ш* и *с*, и звуками: $д^{з}$, $д^{ж}$, $т^{с}$, могутъ по справедливости называться говорами *шепелеватыми* (своего рода—„мазуракающимиˮ), а сравненіе ихъ съ другими русскими говорами приводитъ къ выводамъ, что 1) нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда вовсе *не единственный* изъ русскихъ, обладающій *средними* звуками описаннаго качества; 2) наши мнѣнія относительно цоканья въ древнихъ русскихъ говорахъ невѣрны, неполны и подлежатъ измѣненіямъ; 3) равнымъ образомъ наши представленія относительно цоканья и чёканья въ современныхъ русскихъ говорахъ тоже были до сихъ поръ не совсѣмъ правильны, и, наконецъ, 4) необходимо предложить *новое ученіе* о звукахъ передне-небныхъ, въ частности, о звукахъ шипящихъ и свистящихъ, въ русскомъ языкѣ, ученіе, согласное съ данными современной русской діалектологіи.

Вотъ мы и попытаемся дать новое освѣщеніе этому темному вопросу объ исторіи цокающихъ и чёкающихъ говоровъ, представимъ посильный опытъ изложенія исторіи цоканья и чёканья въ русскихъ говорахъ и укажемъ вѣроятныя причины возникновенія такихъ типичныхъ говоровъ. Припомнимъ, что

наши касимовскіе говоры въ однѣхъ мѣстностяхъ представляютъ намъ *„средніе“* звуки, въ другихъ—цоканье, въ третьихъ—цоканье и чёканье. Для опредѣленія отношенія нашихъ говоровъ къ другимъ древнимъ и современнымъ обратимся прежде всего къ тому вопросу, какъ у насъ до сихъ поръ представляется вопросъ о цоканьѣ, и какими свѣдѣніями мы пользовались для объясненія этого явленія.

Пора намъ перестать думать, что *только одна* Новгородская область издавна знала мѣну *ц* и *ч*, такъ какъ распредѣленіе цоканья по современнымъ намъ народнымъ говорамъ никакъ не можетъ собою подтверждать нашихъ предположеній объ исключительности цоканья древне-русскаго языка въ предѣлахъ старой Новгородской земли. Все, на что̀ мы имѣемъ право, пріобрѣтенное нами въ письменныхъ источникахъ для изученія др. русскаго языка, такъ это только на то, чтобы признавать въ древне-новгородскомъ говорѣ *смѣшеніе* звуковъ *ц* и *ч*, причемъ терминомъ „смѣшеніе“ нисколько не опредѣляется ни *качество* звука *ц* или *ч*, ни *характеръ* цоканья или чёканья. Весьма возможно, что, еслибы другія области оставили намъ въ наслѣдіе такую-же богатую письменность, какъ древній Новгородъ, то мы должны бы были измѣнить свое мнѣніе о другихъ древне-русскихъ говорахъ.. Весьма возможно также, что историческія, политическія и культурныя условія древняго Новгорода отражались такъ или иначе на грамотныхъ людяхъ, уроженцахъ Новгородской области; быть можетъ, и писцы-грамотники здѣсь составляли собой нѣсколько иной типъ новгородцевъ, у которыхъ и отношеніе къ книгѣ выработалось иное, чѣмъ это было въ другихъ мѣстностяхъ.. Конечно, все это предположенія, но нельзя не признавать въ этихъ предположеніяхъ возможности; нельзя рѣшительно отвергнуть эти предположенія, такъ какъ для этого нѣтъ основаній. Напротивъ того, сами эти предположенія навязываются и кажутся вполнѣ естественными при изученіи современной діалектологіи и памятниковъ древней русской письменности. Хотя явленіе цоканья и чёканья еще не изучено въ русскомъ языкѣ, еще не изслѣдовано; хотя и въ настоящее время не опредѣлено пространство, на которомъ народъ нашъ цокаетъ или чёкаетъ, не разъяснены причины этого явленія, не доведено это явленіе до праязыка, но нельзя сказать, чтобы оно не интересовало собой ученыхъ. Нѣкоторые

ученые даже строили предположенія, подобныя высказаннымъ выше нами, напр., Колосовъ (см. выше), но наука ни на чемъ опредѣленномъ не остановилась. Для меня лично болѣе всего имѣетъ значенія то мнѣніе, которое высказывается въ пользу какихъ-то очень мягкихъ звуковъ *ч* и *ц* въ прарусскомъ языкѣ [1]). Надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ ($ц^{ч}$, $ч^{ц}$); точно такъ-же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* ($з^{ж}$, $ж^{з}$); звукъ *с*—къ звуку *ш* ($с^{ш}$, $ш^{с}$); были особаго рода звуки *д'* и *т'* ($д^{з}$, $д^{ж}$= ѕ, ђ, ћ; $т^{с}$). Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка При допущеніи этого предположенія понятенъ станетъ переходъ или чередованіе звуковъ: *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, понятны *слитные* согласные: ѕ (зѣло), ц, ч, ђ въ славянскихъ и родственныхъ языкахъ. При допущеніи же этой мысли нѣкоторые древнерусскіе говоры, какъ напр., древне-псковскій говоръ станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ [2]).

---

[1]) Срв. *Ляпунова.* Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Спб. 1894. Стр. 5. *Лескинъ* въ Beiträge zur vergl. Sprachforschung. VI. 159. Я самъ имѣлъ случай говорить съ поляками изъ Петрокова, и въ ихъ польскомъ говорѣ меня затрудняли звуки: c'(=почти $ц^{ч}$), s'(=почти $с^{ш}$), z'(=почти $з^{ж}$)

[2]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фонетики. В. 1893) говоритъ: «..мы видимъ указаніе на какое-то особенное свойство мягкихъ *с*, *з*, *ц* и шипящихъ въ древне-псковскомъ говорѣ сравнительно съ прочими мягкими согласными. Такое указаніе подтверждается и другимъ: въ псковскихъ памятникахъ мы находимъ не только смѣшеніе буквъ Ч и Ц, смѣшеніе обычное въ сѣверно-русскихъ нарѣчіяхъ, но также еще смѣшеніе буквъ Ш и С, Ж и З, Щ и СТ или СЩ (послѣднее изрѣдка встрѣчается въ двин. и новгород. памятникахъ)... Такая особенность указанныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли въ средній звукъ, который обозначимъ č очень мягкое, *ш* и *с* въ š очень мягкое, *ж* и *з* въ ž очень мягкое; эти новыя нѣбныя согласныя отличались отъ прочихъ согласныхъ мягкихъ своею особенною мягкостью»... Стр. 233. Я вполнѣ согласенъ со взглядомъ Шахматова на образованіе такихъ среднихъ звуковъ и на смѣшеніе звуковъ Ш и С, Ж и З, въ говорахъ русскаго языка, но только думаю, что такіе средніе

Точно такъ же становится понятнымъ чередованіе *ст* и *сц* въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ формахъ, какъ: дъстѣ и дъсцѣ, русьстіи и русьсціи и т. п., гдѣ видно, что *m'* (*m*— мягкое) принимало свистящій оттѣнокъ m^c Наконецъ, польскіе мазуракающіе говоры, словацкіе шепелеватые говоры, въ которыхъ мы имѣемъ· šebe, dzešať, želeny и т п. заставляютъ насъ возвести разсматриваемые слитные звуки къ эпохѣ общеславянскаго языка и признать эти звуки діалектическимъ явленіемъ общеславянскаго языка. Кромѣ польскихъ и словацкихъ говоровъ, къ такому же заключенію приводятъ насъ нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе [1]); наконецъ, и самому старославянскому языку не чуждо цоканье и чёканье въ отдѣльныхъ словахъ: по крайней мѣрѣ, въ Супрасльской рукописи и въ Саввинной Книгѣ встрѣчаются написанія: црѧноризьць, доконьча, село скѫдьльнице [2]). Ограничиваясь пока областью однихъ русскихъ нарѣчій, мы можемъ замѣтить, что въ древности шепелеватый говоръ былъ извѣстенъ и предку нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, и предку нынѣшняго великорусскаго. Самыя цѣнныя указанія изъ литературы по этому вопросу въ области стараго галицко-волынскаго говора принадлежатъ А. И. Соболевскому, у котораго въ трудѣ: „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ (Ч. I. Кіевъ. 1884) мы читаемъ: „Мѣна шипящихъ и свистящихъ была очень рѣдка въ древнемъ галицко-волынскомъ нарѣчіи и существовала, вѣроятно, только въ немногихъ его говорахъ На нее мы находимъ указаніе въ: биць —Тип. № 6., очта, обѣщничи, wверзешися, ложьѥ—Полик. Ев. 1307 г.. такозде, тозде—Луцк. Ев., помысляи, скрусьна (=скрушена) — Ефр. Сирин.“ и друг. [3]). „Въ современныхъ малорусскихъ гово-

---

č, š, ž очень мягкіе не могутъ называться вообще *новыми* звуками, такъ какъ противъ этого говорятъ русскія и славянскія нарѣчія (см. выше, въ текстѣ); эти звуки діалектически были извѣстны даже общеславянскому языку и перешли въ діалекты прарусскаго языка.

[1]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз стр. 150. 151. 152.

[2]) *Соболевскій.* Ibid 152. *Miklosich.* Mon. linguae palaeosl. e cod. Supr. 90. *Срезневскій.* Пам. юсового письма. Саввина Книга. Стр. 33 и 109. Здѣсь ч и ц напечатаны курсивомъ.

[3]) *Соболевскій.* Ib. Стр. 111. См. примѣч. 2. Говоря здѣсь о замѣнѣ *ж* черезъ *з* въ Ипат. спискѣ Повѣсти вр. лѣтъ, Соболевскій замѣчаетъ: «Остает-

рахъ", продолжаетъ Соболевскій, „взаимная мѣна шипящихъ и свистящихъ, существовавшая въ обширныхъ размѣрахъ въ древнемъ псковскомъ говорѣ,—неизвѣстна" [1]). Но далѣе приводятся примѣры изъ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ: черезъ, цес; галиц ци, цитати; лемковск. цюю [2]). Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что нынѣ гдѣ-либо мы не замѣчаемъ мѣны шипящихъ и свистящихъ звуковъ, еще не доказываетъ собой того, что этой мѣны никогда здѣсь и не было: по крайней мѣрѣ, въ области малорусскаго нарѣчія были въ древности шепелеватые говоры; южновеликорусское нарѣчіе же и донынѣ сохранило мѣстами слѣды бывшей шепелеватости, какъ увидимъ ниже Слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ исторіи шипящихъ и свистящихъ звуковъ русскаго языка является то обстоятельство, что въ современныхъ намъ говорахъ великорусскаго нарѣчія есть такіе, которые *имѣютъ до сихъ поръ мягкое ц*, и замѣчательно то, что тѣ говоры, которые имѣютъ мягкое *ц*, знаютъ и обратную мѣну звуковъ *ц* на *ч*, а не только мѣну *ч* на *ц*. Это преимущественно сѣверно-великорусскіе говоры [3]). Кромѣ такихъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ которыхъ мы находимъ мягкое *ц*, цоканье и чёканье, есть еще говоры, гдѣ до сихъ поръ слышится звукъ средній между *ч* и *ц* ($ч^ц$, $ц^ч$); это собственно и есть говоры *шепелеватые*, но мы выше придавали это названіе, вообще обозначая имъ особенность произношенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ, состоящую въ смѣшеніи шипящихъ и свистящихъ. Говоря о цоканьѣ, мы вносимъ въ свое разсужденіе и вообще шипящіе звуки, кромѣ звука *ч*, т. е. мы касаемся и звуковъ *ж*, *ш*, такъ какъ тѣ говоры, которые отличаются теперь особенностью произношенія этихъ

ся вопросомъ, гдѣ явилось это *з*, на югѣ, или на сѣверѣ». Конечно, по отношенію къ Ипат. списку это—вопросъ; но вообще несомнѣнно, что переписчикъ не переправилъ этого *з* потому, что и въ его говорѣ слышались подобныя произношенія. Смотри другіе примѣры изъ Ипат. лѣт. выше въ текстѣ.

[1]) *Соболевскій*. ib. 111

[2]) Ibid. 111. Срв. *Ogonowski* Studien... 72. Однако есть и въ млр. твердое *ц*. См. ниже.

[3]) Насколько, конечно, можно судить по *печатнымъ* матеріаламъ и изслѣдованіямъ.

послѣднихъ звуковъ, принадлежатъ къ говорамъ шепелеватымъ и смѣшиваютъ *ж* съ *з*, *ш* съ *с*, а, слѣдовательно, въ области согласныхъ передне-небныхъ переживаютъ явленія, однородныя съ *цоканьемъ* или *чеканьемъ*, а потому мы, въ интересахъ цѣлостности разсужденія, и далѣе будемъ имѣть въ виду явленія въ области всѣхъ вообще шипящихъ звуковъ и ихъ замѣны свистящими или наоборотъ.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя изъ современныхъ намъ говоровъ относительно мягкаго *ц* и чёканья, а затѣмъ— относительно средняго звука *ц*^{ч}, *ц*^{ч}. *Мягкое ц* мы имѣемъ въ говорахъ: *Новгородскомъ Кирилловскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: кобацекъ, заплацю́, си́ннича (вѣроятно, фонетически: *си́нничя*); въ *Новгород. Череповскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: ца́ялъ, чена́, ку́рича (—чя?); въ *Бѣлозерскомъ*: винця́, бра́тецъ; *въ Олонецк. Кargопольск. и Вытегорск.* повенце́лись, си́кци [1]); *въ Повѣнецкомъ*: братцёвъ. Срв. столичѣ, граничѣ; борци, на дворци, молодци; личя́ [2]); братци [3]), стрѣльця, ларци, братця́ и мн. др. [4]); живуци, цяемъ, оци, кормильця, сердчё, потѣшаюци, птичей, туци, идуци, цего, летяци, прячюци, птиця, лицю, дивиця, ноцью, цево, дѣвичю, птичя, сердцю, сестрицю, оцень, дѣвицю, дѣвиця,

---

[1]) *Соболевский.* Очеркъ р. діалектологіи. Живая Старина. 1892. Вып. II. стр. 11, 12, 13. Оказалось, что вытегорскій говоръ, по позднѣйшимъ наблюденіямъ, тоже—чёкающій, какъ и слѣдовало ожидать, не смотря на мимолетныя «Замѣтки» Колосова: въ немъ мы встрѣчаемъ: кормилечъ(— чь?) и т. п. Я увѣренъ, что и въ другихъ говорахъ, гдѣ только показано наблюдателями мягкое *ц*, сохранилось донынѣ или, по крайней мѣрѣ, было прежде и *чеканье*. Новыя наблюденія должны время отъ времени производиться, и русская діалектологія отъ этого только выиграетъ, какъ и исторія русскаго языка. Срв. у *Барсова* Причитанья сѣвернаго края. II. Стр. 101: при сродчахъ сродничкахъ... Стр. 116: сердчё (ч—мягкое, а выше—неправильное этимологич написаніе); стр. 120, 121: личе; 137: ранчи; 159: деревче и друг.

[2]) *Гильфердингъ.* Он. былины. Столб. 120. 138. 29.

[3]) Ibid. 71.

[4]) Ibid. 77. 173. Срв. *Колосова* Замѣтки... Ibid. стр. 121—122. *Барсовъ* Причитанія. I. стр. 39: живуци; кормильця—57; сердча, оци—74; сродчи—99; срв. 113; полуноци—179; горѣци—185; бладенця—195; ко ларчамъ дакованнымъ—200; красота была въ личѣ—201 и мн. др.

дѣвоцьи и дѣвочьему [1]). Что касается говора окрестностей *Кенозера* и *Моши*, то онъ, конечно, тоже имѣетъ *мягкое ц* и чѣкаетъ [2]), какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: чѣловальники, скачéнъ жемчугъ [3]) (вм. скатᶜéнъ—скацéнъ), станицю, дѣвици, улицю; (срв. *ш'* (*ш*—мягкое): пишé—3 л. ед. ч. — Гильфердингъ. 1056, 1178); купцями, богачествомъ, целомъ, гонцёвъ, лиця, чѣловальники и чѣловальники, пьяници, Муромци, уздицю, муниця, вѣнци. новгорочкіемъ, сердцé, чаря (чяря?), Муромецъ, Муромечь, Муромчо, Муромча, рукобитьиче и мн. др. [4]). Сравни въ Сборникѣ Истомина: *въ Петрозавод. у. Оло-*

---

[1]) *Барсовъ*. Ibidem I. 39. 40. 52. 57. 59. 74. 76. 80. 98. 115. 149 211. 212. 213. 218. 222 223. 234 255. 254. 257. 256. Вообще, гдѣ въ записяхъ стоитъ (въ цокающемъ говорѣ) послѣ *ч твердый* гласный, тамъ я принимаю такія написанія за фонетически-ошибочныя, сдѣланныя подъ вліяніемъ нашей орѳографіи. Это, конечно, относится къ говорамъ съ *мягкимъ и* См. ниже.

[2]) Въ словахъ *Соболевскаго*: «Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши отличается «чистымъ» произношеніемъ *и* (т е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно)». Жив. Стар. ibid. 14—я вижу здѣсь какое-то недоразумѣніе. Соболевскій взялъ это замѣчаніе у Гильфердинга. Он. былины. Введеніе. Стр. XXXI, но мы выше (въ текстѣ) видѣли примѣры *чѣканья* изъ былинъ, записанныхъ самимъ-же Гильфердингомъ въ этихъ мѣстностяхъ, затѣмъ видѣли *мягкое ц*, да и замѣчаніе самого Гильфердинга во Введеніи не зачѣмъ было такъ комментировать, какъ это сдѣлалъ Соболевскій въ Живой Старинѣ 1892. II. 14—въ скобкахъ. Да, кромѣ того, *Рыбниковъ* довольно точно выразился о произношеніи здѣсь звуковъ *ч* и *ц*. Онъ говоритъ: «*ц* и *ч* постоянно употребляются одно вмѣсто другого или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *ць*, напр, чѣлый, чѣдить, молодець, умничя. ларчя, личо, цюжой, вецёръ, поворьчюсь»... *Рыбниковъ* Пѣсни. IV. (Спб. 1867). Стр. 279. Очевидно, здѣсь Рыбникову слышался звукъ *средний* (ц, ч). Срв. у него-же III. (Петрозав. 1864). Стр. 347: «Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: *ч* произносится, какъ *ць*»... (Примѣчаніе). Срв. здѣсь-же ниже, стр. 349. прим.: «*ц* произносится какъ *ць*». См. ниже въ текстѣ у насъ.

[3]) *Гильфердингъ*. Он. был. Стлб. 1052. 1064.

[4]) *Гильфердингъ*. Ibid. Стлб. 1050. 1052. 1053. 1054. (Срв. 1057 *ш'—с*) 1062. 1078. 1098. 1099. 1108. 1123. 1134. 1135 (Срв. *с—ш'*—1146 1320). 1176. 1178. 1230. 1234. 1242. 1245. 1250. 1294. 1296. 1297. 1304. Мы здѣсь нигдѣ не приводили примѣровъ употребленія *ц* вмѣсто *ч* (собственно *цоканья*), такъ какъ эти примѣры сами собой подразумѣваются въ разсматриваемыхъ теперь нами сѣв.-влкр говорахъ

нецкой губ: золоцёному, тоцёному, вѣнцятися—29, сердчѐ, поляничи, полянича (—чя?)—35, цядо́—36, разгоряетця—47, Ивановиця—47, братцю—48, улицю, улицямы—50; *Повѣнецк. у*: цярь—51, цяриця—52, цюжедальные, цево—85, вѣнцю—106, дѣвиця, красавиця—110, примѣцяли—145, цють—ib., кузници, кузнеця, клюцёмъ, клюця, молодця—151, сердце—171, крыльцё, кольцѐ, словце, полуцяй—174, молодечъ(—чь)—30 (Повѣнец), въ паличи—33. Въ говорахъ *Архангельской* и *Вологодской* губерній мы имѣемъ то-же самое: *г. Онега*: краса́вичя, молотчя́, чена́ [1]); *Шенкурск.*: цясъ, цюдо, цедо(=чадо); въ *Кемск.*—то-же; *Вельск. Вологодск.*: доць, тецётъ, свица(—ця), личо(—чё?), сончо(—че?), чвитъ („съ *ц* мягкимъ"), пусцю́, полицю́ (=полечу); *Яренск.*: пецѐль, несцёсье; *Сольвычегод. Вел. Устюжск*: цястой, мостоцьку [2]); отця, отцю; то-же въ *Тотем. Кадников. Грязовец. Никольск. уу.* [3]). *Въ Тверской губ Корчевск. у.*; *Ярославск Моложс. и Пошехонск.*: цесць, цёмно, цюжёнинъ, цясъ [4]); относительно *Владимирской* губерніи (цокающей ея части), а также *Тамбовской*, *Нижегородской* и *Рязанской* (цокающей ея части) мы можемъ сказать, что въ этихъ послѣднихъ замѣчается *отвердѣніе ц*; по крайней мѣ-

---

[1]) Жив. Стар. 1892. II. 14. Въ Сборникѣ *Истомина*: рѣць, цястые—г. Онега—стр. 5; лицё—12; лицёмъ—18; кацятъ—63; навстрѣцю—63; клюци, закрыцялъ, княженецького, цёботовъ, горницю—64; сердцёмъ—65; зыцёнъ—83; рупюшку—84; Петровиць—91; дѣвиця—93; воротця—93 Срв. 98. 101. 102. 103 (*ш'*: шелкова); вецёръ, ноцью, цясъ—108 109 111. 112; цяй, сестрицями—113 114. 115; сватовцю—116; цюжо, одивальницёй—Шенкурск.—117. 118. 119; взголовьицё, Архипыця, встрѣцять, цюлоцькахъ—119. 120. 121. 123 и мн. др. Срв. 135. 136.—*Кемь*: Михайловиця, уцила, цядо, оцёсливой, примѣцяй, жемцюжная. Срв. 140, 141. Срв. чесна, черезъ и друг—153. 155; съ *черною* грязію—200; *церну*—221 (Очевидно, что говоръ со среднимъ чц—ц^{ч} и, слѣдовательно, *чекающій*. Срв у *Соболевскаго* выше: чена, личъ...). Изъ сопоставленія этихъ и другихъ примѣровъ видно, что *отсутствіе примѣра на ч вм ц* въ Сборникѣ *Истомина* въ пѣсняхъ Арх. губерніи объясняется неточностью записи. Срв *мою рецензію* на этотъ Сборникъ: *Ученыя Записки Имп. Казан. Унив. 1895. Мартъ.* Критика.

[2]) Жив. Стар. ibid. 15. 16.

[3]) Ibidem 17. Срв *Бѣлоруссова.* Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологод. губ. В. 1887. Стр. 30. 37. 38. *Колосовъ.* Замѣтки... ib. 329. 330.

[4]) Жив. Стар. ib. II. 17. 18. Срв. *Колосова.* Замѣтки... ib. 19.

рѣ, и изъ описаній, и изъ личныхъ своихъ наблюденій я вывожу заключеніе, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ *отвердѣвшее ц*, но и здѣсь оно *было мягкимъ*; это видно изъ того, во первыхъ, что среди говоровъ этихъ губерній встрѣчаются и *чёкающіе* (Влад Меленк —чалковой; Рязан. Касим. см. ниже) [1]); во—вторыхъ, изъ того, что среди этихъ говоровъ есть и говоры съ мягкимъ *ц*^{ч} или *ц*^{ц}, т. е. со звукомъ среднимъ [2]). Далѣе, въ *Вятской* губ —то-же: цярь, отець, цюдо и чюдо, чюлъ (*особенно мягко*) [3]), оцюнно, цюю, сцесье, молодичя, лючкй (=людскй), забрецёло, бречя́ть, цею (=чаю), циво, чу́еччя—3 л. ед. ч., любу́юччя—3 л. мн. ч. (тоже въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда), бречёть [4]) — это явленіе во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи; это же явленіе мы встрѣчаемъ частью въ *Костромской* губ., въ *Пермской*, въ *Сибири* [5]).

Въ *бѣлорусскихъ* говорахъ мы имѣемъ цоканье при чеканьѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Витебской губ. Велижск. у.*: при: цаго́, часо́цыкъ—серча, черьква; мацыха — женитча; *Витебск.* у.; *Городокск.* у: цыстъ, жэмцухъ, но: ча́рства [6]). Наконецъ, въ *Смоленской* губ. (частью) и въ прилегающей части *Тверской* губ. мы тоже встрѣчаемъ: доцъ, часъ, но: вулича, чарства и мн. др. [7]). *Малорусское* нарѣчіе, какъ извѣстно, *сохранило въ большей части* своихъ говоровъ *мягкое ц* [8]).

Изъ приведенныхъ данныхъ наглядно видно, что въ настоящее время, можно сказать, большая часть Россіи заселена говорами, знающими мягкое *ц* и чёканье. Мы видѣли это фонетическое явленіе на громадныхъ пространствахъ Архан-

---

[1]) Ibid. 19. *Колосовъ.* Замѣтки... Стр. 300.

[2]) См. *Ляпунова.* Ук. Соч. passim. См. также въ концѣ *карту.*

[3]) Жив. Стар. ib. II. Стр. 19—22. *Колосовъ.* ib. Стр. 224. 225. Примѣры въ пѣсняхъ: Стр. 244, 245 (охотницёк); 254 (крыница); 256 (цяря); 273 (птичи—род. ед.), 276 (птица); 277 (крыльцях); и мн. др.

[4]) Жив. Стар. ib. 22. Срв. *Колосова.* ib. 223.

[5]) Жив. Стар. ib. 23—25.

[6]) Жив. Стар. 1892 III. стр 9. 10. *Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 544. Смоленск. Порѣч. *сербуцій, ломуцій*...

[7]) Жив. Стар. ib. 11. См. прим. выше 6.

[8]) Жив. Стар. ib. IV. Стр. 18. 19. 20. 21. 23. 48. 49.—Здѣсь есть указанія на діалектическое *твердое ц* въ млр. нарѣчіи.

гельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской губерній, въ Вятской, Пермской губ., въ Сибири, частью въ Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской (см. ниже), наконецъ, въ Витебской, Смоленской и Тверской губерніяхъ. Ясное дѣло, что далеко не во всѣхъ этихъ губерніяхъ мы можемъ усматривать поселенцевъ старой Новгородской земли; для многихъ мѣстъ новгородскіе колонисты предполагаются, но не доказаны (Вятская, Рязанская губ.); если мы прибавимъ къ этому то, что на громадномъ пространствѣ малорусскаго нарѣчія мы тоже имѣемъ мягкое *ц*, но *безъ чёканья*,—и то, что въ древнемъ русскомъ языкѣ чуть не до XIV вѣка повсемѣстно, откуда только мы имѣемъ памятники письма и языка, было извѣстно мягкое *ц* и *ч*, а послѣднее (*ч*) и понынѣ въ большей части говоровъ русскаго языка мягкое, то, кажется, мы вправѣ будемъ утверждать, что: 1) во всемъ русскомъ языкѣ искони было мягкое *ц*, слѣды котораго остались до сихъ поръ во многихъ говорахъ; 2) точно такъ-же во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но *діалектически не во всѣхъ его говорахъ*, *хотя въ большинствѣ говоровъ* были извѣстны звуки средніе $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$—мягкіе, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній: стало возможнымъ произношеніе: цюдо и чюдо, цей и чей, цѣловать и чѣловать, цѣна и чѣна .; въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ—дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оставалось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными. Къ нимъ мы сейчасъ перейдемъ. Предварительно замѣтимъ только, что, не смотря на различную судьбу звуковъ свистящихъ и шипящихъ въ разныхъ говорахъ, мы можемъ *почти во всѣхъ* говорахъ до сихъ поръ наблюдать *спорадическіе случаи колебанія* между *ц* и *ч*. Это обстоятельство говоритъ несомнѣнно въ пользу того, что звуки средніе $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$ принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Въ млр. украинскомъ мы и сейчасъ слышимъ: *цурайся* при *чурайся* (влкр. чурайся), *причепиўся* и друг. Самое слово *цѣпъ* при *чепъ*, можетъ быть, должно объясняться этимъ-же колебаніемъ или близостью звуковъ *ц* и *ч* въ

прарусскомъ языкѣ. Наконецъ, интересно знать, чѣмъ инымъ, какъ не предположеніемъ *среднихъ* звуковъ, можно объяснить колебаніе *по говорамъ* между произношеніемъ *цюдо* и *чюдо*: вѣдь, въ тѣхъ говорахъ, гдѣ слышно только *чюдо* (не цокающихъ), это слово не появилось же изъ говоровъ цокающихъ, а было самостоятельно, и потому нельзя и предполагать того, что произношеніе *чюдо* стало извѣстно у тѣхъ лицъ, которыя всякое *ц* произносили, какъ *ч*; наоборотъ, мы вовсе не должны предполагать, что слово „чюдо“ сперва было услышано цокальщиками въ формѣ *чюдо* и потомъ, въ силу измѣненія здѣсь всякаго *ч* на *ц*, превратилось въ говорахъ, знающихъ только *цюдо* (или рядомъ съ *чюдо*), въ такое произношеніе: *цюдо*. Конечно, это произношеніе *цюдо* явилось здѣсь такъ же самостоятельно, какъ и вышеприведенное *чюдо* явилось самостоятельно въ не цокающихъ говорахъ. Оба произношенія явились изъ одного общаго праязычнаго *ц̑юдо (*ч̑юдо), и потому-то и явились варьянты: и *цюдо*, и *чюдо въ одномъ и томъ же говорѣ*, между тѣмъ какъ въ другихъ: *цюдо*, *чюдо*, *цудо*, *чудо*.

Уже по разнымъ поводамъ выше мы ссылались на говоры со средними звуками $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$. Теперь скажемъ только, что изъ предыдущаго обзора мы сами можемъ вывести заключеніе, что всѣ говоры съ мягкимъ *ц* и *чёканьемъ* должны, собственно говоря, имѣть звуки средніе $ц^{ч}$, $ч^{ц}$. Но не обо всѣхъ ихъ говорятъ наблюдатели, а потому мы приведемъ ниже только тѣ говоры, о которыхъ сами наблюдатели говорятъ, что они употребляютъ звуки средніе между *ц* и *ч*. Такъ, мы находимъ, что говоръ Олонецкій, именно, такой, по свидѣтельству *Рыбникова* (Пѣсни. IV. 279, 280); срв. *Колосова* (Замѣтки... 121, 122); такой говоръ—*Новгородскій*, какъ видно изъ замѣчаній *Колосова* (ib. 18—19); срв. наблюденія изъ Новгород. Черепов. и Олонец. Вытегор. въ Живой Старинѣ за 1894 годъ (не имѣю подъ руками сейчасъ этого выпуска); такой говоръ — *Вятскій*, какъ говоритъ тотъ-же *Колосовъ* (ibid. 224); такой говоръ—*Вологодскій*, по свидѣтельству *Бѣлоруссова* (Ук. Соч. 37, 38) и *Колосова* (ib. 329); срв. Соболевскаго. Жив. Стар. ib. II. Стр. 13, 16 (Олонецкій и Вологодскій говоры); наконецъ, такой-же говоръ нашъ *Рязанскій* Касимовскій (мѣстами. См. ниже). Срв. *Даль* (О нарѣчіяхъ... L, LIV—во Владимир. губ.). Такой-же говоръ, вѣ-

роятно, мѣстами въ *Калужской*, въ *Тамбовской* губ. (*Даль* ib. LXIII, LXV, LXII—о Касимовскомъ). Объ этихъ говорахъ мы находимъ прямо указанія; но о сколькихъ говорахъ нѣтъ указаній, и не сдѣлано наблюденій? Вѣроятно, интересующій насъ звукъ имѣется и въ другихъ говорахъ; напр, лишь отъ *Даля* мы узнаемъ кое-что о говорахъ Калужской и Тульской губерній, а полныхъ изслѣдованій въ этихъ губерніяхъ не дѣлалось. *Даль* намъ говоритъ о Калужской губерніи: „*въ Боровскѣ* говорятъ: цто, цаво, цашка; *въ Медыни*: овча, черяпать, чарапать; *въ Бѣлевскомъ* произносятъ *ч, ц* нечисто“—LXIII (*ч*^{ц}, *ц*^{ч}?). Отъ *Даля* же мы узнаемъ, что въ *Тамбовской* губ у *Кадома*: „*прочь* произносятъ почти какъ *процъ*“—LXV (процъ?). Точно такъ же мы имѣемъ нѣкоторыя подробности у *Даля* и относительно говора *Тверской* губ.: *въ Торжкѣ, въ Старицѣ, въ Зубцовѣ, во Ржевѣ, въ Кашинѣ, Калязинѣ—цокаютъ и чекаютъ*—ib. стр. XLVII, XLVIII.

Изъ этого обзора мы видимъ, что средній звукъ *ч*^{ц}, *ц*^{ч} въ современныхъ намъ говорахъ подмѣченъ наблюдателями тамъ, гдѣ и въ древности было смѣшеніе (на письмѣ) *ч* и *ц* въ говорѣ и въ начертаніяхъ, т. е. въ Новгородскомъ краю Конечно, быть можетъ, къ историческому времени, а навѣрное позднѣе, когда мы уже имѣемъ письменность и изъ другихъ мѣстъ нынѣшней Великороссіи, средній звукъ *ч*^{ц}, *ц*^{ч} переживалъ уже по говорамъ отклоненія въ ту или другую сторону, т. е. въ сторону звука *ч* или въ сторону звука *ц*. Еслибы средній звукъ *ч*$_{,ц}$ *ц*^{ч} былъ нѣкогда принадлежностью только одного стараго Новгородскаго говора, то онъ не сохранился бы у переселенцевъ въ чистотѣ, и мы не имѣли-бы говоровъ съ этимъ среднимъ звукомъ; стало быть, этотъ звукъ былъ туземнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы его теперь находимъ. Это опять сближаетъ тѣснѣйшимъ образомъ наши говоры за-Окскіе Касимовскаго уѣзда съ говорами Вятской губерніи.

На основаніи предыдущаго видно, что догадка Колосова о цоканьѣ и чеканьѣ сама собой падаетъ. Колосовъ говоритъ (Замѣтки... ib. стр. 18—19): „Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чоканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ-либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонят-

ной. Самъ я однако нигдѣ не встрѣтилъ такого совпаденія... Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснять нѣкогда бывшею въ говорѣ мягкостью *ц*. Сочетанія *ча*, *чу* и т. п. непремѣнно, я думаю, предполагаютъ: *ця*, *цю*, а не *ца*, *цу* Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* въ *ша*: тышаць; 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, нѣтъ формъ, подобныхъ курича и проч "... „Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *ч* въ *ц*... Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюденій". Такъ кончаетъ Колосовъ Здѣсь, какъ мы видимъ, многое совершенно невѣрно: 1) *цоканье и чёканье часто встрѣчаются вмѣстѣ*: см. выше Новгород. (Кириллов. Черепов. Бѣлозер.), Олонец., Архапг., Вологод. и др. говоры 2) Въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, именно, *есть* формы въ родѣ *курича* (—ча), и здѣсь то эти формы и должны быть и были. См. выше: Новгор. Черепов.: *цяялъ*, *чена́*, *куричя*. 3) „Превращенія" *ч* въ *ц никакого не было*: формы *курица* (куриця) и *курича* (куричя) восходятъ одинаково къ формѣ *курицʺя, *куричʺя, откуда могли получиться съ теченіемъ времени разные варьянты

Данныя изъ древнихъ памятниковъ письменности, свидѣтельствующія о смѣшеніи звуковъ *ч* и *ц*, мы имѣемъ въ изобиліи во многихъ памятникахъ, преимущественно, конечно, въ Новгородскихъ. Возьмемъ сперва для примѣра памятникъ *не новгородскій*, а *суздальскій*—Лаврентьевскую лѣтопись,— который въ числѣ прочихъ діалектическихъ оттѣнковъ долженъ носить на себѣ и слѣды суздальскаго переписчика. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр списку находятся: *ци* и *чи*—л. л. 25. 26 (фототип. изд.). wтцьство—л. 77. сѣцахуса—л. 97. столб. 2. полочьскѣ—л. 111. ст. 2. (обыкновенно: *полотьскъ*, при исчезновеніи ъ изъ произношенія получилось: полот'скѣ; *т'с'* дало *ц*: полоцкѣ, откуда: полочкѣ; нашъ случай: полочьскѣ—есть мудрствующее правописаніе, *графическое* явленіе); ци—л. 119. ст. 1. аци—л. 132. ст. 1. ци—л. 179. ст. 1 Въ этомъ-же памятникѣ мы находимъ и колебаніе звуковъ *з* и *ж*, что̀ для насъ особенно важно: покажненъ и показненъ—л. 24. в суждали—л 99. ст. 2. суздалю—л. 99. ст. 2. суждалю—л. 172. ст. 2. суздалцѣ, суждалци—л. 170. ст. 2. Слово „Суздаль" вообще почти во всѣхъ памятникахъ древней письменности представляетъ по начертанію колеба-

ніе *з* и *ж*; это одно изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ, вѣроятно, намъ завѣщано доказательство прарусскаго колебанія звуковъ *з'* (мягкаго) и *ж'* (мягкаго) Этимологіи слова „Суздаль“ я не знаю, но, можетъ быть, это слово очень давно стало сознаваться, какъ слово, принадлежащее къ семейству корня ѕьд—: сѫѕьдати: *су-зьд-а-л ь, срв. не-вид-а-л-ь, пад-а-л-ь и т. п. слова пассивнаго значенія. Въ самомъ Суздалѣ названіе этого города въ XIV вѣкѣ произносилось, вѣроятно, со звукомъ *ж* или со звукомъ среднимъ *з*ж (*ж*з), какъ объ этомъ можно судить изъ того, что монахъ Лаврентій въ 1377 году написалъ: „Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи Лѣтописець, . и кончалъ есмъ... при епископѣ *нашемъ* христолюбивѣмъ священномъ Дионисьѣ *Суждальскомъ* и Новгородьскомъ и Городьскомъ“ (Лѣт. по Лавр. сп. Спб. 1872. Стр 463). Въ этомъ словѣ *ж* и *з* были мягкими: подъ 1164 г. (ibid. 334) читаемъ: пископу *Сужьдальскому*. Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки, написанной въ самомъ городѣ Смоленскѣ въ 7003-мъ (1495) году, какъ видно изъ приписки къ ней самого переписчика „раба Божіа Авраамка“ (П. С. Р Л. XVI т. Спб. 1889. Стр. 319 –320), мы постоянно встрѣчаемъ смѣшеніе начертаній *ц* и *ч*, мягкое *ц*, примѣры смѣшенія *з* и *ж*, *с* и *ш*: в Торопечь, на рѣчѣ Хзѣ—стр. 48. Новгородчи—53 в черньчохъ—56. Срв. в черньцохъ – 62. Новгородчовъ, Наугородчемъ —63. Срв. 68. свиньчомъ—69. Пьсковици, городцанѣ—89. Галичкого—90. старечь цернець, писечъ, неисцетно, священничи— 219. налѣзе Вятицы и рече Вятицамъ—237. (*ц* твердѣетъ; срв. цариця—40. Богородицю—47. Колесницю — 65. Пьсковици, у Псковичь, Пятницю — 77. улицю—82 и мн. др.); Псковицѣ, Псковицамъ—66. при владычѣ—67. Нѣмѣчкого, по Величи дни, Городѣчкую Корѣлу, на Вочкую землю—70. Бориса Сѣменовица—71. митрополица благословеніа—род. п. ед. ч.—74. Онцифоръ и Ончифоръ—74. Полотчкого князя—76 тысяцу—вин.—79. с конча града — 97. Зубчовъ (городъ Зубцовъ нынѣшней Тверской губ.), остріемъ меца умроша—100. на рѣчѣ на Овлѣ—102. вѣсти про царевица—104. околницѣй—106. (окольничій) и мн. друг. При этомъ также: Суждаль, на Суждали—44. Суждалю—45. Суждалца—46. Суздаль, Суздальского—90. 105. Срв. 312 313 и мн. др. Кромѣ того: И отъ того времени нача *княженье* великое держати князь.... 208. *с—ш*: ускуи—62.

Срв. Пришли Новгородци въ *ушькуихъ*—92. ушькуйници, 70 ушькуевъ—101. на шнекахъ—191. (въ Псков. 2-ой лѣтоп. мы ниже встрѣтимъ: „снеки“); что-же касается собственныхъ иностранныхъ именъ, то и они могли являться въ русскомъ произношеніи въ двоякой формѣ: и со звукомъ *с*, и со звукомъ *ш*: Магнушь король свѣйскый—78. къ Магнушу—79. (конечно, эти формы могли *цѣликомъ* попадать со звукомъ *ш* съ запада къ намъ, но мы увидимъ не на всѣхъ именахъ это; съ другой стороны и „Магнушъ“ является въ формѣ „Магнусъ“). Въ Псковской 2-ой лѣтописи (П. С. Р. Л V. Спб. 1851), гдѣ діалектическій элементъ выразился тоже въ смѣшеніи звуковъ *ц* и *ч* (изъ $ц^{ч}$, $ч^{ц}$), мы имѣемъ: Москвици и Москвичи—Стр. 36. за Юрьевчевъ—33. посла своего царевица—44 и мн. др., а также: съ многыми замысленіи—8 (впрочемъ, можетъ быть, это и болѣе древняя форма, другого образованія. Срв. Ряз. Скоп. смыслёнай (не—*ё*) и обыкновенное: смышлёный); ѣхавше Нѣмци *у снекахъ* и въ лодьяхъ—32. (срв. выше въ Лѣт. Авраамки: на шнекахъ—191); въ многыхъ *снекахъ* пріѣхаша—39 но: влѣзше въ *шнеки* по сту человѣкъ—40. Магнушемъ, Магнушъ—52. *з—ж*: бѣста князяще въ Кыевѣ—стр. 1. Изяславъ и Ижославъ (?)—стр. 2. Срв. *железа*—30 и *жолоза*—14. 23. 25. и померже вшедшей ржаный корень—44. (быть можетъ, вмѣсто: померзе?). Въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. мы имѣемъ: гочкый, оу жельза оусадить (сп. А.), но: оу зельза оусадите (списокъ С.); ко жельзоу горячемоу (сп. А.); но: ко железу горацему (сп. С.); мьчемь (сп. А.), но: мецемь (сп. С.); оучинить насилиѥ (сп. А.), но: оуцинить насилие (сп. С.); на Вълъцѣ (сп. А.), но: на Волоче (сп. С.); бирица—А и С; что *мьжить* оу стоѥ Бце на горе (сп. А.), но: что *мьзить* оу стое Бце на горе (сп. С.); кѫпьчь (сп. А.), но: купець (сп. С.); на Гочкомь берьзѣ (сп. А.), но: на Гоцкомь бѣрезѣ (сп. С.)—Рус.-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 420—442. Въ Грам. 1230 г. (ib. Прилож. 452)—соуличами, Немьчемъ, при Романовиці и друг. Въ Грам. литов. кн. Герденя 1264 г. мы видимъ также *ц* вм *ч* и наоборотъ: земля словетъ Полочькая, Немечькому гостю, князя Полочького, в Любьце—№№ 25 a. 25 b. Рус.-Лив. А.; въ Грам. 1281 г. (митр. Рижскаго къ Смол. князю Ѳеодору): ко владычѣ, концяти, человании—№ 34; въ Грам.

Витебской ок. 1300 г.: мець, челования, доконцанъ, отъ отчовъ, у своемь сердчи, Немчи, сердчемь и мн. др —№ 49. Въ Полоцк. Грам 1399 г.: Полоцаномъ, Полочяномъ—ib № 122. Срв. также Полоцк. Грам. ок. 1400 г.—№ 134 и друг.

Теперь приведемъ нѣкоторыя данныя изъ Новгородской области и Двинской. Здѣсь прежде всего остановимся на лѣтописи Новгородской XIV в. (по Синод Харат. списку. Фототип изд.). Напр., ꙗрославиць—стр 6. сѣцѧ—8. скопечь — 10. игоревиць—15. хощю — 27. ꙋересъ—28. ноць—42. съ цернигоꙋци, съ цернигоꙋчи—31. ництоже—ibid. помоць—67. хощю, хощемъ—67. просѧце—91. коньцаша—98. цьрнець—101. (срв. выше въ Смол. Лѣт.); въ чьрнецьстве — 103. слнчю—139. ноции—род. п. мн. ч.—143. человаста и цѣлова—152. 163. поидоша воююце—168 и воююче—167. дъцерь—172. и дъчерь—79. немоцьнъ—185. и немочьнъ—186. хочю—201. съ цьстью—202. помочью (срв. выше)—203. и помоцью—233. при цсл. помощь—240. въ цѣрниговъ—214, но: ис чѣрнигова—215. въ цьрниговъ—217. къ черниговоу—238. горцѧиши—226. просѧче—241. и просѧце—91. при цсл. пекоущесѧ—245 и мн. др. Здѣсь же находимъ: Суждаль—86. Срв. варѧзьскаѧ—87, гдѣ произошла просто ассимиляція звуковъ, какъ и нынѣ мы говоримъ: рйсскъй, варѧсскъй и т. п. Если считать Ипатьевскій списокъ Новгородскимъ, то и здѣсь мы найдемъ: грѣцька—л. 19. ст. 2. (срв наше: грѣцкій); чѣрь (вм. цѣрь)—л 44. ст. 1. грѣчкыи—л. 80. ст. 1. цююцю—л. 85. ст. 1. к бѣлоѡзерьчемь—л. 128. ст. 1. бѣлоѡзерьци—им. п. мн. ч.—л. 128. ст. 1. И: Суждаль—л. 171. ст. 2. к Суждалю—л 108. столб. 1 и мн. др Что касается Ипатьевскаго списка, то разсматриваемое явленіе въ немъ могло принадлежать, какъ мы видѣли, и югу, и сѣверу Россіи Въ различныхъ юридическихъ бумагахъ, какъ-то: судныхъ спискахъ, грамотахъ, духовныхъ, купчихъ и проч. мы также знакомимся съ этимъ фонетическимъ явленіемъ: къ Волочкому пути—АЮ. № 11. отъ ихъ же сродчевъ—АЮ. № 23. (выше мы видѣли различныя изъ этихъ словъ съ такимъ-же произношеніемъ и въ современныхъ намъ говорахъ). Истчи—АЮ. № 71. I. отцинѣ—ib. II. у Семеновица—ib. VIII. у пецати—ib. отечь, теличу—ib. IX. цѣмъ—XI. у Нестеровица, по ручью, съ руцья, песцаной—XV. у Васильевица—XVI. овьцю (ц мяг-

кое) пополонка—XVIII. уцястокъ, четвертая цясть, телицю (срв. выше), полътретьяцять, рицки, цто—XIX. земличи—XX. на Шипицю—XXIII. опричь—XXVI. опричъ, рупей, общую—XXVII цымъ—XXIX. Офремовицъ—XXXII. цимъ, отець—XXXIII. поповицъ—XXXVI. (№ 71). Очень много сюда относящагося находимъ также въ Духовныхъ Двинскихъ № 409: отцына, цимъ—VII. пять ноцей, ницто—X. Срв. въ № 422 (1571 г.): чимъ, церенъ, опроченъ (=опрочь) и др. Однако въ Корчемномъ Обыскѣ о крестьянахъ Суздальскаго Покровскаго монастыря 1639 года находимъ только: *Суздаль* съ *з*, а не *ж*—АЮ. № 60. А въ Договорныхъ Грамотахъ Новгорода съ Тверью XIII вѣка нерѣдко находимъ: *Суждаль*, *Суждальскій* (Собр Госуд. Гр. и Дог. I. №№ 2. 3).

Къ такимъ-же словамъ, какъ *Суздаль—Суждаль* въ области звука $з^{ж}$, $ж^{з}$, словамъ, колеблющимся постоянно въ памятникахъ письменности, относится въ области звука $с^{ш}$, $ш^{с}$ (*ц*—мы принимаемъ за слитный звукъ *т'+с'* а *ч*—за *т'+ш'*) слово: *сяберъ*, *сябры* Напр., въ Актахъ Юридическихъ мы находимъ: *сябры*—№ 2. (1483 г.), *сябрамъ*—№ 71. V. (Новгор. Купчія XIV—XV в.); *сябрѣхъ*, *сябры*—№ 90 (1578 г.); *сябрѣхъ*—№ 95 (1596 г.). Но въ формѣ: шаберъ—мы находимъ въ Судной Новгор. Грамотѣ 1471 г (А. А. Э т. I. № 92), срв. *сябра*—Акты Ю. и Зап. Рос. Т I. № 230 (Данная 1487 г.). Въ настоящее время мы тоже имѣемъ въ этомъ словѣ колебаніе звуковъ *с* и *ш* по говорамъ. Такъ, въ Вятскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ, Пензенскомъ, Симбирскомъ, Астраханскомъ краяхъ мы имѣемъ—*шабёръ*, *шаберъ* (Опытъ обл. Словаря. s. v.); въ Ряз Псков. Зап. Тверск. Кур. Тмб.—*сябёръ* (сябра́, сябры́,—о́въ.... Въ Опытѣ обл. влкр. Слов. s. v. *невѣрно* показано удареніе въ Ряз. Скопин.)—*Даль*. Словарь. s. v. сябе́ръ и шабе́ръ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ показана и та, и другая форма: Псков. Тмб. Тверск. (см. ibid. *Даль*) Мы опять не касаемся вопроса о происхожденіи этого слова: русское оно, или заимствованное, намъ для нашихъ цѣлей все равно: важно только то, что на *русской почвѣ оно звучитъ двояко* и въ древнемъ русскомъ языкѣ, и въ современномъ. Мы выше уже приводили дублеты: смысленый и смышленый; замѣтимъ, что въ Словѣ о П И. мы такъ-же, какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ, находимъ: „томѕ вѣщии Боянъ и прьвоѥ припѣвкѕ *смысленыи* рече“. Здѣсь

же находимъ: *шизый* при обыкновенномъ *сизый*; срв. *шéрый* при *сѣрáкъ* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (*Носовичъ*. Словарь. s. v. ѣ.) [1]). Срв. далѣе наше: *скирдъ* при діал. *шкирдъ* (Казан. Спас. Дополненіе къ Опыту Обл. Словаря. s. v.); *в-склянь*, *склень*, *склянo*, *скляный* (Олон. Новг. Арх. Вят Перм. Твер. Волог. Псков Ряз. Скоп.: *фскля́нь*) при: *шкляно*—Арханг. (Опытъ... s. v.); *солúтъ* при *шолúтъ* — Владим Меленк. (Опытъ. s. v.). Здѣсь странно *твердое с—ш*... [2]). Срв. также *шти* (щи) изъ* съти (Соболевскій); народное *радошенъ* при *радосный* (срв. *Соболевскаго*. Изъ исторіи р. яз. Ж. М Н. Пр. 1894. XI.—изъ *ст.*); др. р *покосьнъ* при *покошьнъ*: въ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: всако мѣсто на молитвоу *покошено*—л. 35 b. с. (Изд. Общ. Люб. др. Письм.), а въ Изборникѣ 1076 года находимъ: вьсако мѣсто на млтвоу *покосьно*—л. 231 б. (*Шимановскій*. Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ. Приложеніе. Стр. 94. В. 1887 г.). Оба памятника принадлежатъ одному времени и одному южнорусскому говору [3]). Далѣе, въ народныхъ говорахъ часто является произношеніе: Шкуратовиць вм. Скуратовичъ (Малюта)—напр., въ пѣснѣ Олонец. губ Повѣнец. у. (Сборникъ *Истомина*. Стр. 52. 53), какъ и во многихъ Историческихъ пѣсняхъ народа; (срв. *скорá* въ Лѣтописи и *шкура*; *скорлупа* и новорос. *шкорлупа*); многія слова перешли къ намъ изъ другихъ языковъ и извѣстны или въ двоякой формѣ, или въ формѣ, впервые, вѣроятно, услышанной: напр., свейскій, свецкій, швецкій: „А росплачутся Свецкіе Нѣмцы“ [4]). *Шивордъ*—Si-

---

[1]) См. *Карскаго* Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи. М. 1886. Стр 78. Относительно звука *с* въ блр. см. здѣсь стр 24. со ссылкой на *Каткова* (Объ элемен и фр 99), который говоритъ, что бѣлорусское *с среднее между с и ш*.

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ первоначальная близость *с'* къ *ш'* повела съ теченіемъ времени къ смѣшенію *с* и *ш* твердыхъ. Таковы говоры въ Казан. губ. См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 23. *Богородицкій*. Говоръ деревни Бѣлой Каз. губ (Учен. Зап Каз. Унив 1895. Кн. V—VI. Стр. 123).

[3]) *Соболевскій* Источники для изученія др. Кіев. говора. Ж. М. Н. Пр 1885. № 2.

[4]) Такъ въ «Русской Христоматіи» Буслаева. 1870 г. Въ Истор. Хр.: «А росплачютца Свѣцкие Немцы». Стр. 1033. Въ Лѣтописи мы имѣемъ: *Шимонъ—Симонъ*.

vert—Грам. 1257 г.; *шабля* (млр. польск.)—*сабля*. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ словахъ, гдѣ звукъ *ш* можетъ быть занесенъ изъ другого слога въ сосѣдній по ассимиляціи: Шашецька—Сашецька—Сборн. Истомина. Стр 172. шашнáтцáть—ряз. и друг. Нѣкоторые говоры нынѣ знаютъ уже замѣну твердаго *с* (*ш*) твердымъ *ш* (*с*) или смѣшиваютъ твердые *з* и *ж*, равно какъ употребляютъ и твердое *ц*, и, что̀ однако очень рѣдко, полутвердое *ч* (тш) [1]). Очевидно, судьба звуковъ: *ш*, *ж*, *ч*, *ц* была одинакова въ томъ отношеніи, что они всѣ направлялись отъ *очень мягкихъ ш*^{c} (*с*^{ш}), *ж*^{з} (*з*^{ж}), *ч*^{ц} (*ц*^{ч}) къ болѣе твердымъ звукамъ; нѣкоторые изъ нихъ теперь находятся на одномъ пунктѣ своего историческаго пути, другіе—на другомъ. Въ родственныхъ языкахъ извѣстно тоже это явленіе, а потому до извѣстной степени можно его возводить къ общему индоевропейскому праязыку. Мы, напр., знаемъ *двоякое s* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *s* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *s* въ различныхъ родственныхъ языкахъ: срв. звукъ *х* въ стрсл. между извѣстными гласными и передъ гласными въ словахъ: врьхъ, мѣхъ при литов. virszùs, máiszas и* кьхъ (въ Грам 1192 г. Варл. Хутынскаго): вхоу же тоу землю Хоутиньскоую. ..—*Срезневскій.* Пам. р. п. и яз. (Изв АН. Х. вып. V. Стр. 510) при лит. visas [2]); или стрсл. оконч. мѣстн. пад. мн. ч.—*хъ* при лит.—*se* (др инд.—*su*); стрсл. *снъха*—лат. *snusus; оухо—лит. ausís и друг. Наконецъ, не менѣе другихъ случаевъ интересное индоевропейское *s* во 2 л. ед. ч. наст. времени! Почему здѣсь еще въ общеславянскую эпоху явилось при—*si*—*ši*? Стрсл.—*си* и—*ши*. Вѣдь, было-же когда нибудь только *s*, и это *s*, вѣроятно, было *s'*, т. е. изображаемое нами *с*^{ш} или *ш*^{с}. Кромѣ извѣстныхъ формъ на—*си*, при которыхъ однако въ русскомъ мы имѣемъ: ѥси (еси), но *дашь*, а даси не осталось, если не считать нѣкоторыхъ формъ *въ былинахъ*, еще въ XV вѣкѣ, въ Лукиномъ Ев. 1409 г. мы читаемъ: въ wче твоѥмь не *чюѥси*—97. (*Буслаевъ.* Матеріалы...). По отношенію къ звукамъ *с* и *ш* къ нашимъ касимовскимъ говорамъ опять ближе

---

[1]) См. предыд. стр. примѣч. 2.

[2]) *Miklosich.* Etym. Wtb. s. v. vĭsĭ.

всего стоятъ говоры Вятской губерніи и, пожалуй, бѣлорусскіе (см. выше замѣчаніе *Каткова*). Въ Вятскомъ мы имѣемъ: яисьница, дивисьникъ, молосной, списъ (=спишь—2 л. ед. ч.) [1]; это же явленіе извѣстно и въ Архангельской губ: королéвисьня, плата гудóсьная, зысьной голосъ [2]); въ Вологод. губ.: молосной (Живъ Стар. 1894 г. Номера не помню и фамиліи наблюдателя. Въ Велико-Устюж уѣздѣ), но здѣсь всетаки мы имѣемъ вездѣ *с* изъ вторичнаго *ш*, изъ *ч*, не то, что въ вятск. *списъ*. Въ Сибири: больсóй, зáрко и друг. [3]). Въ блр. мы имѣемъ: залко, зазги, ва цузыхъ людзехъ, лóзыцка, сацеръ (шатеръ), сярдзѣцусько (Смолен. губ.) [4]); залѣзный (Минск. губ. *Шейнъ*. Матеріалы. II. 547. Впрочемъ, это слово—такое-же, какъ *Суздаль*, *сябéръ*, *цыпъ*, въ которыхъ намъ завѣщано воспоминаніе о *среднихъ* общерусскихъ звукахъ передне-небныхъ: *зелѣзо* при *желѣзо* мы имѣемъ во всѣхъ говорахъ, какъ и *земчугъ* при *жемчугъ* (зéмчукъ—Ряз. Спас. с. Ижевское); срв. др. рус. *зълчь* при *жълчь*. Въ сѣв.-блр. говорахъ: лезáла, взе (=уже), высла, цорный, сце (=еще), зыў (=жилъ), прысóў (=пришолъ), жемлянкы, у шынего мора, трыйчать літъ [5]) (Гродн.) Въ Люблин. говорахъ *ші=сі*, хлопчі, свѣтлоньчі [6]). При этомъ обзорѣ проливается нѣкоторый свѣтъ и на личное окончаніе глаголовъ во 2 лицѣ: *си—ши* Къ такимъ-же словамъ, какъ *цыпъ* при *чепь*, имѣвшимъ, вѣроятно, нѣкогда звукъ средній *ц*^{ч} или *ч*^{ц}, принадлежитъ, кажется, и др. русское: *коць—кочь* (епанча). Въ Воскр. Лѣт подъ 6754 г. и въ Соф. I. 185 мы имѣемъ: *кочь*, а въ Духовной Ив. Калиты 1327 г. (*московскій* памятникъ) имѣемъ: *коць* (См. Словарь *Срезневскаго*. s. v.) [7]). Въ этомъ бѣглымъ обзорѣ мы не при-

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Стар 1892. II 21. 22. 20.

[2]) Ibid. 15.

[3]) Ibid. 25. Въ Новгор. Черепов. *порозной* (порожній)—Жив Стар. 1894. Тотъ-же номеръ, гдѣ и Вологод. Вел. Устюгъ.

[4]) *Соболевскій* ib. III 10.

[5]) Ibid. IV. 33.

[6]) Ibid. IV. 46.

[7]) О звукѣ *ц* (ts) см очень интересную статью въ Indogerm. Forschungen. IV. 1894. Ss. 341—351. *Braune*. «Germanisches *ss* und die Hessen». «Die Verbindung *ts* entsteht gern *durch Affrikation* aus t»... «Die Gruppe *ts* ist also die recht eigentliche Affrikata zu *t* Межзубной t (inter dental)—см. *Brugmann*. Morph. Untersuch. III. 133. 137. ff. Я думаю то-же можно сказать о звукахъ *дз* (ƶ) и его видоизмѣненіи *дж* (ǯ)

водили, конечно, очень многихъ данныхъ, касающихся *цоканья* и *чеканья*, изъ *раннихъ* памятниковъ др. русской письменности, такъ какъ данныя для мѣны *ц* и *ч* уже давно трактуются въ разныхъ изслѣдованіяхъ и общихъ курсахъ, между тѣмъ какъ смѣшеніе звуковъ *з* и *ж*, *с* и *ш* менѣе наблюдалось, и этотъ отдѣлъ страдалъ даже отсутствіемъ необходимыхъ примѣровъ изъ источниковъ [1]).

Обозрѣвъ вкратцѣ эти *средніе* звуки въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, невольно замѣчаешь, какъ тѣсно сближаются другъ съ другомъ даже въ наше время говоры одного нарѣчія, нарѣчія одного языка и языки одной семьи. Это служитъ надежнѣйшимъ ручательствомъ за то, что мы вправѣ искать для отдаленнаго прошлаго этихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ одного общаго предка, изъ котораго бы можно было вывести современныхъ намъ потомковъ. Напримѣръ, такія произношенія въ русскихъ говорахъ, какъ: з^{ж}има́, з^{ж}имо́й (выше), при сравненіи съ произношеніемъ zima въ славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, указываютъ какъ-будто на *среднiй* звукъ въ этомъ словѣ только для діалектовъ общерусскаго языка [2]), между тѣмъ какъ въ общеславянскомъ здѣсь надо признать, вѣроятно

---

[1]) Здѣсь мы не приводили данныхъ, очень интересныхъ, напр., изъ: Стихираря 1157 г, Русской Правды (по сп. 1282 г.), Минеи 1096 г., Милятина Ев. 1215 г, Сказанія о Бор и Глѣбѣ по Сильв. сп., изъ Моисеева Ев. 1355 г. и друг Замѣтимъ однако Поликарпово Евангеліе 1307 г. (гал.-вол.): наполни гоубоу w҃чта—85 об 109. *Буслаевъ*. Матеріалы... *Соболевскій*. Очерки изъ ист. р языка. Стр 39 (смѣшеніе *з* и *ж*).

[2]) Для діалектовъ общерусскаго языка нельзя не признавать такихъ среднихъ звуковъ въ виду свидѣтельства многихъ русскихъ говоровъ. См. выше. Сравни замѣчаніе *Колосова* о вятскомъ говорѣ: (Замѣтки... ib. Стр. 225): «яисьница, дивисьник». «Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ, *т* въ *пѣть* слышалось мнѣ (м. Чепца) мягче, чѣмъ *тъ*, и тверже, чѣмъ *ть*; *с* въ сейдас', хорошос', вчерас' (=хорошо-съ, вчера-съ)—тверже *съ*, мягче *сь*». Здѣсь-же зелѣзной, рогозка—Стр. 226. Слово «зелѣзный» принадлежитъ къ такимъ же, какъ: зе́мчукъ, Суздаль, чепь, ше́рый и проч. См. выше. Срв. въ пѣснѣ Вят. губ. у *Колосова*—по земчужинкѣ—Стр. 252. Крыша зелѣзная—263 безвѣшно—въ сказкѣ—ib. 279. Въ муромскомъ. салаш, ошмѣлился—ib. 299. Въ Вологод. губ—ib Стр. 330. Суф.—*ьск*, какъ и въ

звукъ *ź* (изъ общеиндоевроп. g'h—средненебнаго), но я не знаю, такъ-ли это и вполнѣ-ли это вѣрно: при такомъ признаніи мы, кажется, не принимаемъ въ расчетъ того обстоятельства, что и въ слав. языкахъ звукъ *ź* въ такихъ словахъ *не вездѣ одинаковой мягкости*, а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žemà). Срв. степень мягкости звука *ź* въ слав. языкахъ въ словѣ *zemja и *zeme'a и литов. ž въ словѣ žémė. Въ настоящее время, мнѣ кажется, необходимымъ признавать для прарусскаго языка звука $з^{ж'}$ или $ж^{з'}$ при *з'*, *ж'*, звуки $с^{ш'}$ или $ш^{с'}$ при *с'* и *ш'*, звуки $ц^{ч'}$ или $ч^{ц'}$ при *ц'* и *ч'*, причемъ послѣдніе два звука: *ч* и *ц* относятся къ простымъ звукамъ *с* и *ш*, какъ слитные съ ними и зубнымъ мгновеннымъ глухимъ *т*, т е. это *аффрикаты*, какъ и звуки $д^{з'}$, $д^{ж'}$ при *д*, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. По отношенію къ зубнымъ звукамъ мы уже признаемъ въ общеславянскомъ языкѣ двойной типъ ихъ мягкости: bj и bl^1 и т. д., по отношеніи къ зубнымъ *d* и *t* мы тоже должны признавать еще въ общеславянскомъ и *s* и ц (ћ), съ одной стороны, и $д^{ж}$ (ђ) и $т^{ш}$ (ч), съ другой, равно и по отношенію къ звукамъ *с*, *з* это признаніе необходимо: были звуки: *с'* и $с^{ш'}$, *з'* и $з^{ж'}$. При этомъ въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, опредѣлятся и тѣ условія, при которыхъ появлялись звуки *средніе* и звуки *простые*: надо прослѣдить, при какихъ условіяхъ въ родственныхъ языкахъ появлялась *различная* мягкость одного и того-же согласнаго, и изъ какого согласнаго звука праязыка слѣдуетъ выводить тѣ звуки родственныхъ языковъ, которые, не отличаясь въ нихъ своей природой, отличаются только степенью мягкости, иногда доходящей до крайней степени и граничащей съ измѣненіемъ самаго качества звука. Всѣ эти *средніе* звуки, конечно, получаются при смягченіи, т. е. относятся къ группѣ общеславянскихъ *смягченныхъ*: с (ц), *s* (дз), č (ч), ǧ (дж), $čt^1$ (т'ш'т'—чт'), gd^1 (джд'), šč (ш'т'ш'), žg (ждж') и, вѣроятно,

---

нашихъ говорахъ, мы видимъ у *Колосова* въ различныхъ говорахъ, преимущественно, въ вятскомъ и муромскомъ—см. стр. 225. 298 299. 327. 20. Діалект *тѣтъ* и *свѣтъ* при *цвѣтъ* и *чвѣтъ* (*швѣтъ?) доказываютъ происхожденіе звука *ц*

составляютъ *особаго рода* звуки s^1 ($c^{ш}$), $š^1$ ($ш^{с}$), z^1 ($з^{ж}$), $ž^1$ ($ж^{з}$), c^1 ($t+s^1$; $ц^{ч}$), $č^1$ ($t+š^1$; $ч^{ц}$). Особое s^1 признается лингвистами, что же касается особыхъ $š^1$, z^1, $ž^1$, c^1, $č^1$, то они еще не изслѣдованы [1]).

Переходимъ къ звуковой группѣ жд. Въ той же VII-ой главѣ I-ой части мы видѣли разные рефлексы въ произношеніи звуковой группы *жд* разнаго происхожденія въ нашихъ говорахъ. Мы указали тамъ на произношеніе двойного твердаго *жж*, двойного мягкаго *ж'ж'* и остановились съ особеннымъ вниманіемъ на произношеніи звуковъ *жд* (изъ жьд-) въ словѣ „*ждать*“ съ его формами въ нашихъ касимовскихъ говорахъ Мы видѣли произношеніе: жжа́ть и съ разными звуковыми оттѣнками. Оказывается, что параллели къ этому произношенію есть. Подобное произношеніе слова „ждать“ стоитъ вовсе не особнякомъ, какъ оказывается, въ нашихъ говорахъ: оно извѣстно и въ Нижегородской губерніи [2]). Въ Смоленской губерніи, въ *не цокающихъ* говорахъ Смоленскаго, Ельнинскаго, Порѣцкаго, Духовщинскаго, Бѣльскаго и Рославльскаго уѣздовъ, составляющихъ въ діалектологическомъ отношеніи *одно цѣлое* [3]), группа *жд* переходитъ въ *жж*: жжи = жди, жжешъ = ждешь [4]). Эта группа говоровъ *не знаетъ дз* и *ц* (изъ *т'*) и сильно акаетъ, между тѣмъ какъ наши говоры знаютъ и *жж* изъ *жд* и въ то-же время знаютъ *дз*, $т^{с}$ (почти *ц* изъ *т'*. См. ниже), знаютъ $д^{ж}$ (ђ), $с^{ш}$ (ç), $з^{ж}$ и *цокаютъ* или употребляютъ *среднiй* звукъ $ч^{ц}$ ($ц^{ч}$). Затѣмъ и группа Смоленскихъ говоровъ не цокающихъ знаетъ *ў* вмѣсто *в* и *л*, и наши говоры знаютъ это *ў*, какъ отчасти мы видѣли выше и какъ увидимъ ниже, въ отдѣлѣ *губныхъ* звуковъ. Это

---

[1]) Срв. у *Шахматова.* Лекціи по р. языку, чит. въ Моск. Унив. 1890 — 91 г. Стр. 118 (литогр.).

[2]) См. *Б. М. Ляпунова.* Нѣсколько словъ.... Спб 1894. Стр. 24—25. См. также «Поправки и дополненія» въ концѣ брошюры со ссылкою на мой «Отчетъ». Стр. 36. Я тоже согласенъ съ *Ляпуновымъ*, по крайней мѣрѣ, для говоровъ Касим. края, что форма жжо́т и под. изъ жджёт. Срв. выше въ текстѣ: «паждыда́ли» и др. Въ нашихъ говорахъ, вѣдь, есть звукъ $д^{ж}$ (ђ). Точно такъ-же нашу форму: *пъжджу* (Андроново) я объясняю изъ *пъждю* черезъ ѣ$ж^{д}$ю—ѣжджю—ѣжджу.

[3]) *Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. III. 13.

[4]) *Соболевскій.* ibidem.

обстоятельство сходства и крупнаго различія между нашими говорами и бѣлорусскими смоленскими весьма важно въ томъ отношеніи, что устраняетъ совершенно предположеніе о томъ, что наши говоры образовались изъ какихъ либо западно-русскихъ послѣ переселеній. Сравнительно съ сѣверно-русскими говорами наши говоры также имѣютъ такія особенности (*жж*, *ц* изъ *т*', *т*ш изъ *т*', *д*ж, *з*ж и друг.), какихъ мы не находимъ въ сѣверно-русскихъ или находимъ, какъ рѣдкость. Слѣдовательно, нельзя видѣть въ поселенцахъ или жителяхъ Касимовскаго края ни бѣлоруссовъ (вѣрнѣе: западныхъ русскихъ), ни сѣверно великороссовъ, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ мѣстъ, говоръ которыхъ намъ извѣстенъ по настоящее время. Напротивъ того, можно съ извѣстной степенью вѣроятности подымать вопросъ о разселеніи племенъ изъ центральной Россіи, изъ тѣхъ мѣстностей, говоръ которыхъ мы теперь изучаемъ и говоръ которыхъ, вѣроятно, въ древности слышался на берегахъ Оки по всему ея протяженію (см. выше), въ западныя края Россіи, а, можетъ быть, и на востокъ по рѣчной системѣ Оки, Волги, Камы, Вятки, и послѣднее становится тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ мы глубже вникаемъ въ современную намъ діалектологію. Въ самомъ дѣлѣ, допустить, что нѣкоторые звуки пропали на западѣ послѣ выселенія туда нѣкоторыхъ русскихъ племенъ изъ центра, легче, чѣмъ допустить появленіе *новыхъ* звуковъ, которые сами по себѣ и при сравненіи различныхъ русскихъ говоровъ указываютъ на свою древность; кромѣ того, появленіе такихъ звуковъ, какъ deus ex machina, въ нашихъ говорахъ точно такъ же невозможно. Есть еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу *особыхъ при Окскихъ говоровъ* въ древности, сохранившихся частью въ нашихъ говорахъ Касимовскаго края, это—то, что наши говоры при сравненіи оказываются довольно близкими *по своему консонантизму* къ говорамъ Муромскаго (и Меленковскаго?) уѣзда Влад. губерніи, но эти послѣдніе *ѐкаютъ* (кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ деревень и селъ въ Меленковскомъ уѣздѣ), а наши *ѐкаютъ*. Быть можетъ, Муромо-Рязанская земля, какъ политическое цѣлое, имѣла когда-либо и *одинъ говоръ*, принадлежавшій по своему вокализму къ типу *умѣренно акающихъ* говоровъ, т. е. къ типу говоровъ, въ которыхъ былъ звукъ *о*ъ въ положеніи безъ ударенія, тогда возможно будетъ представить себѣ раздѣленіе этого общаго говора (*съ нашимъ консонантизмомъ*) на двѣ вѣтви въ эпоху образованія *ѐканья*: на ѐкающую, въ

которой звукъ *о* взялъ перевѣсъ, и акающую, въ которой взялъ перевѣсъ звукъ *а*, или оттѣнокъ *а*. Конечно, странно, что письменность намъ не сохранила ничего достовѣрнаго насчетъ говора древнихъ русскихъ племенъ этого края, въ частности насчетъ говора *вятичей*, но мало-ли чего не сохранили намъ памятники письменности *относительно языка*. а, съ другой стороны, нѣкоторыя крупицы мы находимъ даже и въ письменности (см. выше) въ пользу нашего предположенія, не говоря уже о свидѣтельствѣ современныхъ говоровъ, которые на нашъ взглядъ, очень *многое* даютъ намъ для построенія нашего предположенія о говорѣ *вятичей*.

Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующей главѣ о звукахъ зубныхъ *д* и *т*, я подведу итогъ всему тому, что сдѣлано мною въ этой главѣ о звукахъ *среднихъ* и *слитныхъ* смягченныхъ передне-небныхъ и зубно-передне-небныхъ.

Мы видѣли выше, что на пространствѣ сѣверныхъ, среднихъ, западныхъ и частью южно русскихъ говоровъ чередуются нынѣ *въ нѣкоторыхъ словахъ* звуки: *ч* и *ц*, *ж* и *з*, *ш* и *с*; въ этихъ словахъ мы выше признали остатки древне-русскаго *средняго* произношенія звуковъ $ч^{ц}$ ($ц^{ц}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), которые были въ языкѣ еще въ прарусскую эпоху. Къ такимъ словамъ принадлежатъ слова: цѣпь и чепь, желѣзо и зелѣзо, шерый и сѣрый (быть можетъ, шизый и сизый) Мы видѣли также, что звуки *ц* и *ч* нынѣ находятся на пространствѣ всего русскаго языка, но *съ различной мягкостью* по говорамъ: то *ц*—мягкое, то—полумягкое, то—твердое [1]); въ тѣхъ говорахъ, гдѣ до сихъ поръ *ц*—мягкое мы обыкновенно замѣчаемъ его чередованіе съ *ч*, т. е. *чёканье*; само-же *ц* отвердѣваетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не стоитъ передъ мягкимъ согласнымъ, т. е, въ большинствѣ случаевъ. гдѣ это *ц* не получилось изъ задне-небнаго звука. Эти случаи твердаго *ц* (напр., въ глаголахъ, гдѣ получилось окончаніе:—тца,—тцы...), естественно, повлекли за собой отвердѣніе и мягкаго *ц*; явилась возможность замѣны не только мягкаго *ц* звукомъ *ч*, но и твердаго; звукъ *ч* самъ сталъ діалектически твердѣть, что стоитъ въ связи съ судьбой близкаго къ нему звука *ц* [2]).

---

[1]) См. примѣчаніе 1 на слѣдующей страницѣ.

[2]) Звукъ *ч* твердѣетъ въ Новгор. губ. *Колосовъ*. Замѣтки. ibid. 19. Срв. наши говоры Ряз. губ. въ текстѣ выше о звукѣ *ч*.

Аналогія полная замѣчается и въ судьбѣ звуковъ *с* и *ш*, *з* и *ж*: они съ теченіемъ времени стали чередоваться и въ твердыхъ слогахъ, но еще на памяти исторіи, въ памятникахъ письменности, они были звуками *мягкими* въ извѣстныхъ случаяхъ и сочетаніяхъ (*ж* и *ш* всегда, а *з* и *с* въ извѣстныхъ случаяхъ: *польза*, *въсѣ* при *въса* Срв. др. польское wsza; wszego и wszej, wszemu и друг. См. *Kalina* Histor a języka polskiego. Lwów. 1883. Стр. 255. 260. 262. 265 и др.)) Нѣкоторые древне-русскіе говоры въ памятникахъ своей письменности сохранили на письмѣ доказательства того, что писцы затруднялись во многихъ случаяхъ постановкою *з* и *ж*, *с* и *ш* (памятники псковскаго письма). Въ древности говоровъ со средними звуками было гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ; къ такимъ говорамъ принадлежали и говоры бассейна рѣки Оки и говоры нынѣшней Смоленской и западныхъ сосѣднихъ губерній (см. Смоленскую лѣтопись). Съ теченіемъ времени говоровъ со средними звуками осталось немного вслѣдствіе массы случаевъ отвердѣнія или органически твердыхъ въ языкѣ звуковъ *ц* и частью *ч* (изъ сочетаній *т*+*с* въ словахъ и *т*+*ш* въ словахъ: см. глагольныя формы и случаи вообще исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* между этими согласными), звуковъ *з* и *с* и частью *ж* и *ш*, начавшихъ твердѣть очень рано. Въ настоящее время есть повсемѣстно почти слѣды существованія мягкихъ среднихъ звуковъ [1]), а потому они должны быть

---

[1]) Мы сдѣлали слѣдующее наблюденіе въ различныхъ русскихъ говорахъ по печатнымъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ: а) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* до сихъ поръ сохранился мягкимъ: въ этихъ говорахъ, по преимуществу, изслѣдователи отмѣчаютъ и *чеканье*, и *средніе* звуки (*чц*, *ц*ˇ или мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*); b) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* рядомъ и *мягокъ* и *твердъ*, т е. на пути къ отвердѣнію, какъ и звукъ *ч*. Въ этихъ говорахъ *чеканье* встрѣчаемъ рѣже, звуки средніе—также; с) есть, наконецъ, говоры, въ которыхъ звукъ *ц* отвердѣлъ. Въ этихъ говорахъ замѣчательно то, что имъ извѣстно также *чеканье* и *средніе* звуки, т. е. эти говоры, стало быть, употребляютъ *ч* мягкое (чёкаютъ) вмѣсто *ц* твердаго, слѣдовательно, измѣняютъ самый характеръ согласнаго звука Такое явленіе, какъ *чеканье* и *средніе* звуки въ говорахъ съ *твердымъ ц*, доказываетъ собой, что нѣкогда и въ этихъ говорахъ звукъ *ц* *былъ мягкимъ*, когда и понятно было чёканье въ нихъ и средніе звуки. Процессъ отвердѣнія звука *ц* въ діалектахъ извѣстенъ; звукъ *ц* раньше звука *ч* началъ твердѣть въ этихъ говорахъ, т к. въ русскомъ языкѣ вообще были примѣры твердаго *ц*, получавшагося еще

признаны въ томъ или другомъ произношеніи звуками прарусской эпохи. Эти звуки сближаютъ въ отдаленнѣйшія эпохи жизни русскую вѣтвь съ вѣтвью другихъ славянскихъ языковъ и позволяютъ возводить существованіе такихъ звуковъ къ эпохѣ общеславянской (См. между прочимъ соч. *Лаврова.* Обзоръ звуковыхъ и форм особен. болгарскаго яз. М. 1893. Стр. 95—96).

въ эпоху исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* или вскорѣ послѣ нея въ глагольныхъ окончаніяхъ, особенно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *т* въ 3-хъ лицахъ глаголовъ былъ твердымъ; твердость звука *т* сообщилась и слѣдующему мягкому звуку *с*, откуда изъ:—т (ь, ъ)+с'а (въ оконч.—ТЬСА) получилось—тса, или, что то же,—ца и—тца. Подобныя сочетанія въ ушахъ говорящихъ звучали съ твердымъ *ц*, и это я считаю началомъ отвердѣнія звука *ц* въ русскихъ говорахъ Такимъ образомъ, прарусское мягкое *ц* и *средніе* звуки съ начала исторической эпохи (или даже раньше) уживались уже съ твердымъ *ц* въ различныхъ немногихъ случаяхъ. Дальнѣйшая судьба основного прарусскаго средняго звука *ц'* (чд), связанная тѣсно съ судьбой другихъ среднихъ звуковъ (см выше), была однородна у всѣхъ среднихъ звуковъ. мало-по-малу появилась возможность замѣны твердаго *ц* мягкимъ *ч*, велѣдствіе того, что рядомъ существовали формы съ мягкимъ *ч* и твердымъ *ц* которое, какъ мы сказали, отвердѣло гораздо раньше звука *ч*. Вотъ примѣры на группу говоровъ *а* и группу *с*: къ говорамъ группы *а* принадлежатъ говоры: *Новгородскій* (Колосовъ ib. 18—19. 121 Даль ib. XLVI); *Олонецкій*, въ которомъ звукъ *ц твердже* Новгородскаго, и при этомъ чёканье—*рѣже* (Колосовъ. 121. 122); *Вятскій* (Колосовъ. 224. 225 226. 252. 263. 279. мѣна *з* и *ж*, *с* и *ш*. Даль. L. Соболевскій. Жив. Ст. ib. II. 20. 21. 22); *Вологодскій* (Колосовъ. 329. 330. 331. *з—ж*, *с—ш*. Соболевскій ib. II. 15. 16. 17. Даль, XLIX См. здѣсь объ оконч. неопр. накл.); *Нижегородскій* (Даль LVII); *Архангельскій* (Даль. LII Соболевскій. ib. II. 14—15). *Это—говоры съ мягкимъ ц и. рядомъ съ чёканьемъ и среднимы звуками.* Къ группѣ говоровъ *с* принадлежатъ говоры: прежде всего говоры бассейна р. Оки (др. русскіе Вятичи): *Калужскій* (Даль. LXIII.), *Рязанскій* (сохранился около Касимова. Даль. LXII), *Тамбовскій* (Даль. LVII. LXV), *Владимирскій* (Даль. LIV. *с—ш*: «ясной пирогъ»=яшной пирогъ (ячной); «яшно на небѣ»=ясно на небѣ.. Звукъ *тш* въ Вязникахъ—ib. LV. «Молосное»=молошное (молочное); «пости́»=пошти́ (почти́); «свѣты» и «твѣты». Этимъ произношеніемъ обнаруживается составъ звуковъ: ч=т+ш (ш=с) и ц=т+с (с=ш), откуда: при пот'ш'ти́—пот'с'ти́—пос'ти́ и пош'ти́; при т'с'вѣты́—т'ш'вѣты́ (чвѣты́)—т'вѣты́ и с'вѣты́—*ш'вѣты́. Это мы имѣемъ въ Меленков. Муром. Вязников. Ковров. Шуйск. Суздальскомъ у.у.—ib LV. Срв. Соболевскій. ib. II. 19. Колосовъ. ib. 300 и прим. 1. а также 299); *Нижегородскій* (Даль. LVII. Соболевскій II. 19. Срв. также *Ляту-*

Глава V-ая.

Зубные звуки.

Въ этой главѣ насъ будутъ интересовать *мягкіе* зубные звуки *d* и *m*, которые представляютъ особенность въ произношеніи нашихъ касимовскихъ говоровъ. Извѣстно, что всѣ славянскіе языки по результатамъ измѣненій первоначальныхъ сочетаній *dj* и *tj* можно раздѣлить на двѣ группы, изъ коихъ въ одной группѣ, по преимуществу, въ юго-восточной группѣ языковъ, получились въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ *dj* и *tj* шипящіе звуки, а въ другой, по преимуществу, въ сѣверо западной,—свистящіе. Такое различіе въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ общеславянскихъ *dj* и *tj* по нарѣчіямъ можно себѣ объяснить тѣмъ, что общесл. *dj* и *tj* еще въ общеславянскомъ языкѣ, надо полагать, измѣнились въ $d^{i}d^{i}$ и $t^{i}t^{i}$, откуда также еще въ общесл. языкѣ получалось $\overset{v}{g}d^{i}$ и $\overset{v}{c}t^{i}$. Въ старосл. яз. $\overset{v}{g}$ измѣнилось въ $\overset{v}{z}$, а—$\overset{v}{c}$—въ $\overset{v}{s}$, такъ что получились: $\overset{v}{z}d^{i}$ (жд) и $\overset{v}{s}t^{i}$ (шт), между тѣмъ какъ въ группѣ западно-слав. языковъ общесл. $\overset{v}{c}t^{i}$ измѣни-

---

нова Указ. Соч. См. карту). Вотъ это—говоры, которые можно считать съ большою вѣроятностью потомками древнихъ Вятичей и изъ нихъ Рязанскій—Касимовскій самый типичный Въ виду большаго сходства съ нимъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ говоромъ, говора Вятскаго, мы признаемъ нынѣшнихъ Вятчанъ выселенцами съ береговъ Оки въ нынѣшнюю Вятскую губернію (См. здѣсь ниже). Далѣе идутъ говоры сѣверные, принадлежащіе къ группѣ *с*: *Костромской* (Даль. LVI.), *Ярославскій* (Даль. LVI. Соболевскій. II. 17—18), *Тверской* (XLVII стр у Даля и XLVIII. Соболевскій. II 17.); *Новгородскій* (Даль XLVI. Соболевскій. II. 10—12. Колосовъ. ib. 19). *Вятскій* (Колосовъ 224. Даль. L Соболевскій. II. 20—22), *Псковскій* (Даль. XLIX Соболевскій. I. 23—24), наконецъ, западно-русскіе говоры *Смоленской*, *Гродненской* и *Люблинской* губерній (Соболевскій. ib. III. 10. 11. IV. 33 46). Говоръ *Сибири* составился тоже изъ поселенцевъ съ такимъ произношеніемъ (См. Соболевскій. ib. II. 25. Даль. LXI). Нынѣшніе малорусскіе говоры принадлежатъ вообще къ говорамъ, въ которыхъ сохранилось *мягкое ц*, но слѣды среднихъ звуковъ (чёканье) почти исчезли (вспомнимъ: цуратися и чуратися, причепитися..), оставивъ по себѣ воспоминаніе въ памятникахъ древней письменности (изрѣдка) и въ нѣсколькихъ словахъ современной рѣчи (см. выше); но и въ млр. говорахъ, какъ мы видѣли выше, звуки *ц* и *ч* уже встрѣчаются мѣстами съ *твердымъ* произношеніемъ.

лось вь c^1c^1, откуда c^1 и затѣмъ c; точно такъ-же группа $\overset{v}{g}d_1$ здѣсь измѣнилась въ s^1s^1 (при z^1z^1), откуда s^1 (при z^1) и затѣмъ s (дз) при z Наоборотъ, въ прарусскомъ яз. общеславянская группа $\overset{v}{g}d^1$ измѣнилась въ $\overset{v\,v}{g}g$, откуда $\overset{v}{g}$ при прарусскомъ же $\check{z}$, а группа $\check{c}t^1$ измѣнилась въ $\check{c}\check{c}$, откуда затѣмъ—$\check{c}$ Такъ объясняетъ это явленіе *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*. Срв. у *Соболевскаго*. Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891 Стр 119—120. Объясненіе, на нашъ взглядъ, страдаетъ большою натяжкою, будто въ группахъ *dj* и *mj*—j перешелъ въ мягкія *ɾ* и *x*, т. е. получилось: *dɾ' mx'*, откуда: *дж* и *тш* Что касается процесса образованія стрслв. *жд* и *шт* при посредствѣ сначала ассимиляціи, а потомъ вторичной диссимиляціи, то такое объясненіе, конечно, должно быть признано неудачнымъ. Звуки *дз* и *тс* (ц) русскихъ нарѣчій, соотвѣтствующіе основнымъ *dj* и *tj*, а также—основнымъ *d'* и *t'*, нынѣ, съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько видоизмѣнить наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще

Извѣстно, напримѣръ, что мы имѣемъ звуки d^s (ś) и m^c (ć) мягкіе въ различныхъ бѣлорусскихъ говорахъ: въ Витебской, Смоленской, Тверской, Виленской, Могилевской, Минской, Гродненской, Черниговской губерніяхъ [1]); эти звуки находятся какъ въ цокающихъ говорахъ названныхъ губерній, такъ и въ не цокающихъ, слѣдовательно, цоканье въ современныхъ намъ говорахъ Бѣлоруссіи не стоитъ въ прямой связи съ звуками d^s и m^c. Во многихъ изъ этихъ бѣлорусскихъ говоровъ рядомъ со звуками d^s и m^c имѣются и звуки $d^{ж}$; такъ. въ Виленской, Витебской, Могилевской, Минской губерніяхъ почти во всѣхъ уѣздахъ слышенъ звукъ $d^{ж}$ [2]). Въ Гродн. губ. и уѣздѣ мы, напр., находимъ: зачаў поиць, яна стала падаци, ажно́ бачиць (3 л. ед. ч.), ходзяць свиньня, цяперъ будзе, дзѣ (=гдѣ—дѣ); въ Витеб. губ. и уѣзда находимъ: одзинъ, дзялиць, будзиць (3 л. ед. ч.), ў дзиреўню, видзиць (3 л. ед. ч), дзирку, глядзиць (3 л. ед. ч.), за якимъ дзѣлымъ, ў людзёхъ, биць, хуваць и друг.; въ Лепельск. у. той-же губерніи, напр., говорятъ: видзѣў, дзѣ (=гдѣ, дѣ),

[1]) См. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр .7—29. passim.

[2]) Ibidem. Стр. 11. 12. 14. 21. 22. 25. 29.

повадзилися (свиньни), биць, лупиць—неопр. н, говядзину, судзицца, водзицца—неопр н. будзь—пов н., у цябе и друг.; въ Минск губ. Борисовск. у. слышимъ: охрисцимъ (=окрестимъ), вядзи., идзе—3 л. ед. ч., уцѣху—вин. п ед. ч., кажуць—3 л. мн. ч., згодзилися, перекусицъ—неопр. н., будземъ, разказаць—неопр. н., бачиць, бяжиць—3 л. ед. ч., шарсьцинка (шерстинка), ляциць—3 л. ед. ч., гніюць—3 л. мн. ч., нявидзимо и друг.; въ Смоленск. губ. Бѣльск. у. встрѣчаемъ выговоръ: укусиць—3 л ед. ч., отведзи, Господзи, по пуци, скоцину, дзень, будзець, сцекóлушко, лошадзь, дзереву, скакаць—неопр. н и друг. [1]). Въ Гродненской губ. Пружан. у. мы находимъ звукъ $д^{ж}$: гляджу—1 л. ед. ч., при *дз* и $т^{с}$: ведзіе—3 л. ед. ч., медвѣдзя, будзе, цече—3 л. ед. ч. (=течётъ), дзятлы и друг. Въ Минской губ Рѣчиц. у. также: обгороджýся—1 л. ед. ч., при: ходзи, косьци (сущ.), пойдзець, рубиць, ѣдзя, дзѣцей (вин. п мн. ч.) и мн. друг [2]). То-же мы имѣемъ и въ малорусскихъ говорахъ Черниговской губерніи, гдѣ мы имѣемъ и $д^{з}$ и $д^{ж}$, Полтавской губ, гдѣ тоже находимъ и $д^{з}$ и $д^{ж}$, Волынской губерніи, гдѣ есть и $д^{з}$ и $д^{ж}$, Минской губерніи—$д^{з}$ и $д^{ж}$, въ говорахъ Угорскихъ—$д^{з}$ и $д^{ж}$, въ говорахъ Галиціи—$д^{з}$ и $д^{ж}$, въ говорѣ галицкихъ русиновъ (лемковъ)—$д^{з}$ и $д^{ж}$ [3]). Кромѣ того, звукъ $д^{з}$ и $т^{с}$ находимъ въ говорахъ Волынской, Минской, Гродненской и Буковины [4]), а звукъ $д^{ж}$ находимъ въ говорахъ Кіевской, Волынской, Гродненской, Сѣдлецкой губерній, въ говорахъ Галиціи, у Лемковъ, у Бойковъ (и $д^{з}$), у Гуцуловъ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что слитные звуки $д^{з}$, $т^{с}$, $д^{ж}$ (ѕ, ц, ћ, ђ) вмѣсто основныхъ *д'* и *т'* или *дj* и *тj* въ предѣлахъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій могутъ считаться своими родными звуками. Если мы внимательнѣе всмотримся и вслушаемся въ говоры остальной части русскаго пле-

---

[1]) *Шейнъ*. Матеріалы... II. Спб. 1893. Стр. 185. 232, 233. 335. 378. 553 и др. Послѣдніе два говора (Минск. Борисовск. и Смоленск. Бѣльск., кромѣ того, *цокающіе*).

[2]) *Шейнъ*. ib. Стр. 251. 547. Срв. 285. (Въ послѣднихъ говорахъ есть и мѣна *з* и *ж*.).

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. 15. 17. 22. 23. 25. 38. 49. 54.

[4]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр. 26. 32. 33. 53.

[5]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр 18. 19. 28. 34. 35. 36. 47. 56. 58. 59. 60.

мени, въ говоры великорусскіе, то мы найдемъ и услышимъ и здѣсь эти-же слитные звуки; такъ, въ акающихъ говорахъ *Черниговской* губерніи мы слышимъ звукъ $д^{з}$ [1]), въ акающихъ говорахъ *Псковской* губерніи звуки *д* и *т* „съ свистящимъ оттѣнкомъ“ [2]), въ *Тверской*, *Ярославской* и *Нижегородской* губерніи мы находимъ звуки $д^{з}$ и $т^{с}$ [3]), наконецъ, въ *Поволжскихъ* губерніяхъ ниже Нижегородской мы тоже имѣемъ эти звуки. Наши говоры *Рязанской* губерніи тоже знаютъ всѣ эти звуки, какъ увидимъ ниже и какъ мы видѣли отчасти выше [4]). Слѣдовательно, всѣ эти звуки должны считаться идущими отъ глубокой древности, когда они, конечно, принадлежали если не всему прарусскому языку, то, по крайней мѣрѣ, его діалектамъ. Если мы къ этому присоединимъ еще указанія *Даля*, который говоритъ, что звуки $д^{з}$ и $т^{с}$ слышны въ различныхъ уѣздахъ *Новгородской* губерніи, напр., въ *Бронницкомъ*, гдѣ говорятъ: „не разбогатсіемъ“, въ *Боровичскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „за дзерево циной сойдзе́мси“, „тсяни́“, „тсипунъ тсебѣ“!, въ *Череповецкомъ*: „дзеньги“. въ *Новгородскомъ*—„ходзимъ“ [5]), въ различныхъ уѣздахъ *Тверской* губерніи, напр., въ *Торжковскомъ*, гдѣ, большею частью, говорятъ по-московски, но съ дзеканьемъ: „идзи в дзеревню“, „онъ тсише тсебя ходзитъ“, „родзютъ“, „ходзютъ“, въ *Корчевскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „видзѣу“ = видѣлъ, въ *Зубцовскомъ*: „путсёмъ“, „бачюшка“ (звукъ $т^{ш}$), „страцилъ“ (= истратилъ), въ *Ржевскомъ*: говóрюць, въ *Осташковскомъ* и *Весьёгонскомъ*—„ѣдзь“ (= поѣзжай) и т. п., далѣе эти звуки, по указанію *Даля*, находимъ во *Владимирской* губерніи въ *Шуйскомъ* у., въ *Судогодскомъ*, въ *Вязниковскомъ*, гдѣ вмѣсто $т^{с}$ мы слышимъ и $т^{ш}$ и $д^{ж}$: тшарь, натшальникъ, тшерковь, дзеньги, въ *Меленковскомъ*—глядиць и друг., въ *Ярославской* губ. *Мологскаго* у., въ южныхъ уѣздахъ *Нижегородской* губерніи, наконецъ, *Калужское зля* само указываетъ на *дзля* (сравни Бѣлевск. *здля*) изъ *д'ля* (наше: *для*, стрсл. дѣлꙗ); эти же звуки мы

---

[1]) *Соболевскій*. ib. I. 20.

[2]) Ibid. I. 24.

[3]) Ibid. II. 17. 19.

[4]) См. также нашъ «Отчетъ». Стр. 36—37 и слѣд.

[5]) *Даль*. О нарѣчіяхъ. XLVI.

имѣемъ и въ *Пензенской* губерніи [1]); если, я говорю, мы примемъ во вниманіе и эти указанія, то увидимъ, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на *окающіе* и *акающіе*, на сѣверные и южные, страдаетъ неточностью, именно, въ томъ отношеніи, что въ основаніе этого дѣленія принятъ *только одинъ признакъ изъ области гласныхъ звуковъ*—неударяемое *о* или *а*. Почему не принятъ въ расчетъ консонантизмъ? Консонантизмъ говоровъ также имѣетъ всѣ права на вниманіе: онъ еще болѣе устойчивъ, чѣмъ вокализмъ, который гораздо легче теряетъ свои оттѣнки при соприкосновеніи съ посторонними элементами. По указанію Даля подъ самой Москвой дзекаютъ, подъ Можайскомъ уже слышится бѣлорусская рѣчь, слѣдовательно, если признавать безпристрастно какой-либо говоръ *смѣшаннымъ*, то, именно. говоръ Москвы. гдѣ сошлись разные элементы, и такъ это и признаетъ *Шахматовъ* въ своихъ „Лекціяхъ“. Мы видѣли на основаніи разбора консонантизма русскихъ современныхъ говоровъ, что дѣленіе говоровъ на *сѣверно и южно-великорусскіе по одному* признаку, по произношенію *одного* неударяемаго звука *о*, несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, это дѣленіе уже потому должно быть признано въ наукѣ отсталымъ и негоднымъ, что въ основаніе его положенъ *признакъ новый, недавній*, да еще *единичный*. До появленія *аканья* говоры, называемые нынѣ великорусскими, несомнѣнно дѣлились по другимъ признакамъ и отличались другъ отъ друга совсѣмъ другими чертами, а звукъ *о* въ неударяемомъ положеніи игралъ, какъ мы отчасти видѣли выше, второстепенную, еле замѣтную роль, которую мы себѣ представляемъ въ томъ смыслѣ, что въ однихъ говорахъ этотъ звукъ *о* былъ болѣе чистымъ, въ другихъ – болѣе склоннымъ къ *а* (*о*^{2}), причемъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *о* былъ чистымъ сравнительно, конечно, были случаи произношенія звука *о*^{2}, и это было въ древнѣйшемъ даже русскомъ языкѣ въ извѣстныхъ формахъ глагола, какъ мы видѣли выше, слѣдовательно, этотъ признакъ, дѣйствительно, былъ несущественнымъ до извѣстной эпохи. Значитъ, дѣленіе говоровъ на *ака-*

---

[1]) *Даль.* ib. Стр. XLVII. LIII. LIV. LV. LVI. LVII. LVIII. LXIII. LXV. Срв. у *Колосова*. Ук. соч. Стр. 2. 21. 296. 298. (о дзеканьѣ ошибочное мнѣніе *Колосова*). См. примѣч. на 296—297 стр.

ющіе и *окающіе* вовсе не историческое и даже не научное. На основаніи этого признака мы причисляемъ къ говорамъ южно-великорусскимъ тѣ, которые почти ничего общаго не имѣютъ съ другими, признаваемыми нами *тоже* за южновеликорусскіе говоры. Мы выше видѣли, что говоры со звуками $д^{з}$, $т^{с}$, $д^{ж}$, $т^{ш}$ въ большинствѣ случаевъ оказались тѣми говорами, въ которыхъ мы нашли и *средніе* звуки: $ч^{ц}$, $ц^{ч}$, $з^{ж}$, $ж^{з}$, $с^{ш}$, $ш^{с}$, слѣдовательно, прежде всего нужно выдѣлить изъ всей суммы говоровъ русскаго языка тѣ говоры, которые составляютъ въ этомъ отношеніи приблизительно *одну* группу. Эта группа говоровъ оказывается въ наше время разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда, конечно, разселеніе русскихъ племенъ было совсѣмъ иное; при этомъ надо имѣть въ виду, что во многихъ говорахъ еще прарусской эпохи необходимо допустить существованіе этихъ звуковъ, которые были получены прарусскимъ языкомъ или его нарѣчіями изъ діалектовъ общеславянскаго языка Несомнѣнно, что русскія племена, сидѣвшія по Окѣ, по верховьямъ Волги, Двины, Днѣпра, Сожи. Десны, т. е. приблизительно въ предѣлахъ между 0° (черезъ Петербургъ) и 12° сѣверной широты и между 50° и 58° восточной долготы, составляли въ древнѣйшія до-историческія времена по говору и быту одно цѣлое, конечно, съ необходимыми и незначительными отличіями. И вотъ что замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ ведетъ эти племена съ запада: онъ ихъ роднитъ съ ляхами и объединяетъ общимъ образомъ жизни, характеромъ и обычаями. Сопоставимъ слѣдующія свидѣтельства нашей Начальной Лѣтописи: Словѣни же ови (т. е. бывшіе Дунайскіе) пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, *а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*.. Также и ти Словѣне пришедше и *сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ*... (Лавр. сп. Стр. 5). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: друзии *сѣдоша по Деснѣ* и по Семи и по Сулѣ и *нарекошася Съверъ* (Стр. 6). Въ третьемъ мѣстѣ читаемъ: *Отъ нихъ же Кривичи* (я понимаю: „отъ нихъ же“, т. е. „отъ Полочанъ“, которые сидѣли на Двинѣ и прозвались *только по имени* р. Полоты—см. стр. 5), *иже сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихже градъ есть Смоленьскъ*; *тудѣ бо сѣдятъ Кривичи* (Стр. 10). Еще въ одномъ мѣстѣ читаемъ: Поляномъ же живущимъ особѣ (объ

этомъ *три раза* говоритъ лѣтописецъ, что они жили *особо*), якоже рекохомъ, *сущимъ отъ рода Словѣньска*, и нарекошася Поляне, а Деревляне *отъ Словѣнъ* же и нарекошася Древляне (почему, мы видѣли это выше); *Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ* [1]). *Бяста бо два брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася*

---

[1]) Мы цитировали слова лѣтописи по *печатному* изданію. Въ фототипическомъ изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку совсѣмъ другая интерпункція, или ея вовсе нѣтъ, а мѣстами и другая редакція текста. Напримѣръ, приводимое мѣсто въ текстѣ выше въ рукописи читается такъ: полѧномъ же живущемъ wсобѣ· якоже рекохомъ· суще w рода словѣньска· и нарекошася поляне· а древлѧне же w словѣнѣхъ же· и нарекошася древлѧне· радимичи вои вятичи w лѧховъ· бяста бо· в· брата власѣ· радимъ а другому вѧ и пришедъша сѣдоста радимъ на съжю· прозвашася радимичи· а вятъко сѣде съ родомъ своимъ по wцѣ· w него же прозвашася вятичи· иже бѣху в мирѣ поляне· и деревлѧне· сѣверъ и радимичь· и вятичи· и хрвате. л. л. 8. 9. Прежде всего отсюда не видно, чтобы поляне и древляне были разныя племена съ радимичами и вятичами, т. е. не видно, чтобы радимичи и вятичи не могли быть тѣми-же полянами и древлянами. Въ видѣ догадки, на которой я однако вовсе не настаиваю, я предложилъ бы такое пониманіе этого мѣста по Лавр. списку: про полянъ лѣтописцемъ сказано было, что они получили свое прозвище «поляне» отъ ляховъ; теперь говоритъ лѣтописецъ о томъ, что древляне назывались «древлянами» у словѣнъ, а у ляховъ поляне и древляне назывались «радимичами» и «вятичами» потому, что изъ ляховъ пришли, по преданію, два брата и сѣли въ предѣлахъ рѣки Сожа и Оки. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка Сожъ составляетъ какъ бы одну рѣку съ рѣкою Днѣпромъ, и очень можетъ быть, что преданіе и лѣтописецъ нехорошо различали устье Днѣпра, и поляне, сидѣвшіе по Сожу и по его продолженію—по Днѣпру, назывались у своихъ сосѣдей—ляховъ Полянами и Радимичами. Съ этимъ вполнѣ согласно то, что дальше написалъ лѣтописецъ: *иже бяху*, т. е. которые были (а не: «и живяху», какъ въ другихъ спискахъ) полянами и древлянами..... Слѣдовательно, у однихъ сосѣдей назывался народъ извѣстный однимъ именемъ, у другихъ—другимъ: у словѣнъ—древлянами, у ляховъ—вятичами, часть радимичей называлась полянами, а лѣсные жители—радимичами, а у словѣнъ они же могли называться древлянами, сѣверянами, кривичами....

Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи (Стр. 11—12). Наконецъ, лѣтописецъ сближаетъ всѣ эти народцы общимъ бытомъ и говоритъ: *И живяху* [1]) *в мирѣ Поляне, и Деревляне*, и *Съверъ, и Радимичи, Вятичи* и Хорвате [2])... (Стр. 12). *Си же творяху обычая Кривичи, прочии погании* [3]), не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ (Стр 13).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нашъ лѣтописецъ по какому-то преданію ведетъ древлянъ и полянъ *отъ словѣнъляховъ*; далѣе мы видимъ, что онъ-же объясняетъ многія названія словѣнскихъ племенъ, и по его объясненію — древляне — тѣ-же словѣни — ляхи, но поселившіеся въ лѣсахъ, отчего и стали называться древлянами; далѣе мы видимъ, что полочане—тѣ-же дреговичи, только сѣвшіе по р Полотѣ, а кривичи служитъ какъ бы общимъ названіемъ племенъ, сѣвшихъ по верховьямъ вышеназванныхъ рѣкъ, потому и говоритъ лѣтописецъ: си же творяху обычая *кривичи прочии погании*, т. е прочіе кривичи—словѣни. Обычаи полянъ отличаются отъ обычаевъ прочихъ кривичей только потому, что поляне не сидѣли въ лѣсахъ, какъ сидѣли древляне, радимичи, вятичи, сѣверяне и прочіе кривичи. Преданіе объ особомъ родствѣ полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами надо понимать, конечно, въ смыслѣ какихъ-то отдаленныхъ реминисценцій о близости языка и обычаевъ этихъ словѣнъ къ языку и обычаямъ словѣнъ, сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мы, конечно, не можемъ не считаться и съ тѣмъ фактомъ, что въ нынѣшнемъ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи существуетъ до сихъ поръ раздѣленіе жителей—народа на двѣ половины: „въ калужской половинѣ живутъ *поляне* (мѣна *у* и *в*), а въ смоленской половинѣ живутъ *полѣхи*“ [4]). Повидимому, лѣтописецъ

---

[1]) Въ рукописи Лавр. лѣтописи: НЖЕ БАХУ

[2]) Хрвате, я полагаю, стоитъ здѣсь просто ошибочно вмѣсто *Кривичи* См. ниже Это видно изъ контекста.

[3]) Я читаю *Кривичи прочии*, не отдѣляя этихъ двухъ словъ знаками. На это даетъ мнѣ право интерпункція подлинника Л 10 (фототип. изданіе Пов. вр. лѣтъ).

[4]) См. *Даль*. О нарѣчіяхъ. Стр. LXIII. Эта мѣстность, несомнѣнно, въ древности была одной изъ самыхъ лѣсистыхъ. Припомнимъ названія: Ра-

употребляетъ въ различномъ значеніи слова: „прозвашася“ и „нарекошася“: первое слово у него означаетъ какъ-будто *прозвище*, данное народу другимъ народомъ—сосѣдями, второе—какъ будто означаетъ *названіе* собственное. Въ первомъ словѣ, означающемъ *прозваніе* или *прозвище*, слышится какъ-будто ироническій или неубѣжденный оттѣнокъ мысли самого лѣтописца, во второмъ словѣ, означающемъ родное, собственное, домашнее *названіе* народа, слышится согласіе или убѣжденность самого составителя лѣтописи. Сравните выраженія: „отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне“ и: „нарекошася поляне, а друзии древляне“.... „друзии нарекошася сѣверъ“: „древяня же отъ словѣнъ же и нарекошася древляне“, но „Радимичи и Вятичи отъ ляховъ . и прозвашася Радимичи.. и... прозвашася Вятичи“. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ авторъ видѣлъ *туземное* названіе, данное *словѣнами* тамъ онъ выражался „нарекошася“, а гдѣ онъ видѣлъ *чужое* прозвище, данное *не словѣнами*, тамъ онъ выражался: „прозвашася“. Нельзя же серьезно, въ самомъ дѣлѣ, допустить мысль о томъ, что жители рѣкъ Сожа и Оки были *поляками*, были совсѣмъ другого племени, да для этого допущенія нѣтъ и данныхъ не только въ лѣтописи, но, что особенно важно, и въ современныхъ народныхъ говорахъ, которые во всякомъ случаѣ служатъ остатками древнихъ говоровъ, но совершенно иначе размѣщенными, чѣмъ прежде Отношеніе автора къ названіямъ словѣнскимъ и къ прозвищамъ не словѣнскимъ объясняется ниже въ лѣтописи самимъ лѣтописцемъ тѣмъ, что онъ признаетъ словѣнскимъ языкомъ (племенемъ) только слѣдующіе народы: „Се бо *токмо* Словѣнескъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне“. Стр. 10. Эти Бужане суть тѣ-же Дулѣбы [1]), которые во время лѣтописца

менье, Зораменье, Полѣсье, Залѣсье и др въ нынѣшнихъ Рязанской, Калужской, Владимирской губерніяхъ

[1]) Слово «дулѣбъ» въ ряз. говорѣ значитъ: «глупый», «безтолковый», «неповоротливый», «мѣшокъ»—«дулёп»—с. Яблонево, дер. Щелево Скопин. уѣзда У Даля s. v сказано «косой» Срв его-же соч. «О нарѣчіяхъ». Стр. LXIV. (Въ Словарѣ: *кур. орл. влд ряз*). «Дулѣбъ» неправильно *Даль* пишетъ и въ Словарѣ, и въ статьѣ своей черезъ *е*: тогда было бы и въ говорахъ: «дулёп», а не «дулёп».

назывались Велыняне, Бужанами-же они, очевидно, назывались по р Бугу, какъ Полочане—по р. Полотѣ и т. п. (см выше), прозвище же „Дулѣбы", презрительное и оскорбительное для народа, носящаго это прозвище, очевидно, дано имъ какими-либо сосѣдями Вотъ что ниже пишетъ лѣтописецъ про Дулѣбовъ: „*Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне*"—Стр 12. Между тѣмъ какъ выше мы читали, что тотъ народъ, который сидѣлъ *по Бугу* и послѣ сталъ называться *Велынянами*, носилъ названіе и *Бужанъ* по рѣкѣ Бугу.—Стр. 10. Очевидно, остальныя племена, по лѣтописцу, *не словѣнескъ языкъ*, „да то *ся зваху отъ Грекъ* Великая Скуфь".—Стр. 12. Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что племена, входившія въ составъ *токмо* Словѣньска языка, были слѣдующія: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ. Бужане (=Дулѣбы, Волыняне). Очевидно въ названіяхъ этихъ *словѣнскихъ* подразумѣваются и прозвища *не словѣнскія* этихъ-же самыхъ народовъ, какъ это и оказалось насчетъ Бужанъ (=Дулѣбовъ, Волынянъ); такъ что въ этомъ перечнѣ стоятъ *только словѣнскія* („Поляне", вѣроятно, было извѣстно и у словѣнъ: „и ти Словѣне. . нарекошася Поляне"—Стр 5) названія, но не упомянуты прозвища этихъ народовъ: Радимичи, Вятичи, Кривичи... (Не видно, какое названіе „Кривичи"; туземное или нѣтъ? Замѣчательно, что слово „*Кривичъ*" до сихъ поръ во Влад. и Тул. губ. означаетъ: „облыжный человѣкъ", „лукавый". *Даль*). Названіе „Дреговичи" тоже, кажется, есть прозвище сосѣдей, не туземцевъ, для Полочанъ. Мы, напримѣръ, до сихъ поръ имѣемъ въ *ряз.* и *влд.* говорахъ, слова: Дрегá, дрогá, дрягá=безпокойный человѣкъ, непосѣда. Въ *смл* говорѣ „Дрягва" значитъ *болото, зыбунъ, трясина.* Срв. *курск. Дрегвá, дрягвá* (Словарь *Даля* s. v. дрожать). Вообще, у нашего лѣтописца довольно ясно различаются слова на—*ичъ*, служащія прозвищами (Дрегвичи, Кривичи, Радимичи, Вятичи), и слова на—*ане,—яне*, служащія *названіями по мѣстностямъ* поселенія, названіями словѣнскими, такъ сказать, оффиціальными и дѣйствительными. Срв. Древляне, Полочане, Сѣверяне, Бужане, Велыняне, Словѣне. Вообще, всѣ эти племена—Словѣне. Что касается Полянъ, то это было и прозвищемъ у Ляховъ и собственнымъ именемъ, такъ что это прозвище *совпало* съ именемъ дѣйствительнымъ—словѣнскимъ, какъ это объясняется изъ Радзивиловскаго спи-

ска Лѣтописи, гдѣ читаемъ: „аще и Поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. *Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху,* а языкъ словѣнски единъ“. Подъ 898 г. Что-же касается названія „Кривичи“, то въ этомъ мы, кажется, не ошибаемся, что это было *прозвищемъ* словѣнъ вообще, отдѣлившихся отъ прочихъ (срв. выше значеніе слова „Кривичъ“ въ *влад.* и *тул.* говорахъ. *Даль.* s. v. „Кривой“) По крайней мѣрѣ, въ Лавр. спискѣ (по фотолитогр. изданію) мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ слово „Кривичи“ въ такомъ смыслѣ, подъ 6370 г. (л 14) читаемъ: перьвии насельници в новѣгородѣ *словѣне полотьски кривичи*“, т. е. словѣне, полотскіе кривичи то-жъ, словѣне, которые назывались у полочанъ кривичами. Срв еще подъ 6370 г. (л. 13): „рѣша русь чюдь словѣни *и кривичи вся*“.. Подъ 6367 г. (л. 13):—„маху дань варязи изъ заморья на чюди и на сл°вѣне. на мери. *и на всѣхъ кривичьхъ*“. Подъ 6390 (л. 15): „оиде wлегъ поимъ вои многи вараги чюдь словѣни мерю *и всѣ кривичи*“....

Послѣ этого небольшого отступленія, которое выясняетъ, на мой взглядъ, нѣкоторымъ образомъ сущность дѣла относительно древнихъ русскихъ племенъ и говоровъ, кажется, понятно, что дѣлить русскіе говоры на діалектическія единицы слѣдуетъ по нѣсколькимъ *существеннымъ* признакамъ Мы полагаемъ, что правильнѣе съ точки зрѣнія исторіи языка—народа дѣлить говоры на *шепелеватые* (т. е. говоры *со средними* звуками—самые древніе), на *полу-шепелеватые* (имѣвшіе лишь звуки средніе $ц^{ч}$ и $ч^{ц}$, т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры *не шепелеватые*, пошедшіе отъ діалектической группы, *различавшей* звуки *ч* и *ц*, *с'* и *ш*, *з'* и *ж* и проч., или въ самомъ прарусскомъ языкѣ *утратившей* средніе звуки.

Такимъ образомъ, наши при-Окскіе говоры нужно вести отъ древняго говора той части словѣнъ (=кривичей), которую, по преданію, повелъ на Оку какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (=словѣнъ привислянскихъ). Конечно, удивительно, какъ могла остаться горсточка вятичей на своемъ мѣстѣ до сихъ поръ, но: 1) мы не знаемъ, на этомъ-ли мѣстѣ рѣки Оки жили вятичи; вѣроятно, передвиженіе всетаки произошло по теченію рѣки, и часть вятичей могла остаться въ наиболѣе дикой мѣстности, какой представляется нынѣ мѣстность сѣверо-восточнаго угла Ряз. губерніи. 2) Пе-

редвиженіе вятичей даже можно доказывать, какъ мы видѣли выше, тѣмъ, что они распространялись по рѣчной системѣ, и вновь мы ихъ находимъ въ нынѣшней Вятской губерніи. 3) Мы нисколько не утверждаемъ того, что въ нынѣшнемъ говорѣ нашего Касимовскаго уѣзда или въ говорѣ вятчанъ мы слышимъ *древній* неизмѣненный говоръ вятичей, но сношенія съ сосѣдями, колонизація края, наконецъ, культура и громадное пространство времени,—все это нисколько не уничтожаетъ возможности предположенія объ остаткахъ и потомкахъ древнихъ вятичей, предположенія, построеннаго на слѣдующихъ основаніяхъ: фонетика говора нынѣшняго Касимовскаго края очень своеобразна. мы не видимъ въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ *такого*, къ которому можно было бы безусловно причислить и нашъ Касимовскій говоръ, лишь только говоръ нынѣшнихъ вятчанъ *болѣе другихъ* совмѣщаетъ въ себѣ особенности фонетики нынѣшняго Касимовскаго говора. Остальныя соображенія и заключенія—чисто историческія и географическія, и мы ихъ высказывали выше.

Мы сочли для себя удобнѣе, именно, въ концѣ этой главы сдѣлать отступленіе историческаго характера, выясняющее нашъ взглядъ на исторію нашего говора и его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Этой главой собственно оканчивается параллельное обозрѣніе по говорамъ тѣхъ звуковъ, которые и заставили насъ смотрѣть на касимовскіе говоры, какъ на говоры особые, неизвѣстные до сихъ поръ, но указывающіе своимъ звуковымъ составомъ на свою древность и самостоятельное значеніе. Нѣкоторыя лишь дополненія мы сдѣлаемъ въ главѣ о губныхъ и задне-небныхъ звукахъ. А теперь окончимъ нашу главу о зубныхъ небольшимъ экскурсомъ по поводу касимовскаго произношенія „тьвѣт“ (Логино) и сочетанія *дн*.

Замѣчательно, что по корнямъ общесл. языка kvil—и kvĭt—(*Mikl.* Etym. Wtb) видно, что въ общесл. языкѣ, въ общеславянскую эпоху такія слова, какъ цвѣтъ и kwiat, цвѣлити и квѣлить, звучали, должно быть, со звукомъ кореннымъ *к*. Но что мы видимъ въ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ и русскихъ нарѣчіяхъ? Во всей *южной* группѣ слав. языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ ц, конечно, и въ старосл. языкѣ, какъ въ языкѣ *южной* группы; во всей *западной* груп-

пѣ славянскихъ языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ *к*. Въ русскомъ же языкѣ, какъ мы видѣли выше, въ этихъ словахъ мы имѣемъ *діалектическія ц, ч, т, с, к*. На основаніи этого, кажется, необходимо допустить, что русскій языкъ выдѣлился *изъ той части* общеславянской семьи, *которая знала средніе звуки*: $ц^{ч}$, $ч^{ц}$, наравнѣ съ звукомъ *к*, т. е прарусскія діалектическія необходимо были такія: čvětъ и ćvětъ (č = $ч^{ц}$, ć = $ц^{ч}$) рядомъ съ květъ; тогда современныя *цвѣтъ* и *чвѣтъ* идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые *знали средніе* звуки; въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть květъ (нынѣшніе сѣверно-и средне-русскіе); современныя-же *квѣтъ, квитъ, квисцъ* и под. идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые знали различіе звуковъ *ч* и *ц*, *з'* и *ж*. *с'* и *ш* и при этомъ имѣли květъ, слѣдовательно, это тѣ діалекты, которые еще *въ прарусскую-же эпоху*, вѣроятно, *утратили средніе звуки* (см выше) и, получивъ изъ прарусскаго языка *въ большинствѣ случаевъ различные ч* и *ц*, *з'* и *ж*, *с'* и *ш*, вмѣстѣ съ тѣмъ получили и květъ, (нынѣшніе малорусскіе и частью блр. говоры), такъ что въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, а равно *чвѣтъ*, такъ какъ произношенія *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, какъ и *чвѣтъ*, могли быть только въ говорахъ *со среднимі* звуками, гдѣ звукъ *ц* звучалъ $т^{с}$, звукъ *ч*—$т^{ш}$, звукъ *с'*—$с^{ш}$ или $ш^{с}$, а звукъ *з'*—$з^{ж}$ или $ж^{з}$.

Такимъ образомъ, $т^{с'}$ могло быть и $т^{с'}$ (ц') и $т^{ш'}$ (ч) и наоборотъ Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ наше время слова эти съ корнемъ *к* преимущественно извѣстны въ области малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ въ свою очередь рѣже наблюдается цоканье или чёканье, а слова эти (цвѣтъ, цвѣлити) съ кореннымъ *т* или *с почти исключительно* извѣстны въ наше время тамъ, гдѣ есть цоканье и чёканье, и гдѣ наблюдается *довольно рѣдко* въ этихъ словахъ коренной звукъ *к*.

Теперь относительно ассимиляціи сочетанія *дн* нашихъ говоровъ надо сказать, что это явленіе очень древнее, какъ показываетъ сравненіе русскихъ говоровъ. Только надо отличать отъ древнѣйшихъ случаевъ болѣе поздніе.

Такъ какъ русскій языкъ вмѣстѣ съ группой южно-славянскихъ языковъ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій общеславянскаго языка, въ которыхъ звуки *д* и *т* передъ *н* и *л* асси-

милировались съ послѣдними [1]), то, надо думать, мы въ нашихъ нарѣчіяхъ Касимовскаго края имѣемъ приблизительно образцы произношенія того времени, когда исчезли глухіе звуки, и сократилось безударное *и*. Можетъ быть, въ такихъ словахъ, какъ: *одни*, *однихъ* и проч. мы имѣемъ болѣе позднія произношенія, книжныя, зашедшія къ намъ съ запада, вмѣсто своихъ народныхъ: *анні*, *аннíхъ* и проч., которыя должны были появиться въ русскомъ языкѣ послѣ исчезновенія глухихъ звуковъ и звука *и*. Срв одиного [2]), єдиного и проч.; *одинѣхъ* Смолнѧнъ—въ Смолен. Грам. послѣ 1230 г. (Рус-Лив. Акты. Приложеніе № 2. Стр. 452). Въ современныхъ намъ говорахъ *Новгородской* губ. мы имѣемъ: ланно, ронной (Соболевскій Жив. Стар. ib. II. 10), въ *Вологодской* отмѣчено: ланно (ib. 16), въ *Ярославской* (ib. 18), въ *Вятской* (ib. 21), въ *Сибири*: ланно, три нни (ib. 25); въ *Смоленской* (цокающей части тоже): раннòй, аннй, галòнная, аннò, рòнная, аннà (ib. III. 10). Точно такъ-же говорятъ даже *подъ Москвой*, въ Рузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Нѣкоторые глаголы въ народныхъ говорахъ правильно образуютъ формы свои съ ассимиляціей звука *д* звуку *н* примѣты—*ну*, какъ и въ литературномъ нарѣчіи глаголы *вянуть*, *стынуть* и нѣк. друг. Напр. при глаголѣ—*загадать* мы имѣемъ въ ряз. *загану́ть* (изъ *загаднуть), въ Олонец. „*загону́лъ* загадку“ (*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 202), въ блр. *зганýй*: „Тогды я *зганýй*, що ў хаци за лавою сокіерчинка стырчитъ“—*Шейнъ*. Матеріалы... II. стр. 251. Гроднен. Пружан. уѣзда. (Въ Словарѣ *Носовича* такого слова нѣтъ Сравни у Шейна на этой-же 251 стр.: „Тогды я *згадáй*, що ў хаци на вокнѣ ножичокъ лежиць“...). Такимъ образомъ, въ этихъ формахъ глагола „гадать“ мы вправѣ видѣть образованія общерусской эпохи. Срв. наше Касимов. „папáнить“ = *попаднеть = попадётъ — 3 л. ед. ч. *Китово*.

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Др. цсл. языкъ. Фонетика. М. 1891. Стр. 125.

[2]) Новгор. Лѣтоп. по Синод. Харат. сп. л. 47. *одиного* (фотол.).

Глава VI-ая.

Губные звуки

Въ главѣ IX ой первой части нашего труда мы охарактеризовали наши касимовскіе говоры въ области губныхъ согласныхъ слѣдующими чертами: въ нихъ наблюдается чередованіе *в* и *ў* и ихъ взаимная мѣна; далѣе, въ нихъ чередуются звуки *в* и *γ*, извѣстно употребленіе *γ* вмѣсто *в*, наконецъ, извѣстенъ переходъ мягкаго *в* въ *j*. Вотъ на этихъ чертахъ мы и остановимся подольше въ своемъ сравнительномъ обозрѣніи губныхъ звуковъ по говорамъ, а затѣмъ перейдемъ къ замѣнамъ звука *ф*, характеризующимъ тоже наши говоры, какъ было сказано въ I-й части, въ IX-й главѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что для извѣстной, доисторической, эпохи русскаго языка звуковая близость *в* и *у* была явленіемъ, по всей вѣроятности, общимъ для всѣхъ діалектовъ русскаго языка. Лишь въ памятникахъ письменности мы замѣчаемъ преобладаніе чередованія звуковъ *в* и *у* или замѣны одного начертанія другимъ, по преимуществу, тамъ, гдѣ эти памятники выдаютъ свое происхожденіе изъ югозападныхъ или сѣверозападныхъ областей Россіи. Напримѣръ, смоленскія, витебскія, полоцкія, псковскія, галицко-волынскія рукописи даютъ больше другихъ памятниковъ образцовъ замѣны одного изъ этихъ звуковъ другимъ [1]), такъ что можно сказать, что въ историческое время, къ XII—XIII вѣку, эта черта фонетики получила не одинаковое развитіе во всѣхъ русскихъ говорахъ: въ иныхъ она, повидимому, развивалась въ томъ направленіи, что разница между *в* и *ў* (неслоговымъ) постепенно увеличивалось въ произношеніи, и случаи замѣны одного звука другимъ становились малочисленнѣе, рѣже, въ другихъ, напротивъ, разница между этими звуками въ ихъ доисторическомъ произношеніи развивалась медленнѣе, а потому неслоговое *ў* все еще продолжало смѣшиваться съ звукомъ *в*, это смѣшеніе, наконецъ, пережило и эпоху исчезновенія глухихъ звуковъ и сохранялось очень долгое время, сохра-

---

[1]) См. *Ягича.* Критич. Замѣтки.... Спб. 1889. Стр. 81—85. Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 109—112.

няется и понынѣ. Къ такимъ говорамъ, въ которыхъ разница между этими звуками была минимальная, въ которыхъ эти звуки менѣе отдалились отъ старины, кажется, принадлежали въ историческое время говоры югозападныхъ и сѣверозападныхъ областей, какъ можно судить по памятникамъ письменности и по живымъ народнымъ говорамъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Но было бы ошибочно думать, что эта звуковая близость звуковъ *в* и *ў* не была одинаково извѣстна въ древности *всѣмъ* говорамъ прарусскаго языка: мы имѣемъ письменные памятники изъ самыхъ разнообразныхъ областей, но всетаки въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ нѣкоторое количество случаевъ замѣны начертанія *у* и *в* другъ другомъ. Слѣдовательно, каждый памятникъ сохранилъ на своихъ листахъ свидѣтельство того, что въ области написанія этого памятника или въ языкѣ переписчика его жило въ извѣстное время воспоминаніе о звуковомъ тождествѣ *в* и *ў*. Если мы встрѣчаемъ въ памятникѣ одинъ-два случая такой замѣны, то ихъ никакъ нельзя объяснить говоромъ переписчика, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ такая замѣна встрѣтилась бы не одинъ или два раза, а нѣсколько разъ. Слѣдовательно, эти одинъ-два случая должны пониматься, какъ остатки стараго произношенія, общаго для всѣхъ говоровъ. Напримѣръ, въ XI-мъ уже вѣкѣ, да аще въ такомъ памятникѣ, какъ Изборникъ 1073 года, который по своему языку рѣзко отличается отъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ можно усматривать предковъ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, мы встрѣчаемъ мѣну *в* и *у*: оу҃селеноуѫ — вин. п. ед. ч.—л. 9d. ни шьстиѭ добрѣ вѣуинѥнѧ и сѫтворивъшаго оуказано—л. 14c. по широтѣ оуселенъıѭ обѣходитъ—л. 17a. хоштеть сѫдити оуселѥнѣи въ правьдѣ—л. 18a. пьрвъıи сѫборъ бъıсть оуселенъıѭ въ никеи—л. 23b. вьсеѭ оуселенъıѭ—л. 27a. и въгодьно бѫдетъ боу—л. 35b. оуселѧтьсѧ—3 л. мн. ч. буд. вр.—л. 37b. вѣуьнемъ—л. 38b. оуселѥнѣи всеи зьрѧшти — л. 48c. и мн. др. Мы видимъ здѣсь чередованіе *в* и *у*, слѣдовательно, это уже одно устанавливаетъ фактъ близости звука в и *ў* (неслогового) въ XI вѣкѣ для мѣстностей не югозападныхъ или сѣверозападныхъ. Приводя ниже данныя для исторіи вопроса о звукахъ *в* и неслоговомъ *ў*, мы не будемъ повторять

того, что можно найти у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ и у *Ягича* въ его „Критическихъ замѣткахъ“; намъ важно указать на фактъ замѣны этихъ звуковъ въ *тѣхъ* памятникахъ, которые *не принадлежатъ* югозападнымъ или сѣверозападнымъ областямъ, а потому мы будемъ заимствовать только важныя данныя изъ *другихъ* памятниковъ, изъ памятниковъ *другого* происхожденія Замѣчательно, что слово *оуселеноую* мы находимъ въ массѣ разнообразныхъ памятниковъ: напр., въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г. (*Срезневскій*. Др. пам. яз. и письма. Изв. АН. X. вып. VI. 659), въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г.: оуселитиса—л. 40 об., въ Спискѣ Упиря 1047 г. (въ библіи 1499 г.): оуселити(ся)—passim. Мѣна *оу* и *в* встрѣчается и въ Моисеевомъ Ев. 1355 г. (*Буслаевъ* Матеріалы... М. 1855. Стр. 37); въ Двинскихъ Грамотахъ XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ*. Оп. ркп. Рум. Муз. № LXVII):

у Федора *в* ларивонова сна; *оу*ласей.. *оу* глухомъ погости и мн. др. (Нынѣшняя Вологодская губернія, Вологодскій край). Конечно, несправедливо и то, что будто-бы „въ памятникахъ великорусскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко“ [1]), что будто-бы „въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи мы находимъ *только*: *унуки*, *ноугородьстіи*“ [2]). Въ одной Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку мы имѣемъ: нооугородьци—л. 8. со оуноуки—л. 38. нооугородьстии—л. 41 оукоуситъ—л. 74. еоустафии—л. 101. стлб 1. оу инѣхъ странахъ—л. 111. стлб. 1. паоуломъ—л. 125 стлб. 1. завтрокавше—л. 151 стлб. 1. оустрѣте—л. 174 стлб. 1, л. 181. стлб. 1. оусрѣте—л 178. стлб. 2, л. 182. стлб. 2. заоутрокаи, заоутрокати—л 174. стлб. 1 оу раку—л. 184 стлб. 2. Это только случаи, гдѣ *у* стоитъ вмѣсто *в*, но и то я не ручаюсь, что привелъ *всѣ* случаи изъ „Повѣсти“. Конечно, этой же мѣной звуковъ *в* и *ў* въ Суздальскомъ говорѣ надо объяснять и такія написанія „Повѣсти“ 1377 года: ожиоуть—л. 6., л. 8 (вмѣсто *ожиўуть. Срв. ниже въ нашихъ говорахъ); завътра—л. 9. нооу (=нову)—л. 11. фаравонѣ—л. 11., л. 12. Мараоу—л. 17. семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье—л. 6. по оустаоу—л.

---

[1]) *Соболевскій* Лекціи' Стр. 110. Срв. у насъ ниже

[2]) *Соболевскій* ibidem. Срв. у насъ ниже.

24 въ вустьѣ—л. 25 (можетъ быть, слово „вустье“ получилось изъ предложнаго сочетанія: „въ устье“. какъ „*вотчину*“ (вотчина) изъ „*въ отчину*“, какъ указалъ *Ягичъ* Критич. Зам. Стр. 68. Срв. выше у насъ: „*враги*“ вмѣсто „*овраги*“ въ Грамотахъ); протиоу—л. 39 зооуть—л 50 (срв л 59); в вутробѣ—л. 68 въ вадъ—л. 50. семевона—л. 61 заоулопа—л. 61. въ вифлевомѣ—л 69. елевоньскую л. 70 гедивонъ—л. 71. ниневрита не—л. 123. ст. 2. Первоначально такія приставки и вставки звука *в* возможны были на почвѣ звуковой близости *в* къ неслоговому *ў* [1]). Намъ важны также показанія Новгородской Лѣтописи: въ оуторникъ—л. 214 л 219. (по Синод Харат сп. Фотолит. изд.); с довмонтомь—л. 285. срв съ довмонтомь—л. 284. Мы не приводимъ данныхъ изъ Ипатьевскаго списка, такъ такъ онъ, можетъ быть. дѣйствительно, южный, списокъ съ галицко-волынскаго, но этотъ списокъ *переполненъ* относящимися сюда случаями. [2]).

Весьма интересны еще нѣкоторые сюда относящіеся случаи изъ области Новгородской и Двинской: напр., въ Новгородскихъ Купчихъ мы находимъ: *у* томъ острови — АЮ. № 71. (I); *у* Степана *въ* Иванова *унука*—АЮ. № 71 (V); *въ* Оврама *въ* Онтомановица, *у* прибытъчнихъ мѣстѣхъ, *у* рѣки, *у* стороньнихъ рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ *въ* озерѣхъ—АЮ. № 71. (XIII); *у* Ѳедора *въ* Ларивонова сына—АЮ. № 71. (XVII.); *у* Глухомъ погости—АЮ. № 71. (XXII.); *въ* печати стоялъ Петре *у* Яковле мѣсто—АЮ. № 71. (XXII.). Срв. въ другихъ грамотахъ великорусскихъ: Евстрата и Еустратъ—АЮ. № 3. 1485 г; Еуѳимей—АЮ. № 19. 1532 г.; передъ завтреньею—АЮ. № 27. 1613 г.; денгою Ноугороцкию—АЮ. № 411. 1473 г. и мн. др.

---

[1]) *Ягичъ* (Критич Зам Стр 81.) говоритъ: «настоящей разницы между *ѵ* и *и* не было, оба звука совпали въ среднемъ *и* (или *ѵ*)»

[2]) *Соболевскій* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр 64—66 Срв. *Колосова* Очеркъ исторіи зв и фр... Стр 150—160. Мы уже не говоримъ о томъ, что у *Колосова* многіе примѣры приведены совершенно невѣрно, и заключенія его потому часто совсѣмъ неправильны Напр, будто *формы Суждаль нтъ въ Лавр сп.* (см. у него стр 154.), тогда какъ мы здѣсь выше приводили нѣсколько такихъ формъ изъ Лавр. списка (напр. л. 172 ст 2). Да и писали мы уже прежде о трудѣ *Колосова*. См. наше соч.: «Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка»... Воронежъ. 1891. (отд. оттискъ.) Стр. 45—46.

Послѣ этихъ приведенныхъ данныхъ изъ области нынѣшнихъ великорусскихъ нарѣчій можно-ли сказать, что мѣна звуковъ *в* и *ў* не была извѣстна тѣмъ говорамъ др. русскаго языка, которые легли въ основу такъ называемыхъ „великорусскихъ“ говоровъ? Нельзя даже утверждать, что это звуковое явленіе было извѣстно *болѣе* на западѣ и югѣ, чѣмъ на сѣверѣ или востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшую пору это звуковое явленіе должно было быть извѣстно повсюду (см. выше) Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ языка XIV—XV столѣтія мы узнаемъ такое же употребленіе звуковъ *в* и *ў* въ сѣверно русскихъ областяхъ, какое нынѣ извѣстно и въ малорусскихъ или бѣлорусскихъ говорахъ. Конечно, этой же близостью разсматриваемыхъ звуковъ объясняются и слѣдующія написанія дьяковъ и подьячихъ въ грамотахъ и актахъ: Орѳоломей—АЮ. № 409. (VI.). вобчей—АЮ. № 14. 1510 г. Срв. въ обчемъ ѣзу—АЮ. № 19. 1532 г. съ сосны на волху, съ волхи — АЮ № 20. 1534 г. у Вонъчифора у Вонъдроникова — АЮ. № 71. (III.). Срв. „мостъ плавучей“ и „въ мосту плаучемъ“—АЮ. № 81. 1544 г. Срв также вставки *в* въ серединѣ словъ въ этихъ же областяхъ: Левонтей, Левонтіемъ, Левонъ—АЮ № 24. 1584 г., № 2. 1483 г., № 84. 1567 г, № 412. 1482 г, № 409 (VI.), № 71. (XV.), № 83. 1550 г. и друг. Ларивонъ, Ларивоновъ— АЮ. № 20. 1534 г., № 27. 1613 г., № 412. 1482 г.. № 71. (V. XVII. XXII.) и друг. Родивонъ, Родивоновъ—АЮ. № 22. 1547 г., № 71. (XIV. XIX.), № 411. 1473 г. Леванида—№ 65. 1661 г. (подписи.). Далѣе: Левушиньской—АЮ. № 71. (XVI.) при обыкновенномъ современномъ Леушинъ и проч [1]) (Срв. Левшинъ—фамилія). Мы

[1]) См объ этомъ явленіи статью *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. «Изъ исторіи р языка» I. Въ этой статьѣ нѣкоторыя вещи необходимо измѣнить и поправить: *Соболевскій* думаетъ, что, «какъ скоро мы имѣемъ дѣло со словомъ, не имѣющимъ въ нашемъ словарномъ матеріалѣ особенно близкихъ родичей, вмѣсто *ву* является *у*:... плаунъ, плауново сѣмя, сравни плавать» и т. п. Стр. 22. Это невѣрно: сравни выше въ АЮ. «мостъ плавучей» и «въ мосту плаучемъ». Кажется, здѣсь слово «плавать» должно бы собой *поддержать* и слово «*плавучій*», вмѣсто котораго, еслибы Соболевскій былъ правъ, мы не ожидали бы произношенія *плаучій*. Срв. у насъ въ текстѣ, тамъ такихъ примѣровъ много. Точно такъ-же невѣрно сказано, что влкр говоры имѣютъ: живу, реву, противуположный и т. п. (22). Срв. у насъ въ текстѣ: жыўў и друг. См. также ниже.

находимъ въ древне-русскомъ языкѣ въ этихъ же мѣстностяхъ также фонетическую утрату звука *в* послѣ *б*: *обинити*—АЮ. № 16. 1518 г., № 19. 1532 г. и друг Послѣ этихъ справокъ въ древне-русскомъ языкѣ сдѣлаемъ нѣсколько справокъ въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ и затѣмъ перейдемъ къ фактамъ нашихъ говоровъ, въ которыхъ мы часто встрѣтимъ тѣ-же самыя слова и почти съ такимъ-же произношеніемъ, какъ мы выше видѣли въ Грамотахъ и Актахъ. Наблюдатели указываютъ намъ мѣну *в* и *у* въ *Псковской* губерніи (*Даль.* XLIX.), въ *Черниговской*, *Псковской* (акающихъ частяхъ. *Соболевскій.* Жив. Ст. ib. I. 20. 23. 24.), въ *Новгородской*, *Вологодской* (Соболевскій ib. II. 11. 16. Срв. *Колосова.* Замѣтки. ib. 16. *Колосовъ* отмѣчаетъ, *какъ рѣдкость*, это явленіе въ Новгород. губ. и въ Владим. губ.—стр. 294). Въ древности, именно, въ этихъ мѣстахъ было распространено это явленіе, какъ мы видѣли выше. Слѣдовательно, если принять нашъ взглядъ на цоканье и чѣканье, то съ цоканьемъ и чѣканьемъ вовсе и не придется связывать мѣну *в* и *у*. Это — общерусскія явленія. Кромѣ того, конечно, это явленіе извѣстно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ: *Смоленской*, *Виленской*, *Могилевской* и другихъ; наконецъ, въ малорусскихъ губерніяхъ разсматриваемое явленіе представляетъ собой самое распространенное и обычное явленіе, такъ какъ встрѣчается во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, и даже, пожалуй, чаще, чѣмъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, хотя оба нарѣчія въ этомъ отношеніи особенно близки другъ къ другу въ наше время, и оба знаютъ не только мѣну *в* и *у*, но и мѣну твердаго *л* и *у*, т. е. въ обоихъ часто твердое *л* звучитъ, какъ неслоговое *ў*. Видимо, что судьба *и* прарусской эпохи была разнообразна въ разныхъ діалектахъ прарусскаго языка: еще на глазахъ исторіи мы застаемъ близость звуковъ *v* и *и*, т е. остатки стараго неслогового *и*, распространеннаго въ тѣхъ говорахъ, гдѣ нынѣ замѣчается уже строгое различіе между *в* и *у*. Напримѣръ, нынѣ въ Новгородскомъ и Владимирскомъ говорахъ указывается это явленіе (мѣна *в* и *у*) наблюдателями, какъ рѣдкость, вовсе не характеризующая этихъ говоровъ, между тѣмъ какъ въ XIV вѣкѣ и въ Новгородской, и въ Суздальской области это явленіе было настолько распространеннымъ, какъ мы видѣли выше, что его можно считать отличительной чертой соотвѣтствующихъ

говоровъ. Далѣе, если мы наблюдаемъ теперь это явленіе въ малорусскихъ говорахъ, какъ ихъ характерную черту, то это служитъ указаніемъ на ближайшую связь между нынѣшними малорусскими говорами и древними говорами галицко-волынскими, въ которыхъ это звуковое явленіе доказано памятниками галицко-волынской письменности. Слѣдовательно, въ этихъ говорахъ означенное звуковое явленіе лишь оказалось болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ другихъ, но данныя изъ памятниковъ Кіевской области (или Черниговской?) Изборникъ 1073 г.), изъ памятниковъ Новгородской, Суздальской, Московской, доказываютъ собой, что въ древности это явленіе было извѣстно *всему русскому языку*, и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимирской, Рязанской и другихъ губерній (см. выше). Такимъ образомъ, въ говорѣ древнихъ древлянъ надо признать существовавшимъ это звуковое явленіе даже въ XI вѣкѣ (Изборникъ 1073 г.), это-же явленіе было извѣстно и въ Черниговской области (въ говорахъ Черниговской губ. мы находимъ это явленіе и нынѣ), такъ какъ, по вышесказанному, это былъ одинъ говоръ, вѣроятно, съ очень небольшимъ отличіемъ: это были *сѣверные* древляне (жители лѣсовъ); при-Окскіе древляне (жители лѣсовъ, вятичи, которыхъ повелъ съ воинами ляхъ Вятко), конечно, имѣли тоже въ своемъ говорѣ эту же мѣну *в* и *у*; она и сохранялась долгое время на большомъ пространствѣ поселеній вятичей: въ XIV вѣкѣ въ Суздальской области ее мы видимъ даже въ языкѣ лѣтописей [1]), мѣстами она сохранилась и донынѣ. Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ подобные же факты.

Въ вопросѣ о звукахъ *в* и *ў* (неслоговомъ) есть вообще нѣсколько интересныхъ пунктовъ: неслоговое *и* вмѣсто *v* было извѣстно еще въ самомъ началѣ исторіи славянскихъ языковъ,

[1]) Одно мѣсто Лавр. лѣтописи (л. 11) замѣчательно тѣмъ, что изъ него видно, что древляне и поляне—одно племя. Такъ что это мѣсто подтверждаетъ высказанныя нами выше мысли *о словѣнахъ*. Въ самомъ дѣлѣ, читая это мѣсто, думаешь, что козары потребовали дани отъ древлянъ, однако даютъ имъ дань *поляне*. Можно и такъ понять, что поляне «были обидимы древлѧми инѣми околними», тогда выходитъ, что *были поляне* и *иные древляне*, и про мѣсто жительства *полянъ* здѣсь говорится то, что выше говорилось про *древлянъ*

быть можетъ, это неслоговое *и* чередовалось съ *г* еще въ общеславянскую эпоху въ извѣстныхъ случаяхъ; мы. напр, имѣемъ завѣдомо общеславянское *v* передъ гласными изъ общеиндоевропейскаго *и* въ такихъ словахъ. какъ: слово, плевѣ, любѣве, дѣва и другъ. Въ діалектахъ самого старослав. языка было извѣстно чередованіе неслогового *и* и *г*, такъ что врядъ-ли въ старослав. языкѣ *во всемъ* произошло полное совпаденіе индоевропейскихъ *и* и *v* *въ одномъ* звукѣ *v*: по крайней мѣрѣ, въ діалектѣ Синайскаго Требника (въ X—XI вѣкѣ) мы видимъ нѣсколько случаевъ чередованія *у* и *в*: і вѣзаконии врѣховѣнюмоу апльоу петроу ..—*Geitler*. Euchol 1882. л 20 b. стр. 19. (вѣзаконити —оузаконити); w благо вѣгодынѣ грѣкѣ кыти—л. 60 a. стр. 14. Гі вже нашѣ вѣзаконен достоинымъ себѣ сѫщѧ—л. 80 b строка 4. Срв л 20 b 19. выше. Но и: оукрази вь немь добродѣаниѣ— л 94 b стр 5. Въ діалектахъ Маріинскаго (Григоровичева) Евангелія и Зографскаго это явленіе также извѣстно: въ Мар. Ев читаемъ: вѣ же вь дьне оуѵа вѣ цркве. а ноштиж вѣдварѣаше сѧ исхода вѣ горѣ... *Ягичъ* Стр. 296. Строка 16—17 Срв. въ Зогр. Ев.: а ноштиж оудварѣаше сѧ.. *Ягичъ*. Стр. 128. Столб. 1. Строка 18. Такъ-же въ Никольскомъ Ев. Срв. въ Никольск. Ев оу ношти вмѣсто Мар Зогр. ноштиж. (*Ягичъ* Мар. Ев. 296. Прим. 16.); въ Мар. Ев. егда крѣпѣкы оуоражьса хранитъ свои дворъ—ib 248. 11—12. (*Ягичъ* считаетъ эту форму сербохорватскою—ib. прим. 11—12), но въ Зогр. Ев мы имѣемъ: вѣзоражь сѧ—*Ягичъ*. Стр 106. 1. 11—12. Въ Ник. Ев.—бѣ —Въ Мар Ев.: оуселенжиж—196. 10. Въ Зогр. Ев.—вьселѣненжиж—83. 2. 17—18 (Напрасно *Ягичъ*—Мар. Ев. 196. Прим. 10—видитъ въ этой формѣ *вліяніе сербо-хорватскаго языка* на Мар. Евангеліе: это явленіе, какъ мы видѣли выше, извѣстно въ этомъ словѣ и въ нашемъ Изборникѣ 1073 года и составляетъ, быть можетъ, въ этомъ примѣрѣ *остатокъ такихъ словъ*, которыя извѣстны всѣмъ слав нарѣчіямъ. Припомнимъ выше слова съ звуками $з^{ж}$, $с^{ш}$, $ц^{ч}$ и др. зелѣзо, сѣрый, чепь и под. Во всякомъ случаѣ чередованіе *и* и *v*, какъ видно, было извѣстно діалектамъ общеслв. языка). Къ такимъ же случаямъ фонетическаго чередованія *у* и *в*, основаннаго на первоначальной близости *и* и *v*, я отношу и употребленіе

въ старослав. памятникахъ глаголовъ вѫѧти и оуѧти безъ разницы въ значеніяхъ: не крѣшти вѫчьнетъ—Зогр. Ев. *Ягичъ*. 6. 2. 5. оуѧтъ—ib. 123. 2. 14. наѧьнетъ—ib. 112. 2. 31.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ мы знаемъ, что это явленіе (*ў—в*) извѣстно южнымъ славянскимъ языкамъ, и извѣстно даже въ памятникахъ древней письменности. Такъ, напр., въ старомъ болгарскомъ языкѣ мы находимъ въ Тріоди Григоровича (XII—XIII в.): възратъ вм. оузратъ—стр. 339 (*Срезневскій* Пам. юсов. п.), wпраудити — 340, къ Ѣуреwмъ—340, Ѣуреискаами—343, въ праудѫ—343. Такимъ образомъ, мы съ этимъ явленіемъ встрѣчаемся гораздо раньше въ памятникахъ болгарской редакціи, чѣмъ это показалъ П. А. *Лавровъ* въ своей книгѣ: „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“. М. 1893. Здѣсь мы находимъ (стр. 90) старшій примѣръ показаннымъ изъ Хлудовскаго Паремейника (XIII—XIV в.): люкаще мыто гонаще оуздаѧника—21 об, но примѣровъ изъ Тріоди Григоровича вовсе нѣтъ; зато мы здѣсь знакомимся съ этимъ явленіемъ въ говорахъ болгарскаго языка, узнаемъ, что это явленіе распространено въ современныхъ говорахъ западно болгарскихъ, хотя извѣстно оно и въ восточныхъ: унук, унука, вхоту, вблиза и друг. (ib. 90.). Это же явленіе извѣстно и въ сербохорватскомъ языкѣ, какъ мы видѣли выше. Въ сербскихъ пѣсняхъ мы часто видимъ примѣры: Која књига од Будима града, краљ га уњој у сватове зове; чашу узе, у сан се занесе; аде Марко у гору зелену; у јутру и мн. др. (*Караджичъ*. Пјесме. II. (1845 г.). Стр. 363. 364. 366 и мн. др.). Такимъ образомъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что разсматриваемое звуковое явленіе, мѣна или чередованіе *ў* и *в*, извѣстно было въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ со стрслав. и русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя думать, что это явленіе въ русскомъ языкѣ нѣкогда было діалектическимъ, а не общерусскимъ, когда оно и теперь извѣстно всѣмъ главнымъ нарѣчіямъ русскаго языка. Мы его видѣли и въ малорусскомъ, и въ бѣлорусскомъ, и въ великорусскомъ, гдѣ оно извѣстно и на сѣверѣ, и на югѣ: и въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ, и въ Рязанской, въ Орловской, въ Курской, въ Черниговской. Напр., въ Курск. Бѣлгород. у. мы слышимъ: у лєси, вгава́ривал, уста́л (*Ха-*

ланскій. Образцы... Изъ Р. Ф. В. 1882. Пѣсня № 6); ухажу́ я, каралевич, у свитли́чиньку; ни вбива́й себе—ib № 7; вда́рить—ib. III № 8; уся́, усе́—ib. № 32. (Кр. Поляна); № 44. 45. и друг. Срв. въ *Тульской* губ Новосильск. у.: „у ногахъ топтать"—*Шейнъ* Рус. Нар пѣсни. М. 1870. Стр 413. № 2; „я изъ саду да у садъ"—ib. 414. № 4; „часто ѣздишь ты у гости безъ меня"—ib. 422. № 12; „подушечки потонули у слезахъ"—ib. Срв. №№ 15. 16. (Хотя вообще у *Шейна* эти всѣ пѣсни очень дурно записаны). Итакъ, сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что чередованіе *ў* и *в* въ русскихъ говорахъ не занесено какой-либо колонизаціей изъ одной мѣстности въ другую. Незадолго до начала исторической жизни, а, можетъ быть, и въ началѣ своей исторіи, русскій языкъ зналъ произношеніе звука *в очень близкое къ ў*, такъ что мѣстами яснѣе слышалось *ў*, мѣстами *в*. Замѣтимъ далѣе, что въ *ў* могло переходить *только в*, т. е согласный губной (губно-зубной?) *звонкій фрикативный*. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ древнихъ русскихъ памятникахъ, ни въ современныхъ говорахъ мы не имѣемъ *ни одного случая*, гдѣ бы звукъ *ў* (неслоговое) стоялъ на мѣстѣ *глухого* губного, т. е. на мѣстѣ звука *ф*, хотя конечные, напримѣръ, согласные *звонкіе* едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія *глухихъ* ъ и ь, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а, можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ р. языка) произноситься *глухо*, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з*—въ *с* и проч. Что это явленіе перехода звонкихъ согласныхъ въ глухіе было извѣстно русскому языку (и старославянскому ?) послѣ исчезновенія изъ произношенія глухихъ гласныхъ ъ и ь, ясно видно, во—1-хъ, изъ *ассимиляціи* конечнаго звонкаго согласнаго предыдущаго слова слѣдующему глухому согласному другого слова, стоящаго рядомъ съ первымъ. Такъ какъ въ рѣчи *чрезвычайно рѣдко* слова отдѣляются такой продолжительной паузой, чтобы при говорѣ слова казались *отдѣльно* стоящими, то такая ассимиляція въ рѣчи должна была проявиться *очень рано*, тотчасъ послѣ потери глухихъ ъ и ь, и въ самомъ старославянскомъ языкѣ. Эта ассимиляція, конечно, попадала на письмо *очень рѣдко*, такъ какъ проникновенію ея въ письмо препятствовала литературная, орѳографическая традиція и оригиналы болѣе ранней эпохи языка. Если мы имѣемъ *въ самыхъ древнихъ* памятникахъ стрсл. языка такія написанія, какъ: бес плода, бес

печали, ис кораблѣ, ис корене и т. п при без грѣха, без народа. без мене, из васъ и т. п., т. е въ тv эпоху, когда еще можетъ быть допущено существованіе глухихъ гласныхъ ъ и ь въ старослав. языкѣ, если далѣе мы имѣемъ въ этихъ же самыхъ памятникахъ указанія на то, что глухіе ъ и ь переставали произноситься въ серединѣ и концѣ словъ въ эту эпоху (X—XI в.), такъ какъ ъ и ь часто па письмѣ *опускались* въ означенномъ положеніи, то какое-же у насъ разумное основаніе можетъ быть для того, чтобы отрицать ассимиляцію конечнаго *звонкаго* согласнаго съ начальнымъ *глухимъ* согласнымъ слѣдующаго слова *во всѣхъ словахъ*, а не только въ словахъ: без, из и под.?! Въ русскихъ памятникахъ мы имѣемъ то-же явленіе пропуска ъ и ь и объ этихъ памятникахъ мы можемъ говорить еще съ большимъ правомъ, утверждая въ XI вѣкѣ уже ассимиляцію конечныхъ согласныхъ одного слова и начальныхъ другого въ живомъ говорѣ. Срв., напр., въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г: ѡ кыхъ пріемлютъ дани или кинозъ (греч. ἀπὸ χαράγου)—Ркп Рум. Муз. № 1666 л 37.—Въ Остр. Ев: отъ кыихъ пріемлютъ дани или кинсъ—Востоковъ. О Е. л 72. Но на л. 42 въ Арх. Ев. мы уже читаемъ: дати кинозъ при О. Е. дати кинсъ—Вост. л. 78. Слѣдовательно, мы наглядно видимъ, что *болѣе всего зависитъ отъ аккуратности переписчика*: въ О. Е. въ одномъ мѣстѣ *точно такъ*, какъ и въ другомъ Такимъ образомъ, надо признать, что уже въ XI вѣкѣ въ русскомъ языкѣ была такого рода ассимиляція въ произношеніи (Срв. *Соболевскаго*. Лекціи [2]. Стр. 108—109 и 98—99). Если это такъ, то чѣмъ объяснить неслоговое *ў въ концѣ словъ* въ сѣверно-русскихъ, южно русскихъ, среднерусскихъ и западно-русскихъ современныхъ говорахъ? Мнѣ кажется, *единственное* объясненіе, которое можно дать этому явленію, будетъ то, что *переходъ звука в въ неслоговое ў*, или чередованіе этихъ звуковъ, былъ извѣстенъ русскому языку *еще въ ту эпоху, когда конечные звонкіе согласные еще не переходили въ глухіе согласные*, т. е предположивъ, что конечные ъ и ь исчезли въ русскомъ языкѣ изъ произношенія въ доисторическую эпоху, мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія ъ и ь звучали, не переходя въ глухіе со-

гласные; этотъ періодъ времени продолжался во всякомъ случаѣ до XI-го вѣка, а, можетъ быть, захватилъ собой и XI й вѣкъ нашей исторіи Ясно, что русскій языкъ, получивъ изъ діалектовъ общеславянскаго языка такое *ъ*, которое было близко къ *и*, или оба звука: и *ъ* и *и*, пользовался этими звуками долгое время, слѣдовательно, и въ эпоху произношенія глухихъ ъ и ь (ирраціональныхъ), и въ эпоху, *непосредственно* слѣдовавшую за исчезновеніемъ глухихъ ъ и ь въ концѣ словъ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ мы имѣемъ конечное неслоговое *ў* вмѣсто *в*, мы имѣемъ окончанія словъ на *звонкіе* звуки, т е мы имѣемъ *остатки глубокой старины*, подобно тому, какъ мы имѣемъ остатки глубокой старины въ нѣкоторыхъ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, въ нѣкоторыхъ ударяемыхъ окончаніяхъ глаголовъ (напр., спите́, хотите́, глядите́ и др), въ формахъ глагола 3-го лица ед. и мн ч. безъ окончанія (пише, ѣде, несе...), въ произношеніи звука *е* въ такихъ формахъ, какъ живе́те, живе́ть вм. живе́те, живе́ть и многг. др. Физіологически близко стоитъ звукъ *и* къ звуку ł открытому твердому: тѣ люди, у которыхъ замѣчается ненормальность рѣчи, послѣдняя выражается очень часто въ произношеніи звука *и* вмѣсто ł: ўбтка, ми́ўая, ма́сўа, нашо́ў, асўабля́ть и под. Сравненіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ показываетъ, что общеславянскій языкъ имѣлъ какъ l закрытое (общеевропейское), такъ въ извѣстныхъ случаяхъ и ł открытое (русское „лъ“); l закрытое могло быть твердымъ, среднимъ и мягкимъ въ зависимости отъ сочетанія со слѣдующими гласными или согласными. Въ прарусскій языкъ твердый и средній звукъ l закрытый (слоговой и неслоговой) былъ полученъ въ видѣ ł открытаго, а мягкій звукъ l такъ и былъ полученъ мягкимъ закрытымъ (См. *Шахматова.* Лекціи по р. яз. стр. 138 и слѣд.). Я полагаю, что данныя тѣхъ славянскихъ языковъ, гдѣ мы видимъ *и* вмѣсто ł, напр., въ сербскомъ, въ русскомъ (малор. и бѣлор., частью великор), указываютъ намъ на свое происхожденіе отъ тѣхъ нарѣчій общеслав языка, въ которыхъ судьба общеславянскаго звука *l* была одинакова, т. е. въ которыхъ это общесл. *l* (твердое и среднее, слоговое и неслоговое) закрытое измѣнилось *въ открытое* Думаю, что и въ сербскомъ языкѣ судьба этого общесл. *l* была такая же. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ серб. пун, млр. повний, блр. повный; серб. во (волх), дао, плео,

читаю; млр. пішов, ходив, знайшов, дав, казав; блр ходзиў, даў, ўзяў, сказаў и проч. Сравненіе этихъ произношеній показываетъ, что въ основѣ ихъ всѣхъ должно было лежать произношеніе съ неслоговымъ *и̯*: серб. пун, вѣроятно, изъ *поўн; во изъ *воў (срв нашу форму въ ряз. касим дамо́, дало́ изъ домо́ў, доло́ў—выше); дао изъ *даў и проч. Эти два процесса: *v* и *и̯*, съ одной стороны, ɫ и *и̯*,—съ другой, въ теченіи времени столкнулись, и отсюда мы стали замѣчать чередованіе *v* и ɫ: такое общесл. слово мы имѣемъ *слобода* при *свобода* изъ suoboda. Срв. въ Ряз. Грамотѣ Олега 1356 г. *слободичь* при *сгадавъ ѥсмь* и *воззрѣвъ ѥсмь* (*Срезневскій*. Памятн. р. п. и яз. Изв. АН. X вып. VI. Стр. 678—679. Здѣсь же: *ѥсмь далъ* и *ѥсмь вы̯ѣхалъ*). Такое-же общесл. слово мы имѣемъ, съ другой стороны, въ словѣ: *завтра* при *заоутра*.

Такимъ образомъ, признавая чередованіе и мѣну звуковъ *и̯* и *v* общеславянскимъ явленіемъ и предполагая, что это звуковое явленіе было получено изъ общеславянскаго языка и прарусскимъ языкамъ (или его нарѣчіями), мы вовсе не признаемъ такой-же древности за другимъ фонетическимъ чередованіемъ ɫ и *и̯* (v), такъ какъ для этого нѣтъ данныхъ и въ древнихъ памятникахъ славянской письменности, но утверждаемъ что послѣднее фонетическое явленіе могло развиваться лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ судьба общеславянскаго звука *l* была одинаковой, т. е. въ тѣхъ языкахъ, гдѣ былъ полученъ ɫ открытый изъ l закрытаго твердаго и средняго. Первый звуковой процессъ лишь пережилъ собой второй процессъ, и оба процесса, такъ сказать, проникли другъ другомъ въ жизни языковъ, а потому съ теченіемъ времени получились явленія перехода не только *в* въ *ў* (*ў* въ *в*), но и *л* въ *ў* и *в* въ *л* (или *л* въ *в*).

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука в. Мы уже знаемъ, что въ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстенъ и очень распространенъ *переходъ звука в въ γ*, а звука *ф* (только изъ *в*)—въ *х*. Именно, объ этомъ явленіи мы будемъ теперь говорить, не касаясь перехода звука *ф* (не изъ *в*) въ *х* и *хв*, о чемъ рѣчь должна быть особая, т. е. о звукѣ *ф*. Въ I-ой части своего труда мы старались точно опредѣлить *условія*, при которыхъ появляется въ нашихъ говорахъ звукъ *γ* (*х*) вмѣсто *в* (*ф*). Теперь мы займемся параллельнымъ обозрѣніемъ этого или соотвѣтствующаго этому звукового явле-

нія въ другихъ русскихъ говорахъ и постараемся выяснить значеніе открытыхъ нами звуковъ въ касимовскихъ говорахъ для исторіи звуковъ русскаго языка вообще. Такъ какъ появленіе звука *ɣ* вмѣсто *в* въ нашихъ говорахъ, по нашему мнѣнію, проливаетъ свѣтъ на извѣстное, но еще загадочное явленіе чередованія звука *в* и *ɣ* по говорамъ въ формѣ родит. падежа ед. числа муж.—средняго рода именъ прилагат. и мѣстоименій, то эти два явленія и необходимо разсматривать въ связи. Я полагаю, что интересующее насъ явленіе фонетики нашихъ говоровъ имѣетъ очень важное, можно сказать, рѣшающее значеніе въ теоріи падежнаго окончанія—*во*,—*ɣо* въ род. п. ед. ч. муж.—средн рода Ниже читатель долженъ будетъ припомнить еще одно интересное явленіе нашихъ говоровъ, именно, звуковую группу *ɣu̯*, о которой предварительно и скажемъ нѣсколько словъ. Что касается этого послѣдняго явленія, то оно намъ встрѣтилось, какъ сказано было въ I ой части нашего труда, въ говорѣ села *Праватарово* Касимов. уѣзда. Хотя я и затруднялся слухомъ уловить послѣдовательность этихъ звуковъ *ɣu̯* или *u̯ɣ*, но самый этотъ звуковой комплексъ въ живомъ говорѣ народа имѣетъ для насъ особую важность, именно, въ виду того, что мы теперь до нѣкоторой степени уясняемъ себѣ тотъ фонетическій процессъ, который, повидимому, имѣлъ мѣсто при образованіи словъ съ діалектическими различіями въ начальныхъ звукахъ слова: то съ начальнымъ *в*, то съ *ɣ*, то съ *ɣв*, то безъ какого-либо изъ этихъ согласныхъ.

Мы теперь можемъ пред тавить себѣ произношеніе въ *прарусскомъ* языкѣ такихъ словъ, которыя начинались въ ту эпоху предполагаемымъ слитнымъ звукомъ *ɣv* и впослѣдствіи дали діалектическія разновидности съ начальнымъ звукомъ *ɣ* и начальнымъ звукомъ *v*. По указанію *Фортунатова* и *Шахматова* [1]), необходимо допустить общеславянскій звукъ *ɣ* изъ первоначальнаго *g* въ фонетическомъ положеніи передъ *v*: *ɣvor̥ biję̯*, *ɣvy̯r̥sta*, *ɣvozdę̯*, *ɣvǫkę̯*; это *ɣ* въ указанномъ положеніи перешло въ прарусскій языкъ; такое-же *ɣ* предполагается діалектически въ общесл. и прарусскомъ языкахъ въ положеніи его передъ начальнымъ общеслав. *ǫ* и прарус-

[1]) *Шахматовъ*. Лекціи. 1890—91 г. Стр 118.

скимъ *и* въ словахъ: **γǫsękniса* при **ǫsękniса*, въ корнѣ **γǫz*— при **ǫz*.—Наконецъ, этотъ звукъ *γ* общеславянскій, не діалектическій перешедшій и въ прусскій языкъ, являлся въ окончаніи родительнаго падежа ед. числа мѣстоименнаго склоненія [1]): *toγo, doβraeγo* и проч Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая, напр., слова: влкр. *воробен*, блр. *веребей*, съ одной стороны, и млр *воробець* при *γоробець*,—съ другой, затѣмъ, находя въ малорус діалектахъ произношеніе *γворобець*, мы, естественно, должны предполагать для прусскаго языка произношеніе **γvorobiję*, и, такимъ образомъ, въ млр. діалектическомъ *γвороβець* мы имѣемъ остатокъ глубокой старины. Равнымъ образомъ, наблюдая произношеніе такихъ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи, въ которыхъ является начальное *γв* передъ слѣдующимъ твердымъ гласнымъ и начальное *дзв* передъ слѣдующимъ мягкимъ, мы приходимъ къ заключенію, что этотъ слитный звукъ *дз* получился изъ звука *γ* передъ *v* въ прусскую эпоху въ положеніи, когда послѣ *v* были мягкія гласныя: *e, i, ь, ę*. Такъ, мы предполагаемъ: **γvękъ* на основаніи млр дзвяк и для общесл. языка—на основаніи польскаго dzwięk; **γvьnĕti*—на основаніи млр дзвеніти и для общесл языка—на основаніи старосл звькѣти (См. *Срезневскаго*. Пам. юсов п. Стр. 96 и 161) Мы предполагаемъ прусское **γvĕrъ* и общеславянское **γvĕrъ* (см. *Срезневскаго*. ibid. и 63: Минея Григоровича и 68—Парем. Григоровича); вѣроятно, этотъ же звукъ мы имѣемъ передъ звукомъ *м* со слѣдующей мягкой гласной, какъ показываютъ: стрсл. *змии*, млр дзмій. Мы предполагаемъ прусское **γvьrsta* на основаніи новгор. и псков. гверста (=дресва. Даль s. v.) и общесл. *γvьrsta* на основаніи чш. hrstwa, серб дубровац врста изъ **гврста*

Этотъ звукъ *дз* или *з* переносился изъ словъ со слѣдующимъ мягкимъ гласнымъ послѣ *в* и въ слова родственныя, въ которыхъ уже не было мягкаго гласнаго послѣ *в*, передъ которымъ, согласно вышесказанному, стоялъ въ общеславянскомъ звукъ *γ*, который въ этомъ положеніи уже не долженъ

---

[1]) См. также мою рец на книгу *Булича*: «Церковно-слав. элементы» .. Спо 1893 Отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ» Казан. Унив. Казань. 1894 г Стр. 1—3. (Учен Зап 1894. Май—Іюнь. Критика. Стр. 1—3).

бы былъ дать звуки *дз* и *з*; такъ, мы имѣемъ изъ общесл. *ɣvǫkъ*—*звѫкъ*; срв. польск. dzwon, dzwonić и млр. дзвін, дзвонити; млр звоздик (влр. гвоздика), звіздь (при *ɣ*віздь), звіздик указываютъ на такое же прарусское *ɣ*. Срв. также: млр. *ɣ*усли при блр. вусли изъ прарусскаго **ɣ*vusli

Такимъ образомъ, еще для общеславянскаго языка мы должны предположить звуки *ɡ* и *ɣ*; въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ (см. выше) звукъ *ɣ* перешелъ и въ прарусскій языкъ, для котораго этотъ звукъ доказывается русскими нарѣчіями и говорами въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) тамъ, гдѣ онъ чередуется по говорамъ со звукомъ *в*; 2) тамъ, гдѣ онъ встрѣчается въ начальномъ слогѣ слова въ сочетаніи съ *в* въ однихъ діалектахъ, а въ другихъ при этомъ мы имѣемъ то одно *ɣ*, то одно *в*; 3) тамъ, гдѣ мы имѣемъ русское діалектическое *з* (*дз*) при *г*, *ɣ*.

Наши говоры даютъ намъ новые матеріалы, во-первыхъ, для построенія и доказательства прарусскихъ формъ съ звуковымъ сочетаніемъ *ɣv* (*ɣu̯*), во-вторыхъ, для доказательства того, что формы родительнаго падежа на—*во* произошли, именно, изъ формъ на—*ɣo*, а не на—*ɡo* Возьмемъ первый пунктъ. Наши говоры даютъ намъ образцы произношеній съ звуковымъ сочетаніемъ *ɣў* или *ўɣ* между гласными. Выше мы видѣли, что *Шахматовъ* предполагаетъ такое сочетаніе звуковъ *только въ начальномъ слогѣ* тѣхъ словъ, которыя нынѣ по діалектамъ начинаются то звукомъ *ɣ*, то звукомъ *в*: *ɣ*оробецъ, воробецъ, воробей; *ɣ*усли, вусли и под. Мы же имѣемъ въ нашихъ говорахъ произношеніе: дура́ва при дура́ɣўа (см. выше); въ Словарѣ Даля находимъ подъ словомъ: „дуракъ“ слово: „дура́ха“ —ряз.—дурника: „растенье и ягода пьяница, голубика, гонобобель, гоноболь. Vaccinium uliginosum“. Очевидно, въ Словарѣ „дура́ха“ вмѣсто „дура́ɣа“. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ произношенія: дурава, дураɣа и дураɣўа, т. е. такое-же произношеніе, какъ и въ словѣ: воробецъ, *ɣ*оробецъ и *ɣ*воробецъ, откуда мы выводимъ для прарусскаго произношеніе: дура́ɣўа и, кромѣ того, допускаемъ, что въ прарусскую эпоху не только въ начальномъ слогѣ слова были сочетанія *ɣu̯*, но *и въ серединѣ словъ между гласными.*

Возьмемъ второй пунктъ. Наши говоры показываютъ намъ, что звукъ *ɣ* находится въ чередованіи, именно, со зву-

комъ *в*: нигдѣ мы не видѣли звука *ґ* вмѣсто *в* или наоборотъ (срв. выше: *ѵ*мѣсти – вмѣстѣ, *ѵ*бок—въ бокъ и мн. др.), слѣдовательно, если мы наблюдаемъ нынѣ произношеніе: дурно́*ѵ*а и дурно́ва при дурно́*ѵ*о или дурно́во, то на основаніи вышесказаннаго мы вправѣ утверждать, что въ орѳографическомъ „дурно́го“ мы видимъ только условную передачу звука *ѵ* знакомъ *ґ*, который однако не выражаетъ и не выражалъ, вѣроятно, никогда въ русскомъ языкѣ звука *ґ* въ окончаніяхъ родительнаго падежа единств. числа мѣстоименій и прилагательныхъ мѣстоименнаго склоненія. Наши-же говоры позволяютъ намъ сдѣлать и слѣдующее предположеніе насчетъ такихъ словъ, какъ: *когда*, *тогда*, *всегда*. Если мы въ этихъ словахъ теперь имѣемъ діалектическое *в*: *товды* (*Шейнъ* Матеріалы. II. 334), *ковды*, то мы вправѣ утверждать, что здѣсь былъ прарусскій звукъ *ѵ*, а не *ґ*, и этотъ *ѵ* до сихъ поръ остался почти во всѣхъ діалектахъ; при формахъ *товды*, *ковды* становятся понятными и формы: *толды*, *колды* черезъ формы *тоўды́, коўды́, *всеўды́. (См. выше) [1]). Въ говорѣ галицкихъ Лемковъ, гдѣ также извѣстенъ переходъ звука *в* въ *ў*, мы находимъ и переходъ звука *в* въ *ѵ* (*ф* изъ *в* переходитъ въ *х*): гъ лісі, хпаў гъ воду и друг. (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892 г. IV. 54).

Переходъ мягкаго в въ j. Объ этомъ явленіи мы говорили уже нѣсколько выше по другому поводу: именно, объясняя мѣстоименныя формы *теѣ*, *сеѣ* родит падежа и приводя объясненія *Соболевскаго*. Здѣсь мы обстоятельно разберемъ это явленіе нашихъ говоровъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: неслоговое *ў*, находясь въ нашихъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ въ концѣ словъ, побудило насъ сдѣлать предположеніе о томъ, что явленіе перехода звука *в* въ неслоговое *ў* по времени предшествовало явленію перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе въ концѣ и серединѣ словъ, а, такъ какъ послѣднее явленіе перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе начáлось очень рано. слѣды его замѣчаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже въ XI вѣкѣ, то, значитъ, явленіе перехода твердаго звука *в* въ неслоговое *ў* есть явленіе доисторическое въ русскомъ

[1]) Срв. у Ѳ. Е. *Корша* въ статьѣ: Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Archiv. f. sl. Ph. III. 666. ff.

языкѣ; мы пришли къ заключенію, что русскій языкъ вынесъ изъ общей родины звукъ неслоговое *u* и *v*, которые во многихъ случаяхъ и діалектахъ смѣшивались и не различались другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ *конечный* звукъ *в* успѣлъ превратиться въ глухой *ф*, мы видимъ въ концѣ словъ или этотъ звукъ *ф*, или его замѣстителя—звукъ *х* (см. ниже) Если же *цѣлый говоръ* имѣетъ на концѣ словъ неслоговое *ў*, то это равносильно тому, что въ немъ сохранилось звучное окончаніе словъ на согласную, т. е. этотъ говоръ долженъ считаться поэтому говоромъ древнѣйшимъ, архаическимъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ переходѣ *мягкаго в* въ неслоговое *i̯* или *j*: произношеніе дѣi̯ки или дѣjки я считаю болѣе древнимъ, чѣмъ произношеніе дѣфьки или дѣфки. Непосредственно послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* изъ произношенія должно было получиться произношеніе *дъвки*, а затѣмъ—*дъвьки* (*дъв'ки*), гдѣ *ь* означаетъ мягкость предшествующаго *в* въ положеніи передъ слѣдующимъ *мягкимъ* звукомъ *к*. Такого произношенія мы уже нигдѣ нынѣ не слышимъ, слѣдовательно, оно утрачено *очень рано*, по крайней мѣрѣ, извѣстной частью русскаго языка, а, можетъ быть, его и не было никогда: по всей вѣроятности, въ эпоху исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* мы уже имѣли произношенія: *дѣ̆ка* и *дѣ̆ки* (дѣi̯ки), гдѣ начертаніемъ—*ки* я выражаю *вообще мягкій слогъ*, не входя въ подробности о томъ, что окончаніе—*ки* есть, собственно говоря, окончаніе позднѣйшее (дѣ̆ка—дѣ̆цѣ ...). Такъ могло быть и гораздо раньше эпохи исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, такъ какъ въ означенномъ положеніи глухіе *ъ* и *ь* были *неслоговыми* еще въ общеславянскомъ языкѣ и тамъ-же уже, вѣроятно, не произносились или теряли частью свое произношеніе Какъ скоро получилось произношеніе *дѣфка* и *дѣфьки*, то оно *діалектически* уже могло переходить въ русскомъ языкѣ въ произношеніе *дѣхка* и *дѣхька* (см. I-ую часть нашего труда—эти произношенія въ Касимовскихъ говорахъ). Такія произношенія, какъ *дѣхка*, *дѣхьки*, конечно, *новѣе* первыхъ произношеній съ неслоговыми *ў* и *i̯* (*j*), а потому *и говоры*, въ которыхъ извѣстны *только* послѣднія произношенія, *новѣе* тѣхъ говоровъ, которые представляютъ намъ образцы разныхъ произношеній, возникшихъ въ извѣстной послѣдовательности во времени. Точно такое-же значеніе въ вопросѣ о древности имѣетъ и произношеніе: жыi̯ѣть—3 л. ед. ч.—нашихъ говоровъ, гдѣ мы

видимъ по отношенію къ звуку *j* явленіе глубочайшей древности: на это указываютъ формы польскаго, чешскаго, лужицкаго языковъ и діалектическая *прарусская*, на что, въ свою очередь, указываютъ формы млр. нарѣчія (*Miklosich* Etym. Wtb s. v. živ.—) Едвали можно разсматривать форму „живетъ“ и под. нашихъ говоровъ и литературнаго нарѣчія, какъ форму *особаго*, но тоже *древняго*, образованія, такъ какъ трудно допустить вставку звука *в* тамъ, гдѣ не было зіянія. Срв. жую—жуётъ, гнію—гніётъ и под Я думаю, что формы „живётъ“ и под. суть формы болѣе позднія, новыя.

Такимъ образомъ, во всей главѣ о звукѣ *в* мы пришли къ заключенію, что звукъ *в* сохранялъ свою близость къ неслоговому *ў* долгое время почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка: данныя изъ памятниковъ Новгородскихъ, Двинскихъ, Псковскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Галицко-волынскихъ (? Ипатьевскій списокъ) убѣждаютъ насъ въ томъ, что разсматриваемое явленіе въ области звука *в* было *общерусскимъ* явленіемъ фонетики, и что, слѣдовательно, были какія-то причины въ самомъ прарусскомъ языкѣ, вслѣдствіе которыхъ звукъ *в* могъ переходить въ *у*, звукъ *у* переходилъ въ *в*. само *в* то опускалось, то вставлялось, то приставлялось Эти причины, я думаю, кроются въ особомъ произношеніи звука *в* въ прарусскомъ языкѣ, гдѣ *не было двухъ звуковъ*, рѣзко различавшихся другъ отъ друга: *в* и *ў*, а былъ одинъ звукъ — неслоговое u̯, которое съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ превратилось въ *в*, въ другихъ продолжало сохраняться, затѣмъ произошло взаимное вліяніе словъ съ различными оттѣнками произношенія и взаимное вліяніе говоровъ; кромѣ *и̯*, былъ, конечно, звукъ u̯—слоговой [1])

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Въ этой статьѣ о звукѣ *ф* мы будемъ говорить, конечно, о томъ звукѣ, который самъ по себѣ въ русскомъ языкѣ является зву-

[1]) Примѣры, приведенные здѣсь изъ памятниковъ, мы могли бы умножить примѣрами изъ западно-русской Четьи 1489 г, гдѣ есть масса случаевъ, относящихся сюда. *Карпинскій*. 12—13. Особенно замѣтно здѣсь: «употребленіе предлога *ув* вм. *въ* передъ словами, начинающимися съ *о*»: ув огонь—263. *Карп.* Стр. 13. Сюда же относятся многія данныя, собранныя нами въ первомъ нашемъ трудѣ: «Къ діалектологіи».... Стр. 61—72.

комъ вторичнымъ, т. е. звукомъ, который произошелъ *въ русскомъ* языкѣ изъ болѣе ранняго звука *в*. Какъ звукъ глухой (отзвучный), *ф* могъ появиться въ чисто русскихъ словахъ только въ положеніи передъ глухими звуками или въ концѣ слова; въ томъ и другомъ случаѣ образованіе этого звука предполагаетъ собой существованіе закона объ ассимиляціи согласныхъ звуковъ въ серединѣ слова и существованіе закона о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ *дѣйствительномъ* концѣ словъ. Оба эти закона, конечно, по времени гораздо старше появленія звука *ф* въ русскомъ языкѣ, а потому и явленія фонетическихъ измѣненій звука *ф* сравнительно позднія и молодыя, такъ какъ предполагаютъ собой въ свою очередь существованіе сравнительно новаго звука *ф*. Едвали не одновременно съ возникновеніемъ звука *ф* въ русскомъ языкѣ появилась и его своеобразная артикуляція въ устахъ русскихъ людей: дѣло въ томъ, что этотъ звукъ могъ проникнуть въ русскую среду или книжнымъ путемъ, т. е. этотъ звукъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ первоначально только книжнымъ людямъ, отъ которыхъ онъ могъ съ теченіемъ времени передаваться и неграмотному народу, слышавшему этотъ звукъ лишь въ словахъ собственныхъ именъ, въ словахъ иностраннаго происхожденія, или же этотъ звукъ въ эпоху появленія книги былъ уже извѣстенъ и языку массы, если былъ въ это время уже законъ объ ассимиляціи согласныхъ и о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ концѣ словъ. Навѣрное сказать что-либо по этому поводу трудно, но возможно предположить слѣдующее: такъ какъ, съ одной стороны, въ ранніхъ памятникахъ письменности мы не встрѣчаемъ описокъ такихъ, которыя давали бы намъ право говорить о произношеніи книжными русскими людьми звука *ф* вмѣсто *в* въ извѣстныхъ случаяхъ, т. е. мы не видимъ написаній: фторой, фсегда, грѣхофъ и т. п., а, съ другой стороны, такъ какъ до сихъ поръ сохранились цѣлые сплошные говоры, гдѣ имѣется произношеніе ўторой, ўсё, грѣхóў и т. п., то мы, кажется, вправѣ изъ этого заключить, что неграмотный русскій народъ въ эпоху появленія письменности (конечно, и до появленія ея) говорилъ въ этихъ и подобныхъ словахъ не *ф*, а несложовое *ў* (*в*); но мы имѣемъ въ современныхъ намъ говорахъ русскаго языка произношенія: хтарóй, мужыкóх—род. п. мн. ч.—и т. п., которыя не могли получиться непосредственно изъ произношеній ўтарóй, мужы-

ко̀ў (или: второ́й, мужико́в), а, слѣдовательно, для этихъ говоровъ нужно предположить сначала произношеніе *фторо́й*, *мужико́ф*, которыя могли появиться, въ свою очередь, лишь тамъ, гдѣ слышался скорѣе элементъ *в*, чѣмъ неслоговое *ў*; въ такомъ случаѣ, этотъ звукъ *в*, послѣ того какъ началъ свое дѣйствіе законъ перехода конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе и законъ ассимиляціи, естественно, превратился въ *ф*, откуда его позднѣйшее видоизмѣненіе въ *х*

Такимъ образомъ, звукъ *ф* въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть въ древности извѣстенъ не всѣмъ нарѣчіямъ или говорамъ русскаго языка, а лишь тѣмъ, въ которыхъ неслоговое *ў* было вытѣснено звукомъ *в*, или въ которыхъ, иначе говоря, *губное* (согласное) произношеніе преобладало въ звукѣ *ў* надъ гласнымъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, мы и теперь не имѣемъ почти звука *ф* тамъ, гдѣ произносятъ *ў*; наоборотъ, звукъ *ф* извѣстенъ и теперь тѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, гдѣ давнымъ давно утрачено произношеніе *ў*. Тѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ нынѣ *х* или *хв* изъ *ф* (изъ *в*) въ русскихъ нарѣчіяхъ съ неслоговымъ *ў*, можно съ увѣренностью считать случаями позднѣйшаго переиначеннаго произношенія на мѣстный ладъ, проникшими въ эти нарѣчія изъ сосѣднихъ со звукомъ *ф*, который и перешелъ здѣсь въ *х* или *хв*, такъ какъ звука *ф* здѣсь не было, и вмѣсто него въ иностранныхъ и собственныхъ именахъ издавна являлся звукъ *х* или *хв*. Наши говоры, при-Окскіе, суть говоры съ неслоговымъ *ў*, слѣдовательно, они не должны имѣть звука *ф*, а вмѣсто него должны употреблять въ чужихъ словахъ *х* (*хв*), а въ родныхъ словахъ должны сохранять слѣды произношенія звонкаго согласнаго на концѣ и въ серединѣ словъ, т. е. должны имѣть *ў*, причемъ случаи произношенія звука *х* вмѣсто *ў* (изъ *в* или вмѣсто *в*) въ нашихъ говорахъ должны свидѣтельствовать собой позднѣйшее заимствованіе такихъ словъ со звукомъ *ф* (изъ *в*) изъ сосѣднихъ говоровъ. Если это вѣрно, если наше предположеніе можетъ быть допущено, то мы, значитъ, имѣемъ въ нашихъ при-Окскихъ говорахъ остатки (конечно, сильно видоизмѣненные и разрушенные) древнихъ русскихъ говоровъ *шепелеватыхъ съ неслоговымъ ў* (остатки говоровъ той части восточныхъ славянъ, которая разошлась по пространству нынѣшней средней Россіи и получила въ древности различныя на-

званія отъ мѣстностей своего поселенія—Древлянъ, Полянъ, Полочанъ, Сѣверянъ, а также—различныя прозвища отъ сосѣдей—Радимичей, Вятичей, Дреговичей).

Намъ нѣтъ надобности здѣсь приводить примѣры произношенія звука *ɸ*, какъ *х* и *хв*, въ русскихъ говорахъ, такъ какъ это въ достаточной полнотѣ сдѣлано нами въ IX-ой главѣ I-ой части нашего труда. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что такое произношеніе звука *ɸ* извѣстно нынѣ почти во всѣхъ говорахъ въ большей или меньшей степени, причемъ нѣкоторые говоры по преимуществу обладаютъ этой вообще сравнительно не древнею особенностью. Нѣсколько особнякомъ стоитъ *полушепелеватый* говоръ Новгородской губерніи, тогда какъ говоры средней полосы Россіи въ этомъ отношеніи ближе тѣснятся къ говорамъ юга.

Глава VII-ая.

Задне-небные согласные: *г* и *к*.

Въ X-ой главѣ I-ой части мы собрали данныя относительно произношенія звуковъ *г* и *к* въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ. Эту главу начали мы обозрѣніемъ и перечисленіемъ тѣхъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ, которые, по нашему мнѣнію, крѣпко связываютъ изслѣдуемые нами касимовскіе говоры съ глубокой стариной. Въ частности по отношенію къ задне-небнымъ звукамъ *г* и *к* мы указали на звуки *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ, на чередованіе *г* мягкаго и *д*, *к* мягкаго и *т*, затѣмъ пришли къ выводу, что прарусскому языку должны были быть извѣстны звуковые комплексы $\widehat{г\gamma}$ и $\widehat{кх}$. Намъ остается здѣсь только прибавить, что по отношенію къ верхне-лужицкому нарѣчію за послѣднее время мы успѣли навести кое-какія справки у людей, владѣющихъ практически этимъ нарѣчіемъ, и мы замѣтили въ произношеніи этихъ лицъ призвукъ *х* при звукѣ *к* въ тѣхъ словахъ, которыя мы приводили выше въ X-ой главѣ I-ой части. Далѣе мы развивать свою мысль не будемъ, такъ какъ этотъ экскурсъ въ области произношенія задне-небныхъ

звуковъ *г* и *к* имѣетъ лишь *посредственное* отношеніе къ матеріаламъ, заключающимся въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, а потому и во II-ой части своего труда мы оставляемъ вопросъ о задне-небныхъ звукахъ *г* и *к* лишь намѣченнымъ, не удѣляя ему много мѣста. Въ виду этого обстоятельства, т. е. второстепеннаго значенія звуковъ *г* и *к*, равно какъ и звука *ф*=*х*, *хв*, для нашихъ говоровъ, наши разсужденія по поводу этихъ звуковъ и не нашли себѣ мѣста во II-ой части настоящаго труда, посвященной *опредѣленію отношенія* нашихъ касимовскихъ говоровъ къ другимъ говорамъ *по матеріаламъ*, *заключающимся* въ фонетикѣ нашихъ-же говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Часть III-я.

ЗВУКИ ОБЩЕРУССКАГО ЯЗЫКА И ФОНЕТИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ, ОБУСЛОВИВШІЕ ВИДОИЗМѢНЕНІЕ ЭТОГО ЯЗЫКА ВЪ ОБЩЕВЕЛИКОРУССКІЙ И ЗАТѢМЪ ВЪ ОТДѢЛЬНЫЕ ЕГО ГОВОРЫ.

Сводя найденные нами звуки общерусскаго языка въ одно параллельное обозрѣніе, мы будемъ имѣть въ составѣ звуковъ этого языка слѣдующіе: *о* въ закрытыхъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, *дифтонги* въ ударяемомъ и неударяемомъ положеніи, какъ болѣе поздняя эпоха; *дифтонгическое сочетаніе* $i\widehat{e}$, звукъ *средній* между *о* и *а* (o^a) въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ. Въ области согласныхъ звуковъ мы нашли общерусскіе: звуки *средніе* между *ч* и *ц* ($ч^ц$, $ц^ч$), между *ж* и *з* ($ж^з$, $з^ж$), между *ш* и *с* ($ш^с$, $с^ш$); звукъ неслоговой *ў* съ большей или меньшей его близостью къ звуку *в*; сочетаніе $\widehat{yv}$ ($\widehat{yu}$), звуки *г* и *у*, причемъ звуки *у*, *г* и сочетаніе $\widehat{yv}$ ($\widehat{yu}$) были извѣстны *во всякомъ положеніи*.

Переходя къ типу общевеликорусскаго языка, прежде всего замѣтимъ, что послѣдній вынесъ съ собой нѣсколько звуковъ изъ общерусской эпохи, именно, долгое *о* въ закрытыхъ слогахъ неударяемыхъ и ударяемыхъ; краткіе *о* и *е* разнаго происхожденія: общерусскіе краткіе гласные *полнаго* образованія и *о* и *е* изъ *ъ* и *ь* еще, можетъ быть, въ общерусскомъ языкѣ переходившіе въ гласные полнаго образованія; затѣмъ, дифтонгъ $\widehat{yo}$ изъ *долгаго* гласнаго *только діалектически*; дифтонгическое сочетаніе $i\widehat{e}$ *только діалектически*; звукъ o^a въ

предударномъ слогѣ; звуки *средніе* діалектически ($ч^{ч}$, $ж^{з}$, $ш^{с}$) и звуки *ч*, *ц*, *ж*, *з*, *ш*, *с*, какъ болѣе поздніе *изъ среднихъ*, развившіеся уже *по отдѣленіи* общевеликорусскаго языка; звукъ *ў* и звуки *у* и *в*, какъ болѣе поздніе, уже развившіеся изъ неслогового *ў* по отдѣленіи общевеликорусскаго языка; звуки *г*, *γ* и діалектически—сочетаніе *γ͡в* (*γ͡и*)

Законъ удареніа и *законъ утраты долготы* произвелъ новыя видоизмѣненія въ фонетикѣ общевеликорусскаго языка: тѣ говоры, къ которымъ принадлежалъ нѣкогда и нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда, т. е. говоры при-Окскіе и при-Волжскіе, Двинскіе и Новгородскіе, распались подъ вліяніемъ закона объ утратѣ долготы въ закрытыхъ слогахъ на говоры съ дифтонгами старыми и новыми и говоры съ монофтонгами новаго происхожденія; послѣдовавшее затѣмъ распространеніе монофтонговъ во всѣхъ говорахъ было обусловлено уже закономъ о наибольшей силѣ ударяемаго слога и гласнаго, который въ ударяемомъ произношеніи прежде всего *въ этой части* говоровъ, сохранявшихъ дифтонги, *сократился* и взамѣнъ утраченнаго дифтонгическаго протяженія пріобрѣлъ *силу*, оставивъ еще на нѣкоторое время дифтонгическое протяженіе неударяемыхъ слоговъ. Неударяемое о*, потерявъ въ этихъ говорахъ свою явственность, *закрылось* въ слогѣ передъ ударяемымъ. Какъ особый фонетическій законъ, обусловившій выдѣленіе изъ общевеликорусской части сѣверно великорусскихъ говоровъ, появился *законъ лабіализаціи* конечныхъ гласныхъ въ неударяемомъ *закрытомъ* слогѣ, повед шій къ образованію гласныхъ типа *у* въ такомъ положеніи, между тѣмъ какъ гласные неударяемые въ *открытыхъ* слогахъ подверглись *закону расширенія*. Такимъ образомъ, важнѣйшими факторами обособленія нашихъ говоровъ являются фонетическіе законы: *потери долготы*, *стяженія ударяемаго дифтонга* и *законы конечныхъ слоговъ*. Напр., общерусское: ро́г дало ру͡ог, стянувшееся въ общевеликор. въ ро́г; а общерусское игра́ю͡т дало игра́ю͡от въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ закона о стяженіи *лишь ударяемаго* дифтонга извѣстнаго происхожденія; общерусское до́бро͡й (род.—дат.—твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.) дало до́бру͡ой, а по закону конечныхъ закрытыхъ слоговъ въ нашихъ говорахъ—до́бруй; общерусское и общевеликорусское да́ли измѣнилось въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ того

же закона въ *да.ґа* съ его оттѣнками. Вотъ приблизительно какъ я представляю себѣ развитіе звуковъ въ нашихъ говорахъ. Что касается согласныхъ звуковъ, то здѣсь мы имѣемъ лишь развѣтвленіе по говорамъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя очень хорошо сохранились въ своемъ древнѣйшемъ видѣ въ нашихъ говорахъ, благодаря условіямъ жизни и поселенія послѣднихъ.

Заключеніе.

Разсмотрѣвъ звуковой составъ нашихъ говоровъ, мы можемъ заключить, что наши говоры не подходятъ цѣликомъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ типовъ: наши говоры нельзя назвать ни южно-великорусскими, ни сѣверно-великорусскими, ни бѣлорусскими, ни малорусскими въ строгомъ смыслѣ. Въ ихъ фонетикѣ встрѣчается много общаго съ каждымъ изъ названныхъ типовъ, но есть и свои особенности. Въ виду этихъ особенностей, которыя заключаются главнымъ образомъ въ сохраненіи тѣхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, изъ которыхъ мы можемъ выводить нѣкоторыя звуковыя разновидности другихъ великорусскихъ говоровъ, слѣдуетъ, кажется, признавать наши говоры не исключительно смѣшанными, а скорѣе видоизмѣненными остатками древнихъ русскихъ говоровъ при-Окскаго края. Наши говоры дѣлаютъ возможнымъ предположеніе о существованіи говоровъ *шепелеватыхъ* съ *ў*, *дифтонгами* и *долгими* гласными; такіе говоры слышались, какъ мы видѣли, въ древнее время на большомъ пространствѣ средней Россіи. Въ зависимости отъ мѣстныхъ и историческихъ условій различныя русскія племена, принадлежавшія по говору къ типу шепелеватыхъ говоровъ, развили на мѣстахъ своего поселенія тѣ или другія звуковыя явленія, сохранивъ однако слѣды своего родства съ шепелеватыми говорами, сохранившимися донынѣ въ большей чистотѣ въ при-Окскомъ лѣсномъ краю. Существенное сходство нашихъ говоровъ съ говоромъ нынѣшнихъ вятчанъ въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, а также нѣкоторыя географическія названія, позволяютъ намъ сдѣлать

предположеніе о томъ, что наши говоры суть видоизмѣненные говоры древнихъ вятичей Изъ предыдущаго ясно видно также, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на южно-великорусскіе акающіе и сѣверно-великорусскіе окающіе не основано на *исконныхъ* фонетическихъ различіяхъ между этими говорами, а на *современномъ* намъ звуковомъ отличіи тѣхъ и другихъ въ области одного вокализма. Въ исторіи восточно-русскихъ говоровъ вообще надо, оказывается, различать говоры *шепелеватые* и *полушепелеватые*, говоры съ неударяемымъ звукомъ *о* открытымъ и закрытымъ; изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ открытымъ звукомъ *о* съ теченіемъ времени образовались говоры, называемые нами бѣлорусскими и акающими, а изъ говоровъ шепелеватыхъ съ закрытымъ звукомъ *о*—наши окающіе. Изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ закрытымъ *о* ведутъ свое начало малорусскіе говоры. Эти всѣ говоры, соприкасаясь въ разныхъ мѣстахъ, представлялись мѣстами не въ чистомъ видѣ. Дифтонги и долгота гласныхъ должны быть признаны явленіями общерусской эпохи, такъ какъ слѣды этихъ явленій сохраняются во всѣхъ современныхъ русскихъ говорахъ. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не ведутъ своего начала отъ какого-либо особаго типа: они принадлежатъ по происхожденію къ типу полушепелеватыхъ говоровъ съ открытымъ *о* и вмѣстѣ съ нынѣшними акающими составляли нѣкогда одно цѣлое. Изслѣдованные нами говоры въ связи съ данными изъ памятниковъ древней русской письменности уясняютъ намъ до нѣкоторой степени составъ русскаго племени доисторической эпохи. Аканье изслѣдованныхъ нами говоровъ принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій. Рѣка Ока служитъ естественной границей между двумя говорами въ Рязанской губерніи.

Такимъ образомъ, въ исторіи нынѣшнихъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ надо различать древнѣйшую эпоху общей шепелеватости въ произношеніи, эпоху долгихъ гласныхъ въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ, эпоху долгихъ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху дифтонговъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху неслогового *и*, эпоху оттѣнковъ неударяемаго звука *о*. Ясное дѣло, что предки нынѣшнихъ акающихъ говоровъ вовсе не акали, и до эпохи аканья переживали всѣ вышеперечисленныя эпохи. Трудно сказать, въ какой послѣдовательности шли эти эпохи,

но можно утверждать, что 1) *слитные согласные* были вынесены большей частью русскихъ племенъ изъ общеславянской эпохи (шепелеватость съ ея оттѣнками по говорамъ); 2) *долгота* гласныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ также была получена русскими славянами изъ общеславянской эпохи; 3) неслоговое *и* (болѣе или менѣе близкое къ *в* по говорамъ) также вынесено изъ общеславянской эпохи. Эпоха дифтонговъ среди русскихъ говоровъ наступила, по всей вѣроятности, послѣ отдѣленія русскихъ славянъ и въ языкѣ общерусскомъ находилась въ связи съ діалектическимъ развитіемъ и діалектической утратою старой долготы гласныхъ звуковъ, а также въ связи съ діалектическими разновидностями въ произношеніи неударяемаго звука *о*. 4) Въ общерусскую эпоху были звуковыя группы: *ъ͡и*, *ѣ͡у*, *к͡х*, которыя, по всей вѣроятности, были извѣстны и въ общеславянскомъ языкѣ по діалектамъ. По отношенію къ племенамъ восточно-русскимъ, которыя заселили собой мѣстности въ бассейнахъ рѣкъ: Днѣпра, Западной Двины, Оки и Волги, можно утверждать, что эти племена или, лучше сказать, это племя по говору представляло нѣкогда одно цѣлое съ незначительными, можетъ быть, отличіями діалектическими, между тѣмъ какъ племена, жившія нѣкогда по Днѣстру и на западъ отъ него, по своему говору представляли болѣе отличій отъ группы восточно-русскихъ племенъ, чѣмъ эти послѣднія племена между собою. Явленія дзеканья, чеканья, цоканья, неслогового *и* и дифтонговъ въ нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ доказываютъ, что тѣ элементы, которыми *нынѣ* различаются всѣ эти говоры другъ отъ друга, развились въ теченіе отдѣльной жизни русскихъ племенъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ историческихъ и культурныхъ условій, различныхъ для каждой изъ этихъ мѣстностей. Нынѣшнихъ южно-великороссовъ и бѣлоруссовъ *въ историческомъ смыслѣ* по языку нельзя отдѣлять отъ сѣверно-великороссовъ, какъ народы, принадлежавшіе нѣкогда разнымъ племенамъ; можно только сказать, что эти всѣ народы нѣкогда принадлежали одному племени, языкомъ котораго былъ языкъ шепелевато-окающій, носившій въ себѣ лишь зачатки нѣкоторыхъ діалектическихъ разновидностей: такъ, одна часть этого племени (словѣне-новгородскіе) заключала

въ себѣ элементы будущаго о́канья съ извѣстными оттѣнками шепелеватости, другая—элементы будущаго аканья съ другими оттѣнками шепелеватости (древляне, поляне, сѣверяне), третья часть—элементы будущаго умѣреннаго аканья съ наиболѣе интенсивной шепелеватостью (вятичи, радимичи, полочане, дреговичи). Наши говоры Касимовскаго уѣзда, представляя нынѣ *нѣкоторыя черты* позднѣйшей формаціи (полное аканье), въ другихъ отношеніяхъ (долгота, дифтонги, слитные согласные, неслоговое *и*) сохранили въ себѣ слѣды звуковъ общерусской эпохи и эпохи обще-восточно-русской, какъ, напр, говоры сѣверно-русскіе, утративъ много древнихъ звуковъ (дифтонги, слитные согласные), сохранили слѣды звуковъ общерусской эпохи (закрытое o^{x}) и даже слѣды общеславянскихъ формъ и удареній (2 л. мн. ч. глаголовъ съ ударяемымъ конечнымъ звукомъ—*е*: спите́, хотите́..).

Наши говоры Касимовскаго уѣзда были нѣкогда о́кающими говорами съ извѣстнымъ оттѣнкомъ неударяемаго *о*, и ихъ нельзя причислять къ говорамъ южно-великорусскимъ въ извѣстномъ смыслѣ этого термина. Термины эти (свр. ювр.— о́кающій и а́кающій) не обозначаютъ ни народности, ни языка и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному различію въ говорахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1-е.

Въ „Приложеніяхъ“ къ своему изслѣдованію мы помѣстимъ нѣсколько пѣсенъ и причитаній цѣликомъ, что же касается прозаической рѣчи, то, естественно, что здѣсь читатель найдетъ лишь *отрывки* изъ разговоровъ, такъ какъ *длинной* рѣчи наши крестьяне не ведутъ, монологовъ у нихъ почти не найдешь, а разговоры постоянно прерывались то вопросами съ моей стороны, то вопросами самой говорящей крестьянки, то случайными обстоятельствами, какой-либо помѣхой и проч. Правда, можно было бы записать сказку одну, другую, но для цѣлей лингвистическихъ сказки, съ моей точки зрѣнія, представятъ много ненадежнаго, такъ какъ сказки могутъ повторять, съ одной стороны, унаслѣдованныя отъ старины выраженія, нерѣдко уже неизвѣстныя нынѣ обыденному разговорному языку крестьянъ данной мѣстности, съ другой,—сказки могутъ быть пришлыми и отличаться даже въ своей формѣ выраженія отъ мѣстнаго и родного произношенія. Въ другомъ мѣстѣ (см. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1894 г. № 2. наши: „Матеріалы по русской діалектологіи. I. Образцы народнаго говора Скопинскаго уѣзда Рязг. губерніи“) мы сдѣлали попытку представить небольшое количество матеріаловъ, состоящихъ изъ записанныхъ нами сказокъ въ Скопин. уѣздѣ, но, именно, въ виду того, что для лингвиста дороже всего слышать ту рѣчь, которая, такъ сказать, въ его присутствіи *созидается*, *творится* безъ приготовленія, въ которой проявляется произношеніе данной минуты, мы и предпочли на этотъ разъ ограничиться однѣми бесѣдами, которыя записывались, и причитаніями по покойникамъ, такъ какъ эти причитанія въ значительной степени

обнаруживаютъ личный элементъ и постоянно видоизмѣняются, постоянно находятся въ процессѣ своего развитія, разнообразятся въ зависимости отъ личности плачущаго и отъ обстоятельствъ. Впрочемъ, здѣсь ниже читатель найдетъ и нѣсколько пѣсенъ.

Нармушадь Касим. у. „Лѣтъсь он мно́уа де́няу на пцалѣ взя́л, цалко́вы́х пълтара́ста“. „Што́ й та пло́ха он к няму́ навѣ́дъвайтца! Он яво́ жала́е¹ть была суда́; ня зна́ю, удѣ́ й та он за Каси́мъвам. Пцѣлы у няво́ мно́уа: у Бари́са Юдич¹я!“ „Кауда́ й та тут был мо́ст, да што́ й та яво́ скора нару́шъли“. „У ме¹ня́ о́пух не¹ быра́ить ат пцо́л: но́цъю прайде́ть“. „Раеу́ се́мь за лѣта“. „Нацу́йтя у ме¹ня́: у уастя́х сё быва́ить: удѣ пасте́лють, а удѣ й—кула́к“! „Вот я́йцы ва смя́тацку; сица́с сё бу́де¹ть: ана́ хлапо́цыть у ме¹ня́ (работница); ницаво́ не¹ здѣлаэш! До́ц была́ ста́рьша ей, а тапе́рь у́стаѣль бе¹ре́ть. Жэ́нис'с'и, пе¹рямѣнис'с'и! Мало́динькяй ишшо́ тады́ бы́л. Вы́къшайтя ишшо́ рюмачькю! У́мѣсти жы́ли! Жы́у се́тъки он? Жы́у! День да но́ц, су́тки про́ц! У на́с сяло́ бальша́я: пя́ть со́т *дымо́у* у на́с ф се¹лѣ Но́ньца у́ста́л ра́на: цасо́у у́ се́мь. У на́с ф се¹лѣ свято́я о́зяро, хо́дють *страннїи*, нацу́ють вазля́ о́зяра, мно́уа купа́ютца. Ры́бы-ти мно́уа у на́с! Ры́бу пъкупа́ить на вата́уи. Пашани́ца *сво́йськя¹я*! Я лошать де́ржу. Куды́ е́зьдим? У лѣс! Ве́рьба, липня́к, дубня́к: сё е́сь в ляс'у́ У лѣва две́рь, тады́ найдѣтя! У тае́ спро́сють, ты и *у*ъвари́“.

Ерахтуръ. „Абдавѣ́ла—та дамно́: Хѣ́дар Хѣ́дърыц бы́л, за няво́ хади́ла; он сица́с жы́ф: ате́ц бы́л не¹ ро́днай, ма́ть ме¹ня́ ни пушша́ла: у́аварить—жывы́ адна́; плахо́й ра́зум: а́т абѣ́х па дяфцо́нки; *улупо́й* ра́зум: вот уш де́се¹ть зи́м жыла́. Саскуцылас, ницаво́! У на́с абря́да во́ кака́я: *ку́рта*, *ану́цы*, *бе¹зымёнка*: таки́-ти бе¹зымёнки тку́тца, как ану́ца, то́лькя с ряда́ми,—ана́ лѣ́тьнія, па лята́м но́сют, а ану́ца зи́мнія. У де́нь мо́жна вы́ткать. *Свѣ́тка* кака́я-та зау́ть. У на́с сё хо́дють на рабо́ту у Зу́ива. Со́у́естюся, *у*ля́ть пра шыбёсса! Дишо́у́ка а́ткры́лъся, праѣха́ла пя́ть рубле́й то́лька́, два каньца́. Хязя́у́ам мы́ла палы́“. „Мнѣ-ти? три́тцать дявятай! Я крьпасна́я, *здъшняя*! Я цаво́ зна́ю: на свѣти-ти жыла́, я ать э́тих *у*адо́у ушла́ Ве¹ньца́л ате́ц Лякса́ндра. Цыты́ря *у*о́да жыла́ с ни́м. Шавава́ры даём, пя́ть рубле́й динь*у*а́ми,

а я вóтки вядрó. Залóўка былá тe'пéрца астáлась аднá дóц, ўóдика цéрe'з двá мóжна äддавáть. Бярýть и сцéлють из мацэ́ньца, вы́бираюць дзéрьўe'нку. Кадá *дажжá* бýдуть. Свякрóў была да залóўка: ся́к се'бя́ бярэ́ть лён, хто скóлькā. Мáть з дóцэрью анá се'бя́, а я се'бя́ бярý. Катóра бóльша, катóра мéньша—ся́ се'бя́ бярýть. Цаó бялúть-та? Пó дьвя́ капéйки за хунт пря́жы. У халстúны-ти сколька стя́н, у иноя́ стя́нкити сéмь аршы́н. Хто прäдаéць, а хтó и нят: у каó језь за лúшня—прäдаюць Ў цытúри цапкá ткáть скáтe'рть. *Цóлнäх* пусцáюць; рубáхи-ти тóжа ткём; нäпридёш, вы́бе'лиш и äддаёш крáсить. Ны́ньца крáсна бумáўа ў аснóўу пушшáe'тца. Ў ўавя́нья ткýть, зимóй прядýть, пре'дём *ўдрýжна*; ўдя́ се'мéйсва-та бальшáя, пä цыряду́ ткýть, а у кавó дóма нят-ти, па людя́м папрóсють. *Ана* стайть *парóжна* избá-та. Скóлька зўатóить? (=сготовить). На э́ту стяну́ ў скóлька *таў* нýжна, вот и кладём! Бéрда ся́кая éсць: éсць дяся́тьня, éсць дявя́тьня: бирéш и прäдявáиш! Вицарá-та лáпьти плятýть мужыкúй. Ў Шóстьји салáски дя́лъють; ся́кія бывáють. *Тъ-ти ани* краснá прäзывáютца... Варя́ть кáшу ис пäшанá и мäлакá; ядя́ть кáжнай день ... Лавúть—лáвим, хóдим; у нáс нявäт (=неводъ). Бáбы си хóдють: ўцарáсь платúца, линéй нълавúли; *ана* дäлякó прашлá ряка́-та, а э́та тýт—ни далéка (не-ё). Дóма няльзя́ варúть: пéц-ти ýтрям тóпим, а э́та к ўжы́ну. *Кäласникúй* (грибы) éсь, éсь и бя́лыя, какúх ўóдна. Вёрст зä пятнáтцать: Лашмá анá прäзывáэтца; изутрá пайдёш, кýзаў с прибáвацкъм; лясс бе'рёзъвай да асúньник: ўрýзьди.... Он пажáлуй ў зе'млё: тáк бы́т ў кýтцки (=въ кучкѣ). На прадáжу ишшó, дле' се'бя́-та хъш!.... На *мужьёф*-ти жанúтца рáзи прихóдиш кáжнā врéмя.... Прáзьники? Зúмній Микóла, Пятрóў день! И ўуля́ють, хóдють па дварáм. Шгó *сашлóся*: знай рóш мáтушка, äтвяцáй! На стóл-та аўýрцыкаў, вилóцкаў, вóдáцки пъстановят, брáшки; мужыкú цужы́я прихóдють. Дя́йки (=дявки) сäбираютца на Трóйцу, яйц сäбярýть, мáсле'нки. Талкýть ў стýпи пäшанó, драцóну нäпякýть. пäшанó мóпуть. Так ўсё кóнцытца до зáтряшьне'ва дьня. Си ўадá бросили!...

Нáда äтвяцáть! Свáдьбы-ти мисяёдам, ўпарá äбвянцáли. Свáдьбаў пятнáтцать ў дéнь! Сё бóля зимóй! Äдявáютца: или шýбу, или паддёўка; жыних—халáт сукóннай. У христьян какóй-ти дe'вúцник? —сäбираютца и ихрáють; нявя́ста плáцыть. На лъшадя́х за бáтюскай прiiéдуть. Хрéсная (не-ё) äдявáe'ть.

Рăспява́е'ть-ꙗа сꙗ́ки ра́зны слава́: сирата́ так па сиро́цки во́ить: „Куды́ вы ме'ня́ сăбира́итя, куды́ вы ме'ня́ снăряжа́итя, с падру́шкими на у́лицу ў цужы́ люди“. Хре́снăй ăбува́ить, ницао́ ни кладу́ть (въ башма́къ): жыниху́ кладу́ть. Дво́я, тро́я с не́ю: рăстяря́хи — пăднявѣ́стицы. Расцѣ́съвають *нăзадꙗ* и свꙗ́жуть: цуто́к лиш ви́дна. Пато́м бăславля́ють, у ради́те'лёй апя́ть пла́цыть: „Радзи́май ты мой ба́тюшка, бăслави́ ме'ня́ ў цужы́ лю́ди“.... Жыни́х-та сам ăдява́е'тца та́м ти́хā, сми́рнā. Адна́ у нявѣ́сьти, дру*ꙋа́* у жыниха́ (вечеринка). Пăлате́ньцăм абвꙗ́зꙗ́вають *дру́шкаф*; приде́ть з дѣ́ўками, дѣ́йки пасо́дють, бара́нăк прине'се́ть. Ў Нармуша́ди выкупа́ють: цаво́-та ў ста́кан ăпушша́ють Ра́с слуца́лăс: я ни смотри́ла хăрашо́, што́-та кла́ли. Мăлоды́х свяду́ть, а ис цэ́рькви па ра́зным мяста́м.... *Быть свꙗ́жăя*(=надо быть свѣжей; надо полагать—свѣжая): ўцара́сь ў ле́дьники ляжа́ла, нăцава́ла (рыба). Типе́рйца уш по́ст. Бальни́цы-ти нѣ́т и хе́рьшăла...

Нармушадь. Сам *ру́бю* лѣ́с! У на́с ницаво́ нѣ́т *ꙋ*ре'цы́хи; аўсы́ харо́шыји; ўцара́сь до́жжык прăливно́й бы́л. Бо́х јіе́ зна́ить! *то́ль увꙗ́жу*, *то́ль ня́т*! Обруц с каньцо́м ăтскацы́л да в *ꙋ*ла́с: *ўре́мям* (=временемъ) *ꙋ*лаза́ баля́ть. .. И ў чаю́ ника́к ни размо́цыш су́шки-ти... Виш *он са́д-ăт*! С лу*ꙋ*о́ў-ти суды́ яво́. Зы́ку-ти нѣ́ту: тру́те'нь *зык* даѣ́ть, шуми́ть. Уле'й с *пцалмꙗ́*. Пасля́ *пажа́ру* но́вая де'ре́вня прăзыва́ѣм. Зиму-ту я ч"я́ста, ка́к тяпло́ мал'ма́ла, и паі́ду; а то и пул'шу́бак не' *ꙋ*рѣ́ить: уш пло́хā; стăрика́ ў кабак ни пушша́ють, прибью́ть; я́ уш и не' хажу́! *ꙋ*ăваря́ть: ты сваѣ́ ăтхади́л; ни ў по́ли, ни ў до́ми! Кра́сная-та цы́стая ска́те'рьть ў амба́ри ў атхо́жăм; *ꙋ*аста́м-ти да́-ка (=дай-ка) зăкуси́ть! Сꙗ́к ў сваѣ́ мѣ́ста і́ездить Ăстава́е'тца во́ск-ăт, он яво́ жмѣ́ть: во́ску-ту мно́*ꙋ*ā... Здѣ́лалси ў́офси дре́внăй, бі́ела́й, сядо́й: сядыји лю́ди—святы́ји! Пăд бацо́к паду́шку на́дъть. Паде'шо́вля был во́ск-ăт.... То́пка ка́кая пра'днаво́ (=про одного): э́та пра се'ме́йсва, а то́ цыво́-ш!? Апя́ть ля*ꙋ*ла́: ни́шшыји *шумя́ть* цэво́-й-та! Ни́шшым-ти пада́ть на́да. Зацэ́м буди́ть, о́н до́л*ꙋ*а не́ спал. Пăсматрѣ'ли ппо́л? абѣ́дьня ско́ра ăтайде́ть (не́-ё); *ꙋ*ри*ꙋ*о́рій Симёныц, д'ыть он у на́с здѣсь жыни́лси! Мы к ни́м ўхо́жы были. З *дитя́ми*, ж жано́й; му́жа *ꙋ*о́т у*ꙋ*на́ли-ти. Па банда́рскай ца́сти. Ў Расто́ји (въ Ростовѣ) *ꙋ*о́да два жыла́, ў прислу́*ꙋ*ах

жылá у пасьнéсьте'ра (=у почтмейстера) Аднá дóц былá тóлькā.... Пцéлы улятьéли *далó* (=долой)... Падьлé вот цасóве'ньки дéйки паю́ть, *па ўсéй нóцы* ўуля́ють, стáрăсту-та сăмавó пабúли: стáръста Яўóраў, он с пакóйницай Кáрпăвнай знакóм был: э́та цужóй з завóда Кацкóва (=Качкова)... У кавó прăсуцкá, у нáс-ти ăпрастúлси!... У нáс фцярá (sic!) варúли кáшу: *дъ̂ушки-ты я́йцы* катáют (sic!), жэ́ньшыны-ти тóжа. У нáс бéдныjи-ти свáдьбы-ти: винá вы́пiй пажáлуй, а зăкусúть нéцъва! Цэлазк ня́ть-шэ́сь срóдьникаў: ўсé ўмéсьти, увéсь пóiест жынихóф. Атéц бăўăславúть, чулкú самá нăдявáя (sic!), ся́дить, пъкрыцы́ть.... Три рáза ў ўóт свишшэ́ньнику ат мíру рупь з душы́, а тó—памéсицка... Пăкрывáитца ў цэ́рькви, и тáк *дамó* (=домой) привязýть. Жэ́ньшыны лýчче' дéўак: пăцэсьнéй; и бьéть и мýцыть: пьянăства ўсю *нóцу* бывáить.... Уш мéрьзьни (не-е) на кришшэ́нья, не' удéржыш... На Пятрóў день уяжжáють Прáзьник Дýхаў день! У Jирáхтури тóлькя Микóла зúмнiй...

Ерахтуръ. Имшы́к (sic!) с júми хóдить: сéмь трóик нацýють дóма у Хéдăра Иванны́ца Ляпкóва. Ис калóтьцаф вадá пъхладьнéя; типéр ишшó цэ́м карьмúть: халóднай вадóй да мукóй. И карóвiя (sic!) три стада; óўцы-ти асóбьjи. Авéцых три и свиных ти. У нáс карóў се'вó дьвé: *камáри*, а вясно́й ани́ прибавля́ють, а патóм тады́ уш; сé три-та ни дадýть мăлакá. У ватцá дьякăна уть э́та вядрó: плахíjи-ти карóвы. У калóтьцах бирéм: ў рéц'ъки-ти нé бы́ла, сафсéм пе'рсыхáла, анá какáя-та салéна. У Вакúма(=Акима) и то лýтче' (sic!)! Дьякънава дóц ў Цéрья (село) ăддана; эта как ражóна—здéсь жывéть. У абéх па дяфцóнки. Маму́ мýжу на фтарóй ўóт с вальгóтай óддали .. Ў Е'рáхтури-ти? Микóла зúмнiя (sic!) ишшó прáзьники-ти: *дьвъ Микóлы*. Успéнья прястóл-жы! Пăд рядóк хóдють; блинóў нăпикéм, ăўурьцэ́й. Ў пóснай день—зáўăвинья: хтó *кăцатка́* с кýрйцай.... Нáда ў даму́ што-нйбуть. Кăк ве'ньцáють-та? Знацóк здéлъют (sic!), ўтарóй рас прiéдуть, свишшэ́льник—и ў цэ́рькăфь вязýть. У сéре'ду и пя́тьницу, ў афтóрьник ни ве'ньцáють. Ăдзяла, а хтó бéднай—ватóлу, бацéнъцик (ц—мягко) брáуи. Дéушки ў сабрáньjи жывýть. Дзялóў ни зна́им! Врацы́! К врацáм ăбарáцкываимси... Дóхтур кăрянно́й. Цасóў-ти у нáс нéт: хтó *пазно́* идéть, лякáрства ăтпушшáють... Па цóрнаму нéт ныньчя... Пъмалóжа мóжуть!.. (пéсни пéть).

Круговая пѣсня. (Ерахтуръ. Касим. у.).

Ни вяля́ть Ма́шы на рѣ́цыньку хади́ть
Ни прика́зы́вають Машы Машы мало́тцы́ка люби́ть|
Хӑласто́й па́ринь любитель любитель дӑраγо́й|
Јон не^{1} цу́ствуить любо́ви любо́ви никако́й|
Вот на Ма́шыньку паби́ли за друшка́
Стайть Машынька| запла́кӑны γлаза́,
У краса́вицы краса́вицы| зате́рты рукава́.
Да до́ль са́дику даро́шка прӑляγла́,
Да й хто́ эту, да и хто́ эту| даро́шку прӑтари́л,
Хӑласто́й па́ринь ка дѣ́ушки| хади́л
Јон ни та́к ни та́к хади́л|—
Пада́ръцык наси́л
За пада́ръцык| краса́вицу люби́л;
Јон с јіе́ руки кале́цка пълуцы́л,
Пӑлуцо́мшы ӑбяшша́лси| јіе́ за́мўш ўзя́ть
А пато́м дѣла вы́шла нӑка́не́ц
Ӑбману́л јіе́ уда́лай мӑладе́ц.

Срв. мой „Отчетъ“. Стр. 7—9. Здѣсь эта же пѣсня изъ д. *Жолобова Слобода* Спасскаго уѣзда. Срв. также мое сочиненіе „Къ діалектологіи“... Стр. 126 Эта же пѣсня изъ Тумскаго края Касим. у., но изъ какой именно мѣстности Тумскаго края, я не знаю, такъ какъ эта пѣсня тогда мнѣ была доставлена другимъ лицомъ въ его записи. Нынѣ я предлагаю ту-же пѣсню изъ с. Ерахтуръ (*не* Тумскаго края, а особая волость — Ерахтурская, верстъ 70 отъ Тумы). Настоящая пѣсня записана мною *во время пѣнія*, а потомъ *провѣрена со словъ*. Кстати объясню нѣкоторые знаки, употребляемые мною въ „Приложеніяхъ“ къ моей настоящей работѣ: знакъ | въ этой пѣснѣ означаетъ паузу, гдѣ голось поющихъ останавливается, какъ бы понижаясь и оканчивая извѣстное колѣно, послѣ котораго начинается новое. Затѣмъ вообще подчеркнутыя слова въ моихъ записяхъ разговоровъ и пѣсенъ означаютъ,

что данное слово представляетъ интересъ или своей формой, или синтактическимъ употребленіемъ, или, наконецъ, представляетъ лексическій интересъ. (См. выше въ Нармушади—счетъ избъ въ селѣ по „дыму“, какъ въ нашей Начальной Лѣтописи; также: названія платья, обуви выше и проч).

Круговая пѣсня (Ерахтуръ ib.).

Прашша́й ра́дась жы́сь маѧ́
Слышу ѣ̀ ⊥ диш ат ме'ня́
Нам должно́ с табо́й *раста́цыть*
Тсія́ ⊥ бо́ля ни вида́ть (2.) Тсія́ = тебя́.
Цѣ́мна но́ ⊥ *цынка ня спа́ть.*
Сама зна́ю пъцаму́ (2.)
Сама я дѣ́вушка сказа́ла:
Ты ⊥ за мною (2) ни ɣаны́сь.
Што жа ма́льцыку ни ɣна́тца!
Цэ́м я ма́лай ни харо́ш (2.)
Буду помнить твайѝ *зо́ры*,
Твой висе́лай ра́зɣаўо́р. (2.)
Был како́й дине́к краси́вай
Шли купа́тца мы мило́й (мы съ табо́й) (2.)
На жалто́й пясо́к сади́лись
Супрати́ свѣ'жо́й вады́ (2.).
Но́ца тсе́мна́ѧ, ту́ца ɣро́зна́ѧ,
Пралеи́ си́льна́й до́ш
Ра́ступи́сь сыра́ зямля́ (sic!)—(2.)
ɣрыбава́ даска́ раскро́й ⊥ си
Васта́нь ма́минька ма́ѧ (2.).
Ни славе́цка ни сказа́ла
Са мной з ɣо́рькуй с сирато́й (2).

Знакъ ⊥ означаетъ вступленіе хора, подхватывающаго запѣвъ или начало запѣва́лы (женщины). Пѣсню „Как зарѧ́ бѣла занима́етца“ (Ерахтуръ) см. въ моемъ „Отчетѣ“.

Еще пѣсня круговая оттуда-же:

Из-за лу́уу, лууу, лу́уу зилянóва
Там хóдзить уулянить удалóй малóтцыкъ
Хóдʼить выкликáить крáсную дѣ́вицу:
Крáснáя дѣ́вица, вы́ди за варóта,
Вы́ди за варóта с мáлатцóм барóтца.
Дѣ́ушка малóтцыка—пáрьня пáбарóла,
Парьня пáбарóла явó на калѣ́нъцки стáнавúла,
Пухóвую шляпу далóй скидавáла,
Сúнію паддѣ́уку ва урясь измарáла.
Сúтцеʼу рубáшку на нём изарвáла,
Казлóвы сапóшки с няó скидавáла.
Стáл—пашóл малóтцыкъ
Залилсúʼ заплáкáлʼ:
Матушка радзúма, на штó зáрадзúла?
При мірѣ́—нарóди бальшóм кáрауóди....
Сúнію паддѣ́уку урясь áптспрáла,
Сúтцэву рубáшку на нём зáшывáла,
Казлóўы сапóшки на нём нáдявáла,
За прáвую *ру́цу* явó пáдымáла,
За беʼсцэ́сья мóлáтца сéмь рáс цълавáла.

Борки. (7 верстъ отъ Ерахтура). „У нáс нарáда друуáя: *сукманы́*, рауóў нѣ́т, ня нóсють“. Уцы́лúшша *адна́*, уцытеʼль, уцытúльница, хéршáл Хéдáр. Сицáс цы́стють лѣ́с, *матыжуть*; уáварúть с людьмú-ти, лю́ди-ти харóшыjи! Прашáйтя!

Починки. (с. въ 14 в. отъ Ерахтура). Мы ис паци́нáкʼ (ц—мягко). Ис свúнцуса (обыкновенно: Свúнчюс; такъ говорятъ священники, сельскіе учителя и вообще люди грамотные, у крестьянъ: Свúнцус, а на картѣ: Свинтусъ.); свúнцскіjи! Ўкалóдеʼс бýхнеʼш. Ушóл ў бáню. Цасá ў два: у афсѣ́х ни сцытáл нихтó: ряка́ дáлякó; бáбы лáвють *нидéткими*.

Куземкино. Мнóуа-ль свѣ́сить? Цаты́ри с пълавúнай, три с цэ́тьвирьтью, пя́ть хýнтаў ры́бы. Ся́ жывáя былá. Кузéмы-

ски мы-ти. (Куземкино верстъ 6 отъ Шостьи). Принеⁱсᵐлѝ. Ў саду́-ту ни хо́дють сѣ́тью. Сеⁱтя́ми ла́вют падо́сеⁱнь. Ў видрѣ́ ў вадѣ́ с лу́ꙋу ту жыу́ю ба принёс! *Свякро́ва* до́ма.

Въ Шостьѣ, Кузе́мкинѣ и въ округѣ говорятъ вмѣсто „да“—„а́тă“. Напримѣръ, у этой же крестьянки, которая продавала мнѣ рыбу, я спросилъ: „свекоръ живъ“? На это получилъ отвѣтъ: а́тă! И это слово слышится на каждомъ шагу. (Срв. мой „Отчетъ“ стр. 27). Далѣе:

У *мя́* му́ш лави́л, бабы-ти ка́к пума́иш?! *ꙋрицы́ху* сѣ́или, праса́ зашли́ у ко́ е́сь, у ко́ нѣ́т. За *друꙋо́й* пашла́, два́тцăть сямо́й ў Шо́сти. До́ж'ж'ик до́неⁱл; па мѣ́рки для *сія́* (=себя́) сѣ́им.

Шостья. Гляди́! Кăнапи́ мнѣ́м! Ў стăрину́ наси́ли рага́, при мнѣ́ уш смяни́ли. Ў сăрханах хо́дють тапе́рь; *по́нька* спе́рьди раскры́тăя, нă гълавѣ́ *сарóка з зóлътам; зáпáнь* пат по́яс, а э́та *хáртук.*

Сица́с у на́с с Питрава́ дня́ пако́с бу́дить, синьца́, ăлянóк пъспява́итца бра́ть Се́мицка нăкало́тим валѣ́цкăм, *дащѣ́цку* пало́жым. Мы с *снашэ́льницай* дво́я. Пасля́ Хро́лаўа дня пастсе́лим; нидѣ́ль пя́ть ляжы́ть; по́сли дажжа́, а е́жли *дѣ́ла вѣ́дра*, он *нéскăра* улижы́тцы. Ўмяли́нăцки памнѣ́м, пăтряпа́им и придѣ́м, па ку́тъцку разло́жым, на три до́льки яво́ дѣ́лим. Вазьмём да звѣ́сим. Наша дѣ́ла цо́м зăнима́ймса?! Пре́сь нăцина́им пасля́ Ми́трива дня; на зипу́ньцыки! *Ни́цку* придѣ́м, мы́цьки мо́им. Аве́ц па пято́к е́сь, па се́мь: сё па ма́лăсци, па мане́ницку! *Сыравя́ныкаю* с сало́мкаю тáх-та и ко́рьмим. А то́ *блюдём*! Но́цы ни вы́сыпа́им. Ни лини́ва́ мо́жыть два нăпридѣ́ть, а лини́ва—ме́ньша. Паста́вим *ꙗіе́ пря́жу-ту* ў бе́рьди, па́смаў ў бе́рьди ади́натцăть. Бѣ́лим, кало́тим, сце́лим, ў мы́льцы пами́лим, ў пе́цку—се'бѣ́ наси́ць.... Само́й друꙋо́й не́цъва *наздѣ́ць*!...

Дѣ́йки сăбира́ютца, пля́шуть, завива́ютца; *ў ꙋоржы́* ряба́ты ня хо́дють. Ў коло́диц вянóк брася́ють: е́жли баба бро́сить—му́ш намре́ть; ў пру́т брася́ли. Вот сица́с два вянка́ свя́жуть: и э́тай яйцо́, у э́тай—друꙋо́я: на́ от *таѣ* (=тебѣ)! Пăбяру́ть и брася́ють. Ў пясо́к у на́с ни игра́ют. Мужыки́

дѣдам̆ нарядаютца, а дѣйки—нѣт. Ани их пужаютъ и ў снѣх *закопъзаютъ*, привязываютъ сараханы. Дѣйки *таусинькутъ*:

Таусинь, у дядюшки на дварѣ
Стайть дроў кастёр.
На што драва?
Нам *пиу* варить, (пиу = пиву = пиво—вин. п. ед. ч.).
Нам Якъва женить.
Дѣ нивѣсту брать?
Пъсирёть сяла:
Там Анна хъраша—
Катоўница, башмошница!
Ана ходить шымиричь (= сѣмерить, сѣменить? См. мое соч. „Къ Діалектологіи“....)
Кълакольцыкам̆ звинить.

„Аттаусинькуть, а ишшо ницаво“!

Вотъ еще авсеневая пѣсня оттуда-же:

Аусёнь, аусёнь, уш ты заинька!
Аусёнь, аусёнь, уш ты бѣлинька!
Аусёнь, литѣл сакалок
Цэряз бабушкин дварок,
Уранил сапажок.
Ты, Матрёнушка, душа,
Спадыми сапажок!
Мнѣ нидасук (sic!) спаднять:
Я шырынку шъю
Сваму Кузи.
Ты, Матрёнушка, душа,
Ты паслушай-ка, што ў нёби стуцыть:
Там мидьвѣдицу вядуть,
Там мидьвѣдица люта,
Ў ней рагатина туп̆а!

Далѣе разговоръ продолжался такъ: „у загáдьник гадáим: дѣ́йка пра жынихóў загáдывуть, хто цаó задýмаить, тáм цытáють“. Рябя́та аўсéнькують. Пăкалядáкать кóлеiду ражéствинску?

Кăляда́, кăляда́,
Ты *клю́жыцка* (? Срв. у-клю́жій...).
Бирéзăва!
Ты и гдѣ́ бы́ла?
Я канéй бирягла́.
И гдѣ́ кóни?
За вратáми стаять.
И гдѣ́ вăрата́?
Их вада́ пăняла́.
И дѣ́ вада́?
Быки́ пóпили.
И гдѣ́ быки́?
За́ гăру ушлú. (г, а не ɣ).
И гдѣ́ гара́?
Цэ́рьви вы́тăсцыли.
Гдѣ́ цэ́рьви?
Гуси вы́клúвăли.
И гдѣ́ гýси?
На трасни́к ушлú.
И гдѣ́ трасни́к?
Дѣ́йки вы́шшыпăли.
И гдѣ́ дѣ́йки?
За *мужьéў* ушлú.
И гдѣ́ мужья́?
На вайнý ушлú.
И дѣ́ вайна́?
Пăсире́ть г... á! Тапéрь дакáньцына!

Я вянцáлась гадóў симнáтцăть ў Такарéви (село); жы́ў мýш, адна́ свякрóў была́, двайорадны брáтьи, радны́ји на стă-

ранѣ́ бы́ли. Ни хат^{с}ѣ́лась: ни па ндра́ву жыни́х! Се́тъки зăвиде́нья: сица́с сасва́тăли, дава́й крыца́ть, пря́мă ут э́тък вот! Па́дăла с пе́цы: ра́с пято́к упа̀ла. Па́дăють с пе́цы как га́ря вазьме́ть! Жыни́х с тава́ришшăм прихади́л, бу́блицки прина-си́л, цыво́-ш?

Каку́рки (не сосватанныя дѣ́вки) ăряхи́ пяку́ть ис пшо́най муки́, талку́ть и пяку́ть.

Нивѣ́ста *приспява́ить* ис пшана́ блино́ў и ăряхо́ў....

Тся́лăя пѣ́сьня: вот таѣ́! (Протяжная).

Го́лупь си́зинькай,
Злато́й кры́линькай,
Нацу́й у мяня́,
Ни проспи́ мяня́!
Праснў́лси галу́пцык—
Га́лу́бушки нѣ́т!

Мнѣ́ куда́ литѣ́ть?
Палитѣ́л галу́пцык
Ва ўсю́ т^{с}ёмну но́ц
Галу́пку иска́ть.
Он нашо́л галу́пку
Ў зиле́нам саду́
Пад *я́бланію*
Пад я́бланію,
Пад зиле́наю.

Пад зиле́наю,
Застриле́наю.
Хто́ эту галу́пку ушы́п—
—зăстрили́л?
С Масквы́ двăряни́н;
С Масквы́ двăряни́н—
Инара́лскай сы́н!
Инара́лскай сы́н
Пă саду́ гуля́л,
По́ сăду гуля́л,
Ружьѣ́ зăряжа́л:

На ў́здух пушша́л,
Галу́пку папа́л!
Папа́л он галу́пки
Пат пра́ва крыло́,
Пат пра́ва крыло́
Сирьде́цкаё!

Разговоръ о свадебныхъ обрядахъ въ Шостьѣ. (Начало см. выше: передъ „тс́а́глой“ пѣсней).

„Када́ прасва́та́ють, рӑспля́ту́ть ко́су, ана́ *рӑспля́тёмшы* идёть. Ана́ крыцы́ть, а дѣ́йки рӑспля́та́ють. Жыниху́ де́ньги кладу́ть; *Шо́свита́к* наздѣ́нуть (=рубаха длинная исподняя); лѣ́тная вре́мя—падде́ўку наздѣ́нуть, а то шўбу: сӑраха́н ади́н—э́та пяца́льна! На га́лаву́ *э́зли* сирата́—папро́шна! Пе́рьва па-со́дють адну́: ана́ *во́пить*, јіе́ *сряжа́ють*, ана *во́пить*:

Куда́ вы мяня́ сӑряжа́йтя,
Али с падру́шкӑми на у́лицу?
Али вы мяня́ сӑряжа́йтя
На цужу́ да́льную старо́нку?
А вы мяня́ сӑряжа́йтя
Пат стра́сь балышу́ю!

Падру́ги јіе́ унима́ють:

Ми́ла ты, мая́ падру́шка,
Наста́сья Андре́вна,
То́шна сӑряжа́тца
С ради́мым ба́тюшкай,
С ради́май ма́тушкуй!
А нѣ́т ташнѣ́я
Биз ради́май ма́тушки!

Тут спа́с уйму́ть и паса́дють. Ту́т нивѣ́ста ӑбнима́ть падру́х станить: сѣх ӑбнима́ть уста́нить *ваньёмшы*. (sic!=вопивши).

Сиро́цкая пѣ́сьня:

Ради́май ты, мой ба́тюшка,
Прилити́ ка мнѣ́
На то́шныји динёцки,
На э́ти го́рькіји часо́цки!
Я сӑряжа́юсь сирата́ го́рька,
Я сирата́ не'спа́сна,
Я сирата́ сӑряжа́юс

Биз ради́мава ба́тюшки,
Я уш сӑряжа́юс ў цужы́ люди.
Ка́к мнѣ́ буть каки́м лю́дям приставáть,
Ка́к мнѣ́ буть привыка́ць...

Пе́рьвай рас завя́зывуть маю́ гало́вушку,
Завя́зывуть маю́ бу́йную,
Завя́зывуть јіе́ са мла́дӑсти,
Са глу́пъсти...

Тут сица́с заво́пить:

Гало́ушка, мая́ бу́йная,
Ана́ у ме'ня́ с пле́ц свали́лас,
Ана́ у ме'ня́ нӑ пле'ца́х ни дёржытца.

Эзли ате́ц е́сь, сица́с к атцу́ пъдвядýть:

Ўстряца́й миня́, мой ради́май ба́тюшка,
З завя́зънай гало́ушкай!

Ту́т сица́с к ма́тьри:

Стряца́й миня́, ради́ма ма́тушка,
З завя́зъную гало́ушкай!

Тут сица́с падру́шку ста́нить абнима́ть, зна́ма, с като́рай спа-пля́йтца:

Падру́шка мая́, *свя̀тная*,
Ликсе́вна!
Мы уш с табо́й ӑтыгра́ли,
Мы уш с табо́й ӑтшути́ли!

Пато́м вицо́р, вйцыри́на; пайду́ть ў ба́ню па́рьтца; из ба́ни вы́дйть, утира́льникӑм—рушнико́м накро́ють и вяду́ть по́д ры́ки. (=подъ руки).

Тут апя́ть к атцу́:

Стряца́й миня́, ради́май батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!..

Ве́цырӑм сидѝть и во́пить:

Я с ва́ми ӑтыгра́ла ..

Утрӑм нъряжа́ють к вя'нъцу́ вяньца́тца. Ана́ запла́цыть:

Куды́ у́ы́ мяня́ сӑряжа́йтя,
Куды́ у́ы́ мяня́ сӑбира́йтя,
Или с падру́шкӑми на у́лицу...

Атто́ль *сӑряжо́мшы* из го́рьницы (у на́с у́ го́рьницы сӑряжа́ють) к атцу́ апя́ть пӑдвядýть:

Стряца́й мяня́, батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!

И ма́тьри та́гжа! Ате́ц *падо́йде'ть*:

Бӑслави́ миня́, мой ради́май ба́тюшки,
Бӑслави́ миня́ сѣ́м се́рьцам—жала́ніям
У́ цужы́ји люди...

И ма́тьри сё равно! С прі́ѣздам ся́дить за сто́л, дѣ́йки јіе́ дра́жнють:

Как кле́н да бире́за к сте́нки льне́ть,
Как Ива́нушка Олюшку к се́рьцу жме́ть!

Дру́жак у нас дра́жнють:

Ой, дру́шки, мики́нныји брю́шки,
За *пе́цыи́* сидѣ́ли (=за печью; им. п. ед. ч.—*пе́ца, но́ца*. См: выше).
Мыше́й лави́ли,
Мӑлодо́й шу́бу шы́ли!

Нивѣсти игра́ют:

Клён да бире́за цэ́м ни драва́?
Как Оля Ликсѣю цэ́м ни жана́?
Как шо́лкава ни́тка к стѣнки льнѣть,
Ликсѣюшка Олю къ се́рьцу жмѣть.

Нивѣсту дро́жнють:

Как Олюшка гава́рйвала,
Кра́сных дѣ́уак абма́нъвала:
Я ниду́, ниду́, дѣ́ука, за́муш
За Ликсѣя за гарба́тава:
На *гарбу́* да ўсе́ *сасня́х* растѣ́ть, (=сосня́къ)
А нй са́снягу́—грыбы́ ма́слянки,
Грыбы́—ма́слянки бире́завы!

Тапе́рь уш уѣ́дуть ў це́рькву!

Вотъ еще образчикъ разговора о времяпрепровожденіи на масляницѣ, о заговѣнахъ, о занятіяхъ крестьянъ въ с. Шостьѣ:

Блины́ пе́ц с пйнидѣ́льника нацнё́м, гряцы́шку у ко́ даста́тки, бага́ты—крупца́тну пякуть. У каб е́сць, то́т крупца́тны пякуть, а то грицы́ху сме́лють *папире́к*, ни 'бдира́мшы. Так йсть г за́гйнью ре́ткай цылаэ́к: хто́ судака́, хто́ шшу́ку—к ве́цыру, гри́виньник за ху́нт. И дѣйки и ба́бы ката́ютца сю нидѣ́лю на сала́скйх, на саня́х ў суббту да ўаскрисе́нья: муш ж жано́й, у ко́ сястра́ есць Утрям ба́ньки то́пим, ў Саро́ў прицашша́имся хо́дим—Дѣвѣ́йф ма́ластырь двяна́тцать ве́рст. Там мушшы́наў ни пушша́ють.... Хто лапьти пле'тѣть, *палозья иза льму́* гнуть („ильмо́к"—дерево); ся́ки сала́ски—у на́с (м)но́га! Ў Йжэ́ская во́зють, ся́о прио́зють, со́ли ў́о́зють, ба́бы с вато́лями. Палозья́ на *парьнй* гнуть тапе́рь: *патёшуть* и вазьму́ть, гну́ть.. Сала́ски ў пицѣ напа́рють, ис пе́цы вы́нуть и гну́ть, у ко́ *парьнй* нѣт Парья́—катёл—туда́ ўма́жуть, три вяньца́ кладу́ть. *Дубнягу́* свабо́ нѣт у на́с: у Пацы́ньских (изъ

д. Починокъ) бярýть. Масте'равы́ји лю́ди у на́с ницаó багáта жывýть; у бѣ́дных *мытáрсва* нѣт. Хтó ни *матóрнай*, тóт пăбиднѣ́й. *Бăшкавáтай* цылаз́к на свѣ́ти никадá ни прăпадѣ́ть! И мужы́чькіји тилéги дѣ́лають!

Разговоръ изъ области народной медицыны.

Какъ лѣ́цуть, ня знáю: *полы́ню наўрýдють* да и пьють, штăб *бидьнúца* пирястáла. Ся́кă бъѣ́ть, да ишшó мы́шы бѣ́гăли ў глазáх! За *застры́нку* ў пéц винó нагавóрная ў буты́лки; ани́ *тишкóм* нăгавăрйвають: хтó за дверь выхóдить, хтó прати́ *мáтки* стăнавúтца. Мпѣ́ зýбы дéрьгăли! А то мы *пабы́ăм*, у кó забаля́ть зýбы, цóрнăва тракáна пйригрызýть; луцы́ну бирéзăву жгём, на скóвъраду пастáвим, сок кáпить, сóкăм мáжым зýп....

Вотъ еще протяжная пѣсня:

Сон мой ми́лай,
Сон сцысли́вай,
Вăрати́ся сон назáт. ⊥
Здѣ́лай, лю́бушка, сцысли́ва,
Я сказáл паслѣ́дній рас. ⊥
Да дьвѣ́ гóрькія *какýшки*
(Ай) ва зе'лѣ́най сат лятя́ть. ⊥
Дьвѣ́ малóдиньки дяўцóнки
Пад акáшыцкăм сядя́ть ⊥
Слѣ́зна плáцуть, ани́ рыдáють,
Пра милóва гы́варя́ть, ⊥
Биз милóо(а) жы́ть ни мóжна,
Биз рáдăсти ни юснѣ́ш. ⊥ (при пересказѣ: „ни уснѣ́ш“).
Хоть уснѣ́тца,—ни на дóлга:
Дрýшка ви́дйла ва снѣ́. ⊥
Здѣ́лай, ми́лай, гроп дубóвай,
Мы палóжым дрýшка ў грóп. ⊥
Руцки к сéрьцу прикладáли, (—„ля“ при пересказѣ).

Нăкрыва́ли пăлатно́. I
Сѣ папы́, дьяцкы́ запѣ́ли, (—ля)
Мавó дру́шка пăнялы́ I
Ни *дайдёмшы* да клалбы́шша,
Цóрнай вóрăн прăкрыца́л. I
Сё се[1]ле́ння узна́ла,
Штă пагы́бла та душа́. I

Эта пѣсня очень хорошо поется, голосъ очень пріятный; первая половина каждой нечетной строки повторяется два раза, затѣмъ подхватываетъ хоръ, а послѣ каждой четной строки—пауза съ протяженіемъ и замираніемъ голоса.

Уланова Гора (подгородное село близъ г. Касимова).

„У свякро́ви жыву́, д'ыть вот за́мужы́м шэ́сь гадóф. Жнѣ́м, сѣ́jим да спатѣ́м. Нихто́ ни но́сит по́ньки. А то ра́зи у на́с ни виньчя́ют: на Ильjи́ вилы́кай у на́с виньчя́ют. Нч сто́ит дйриве́ньску ба́бу чя́ям пайть! Ле́н мы ни *сп̄м*; ва́рьшки вяжу́ в адну́ иго́лку. Цѣ́лай кăраво́т нăвидёш! ба́рышняф заста́фьти! Го́лъсу́ нѣ́ту! Пра э́нтава ба́ть не́чява: о́н аткэ́льта аттэ́льва, атцэ́ль; ана́ сми́рна ба́ба-та; ни в jи́хам быту́-ту! Ана́ ста́ла пришла́ яво́ руга́ть; приди́ ка мнѣ́—я на сми́х, другóй—на сми́х! Ат жынѣ́ уйдёш! Жана́-та харо́ша, а ищя́ ма́льчик вõт тре́тій го́т се хво́рāй... Сё как слѣ́дъват справим: съпаги́-та развале́нныjи. Прида́нăва про́сют; у бра́та мавó ве́чир был: на ве́чйри-ты у на́с се ф пла́тьях, сăръфано́ф-та ни гатóвют Нивѣ́сту касма́ткай вильчя́ют: стра́сь пла́пыт. У мня́ сва́дьба бу́дит на Илью́-праро́к! Паглиди́! Ты ни рăзгада́ш! Он ни вири́т! (=не вѣ́ритъ). У на́с на база́р кул тиле́ги, кул тава́ру: Папо́фьска (=Попова Гора—селеніе) да́льша; Папо́фьски пра́знуют: Мико́лу зи́мню и Мико́лу лѣ́тьню пăдыма́ют! бра́гу варя́т; в лафьки сту́динь купля́ют; фсё свово́ бара́ньчйка убьёш: ни то́м-шы (sic!), пъжа́луй, на вăскрисе́нья! Прида́нăва-та? адёжы-ти и во́симь и се́мь! дубле́на шу́ба, пиряшы́та, хажа́ла шу́ба, читьвёрта: зи́мніи чяты́ря. Лѣ́тăм: паддёфка суко́нна, пани́тăк ру́ськай; билья́ какóва ма́ть припасёт.... Я ни то́м-шы: я ни по́мню, мóжыть да миня́ наси́ли по́ньки! У вадны́х стару́шкаф пабы́ники! Ка́к яб ни ру-

га́ть? Му́жа-та? Зацэ́м-жа о́н харо́шай шо́л х плахо́й?! „Кра́сату́ лиза́ть ай нѣ́т, а плахо́ва ни тяса́ть: то́лька-ба нѣ́с“!— пагаво́рка така́ та! „И ф пяско́ф, и в зо́лътаф“—на фсѣ́ ру́ки! Как прасва́тали-ти? Ато́! (=Конечно, разумѣется; а то развѣ нѣтъ? и т. п.).

Сакало́к бѣ́лай Мико́линька
Ива́навичь
Он иска́л сабѣ́ либе́душку
ду́шу Ната́шыньку,
Гдѣ бы, гдѣ бы мнѣ јиѣ́ уви́дить бы́ла;
Увида́л јиѣ́ сако́л на ре́́чиньки:
Сашла Ната́шынька дары́ мы́ть,
Свѣ́л (sic!) Мико́линька каня́ пайть,
Сказа́л: Ната́шынька тѣ́ бе'ле́нька, красна дѣ́вица,
Пирзнаби́ла-ты сваи́ бѣ́лы па́льчики,
Пирщипа́ла фсѣ́ сваи́ ру́чиньки;
Скидава́д Мико́линька с ру́к пе²рца́тацки
Надява́л на Ната́шынькины ру́цыньки.

Кады́ пялатка́ми пъдаря́т, в до́ми нивѣ́сты пою́т:

Шла Ма́шынька из ляс'о́чьку
Нясла́ Ма́ша два вяно́чька
Сибѣ́ и друшку́;
Маша ба́ла гъвари́ла,
Пастушка́ к сабѣ́ мани́ла,
Мало́диньки́ва.
Пасту́х ско́ра дагадалси,
За скати́най в лѣ́с брася́лси.

Гусевской Погостъ (село близъ Гусевскаго Завода, на р. Гусь, почти на границѣ Влад. губерніи). Запись помѣщаемыхъ ниже трехъ пѣсенъ изъ с. Гусевскаго Погоста вручена мнѣ малограмотнымъ крестьяниномъ и сдѣлана имъ по памяти. Какъ образецъ малограмотнаго написанія, очень интересна. Здѣсь только дѣленіе на строки принадлежитъ мнѣ.

Ю воро́тъ ю воротъ
Сасенушка стояла
Ю воротъ ю воротъ
Кудрявая стаяла
Некому, некому
Сасенушку расшетать
Некому, некому
Кудряваю сколыха́ть
Подыми́сь, подымись
Буйный вѣтиръ со горы.
Со горы, со горы,
Со Масковскай страны,
Ты найди, ты найди,
Найди туча грозная,
Ты убей, ты убей,
Убей мужа дурнова.
Мнѣ не жаль, мнѣ не жаль,
Не жаль мужа дурнова,
Только жаль, только жаль,
На немъ шуба новая,
Новая, новая,
Жерелья бабровая. (Песьня первая).

Ю воротъ девка стояла съ молодцомъ,
Какъ онъ баялъ югаваривалъ её,
Перестань, девка, на юличу хадить,
Перестань, красна, конпаній заводить,
Ва канпаньяхъ пусты рецы гаварить,
Пусты рецы, всѣ на носныя слова. (Песьня другая).

Ня всадо́цыкѣ сало́вушикъ свишить,
Ня сваю ли ёнъ галубушку ишить,
Ня мая ли сизая, мая галу-галубка,
Была всѣмъ приметна

Ю моей ли ю сизой моей галубки
галубки,
Крылышки ю ней сизы, сизыя!
Ю ней перушки, перушки
Ю ней рябы, рябыя! (Третья пѣсня).

Этихъ пѣсенъ въ исполненіи я не слыхалъ въ Гусевскомъ Погостѣ.

С. Дмитріево. (Въ сѣв.-вост. углу Ряз. губ. Касим. у., почти на границѣ съ Тамбов и Влад губерніей).

Ка́гжа свякро́фь ни пъцыта́ть?! Я пастáрьшы! Ря́жаштво́ два дьни пра́знуим: бра́ги вари́ли; дѣ́фьки в зага́дьник кида́ют; хто́ зна́ит, цаво́ та́м папи́са́на!

Кълядýют!

Каляда́ пришла́, каляда́,
Наканýни Ражаштва́,
Иска́ли къляду́
Па фсѣ́м па двара́м,
Па праýля́цкам.
Нашли́ каляду́
У Пятро́ва на́ дварѣ́:
У Пятро́ва жылѣ́знай тын,
На дварѣ́ жылѣ́знай ты́н,
Три т^{c}е^{i}ря́ма стая́т:
В адны́м т^{c}ирямý
Мѣ́сиц с^{m}вѣ́т^{c}ит,
В другѝм т^{c}ирямý
Со́ньца с'вѣ́т^{c}ит,
Ф тре́тим т^{c}ирямý
Ца́сты звѣ́зды (не *ё*).

Афсе́нь игра́е^{i}м! За́пява́й ха́рашенька! (См. мой „Отчетъ“. Стр. 27—28).

У нáс атéц с мáтирью пъсылáют жынихá прижы́ть э́ткую дѣ́вушку: јиé и бярýт. Пасóдют жынихá с нивѣ́стай На дивúшники купля́ют витýшак фýнт, патшóлнухаф; на фтарóй нидѣ́ли вясны́ тады́ уш виньчя́ют. Дѣ́вка прóсит бáславéнья:

Баславú ты, мой бáтюшка,
Ф чюжы́ люди,
Баславú, мая́ мáтушка,
К цужóй тᶜётушки,
К цʲюжóму дя́дюшки:
Цужóй дя́дюшка
Ни раднóй бáтюшка,
Цужá мáтушка
Ни карьмúлица мáтушка.

Миня́ дя́дя ăбувáл: пшанá клáл в башмóк, пёрушки клáл, ишшó пьтацᵛёк дéник. Надіют—сăрафáн нăзывáтчя, чᵛёрнай э́та врéмя с чʲвяткáми. Спеʲрьвá ръсплятýт кóсу дóма ш'ш'о. Жыних пріѣ́дит, пасóдют нас рядам; кнýт выкупáют, бярýт дéник! Гóсʲтᶜи адбирáют кнýт. Нивѣ́ста ѣ́дит адна́, сваха с ней. Дмúтрифьска сама́ я! Нúвѣ́ста сидúт, ни глеʲдúт никудá.

На Трóйцын дʲéнь вянкú из бирёскаф: катóрай вянóк пътанýл—памрёт. Кăравóды бывáют.

Пращя́й, жы́сь-рáдăсь (ты мая́)
Слышу (ты), ѣ́диш (ай) ат миня́ ⊥
Я ѣ́ду тóлька ат тибя́:
Нам дал(а)жнó с табóй растáтца,
(ли)
Тибя́ бо ⊥ тибя́ бóльшы ни видáть ⊥
Бýду по(я)мнить тваи зóры
Твой висёлай разгавóр ⊥ 2.
Тёмна нóцынька ни спúтца ⊥
Сама́ знáю што к цамý (пăцамý); ⊥
Сама дѣ́ицᵛя сказáла:
За мнóй мáльцык ни ганúсᵗʲь. ⊥ 2.

Есь пагóнисса за мнóю,
Пъ(а)т^{c}иря́иш свой спакóй ⊤ 2.
Спóмни д^{з}ень свóй рáсприкрáснай:
На гуля́нья шли с табóй ⊤ 2,
(На гуля́нья с ми́лым шли)
Ни дайдёмшы бы́страй рёцки,
Мы сади́лис^{ш}ь на пясóк, ⊤ 2.
На жалтóй пясóк сади́лись
Ўóзьли свёжай (мы) вады́. 2.
Не^{і} успёли рáзабрáтца,
Вáзмути́лас^{ш}я вадá, ⊤ 2.
Вáзмути́лась, взвáлнавáлáсь
Анá (вадá) ж жóлтыим пяскóм ⊤ 2.
Вы накрóйти тýцы т^{c}ёмны,
Ты пралéй ка си́ль(ле)най дóш'ш' ⊤ 2.
Рáступи́сь мать сыра зе^{і}мля,
Вастáнь мáминька мая́. ⊤.

NB. Въ этой пѣснѣ слова и слоги, стоящіе въ скобкахъ ( ), означаютъ то, что *пѣлось* при исполненіи пѣсни, а соотвѣтствующія мѣста *безъ* скобокъ *произносились* при повтореніи пѣсни *говоркомъ*, когда пѣсня мною провѣрялась въ записи съ голоса, съ напѣва. Знакъ ⊤ означаетъ паузу голоса, гдѣ какъ бы оканчивается каждый разъ мотивъ, а цыфра 2 означаетъ повтореніе стиха.

Свáдьбишна.

Я-у-я-у к Татья́нушки сакóл прилятáл, (2)
Да-ю к Пятрóвьни ясноóй припархáр, (2)
А-ю-а-ю он сади́лси на акóшычьку, (2)
На сирéбрину причéлинку. (вторая половина стиха и далѣе повторяется по два раза).

Причéлинка из(а)ламúлась,
Вай-я-и-о-о Татьянушка испужáлась,
Никамý в руки ни давáлась
Брасá(о-о)лась!
Прилитѣ́ли лафьчú дмúтрифьськія,
Схватúли бѣ́лу рыбушку
Татьянушку.

С. *Данево* (почти рядомъ съ с. Дмитріевымъ).

Кăравóдная.

Как ни пó лугу лужóцку,
Па зилéнăму лужóчьку
Сúлизéнь с ýткай гуля́чи.
Он гуля́ит с нéй играúт,
Чéрéс калúн мост пирхадúли,
Кáлин мóстик абламúлси,
Сѣ́ра ýтка пътанýла,
Пътанýла, на днó сѣла:
Сúлизéнь тýжыт, плáчит,
Тýжыт, плáчит, съкрушáтчя,
Вазьлѣ́ ýтки увивáтчя:
Как мнѣ́ эту ýтку жáлка!
Кáлин мóстик вăспадня́лси,
Сѣра утка вăсплывáла,
Сúлизéнь-та взрадавáлся,
С сѣ́рай ýткай чúливáлси.

Плясовая.

Зáинька ва садý
Сѣ́рúнькай ва садý!
Вóт къ, вóт къ ва садý,
Вóт и ѳдъ ва саду!

Зáинька чвяты́ рьвёт,
Сёринькай чвяты́ рьвёт,
Вóт къкъ, вóт къкъ чвяты́ рьвёт,

. . . .

Зáинька вянóкъ вьёт,
Сёринькай вянóкъ вьёт!
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька на галóфку,
Сёрйнька нă галóфку!
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька на плéцъка
Сёрйнька на плéцъка
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька на другóя
Сёрйнькай на другóя,
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька, рăзьвирьнúсь,
Сёрйнькай, рăзьвирьнúсь,
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька, пăплишы́,
Сёрйнькай, пăплишы́,
Вóт къкъ....

. . . .

Зáинька, тóпни нóшкай,
Сёрйнькай, тóпни нóшкай
Вóт къкъ....

. . . .

За́инька в ладо́шы,
Се́рйнькай в ладо́шы,
Во́т къ к....
. . . .
За́инька, пъдайди́,
Се́рйнькай, пъдайди́,
Во́т къ к....
. . . .
За́инька, пъкланись,
Се́рйнькай, пъкланись,
Во́т къ к....
. . . .
За́инька, пъчялу́й,
Се́рйнькай, пъчялу́й!
Во́т къ к....
. . . .

Протяжная.

Вдоль па мо́рю, мо́рю си́няму,
Па си́няму па валы́нскаму,
Плыве́т стада лйбиди́ная,
Плыве́т ле́бйть са либе́душкай:
Он *плы́т*—плыве́т, сам аку́нитчя,
Аку́нитчя, въстрипе́хнитчя,
Пад ни́м вада́ въскалы́хнитчя.
Гдѣ не́ взялси млат сизо́й аре́л,
Он ушы́п, он уби́л се́ру у́тку на вадѣ,
Пу́стил кро́фь па синю́ мъ́рю,
Пух пуши́л па чисту́ пъ́лю,
Пе́рушки вдо́ль па бе́рйшку,
Брала́ пу́х кра́сна дѣвиц'я душа,
Свамý дрýшкý на пъ́дý́шыц'ьку.

Чя́стя̆я („и плясáть, и зя̆ рабóтуй“).

Асéнній нóц“и
Нé спя̆л да палнóч“и,
Весь я истамúлси,
На́ бя̆к пъвалúлси,
Пришлá ка мнѣ́ рáдя̆сть (sic! *т* было слышно!).
Рáдя̆сь дя̆рагáя,
Сáнич“ька милáя.
Взя́л јіе́ за ру́ч“ьку,
По́вёл ва с'вѣ́тлúч“ьку
Крáснáю дѣ́вúч“ю,
Пъсадúл на ля́фку.
Сáм сѣ́л на скамéйку,
Налúл винá чя́ру,
Сам я вы́пил пáру,
Стал ей пъднасúть,
Мúласти прасúть,
Анá ни примáит,
Назáт я̆тсылáит,
Зя̆прасúла хмéлю,
Завёт на пастéлю,
Пашлú ря̆звагóры
Ира ч“ёрныји бróви,
Пашлú чилавáнья,
Прамéш нóх савáнья.
Анá явó нóсит,
Ц“ють с сибя́ ни збрóсит,
А он дъгадáлси
За грýть брасáлси:
Ну, стóй, ни брыкáйси,
Я тибя́ *зигуздáю* (sic!),
Твой рáзум узнáю,
Абы́чій дивúчій,
А рáзум рибя́чій.

Плясова́я.

Пат сѣ́ткай пад бѣ́лаю
Пайду́ плясáт, раздѣ́лаю,
Раздѣ́лъвала, *ръскамáривăла*,
За варóта выхади́ла, ръзгавáривăла.

Свáдьбишная.

Бижы́т рѣ́цька ни тякýч^{ч}ія,
Бижы́т Вѣ́ра ни плакýч^{ч}ія,
Ни ап чѣ́м ана́ ни плáкала,
Ни па бáтюшки, ни па мáтушки,
Па сваéй па русóй касѣ́.

(„Ана́ запла́цы̆т, мы и пйриста́ним игра́ть ей“!).

Ана прóсит бăславе́ньичя, мóлйтчя и плáцыт, атéчь лиш дóржыт кавриґу. Атѣ́ц^{ц}ь хрѣ́снай, мать патóм хрѣ́сна бъславя́т и за стóл пъсáдют. (См. мой „Отчетъ“. Стр. 28—29).

Жыниху́.

Рóду плéме'ни харóшăва,
Атчю́ с мáтирью пачёт'ливай,
Слы́шыш-ли мы́ тѣ́ пѣ́сьню паѣ́м?

На свáдьбу *страньскійи* пріяж'ж'áли; пьют винó и *с пьяну арют* (sic!).

Гусевской Погостъ. „Здѣ́сь у нáс *двóрьник* éсть!“ Зайди́тя к няму́! („Дворникъ“—содержатель постоялаго двора). У нáс всю́ нóч^{ч}ь *нашнóй уля́н* (=сторожъ) хóдит! Аны́ жы́ли дапрéш *рядóм*, кузьнéшнăя издѣ́лья у явó, у Майсéй Андрѣ́ва; жана́ пъмярла́ нóньчи, óкуль ч^{ч}ёрькви пъкрани́ли. Кушы́ньчик мăлач^{ч}ька́ адбива́ит, или слúвăк *либó штъ*. Кирьпи́шнăя изрясцóвăя (sic!) пéч^{ч}ь.

Забѣлино. „Иравóя пóля ни пáхáна за *врáгáм* (=за врагомъ). Дѣ пайдéш па *мéшкам*, вéцʻирáм придéш! Пасьля Успленья убирёш лугá-та; там мястóф мнóга, а нáшых-та мáла; татáрину скóлька плóтиш, а éжʻьли ни заплóтиш—*тиснéніе*“

Бѣлькóво. (Деревня Погостинской волости; все въ томъже углу Касим. уѣзда, близъ р. Оки и Гуся). См также мой „Отчетъ“. Стр. 31—32.

Слѣдующій разговоръ, записанный мною въ Бѣльковѣ, представляетъ изъ себя *только отвѣты* крестьянки на мои вопросы. Эти отвѣты, поэтому, безъ моихъ вопросовъ не имѣютъ внутренней связи, но въ лингвистическомъ отношеніи настолько интересны, что я считаю нужнымъ привести ихъ цѣликомъ, хотя бы и безъ моихъ вопросовъ.

„Налúва-т ыщя́ ни вúдяш“ (=Налива то еще не видишь): „плóх-ат фсхóд-ăт“! „Мисаѣдам у миня́ дитё пóмяр, я на у́лйцу-ту и ни хадúла; а кăравóды вóдют, вздýмýт и нацнýт.. Сётъки слýшаёш! Кăравóдъми-ти играю́т, а мы, старýхи-ти, паýжънали и на пéцкý... Зубóх-та нѣт! Гърямы́шныя! Скóлька *сыньёф*-ти жыни́ла да пъкăрани́ла! У нáс ф сваю́ ăддаю́т и ф цужýю. Свёкар прихóдят,—ямý сúтьницка, а то—хлѣ́щă, а *пиряшкá* зъкусúть-ты! С пéцы? Зацэ́м? Ана́ убьётцы!“ (На вопросъ, не бросается-ли невѣста отъ горя съ печи. См. мой „Отчетъ“. Стр. 20. Село Шостья Касим. у.).

„Жыни́х приносят витýшак, патсýлнушках! („витýшки“=баранки). Ты пóниш, падú, Графéна. вицарýшную пѣсьню?! (См. Отчетъ. Стр. 32). *Род* бýдят събирáтца на вицарýхи вéцĕрым, а дѣфьки вазьмýт дéньги и уйдýт к *сусѣдам*: ф старинý-ту фсё пъбаýáтеʻй бы́ли! Пóньки и рашкú *пълатя́нныя* были! (=полотняныя). Адява́ют, тут штó за *паéнья*?! („паéнья“=пѣніе; на вопросъ: поютъ-ли что-нибудь, когда невѣсту одѣваютъ?) Тут ана́ прóсят бăславлéнья:

Бăславú миня́, радúмай бáтюшка,
Бăславú, радúма мáтушка,
Сваúм бăславлéньям.
Нéдăрага мнѣ вáша злáта-сéреʻбра,

Дăрага́ ва́ша бăславле́нья:
Вам на мѣ́ста сѣ́сть,
А мнѣ пăд вине́цку стать!

И фсѣ́,—*сро́тства* като́ра—фсѣ́ бăславле́ют! Кажнăму гăвари́т адны́ пѣ́сьни (=сродство́=родственники).....

У на́с *кълядý*-ту ни *крыщи́т*. Пали́ и гада́ют, хто́ ји зна́ят: сăбяру́тцы и гада́ют; дѣ́фка за жы̆ниха́ гада́ят: за цо́рнăва кăраля́ ли́ба за бѣ́лăва. Выхади́л мнѣ́ каро́ль цо́рнăй, а вы̆шла за ру́сăва. Миня́ *ăнамня́сь*-ти о́ддали..... С цытьвярга́ зăцына́им блины́ пе́ц; пшано́ талкли́, пе'кли́; гре́ца-та ана́ ишшо́ ни ради́тцы! Хăрашо́ во́блы-та, а то́ хърашо́ сѣ́ят! (На вопросъ: не ѣдятъ-ли на Масляницу судака? Вопросъ предложенъ въ шутку) Тапе́рь сы̆ти, мука́ шэ́зь гри́вят! На нашу симейству-ту три пу́да ни хвата́ит, у на́с была́ ади́нăтцăть ду́ш. Салда́т-ти сядо́й и Се'мён по́мяр...

Пăбайцэ́я сабра́ли-бы: мы ни çмѣ́лыји лю́ди-ти, вот и ни *магу́м* пѣ́сьни-ти игра́ть! Нильзя́ *по́нить*-та и́х, пѣ́сьни-ти! Мы ф хло́п'цках рас'ли́. Я была́ ни ху́жа в дѣ́фкăх-тă!.. А но́ни хто́ бут карьми́ть?! Ху́жы, бидьнѣ́й на́шăва Билькёва нѣ́т! Нашы билькёçькіја гърямы̆шныя! Тётка Анна ишшо къляду́ зна́ит, а то́лькя ана́.... Я ни дăхажу́ да пѣ́сят: у мня́ на се́рьцы *ни́ту*: *я́* тѣ́ сказа́ла: ради́ла да х'рани́ла, ницаво́ ни з'дѣ́лаш: ни жыву́т.

Он ба́ит кăраводную:

Сѣ́ра у́тка на дно́ сѣ́ла
Пътану́ла,
Силизе́нь зрадава́лси,
С сѣ́рай у́ткай цы̆лава́лси.....

Вот и *ришо́на*! (=Вотъ и кончена пѣ́сня!).

Дапре́ш я са́мăя *ăтарьвённая* нибо́сь была́!

Урядино (Китовской волости, въ глубинѣ уѣзда). „Атцэ́ль на Ца́рус дарóга Вóот, радúмай, сăмавáрах-ти нéет! Цай у каб угóдна мóжна Вы́шла ф *пóлю*“

„У мя хязя́ин пóмир. Три сы́на, дифцóнка адна́ вы́дăна. Ямý пашóт дьвятнáтцатай: цаты́ря дня бйз е'зыкá был: он зăлязáл; хто лицы́т, мы шшо ня спрáвились. У нас *адна́* тя́глышка; э́тăт гот ничᵘявó: есь *хлы́бе'ць*: да мáслины был свой, а тапéрь уш пăкупáим у цăлавáльника у Аханáсья. Мы Касúмьскава *уѣзду*. У мя вот сын ф Пи́тире[a] в ламавы́х; пълуцáит рублéй шызьдися́т за гóд-ăт; жана́ тут у мя с нáми, сын дóма: *край* зимьлú уцы́лси у нас в Урядьне[a]. Я на свякры́ шла. Он атец-та ф плóтниках хóдит ф Тимóхини-ти. Хъладнó: прасá сѣ пъжылтѣли Т'ить он дьякăн та адúн: на Усьпéнья, З'д'вúжынья—прастóл: виньцá вазьмýт, зăкусить-та пирашкá, там блинкáми; и срóдьники, и так цужы́я: у ко цоб есь!

Китово (деревня). *у*óспăди *знаить* ăтцавó! Тёплыји дни, да *ана́ сё плахáја прóса*. Радúтцы у нас хлѣб-ăт, рукóй вот *тирéбям*, а нóни нѣт. Лёп плахóй воўси, хотᶜь ни сёй: ни радúтцы,—нѣт ницавó и прясь нéцава. Явó дéрьгаим, *свя́зывам*, хош цапóм, хош валькóм *валя́м*. Вы-ти явó ни сѣ́йити. Мѣры три ни сѣ́ям: нас вот цаты́ри бáбы-ти; *можыть*, дьвѣ мѣры-ти *нăкалóтяш* Тады́ *бýдям* явó на зéмью рăстилáть пад дошш, штăб он услáлси, ф Пакрóх явó сымáим, *бýдям* тряпáть; *дѣлям* на цаты́ри дóли-ти: свякры́ цатьвёрта, ана пабóльша *мяня́*. Пăде'рéмси, д' апя́ть рăзбе'рéмси Хто с Мúтрава *нăцына́ить*, другáя с Рăжаштвá Какúји асéньнији дни́-ти: вот он и вéцыр, кады́ прéсь-та? И сицáс *прядýть*: у ко есь—*придéть*. А то лáпти плятýть и лы́цки. Купи́!: цытьвиртацóк пуцóк: купúть де'шёй придётцы; па рублю́ с лутá, с лутóшка—пять палкóвах. А у нас зямля́ пе'спáная. Па адно́й карóви-тиф кáжнам-ти дóми-ти! Хёкла, падú рăскажы́, а то я смяшáюсь.

Блины́-ти хто *пикéть*, у кавó как сайдётцы! Ис цавó? Масленица.
С грицы́хи. *намéлям*, *выс*ᵘ*ия́м*—на гуш'ш'и: в дирúвьни-ти у нас *у*дѣ дрóж'ж'и-ти. С цым је'дúм-тў? бирéм пóснава: с сёмя бьём, *пъкупля́м*. Кады́ *бывáить* и смятáна У нас *лгшадéй-ти* харóших-ти нѣт *јих*. Хто ји *знáить*, какúји-ти сáни-

ти, а то нѣ́т *јих санéй-ти* харо́ших-ти. Я дапре́ш ката́лась фсей арте́люй: де́сить иль ади́нъцать, *ли* ¦*мо́жьыть* пять тихо́нькуй.

Виньца́ *вазьму́ть* на прашшэ́най день.

Китово (село). У нас по́нькя и рага́: *шышо́цки но́сють*, ис халсти́ны *фшыва́ють*, и *каты́ но́сють*. (См мой „Отчетъ". Стр. 33—34).

Протяжная пѣ́сня.

У варо́т, у варо́т
Сасе́нушка стаяла,
У навы́х, у навы́х
Зиле́ная стаяла.
Никаму́, никаму́
Сасе́нушку ръшшата́ть,
Никаму́, никаму́
Зиле́ную скалыха́ть.
Спадня́лси, спадня́лси
Бу́ян ве́тир са гары́,
Са гары́
Са Маско́ськай страны́,
Ты найди́, ты найди́,
Ту́ца гро́зная,
Ты убе́й, ты убе́й,
Убе́й му́жа ста́рава.
Мнѣ ня жаль, ня жаль
Му́жа ста́рава,
То́лько жаль, то́лько жаль,
На нём шу́ба но́вая,

Но́вая, но́вая
Жыре́лья бабро́вая.

Троицынъ день.

И я дапре́ш зъ́плята́ла вянки́; с вянка́ми пайдѣ́м на прут, вянки́ из листко́х *пгнадява́ям* на го́лъ́вы; в *этим* в приса́тки-ти *наврём* свято́х, вянки́ *пъбраса́ям* ф пру́д-ът; падру́шкити *кума́ми* нъ́зыва́ютца. Кады́ *ги́дуть* с вянка́ми, *игра́ють*:

Пръ́|сидѣ́л-ба ма́льцык да суме́ряк,
Пъ́|каза́лся день мане́няк:
Вре́|мя ѣ́хать ка двару́. I

Ни|дае́ѣхамши да сваво́ дварьца́,
Цы|лава́ла сваво́ мъ́латца́ I
Цы|лава́ла́ я милава́ла
Кръ́п|ка к серьцу прижыма́ла:
Ты | прашша́й-ка, мой мило́й, I
Ты | прашша́й (ой ка), мая́ мила́я,
Пра|шша́й (2), ра́дъ́сь дараго́я,
Ни | забуть-кя ты мяня́. I
(Знать|, забы́л ты пра мяня́)
Я | тады́ тябя́ забу́ду,
Ка|да́ на свѣ́ти жыть ня бу́ду.

(Знакъ |, отдѣ́ляющій первый слогъ каждаго стиха, означаетъ, что первый слогъ повторяется два раза, причемъ первый разъ его затягиваетъ запѣвало, а второй—подтягиваетъ хоръ. Знакъ I означаетъ паузу и какъ бы конецъ пѣсеннаго колѣна).

Эту-же пѣсню нѣкоторыя дѣвушки продолжали такъ:

Младу́ за́муш *аддаду́ть* I,
Аддава́ли маладу́ю на цужу́ю старану́ (2)
Ни за ро́внюшку мяня́,
Гдѣ-бы ро́внюшку сыска́ть,

Бу́ду пла́кать гърява́ть ⌶ (2)
Юш я пла́кала рыда́ла
Пъ̆латко́м сле́зы утира́ла
Иглянýлась я наза́т ⌶ (2)
Зъ̆прягай-ка, ми́лай, са́ни
Я паѣ́ду гуля́ть с ва́ми:
Иска́ть *бу́дям* малышо́х. ⌶ (2)
Мы иска́ли малышо́цкъ̆х
Ни з бальши́х ли барышо́х
Са *Дуна́ю* вална́ *бьёть* (2)
Бижы́ть рѣ́пка, бижы́ть бы́стра:
Пириво́зу на ней нѣ́т ⌶ (2)
Пириво́з на ней пашо́лси,
Пиривошшык *) маладо́й ⌶ (2).
Пирьвизи́ мяня́ к ма́тушки радво́й

Скрось вяно́цках нъ̆цына́им цылава́тца и мяня́имся я́йцами.

Село *Чарусъ*. „Эта я тапе́рь на пацы́ни; лы́ки мы там дра́ли: мно́ᵧа дира́ли, сица́с пади́ *дярýть*. Лён *сѣям*: то́ли зъ̆ради́тца, то́ли нѣ́т; сот петь сѣ́яли. Ско́лько ба́п-ти! Када́ *бýдить* ч"вѣ́сть та? Как си́ла *вазьме́ть*. Как ве́дра нѣ́т, вазьме́ш да пасо́ляш; тады́ пасте́лям, кало́тям, сни́мям, талке́м, нъ̆мата́ям, вы́бьлям, вы́ткям, а тут уш били́ть. Дли пъ̆латеницкаф па́смапка ў три и́ли ў цаты́ря—*узо́ристай* уто́к ади́н, а эт' уш кладём на сте́нацках. Я но́ньца адну́ халсти́ну нъ̆пряла́. У двух аршы́н питьдися́т, на́ръ̆зь два́тцъ̆ть петь: вот *тань* питьдися́т. Ниуда́ца *быва́ить*: дру́ᵧая ни *умѣ́ить*. Я с ро́ду, садо́вай, па я́рманкам ня *хо́дю*. Къ̆напи́, зна́тна, как лён *сѣям*: асо́бе'нна *мо́цам*, а пато́м *сте́лям*... Была́ ў дѣ́ф-

*) Въ *селѣ* Китовѣ—пириво́шшак, барышо́ў, малышо́ў и проч. Вторую половину этой пѣсни досказывала мнѣ крестьянка *деревни* Китова.

ках, хади́ли ў лѣс! Ис цавó? Ис тавó: ч"вяткй зăвива́ли и на ў о́лаву нăдява́ли, пѣсьни и ў ра́ли. Пажар сдѣлăлси: и вянкй эти рăсшьте'рѣ́ли—испужа́лись. Тѣм и ў аварю́, штă ня по́мню. Ня зна́ю, с кѣх пор ни' ў ра́ю: брат ўмяр—мать *пла́цать*, я пла́цу: на се́рьцы ни висяло́. В Аде́сьти мно́ў а на́шых „ца́р'ских“ (=Чарусовскихъ) ў палва́лах рабо́тут.. Энтăт ишшо́ по́п-та миня́ виньца́л: Хили́п што-ля, Васи́лій-ли: два́тцăть петь ў ăдо́ў бу́дить я за́мъжам. *Зе́мьлю влада́ю*: но́ньца три цо́тьвирьти тяў ла́. Мая́ ло́шать *в атца́*.. Он атто́ли ницаво́ ни *шле́ть*: пахо́жа *пьянствать* (3 л. ед. ч.). Жана́ адна́ *прако́рьмитцыть*.

Село Ивановское (Ветчанской волости).

Хороводная пѣсня.

Ис под лѣ́сику, лѣсу темнăва,
Ис пот са́дику, саду зилёнăва,
Ани шли прашли двоя молăтцы
Двоя молăтца оба холăста
Ни жана́тыи, щанлива́тыи
Ани́ шли прашли́, станави́лися
В розъ пашли́, разброни́лися,
Выхади́ла к ним кра́сна дѣвица
Выхади́ла к ним гавари́ла им:
Вы ня зо́рьтися, ни брани́тися,
Вы па со́висти разайди́тися,
Памѣрійтись, каму́ даста́нуся,
Али па́рню бѣ́ламу, бѣлабро́аму,
Ай ли цо́рнаму цэрнабро́аму.
Даставалася па́рню бѣ́ламу
Па́рню бѣ́ламу, бѣлабро́аму.
Он и взял jiё за праё руцу,
Он павёл jiё да вдоль па ю́лицы,
Ён сваёй жано́й хва́литцы:
Вот мая́ жана́ ро́мна ба́рыня:

Вторая половина каждаго стиха повторяется съ припѣвкой: „Ой-ли, ой люли!“

Село Ветчаны.

Пѣсня Овсеню.

Та́усинь, Та́усинь,
У Ива́нава двара́
Зиле́зьныя тынья́
Край зиле́знава тынка́
Кӑраватка смашшана́.
На крава́тки пе'ри́на пухава́,
На пе'рини пухово́й
Ива́нушка с Палаге́юшкой спят.
Све'цёл м'е́сиц Ива́нушка,
Я́сна со́лнушка Палаге́юшка,
Ца́сты зве́здушки
Ји́хи де́тушки.

Село Ахматово.

Свадебная.

Сако́л сако́лушык,
Сакало́к Ива́нушка,
Бе́лый ле́бядь наш Ива́навпць
Пълятёл он ва цисто́я по́ля
Ва цисто́ паля ва ци́стое
Рӑзмахнул он шылкаво́й пле́ткай.
Он рашшы́п *ста́ду* *у*уси́пӑю,
А дру*у*у́я либяди́нуя,
Он атшы́п сибе́ лябёдушку,
Лябёдушку Паласке́рьюшку,
Размало́диньку Ива́навну:
Ты праштó ско́ра вылёты̆ваш?
Ни сама́ я сабо́й вылётӑвӑю,

Выдаёт мяня́ ба́тюшка,
Сӑряжа́ит радна́ ма́тушка
Ва цужы́и лю́ди нязна́мыя,
Нязна́мыя-низнако́мыя.

Село Катово. Причитаніе по матери.

„Кады́ ляжы́т на ла́йки“ (=Когда лежитъ на лавкѣ).

Ради́мая мая́ ма́тушка,
Куда́ ты та́х-та сарядѝласа,
На каку́ю-ш ты старо́нушку атряжа́исси?
Мно́уа у́орюшка мы бис тя наприма́имси
И всяо́ мы бис тя навида́имси,
И всяо́ мы бис тᵉя наслу́шаимси,
И нихто́ нас бис тᶜія́ ни прим о́лыт,
И нихто́ нас бис тᶜія́ ни приласку́ит,
И карьмилиц наш ба́тюшка
Хуть как он жалѣя, хуть как ласку́ит,
И ни как што тваё жала́ньица.
И всяо́ мы бис тᶜія́ навида́имси,
И всяо́ мы бис тᶜія́ наприма́имси,
И ради́мая на́ша ма́тушка,
С како́й са старо́нушки нам тᶜія́ дажыдать,
На како́й нам дарожынки тᶜія́ встряца́ть бу́дя,
С како́й нам старо́нушки пауле́дя́вать?
Ради́мая ма́тушка,
И ка́жнӑй дянёк, ка́жнӑй часок
Мы тя пауле́дя́вали, мы тя дя́жыда́ли.

„Таперь пами́нки; х цэ́рькя́фь внясу́т, х цэ́рькви-ти во́пют“ и проч.

Деревня Снохино.

Протяжная.

Зи́мушка зима́
Халадна́ была́,
Маро́зливая,

Халадна́ была́
Маро́злива,
Замаро́зила миня́ мо́лӑдчя.
Ни маро́зь миня́ да миня́ мо́лӑдчя,
Я с му́жам жана́
Ни в ладу́ жыла́,
Ни в *са*у*л*а́сьи-ти,
Ни в ладу́ жыла́,
Му́жа извяла́
Му́жа сваво́ извяла́
Павѣ́сила,
В зиляны́м саду́ му́жа павѣ́сила.
Павѣ́с^{ш}имшы му́жа пришла́ ка двару́
Пришла́ ка двару́,
Сѣ́ла ва скамью́,
Сѣ́ла ва скаме́йку
Слязно́ папла́кала,
Праклятая жысть
С цужы́м с му́жам жыть:
Бяз му́жа жана́
*у*о́рька сирата́.
Пайду́ сваво́ му́жа звать:
„Пайдём, муш, дамо́й“.

Предполагая со временемъ напечатать отдѣльно сборникъ матеріаловъ, собранныхъ мною въ Касимовскомъ уѣздѣ и не вошедшихъ въ это Приложеніе, я, въ виду и безъ того большого объема настоящей книги, ограничиваюсь пока лишь приведенными образцами и заканчиваю свой трудъ выраженіемъ глубокой благодарности какъ редактору „Ученыхъ Записокъ“ профессору Ѳ. Г. Мищенку, такъ и стипендіату В. П. Брюханову, который взялъ на себя трудъ корректированія настоящаго сочиненія во всемъ его объемѣ.

Приложеніе 2-е.

Примѣрный списокъ именъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ различныхъ говорахъ.

Ми́лāй (Касим. Ломъ, Зубово...)—Литер. Ми́лый. — Мило́й („Вотъ и ѣдетъ мой мило́й“....) Срв. Колосовъ. Замѣтки..... ibid. Стр. 43. Мое соч. „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Прилож. № 52.

Пе́рьвāй (Касим. ib.)—Перво́й, перьво́й. („Не въ перво́й“....) Литер. пе́рвый.

Дубо́вāй (Касим. Шостья)—Дубово́й. („Летитъ гусекъ—дубово́й носокъ“...). Литер. дубо́вый.

Литер. ме́лочный—ме'лашно́й (Касим. Нарму́ш.: „ме'лашна́я лафка“).

Студе́ный—студяно́й (? студяно́—Ряз. Скоп. и друг.). Садо́вāй (Касим. Чарусъ.)—Садово́й литер.

Вясе́лай (Ряз. Скоп. Спас...)—Весело́й (? Висяло́—ряз) См. мое соч. „Къ діалектологіи“... В. 1892. Прилож. № 32. 51. Литер. весе́лый.

То́щай, литер. то́щій—таш'ш'о́й (Спасск. Ижевское).
Глу́пай, литер. глу́пый—„глупо́й ра́зум.“ (Касим. Ерахтуръ).
Здѣ́шнāй (Спасск. Вы́жлисъ)—здѣ'шня́я (Касим. Ерахтуръ. См. Приложенія).
Литер. здѣ́шній.

Плохо́й—Пло́хāй (Касим. Парахино. См. Приложенія).

Вре́менный—(В)римянна́я. Кас. ibid. Временно́й—Новг. (Колосовъ Замѣтки. ib. 22).

Про́ста̄й (Касим. Нармуш. Расторгуево.)—Просто́й литер. (Срв. мое соч. „Къ діалектологіи“. Отд. лексикол. s. v.).

Голо́дный—литер.

„ўало́дна̄й ўо̄т“ (Спасск. д. Воскресенское)—ўӑладно́й (Кас. Зубово: ўӑладны̆ји были ўада́).

Вдо́вый—вдово́й, вӑдово́й (Кас. Чуфилово). Ряз. Скоп (См. мое соч. „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Приложеніе № 29.)

Хи́тра̄й (Кас. Ерахт.)—Хитро́й (Кас. Нармуш. Катово...). См. мое соч Лексикол. s v.
Литер. хи́трый.

Бѣ́дна̄й (Кас. Ерахтуръ)—бѣдно́й (? „у бѣ́днѣ́“—Кас. Катово; = въ бѣ́дноте́).

Бѣ́дный—литер.

Зеле́ный (Ряз. Скоп ...)—У меня: №№ 32. 46. 52. (См. мое сочиненіе: „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Прил. № 20). зе'ляно́й: „в зе'ляны́м саду́“—(Кас. Снохино). Ряз. Скоп.

Ди́кій—дико́й. Арханг. Вят. (Опытъ обл. Слов. s. v.).

Дабы́шпай—(Ряз.)—добышно́й. Новг. Орл. (Опытъ... s. v.).

Пѣ́шій—пѣшо́й (между прочимъ у А. Толстого). Колосовъ. Замѣтки... 123. Олонец губ.

Развы́тный (Тамб.)—развытно́й (Орл., Опытъ... s. v.).

Тя́жкій—тяжко́й (Вологод. ib.).

Цѣ́лый—цѣло́й (Тверск. ib.).

То́лстый—толсто́й (срв. фамилію Толсто́й).

Ша́ткій—шатко́й (Арханг. ib.).

Че́ре́дный—Псков.—Чередно́й—Вологод. (ib. s. v.).
(О-чере́дный)

Чу́дный—чудно́й. Твер.

Чудо́вый (Тамб.)—Чудово́й (Тверск. ib.)

Ѣ́дкій—ѣдко́й. Новгор. ib.

Ю́ркій—юрко́й. Новгор. ib.

Жа́ркій—жарко́й (Колосовъ. Замѣтки. 22).

Лю́бый (новорос.)—любо́й. „На лю́бым мѣстѣ“—Муром. (Колосовъ Замѣтки 304).

Медо́вый (новорос.)—медово́й.

Воско́вый (новорос.)—восково́й.

Ша́льный (Кур.)—шально́й—литер. (Сарат. Доп. къ Опыту s. v).

Отста́лый—отстало́й—литер.

Пропа́лый (?)—пропало́й („на-пропалу́ю“).

Кря́пкій—кря́пко́й (Колосовъ. Замѣтки. ibid. 22).
Кру́пный—крупно́й (Колосовъ. ib. 22).
Гла́дкій—гладко́й. (Колосовъ. ib. 22).
} Новгород. губ.

Уста́лый—усталó́й (Колосовъ. ib. 123).—Олонецкой губ.

Ретѝвый—ретиво́й. Вят. (Колосовъ. 237).

Ро́дный (Новгор. Колосовъ. 43).—Родно́й.

Но́вый—ново́й (Ряз. Скоп.; См. мое сочиненіе: „Къ діалектологіи влкр. нарѣчій“. В. 1892. Приложеніе. Пѣсня № 17). Срв: греч. νέος изъ νέϝος.

Си́зый—сизо́й (Ряз. Скоп. ibid. № 18)

Ка́менный—камяно́й (Ряз. Скоп. ibid. № 18.)

Гря́зный—Грязно́й (прозвище).

Хме́льный („Брага хме́льная не разымчива“; также у Пушкина)—Хмельной.

Че́рный—Черно́й (фамилія—„Черны́хъ“).

Ме́ртвый—Мертво́й (фамилія Мертва́го).

Се́льскій—Сельско́й.

Стра́шный—Страшно́й (монастырь).

Пухо́вый—Пухово́й.

Че́стный—честно́й („Честно́е слово“—московск. простонародн.)

Отсту́пный (не-)—отступно́й („дать отступно́го“).

Чу́ждый (ц. слав.)—чужо́й.

Гра́дскій (ц. сл. См. мое соч. Отдѣлъ лексикологич. s. v.)—городско́й.

Гу́стый (у́стай—Ряз Скоп. ib. s. v.)—густо́й.

Хру́шкій (Арх. Даль. О нарѣчіяхъ... LIII. хру́сткій = крупный)—Хрушко́й (хруско́й)—Арх. Кстр Влгд. Прм. Сиб. Ряз. (жесткій, крупный. Даль. Словарь. s v. „хру́стать". См. мое соч. „Къ діалектологіи". Прилож. Пѣсня № 32. Соболевскій. Изъ исторіи р. языка. Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. Стр. 25).

Со́нный—сонно́й. (Казан. Лапшев.).

Конецъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	*Должно быть:*
СТР.	СТРОКА			
52.	16	сн.:	у хвякóли	у Хвякóли
54.	4	св.:	губерніи	губерніи,
70.	2	сн.:	напи́тца	папи́тца
71.	12	св.:	напи́тцы-ть	папи́тцы-ть
71.	17	—	Кобаново	Кабаново
71.	18	—	ж жыниха́м	ж жынихóм
73.	1	—	д'ана́	д'ана́
73.	6	—	„кра́сна“	„кра́ски“
73.	8	—	„д'эт'та	„д'эт'та
74.	18	сн.:	д' рабóта̀ш	д' рабóта̀ш
77.	13	св.:	номе́лям	наме́лям
80.	3	—	именно,	, именно,
80.	1	сн.:	вдруубрать	вдруубря[і]ть
86.	5	—	Остальное—,	Остальное—
89.	6	св.:	Глава III-я.	Глава IV-ая.
90.	1	—	іе́зьдим?	іе́зьдим?
90.	3	—	іе́зьдит	іе́зьдит
90.	14	—	хлеіпца	хліепца
90.	16	—	зъвали́м	зъвали́м
91.	14	сн.:	д'апя́ть	д'апя́ть
104.	9	—	царяпоть	царяпать
112.	19	—	изъ общества)—	изъ общества—

		Напечатано:	*Должно быть:*
СТР.	СТРОКА		
113.	13 св.:	4)	5)
115.	12 сн.:	5)	6)
116.	1 св.:	6)	7)
118.	5 —	*и*	и
123	15 —	крупцáткы	крупцáтки
125.	5 —	пу́стишь	пу́стить
132.	12 —	щё-ля	щё-ля
133.	7 сн.:	Быцкójçкая	Быцкójçкая
148.	1 —	въ 3-й части	во 2-й части
150.	9 св :	изъ	изъ—
153.	5 сн.:	про	при
155.	15 —	выѣсто	вмѣсто
161.	4 св.:	Выше мы видѣли, что	По всей вѣроятности,
161	17 —	изъ	(изъ
164.	23 —	выше были	ниже
165.	1 сн.:	разъ).	разъ);
166.	6 св.:	Левокъ	Левонъ
166.	9 сн.:	хóбрика	хáбрика
167.	3 св.:	Кйскантúнъвѣ[a]	Кйскинтúнъвѣ[a]
167.	13 —	на	ка
169.	16 сн.:	Лáфсни—	Лáфсин—
171.	5 —	(см. выше)	(см. ниже)
178.	6 св.:	*уряśна*	*уряска*
190.	3 —	хлi͡ебъ	хлi͡ебъ,
190.	10 —	χοχοτжти	χοχοτати
206.	21 —	можетъ	можемъ
218.	6 сн :	Мейчинъ	Мейчикъ.
222.	7 св.:	Главу III-ю	Главу IV-ю.
225.	17 —	zdrihnou	zdvihnou
233.	6 —	мн. ч.	мн. ч.,

		Напечатано:	*Должно быть:*
СТР.	СТРОКА		
238.	17 —	в	въ
264.	14 —	Саввинной	Саввиной
286.	7 —	Histor a	Historya
287.	13 сн.:	*и.*	*и*
289.	2 св.:	gd_z	gd^z
293.	13 —	совсѣыъ	совсѣмъ
296.	8 сн :	Зораменье	Зараменье
304.	2 —	Лекціи[3].	Лекціи[2].
315.	12 —	пред тавить	представить
330.	9 —	закрытое о[и]	закрытое о[у]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 5.

Введеніе . . . . . 7—30

Часть I. Звуковой составъ народныхъ говоровъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. 31—199.

Гласные звуки . . . . . 31—116.

Глава I. Долгіе гласные. . . . . 31— 36.

Глава II. Дифтонги . . . . . 37— 44.

Глава III. Звукъ *а* и его варьянты . . . 44— 89.

Звукъ *а* подъ ударенiемъ . . . . 45— 50.

Звукъ *а* въ предударномъ слогѣ . 50 – 64.

Звукъ *а* въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ . . . 64— 84.

Звукъ *а* и его варьянты въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія. . 85— 89.

Глава IV. Звуки *е*, *і*, i͡e . . . . . 89— 98.

Глава V. О звукахъ *о*, *у*, *ы* . . . . . 98—111.

Глава VI. Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ . . . . . 111—116.

Согласные звуки . . . . . 117—199.

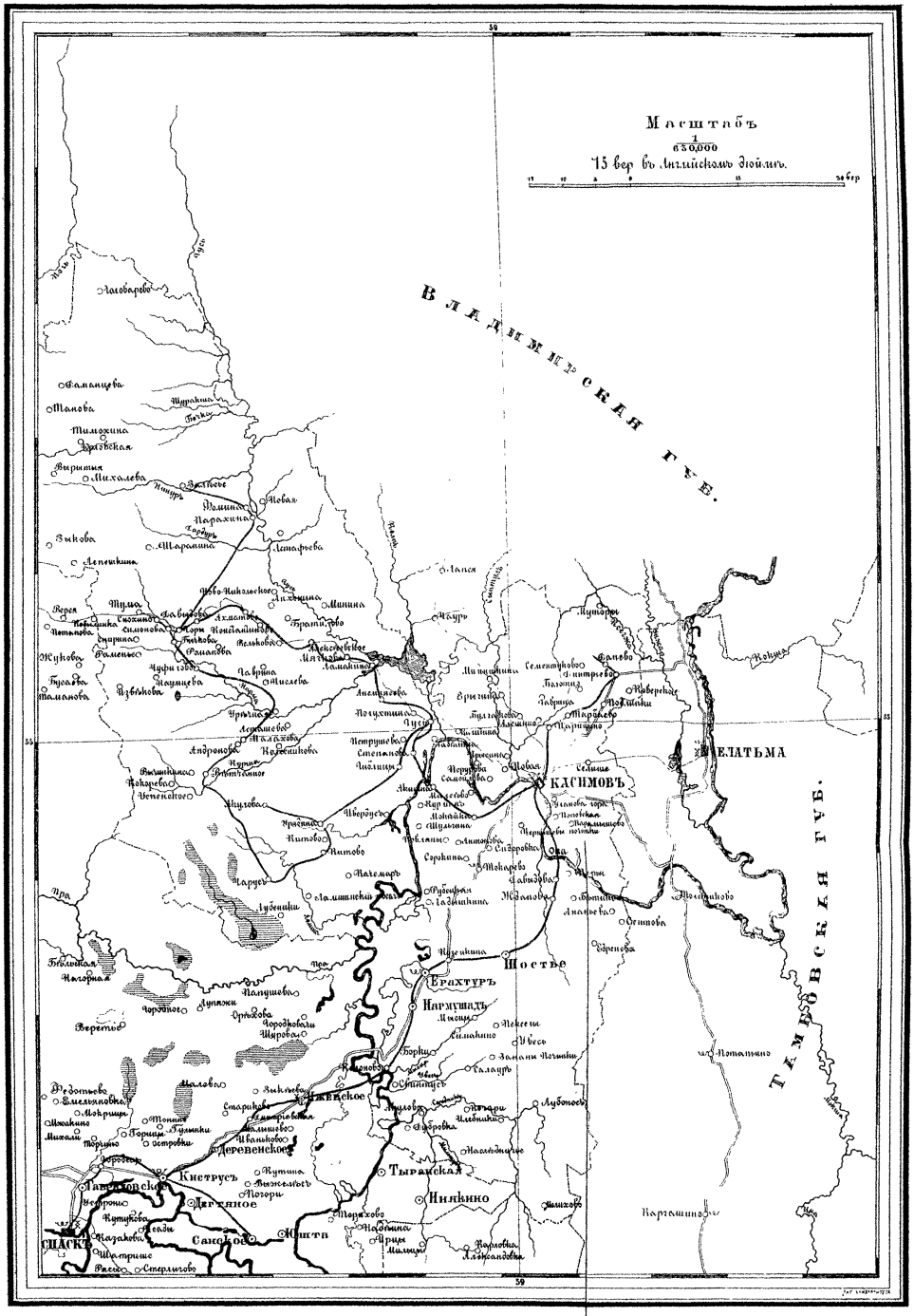
Глава VII. Передне-небные звуки *ч*, *ш*, *щ*, *ж*. Группа *жд*. . . . . 117—138.

Глава VIII. Зубные согласные *д* и *т* . . . 139—146.

Глава IX. Губные звуки . . . . . 146—174.

Стран.

Глава X. Задне-небные звуки . . . . . 175—192.
Глава XI. О звукахъ язычныхъ (плавныхъ) *р* и *л* . . . . . 192—195.
Глава XII. Мелкія явленія въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ . . 195—199.
Часть II. Отношеніе народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи къ другимъ древнимъ и современнымъ русскимъ говорамъ по звукамъ . . . . . 200—325.
Гласные звуки . . . . . 200—261.
Глава I. О долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ. 200—221.
Глава II. О звукѣ *ѣ* . . . . . 221—226.
Глава III. О прочихъ гласныхъ звукахъ . . 226—261.
Согласные звуки . . . . . 261—324.
Глава IV. О звукахъ шипящихъ и свистящихъ . . . . . 261—287.
Глава V. Зубные звуки. . . . . 288—301.
Глава VI Губные звуки. . . . . 302—323.
Глава VII. Задне-небные звуки . . . . . 323—324.
Часть III-ья. Звуки общерусскаго языка и фонетическіе законы, обусловившіе видоизмѣненіе этого языка въ общевеликорусскій и затѣмъ въ отдѣльные его говоры . . . . . 325—330.
Заключеніе . . . . . 327—330.
Приложенія . . . . . 331—374.
Приложеніе 1-ое. Образцы разговоровъ, пѣсенъ и причитаній . . . . . 333—370.
Приложеніе 2-ое. Примѣрный списокъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ . . . . . 371—374.
Замѣченныя опечатки . . . . . 375—377.


Масштабъ
1
630,000
15 вер въ Англійскомъ дюймѣ.
ВЛАДИМІРСКАЯ ГУБ.
ТАМБОВСКАЯ ГУБ.
КАСИМОВЪ
ЕЛАТЬМА
Шестье
Ерахтуръ
Нарцушадъ
Тыранская
Нижкино
Киструсь
Павловское
Санское
Юшта
СПАСКЪ